

ВОСЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И СПЕЦИАЛИСТОВ

в Российском государственном архиве социально-политической истории

4–6 апреля 2018 года

Организаторы конференции

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

При участии

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ГЕРМАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В МОСКВЕ
ЦЕНТРА ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ

Оргкомитет конференции

Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники,
к.и.н. А. К. Сорокин (РГАСПИ) (председатель);
д.и.н., проф. А. Б. Безбородов (РГГУ); к.и.н. А. В. Лукашин (РГАСПИ) (ответственный секретарь);
д.и.н. Ю. А. Петров (ИРИ РАН); д.и.н., проф. Ю. А. Шутов (МГУ им. М. В. Ломоносова);
к.и.н. Д. В. Фомин-Нилов (ГАУГН)

Почетный председатель конференции

академик Российской академии наук

В. С. Мясников

Программный комитет конференции

д.и.н., проф. А. В. Репников (РГАСПИ) (председатель);
д.полит.н., проф. А. А. Шириняц (МГУ им. М. В. Ломоносова);
к.и.н. К. М. Андерсон (МГУ им. М. В. Ломоносова);
к.и.н. Е. М. Мягкова (РГАСПИ); к.и.н. О. А. Шашкова (РГАСПИ)

Информационная поддержка редакций журналов

Редакция журнала «Исторический архив»
Редакция журнала «Российская история»
Электронный научно-образовательный журнал «История»
Социальная сеть «ВКонтакте»
Социальная сеть «Facebook»

Место проведения

г. Москва, улица Большая Дмитровка, 15,
РГАСПИ

ГРАЖДАНСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

ГРАЖДАНСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ

*Сборник
материалов
Восьмой
международной
конференции
молодых ученых
и специалистов*

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

ГРАЖДАНСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

*Сборник материалов
Восьмой международной конференции
молодых ученых и специалистов*

Quis 2018

Организаторы
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

При участии
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ГЕРМАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В МОСКВЕ
ЦЕНТРА ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В МОСКВЕ

Выпуск сборника тезисов
посвящается памяти заместителя директора
Российского государственного архива социально-политической истории
СЕРГЕЯ АНДРЕЕВИЧА КОТОВА,
внесшего неоценимый вклад в организацию
цикла конференций молодых ученых и специалистов «КЛИО»

ГРАЖДАНСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

*Сборник материалов
Восьмой международной конференции
молодых ученых и специалистов*

Оlic 2018

РОССПЭН
Москва
2018

УДК 930
ББК 63
Г75

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда «История Отечества»*

Редакционная коллегия:

*М. Г. Алексашина, Н. М. Волхонская, Е. М. Григорьев,
А. В. Лукашин (отв. секретарь), Н. А. Лысенков,
А. В. Репников, А. К. Сорокин (отв. редактор)*

Г75 **Гражданские конфликты и гражданские войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени** : Сборник материалов Восьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2018» / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 503 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2225-5

В сборник включены тезисы докладов участников Восьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио», которая ежегодно, начиная с 2011 года, проводится в Российском государственном архиве социально-политической истории. Доклады посвящены актуальным историко-архивным проблемам, важным сюжетам археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. В 2018 году центральной темой конференции стал феномен гражданских войн и конфликтов. В год 100-летия начала Гражданской войны в России именно данная проблематика представляется наиболее актуальной, закономерно продолжая тему революций в истории, которая обсуждалась на конференции «Клио» в прошлом году.

В работе конференции приняли участие более 130 молодых ученых из России, Азербайджана, Беларуси, Италии, Казахстана, Кыргызстана, Польши, Узбекистана и Украины.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8243-2225-5

© Российский государственный архив
социально-политической истории, 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

КВАРТАЛЫ ГОРОДА НАХЧЫВАНА В XIX в.

Абдуллаев Арзу
(*Нахчыванский государственный университет,*
Республика Азербайджан)

В 70-х гг. XIX в. Нахчыван был одним из десяти городов со статусом Северного Азербайджана, наряду с Баку, Шамахи, Губа, Ленкорань, Елизаветополь, Шуша, Нуха, Загатал и Ордубад. В течение этого периода был распространен опыт российской городской культуры в Северном Азербайджане. Исследователи пришли к выводу, что планы российских военных инженеров из Баку, Шамахи, Нахчывана, Гянджи и больших городов стали отправной точкой для будущих планов этих городов.

Источники XIX в. дали городу Нахчыван картину соседства и сохранили массу информации о структуре города. Следует отметить, что подавляющее большинство исследователей Нахчывана XIX в., ссылаясь на данные В. Григорьева, отметили, что в городе было всего четыре квартала. Один из исследователей С. Будагова обратила внимание на изменения в окрестностях города Нахчывана. Учитывая актуальность вопроса, важно прояснить структуру и распределение города Нахчыван за отчетный период на основе архивных материалов, источников и этнографических материалов.

Из архивных документов видно, что в начале XIX в. в Нахчыване было 13 кварталов. В первые дни русской оккупации И. Шопен упомянул Сарбанлы, кварталы Орудж, Старой крепости, Хошулу, Чапархана, Зийилархы, Биличи, Шахаб, Гала и Тазакенд.

В. Григорьев называет имена кварталов Алихан, Шахаб, Сарванлар и Курдов в «Статистическом описании Нахчыванской губернии». За отчетный период в этих четырех кварталах насчитывалось 700 домов, из которых 260 резидентов были налогоплательщиками. Если мы возьмем эту информацию у Григорьева и учтем, что по крайней мере 5 человек находятся в одной семье в соответствии с условиями того времени, то мы можем сказать, что по крайней мере 3500 жителей жили в этих четырех кварталах. По меньшей мере 1300 из этих жителей были налогоплательщиками.

Кочусту – в конце XVIII в. был одним из главных кварталов города Нахчыван на правом берегу Нахчыванчай. Возможно, ранее этот район был независимым поселением, которое не принадлежало главной части города Нахчыван, а затем стало одним из районов Нахчывана из-за роста города. Потому что археологи оценили это место как резиденцию XI–XVIII вв. в результате их первоначальной разведки. Кроме того, следует

отметить, что в городе Нахчыван был район под названием Гочалти. Некоторые авторы писали, что название района связано с погребением статуи овна с IX в. на площади. По нашему мнению, формирование названия окрестности не связано с именем барана. Есть две идеи об объяснении моего топонима. Один из них состоит в том, что этот район связан с именем Каджолар или Качлилер, из рода Кангарлинцев. Квартал Пиркамьш, или Пирхамуш, один из кварталов города. Этот район можно считать одним из старейших кварталов города. Название района было связано с религиозными убеждениями, и в этом районе была расположена мечеть Пирхамуш, или мечеть Пиркамьш.

Таким образом, проанализировав историко-географическое положение города Нахчыван XIX в., мы пришли к выводу, что Нахчыван сохранил типичную средневековую структуру города, которая сочетает в себе четыре основные черты, характерные для средневековых городов Востока. В этом смысле четырьмя основными характеристиками города Нахчывана XIX в. были:

– Город, по сути, использовался в качестве рынка в определенные дни недели. Кварталы были центрами, где одновременно осуществлялось более одного события в средневековых восточных городах. Здесь реализованы большинство управленческих, экономических, социальных и культурных функций города. Центральная площадь города Нахчыван была окружена множеством комплексов, характерных для средневековых городов. Еще одна особенность города Нахчывана, характерная для средневековых городов, заключалась в том, что была центральная мечеть под названием Мечеть Джаме. В 1920-х гг. российский империализм пытался минимизировать влияние мечетей на население, но не добился его полностью.

Одним из важнейших элементов средневековых городов был рынок или рыночная площадь около городской площади. Рынок в Нахчыване также находился недалеко от Базарчай около городской площади.

Наконец, различие городских и уличных систем города было отражено в образе города Нахчыван. На этом этапе важно упомянуть один из самых важных вопросов, связанных с окрестностями города. Одним из интересных элементов, которые мы обнаружили при анализе планов города на различные периоды, является то, что в Нахчыванско-мусульманско-тюркском городе, даже после оккупации, понятие «окрестности» получило особый смысл. Суть концепции соседства заключалась в том, что окрестности в том же районе отвечали за судьбу друг друга, и считалось важным, чтобы «чужие» не смогли проникнуть в этот район. Интересный метод ограничения передвижения чужого по соседству был непосредственно отражен в строительстве города Нахчыван. Так как некоторые и замкнутые окрестности и улицы имели отдельные ворота и заканчивались тупиком – отдельным домом. Таким образом, окрестность превратилась в замкнутую область, и она облегчила идентификацию «чужого элемента» по соседству.

ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Авакян Дарья Айрапетовна, к.полит.н.
(Российский центр обучения избирательным технологиям
при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации)*

Промышленная революция в Великобритании значительно отличалась по темпам развития от аналогичного процесса во Франции. Сравнительный анализ социально-политических последствий промышленной революции заслуживает особого внимания в силу того, что эти страны представляли собой разные модели государственного устройства. В английской политической истории на протяжении длительного периода не происходило серьезных потрясений, т.к. традиционные установки либерализма о правах и свободах сочетались с консервативной идеологией опоры на имеющийся опыт, стабильность и преемственность в развитии политических институтов. Во Франции, напротив, словно-монархические традиции и напряженность между различными социальными группами были более сильными. Поэтому полярность между либеральными и консервативными принципами во французском обществе выражалась в наиболее радикальных формах, что приводило к серьезным политическим конфликтам и революционным событиям на протяжении всего XIX в.

Тем не менее общей особенностью развития английских и французских индустриальных городов стал разрыв ранее существующих социально-экономических, культурных связей, потеря ценностных ориентиров. Это представляло собой серьезные психологические проблемы для жителей крупных промышленных центров. В работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» Бродель отмечает, что «новое разделение труда, урбанизовавшее рабочее общество, раздирало общество бедняков... Жить в городе, лишиться традиционной поддержки от огородов... работать в огромных помещениях, терпеть малоприятный надзор мастеров, повиноваться, не быть более свободным в своих передвижениях, принять твердо установленные часы работы, – все это в ближайшем будущем станет тяжким испытанием. Это означало изме-

нить жизнь и кругозор настолько, чтобы сделаться чуждым собственному существованию»¹.

В городских сообществах развивался социальный пессимизм, горожане рассматривали прогресс как большую трагедию и сожалели о безвозвратно потерянном времени, идеализируя прошлое. Строительство фабрик, железных дорог воспринималось как опасность. Экономические перспективы не были очевидны для большинства горожан. Напротив, дым, высокий уровень шума, изменение городского ландшафта, высокий уровень загрязненности создавали неудобства, в том числе и психологические проблемы, связанные с адаптацией к новым бытовым, социально-экономическим условиям, которые усиливали психологическое напряжение.

В условиях негативного восприятия тенденций развития промышленной урбанизации, до появления практических механизмов государственного городского регулирования, они конструировались в двух направлениях. Во-первых, на теоретическом уровне, в идеях, преимущественно утопических, представлявших собой прототипы управленческих решений, выработанных в середине XIX в. Во-вторых, благодаря деятельности филантропических организаций. В частности, с 1830-х гг. ряд благотворительных и коммерческих организаций начали проводить кампании, целью которых было улучшение жилищных условий рабочих².

Активность общественных организаций, строительных компаний обратила на себя внимание правительства и постепенно привела к формированию государственной политики в области градостроительства. С середины 1830-х гг. определились основные направления государственных статистических исследований: политических, экономических, финансовых, социальных и т.д. В частности, в 1837 г. вступил в действие «Акт о точной регистрации смертных случаев с указанием их причин». Сведения, полученные в ходе изучения демографической ситуации в стране, стали главным основанием для определения состояния санитарных условий в городах. Полученная информация позволяла проанализировать, в каких регионах уровень смертности был наиболее высоким, какие заболевания являлись наиболее распространенными. В частности, эти показатели выявили зависимость между уровнем смертности и заболеваемости и условиями жизни, где важную роль имело качество жилья, и стали основанием для более глубокого изучения санитарной обстановки в будущем.

Во второй половине XIX в. как в Англии, так и во Франции был принят ряд законодательных актов, регламентирующих различные сферы городского хозяйства. В работе «Жилищная проблема в Англии. Ее ста-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 2007. С. 652.

² *Dewsnup E.R.* The Housing Problem in England. Its Statistics, Legislation and Police. Manchester: The University Press, 1907.

тистика, законодательство и политика»¹ профессора чикагского университета Э.Р. Дьюснапа представлен глубокий анализ развития жилищной политики в Англии с 1851 г. до 1903 г. Исследователь систематизировал основные этапы развития английского законодательства в данной области. В частности, Дьюснап выделил наиболее важные политические решения, направленные на улучшение жилищных условий для рабочих, на установление санитарно-гигиенических норм при строительстве жилья, обязывающие строителей обустраивать инфраструктуру. Благодаря комплексу мер, каждая из которых учитывала недостатки предыдущего опыта политического управления, к концу XIX в. внешний вид промышленных городов существенно изменился.

¹ Ibid.

НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ НА ФЕРГАНСКОМ ФРОНТЕ В 1919 г.

Азимов Адхам

*(Кокандский Государственный Педагогический Институт,
Республика Узбекистан)*

В этот период в Фергане советских войск было недостаточно для ведения широких наступательных операций против басмачей¹. Части были разбросаны по мелким гарнизонам, применяли главным образом оборонительную тактику, позволяющую басмаческим бандам уходить от окончательного разгрома. Отрицательно сказывалась засоренность отдельных партийных и советских организаций области враждебными элементами, поддерживающими отстоянную связь с бандитами, вплоть до выдачи им сведений о планах военных действий.

Весьма значительным еще было реакционное влияние мусульманского духовенства и байства, особенно среди малосознательного сельского населения. С другой стороны, в результате действий шовинистических элементов, местное трудящееся население недостаточно широко привлекалось к государственному управлению и в ряды Красной Армии. Положение в Фергане и в других областях Туркестана обсуждалось на II краевой конференции мусульманских организаций РКП(б), состоявшейся в сентябре 1919 г. В конференции участвовали 74 делегата.

Между тем к осени 1919 г. значительно оживилась империалистическая агентура, пытавшаяся сколотить новую коалицию басмаческих главарей. Учитывая, что борьба за верховную власть между Мадаминбеком и белогвардейским подполковником Монстровым ослабляет позиции контрреволюции, английская агентура 22 октября 1919 г. организовала их встречу на советско-китайской границе (Иркештам). Сюда же приехал бывший царский консул в кашкаре Успенский и английский агент Эссертон. В совещании приняли участие крупные курбаши, главы кулацкой «крестьянской армии», представители духовенства, байства и национальной буржуазии. Для достижения единства действий с целью быстрее свержения советской власти было решено организовать «Временное автономное правительство Ферганы» в составе Мадаминбека (глава правительства), главнокомандующего подполковника Монстрова, генерала Муханова и др. Создание этого «правительства» в известной мере способствовало временному объединению контрреволюционных сил.

¹ Басмачи – национальные освободительные движение.

Успенский и Эссертон от имени английского правительства обещали оказывать главарям бандитов всемерную поддержку. В подтверждение сказанного басмачам было передано 18 ящиков боеприпасов и оружия. После совещания к Мадаминбеку специально прибыл англичанин-инструктор с целью организации новых отрядов бандитов.

Спеша продемонстрировать свою готовность оказать помощь басмачам и тем самым оживить их действия, подтянули свои войска в Кульджу. Английские империалистические круги использовали для оказания помощи басмачам афганские реакционные элементы. Прибывшая к Мадаминбеку так называемая «афганская делегация», которая, в сущности, представляла интересы английского правительства, сообщила, что афганские войска (10–15 тыс.) уже выступили из Кабула и находятся у бухарской границы, где ведутся переговоры с бухарским эмиром о совместном наступлении на Фергану. Кроме того, на одном из совещаний басмаческих главарей, организованном самим Мадаминбеком, он огласил письмо из Кабула с предложением всем курбашам присоединиться к афганским войскам для совместной борьбы с советской властью.

Собравшиеся разработали план действий против советской власти на территории Ферганы. Основные силы басмачества были сосредоточены в руках четырех курбашей – Мадаминбека, Курширмата, Иргаша и Халходжи. К осени 1919 г. шайка Мадаминбека, включавшая отряды курбашей Махкамходжи, Аман-Палвана, Мулла-Карима, Парпи-бая, располагалась в районах к западу от Джалал-Абада. Банда Иргаша, объединявшая также несколько отрядов, возглавляемых Абдусаттаром, Джураб-Палваном, Мулла-Дехканабаем и др., занимала район к северо-востоку от Коканда. Банда Халходжи захватила район западнее Оша, а Курширмата – к югу от Скобелева. Общая численность басмаческих отрядов достигла семи тысяч человек¹.

Вновь организуемые отряды басмачей обучали военному делу русские белогвардейцы. В то же время остатки бывшей «крестьянской армии» были организованы в отряды, основная часть которых первоначально в числе до 200 человек во главе с Мухановым находилась в Кульдже, а потом перешла границу, намереваясь действовать совместно с басмачами.

Участились налеты на кишлаки, аулы, села и рабочие поселки. Зачастую басмачи получали решительный отпор. Так, 25 октября 1919 г. объединенные силы 1-го Ферганского кавалерийского полка и отряды кизилкийцев в районе кишлака Аул отразили все атаки бандитов. В перестрелке было убито 15 басмачей и ранено столько же, взята часть оружия. Остатки банды поспешили скрыться. В ночь на 8 ноября 1919 г. шайка Курширмата атаковала нефтепромысел Чимион юго-западнее Скобелева.

¹ Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Уз). Ф. 149. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

Несмотря на численное превосходство басмачей красноармейцы вынудили их отступить. В районе кишлака Аим, в 30 верстах восточнее Андижана, красноармейские части после трехдневного упорного боя с отрядами басмачей, руководимыми Мадаминбеком, отбросили их и нанесли значительный урон¹.

Действия басмачей отличались необычайной жестокостью – они бесчинствовали в захваченных районах, пытали и убивали мирное население, грабили и сжигали имущество. Особенно зверски расправлялись они с пленными красноармейцами, партийными и советскими работниками. Так, в конце ноября банды Мадаминбека, Халходжи и Аман-Палвана, насчитывавшие до 5 тыс. человек, неожиданно напали на отряд Казанского полка, состоявший всего из 122 бойцов, и, окружив его, с изуверской жестокостью перерезали всех бойцов: трупы их бросили в реку Кара-Дарья. Точно так же орудовала и банда Халходжи в Коканд-кишлаке, где, неожиданно окружив подразделение Кокандского полка, замучила насмерть всех красноармейцев.

С ожесточением и яростью расправлялись басмачи с коммунистами и населением, поддерживавшим советскую власть. В ноябре 1919 г., узнав от местного муллы о том, что в кишлаке Чирик-джиде партийная дружина Коканда, состоявшая из 75 человек, руководимых коммунистами Н. Касымовым и Н. Махмудовым, собирается проводить выборы в Совет, 500 басмачей из банды Исламкула окружили кишлак и после однодневного боя захватили его. Все члены партийной дружины были перебиты, а их страшно изуродованные трупы были брошены в яму.

В захваченных районах басмачи накладывали непомерную контрибуцию на местных жителей. Например, в январе 1920 г. шайки басмачей, действовавшие вблизи селений Узген и Кары-Дыкане, потребовали у населения уплаты большой суммы, а затем разрушили поселок Кары-Дыкане, разграбили все имущество.

О чрезвычайно сложной обстановке, сложившейся к тому времени в Фергане, и о своих предложениях Реввоенсовет Ферганской области сообщил Реввоенсовету Туркеспублики. В донесении указывалось, что «разбойничьи отряды расположены во всех крупных кишлаках, главным образом в северо-западной части Андижанского уезда и северо-восточной части Маргиланского уезда. Большие банды занимают северо-западную часть Ошского уезда».

Первоочередной задачей РВС области считала создание широкого фронта наступления против разбойничьих шаек, «очищая всю область, оставляя гарнизоны в крупных пунктах уездов». РВС Ферганской области предлагал создать специальные кавалерийские части, разоружить все отряды сдавшихся басмачей и отправить их на другие фронты, а их вооружение и лошадей передать кавалерийским частям.

¹ ЦГА Уз. Ф. 149. Оп. 1. Д. 1192. Л. 38.

В политической РВС области Ферганы предлагал укрепить Ревкомы на местах новыми работниками, которые должны быть подчинены военным властям и работать в контакте с ними.

Коммунистическая партия и правительство Туркестана приняли необходимые меры для борьбы с басмачами в Фергане. Особенно большой размах деятельность местных партийных и советских организаций в этом направлении приобрела после приезда Турккомиссии. Окончательное соединение освободившегося от вражеской блокады Туркестана с центральными областями России явилось переломным моментом и в борьбе с басмачеством в Ферганской долине.

В ноябре 1919 г. Турккомиссия и штаб Туркфронта поручили особой комиссии в составе члена Турккомиссии Ф.И. Голощекина, главкома войск Ферганского фронта И.Г. Брегадзе и других изучить обстановку в области.

28 ноября 1919 г. на объединенном заседании Турккомиссии и Краевого комитета КПТ под председательством В.В. Куйбышева обсуждался доклад Ф.И. Голощекина о состоянии и деятельности партийной организации Ферганской области¹. Докладчик вскрыл недочеты в партийной работе, указал на засоренность партийных и советских органов Ферганы чуждыми элементами. На заседании было решено распустить все партийные и советских организации Ферганской области, создать Временный областной комитет, произвести перерегистрацию всех членов партии, улучшить качественный состав партийной организации, чтобы сделать ее по-настоящему боеспособной, подготовленной к борьбе против врагов советской власти.

¹ Там же. Д. 116. Л. 112.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ В.П. БАБЕНЧИКОВА

Акимченков Виктор Владимирович
(Московский педагогический государственный университет)

Период революционных потрясений 1917 г. и гражданской войны в России остается одним из наиболее противоречивых сюжетов в современных исторических исследованиях. Зачастую историки пытаются занять позицию одной из противоборствующих сторон, вооружившись их аргументацией, показав правоту своего героя. В еще большем затруднении оказываются исследователи, когда дело касается истории повседневности, особенностей массового общественного сознания в экстремальных условиях социально-политических потрясений. В данном случае важно понять не только аргументацию, но и реальные исторические условия, о которых историк собирается вести речь.

Система образования Крыма и Севастополя в период с 1918 по 1920 г. является весьма интересной и перспективной темой дальнейших исследований. Важным источником в ее осмыслении, наряду с архивными материалами, служат периодические издания Крыма и Севастополя. Изучение статей, как начинающих, так и авторитетных крымоведов, отдельных заметок по теме исследования, позволяют провести серьезную аналитическую работу для более глубокого понимания проблемы¹.

На сегодняшний день данной проблеме посвящен ряд публикаций, среди которых особого внимания заслуживает работа доктора исторических наук, заместителя главного редактора Издательства «Дрофа» Руслана Григорьевича Гагкуева и доктора исторических наук, профессора Московского педагогического государственного университета Василия Жановича Цветкова «Реформы образования в “белом Крыму” (Реформаторская деятельность Отдела народного просвещения весной–осенью 1920 г.)». Статья дает исчерпывающую характеристику состоянию систе-

¹ Андриевский-Авджикойский Ф.[Н.] К братьям – народным учителям и учительницам // Крестьянский путь. 1920. 5 (18) сент.; Гальцов П.[С.] Нулевая школа // Юг. 1919. 17 авг.; Маркевич А.[И.] Из прошлого Симферополя: к 25-летию городских школ в Симферополе // Таврический голос. 1920. 20 окт.; Маркевич А.[И.] Насущные задачи нашей школы // Таврический голос. 1919. 29 авг.; Фирдевс [И.К.] Советская власть и народное просвещение в Крыму // Красный Крым. 1920. 14 дек.

мы образования в Крыму в 1920 г. во время пребывания там Русской армии генерала П.Н. Врангеля и попытках проведения на полуострове образовательных реформ. Также здесь рассмотрены многочисленные проекты преобразований в системе образования, подготовленные Отделом народного просвещения, дается оценка деятельности отдела в целом¹.

Интересным источником при изучении данной темы служат воспоминания Владимира Петровича Бабенчикова, опубликованные на страницах севастопольской газеты «Маяк Коммуны», издаваемой с 19 декабря 1917 г. под названием «Известия Севастопольского ревкома».

Родился В.П. Бабенчиков 15 (27) июля 1885 г. в Петербурге. В 1913 г. окончил Московский университет. После получения высшего образования являлся преподавателем теории словесности и истории литературы Варшавского кадетского корпуса². Революционные события 1917 г. и гражданская война застали Владимира Петровича в Севастополе.

К весне 1920 г. Правительство Юга России разработало реформу образования в Крыму, которая предусматривала ряд важнейших шагов для реформирования среднего образования. В это время вопросы в сфере образования находились в компетенции Отдела народного просвещения Гражданского управления Правительства Юга России во главе с Федором Петровичем Агапьевым. Помимо этого, в Севастополе действовал Союз учителей, игравший, после революционных событий 1917 г., важную роль в образовательной жизни города. В.П. Бабенчиков так вспоминает этот период: «Белогвардейщина застала Союз в момент борения, в момент внутренних раздоров и тщетных попыток прогрессивной группы педагогов объединить товарищей, говоривших на разных языках. Союз распался...

Началась вакханалия офицерщины. Школы затянуты под постой солдат. Парты, кафедры, классные доски и др. школьная мебель пошла на топливо, книги из библиотек – на растопку и другие цели.

Не спаянное в Союз учительство пробовало робко протестовать, но отдельные голоса были “гласом вопиющего в пустыне”.

Школьными делами в Севастополе ведал бездарный чиновник [Ф.П.] Агапьев. И пробовал играть в демократию – устроил “Совещание” при своей особе из наиболее авторитетных педагогов (на Артиллерийской, 2). “Совещание”, конечно, потребовало освободить школьные помещения от постоя. Но мудрое правительство решило вопрос, как и Соломону библейскому во сне не снилось: предложено было начать занятия “на открытом воздухе, под навесами”, причем рекомендовалось для таких

¹ Гагкуев Р.Г., Цветков В.Ж. Реформы образования в «белом Крыму»: Реформаторская деятельность Отдела народного просвещения весной–осенью 1920 г. // Высшее образование в России. М., 2012. № 1. С. 137–143.

² См.: Суворовцы / Издание Объединения бывших кадет Суворовского кадетского корпуса. [Париж], [1949–1974]. Вып. 1–24.

занятий даже такое место, как сквер у Института физ[ических] мет[одов] леч[ения], на Нахимовском проспекте. Этот мудрый проект оттолкнул даже самых консервативных людей от узурпаторов.

Решено было восстановить Союз и действовать снизу. Прогрессивная группа учительства взялась за работу. Объявили собрание. Но... пришло всего 30 человек. Не пали духом: выбрали правление. Начали работу по освобождению школьных зданий. Часть освободили, и занятия начались по сменам.

А Агапьев работы подавал: задумал устроить директорами своих приятелей, выписанных из Кавказа. Для этого надо было директоров лучших школ разогнать. “Чиновник” стал действовать излюбленным приемом: Федоровский, директор мужской гимназии, был обвинен в глухоте; Ю.[П.] Твердохлебов в причастности к анархизму (в качестве обвинительного документа фигурировала записочка Ю.Т., в которой он пишет, что воздерживается от какого-то голосования, т.к. разделяет взгляды анархистов – как эта брошенная на пол записка попала в руки чиновника – загадка для тех, кто ее не разгадал по сию пору).

Правлению пришлось выручать, прежде всего, своего председателя из лап контрразведки.

Удалось. Удалось отстоять и старика Федоровского и других.

Тяжело было работать, т.к. за спиной не чувствовали поддержки – вербовка в члены шла туго, и в Союзе было ничтожное меньшинство. Слышались даже голоса: “А что мне даст ваш Союз”?

Но духом не падали. Пропаганда шла рядом с работой.

Попробовали установить связь с другими крымскими городами, однако дело подымалось туго.

Все же духом не пали. Пошли к премьеру [А.В.] Кривошеину и стали требовать реформы школ на основе демократизации с профессионализацией в старших классах. Кривошеин поручил правлению разработать проект и выработать текст декларации.

Разработали и выработали.

Принесли, но застали суету: правительство укладывает чемоданы.

Скатертью дорога.

Пришли красные, и правление подало в отставку, т.к. при красных работать было уже спокойно, и было нравственное право на отдых»¹.

После установления в Крыму советской власти система образования была кардинальным образом реформирована. 30 ноября 1920 г. издан приказ Крымревкома «О перестройке работы учебных заведений», в соответствии с которым все учебные заведения Крыма переходили в ведение государства. В прежнем виде крымские высшие учебные заведения перестали существовать. Оставались функционировать только средние учебные заведения, получившие новое название – советская средняя школа с соответствующим порядковым номером. При этом многие учебные заве-

¹ *Бабенчиков В.[П.] В эпоху белогвардейщины // Маяк Коммуны. 1924. 29 июля. С. 3.*

дения полуострова длительное время не могли приступить к нормальной работе: собственными помещениями школы в 1920–1921 гг. были обеспечены всего на 35%, часть из них использовалась для размещения красноармейцев и новых советских учреждений. К осени 1920 г. все лучшие здания Севастополя, принадлежащие органам народного просвещения, были заняты различными военными и гражданскими учреждениями¹.

Таким образом, система образования Севастополя в условиях революционных событий 1917 г. и гражданской войны претерпела значительные трансформации. Заметный вклад в ее сохранение и развитие внесли представители местной интеллигенции, к числу которой можно отнести и В.П. Бабенчикова, продолжившего активную просветительскую и педагогическую деятельность в советском Крыму.

¹ Архив города Севастополя. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 54. Л. 10.

АГРАРНЫЕ ПРОГРАММЫ СПЕНСИАНЦЕВ И ЧАРТИСТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

*Алексашина Мария Геннадьевна
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

Политические идеи английского радикала Томаса Спенса (1750–1814) выражали требования крестьянства и рабочих второй половины XVIII в. В период перехода от мануфактуры к капиталистической фабрике именно эти слои населения оказались за гранью прожиточного минимума и нуждались в социальной поддержке.

В своих произведениях Спенс предлагал уничтожить как сословие лендлордов и аристократию, конфисковать их землю и передать ее во владение приходам. При этом земля сдается в аренду, а рента, после погашения государственных и общественных расходов, делится поровну между жителями прихода.

Аграрный проект Томаса Спенса стал одним из источников формирования чартистских аграрных программ. Чартисты весьма детально были знакомы с учением Спенса, соответственно, хорошо осведомлены о его социальных идеях.

Можно назвать несколько каналов, благодаря которым чартисты познакомились с его взглядами. Во-первых, это первые биографии Томаса Спенса, написанные незадолго до начала чартистского движения¹. Во-вторых, многие спенсианцы, к примеру А. Давенпорт, приняли активное участие в рабочем движении, поэтому они могли привнести идеи Спенса в идеологию чартистов. В-третьих, сами участники рабочего движения могли непосредственно познакомиться с произведениями Спенса, весьма широко распространявшимися последними спенсианцами в 30-х гг. XIX в.

«Северная звезда», центральный орган печати чартистов, в 1846 и 1849 гг. перепечатала «Праздничный гимн», «Новую песню» Спенса, а также материалы судебного процесса над ним в 1801 г., назвав его при этом «типичным представителем рабочего класса»². Кроме того, газета посвятила специальную статью, в которой излагался аграрный план Спенса.

Стоит заметить, что у чартистов не было единой аграрной программы. О'Коннор выступал за парцелляцию земельных участков и защищал идею

¹ *Evans T. Life of Mr. Thomas Spence. London, 1821.*

² *The Northern Star. 17.01.1846., № 427, 27.06.1849, № 588.*

мелкого частного землевладения. Он надеялся, что каждый рабочий будет иметь «свой участок земли, свою кладовую, свой овин и свою хижину»¹. В 1848 г. он предпринял попытку навязать свою аграрную программу чартистскому конвенту. В это же время он создал «Земельную лигу», целью которой стало приобретение земель и распределение их между членами Лиги в виде маленьких ферм. Возвращением части рабочих на землю в качестве мелких землевладельцев О'Коннор хотел уменьшить конкуренцию между промышленными рабочими в городах и устранить безработицу. Цель, поставленная О'Коннором, весьма близка той задаче, которую пытался разрешить Спенс, хотя их аграрные программы имеют мало общего. Спенс был против идеи мелкого частного землевладения, которая была, безусловно, прогрессивна в период борьбы с феодализмом, но реакционная в условиях капиталистического производства. Поэтому Спенс выступал за обобществление земли.

У чартистов имелась и другая аграрная программа, которая получила заметный перевес над проектом О'Коннора в последний период движения. Это была программа национализации земли, принятая чартистским конвентом 31 марта 1851 г. То, что вопрос о земле стоял первым в чартистской программе 1851 г., доказывает тот факт, что чартисты придавали земельному вопросу первостепенное значение. Рассмотрим основные черты этой программы. По мнению Конвента, земля является неотчуждаемой собственностью всего человеческого рода, существующая монополия на нее противоречит законам бога и природы. Национализация земли есть единственная прочная основа национального благосостояния. Для достижения этой цели обществу предлагаются следующие мероприятия:

1. Учреждение министерства земледелия.
2. Возвращение народу всех земель – общинных, церковных и коренных. Эти земли должны быть разделены на участки и сданы арендаторам, которые будут платить ренту государству.
3. Замена всех налогов земельной рентой.
4. Государство скупает земли для их последующей сдачи в аренду отдельным индивидам или их объединениям, которые платят государству арендную плату. За счет поступающей арендной платы создается фонд на покупку земель, находящихся в частном владении.
5. Земля, купленная государством, не может быть продана, она навсегда становится общественным достоянием.
6. Государству предоставляется приоритет в приобретении земли, продающейся на рынке по справедливым рыночным ценам.
7. В целях полной национализации всей земли государство вступит в свои права на нее тотчас же, как станут недействительными права на нее в силу закона, вследствие смерти, в результате акта добровольной пере-

¹ *O'Connor F.A. Practical Work on the Management of Small Farms. London, 1843. P. 12.*

дачи или при помощи иных средств, совместимых со справедливостью в отношении классов¹.

Основные черты этой аграрной программы – передача земли государству, сдача ее в аренду небольшими участками, замена всех видов налогов земельной рентой – в основном повторяют проект аграрных преобразований Томаса Спенса. Но есть и существенное отличие. Если Спенс хотел произвести национализацию земли путем отбора ее у лендлордов, то в основе аграрной программы чартистов лежит выкуп земли у землевладельцев по справедливой цене.

Более непосредственным стало влияние идей Спенса на «школьного учителя» чартистов О'Брайена. Хотя сам О'Брайен нигде не упоминает имени Спенса, но многие страницы его книги «Начало. Развитие и стадии человеческого рабства» почти дословно повторяют учение Томаса Спенса в критике лендлордизма и в проекте общественных преобразований.

Как и Спенс, О'Брайен мечтал о восстановлении перевеса земледелия над фабрикой. «Система, против которой я борюсь, это система, с помощью которой ваши угнетатели превратили вас из землевладельцев в фабричных рабочих. Выскочки из земельной аристократии согнали вас с земли и превратили в рабов своей жадности, подобно тому, как это сделали средневековые бароны с вашими отцами. Поэтому я враг системы, создавшей перевес фабрики над сельским хозяйством»². В этом высказывании О'Брайена заложены социальные настроения тех прослоек рабочего класса, которые еще совсем недавно были оторваны от земли, в результате огораживания общинных полей.

Когда О'Брайен заявляет, что «все рабство наших городов, равно как и рабство на наших фермах, есть продукт земельной монополии», то здесь присутствует явный отголосок тех обвинений, которые предъявлял лендлордам Спенс³. Причину всех бедствий он видит в двух классах – лендлордах и банкирах. Эти классы, по его мнению, существуют, «казалось бы, только для того, чтобы держать человечество в вечных оковах и страданиях»⁴. Всю силу своего гнева он обрушивает на собственников земли и денег. «Нет такого члена в обеих палатах парламента, который не знал бы, что все рабство в мире было принесено собственниками земли и денег; и что, следовательно, единственный истинный путь положить конец рабству в том, чтобы отнять у собственников земли и денег власть порабощать и грабить своих соотечественников»⁵. Лендлордов он называет не иначе как убийцами и клятвопреступниками.

В то же время О'Брайен говорил, что он выступает против грабежа, а не против частной собственности, что предлагаемые им законы прило-

¹ The Friend of the People. 12.04.1851. № 10. P. 3.

² O'Brien J.B. The Rise, Progress and Phases of Human Slavery; How it came into world, and How it shall be made to go out. London, 1885. P. 76.

³ Ibid. P. 98.

⁴ O'Brien J.B. The Rise, Progress and Phases of Human Slavery; How it came into world, and How it shall be made to go out. P. 145.

⁵ Ibid. P. 99.

жимы только к земле, кредиту и денежному обращению, и, будучи введены парламентом, не нарушат права частной собственности и не приведут к конфискации чьего-либо имущества, хотя бы на шиллинг¹. В этом смысле идеалом социального реформатора для него был Робеспьер. «Робеспьер – единственный законодатель и государственный деятель, который стремился к коренному преобразованию общества в интересах миллионов, и в то же время хотел иметь на своей стороне всю вооруженную силу общества для того, чтобы обеспечить ему неприкосновенное право собственности...»²

Проект социальных преобразований О'Брайена посвящен более широкой области социальных отношений, нежели программа у Томаса Спенса. Она включает также реформу денежного обращения и кредита. Хотя стоит заметить, что его аграрная программа, как и аграрная программа чартистского конвента 1851 г., в основных чертах копирует проект Спенса.

О'Брайен предполагал постепенное возвращение государством со справедливой компенсацией настоящим владельцам или их наследникам своих древних неоспоримых и неотчуждаемых прав собственности на все земли, шахты, торфяные болота всего объединенного королевства. Земли станут собственностью государства, которое будет выступать доверенным всего народа. Земли следует сдавать в аренду в таких количествах и на такой срок, как определит закон и местные условия. Земля расценивается как подарок Создателя всему народу. Она не может быть исключительной собственностью отдельных людей. Такая монополия на землю не более справедлива, чем монополия на воздух, свет, огонь и воду. Из земельной ренты, по праву принадлежащей всему народу, должен быть образован национальный фонд, из которого будут погашаться расходы на общественные нужды, на все необходимые общественные работы и образование населения без взимания других налогов³.

В проекте О'Брайена национализация земли совмещалась с тенденцией к уравнительному переделу земли, что также сближает ее с идеями Спенса. Он считал, что «ни один человек не должен арендовать более одной фермы или же больше, чем он сам может обработать в то время, как у других нет даже маленькой фермы»⁴.

Таким образом, влияние идей Спенса на формирование аграрных программ было объективно обусловлено самой природой промышленных рабочих в годы чартизма. Фабрика черпала основной контингент рабочих из недавно обезземеленных землевладельцев, пролетариату в Англии еще долго были присущи эгалитаристские настроения. Это открывало путь непосредственного воздействия на него аграрных проектов, возникших в начале промышленной революции.

¹ Ibid. P. 100.

² Ibid. P. 145.

³ Ibid. P. 101.

⁴ Ibid. P. 130.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР Ф.В. ДУБАСОВ И НАСЕЛЕНИЕ МОСКВЫ В ПЕРИОД ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ: ПОПЫТКИ ДИАЛОГА

*Алмазов Михаил Григорьевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Настоящий доклад посвящен взаимодействию генерал-губернатора Ф.В. Дубасова с представителями московского населения во время Декабрьского восстания вне общественных институтов – городской Думы, учрежденного вице-адмиралом совещательного Совета и сословных органов. Подобная тема в историографии в полном объеме до сих пор не ставилась¹. Основным источником для ее изучения послужили письма москвичей генерал-губернатору. Глава Первопрестольной или управляющий его канцелярией А.А. Воронин накладывали на них резолюции о дальнейшей судьбе документов и изложенных в них планов или просьб. В большинстве своем эти записки были анонимными². Значительная часть этих источников отложилась в фонде московского генерал-губернатора в ЦГА Москвы и в личном фонде Дубасова в РГА ВМФ. На основании анализа содержания этих посланий и резолюций власти мы пришли к следующим выводам.

Исходя из текстов писем и подписей под ними, можно заключить, что большинство из них принадлежит перу представителей московской элиты – домовладельцев и предпринимателей³.

Подобные обращения к генерал-губернатору можно условно разбить на четыре группы. Первая – поздравительные письма и телеграммы, связанные с успешным, по мнению обывателей, завершением борьбы адми-

¹ *Сторожев В.Н.* Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // *Декабрьское восстание в Москве 1905 г.* Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний. М., 1920. С. 60–207; *Черномордик С.И.* Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.-Л., 1926; *Яковлев Н.Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 г. М., 1957; *Шатина Н.В.* Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией (На примере Москвы). Дис... канд. истор. наук. М., 1989; *Первая революция в России. Взгляд через столетие.* М., 2005.

² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294; Оп. 229. Д. 50; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 505. Л. 42–43 об.

³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 433. Л. 3–3 об.; Д. 505. Л. 42–43 об.

нистрации с «крамолой». По содержанию они, как правило, весьма однотипны, представляя собой выражение благодарности за спасение жизни и имущества «благонамеренных» москвичей¹.

Вторую группу представляют письма, содержащие своего рода «позитивную программу» в деле борьбы с восстанием или ликвидации наиболее вопиющих издержек при его подавлении. Какие же вопросы в этой сфере интересовали московских обывателей?

Во-первых, москвичей беспокоили проблемы поддержания порядка и улучшения полицейской службы. Наиболее типовыми предложениями в этой области были увеличение числа полицейских и «вспомогательного персонала» – дворников, ночных сторожей, вооружить их, учредить регулярные патрули полицейских и войск². Неоднозначное отношение высказывали авторы писем к идее организации добровольной охраны порядка из самих горожан³. Высказывались также мысли о запрете продажи оружия, учреждении системы секретного сыска, мобилизации рабочих на помощь власти.

Второй излюбленной темой неофициальных «блюстителей порядка» было усиление степени ответственности революционеров за их действия вплоть до введения публичных казней «крамольников», военного положения и военного суда. Значительная часть обращавшихся к генерал-губернатору требовала применения самых суровых кар по отношению к революционерам на всем протяжении декабрьских событий⁴.

Третьим крупным сюжетом, возникавшим в письмах, которые можно условно охарактеризовать как «верноподданнические», было предложение мер по смягчению эксцессов при подавлении восстания, а также по созданию условий для дальнейшего диалога администрации и населения. Одним из важнейших требований обывателей было улучшение качества информирования населения о принимаемых властью мерах⁵.

Авторы некоторых писем критически высказывались о тех мерах Дубасова, которые считали излишне мягкими⁶.

Насколько реалистичным было видение обстановки обывателями? Учитывая тяжелое материальное положение власти, дезорганизованность административно-полицейского аппарата, забастовку почти всех типографий, катастрофически малое количество войск, отмечавшуюся

¹ РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 433. Л. 3–3 об.

² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 230. Д. 108. Л. 1, 2, 3 об., 4; Оп. 95. Д. 294. Л. 8, 15–17; 22–22 об.

³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294. Л. 1а–1а. об., 6 об., 35, 22.

⁴ Там же. Л. 1а. об. – 2, 6–6 об., 7–7 об., 16 об. – 17, 28–28 об., 33–33 об., 37–38; Оп. 139. Д. 174. Т. 3. Л. 3; Оп. 229. Д. 50. Л. 71–72 об., 110; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 505. Л. 42–42 об.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294. Л. 21, 22 об., 32; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 505. Л. 55–56.

⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 229. Д. 50. Л. 63–63 об., 281.

самим обывателями «затерроризированность» населения, в конце концов, забастовку всех железных дорог Московского узла, кроме Николаевской, предложения обывателей в целом выглядят трудно выполнимыми, а также излишне радикальными.

Проекты лояльно настроенных обывателей изучались генерал-губернатором и его канцелярией, и находили созвучие в мыслях и делах главы Первопрестольной. Однако приведенные материалы не дают оснований считать, что они принципиально повлияли на действия генерал-губернатора по борьбе с восстанием. Очевидно, одной из причин этого была загруженность вице-адмирала, не успевавшего своевременно знакомиться с письмами¹.

Третью группу посланий представляет письма от жителей, высказывавших критические замечания о действиях власти. Вне зависимости от тональности обращений к генерал-губернатору их волновал вопрос об издержках при подавлении вооруженного восстания – бесцеремонных обысках, расстрелах, произволе солдат и полицейских, жестокости мер власти². Позитивных программ эти письма практически не содержали, поэтому Дубасов за редкими исключениями не был склонен обращать на них внимание³.

Наконец, в качестве четвертой группы обращений московских обывателей к генерал-губернатору можно выделить прошения о преодолении конкретных эксцессов во время подавления восстания или предотвращения грядущих происшествий, а то и об удовлетворении частных просьб, имеющих значение для дела борьбы с «крамолой»⁴. Подобные ходатайства Дубасов старался был удовлетворять⁵.

Таким образом, можно заключить, что взаимодействие генерал-губернатора с населением (преимущественно элитой) посредством письменного общения не было полномасштабным и не привело к установлению тесного контакта Дубасова с обывателями по политическим вопросам. Причинами этого были как радикализм его сторонников и критиков, так и занятость вице-адмирала в период восстания.

¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 229. Д. 50. Л. 7–7 об., 21, 22, 27, 28 об., 31, 281; Ф. 16. Оп. 95. Д. 294. Л. 21, 27, 33, 34 об., 37; Оп. 139. Д. 174. Т. 3. Л. 3, 22, 23, 59, 165; Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 25–26; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 427. Л. 5, 7, 8; *Левин К.Н.* Вооруженное восстание. (Дни 7–19 декабря). Отрывки из дневника // *Декабрьское восстание в Москве 1905 г.* Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний. М., 1920. С. 250.

² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294. Л. 19; Оп. 229. Д. 50. Л. 56–57, 61–62.

³ Там же. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 201, 202.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Л. 39, 125.

⁵ Там же. Л. 39, 41, 125; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 446. Л. 1; РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 365.

К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ Г.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ В 1928 – НАЧАЛЕ 1929 г.

*Апальков Дмитрий Игоревич, к.и.н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Относительно позиции Г.К. Орджоникидзе в конфликте между Сталиным и группой А.И. Рыкова – Н.И. Бухарина в историографии сложилось мнение о том, что в 1928 г. Орджоникидзе сначала поддерживал «правых», однако затем внезапно их «предал»¹. Данное мнение основано на фразе Бухарина, вошедшей в конспект Л.Б. Каменева о его разговоре с Бухариным и Г.Я. Сокольниковым 11 июля 1928 г.: «Серго – не рыцарь. Ходил ко мне, ругательски ругал Ст[алина], а в решающий момент предал»². Полный текст этого документа был доступен исследователям благодаря тому, что он отложился в архиве Л.Д. Троцкого, который хранится в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета³.

Следует отметить, что троцкистская листовка, содержащая полный текст записи Каменева, была опубликована в приложении к стенографическому отчету совместных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г.⁴ По неизвестной причине в этой публикации фрагмент текста об Орджоникидзе отличается от текста документа из архива Троцкого. Вместо глагола «предал» там значится «предан»⁵, что в некоторой степени меняет значение приведенного высказывания. Суть этой смысловой метаморфозы заключается в том, что «предательство» Орджоникидзе по отношению к группе Рыкова–Бухарина трансформировалось в его «преданность» Сталину. Возможно, это не более чем опечатка, допущенная по невнимательности во время подготовки стенографического отчета. Нельзя исключать и того, что замена слова была умышленной. Об этом мог попросить Орджоникидзе, возмущенный словами Бухарина о «предательстве».

¹ См., напр.: *Тагер Р.* Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1990. С. 376; *Шубин А.В.* Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 168.

² *Фельштинский Ю.Г.* Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 182.

³ Там же. С. 198.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3–4.

⁵ Там же. Л. 4.

Однако в любом случае обвинение Орджоникидзе в «предательстве» следует признать несправедливым. Согласно репликам Орджоникидзе и Бухарина, сделанным 30 января 1929 г. на расширенном заседании Политбюро, напряженность в отношениях между Орджоникидзе и Сталиным, о которой Бухарин упомянул в разговоре с Каменевым в июле 1928 г., относилась не к 1928 г., а к концу 1926 г., и была связана с вопросом о левой оппозиции¹. Таким образом, у нас нет оснований полагать, что в 1928 г. Орджоникидзе был не согласен со сталинским курсом в отношении деревни. Думается, установку Орджоникидзе в отношении крестьян вполне передает его выступление, сделанное 7 декабря 1927 г. на XV партсъезде. Сославшись на одно из ленинских произведений до-нэповского периода, Орджоникидзе призвал делегатов съезда руководствоваться тем, что крестьянство является враждебным классом «мелких хозяйчиков», которые своей «неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляет те самые результаты, которые нужны буржуазии»².

При этом характерно, что Орджоникидзе, хотя и находился со Сталиным в близких дружеских отношениях, занимал примирительную позицию и был склонен к поиску компромисса с «правыми». Так, в середине ноября 1928 г., накануне очередного пленума ЦК, Орджоникидзе в письме Рыкову выразил намерение способствовать урегулированию конфликтов в Политбюро: «Смешно, конечно, говорить о твоей “смене”, Бухарина или Томского. Это прямо было бы сумасшествием. По-видимому, отношения между Сталиным и Бухариным значительно испортились, но нам надо сделать все возможное, чтобы их помирить»³. Думается, это обстоятельство объясняется не только миролюбивым нравом самого Орджоникидзе, но и тем, что в глазах большинства членов ЦК его должность председателя Центральной Контрольной Комиссии продолжала подразумевать обязанность предотвращать угрозу всевозможных «расколов» в партии. В этом отношении Орджоникидзе являлся «транслятором» настроений «единства», преобладавших в «руководящем коллективе».

Позиция Орджоникидзе кардинально изменилась в конце января – начале февраля 1929 г., когда состоялись совместные заседания Политбюро и Президиума ЦКК, которые изначально задумывались в качестве высшего партийного суда над «правыми». Содержание полемики, происходившей на этих заседаниях, свидетельствует о том, что изданная троцкистами запись о тайном разговоре Бухарина с Л.Б. Каменевым стала триггером, создавшим в коллективном руководстве впечатление о «бухаринской группе» как о потенциальном организаторе очередной оппозиционной фракции – внутренней силе, являющейся источником угрозы раскола в партии. Усталость, накопившаяся в коллективном руководстве от многолетней внутривнутрипартийной борьбы, позволила Сталину успешно

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 7, 12 об.

² XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 389.

³ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999. С. 58.

использовать опубликованный троцкистами компромат на Бухарина, чтобы сплотить вокруг себя большинство членов Политбюро и ЦК, а также Президиум ЦКК¹.

Кроме того, сильное раздражение Орджоникидзе вызвало то, что, согласно записи Каменева, Бухарин в беседе с ним упомянул Орджоникидзе в ходе рассуждений о потенциальных сторонниках «правых». В этой связи неудивительно, что Орджоникидзе на совместных заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. выступил в качестве одного из главных обвинителей Бухарина. На заседании 30 января, завершая свою вступительную речь, он заявил: «Два слова о своей персоне. Я должен самым решительным образом заявить, что тов. Бухарин, если он действительно говорил тов. Каменеву, что я будто с ним был согласен, а в решающий момент его предал, – он бессовестно меня оболгал... Как неприлично, как некрасиво лгать на товарищей»².

Таким образом, вышеизложенное позволяет утверждать, что, вопреки устоявшемуся в историографии мнению, Орджоникидзе уже на начальном этапе конфликта между группой Рыкова–Бухарина и Сталиным был склонен поддерживать позицию последнего. Вместе с тем, следуя традициям коллективного руководства, Орджоникидзе не допускал возможности расправы над «правыми» членами Политбюро до тех пор, пока Бухарин не был серьезно скомпрометирован.

¹ *Апальков Д.И.* Объединенные заседания Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. и их значение в истории внутривнутрипартийной борьбы 1920-х гг. // Клио. 2017. № 8. С. 109, 112.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 7.

СИСТЕМА НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА¹

*Аристов Станислав Васильевич, к.и.н.
(НИУ «Московский энергетический институт»)*

История функционирования нацистской лагерной системы является объектом множества научных исследований, в первую очередь за рубежом². Тем не менее вопросы, связанные с концлагерями на оккупированной территории Советского Союза, до сих пор остаются недостаточно изученными. В этой связи предлагаемое исследование является первой попыткой подробной реконструкции истории функционирования нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза как составной части лагерной империи Третьего рейха, образующей специфический феномен.

Источниковая база исследования весьма обширна. В частности, проанализированы свидетельства очевидцев и материалы нацистских администраций концлагерей, хранящиеся в Государственном архиве Службы Безопасности Украины, Государственном архиве Киевской области, Центральном архиве Республики Беларусь, Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военном архиве, архиве Яд Вашем (Иерусалим), Мемориальном музее Холокоста (Вашингтон), Бундесархиве и Центральном архиве ФСБ.

Анализ имеющейся источниковой базы позволяет отнести к концентрационным следующие лагеря на территории СССР: Вайвара (Эстония), Рига-Кайзервальд, Саласпилс (Латвия), Каунас (Литва), Сырецкий, Яновский (Украина), лагерь в совхозе «Красный», лагерь в деревне Моглино (Россия), Малый Тростенец, Колдычево (Белоруссия).

Главной должностью в структуре внутреннего управления лагерей на оккупированной территории СССР, как и в концентрационных лагерях на территории Третьего рейха, являлся пост коменданта. Общее количе-

¹ Данные тезисы подготовлены в рамках проекта, поддержанного Грантом Президента РФ для молодых ученых МК–928.2017.6.

² Об историографии проблемы см., например: Orth K. Die Historiografie der Konzentrationslager und die neuere KZ-Forschung // Archiv für Sozialgeschichte. № 47. 2007. S. 579–598; Аристов С.В. Система нацистских концентрационных лагерей: европейское измерение историографии проблемы // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 348–366.

ство комендантов в концлагерях на оккупированной территории СССР составляло всего 13 человек, что было меньше, чем в Третьем рейхе в три раза¹. Это объяснялось не только меньшим количеством самих лагерей, но и меньшим периодом их существования, а также незначительной ротацией кадров. Коменданты не только организовывали общее управление лагерями, но и лично убивали узников. Комендант Яновского лагеря Вильхауз расстреливал узников, находившихся на территории лагеря, из окна своей канцелярии. Особенно часто жертвами становились заключенные, стоявшие в очереди на получение пайка у лагерной столовой. Группы убитых, число которых иногда достигало двухсот человек, не убирали по нескольку дней, и они скапливались в помойной яме рядом с кухней.

В 1942 г. к 54-летию Гитлера Вильхауз собственноручно расстрелял 54 узника. По свидетельствам бывших заключенных, нередко в стрельбе участвовала и его жена – Оттилия², зачастую на глазах их маленькой дочери, которая, не понимая, что происходит, радостно приветствовала происходившее. Начальник Сырецкого лагеря Пауль Радомский даже в нацистских кругах имел репутацию алкоголика и садиста, за которым среди эсесовцев закрепилось прозвище «бешеный пес»³. Один из бывших узников охарактеризовал его как человека, имевшего «вид всегда пьяного кокаиниста»⁴. Радомский лично участвовал в убийствах и избиении заключенных⁵.

По сравнению с лагерями на территории рейха, которые с 1935 г. стали многофункциональными комплексами, единообразными по организации и оформлению внутреннего пространства, нацистские концлагеря на территории СССР были организованы разнопланово и хаотично. Так, на территории бывшего завода и на прилегавшей к нему местности во Львове, возникли бараки Яновского лагеря. В районе, где проходили летние учения Киевского гарнизона, появились землянки Сырецкого лагеря. Наконец, в Симферополе лагерь разместился в строениях совхоза «Красный».

Контингент узников концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза включал широкий спектр преследуемых нацистами групп, а именно заключенных по расовым мотивам (в первую очередь, евреев), гражданское население, партизан, военнопленных. В ла-

¹ Ср.: *Аристов С.* Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М.: Молодая Гвардия, 2017. С. 79–81.

² The forced Labor Camp in Lwow // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7021. Оп. 149. Д. 130. Л. 573.

³ *Prusin A.* A Community of Violence: The SiPo / SD and Its Role in the Nazi Terror System in Generalbezirk Kiev // *Holocaust and Genocide Studies.* 2007. № 1. P. 10.

⁴ Протокол допроса Берлянта С.Б. // Галузевий державний архів Служби безпеки України (ГДА СБУ). Ф. 7. Оп. 8. Д. 1. Л. 88.

⁵ См., например: Протокол допроса обвиняемого Быстрова В.В. // ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46839. Л. 29.

герях Прибалтики и Яновском лагере во Львове подавляющее большинство узников составляли евреи, оказавшиеся в лагерях после ликвидации местных гетто. В остальных лагерях узников по расовым мотивам было значительно меньше – преобладали заключенные, арестованные по политическим мотивам.

Условия заключения во всех концлагерях были крайне жестокими. Бараки или землянки, в которых находились узники, абсолютно не подходили для длительного размещения людей, они практически не отапливались зимой и не проветривались летом, зачастую были переполнены¹.

Узникам, в отличие от лагерей в Третьем рейхе, по прибытии не выдавали специальную униформу. Номера заключенных на униформе вместе с маркировками-винкелями² сохранялись только в прибалтийских концлагерях. В остальных лагерях они либо отсутствовали, либо видоизменялись³.

Как и в других нацистских концентрационных лагерях в Европе, питание узников в концлагерях на территории СССР было недостаточным и некачественным. Характерным примером являлось положение заключенных в лагере на территории совхоза «Красный», где на шесть-восемь человек в сутки выдавалась одна буханка хлеба (1200–1800 г.) и один литр «баланды», состоявшей из воды и небольшого количества отрубей. Хлеб был недоброкачественный, выпеченный из смеси проса и кукурузы с отрубями и травой⁴.

Антисанитарные условия содержания, скудное питание и тяжелый труд, которым должны были заниматься заключенные, приводили к росту заболеваний и распространению эпидемий. В концлагере Вайвара комендант лагеря Аумайер для борьбы с эпидемией сыпного тифа не только ужесточил условия содержания узников, но и приказал уничтожать трупы умерших, сжигая их, не имея функционирующего крематория, по сути, на глазах у заключенных, в непосредственной близости от лагеря.

Во всех концентрационных лагерях в СССР расстрелы осуществлялись в непосредственной близости от лагерных территорий. В лагере на территории бывшего совхоза «Красный», помимо расстрелов, для убийства заключенных использовались так называемые «душегубки» – специально переоборудованные с этой целью автомашины⁵. В Колдычево с

¹ Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Симферополь Крымской АССР // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 9. Д. 47. Л. 25.

² От нем. *der Winkel* – угол.

³ *Шерман Б.* Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти. Барановичи, 1997. С. 60.

⁴ Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Симферополь Крымской АССР // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 9. Д. 47. Л. 25.

⁵ Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Крымский выпуск. Т. 2 / сост. А.В. Валякин. Симферополь: Доля, 2010. С. 335.

помощью «душегубки» уничтожались представители польской интеллигенции, находившейся в концлагере¹.

Число погибших в каждом из концлагерей, как следствие и общее число жертв, вряд ли когда-либо будет установлено точно. Однако даже если брать в расчет минимальные оценки, то общее количество составит не менее 200 тыс. человек.

¹ Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen Ludwigsburg (ZSL Ludwigsburg). B. 162–6945. Bd. 1. S. 51.

КОНТРАМПАНИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ Л.Д. ТРОЦКОГО ПО РАЗОБЛАЧЕНИЮ МОСКОВСКИХ ОТКРЫТЫХ ПРОЦЕССОВ 1936–1938 гг.¹

*Артамонова Жанна Владимировна, к.и.н.
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

Неотъемлемой частью советской репрессивной политики 1920–1930-х гг. являлись судебные политические процессы. Самые известные из них – три Московских открытых процесса 1936–1938 гг. – стали символами эпохи Большого террора. Среди пятидесяти четырех обвиняемых, прошедших по трем процессам, – известные партийные и государственные деятели. Все они обвинялись в подготовке убийства С.М. Кирова, террористических актов против И.В. Сталина и членов Политбюро, во вредительстве, взяточничестве, шпионаже, попытках государственного переворота. Идейным вдохновителем «террористов» внутри и вне СССР, непосредственным организатором террористических актов был объявлен Л.Д. Троцкий.

В ответ на Московские процессы Троцкий, его сын Лев Седов и их сторонники предприняли ряд мер по организации и проведению различных мероприятий, призванных разоблачить Московские открытые процессы. Наиболее известный в ряду этих мероприятий – контрпроцесс, проведенный в апреле 1937 г. в Койокане (Мексика).

Доступные сегодня документы – прежде всего, переписка Седова с сотрудниками своего секретариата в Париже, со сторонниками Троцкого в различных городах Европы и Америки², а также информационные письма, обзоры прессы, донесения и дневники полпредов СССР³ – позволяют проанализировать не только то, о чем говорили троцкисты⁴, но и изучить ход, содержание и эффективность проводимых ими мероприятий. Настоящий доклад представляет собой лишь промежуточные итоги такого исследования.

¹ Статья выполнена в рамках выполнения гранта РГНФ 16–01–00243.

² См.: ГА РФ. Ф. Р-10003.

³ Эти документы хранятся в Архиве внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ).

⁴ *Роговин В.З.* Власть и оппозиция. М., 1993; Он же. 1937. М., 1996; Он же. Партия расстрелянных. М., 1997; Он же. 1937. М., 1996.

В августе 1936 г., в ответ на публичные заявления Троцкого с опровержением предъявленных ему обвинений на первом Московском процессе, советское правительство обратилось с требованием к норвежскому правительству лишить Троцкого политического убежища, пригрозив, что, в противном случае, дружественные отношения между СССР и Норвегией (в частности, сферы торговли) будут подорваны¹. Лидеры правящей партии Норвегии уступили под этим давлением, предоставив Троцкому политическое убежище на условиях полного прекращения литературной, публицистической и информационной деятельности. Они проинформировали советское правительство, что Троцкий «совершенно изолирован от внешнего мира» и поставлен «под такой контроль, что нужно считать исключенным, что он в будущем сможет предпринять какое-либо действие, которое может навредить и угрожать интересам СССР»². В конце 1936 г. Троцкий получил политическое убежище в Мексике.

В связи с информационной блокадой Троцкого всю работу по организации контрмероприятий взял на себя Л. Седов. 16 августа 1936 г. в письме к сотруднице своего секретариата Л.Я. Эстриной он, указывая на всю важность происходящих событий, писал «от моего спокойствия не осталось и следа. Мне хочется поскорее сесть за газеты, изучить дело, написать о нем (...) Я горю от нетерпения ринуться во все это»³. Как свидетельствуют документы, Л. Седов проделал большую работу по сбору документов и свидетельств для опровержения обвинений, выдвинутых на первом Московском процессе 1936 г. «Приходится очень много работать по этому делу, чтобы доказать всю несостоятельность возведенных обвинений, обстановка очень нервная», – так писал Седов из Парижа о своей работе⁴.

Он вел активную переписку со сторонниками Троцкого, призывая их «всемерно использовать» процесс 1936 г. для «контрнаступления». Так, в письме к члену троцкистской группы в Великобритании Д. Харберу Л. Седов настаивал на проведение «серьезной кампании против Московского процесса» – агитационной и пропагандистской – в определенной «организационной форме»⁵. Харбер в ответ сообщил, что группой троцкистов в Великобритании ведется «большая деятельность в отношении к процессу и в защиту товарища Л.Д.» – налаживаются отношения с английскими журналистами, присутствующими на процессе, для сбора

¹ Сталин и Каганович: переписка, 1931–1936 гг. М., 2001. С. 666–667. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 60, 71. Постановления ЦК ВКП(б) по этому вопросу от 27 августа и 8 сентября 1936 г.

² Правда. 1936. 12 сентября. С. 2.

³ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 187. Л. 86. [Копия письма Л. Седова к Л.Я. Эстриной 16 августа 1936 г., перехваченное ИНО ГУГБ в Париже].

⁴ ГА РФ. Reel 34. [Письмо Л. Седова неизвестному]. 2 сентября 1936 г.

⁵ ГА РФ. Reel 34. [Письмо Л. Седова Д.Д. Харберу]. 31 августа 1936 г.

сведений о подсудимых, проводятся собрания, издаются и распространяются листовки и брошюры¹.

В Великобритании, Франции, Чехословакии и США были созданы Комитеты в защиту Троцкого, куда входили не только его сторонники, но и общественные деятели, писатели и журналисты. В марте 1937 г., по инициативе французского и американского Комитета, была создана объединенная «Комиссия по расследованию обвинений, предъявленных Льву Троцкому на Московских процессах». В нее вошли 17 человек. Среди них – троцкист А. Росмер, журналисты Б. Столберг, С. Лафоллет, Ф. Замора, социологи К. Билс, А.Э. Росс, литературный критик Д. Чемберлен, бывший депутат рейхстага В. Томас, германский социал-демократ О. Рюле и др. Большинство из них были членами американского Комитета.

Большие споры вызвала кандидатура председателя Комиссии. Выбор пал на известного американского философа Джона Дьюи. По мнению инициаторов создания Комиссии, кандидатура Дьюи, безупречная в плане международной репутации, была наиболее подходящей. Лидер американского комитета Эдвард Росс в одном из писем так отзывался о нем: «Никто в этой стране не смог бы привнести столько престижа в комитет, как сможет это сделать он». По свидетельству современников, Дьюи, не разделяя политических взглядов Троцкого, будучи далеким от этих событий, активно занимающийся в тот момент научной деятельностью, а также в силу своего преклонного возраста (на тот момент ему было 78 лет), поначалу скептически отнесся к идее проведения такого процесса и категорически отказался от своего участия в работе комиссии². Но затем изменил свое решение.

Первые 13 заседаний комиссии были проведены в апреле 1937 г. в Койокане. Перед самым началом этих заседаний Дьюи сделал публичное заявление о целях работы Комиссии в целом и задачах предстоящего процесса в частности. Он подчеркнул, что создание Комиссии не является чем-то экстраординарным и вполне соответствует традиции США «организовывать комитеты для целей обеспечения справедливого суда в тех случаях, когда имеется подозрение, что у судебных органов отсутствует беспристрастие». По его словам, комиссия собралась не для того, «чтобы защищать Троцкого и не для того, чтобы его обвинять», она «не интересуется тем, что Троцкий лично опровергает эти обвинения. Но что крайне интересует мировую совесть, это тот факт, что Троцкий был осужден, не имея возможности быть выслушанным»³. В ходе заседаний предполагалось, путем проведения допросов Троцкого и изучения его архива, проверить обоснованность обвинений, выдвинутых на Московских процессах. После окончания заседаний Комиссия вернулась в Америку, где прорабо-

¹ ГА РФ. Reel 30. [Письмо Д.Д. Харбера Л. Седову]. 8 сентября 1936 г.

² *Рогачева Е.Ю.* Образовательная миссия Джона Дьюи в Мексике // Историко-педагогический журнал. № 1. 2014. С. 160–161.

³ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 93. Л. 96–98.

тала до конца 1937 г. По результатам ее деятельности был опубликован многостраничный доклад – основа критики Московских процессов¹.

Каковы были реальные результаты проведенной Троцким кампании, как оценивали современники эффект от организованного контрпроцесса? На этот вопрос источники дают противоречивую информацию.

Фальсифицированный характер Московских процессов был очевиден для многих зарубежных деятелей и организаций. В связи с набирающими оборот репрессиями и открытыми процессами многие западноевропейские писатели прервали свои отношения с редакциями советских изданий, отдельные левые журналы, сотрудничавшие с советскими, приняли решение о добровольном самороспуске². Именно показательными процессами Л. Фейхтвангер объяснял тот факт, что целый ряд представителей творческой интеллигенции, «принадлежавших ранее к друзьям Советского Союза, стали после этих процессов его противниками»³. Здесь писатель, прежде всего, имел ввиду себя, а также Т. Манна, Р. Роллана, С. Цвейга и др. Действительно, судя по их переписке и дневниковым записям, события середины 1930-х гг. серьезно подорвали престиж СССР в глазах интеллигенции Запада. Так, Роллан в одном из писем к Цвейгу 5 декабря 1936 г. писал, что судебный процесс «глубоко смутил» его, впрочем, «как и других лучших друзей СССР»⁴. Говоря о вредном влиянии Московских процессов на общественное мнение, друзья СССР имели ввиду, в частности, усиление активности Троцкого, получившего «долгожданный материал для пропаганды»⁵. По этому же поводу Р. Роллан писал С. Цвейгу 5 декабря 1936 г., что процесс активизировал деятельность Троцкого и зарубежных троцкистов, «принес большую – слишком большую! – пользу реакции»⁶.

Схожую оценку этой кампании давали и представители советских полпредств. Так, например, полпред СССР в Чехословакии С.С. Александровский в сентябре 1936 г. сообщил М.М. Литвинову и Н.Н. Крестинскому, что «троцкисты развивают бешеную деятельность, выпускают брошюры, листовки, созывают собрания и «не следует недооценивать этого факта»⁷. На активизацию деятельности троцкистов указывали полпреды и других стран.

¹ Контрпроцесс Троцкого. Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на Московских процессах 1930-х гг. М., 2016.

² Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века: 1920–1970. М., 2002. С. 16.

³ *Фейхтвангер Л.* Москва 1937: отчет о поездке для моих друзей. М., 2001. С. 88.

⁴ Письмо Р. Роллана С. Цвейгу. 5 декабря 1936 г. // Иностранная литература. 1988. № 4. С. 165.

⁵ *Фейхтвангер Л.* Указ. соч. С. 93.

⁶ Письмо Р. Роллана С. Цвейгу. 5 декабря 1936 г. // Иностранная литература. 1988. № 4. С. 165.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 238. Л. 39.

Между тем из Вашингтона, где проходила основная работа Комиссии, поступала информация и другого порядка. Так, советник полпредства СССР в США К.А. Уманский в своих донесениях и обзорах прессы отмечал, что поднятая Троцким кампания не имела большого эффекта, американская пресса «очень слабо реагировала» на нее¹, «деятельность Комиссии не вызвала большого количества откликов в печати»², а «общественное мнение в целом проявляет весьма умеренный интерес к самому Троцкому»³. Уманский также сообщал, что «некоторые газеты “высмеяли” эту затею»⁴, многие в Америке расценили суд как «пышный фарс» («Пост», Бостон) или «саморекламный трюк»⁵ Троцкого («Нью-Йорк таймс»), позволивший ему «превратиться из полузабытого ссыльного в мировую фигуру»⁶ («Балтимор сан»). Негативную роль в восприятии деятельности Комиссии, по мнению членов американского полпредства, сыграл уход из ее состава К. Билса. Поводом к этому стал отказ Троцкого во время заседаний в Койокане предоставить Комиссии полностью свой архив за 9 лет. В своем заявлении, опубликованном в ряде американских газет, Билс сравнивал заседания Комиссии со «званным чаем, во время которого все (...) произносили сладкие речи» и довольствовались доказательствами «из опубликованных писаний Троцкого, которые можно было приобрести в Нью-Йорке», а не проводили «действительно серьезное расследование»⁷.

Оценивая подобную противоречивую информацию, следует обратить внимание еще на несколько фактов. В кампании Троцкого отказались участвовать представители европейского левого крыла и известные интеллектуалы (например, писатели Б. Рассел и Ж. Сартр). В американских газетах, напротив, широко освещались выступления против кампании. Так, например, 9 февраля 1937 г. в ряде центральных газет была опубликована петиция с осуждением кампании Троцкого за подписью 73 человек (среди них – писатели Теодор Драйзер, Джордж Маршалл, Вальтер Вилсон, скульптор Вильям Зорак, экономист Вл. Казакевич, математик Луис Уэйснер, художники Макс Уэбер, Линд Уорд и другие)⁸.

В документах нередко встречается информация, что среди членов американского Комитета и Комиссии Дьюи не было единства, что в организационном плане они были слабы и разобщены. На это оказывали влияние и представители советской стороны. Так, в своих отчетах, посланных в Москву в 1936–1938 гг., Уманский «подробно писал о своих хитроумных политических и финансовых маневрах в Американско-Российском инсти-

¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 93. Л. 86.

² Там же. Л. 98.

³ Там же. Л. 101.

⁴ Там же. Л. 98.

⁵ Там же. Л. 101.

⁶ Там же. Л. 99.

⁷ Там же. Л. 116–117.

⁸ Там же. Л. 77–79.

туте в Нью-Йорке, предпринятых для изгнания оттуда Дьюи и других «троцкистов»»¹. 20 февраля 1937 г. К.А. Уманский сообщил заведующему отделом печати НКВД Г.А. Астахову следующее: «В связи с разбродом в американской интеллигенции и не безуспешным проведенным нами размежеванием честных либералов от профессиональных троцкистов при наличии колеблющегося «болота» очень важно было бы поощрить друзей и втолковать всяким Джонам Дьюи несовместимость «дружбы» к СССР с протроцкистскими выступлениями за «независимое разбирательство дела Троцкого»². Как видим, представители советского полпредства в частных беседах и публичных выступлениях давали четкую оценку как самой кампании, так и тем, кто принял в ней участие. Левый адвокат Морис Эрнст в беседе с К. Уманским высказывал свои сомнения, участвовать ли в работе Комиссии и содействовать ли въезду Троцкого в США, поскольку, по его мнению, «в настоящее время необходимо бороться за общие свободы». Эти «соображения» Уманский расценил как «отвлеченные», заявив, что «это все-таки прямая помощь троцкистам, шпионам и террористам, и что это является политической демонстрацией против Советского Союза»³. О статусе попутчиков и «самых искренних друзей СССР», к которым до 1936 г. причислялся и Дж. Дьюи, говорил в Вашингтонском национальном клубе в апреле 1937 г. и полпред СССР О.А. Трояновский. Отметив, что члены Комиссии «любят провозглашать себя верными друзьями Советского Союза», Трояновский в заключении подытоживал: «Спаси нас, бог, от наших друзей, а о врагах мы можем и сами позаботиться»⁴. По меткому наблюдению М. Дэвида-Фокса, «отношение к показательным процессам и репрессиям стало новым обязательным тестом при оценке иностранных интеллектуалов и анализе их мировоззрения»⁵. Подобная информация, представляющая значительный интерес, требует дальнейшего изучения литературы и архивных документов.

Проведению максимально широкой агитационно-пропагандистской кампании мешала и нехватка у ее организаторов необходимых финансовых средств. Кампания Троцкого не освещалась активно на страницах периодической печати, а своих собственных изданий организаторам кампании было явно не достаточно. Печатный орган троцкистов – журнал «Бюллетень оппозиции» – имел сравнительно малый тираж, стиль изложения и содержание статей в нем не были ориентированы на массового читателя и зачастую представляли интерес только для самих оппозиционеров. Все это делало практически невозможным выход «Бюллетеня оппозиции» на более широкую аудиторию.

В настоящее время мы можем делать лишь предварительные выводы о значении и эффективности контрkamпании Троцкого. Имеющие место

¹ Дэвид-Фокс М. Витрина великого эксперимента. М., 2015. С. 506.

² АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 20. П. 133а. Д. 392. Л. 46.

³ Там же. Д. 2 (390). Л. 53.

⁴ Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 93. Л. 122.

⁵ Дэвид-Фокс М. Витрина великого эксперимента. М., 2015. С. 507.

молчаливые сомнения и явные колебания в оценках Московских процессов внутри страны и за ее пределами, как и «шумная» кампания троцкистов, видимо, не слишком волновали Сталина. Контрпроцесс и кампания Троцкого, в том числе и в силу их малого резонанса, не стали эффективным средством контрпропаганды и не смогли существенно повлиять на официальную оценку Московских процессов. Тем не менее необходимо признать, что эти контрмероприятия являлись на тот момент единственным открытым выступлением против репрессивной политики Сталина.

МАРИАННА – ВЕЧНЫЙ СИМВОЛ СВОБОДЫ?

Баженова Рената Сергеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Молодая женщина с воинственным взором красуется с фасадов административных учреждений, мэрий и городских зданий во Франции. Чей же изящный профиль гордо обращен к нам с французских почтовых марок, старинных сантим и франков, современных евроцентов и различных произведений искусства?

Имя ее звучит величественно и по-простому претенциозно – Марианна. Это один из немногих исторических символов республики, неустанно фигурирующий в современной французской действительности. Франция и символ женщины – понятия настолько близкие, что это одновременно резкое и женственное имя уже два столетия является национальным символом страны. Какова же она – женственность по-французски?

Усиливающийся интерес к Великой французской революции глубоко оправдан. Она знаменовала собой одну из самых значительных вех в истории человечества. О глубине осуществленных ею преобразований историографы спорят до сих пор. Большинство сходится в одном: по своему содержанию Великая французская революция является буржуазной и антифеодальной. Большое историческое значение имеет смелость провозглашенных Великой французской революцией общественных идеалов. Просветительские идеи прав и свобод человеческой личности впервые прозвучали в первой статье, принятой Национальным собранием 26 августа 1789 г. «Декларации прав человека и гражданина»: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе»¹. Триада «свобода, равенство и братство» символически довела политическое устройство до точки невозврата, подорвав существовавшую тиранию абсолютной власти вместе с концепцией Ж.-Ж. Руссо, что «человек рождается свободным, но повсюду он в оковах»². После казни короля, зимой 1793 г. управляющий финансами Конвента П.Ж. Камбон скажет: «Мы, наконец-то, приплыли на остров Свободы, и мы сожгли корабль, доставивший нас туда»³. Когда речь заходила о справедливом политическом устройстве,

¹ Туманов В.А. Французская республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 445.

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М., 1998. С. 416;

³ Ковель М. К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции. М., 1985. С. 26;

«понятие свободы неизменно оказывалось ключевым»¹. Французские просветители расходились в трактовках свободы, понимая ее либо в русле ограниченной монархии с разделением властей, либо как республику с всеобщим избирательным правом, но все они полагали ее благом. Именно этот образ общественная волна подняла на огромную высоту, сделав его центральным в революционной символике.

Участь нести знамя свободы выпала молодой женщине во фригийском колпаке. Ее история началась в 1792 г. – с года свержения монархии и установления Первой французской республики. Изменение политического режима проложило путь новым символам власти. Желание избавиться от Старого порядка было настолько велико, что королевские мужские начала сменили хрупкие, но непоколебимые женские плечи. Это была Марианна – богиня революции, свободы и истины. Ее образ был официально утвержден на государственной печати Национальным конвентом, увидевшим Францию «в облике стоящей женщины, одетой по-античному, держащей в правой руке пику с фригийский колпаком, или колпаком Свободы, на острие, а левой опирающейся на фасцию; у ног ее будет кормило»². Ее статуи сразу же появились в Париже на площадях Революции и Пик и в других политически весомых городах: в Нанте, Монпелье, Эксе, Лионе, Труа. А имя «Марианна» стали использовать для обозначения Республики.

Аллегорический образ Свободной Франции приглянулся многим художникам и скульпторам. Они изображали ее в своих произведениях на разный манер, но в основном двумя путями: воинственной и пылкой или безмятежно торжествующей. Марианна несла свободу в мир, попеременно сменяя открытое платье до колена полностью закрывающим фигуру античным нарядом. Поза ее передавала то порыв силы, то победное спокойствие. Творцы так же спорили о необходимости наличия фригийского колпака. Находились те, кто считал его слишком революционным, противоречащим миролюбивой и степенной Франции. Но этот закругленный мягкий головной убор еще со времен Древнего Рима означал исключительно свободу: носить его могли только отпущенные на волю рабы.

Во Франции колпак распространился со дня штурма Бастилии, причем только в красном цвете. На знаменитой картине Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах»³ он украшает голову Марианны, решительно стремящейся вперед с флагом Республиканской Франции и ружьем. Грудь ее обнажена, а значит помыслы богини революции чисты и искренни. На первых же рисунках, написанных практически одновременно с рождением революционного образа – в 90-х гг. XVIII, Марианна безмятежна и пребывает, скорее, в наслаждении от осознания наступившего царства свободы. В этих годах триумф был только завоеван и хотелось

¹ Пименова Л.А. Идея свободы во Французской революции XVIII в. // Новая и новейшая история. № 1. 1992. С. 59–73.

² Agulhon M. Marianne au combat: l'imagerie et la symbolique republicaines de 1789 a 1880. Paris, 1979, P. 28–29.

³ Delacroix Eug. La Liberté guidant le peuple, 1830. Musée du Louvre, département des peintures, Paris.

всеми силами удержать его и зафиксировать, поэтому богиня революции на них либо гордо стоит с победоносно вскинутым на острие колпаком свободы¹, либо восседает на своем троне, созерцающая владения².

Скульптурные воплощения Марианны стали распространяться после Июльской революции 1830 г. Идею триумфа республики лепили из глины, создавали из камня и металлов искусные мастера, но большей частью их имена затерялись во времени. Известны бюсты 1875 г. и 1880 г., где с молодой женщины сняли «излишне бунтарский» фригийский колпак, чтобы водрузить корону – знак консервативной власти. Но символ свободы на Марианну все же вернулся. Один из таких бюстов выполнил знаменитый французский скульптор Поль Бельмондо.

Сначала бюсты воплощали некий собирательный образ, но во второй половине XX в. французы завели традицию использовать черты реальных женщин. Комитетом мэров французских городов выбирались самые достойные из них, красивые и харизматичные. Первой моделью была избрана Брижит Бордо в 1969 г., актриса-бунтарка, которую в Европе вспоминают так же часто, как Мэрилин Монро в США. Результат работы художника и скульптора Алена Аслана был настолько блестящим, что новая традиция понравилась Республике и роль Марианны примерила не одна француженка.

В 1972 г. ею была легенда французского кинематографа Мишель Морган, в 1978 г. чести удостоилась простая девушка из бедной семьи, завоевавшая славу чувственного французского голоса – Мирей Матье. Следующей в 1985 г. была успешная актриса Катрин Денев, а через четыре года – популярная топ-модель Инес де ля Фрессанж, внешне похожая на Коко Шанель. В новом веке прообразом Марианны тоже стала топ-модель – Летиция Каста. А в 2003 г. – Эвелин Тома, известная телеведущая и журналистка, принадлежавшая в интеллектуальной элите Франции. С 2012 г. колпак свободы примеряет талантливая киноактриса Софи Марсо, которую очень любят во Франции.

Вот она женственность по-французски – такая же многогранная, как Марианна: обаятельная, красивая, талантливая, уверенная в себе, чарующая и постоянно меняющаяся. Идеи Французской революции были воплощены множеством способов, включая политические трактаты идеологов, искусство, моду и даже современную философию успешной и красивой женщины. В XIX в. республиканские символы понимались только в связи с консервативной и монархической Францией, которой и противостояли фригийский колпак, красно-синее знамя и воинственная женщина. Только в XX в. эти символы стали достоянием всей Французской республики и нации. Из XVIII в. в современность был пронесен образ молодой женщины, символизирующей молодость, возрождение и добродетель.

¹ *Annie Jourdan*. L'allégorie révolutionnaire, de la Liberté à la République//Dix-Huitième Siècle No. 7. 1995. P. 503–532.

² *Ibid.*

ПОВУРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1932 г. НА ОСНОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ РГАСПИ

*Баканов Алексей Иванович, к.и.н.
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

Летом–осенью 1932 г. на территории Ковельского и Луцкого повятов Волинского воеводства и Коширского¹ повята Полесского воеводства Польши развернулось крестьянское движение, иногда именуемое в документах ИККИ Повурским² восстанием, участники которого, в свою очередь, иногда называются повурскими партизанами³.

В историографии этому восстанию повезло и не повезло одновременно. С одной стороны, в СССР утверждение о наличии мощных крестьянских волнений в этом регионе было энциклопедическим фактом, упоминавшимся практически в каждой работе, посвященной истории западно-украинских и западно-белорусских земель этого периода⁴. С другой стороны, каких-либо обобщающих монографических работ или статей, посвященных повурскому восстанию 1932 г. тогда так и не появилось. После распада Советского Союза проблематика, связанная с историей Коммунистической партии Западной Украины, надолго оказалась на заднем плане национальной украинской историографии.

В России, ввиду отсутствия сильных традиций украинистики и отсутствия интереса к западно-украинскому коммунистическому и крестьянскому движению, каких-либо работ, посвященных восстанию 1932 г., также не появилось. Гораздо больший интерес повурское восстание вызвало

¹ Центром Коширского повята был современный украинский город Камень-Каширский.

² От названия города Powórsk (современный украинский город Поворськ) в Ковельском повяте.

³ См., например: РГАСПИ Ф. 495. Оп. 126. Д. 94. Л. 8, 13.

⁴ *Cimek H.* Sojusz robotniczo-chlopski w Polsce, 1918–1939 Warszawa, 1989. S. 373; *Васюта І. К.* Селянський рух на Західній Україні в 1919–1939 рр. Львів, 1971. С. 143–146; *Заболотний І.* Нескорена Волинь. Нарис з історії революційного руху на Волині. Львів, 1964. С. 139–143. Історія міст і сел УРСР. Т. 3. Волинська область / Голова редколегії тому *І.С. Клімаш.* К., 1970. С. 250, 260, 320–321, 364, 373.

в Польше, где существует большой интерес к истории восточных кресов¹, и Полесского воеводства в особенности².

Относительно недавно появились работы, в которых непосредственно рассматривается история крестьянского восстания 1932 г. Речь идет о работе польского историка П. Цихорацкого³, который на основании польских и белорусских архивов предпринял попытку определить причины восстания, описать его ход, проследить реакцию польских властей. Однако его работа не лишена определенных недостатков. П. Цихорацкий опирается, прежде всего, на польские полицейские и административные документы. Будучи специалистом по межвоенной истории Полесского воеводства (в настоящий момент это преимущественно территории современной Белоруссии), он не уделяет украинским аспектам восстания должного внимания. Материалы украинских и российских архивов П. Цихорацкий не привлекает. В силу особенностей своей источниковой базы судьбу повстанцев после их бегства в Советский Союз он не рассматривает.

Основным источником для нашей работы стали личные дела коммунистов Коммунистической партии Польши, а также другие материалы касательно повурского восстания и его участников, выявленные в РГАСПИ.

Проанализировав имеющиеся в нашем распоряжении источники, автор пришел к следующим выводам. Хотя итоговой целью советских властей было «воссоединение» западно-украинских земель с УССР, ставка делалась на решение данной проблемы революционным путем благодаря всеобщей революции в Польше. Несмотря на предпринимавшиеся меры по подготовке коммунистов к подполью, четких планов всеобщего кре-

¹ Kresy Wschodnie (Восточные Кресы) – принятое в историографии Польши наименование территорий Второй Речи Посполитой, расположенных восточнее собственно этнографически польских земель, т. е. западно-украинских, западно-белорусских земель и части Литвы.

² См., например: *Cichoracki P. Województwo poleskie, 1921–1939: z dziejów politycznych.* Łomianki, 2014; *Idem. Komunisci na Polesiu w latach 1921–1939.* Łomianki, 2014; *Majewski M.L. Wołyń: Kominizm, nacjonalizm, terroryzm. Wojewoda Wołyński wobec Ukraińskich organizacji terrorystycznych na Wołyniu, 1928–1938.* Warszawa, 2014; *Śleszyński W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej.* Warszawa, 2007; *Tomaszewski J. Z dziejów Polesia, 1921–1939: zarys stosunków społeczno-ekonomicznych.* Warszawa, 1963.

Появились также многочисленные сборники документов, посвященные Полесскому воеводству: *Kontrolować czy likwidować – Komunistyczna Partia Zachodniej Białorusi / Wstęp i opracowanie naukowe W. Śleszyński.* Białystok-Kraków, 2015. *Protokoły i raporty zebrań wojewodów i starostów – województwo poleskie / Wstęp i opracowanie naukowe W. Śleszyński.* Białystok-Kraków, 2014; *Wychować lojalnych obywateli – polityka oświatowa państwa polskiego na Polesiu / Wstęp i opracowanie naukowe A. Smolarczyk, W. Śleszyński, A. Włodarczyk.* Białystok-Kraków, 2016.

³ *Cichoracki P. Polesie nieidylliczne. Zaburzenia porządku publicznego w województwie poleskim w latach trzydziestych XX w.* Łomianki, 2007. S. 11–139.

стьянского восстания на западно-украинских землях летом 1932 г., по-видимому, не было.

Массовые аресты коммунистов, предпринятые польской властью в январе и мае 1932 г., вынудили уйти в подполье несколько десятков человек, лишь недавно вступивших в партию, и, по-видимому, не готовых к продолжительной подпольной жизни, и поставили их перед выбором дальнейшей стратегии поведения. В июне 1932 г. выбор был сделан в пользу форсированной подготовки крестьянского коммунистического восстания на территории Луцкого, Ковельского повятов Волинского воеводства и соседнего Коширского повята Полесского воеводства. Активные превентивные действия польской полиции и армии не позволили коммунистам собрать большой отряд, что в конечном итоге привело к быстрому поражению партизан и их вытеснению в СССР, где волинские партизаны после временного пребывания в карантинном лагере были размещены по разным городам и селам Советского Союза. Значительная часть повурских партизан к 1936 г. работала в Винниковском совхозе НКВД. На настоящий момент сложно сказать о судьбе партизан после 1936 г., однако доподлинно известно, что их значительная часть погибла в годы большого террора 1937–1938 гг.

Материалы РГАСПИ также позволяют составить представление о социальном облике типичного повстанца. Это украинец крестьянин-бедняк, выходец из сел пограничья Ковельского и Коширского повятов, как правило, моложе 30 лет, малограмотный, окончивший в лучшем случае 3-летнюю сельскую школу. В годы Первой мировой войны большинство будущих повстанцев пребывали в эвакуации в Российской Империи, а затем до начала 1920-х гг. в Советской России и имели возможность оценить социально-экономические преобразования, произошедшие за время революции и гражданской войны. Многие из них служили в польской армии, где многие из них впервые столкнулись с коммунистической агитацией. Большинство партизан первоначально были членами Сельроба-Единства и стали коммунистами лишь 1931–1932 гг., сравнительно незадолго до возникновения партизанского движения.

Повурские партизаны, сумевшие отойти в СССР, после отбытия карантина в основном были размещены в различных совхозах НКВД. Изучение их дальнейшей судьбы после 1936 г. является задачей уже будущих исследований.

МОСКОВСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ЭЛИТА В БОРЬБЕ С ХОЛЕРОЙ В 1830 г.

*Барabanова Ксения Сергеевна, к.и.н.
(Петербургский институт уудаики)*

Летом 1830 г. Москву захватила эпидемия холеры. Главными героями любой крупной эпидемии являются врачи. Так и в Москве медицинская корпорация приняла активное участие в борьбе с новым заболеванием. 18 сентября в доме московского военного генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына был учрежден «Соединенный совет». Под руководством Совета находилась «Попечительная комиссия» и «Медицинский комитет». Вошедшие в Медицинский комитет частные медицинские инспекторы отвечали за врачебную помощь в частях¹. Говоря об участниках комитета, мы в первую очередь говорим о медицинской элите Москвы.

Медицинский комитет собирался в доме Голицына каждый день в одиннадцать часов утра, а в случае необходимости – повторно после обеда. На собраниях велись особые протоколы, которые позволяли бы отсутствующим ознакомиться с новыми решениями по мероприятиям против холеры. Начальствующим над частями предоставлялись особые выписки из протоколов.

Изучение биографий московских медицинских инспекторов позволяет сделать вывод о том, что в большинстве своем это были специалисты с большим опытом работы и различными местами получения дипломов. Весьма распространенной оказалась следующая схема: после обучения в стенах московского отделения Императорской медико-хирургической академии или на медицинском факультете московского и дерптского университетов будущие врачи продолжали свое образование за рубежом – в Геттингене, Йене, Вене. Заметное место среди инспекторов занимали те, кто получил образование за рубежом. Инспекторы участвовали в военных действиях, приобретали опыт работы в условиях чрезвычайных си-

¹ Инспектора медицинских частей: Ф.И. Пфеллер (Сретенская часть), С.И. Зубов (Лафертовская), П.Ф. Броссе (Пречистенская), И.И. Сейделер (Покровская), Е.О. Мухин (Таганская), Ф.И. Герцог (Серпуховская), М.В. Рихтер (Пресненская), Г.О. Левенталь (Пятницкая), Х.Ф. Опель (Якиманская), Р.Г. Гейман (Мясницкая), Х.И. Лодер (Арбатская), К. Рамих (Басманная), Ф. Корш (Хамовническая), А.И. Поль (Мещанская), А.А. Рихте (Сущевская), Ф. Янихен (Городская), Г.Я. Высотский (Новинская), А.А. Альфонский (Рогожская), Ф.П. Гааз (Яузская), А.А. Альбини (Тверская).

туаций. Г.О. Левенталь войну 1812 г. начал во вспомогательном прусском корпусе и во время переправы через Березину был взят в плен. В 1832 г. он стал главным доктором Павловской больницы¹.

При этом только о А.И. Поле известно как о медике, имевшем опыт работы с массовыми инфекционными заболеваниями: в 1828 г. он боролся с эпидемией тифа в московской тюрьме. В управление медицинской частью инспекторам пригодился их опыт административной деятельности в городских больницах. Доктора Е.О. Мухин и А.А. Альбини в разное время были главными врачами Голицынской больницы. П.Ф. Броссе с 1826 г. был директором московской глазной больницы. Инспектор С.И. Зубов по меньшей мере имел теоретическую подготовку: он перевел описание холеры Я. Джемсона и опубликовал несколько рапортов в «Военно-медицинском журнале»².

Медицинский инспектор вместе с начальствующим над частью должен был заботиться о сохранении здоровья жителей его части, при этом он должен был оказывать помощь и другим больным. В помощь инспектору назначались четыре медика и четыре фельдшера, а также в больницы определялись по два лекаря из московского университета и медико-хирургической академии, а также двое студентов, в случае необходимости их количество можно было увеличить. Инспектор ежедневно должен был обсуждать с начальствующим происшествия и противоэпидемические меры. Каждый день инспекторы представляли в Медицинский совет ведомости о больных для составления общей ведомости, которую передавали в Попечительную комиссию. Инспекторы должны были помогать начальствующему в поисках дома под временную холерную больницу. Сама больница, ее медицинская часть, находилась в ведении медицинского инспектора, и он должен был посещать ее ежедневно³.

В подчинении у частного медицинского инспектора находились частные медики. В их обязанности входили дежурства в Частном доме, когда дежурному поступало сообщение о заболевшем, он должен был немедленно отправиться к нему. После освидетельствования частный медик принимал решение о госпитализации больного, если он был болен холерой. Отметим, что в «Инструкции временным частным медикам» прописано, что госпитализация была мерой, относящейся «только к дворовым и вообще не имущим людям», а тех, кто мог лечиться дома, предполагалось «не беспокоить, но по желанию их, оставив дома», о чем следовало доложить начальствующему или его помощнику. Частный медик должен был лечить на дому и больных неодержимых холерой, если они не могли быть отправлены в городскую больницу. Ежедневно медики составляли ведомости о больных, которые потом доставлялись инспектору. Под ру-

¹ Горшков М.М., Иванова Е.В. Павловская больница в Москве, 1763–2013: к 250-летию Городской клинической больницы № 4. М., 2013.

² Об эпидемической болезни, бывшей в Индии в 1817, 1818 и 1819 годах, называемой cholera morbus // Военно-медицинский журнал. 1823. Ч. 1. № 3. С. 397–429.

³ Ведомость о состоянии города Москвы. 1830. № 6. 28 сентября.

ководством частных медиков работали фельдшеры. В числе прикомандированных состояли и штатные врачи, которые должны были приступить к помощи частным медикам в борьбе с холерой, если их основные обязанности это позволяли сделать. К временным холерным больницам были приписаны специальные аптеки, которые поставляли необходимые лекарства, в том числе и частным медикам¹.

Всего к концу эпидемии было открыто 30 временных холерных больниц². В день Святителя Николая 6 декабря император Николай I повелел снять наружно оцепление с Москвы, «с соблюдением, впрочем, всех предосторожностей для воспрепятствования болезни вновь усилиться, или перенестись в те места, с коими восстанавливается сообщение»³. С начала эпидемии холеры в Москве по 1 января 1831 г. заболело 8299 человек, из коих 3681 выздоровело и 4497 умерло. На 1 января оставался еще 121 больной⁴.

После эпидемии холеры в Москве были опубликованы новые описания заболевания. Одним из авторов такого сочинения стал инспектор Таганской части Е.О. Мухин⁵. Это сочинение было дополнено новыми наблюдениями и было опубликовано годом позже⁶. Мухин считается первым русским врачом-травматологом и основоположником отечественной хирургии. Он был учителем И.В. Буяльского, который возглавил Литейную часть во время эпидемии в Санкт-Петербурге в 1831 г. Самым известным учеником Мухина был хирург Н.И. Пирогов. То есть он был одним из основателей русской школы хирургии⁷.

Деятельность медицинских инспекторов была высоко оценена властями. Большая часть инспекторов были награждены орденами Св. Анны 3 и 2 степеней. М.В. Рихтер и Г.О. Левенталь были награждены орденами Св. Владимира 4 степени. Инспектор Суцевской части А.А. Рихтер получил за свои труды во время эпидемии звание статского советника.

¹ Ведомость о состоянии города Москвы. 1830. № 6. 28 сентября.

² Там же. 1830. № 106. 6 января.

³ Там же. 1830. № 75. 6 декабря.

⁴ *Самойлов Н.* Исторические записки сибиряка о свирепствовавшей в древней столице Москве болезни холере, с сентября 1830 года, основанные на официальных известиях и достоверных свидетельствах. Ч. 2. М., 1831. С. 125.

⁵ Краткое обозрение способа лечения наносной холеры, о паровых ванне и самоваре, о постной и рыбной пище. М., 1830, 32 с.

⁶ Описание способов узнавать и лечить наносную холеру с приложением записок о паровых самоваре и ванне, постной и рыбной пище и воздухопроводе, с 3 рисунками. М., 1831, 360 с.

⁷ *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. 608 с.; *Шилинис Ю.А.* Е.О. Мухин и анатомо-физиологическое направление в медицине. М.: Изд-во медицинской лит., 1960. 180 с.; *Лушиников А.Г.* Крупнейший деятель медицины первой половины XIX в. Ефрем Осипович Мухин // Фельдшер и акушерка. 1950. № 2. С. 39–49.

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ О РОЛИ ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

*Бахарев Анатолий Александрович,
Петрова Юлия Владимировна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

К первой половине XIX в. экономическое развитие государств Западной Европы привело к структурным изменениям в социально-политической сфере жизни общества. На смену феодальному обществу пришло классово разделенное общество, что существенным образом изменило характер политического процесса. Рост имущественного расслоения, пауперизация и всплеск политической активности рабочих стали стержневыми линиями социально-политических преобразований. Угнетаемый класс требовал расширения политического участия и парламентского представительства. Данная проблематика легла в основу политических изысканий Иеремии Бентама, Джеймса Милля и Джона Стюарта Милля, сформировавших основные принципы либеральной демократии XIX – первой половины XX в.

В условиях обострения классовых конфликтов одним из основных вопросов либерализма явился вопрос о всеобщем избирательном праве. В данной работе мы остановимся на анализе взглядов Джона С. Милля на перспективы и роль всеобщего избирательного права.

Являясь ярким сторонником всеобщих выборов в парламент, Дж. С. Милль прежде всего опирался на широкий утилитаристский тезис о максимизации счастья (или минимизации боли) как можно большего числа людей. Максимизация счастья должна была стимулироваться широким спектром следствий всеобщего избирательного права. Среди них особое место занимал фактор защиты населения от произвола правительства. Согласно позиции Милля: «Люди являются защищенными от зла со стороны других людей лишь в той мере, в какой они обладают властью над бытием и способностью к самозащите»¹. Участие в процессе выборов действительно дает людям способность влиять на политическое развитие,

¹ Милль Дж.С. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006. С. 49.

тем самым преуменьшая потенциальный вред от эгоистических устремлений правящего класса.

Следующей важной проблемой Милль считал униженное положение большинства рабочего класса, ввиду чего представляется целесообразным дать рабочим возможность улучшить свое положение посредством электорального участия в принятии решений. Однако трудность состояла в том, что представители рабочего класса были не в состоянии мудро распорядиться властью. В силу неудовлетворительного уровня развития их сознание строилось на «эгоистическом выгодоприобретении»¹, что в условиях классово разделенного общества и многочисленности рабочих неминуемо привело бы к «классовому законодательству», т.е. к классовой дискриминации. Поэтому Дж.С. Милль отказывается от бентамовской концепции «один человек – один голос» в пользу множественного голосования, строящегося на следующем принципе: «Если необученный рабочий имеет один голос, то квалифицированный должен иметь два; мастер – возможно, три; фермер, фабрикант или торговец – три или четыре; человек интеллектуального труда – пять или шесть»². Более того, он считал целесообразным вообще лишить права голоса неграмотных и не платящих прямые налоги. Таким образом, Милль планировал достичь примерно равного парламентского представительства между классами рабочих и работодателей, что предотвратило бы ущемление одного класса другим.

Джон Стюарт Милль выдвигал еще одно, возможно, даже более существенное основание желательности множественных голосов. Это создание дополнительной мотивации для саморазвития граждан. Предполагалось, что рабочий класс, заинтересованный в увеличении своего электорального веса, начнет заниматься образованием, что в конечном итоге поднимет уровень развития нации (в т.ч. морально-нравственный) и приведет к формированию неэгоистического демократического общества без острых социальных конфликтов. С этой точки зрения модель всеобщего избирательного права при множественном голосовании предстает инструментом улучшения человеческого общества. Данное положение является во многом ключевым во всей концепции «демократии развития» Милля. О системе равновесного голосования Дж.С. Милль высказывается следующим образом: «Можно говорить только о вреде, а не о пользе, когда основные законы страны провозглашают, что невежество имеет такое же право, как знание, на политическую власть»³. В этом свете ограничение избирательного права неграмотных представляется спасением общества от их неразумного эгоистического волеизъявления. При этом стоит заметить, что Милль признает неграмотность беднейших слоев общества не их личной виной, но виной общества. Тем не менее он

¹ *Макферсон К.Б.* Жизнь и времена либеральной демократии. М., 2011. С. 87.

² *Mill J.S.* Collected Works. Vol. XIX. P. 324–325.

³ *Милль Дж.С.* Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006. С. 186.

не стремится к исправлению вышеуказанной ситуации, лишь называя ее «несправедливостью, которой приходится покориться»¹.

Совмещая аргументацию Дж.С. Милля о препятствовании классовому законодательству и о стимулировании развития граждан, стоит заметить, что не вполне понятно, каким образом произойдет резкий подъем образованности рабочего класса в условиях его нищеты и равного представительства в парламенте с классом работодателей. Буржуазия, будучи сугубо эгоистичной, заблокирует инициативы, направленные на повышение образованности и электорального веса своих классовых оппонентов.

Таким образом, модель либеральной демократии Дж.С. Милля нельзя считать абсолютно эгалитарной. Она во многом обосновывает не только имущественное, но и политическое неравенство классов. Фактически в основе данной модели закрепление за более богатым и образованным классом прерогативы определять вектор общественного развития.

Придавая особое значение образованности, Милль построил даже менее демократичную модель, чем его предшественники: Иеремия Бентам и Джеймс Милль. Ведь в его концепции функция законодательной инициативы передается экспертной комиссии. Система народного представительства сохраняет право лишь одобрять или отвергать законопроекты². Вышеописанный фактор значительно снижает степень гражданской вовлеченности в управление государством.

Суммируя основные тезисы, стоит подчеркнуть, что Дж.С. Милль выступал за всеобщее избирательное право при системе множественности голосов, рассматривая его в качестве инструмента развития и стабилизации общества.

¹ Милль Дж.С. Рассуждения о представительном правлении. С. 189.

² Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М., 2011. С. 93.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ КОНФЛИКТОВ

*Блохин Виктор Николаевич, магистр ист. наук
(Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,
Республика Беларусь)*

Анализ возникновения и развития вооруженных гражданских конфликтов является актуальной задачей, поскольку начало нового столетия ознаменовалось нарастанием региональной нестабильности. Использование насильственных средств борьбы – очень сложный процесс, обусловленный различными условиями, обстоятельствами и акторами. Трудности в определении причин использования насилия в гражданских конфликтах часто не позволяют подробно описать историю начала военных действий. Исследователи вынуждены тщательно оценивать критические моменты и ситуации, проверять достоверность тех или иных свидетельств для формирования объективной оценки складывающейся социально-политической ситуации.

Военные действия становятся возможными в ситуации, когда у населения есть доступ к получению оружия и продолжается ситуация нарастания конфликта между противоборствующими сторонами. Однако значительно более тяжелой задачей является определение причин, которые делают войну вероятной¹.

До 1990-х гг. абсолютное большинство научных исследований о причинах вооруженных конфликтов касались исключительно межгосударственных противоречий. В то же время после 1945 г. большинство военных конфликтов имели характер внутрисоюзных (гражданских) противоречий. Внимание к исследованию гражданских конфликтов возросло после распада Советского Союза и завершения холодной войны.

Одной из наиболее популярных концепций, объясняющих возникновение гражданских конфликтов, является теория «относительных лишений», которая акцентирует внимание на разнице между ожиданиями определенных социальных групп и реальным наличием у них доступа к власти и благосостоянию. Данная концепция по своей сути близка теории «групповых льгот», в которой наибольшим значением наделяются факторы этнического характера, влияющие на доступность экономических

¹ Авксентьев В.А., Шульга М.М. Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем? // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 39–45.

и политических ресурсов. Однако полиэтничность как таковая не является причиной начала военных действий и применения насилия, иначе самые многонациональные государства были бы примерами постоянной нестабильности, что не соответствует действительности. Многие исследователи отмечают, что этническое и религиозное разнообразие наоборот способно уменьшить риск возникновения конфликта с применением насилия, т.к. мультикультурализм может являться основой для формирования толерантности.

В ситуации, когда законы государства не обеспечивают равенства прав людей различных этносов, национальностей, религиозных конфессий, либо эти законы нарушаются действующей властью, возможно усугубление конфликта и эскалация ситуации. Примером может являться распад Югославии, сопровождавшийся многочисленными внутренними конфликтами и постоянным применением насилия на этнической и религиозной почве.

В объяснении причин развития гражданских конфликтов заслуживают внимания теории, рассматривающие связь между нарастанием конфликта и экологическими проблемами. Примером гражданских конфликтов, возникших из-за экологической деградации, являются вооруженные противостояния на Филиппинах и Гаити.

Особую популярность в современных исследованиях приобрела идея зависимости политической системы и сохранения мирной ситуации в социуме. Существование устойчивого демократического уклада фактически исключает возникновение конфликтов с применением насилия. Несмотря на некоторую критику подобного подхода, зависимость предотвращения насилия и наличия демократии разделяется большинством ученых-конфликтологов¹.

Провоцирование насилия, безусловно, связано с низким уровнем экономического развития, что могут отражать такие индикаторы, как низкий уровень валового внутреннего продукта на душу населения, доминирование аграрного сектора в экономике, высокая зависимость государства от изменения мировых цен на те или иные природные ресурсы. В развивающихся странах конкуренция за крайне ограниченные ресурсы, особенно в условиях регулярных кризисов и экономического спада, может быстро приводить к эскалации социальной напряженности. Примерами такой эскалации являются многочисленные гражданские конфликты в африканских странах.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– к основным причинам развития гражданских конфликтов и применения насилия является неблагоприятная экономическая ситуация и дефицит основных ресурсов, которые концентрируются в основном у представителей власти;

¹ Семененко И.С. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия реформирующаяся. М.: Новый хронограф, 2013. 114 с.

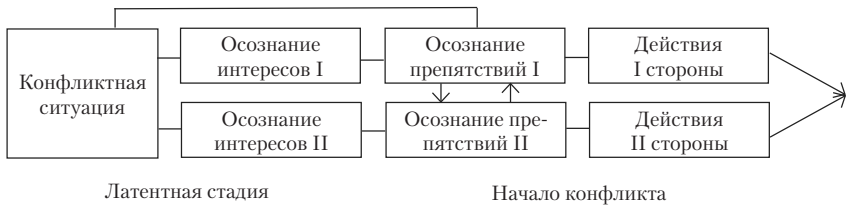

Рисунок 1. Логическая схема развития конфликта

- наибольшую склонность к использованию насилия проявляют репрессивные политические режимы;
- ухудшение экологии и деградация окружающей среды повышает вероятность социальной дестабилизации и стимулирует агрессию среди различных социальных групп;
- этническое, религиозное и иное многообразие само по себе не является причиной возникновения конфликта, однако в условиях экономических кризисов, отсутствия устойчивой демократии и при влиянии иных факторов, мультикультурализм может провоцировать напряженность и применение насилия.

В конфликтологии предлагаются различные схемы развития конфликтной ситуации. В соответствии с наиболее распространенным подходом к развитию конфликта существует латентная стадия конфликтной ситуации и непосредственное начало конфликта [Рисунок 1].

Приоритетной задачей политиков и научного сообщества является разработка концепций, помогающих в определении риска возникновения и развития гражданского конфликта. При нарастании предпосылок к развитию противоречий с применением насилия необходимо незамедлительно принять меры по противодействию эскалации, для этого важно определить основные причины, вызывающие недовольство широких социальных слоев¹.

Соблюдение прав человека, переход к устойчивой демократии является залогом успешного экономического развития, что практически исключает риск применения насилия внутри социума.

Таким образом, приверженность идеям создания глобального гражданского общества способна противостоять эскалации напряженности, противодействовать нарастанию экстремизма и дискриминации людей по какому-либо признаку.

¹ Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политэкс. 2013. Т. 9. № 2. С. 50–59.

МЕТОДЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ СОЛДАТАМИ РУССКОГО ОККУПАЦИОННОГО КОРПУСА И ФРАНЦУЗСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В 1815–1818 гг.

*Болт Валентина Сергеевна
(Институт всеобщей истории РАН)*

В традиции европейских войн введение оккупационного режима на территории государства-соперника на протяжении веков нередко использовалось как средство оказания военного, экономического и психологического давления. Однако применение подобных практик часто сталкивалось с серьезными препятствиями. Среди наиболее опасных из них современные исследователи называют сопротивление гражданского населения. Когда в 1815 г. Александр I оставлял свой тридцатитысячный корпус в составе союзной оккупационной армии на территории Франции, он не мог не вспоминать о том уроне, которые жители российских губерний смогли нанести Великой Армии тремя годами ранее. Естественно, для своей армии русский император подобной судьбы не желал. Вероятно, поэтому одно из главных правил, продиктованных им своим войскам, предписывало всем солдатам по возможности воздерживаться от насилия, стараться не вступать в конфликты и беречь репутацию. На практике, конечно, соблюдать эти принципы получалось не у всех и не всегда: и в отечественной, и в зарубежной историографии описано множество конфликтов между солдатами и местным населением за 1814–1815 гг. В архивном фонде Первой армии хранится некоторое количество следственных дел, свидетельствующих о том, что за насилие по отношению к местным жителям солдаты нередко подвергались наказанию (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16 231).

Естественно, после ухода основных сил в Россию для оставшегося оккупационного корпуса это правило значения не потеряло, к тому же в новых условиях за его соблюдением следить было намного легче. Все подразделения корпуса закреплялись за конкретной территорией и несли ответственность за порядок на ней, в то время как ранее войска всей союзной армии находились в постоянном движении, из-за чего нередко оказывалось сложно найти виновных в правонарушениях. Кроме того, союзный договор предполагал полное прекращение вооруженных столкновений, что должно было позволить подробнее рассматривать возникавшие конфликты и следить за их предотвращением.

С самого начала понимая, что уровень агрессии в отношениях солдат с населением может быть очень высоким, руководство корпуса считало необходимым уменьшить давление на жителей. В частности, было объ-

явлено о необходимости разместить максимальное количество солдат по казармам, избегая постоев, чтобы, с одной стороны, уменьшить возможные межкультурные противоречия, с другой – избежать большого количества бытовых конфликтов, связанных с финансовой и психологической нагрузкой на домохозяев, обязанных каждый день удовлетворять повседневные и иностранных солдат. Однако по казармам удалось разместить все же отнюдь не весь корпус, хотя и большую его часть. Кроме того, под строжайшим запретом находилось любое вмешательство в хозяйственную деятельность жителей: предписывалось не топтать поля, сады, не охотиться в неположенное время, не использовать взрывчатых веществ для ловли рыбы, даже переход из одного дома в другой в период сбора урожая, согласно одному из приказов М.С. Воронцова, не рекомендовался, т.к. заставлял новых хозяев оставлять одного из членов семьи следить за вновь прибывшим постояльцем, лишаясь пары рабочих рук¹.

Принципы работы военного суда в корпусе соответствовали принятому в российской армии военному уставу, предусматривавшему различные формы наказаний за те или иные виды преступлений. Однако нередко исследователи биографии М.С. Воронцова обращают внимание на его непривычно для того времени гуманное отношение к солдатам и стремление к упорядочению привычного для российской армии патернализма. Не оспаривая данного тезиса, необходимо признать, что приговоры, выносимые военно-полевыми судами и подтвержденные командиром корпуса, нередко предполагали серьезный физический ущерб либо здоровью, либо службе солдат. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что суровость наказаний, которым подвергались российские солдаты, нередко удивляла даже самих французов². Помимо этого, документы корпусного аудиториата свидетельствуют о том, что при расследовании преступлений практически всегда присутствовал уполномоченный от французских властей. Вероятно, максимальная открытость в работе военного суда также казалась руководству корпуса способом убедить местное население в их защищенности от необоснованной солдатской агрессии.

Французский исследователь Антрэ в своей работе, посвященной иностранной оккупации Франции 1815–1818 гг., помимо прочего, анализировал некоторые психологические механизмы, которые активно работали в рассматриваемых обстоятельствах. По его мнению, солдаты, дважды вступившие во Францию победителями, неизбежно чувствовали свое превосходство и нередко крайне агрессивно реагировали на ситуации, которые могли так или иначе оскорблять их достоинство³. В таких

¹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 132.

² См.: *Губина М.В.* Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Выпуск второй. М., 2002. С. 155.

³ *Hantraye J.* *Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon.* Paris, 2005. P. 75.

условиях командиру российского корпуса были необходимы некоторые дипломатические навыки, которые могли позволить найти баланс: наказывать виновников конфликтов, при этом не унижая ни одну из сторон. Вероятно, руководствуясь подобным выводом, М.С. Воронцов требовал от местных властей обязательно открытого наказания для французов, совершавших преступления против русских, тем самым показывая вверенным ему подчиненным, что, если они будут четко следовать его правилам, он сможет их защитить. Кажется, именно с такой целью в середине 1816 г. по корпусу был издан приказ, что, вопреки объявленным ранее правилам не подвергать штатских военному суду, отныне всех французских правонарушителей нужно доставлять в корпусный штаб¹. Связано это было с тем, что прокурор города Авен отпустил двух французских таможенников, без значительных причин застреливших казака. Проблема была не только в факте подобного решения, а в том, что эта новость разнеслась по корпусу и нужно было открыто продемонстрировать силу легитимных средств контроля.

Ситуация русских солдат во Франции 1815–1818 гг. была довольно противоречивой: с одной стороны, они были победителями, с другой – не могли в полной мере пользоваться правом таковых на трофеи. К тому же перед императором Александром I и командиром корпуса М.С. Воронцовым одной из первых задач стояла защита своих подчиненных от угрозы народной мести. И отчеты Воронцова императору об итогах оккупации свидетельствуют о том, что методы контроля за отношениями солдат и населения были выбраны вполне эффективные.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1261. Д. 2164. Л. 8 об.

СПИТАКСКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В СУДЬБЕ АРМЕНИИ И СССР (К 30-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ КАТАСТРОФЫ)

*Бондаренко Владимир Игоревич, к.и.н.
(Кубанский медицинский институт)*

В декабре 2018 г. исполняется 30-летняя годовщина одной из самых трагичных природных катастроф новейшей истории – Спитакского землетрясения. Вышеназванное стихийное бедствие унесло жизни десятков тысяч человек, затронуло судьбы сотен тысяч людей и имело серьезные экономические и политические последствия, сказавшиеся на последующем развитии не только Армении, но и всего СССР.

Спитакское землетрясение произошло 7 декабря 1988 г. в 10 ч. 41 мин. по московскому времени. Сила толчков в эпицентре составляла 8–10 баллов по двенадцатибалльной шкале. Это было наиболее сильное землетрясение на Кавказе в XX в. Полностью был уничтожен город Спитак, разрушены города Ленинакан, Кировакан и многие другие населенные пункты Армянской ССР.

Согласно докладу первого секретаря ЦК Компартии Армении С.Г. Арутюняна, стихия охватила 40% территории Армении с населением почти в 1 млн чел. Пострадали 21 город и район, 342 села, из которых 58 полностью разрушены. Свыше 25 тыс. чел. погибло, получили разной степени увечья и ранения около 19 тыс. чел. Уничтожено около 8 млн м² жилья, что составило 17% всего жилого фонда республики. Без крова остались 514 тыс. чел., организовано эвакуированы в здравницы страны 120 тыс. чел., около 70 тыс. чел. выехали из зоны бедствия самостоятельно. Разрушены 277 школ, 245 детских дошкольных учреждений, 250 объектов здравоохранения, 324 клуба и дома культуры¹. Перестали функционировать более 170 промышленных предприятий, потеряны мощности по выпуску промышленной продукции на 1,9 млрд руб. в год, 82 тыс. рабочих мест. Существенно пострадали 209 совхозов и 90 колхозов. Разрушены более 80 предприятий перерабатывающей промышленности, 1200 животноводческих помещений. Потери по агро-

¹ Доклад первого секретаря ЦК Компартии Армении тов. Арутюняна С.Г. «О задачах партийных, советских и хозяйственных органов республики по выполнению постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по ликвидации последствий землетрясения в Армянской ССР // Спитакское землетрясение: Зона бедствия вчера и сегодня. Взгляд через 20 лет. Сборник документов / сост. А. Вирабян. Ереван, 2008. С. 258.

промышленному комплексу республики составили свыше 2 млрд руб.¹ Общий народнохозяйственный ущерб от землетрясения оценивался в 10 млрд инвалютных рублей или 14 млрд дол. (в ценах 1989 г.) без учета затрат на спасательные и восстановительные работы².

Сильнее всего пострадал г. Спитак, где погибло около 50% жителей (9732 чел.), ранено 1280 чел., остались без крова 8,7 тыс. чел. Из 433 жилых домов здесь полностью разрушено 274. В Лениакане (население 232 тыс. чел.) под руинами погибло около 10 тыс. чел., получили ранения 4430 чел., остались без крова 180 тыс. чел. Подлежало сносу 70% жилищного государственного фонда и 18,7% частных домов, полностью было разрушено 90% двенадцатиэтажных и девятиэтажных, 10% пятиэтажных зданий³.

Ликвидация последствий Спитакского землетрясения впервые в истории СССР имела международный характер. Руководство Советского Союза открыто обратилось к мировому сообществу за помощью. На 10 мая 1989 г. помощь Армянской ССР поступила из 113 стран на сумму в 551 млн 584 тыс. дол., в том числе из Италии – 94,8 млн дол., ФРГ – 84,2 млн дол., США – 41,6 млн дол., Англии – 38 млн дол., ЧССР – 34,5 млн дол., Франции – 27,9 млн дол. Общее число иностранных специалистов, принявших участие в спасательных работах в Армении, составило свыше 3,6 тыс. чел., включая 1,5 тыс. спасателей из 26 иностранных государств и около 500 врачей из 16 стран⁴.

Несмотря на существенную помощь западных стран, основное бремя спасательных и восстановительных работ в Армянской ССР легло на регионы СССР. С первых минут трагедии из разных районов Советского Союза в зону бедствия круглосуточно и непрерывно прибывали врачи, спасатели, строители, техника, гуманитарная помощь, денежные средства. В тоже время из пострадавших населенных пунктов вывозились женщины, старики и дети, которые временно размещались в лучших медицинских учреждениях и здравницах страны. В Армению из других районов СССР было направлено 130 медицинских бригад, с общим количеством врачей более 1150 чел.⁵ Активное участие в спасательных и восстановительных работах в Армянской ССР приняли и подразделения Советской армии, в том числе полки ГО, прибывшие из разных регионов страны. На 17 января 1989 г. в зоне бедствия находилось около 20 тыс. военнослужащих, в том числе около 10 тыс. резервистов, призванных из многих областей СССР⁶.

¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 650. Оп. 1. Д. 3888. Л. 1.

² Национальный архив Республики Армении (далее – НАРА). Ф. 1. Оп. 83. Д. 84. Л. 4–6.

³ Магомаева Э.В. Анализ последствий Спитакского землетрясения 1988 года // Труды института геологии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала, 2010. № 56. С. 304.

⁴ Спитакское землетрясение... С. 195.

⁵ НАРА. Ф. 1. Оп. 83. Д. 84. Л. 7–8.

⁶ Армения: беда, милосердие, возрождение. Сб. очерков и документов / сост. Ю.В. Пономаренко. М., 1990. С. 154; Спитакское землетрясение... С. 333.

Все восстановительные работы в Армении намечалось осуществить за два года. Только в Ленинакане за указанный период времени планировалось построить 2 млн 100 тыс. м² жилья. К концу 1989 г. предполагалось в городах и селах Армении ввести в эксплуатацию 1440 тыс. м² и 720 тыс. м² жилой площади соответственно¹. Специально для этой цели в короткие сроки в различных областях страны были сформированы и отправлены в пострадавшие населенные пункты более 110 строительных отрядов. Из них уже к 17 января 1989 г. к работе приступили 94 бригады. В это время в Армении насчитывалось более 40 тыс. строителей, прибывших в зону бедствия из других регионов СССР. В июле 1989 г. в восстановительных и ремонтных мероприятиях участвовало более 150 тыс. чел.² Однако ликвидация последствий Спитакского землетрясения шла с заметным отставанием от графика и была приостановлена в связи с распадом СССР.

Особую роль в спасательных и восстановительных работах в Армении сыграла РСФСР. Для скорейшей ликвидации последствий данного бедствия в 1988–1991 гг. был задействован весь потенциал РФ. Согласно плану строительных работ только в Ленинакане Россия должна была сдать в эксплуатацию 1043 тыс. м² жилья – больше, чем остальные союзные республики вместе взятые³. Восстановление же сельских населенных пунктов Армянской ССР практически целиком выпало на агропромышленный комитет РСФСР. К сожалению, из-за политического и экономического кризиса в стране эти работы не были доведены до конца.

Спитакское землетрясение вызвало у многих советских людей чувство солидарности с армянским народом в его беде. По всему Советскому Союзу проводились митинги, собрания, благотворительные концерты, субботники, на которых собирались денежные средства и гуманитарная помощь для соотечественников. Только на счет № 700412 (всесоюзный фонд Армении) за 100 дней его существования было перечислено свыше 1374 млн руб.⁴

Подводя итоги по всему вышесказанному, отметим, что Спитакское землетрясение является одной из крупнейших природных катастроф XX в., затронуло судьбы миллионов людей и стало национальным бедствием для Армении. Экономический ущерб, нанесенный вышеуказанным бедствием, вполне сопоставим с затратами на Афганскую войну и ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Землетрясение нанесло невосполнимый удар по народному хозяйству Армянской ССР и всей страны в целом, способствовало углублению экономического и политического кризиса советского государства и стало своеобразным катализатором распада СССР.

¹ НАРА. Ф. 1. Оп. 127. Д. 690. Л. 158; Д. 691. Л. 23.

² Спитакское землетрясение... С. 12, 273, 328.

³ НАРА. Ф. 1. Оп. 127. Д. 695. Л. 117.

⁴ *Гай Д.* Унесу боль твою. М., 1989. С. 234.

«ГУЛАГ В МЕМУАРЕ» К. КРЮГЕР КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*Быша Лидия Сергеевна
(Тверской государственный университет)*

Мемуар немки русского происхождения К. (Хильдебранд) Крюгер (1908–2002), выпущенной из Советского Союза в 1976 г. после 14 лет жизни в ГУЛАГе, был опубликован в 1991 г.¹ Данный текст представляет собой такой аспект истории повседневности, как стратегия выживания женщины в условиях тюрьмы и репрессий. Революция, война, голод, коллективизация, изгнание, потеря семьи – все это становится частью переживаемого женского опыта². Мемуар добавляет новые измерения в осознание истории женщин в условиях войны, осмысления личной истории семьи, глубинных процессов ее прошлого, в частности потери религиозной идентичности меннонитов, и позволяет вписать эту историю в атмосферу ГУЛАГа.

Лагерное пространство «женского» опознается как стремление «гуманизировать свое окружение». Так, например, К. Крюгер описывает процесс подготовки к Рождеству, для которого заключенные женщины доставали деревья и делали из бумаги украшения и игрушки для детей.

Осознание общего горя становится для К. Крюгер источником духовной и физической силы, о чем говорят приводимые портреты женщин-соотечественников или письма от членов семьи из других лагерей.

Заявленная К. Крюгер неприверженность политическим взглядам становится частью стратегической позиции адаптации в условиях режима. Постоянные допросы тайной полиции о местонахождении ее младшего брата вынуждают ее выходить на мороз без верхней одежды, чтобы попасть в больницу, где она будет изолирована от общения. В этом смысле прослеживаются формы пассивного протеста, характерного для религиозных убеждений меннонитов, членом общины которых К. Крюгер являлась с детства. Так, принципиальный пацифизм, лежащий в основе

¹ *Krueger K. Schicksal einer Russlanddeutschen. Erlebnisbericht, Goettingen: Verlag Graphikum, 1991.*

² *Carter S., Hildebrandt M. «Overrun and Swept Along by War»: The Gulag in the Memoir of Katharina (Hildebrand) Krueger // Journal of Mennonite Studies. Vol. 30. № 1. 2012. P. 237–250.*

вероучения меннонитов, побуждал их к массовой эмиграции как способу уклонения от государственной службы¹.

В то же время К. Крюгер подчеркивает потерю своих религиозных убеждений вплоть до отказа передать меннонитские культурные практики и язык своему сыну. Отвернувшись от большинства аспектов наследия меннонитов, К. Крюгер подчеркивает доминанту своей немецкой идентичности, предпочитая термин «русский немец», а не «меннонит». Возможно, этому способствовало неприятие, встреченное К. Крюгер со стороны религиозной братии, когда в 1953 г. она получила разрешение посетить свой родной город (с. Долиновка). Как обнаруживает М. Эпп, после войны одинокие и овдовевшие женщины представляли собой отклонение, причиняющее дискомфорт общинам меннонитов².

Мемуар как таковой встраивается К. Крюгер в систему личностных жизненных ценностей как возможность к объединению своей разрозненной войной семьи. Для женщин-авторов мемуары о ГУЛАГе являлись стремлением зафиксировать тот опыт индивидуальной и коллективной травм, который предавался официальному забвению.

В этом плане мемуар К. Крюгер вписывается и в контекст произведений женщин-меннонитов³, авторы которых также переживают войну, революцию, голод, боль потерь. Однако, как отмечает М. Эпп, К. Крюгер не иллюстрирует характерные для последних «социальную память» или «коллективный сюжет», ее повествование не апеллирует к библейским образам «исхода» или направляющей Божественной воле⁴.

К. Крюгер идентифицирует себя в первую очередь как немка, а не как меннонит. По ее словам, никто не может свидетельствовать, что она верила и продолжает верить в Бога. Возможно, по мнению С. Картер, данная позиция могла объясняться и определенной политикой со стороны СССР в отношении немецких меньшинств, направленной на ограничения в частности их религиозных прав⁵.

Женская повседневность, репрезентируемая через повествование К. Крюгер о ГУЛАГе, обретает аспект разрушения традиционной семейной жизни и становится контекстом моделирования новых форм выживания, историей ре-обретения независимости, религиозной и социокультурной идентичностей.

¹ *Gingerich M. Service for peace: a history of Mennonite Civilian Public Service.* Akron, PA: Mennonite Central Committee, 1949.

² *Epp M. Women Without Men: Mennonite Refugees of the Second World War.* Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. 5.

³ E.g.: *Journey Into Freedom: One Family's Real-Life Drama* / Ed. E. Friesen. Winnipeg: Raduga Publications, 2003; *Neufeld J.D. A Family Torn Apart.* Kitchener: Pandora Press, 2003; *From Kleefeld with Love* / ed. J.A. Harder. Kitchener: Pandora Press, 2003; *Dick J. Eye of the Storm.* Waterloo: Herald Press, 2003.

⁴ *Epp M.* Op. cit. P. 14.

⁵ *Carter S.* Op. cit. P. 248.

РОЛЬ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

*Вильданов Руслан Раисович, к.полит.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический
университет)*

В 2018 г. мы отмечаем столетие начала Гражданской войны в России как события, круто изменившего историю России. При этом период кардинальных изменений в России начался еще с февраля 1917 г. Именно этот месяц стал отправной точкой для кардинальных изменений политического, культурного и экономического строя России, в корне поменявших вектор развития нашей страны. При этом надо понимать, что Революция была ответом на неспособность властей решить стоявшие перед Российской империей проблемы, которые еще более обострились в условиях Первой мировой войны. На фоне нежелания правительства и лично Николая II даровать населению политические свободы сверху, возросла психологическая готовность целых социальных слоев (рабочие, крестьяне, радикальная интеллигенция) к силовому решению «своих» проблем. В этой ситуации, при неспособности власти к реформам, ситуация становилась взрывоопасной.

Самая идея всеобщего народного представительства связана с Великой Французской революцией XVIII в. Эта идея стала символом борьбы с королевским абсолютизмом за конституцию и права граждан, за верховенство закона. После Французской революции принцип народного суверенитета, утвердился в общественном мнении. В течение XIX в. наблюдается интерес к идее Учредительного собрания после войн и революций во многих странах тогдашней Европы. В случае экстраординарных обстоятельств Учредительное собрание становилось главным органом европейской демократии. Попав в Россию, идея Учредительного собрания видоизменилась, впитав помимо европейской политической культуры и российской традиции. В России самодержавная власть держалась не только на принуждении, но и идее об особом месте и роли России в мире. Поэтому в XIX в. в России не было почвы для реализации формулы «народ – источник власти»¹.

¹ Вильданов Р.Р., Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. Соборность как российский подход к народному представительству // Евразийский юридический журнал. № 11. 2016. С. 85.

Все к началу XX в. идея Учредительного собрания укрепились в революционных и либеральных кругах, при этом понятие Учредительное собрание имело для них весьма широкий смысл, сильно отличаясь от одной политической группы к другой. Даже ранний В.И. Ленин в 1890-е гг. не исключал политическое освобождение России путем созыва Земского собора царской властью¹. Опять же при этом нужно учитывать, что идея созыва Учредительного собрания оставалась во многом элитарной из-за социокультурной пропасти между тонким слоем образованного общества и основной массой населения. Она была «*Idée fixe*» тогдашней российской интеллигенции. В России с ее большими массами малообразованного населения, западноевропейские идеи встречали небольшой отклик, если не отторжение. Скорее, среди простого населения, преимущественно крестьянского, была бы популярна идея нового Земского собора и вообще соборности, желания делать все вместе, сообща, общинно. Но нужно учитывать, что русские революционеры и либералы полагали, что лучше простого народа знают, что ему народу нужно. Идея Учредительного собрания оценивалась ими как возможность самореализации, народ оставался лишь объектом их социальной практики.

В широкие народные массы идея Учредительного собрания пришла в годы Первой российской революции. Этому способствовало то, что после Манифеста от 17 Октября 1905 г., в Российской империи были легализованы политические партии, которые стали бороться за данную идею всеми доступными способами. Идея Учредительного собрания была закреплена программными документами, пропагандировалась партийными изданиями. Политические партии отождествляли успехи и достижения западной цивилизации с фактом революций и созыва Учредительных собраний.

Идея Учредительного собрания, всемогущего органа, способного решить все проблемы, постепенно закреплялась в сознании населения. На него возлагались огромные надежды, во многом иллюзорные. Но если бы эти надежды не были реализованы, то доверие к данному органу власти исчезло бы безвозвратно, как, впрочем, и случилось. И.В. Гессен, обзвывая, начиная с 1905 г., судьбу Всероссийского Учредительного собрания, писал: «Не тогда ли было уже предопределено опозорение Учредительного собрания, которое, родившись, наконец, в крови и тяжких муках, сразу получило презрительную кличку “учредилка”, мановением руки Ленина было задушено и выброшено на свалку истории»².

27 февраля 1917 г., явившиеся на заседание IV Государственной думы депутаты узнали, что император распустил ее, отдельные левые (трудовики В.И. Дзюбинский, А.Ф. Керенский, меньшевики Н.С. Чхеидзе,

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 252, 370, 435.

² Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 197.

М.И. Скобелев) предлагали объявить себя Учредительным собранием, чтобы от имени народа создать новую власть. Но этим планам было не суждено сбыться. Новая эпоха требовала нового органа власти, выбранного на новых условиях. Учредительное собрание стало для всех прогрессивных сил страны заветной целью демократической революции, случившейся в России в феврале 1917 г. В считанные дни февраля 1917 г. страна полицейско-бюрократического произвола получила столько политических и гражданских свобод, насколько это вообще было возможно в воюющей стране.

Вскоре после начала Революции было создано Особое совещание для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Работа над проектом Положения о выборах в Учредительное собрание была завершена в августе 1917 г. В результате был принят самый демократичный закон о выборах в Учредительное собрание: выборы всеобщие, равные, прямые, тайное голосование. В течение лета 1917 г. проходили съезды различных политических сил с целью выработать свою политику в новых условиях и в частности определиться с кандидатами в Учредительное собрание.

Выборы в Учредительное собрание состоялись уже в новых условиях. После прихода к власти в октябре 1917 большевики не отказались от созыва Учредительного собрания и даже ускорили выборы в него¹. Но результаты выборов разочаровали большевиков: в Учредительном собрании доминировали правые эсеры, были избраны депутатами неприемлемые для большевиков А.Ф. Керенский, С.В. Петлюра. В этой ситуации большевикам сложно было наладить конструктивный диалог с Учредительным собранием. Итогом противостояния стал разгон собрания 6 января 1918 г., что многими воспринималось как абсолютно нелегитимный факт и послужило одной из причин начала Гражданской войны.

На этом судьба Учредительного собрания не была завершена. Депутаты, избранные населением, считали роспуск незаконным и при первой возможности попытались возобновить работу собрания. Возобновление работы депутатов стало возможным благодаря антибольшевистскому выступлению Чехословацкого корпуса. В Самаре 8 июня 1918 г. пятеро эсеров организовали Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (КОМУЧ). Это было первое антибольшевистское правительство России, формально всероссийское, но в реальности контролировавшее только часть Поволжья и Южного Урала. В сентябре 1918 г. структуры Комуча вошли в состав «Уфимской Директории».

Идея Учредительного собрания, возникшая в XVIII в., была реализована в России только в 1917 г. Этот орган так и не стал жизнеопределяющим для страны. Проблема Учредительного собрания в России была в том, что этот орган был остро необходим в сложный период становления новых органов власти, формирования новой политической структуры. Пришедшим к власти большевикам оно уже было не нужно и вскоре было ими устраниено из политической жизни.

¹ См.: *Троцкий Л.* К истории русской революции. М., 1990.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С СОЮЗНИКАМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Виноградов Павел Валентинович, к.и.н.
(Дальневосточная пожарно-спасательная академия)*

Начавшаяся Первая мировая война обнажила острую проблему в снабжении противостоящих друг другу армий предметами военного имущества. К концу 1914 г. «...противоборствующие коалиции израсходовали имеющиеся запасы и испытывали недостаток в вооружении и боеприпасах, поскольку их генеральные штабы, готовясь к войне и разыгрывая ее возможные сценарии, рассчитывали закончить боевые действия в короткие сроки с имеющимися мобилизационными запасами, пополняемыми небольшим текущим производством на оборонных заводах»¹.

Наиболее остро дефицит военного имущества проявился в русской армии, вылившись в «кризис вооружений», поразивший войска в конце 1914 – начале 1915 г. Армия, промышленность и правительство оказались не подготовленными к затяжной и крупномасштабной войне. Российскому правительству уже с самого начала войны пришлось прибегать к систематическим закупкам материальных ресурсов у союзников по Антанте и в США. Военно-техническое сотрудничество с союзниками становится важным элементом в механизме борьбы с «кризисом вооружений» царской армии и мерах, предпринимаемых для развития оборонной промышленности.

Однако сложность организации поставок материального имущества из-за рубежа заключалось в том, что они пришлось на периферийные порты и регионы страны соответственно, которые для этого были совершенно не приспособлены. В связи с активизацией военных действий в Черном и Балтийских морях для «...сношения с внешним миром у России оставалось только два порта: Владивосток и Архангельск»². Таким образом, уже с началом войны, наряду с Архангельском, который стал главным портом Европейской части страны, к принятию грузов был подключен Владивосток. Принятие Владивостоком стратегических грузов из-за рубежа стало «Главным направлением деятельности по оказанию помощи фронту...»³.

¹ *Базанов С.Н.* От «войны до победного конца» к «миру любой ценой». М., 2017. С. 25.

² *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2006. С. 367.

³ *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. С. 91.

В процессе налаживания военно-технических поставок к принятию иностранных грузов, был подключен и порт Николаевска-на-Амуре.

Направление иностранных грузов в Дальневосточные порты привело к необходимости экстренного развития их инфраструктуры. Главные усилия по модернизации были сосредоточены на Владивостоке. В конце 1914 г. в порту начинается активное строительство. За период 1914–1916 гг. в порту было оборудовано 16 причалов, а общее количество причальных мест с учетом понтонных приспособлений была доведена до 37. Для разгрузки судов и обработки крупногабаритных грузов причалы оснастили 6-ю портовыми и 26-ю береговыми 20 тонными кранами¹.

Масштабным явилось строительство крытых складских помещений. К 1917 г. площадь крытых складов составляла с учетом довоенных помещений 155 тыс. кв. м, что позволяло разместить до 369 тыс. т груза. Были увеличены открытые складские территории, площадь которых равнялась 121 тыс. кв. м, что позволяло разместить 254 тыс. т груза².

В итоге предпринимаемых мер удалось резко увеличить грузооборот Владивостокского порта. Уже в 1915 г. ввоз грузов во Владивосток превысил норму мирного времени, неся «...ярко выраженный оборонительный характер»³. В 1916 г. порт работал наиболее напряженно: привоз превысил вдвое даже импорт предыдущего года. Если в 1914 г. грузооборот порта составил 1 323 669 т, то в 1916 г. 2 628 053 т, причем 2 098 960 т составил импорт товаров⁴.

Мероприятия по развитию Николаевского порта по своему содержанию были аналогичны тем, что проводились во Владивостоке, уступая им, пожалуй, лишь по масштабам. К началу 1917 г. в Николаевске-на-Амуре из числа планируемых к постройке шести пакгаузов были возведены четыре площадью в 2867 кв. м. Были построены свайная эстакада и все планируемые понтонные причалы. Улучшилась навигация в Амурском лимане.

Таким образом, Первая мировая война значительно усилила торгово-транспортное значение Дальнего Востока. Будучи глубоким тылом, регион приобрел особую роль в развитии внешнеэкономических связей России⁵.

Кроме Дальневосточных портов, большая нагрузка легла на транспортную сеть региона. С ростом грузопотоков, шедших из-за границы через Владивосток, усилилась нагрузка на железнодорожный транспорт,

¹ Российская национальная библиотека, отдел рукописей (Далее РНБ ОР) Ф. 445. Д. 35. Л. 28.

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (Далее РГИА ДВ) Ф. 487. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

³ *Куртеев К.К.* Экономическая роль Владивостока. Курс лекций. Владивосток, Тип. т-ва «Свободная Россия», 1921. С. 53.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 64.

⁵ Дальний Восток России в период революции 1917 года и Гражданской войны / отв. ред. Б.И. Мухачев. Владивосток, 2003. С. 70.

связывающей дальневосточную окраину со всей Россией¹. В этой связи особая нагрузка легла на Китайско-Восточную железную дорогу (далее КВЖД). За 1914–1916 гг. грузооборот КВЖД увеличился на 97%, а входящей в ее состав Уссурийской железной дороги на 54,4%².

Однако, несмотря на интенсификацию работы всех служб и подразделений железной дороги, наладить своевременную вывозку грузов в центральную часть страны не удавалось. Это являлось одной из главных причин постепенного затаривания грузами Владивостока, его пригородов и станций КВЖД. Так, к маю 1917 г. во Владивостоке находилось не менее 355 тыс. т различных грузов, КВЖД же могла вывезти чуть более 221 тыс. т грузов³. Подобное положение дел побудило часть иностранных грузов направлять на Николаевск. Расчет делался на то, что доставленные в Николаевский порт грузы можно будет перевозить по Амуру в Хабаровск, Благовещенск и далее транспортировать по введенной в строй в 1916 г. Амурской железной дороге. В навигацию по Амуру из Николаевска можно было перевести до 327 тыс. т различных грузов⁴. Однако этот расчет не оправдался. Главная проблема в перевозке грузов по железной дороге состояла в нехватке подвижного состава. КВЖД уже с начала войны испытывала острый дефицит вагонов для транспортировки грузов. Согласно утвержденным планам, для Владивостока суточная норма подвижного состава составляла 160 вагонов⁵. На деле среднее количество вагонов, ежедневно предоставляемых для вывоза грузов, равнялась не более 150 вагонов. Одна из основных причин нехватки вагонов заключалась в том, что на пути в центр страны из Владивостока подвижной состав проходил участки разных железных дорог: Уссурийской, Амурской, Забайкальской, Сибирской и т.д., имевших самостоятельный учет. Между железными дорогами страны образовалась большая и сложная вагонная задолженность. Только Забайкальская железная дорога к 1916 г. должна была вернуть во Владивосток 7485 вагонов⁶. В декабре 1916 г. в распоряжении КВЖД насчитывалось всего 891 свободный вагон⁷. Поэтому реализовать мероприятия по вывозу грузов из Владивостока и усиления вагонного парка КВЖД впредь до поступления вагонов из Европейской части было невозможно.

Таким образом, Дальневосточный регион в годы войны, кроме естественных обязанностей, вызванных военным временем, взял на себя и специфические, вызванные его включение в систему военно-техническо-

¹ Там же.

² Там же.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (Далее РГА ВМФ). Ф. 1139. Оп. 1. Д. 74. Л. 122.

⁴ Николаевск-на-Амуре. Страницы истории: Сборник архивных документов / отв. сост. А.В. Размахина. Хабаровск: изд-во Хворово А.Ю., 2015. С. 182.

⁵ РГИА ДВ.Ф.702. Оп. 2. Д. 855. Л. 251.

⁶ Там же. Д. 887. Л. 362.

⁷ Там же. Д. 897. Л. 174.

го сотрудничества с союзниками. Дальневосточные порты стали важным звеном в системе международных транспортных связей в лагере Антанты и принимали, наряду с портами Европейского севера, основной поток иностранных грузов, а КВЖД являлось важнейшей транспортной артерией, снабжающей отечественные предприятия промышленным оборудованием и сырьем, а армию – оружием.

И.И. ФУДЕЛЬ: НА НИВЕ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

*Винюкова Надежда Валерьевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Иосиф Иванович Фудель (1864–1918) – выдающийся московский священник и публицист, личность и идеи которого до сих пор не изучены. В разное время он служил в таких непохожих средах, как Северо-Западный край, Бутырская пересыльная тюрьма, приход на Арбате. И всегда был чрезвычайно деятелен – занят учительством, проповедью, издательской деятельностью, помощью заключенным и бедным, заботами по оживлению церковно-приходской жизни.

Направление деятельности было выбрано Фуделем уже в юности, когда он был студентом Московского Императорского университета: в своих ранних статьях он призывал молодежь вступить на путь «православного народничества»¹, проторенный еще ранними славянофилами.

Его мировоззрение окончательно сформировалось в 1880-е гг. и было пропитано той атмосферой, которую замечательно охарактеризовал современник Фуделя, князь Евгений Трубецкой: «Мы жили тогда под впечатлением навеванной Достоевским мечты об Алеше Карамазове, посланном старцем Зосимом в мир – осуществлять Божью правду на земле. <...> Вся религиозно-настроенная молодежь того времени жила в атмосфере славянофильской утопии»².

Хотя еще в 1881 г. умер Ф.М. Достоевский, а в 1886 г. – «последний славянофил» И.С. Аксаков, эти мыслители по-прежнему занимали место «властителей дум». Кроме них, можно назвать и В.С. Соловьева, Н.Н. Страхова, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева. С последним у Фуделя случится личное знакомство, переросшее в дружбу, и впоследствии он станет первым издателем его сочинений.

Кроме того, 1880-е гг. – это переосмысление народничества, развитие его «правого крыла» (И.И. Каблиц-Юзов, В.С. Пругавин и др.)³. Юношеская идея Фуделя предполагала «одухотворение» этого «легального» (реформаторского) народничества: прежде чем учить народ, интеллиген-

¹ *Фудель И.И.* Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888.

² *Трубецкой Е.Н.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск, 2000. С. 107–108.

³ *Мокшин Г.Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 179.

ту нужно встать на единую с ним мировоззренческую почву, проникнутую православной верой, – только тогда «хождение в народ» возымеет силу. Воплощением «православного народничества» он видел, в первую очередь, священника и учителя. Фудель сам встал на этот путь, оставив юридическую карьеру и приняв сан – случай в то время неординарный для юноши с университетским образованием.

Согласно Фуделю, народ нужно не переучивать по последним достижениям общеевропейской мысли, а развивать в нем то лучшее, что он сохранил в течение всей своей многострадальной истории: «Необходимо ниву народную не засеивать, а только возделывать (обрабатывать, культивировать)», – писал он¹. Особое значение он придавал изучению отечественной истории, которая раскрывает народный идеал. А главный идеал русского народа, по мнению Фуделя, не политический, а религиозно-нравственный – это святость.

Потому особое внимание он уделял вопросу о народном образовании. В частности, в 1890-е гг. он принимал участие в печатной дискуссии о церковно-приходских школах, указывая, что за этим типом школы стоит мировоззрение, созвучное народному духу. Суть вопроса он видел «не в розни двух ведомств, не в споре “начальств” и не в том – кому командовать в народной школе: священнику или учителю, а в том, *какой дорогой России идти в культурном развитии: своею ли, исторической, или чужой, общеевропейской?*»². То есть проблема образования, главное назначение которого Фудель видел в воспитании, а не в сообщении знаний, рассматривалась им как проблема будущего культурного развития России.

Он подчеркивал, что за умственным развитием должно, прежде всего, стоять духовно-нравственное совершенствование личности, ответственность за которое лежит не только на священнике, но и на учителе.

В связи с этим для него вставал вопрос о необходимости перерождения «западнически»-настроенного образованного слоя. За понятием «интеллигенции» на рубеже веков стояло определенное мировоззрение – то, что Г.П. Федотов позже назовет «беспочвенностью»³. Но все же надежды на появление «новой интеллигенции» в то время возлагал М.Н. Катков, о задачах «государственной интеллигенции»⁴ писал К.П. Победоносцев⁵, о необходимости «церковной интеллигенции» писал С.Н. Булгаков⁶.

¹ Фудель И.И. Народное образование и школа. М., 1897. С. 20.

² Там же. С. 85.

³ Федотов Г.П. Трагедия Интеллигенции // Версты. Париж, 1927. № 2. С. 150.

⁴ Победоносцев К.П. Церковь и государство // Московский сборник. М., 1896. С. 4.

⁵ Колоницкий Б.И. Идентификации российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец 19 – начало 20 в.) // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 160.

⁶ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. СПб., 2011. С. 98–99.

Поэтому Фудель не был одинок в своих ожиданиях, и, находясь внутри Церкви, призывал ее нести «внутреннюю миссию» среди интеллигенции, и сам ей служил: принимал участие в разработке программы «Религиозно-философской библиотеки» М.А. Новоселова, призванной отвечать духовным запросам интеллигенции¹, преподавал в женской гимназии С.Н. Фишер, участвовал в проведении воскресных миссионерских бесед московского пастырско-миссионерского кружка, которые нискали к себе любовь не только простого народа, но и интеллигенции².

Однако значительного слоя «народной интеллигенции» Фудель так и не увидел³. На вышедший в 1909 г. сборник «Вехи» он дал сдержанный положительный отзыв, оставив ряд сомнений: «Действительно ли потрясение было так велико, что интеллигенция разбужена им? Что и в какой мере может потрясти ее? Обнаруживается ли действительно перелом в самосознании самой интеллигенции, или же авторы сборника несколько поспешили ставить “вехи”, и, быть может, свое собственное личное переживание они обманчиво приняли за переживание всей интеллигентской массы?»⁴

Устремленность к христианскому просвещению и «нравственно-религиозному» идеалу в дореволюционный период подпитывалась у Фуделя надеждами на углубление культурного своеобразия народа. Эти «околославянофильские»⁵ воззрения в целом вписывались в деятельность обер-прокурора К.П. Победоносцева по возвышению общественного влияния православной церкви, но были скорее нацелены на оживление и развитие, чем на «охранительство».

За продвигаемыми Фуделем в 1890-х – начале 1900-х гг. идеями о культурной самобытности народа, о пропасти между народом и интеллигенцией, заложенной петровскими реформами, скрывался широкий пласт влияний русских мыслителей разных направлений (славянофилов, почвенников, народников). Сам Фудель станет одним из первых и немногих представителей того не оформившегося четко направления, которому будут близки такие деятели, как С.А. Рачинский и М.А. Новоселов, публицисты В.А. Тернавцев и А.С. Глинка (Волжский), молодые «интеллигенты», принявшие священство, – П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, С.Н. Дурылин и др.

Но надежды Фуделя на самобытное культурное развитие страны, главным идеалом которой была бы «Святая Русь»⁶, погибли в революционном водовороте эпохи: «русская идея» уступила место исключительно христианской.

¹ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.

² М.П.М. Московские миссионерские беседы // Миссионерское обозрение. 1908. № 12. С. 1759.

³ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

⁴ Там же. Л. 51.

⁵ Полунов А.Ю. Славянофильское министерство. Победоносцев и граф Игнатьев в начале 1880-х годов. Родина, 2015. № 2. С. 33.

⁶ Фудель И.И. Святая Русь. Речь при открытии Общеобразовательных чтений для рабочих г. Москвы, произнесенная в Историческом Музее 16 июня 1902 г. М., 1902.

СОЗДАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТЫ «ТОМСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1914 г.» С ПОМОЩЬЮ ОНЛАЙН- СЕРВИСА GOOGLE MAPS

*Ворошилова Анна Сергеевна
(Государственный архив Томской области)*

В начале XXI в. гуманитарные науки столкнулись с проблемой поиска общенаучных оснований для осуществления междисциплинарных исследований, что привело к неизбежному использованию информационных технологий в гуманитарных исследованиях¹. У исследователя-историка появилась возможность самостоятельно создавать для себя новый вспомогательный инструментарий для решения прикладных исследовательских задач, а слияние истории и информатики позволило сформироваться таким самостоятельным направлениям, как историческое компьютерное картографирование, цифровая историческая визуализация, создание геоинформационных исторических систем, компьютерное моделирование исторических процессов и др.

Все исторические явления и процессы происходят как во времени, так и в пространстве, и без географической привязки зачастую невозможно получить новое знание и воспринять историческую информацию². Возникает необходимость использования историком картографического материала, который в век компьютерных технологий приобретает новые формы, позволяющие открывать ранее скрытую информацию, визуализировать исторические процессы, выявлять закономерности и тенденции.

С солидной долей уверенности можно говорить о том, что историческая наука начинает переживать некогда предсказываемый В.Н. Владимировым «GIS-взрыв»³. В тоже время полноценный ГИС-инструментарий не всегда доступен «рядовому» исследователю, поскольку требует привлечения специалистов соответствующего профиля, финансовых ресурсов и использования специализированного программного обеспечения. В ка-

¹ *Можжаева Г.В.* Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика: сб. статей / под ред. Г.В. Можжаевой. 2015. Вып. 9. С. 12.

² *Владимиров В.Н.* История, карта, компьютер... (о возможностях исторического компьютерного картографирования) // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции Ассоциации «История и компьютер». URL: <http://aik-sng.ru/text/krug/3/23.shtml> (дата обращения: 27.02.2018).

³ Там же.

честве альтернативы для решения индивидуальных исследовательских задач, прямо или косвенного связанных с компьютерным картографированием, историки могут использовать открытые сервисы онлайн-конструкторов карт, наиболее популярными из которых являются Яндекс.Карты и Google Maps.

В качестве объекта картографирования нами была выбрана одна из основных территориальных единиц Русской православной церкви синодального периода – Томская епархия. Епархия, как исследовательский объект, имеет безусловную территориальную принадлежность, поэтому наиболее сильно нуждается в компьютерном картографировании. Использование методов цифровой исторической визуализации позволяет трансформировать традиционное представление об административно-территориальном устройстве Русской православной церкви в новую форму «живой» карты, которая способна наглядно и презентабельно изменяться во времени и пространстве в зависимости от поставленных исследующим ее исследователем задач. Источником получения необходимых исторических сведений для картографирования стала «Справочная книга по Томской епархии», составленная в 1914 г.¹

Рассмотрим систему по управлению епархией подробнее. На компьютерной карте она будет состоять из следующих структурных единиц, последовательно входящих друг в друга и выделенных на основании архивных данных «Справочной книги»: приход – благочиние – епархия. Иными словами, епархия будет состоять из нескольких благочиний, а благочиние из нескольких приходов. Важно отметить, что подобная структура коррелировала с официальным административно-территориальным делением губернии на уезды и волости. Это означает, что в одном благочинническом округе могли быть сосредоточены территории сразу нескольких уездов, а одна волость содержать несколько приходов, что затрудняет адекватное сравнение единиц епархиального и губернского административного деления без использования дополнительных наглядных материалов. В этом отношении именно компьютерная карта способна облегчить и усовершенствовать решение этой исследовательской задачи.

Во-первых, становится возможным непосредственное отображение на карте как всех единиц епархиального и губернского устройства, так и отдельно взятых (определенного прихода, благочиния, уезда или волости).

Во-вторых, каждая единица, являясь подсистемой в данной компьютерной карте, содержит в себе элементы, которые мы произвольно можем включать или исключать. При этом они могут принадлежать «параллельно существующим системам исторической действительности». Под «параллельно существующими системами исторической действительности»

¹ Справочная книга по Томской епархии / сост. служащими консистории под рук. В.А. Карташева в янв.–марте мес. 1914 г. Томск, 1914. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-1110/> (дата обращения: 27.02.2018).

мы подразумеваем исторически сложившиеся формы административно-территориального устройства губернии и епархии. В картографированных вариантах этих систем мы можем включать и исключать такие элементы, как церкви, резиденции благочинных, школы, фельдшерские пункты, почтовые отделения и др.

В-третьих, уникальность изменяемой непосредственно исследователем компьютерной карты, связанной не только с пространственной, но и временной ориентированностью, позволяет самостоятельно конструировать микроисторические процессы, визуализируя их изменения во времени. Таким образом, мы можем одновременно отследить расширение территории и увеличение по численности населения той или иной территориальной единицы и соотнести ее с развитием конкретной части инфраструктуры, в то время как традиционная карта, лишенная возможности масштабирования в реальном времени и отсеечения ненужных из всех нанесенных на карту объектов, может затруднить восприятие и усложнить процедуру исследования.

Отслеживание изменений территории на карте с течением времени становится возможным благодаря наличию в интерфейсе Google Maps функции добавления нескольких слоев и отображению их по собственному усмотрению. Например, если мы возьмем данные из справочных книг Томской епархии за несколько лет, то, нанеся их на разные слои карты, сможем увидеть, каким образом изменились границы приходов и благочиний в определенный период. Данные на карте в Google Maps можно разместить в виде меток и линий различных цветов.

На карте Томской епархии мы сочли необходимыми метками обозначить населенные пункты, входящие в тот или иной приход, а линиями границы приходов. Внешний вид нанесенных меток редактировался с учетом наличия уточняющих данных о присутствии храмовых сооружений в населенных пунктах (церковь или молитвенный дом). Отдельную группу меток составили населенные пункты, являющиеся центрами приходов. Для визуального воплощения объединения приходов на карте в благочиния, было решено каждому из благочиний присвоить свой цвет и в соответствии с этим окрасить метки населенных пунктов, а каждый из приходов благочиний мы поместили на отдельный слой для упрощения восприятия при визуальном сравнении.

Необходимо отметить, что Google Maps позволяет добавить название и текстовое описание нанесенных меток, которые отображаются не по умолчанию, а при взаимодействии с меткой. Таким образом, мы смогли поместить названия нанесенных населенных пунктов на карту. Поле с описанием населенного пункта мы оставили пустым, но, в перспективе, его можно использовать для вставки гиперссылки на оцифрованный исторический документ, находящийся в сети и содержащий какие-либо данные о приходе и его клире, например листы клировых ведомостей или исповедных росписей.

Всего лишь несколько лет назад разработка компьютерных исторических карт являлась сложным и дорогостоящим делом, а не все истори-

ки имели возможность без привлечения специалистов применять ГИС-технологии в своих исследованиях. С появлением простых и доступных онлайн-ресурсов конструкторов карт эта задача существенно упростилась. На сегодняшний день каждый историк самостоятельно может создать компьютерную карту для решения конкретных исследовательских задач, которая станет не только новой формой представления данных исторического источника, но и, в перспективе, новым историческим источником.

ХУДОЖНИК В ПОЛИТИКЕ: З.Н. ГИППИУС В ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Вуколов Александр Алексеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Созданный в Париже в 1920 г. по инициативе членов партии эсеров Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова-Фондаминского, М.В. Вишняка, А.И. Гуковского и В.В. Руднева литературный и общественно-политический журнал «Современные записки» задумывался как внепартийный «орган независимого и непредвзятого суждения о всех явлениях современности»¹. На первое место редакция ставила «служение интересам русской культуры» в крайне непростое для нее время, посему для «мобилизации» культурных сил русской эмиграции к сотрудничеству приглашались различные авторы независимо от их политической принадлежности.

Собственно, привлечением желательных авторов, а также последующим взаимодействием с согласившимися занимался по преимуществу И.И. Фондаминский, обладавший широкими связями со многими знаменитыми писателями, эмигрировавшими из России после революции. Именно благодаря его близким отношениям с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус издание со временем приобрело в лице супругов двух регулярных авторов. Как подмечал впоследствии в своих воспоминаниях о жизни журнала М.В. Вишняк, «редкая книга “Современных Записок” не включала в себе произведений Гиппиус или Мережковского, а то и обоих»².

Впервые произведения З.Н. Гиппиус появились в «Современных записках» на страницах X книги, вышедшей 28 апреля 1922 г. То были стихотворения. Первое же нестихотворное произведение – очерк «Маленький Анин домик» – было напечатано в XVII книге журнала (1923). Оно повествует о довольно причудливом положении дел, сложившемся в России в последние годы царствования императора Николая II. Как пишет Гиппиус, действительная власть на тот момент была представлена тремя личностями – «это царица, верная слуга ее, Анна Вырубова <...>, а

¹ От редакции // *Современные записки*. Париж, 1920. № 1. С. IV. Далее для краткости. «СЗ».

² *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana University Publications, 1957. С. 132.

третий – сибирский мужичонка Распутин»¹; царь, существуя физически, как фигура политическая отсутствовал. Подобная отстраненность Николая II от государственного управления, в конце концов, привела к смещению главного центра принятия решений в сторону «маленького домика Ани». Этот политический бал за пределами Таврического дворца правил «гомерический в своей русской безмерности пьяница» Гр. Распутин, злоупотреблявший безграничным доверием императрицы, видевшей в нем проводника воли Божьей. Казалось, наряду с войной против кайзера Вильгельма, этот «маленький сумасшедший домик» ведет войну со всей Россией². И убийство Распутина, таким образом, явилось первым актом обороны в этой кампании искаженного русского правительства против своих же подданных. Печальным итогом несуразного противостояния стала гибель всех боровшихся... и почти всех не боровшихся. «На опустелое поле битвы пришли третьи и завладели им»³, – с сожалением констатирует Гиппиус. Ближайшее будущее предвещало исполнение рокового кошмара: «Прощай, дорогая, Россия моя!»⁴

В следующей книге «Современных записок» (1924) была помещена литературно-критическая статья «Литературная запись. Полет в Европу», написанная Гиппиус под псевдонимом Антон Крайний. Одна из ключевых идей статьи состоит в том, что современная русская литература оказалась «выплеснута» из России в Европу; впрочем, данное обстоятельство может благотворно отразиться как на Европе (она духовно омолодиться), так и на самих русских писателях, которым «у старого Запада есть чему поучиться»⁵. Культурный взаимообмен с Европой не пройдет даром: когда-нибудь русская литература все же вернется в Россию «с большим, чем прежде, сознанием всемирности»⁶.

Наибольший интерес для исследователей истории социально-политической мысли русского зарубежья представляют следующие две работы Гиппиус: «Оправдание свободы» (1924) и «Меч и крест» (1926), вышедшие в XXII и XXVII книгах соответственно.

По большому счету «Оправдание свободы» – это реакция Гиппиус на «Философию неравенства» (1923) Н.А. Бердяева. Оба мыслителя подходят к рассмотрению вопросов общественных «в свете религиозного сознания»⁷ (по Гиппиус, религиозность, даже если предметом веры высту-

¹ *Гиппиус З.Н.* Маленький Анин домик // СЗ. Париж, 1923. № 17. С. 206.

² Там же. С. 239.

³ Там же. С. 245.

⁴ Там же. С. 248.

⁵ *Крайний А.* Литературная запись. Полет в Европу // СЗ. Париж, 1924. № 18. С. 138.

⁶ Там же.

⁷ *Гиппиус З.Н.* Оправдание свободы // СЗ. Париж, 1924. № 22. С. 293.

пает не Божественное, является неотъемлемым свойством человеческого существа), однако совершенно «разнствуют в получаемых выводах». Гиппиус упрекает Бердяева за то, что он прочерчивает причинно-следственную связь между развитием определенных идей (демократии, свободы, равенства, революции) в руслах разных направлений общественной мысли (славянофилы, народники, анархисты и др.) и установлением в России коммунистической власти, сделавшей эти идеи обратными самим себе.

Помимо этого, она фиксирует явные совпадения *по форме* между бердяевским проектом государства, жидущимся на принципе неравенства, и действительной политической практикой большевистского государства. В конечном счете равно противные демократической идее, «они оба отрицают *дух свободы*», а значит и Дух Господен, ибо «где Дух Господен – там и свобода»¹. Меж тем именно в демократии поэта видит идеал общественного устройства: идея демократическая, содержащая в себе начала личности (ценность каждого «я»), равенства-равноценности (не нивелировка, а равенство условий) и свободы в Боге (исполнение своей меры), суть «идея самая глубокая, то есть – религиозная»².

Статья «Меч и крест» – это беспощадная критика книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925). Центральный вопрос религиозного характера, поднимаемый здесь Гиппиус: «Можно или нельзя убить?» По ее мысли, наиболее приемлемый ответ на него: «Никогда нельзя, но *иногда* еще надо»³. «Надо» обуславливается природой мира как *совершенствующегося* в ходе борьбы со злом; следственно, принятие мира подразумевает и волевое вступление в оную борьбу. В случае столкновения двух запретов выбор делается в пользу недопущения собственной смерти ради продолжения борьбы за мир. С данной точки зрения убийство трактуется не как неперемность, а лишь как необязательная возможность. Отсюда закономерным образом вытекает постановка не менее сложного вопроса о войне, который Гиппиус разрешает, обращаясь к статье В.С. Соловьева об исторических судьбах Испании.

Убийство на войне подпадает под категорию «надо», поскольку воин не тождественен палачу, бесчестно убивающему безоружного: его отношение к неприятелю, по Соловьеву, остается в пределах человеческой нравственности⁴. Давая итоговую оценку учению Ильина, Гиппиус формулирует мнение, что бороться со «злом коммунизма» методами «ильинцев» бесполезно, т. к., во-первых, у философа отсутствует ясный духовный критерий распознавания зла, а во-вторых, «противники – обратноподобные во всем»⁵ – это породило бы бесконечный круг взаимного насилия.

Таковы основные социально-политические темы, присутствующие в сочинениях З.Н. Гиппиус, опубликованных в «Современных записках».

¹ Гиппиус З.Н. Оправдание свободы. С. 306.

² Там же. С. 309.

³ Гиппиус З.Н. Меч и крест // СЗ. Париж, 1926. № 27. С. 348.

⁴ Там же. С. 360–361.

⁵ Там же. С. 366–367.

Их текстологический анализ показывает, что «в эмиграции Гиппиус осталась последовательно верна эстетической и метафизической системе мышления, сложившейся у нее в предреволюционные годы»¹. Кроме того, необходимо учитывать, что семья Мережковских считала себя духовными последователями В.С. Соловьева². Религиозное понимание демократии, апеллирование к *духу* христианства, нежели к *букве* при рассмотрении проблемы допустимости убийства ярко подтверждают, что подобное чувство философской преемственности оказывало колоссальное влияние на характер и направленность религиозно-политических воззрений З.Н. Гиппиус.

¹ *Николюкин А.Н.* Зеленоглазая наяда, или Белая дьяволица // З.Н. Гиппиус: pro et contra. СПб.: РХГА, 2008. С. 14.

² *Вишняк М.В.* Указ. соч. С. 130.

КОЖЕВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ 1914–1917 гг. В ИССЛЕДОВАНИИ Г.Х. БАМДАСА

*Выборнова Мария Александровна, к.и.н.
(Российский государственный архив в г. Самаре)*

В Российском государственном архиве в г. Самаре в фонде Р-18 «Центральный научно-исследовательский институт кожевенно-обувной промышленности (ЦНИИКП) Министерства легкой промышленности СССР, г. Москва, 1928 →» отложились документы по научно-исследовательским работам одного из сотрудников экономического отдела ЦНИИКП Германа Хаймовича Бамдаса.

В 1930-е гг., работая в институте, Г.Х. Бамдас изучал как общие вопросы, например принципы размещения производительных сил в СССР, организация бригадного хозрасчета в кожевенно-обувной промышленности, так и узкоспециальные темы – получение искусственной кожи для верха легкой обуви, экономическое значение получения клея для склейки резины с кожей. Приступая к изучению современного состояния данной отрасли промышленности, Г.Х. Бамдас провел ретроспективные исследования и составил отчеты о состоянии кожевенно-обувной промышленности страны в период Первой мировой войны и военного коммунизма.

В своем отчете «Кожевенно-обувная промышленность во время империалистической войны»¹, изучив спрос и предложение в кожевенной отрасли в Первую мировую войну, Г.Х. Бамдас пришел к выводу, что уже к третьему году войны потребность российской армии в сапогах выросла в восемнадцать с половиной раз в сравнении с 1913 г. и составила 28 млн пар². Рост потребности на конную упряжь, седла и прочие кожаные изделия отмечался в той же степени.

Г.Х. Бамдас отмечал, что решение проблемы дефицита кожевенного сырья и продукции осуществлялось за счет «хищнического убоя скота», что естественным образом отразилось на сокращении поголовья стада и в итоге обернулось мясным кризисом. По данным отчета, мы видим, что в 1917 г. отмечалось сокращение кожевенного производства, его объем сократился к показателям довоенного времени, составив 7–8 млн кож³. Но все-таки основной причиной кризиса снабжения армии предметами

¹ Российский государственный архив в г. Самаре (РГА Самара). Ф. Р-18. Оп. 1–1. Д. 441. Л. 1–56.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 5.

из кожи Г.Х. Бамдас видел не в сокращении объемов производства, а в нерациональной системе регулирования этого вопроса правительством, а также в низком качестве русского кожевенного сырья в сравнении с иностранным.

Учитывая возросшую потребность армии в обуви и шорно-седельных изделиях, по сравнению с довоенным временем хотя бы относительное удовлетворение этих потребностей требовало максимального ограничения потребления гражданского населения. Однако этого не произошло, и «победителем из рыночного соревнования за кожу выходил все чаще частный потребитель»¹.

По мнению Г.Х. Бамдаса, более глубокого кризиса снабжения армии все же удалось избежать по нескольким аспектам. Во-первых, интенданство имело ряд договоров с кожевенными заводчиками. Во-вторых, в своем распоряжении армейские и государственные организации имели большие массы фронтowego сырья, убойных пунктов министерства земледелия и т.д. В-третьих, это зависимость кожевенных заводчиков от правительственных органов, искусственно создававшаяся политикой содействия и финансирования приобретения иностранных дубильных экстрактов. И в-четвертых, Г.Х. Бамдас отмечал моральное и административное воздействие на кожевенных промышленников, оказываемое центральной и полицейской властью на местах.

Изучив вопрос снабжения армии кожевенной продукцией и кожевенного кризиса, возникшего в годы Первой мировой войны, Г.Х. Бамдас пришел к выводу, что нормальное снабжение армии требовало от царского правительства полного уничтожения капиталистического кожевенного рынка и перехода к плановому распределению сырья и выделанного товара, а также нормированного снабжения армии и гражданского населения изделиями из кожи.

Как писал Г.Х. Бамдас о радикальной системе установления твердых цен, что царское правительство перешло к ней вынужденно, так же, как и о принудительном направлении на нужды войны всего сырья и выделанного товара, и создания специального комитета по делам кожевенной промышленности. На практике радикальная система оказалась не действенной. Не создав гарантий выполнения ряда постановлений, изданных кожевенным комитетом, он обрек свою политику на провал. В системе, были бреши, дававшие возможность обхода или прямого невыполнения установленного порядка заготовки, сдачи сырья и готового товара, и установленных твердых цен. Держатели сырого материала обязывались сдавать сырье исключительно на нужды обороны. Сдача должна была производиться в свободном рыночном обращении. Организации, которая пользовалась бы правом монопольной заготовки сырья, не было создано. Вместо нее существовало множество организаций и предприятий, поль-

¹ РГА Самара. Ф. Р-18. Оп. 1–1. Д. 441. Л. 52.

зовавшихся этим «исключительным» правом. На нужды обороны сдаче подлежали не все виды сырья, а только те, которые могли быть использованы для военных целей. Это создавало возможность злоупотреблению, чем и пользовались заводчики.

Крупные кожевенные заводчики выступали на протяжении всей войны организованно. Всероссийское общество кожевенных заводчиков, созданное в начале войны, представляло собой синдикат крупных заводчиков и обувных фабрикантов, препятствовало введению кожевенной монополии. Противником Всероссийского общества кожевенных заводчиков выступил Всероссийский земский союз, отражавший интересы оборонческой части мелкой буржуазии, передовой части дворянства и мелкой кустарной промышленности. Выступая против Всероссийского общества кожевенных заводчиков, Земский союз отстаивал принцип последовательной кожевенной монополии и равномерного распределения сырого материала по всем заводам, независимо от их величины.

К концу второго года войны, согласившись на расширение прав Земского союза, кожевенный комитет в условиях обостряющегося кризиса снабжения армии, предоставил ему монопольное право заготовок сырья на убойных пунктах. Вплоть до февральской революции 1917 г. Земскому союзу не были предоставлены те права, которые обеспечили бы успех дела. Вместе с тем кожевенный комитет не создал другой организации, которая могла бы заменить в этих функциях Земский союз.

В заключении своего исследования Г.Х. Бамдас писал, что только после февральской революции 1917 г., осуществленная реорганизованным кожевенным комитетом монополия, могла оказать воздействие на кожевенный рынок и производство, которое требовалось интересам империалистической войны¹.

Исследование Г.Х. Бамдаса являлось одной из первых научных работ, написанной в Советском Союзе профессиональным экономистом, охватывало различные вопросы состояния кожевенно-обувной промышленности последних лет дореволюционной России. Данный отчет является ценным источником в изучении истории развития отечественной легкой промышленности в целом и периода Первой мировой войны в частности. Автор анализировал широкий круг документов, пытаясь выявить основные причины кризиса снабжения кожевенной продукцией русской армии в 1914–1917 гг. В отчете приводились обширные статистические данные, позволявшие сделать неутешительные выводы, главным из которых был вывод о неумелом руководстве российского правительства данной отраслью легкой промышленности.

¹ РГА Самара. Ф. Р-18. Оп. 1–1. Д. 441. Л. 56.

ВЛИЯНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО РЯДА КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЗРИТЕЛЯ

*Голованова Елена Александровна
(Всероссийский государственный институт кинематографии
имени С.А. Герасимова)¹*

Обострившаяся в конце 1918 и первой половине 1919 г. гражданская война в России, наступление интервентов и организация блокады советской республики побудили властные структуры ввести существенные изменения в экономическую политику. Советское правительство берет в свои руки не только крупные, но и средние и мелкие предприятия. В этот период перестают действовать большинство русских частных кинопромышленных производств.

26 августа 1918 г. В.И. Ленин подписывает декрет, касающийся смежной с кинематографией области – театральных предприятий. Согласно документу, все театральное дело в республике объединялось в руках государства, высшее руководство над театрами возлагалось на Народный комиссариат по просвещению и все театральное имущество (здания, реквизит) объявлялись национальным достоянием. На другой день В.И. Ленин подписал аналогичный декрет, относящийся к кинематографу.

«Советская кинематография возникла в годы гражданской войны. Она родилась в походном строю – новая сила пролетариата, направленная на служение новому обществу. У стен Казани, под небом Перекопа, у Царицына, в донских степях можно было услышать еле уловимый шум киноаппарата, заглушаемый ружейным треском и оружейным грохотом. По следам Колчака, Врангеля, Деникина, белополяков двигался глаз объектива, и, когда падали в траву пустые пулеметные ленты, в коробку складывались ленты свежего негатива...» Так писал критик Н.М. Иезуитов о зарождении советской кинематографии².

Национализируя кинопредприятия, государство стремилось к созданию наиболее широкой материально-технической базы для развертывания советского кинопроизводства, основой которого, наряду с оставшимися в наследство кинофабриками, послужили и кадры – небольшая группа дореволюционных кинодеятелей, которая включилась в работу

¹ Научный руководитель: доктор искусствоведения, профессор Н.И. Утилова.

² *Иезуитов Н.М.* Пудовкин. Пути творчества. М.; Л.: Искусство, 1937. 208 с.

кинокомитетов. Среди этих кинематографистов были: В. Гардин, Л. Кулешов, И. Перестиани, А. Пантелеев, П. Новицкий, Э. Тиссэ и другие.

В сложнейших условиях им пришлось перестраивать свое мышление и строить работу согласно духу времени, сосредоточив основное внимание на трех технически наиболее доступных, а политически наиболее актуальных формах использования кинематографа: на кинохронике, агитфильмах, лентах просветительской направленности.

В первый период своего развития советская кинохроника содержала в себе небольшие, локальные по теме киносюжеты, не связанные с общим событийным контентом действительности. Визуальный ряд таких произведений был достаточно прост: «Похороны жертв взрыва на Казанской железной дороге», «Открытие памятника Тарасу Шевченко в Петрограде». Эти картины еще не оказывали большого влияния на воображение зрительской аудитории, они в своей основе были информационны.

Последующая же работа кинематографистов, связанная с передачей создания живого образа народного героя, воплотилась в наиболее интересных кадрах кинохроники, посвященных крупнейшим победам Красной Армии: «Взятие Одессы Красной Армией», «Взятие Крыма», событиям на фронте: «Чехословацкий фронт», «Врангелевский фронт», «Кавказский фронт». Впоследствии эти кадры были смонтированы в хроникальные фильмы.

Уже в конце 1918 г. на экраны страны вышли первые советские полнометражные хроникальные фильмы. Они были посвящены важнейшему событию того времени – разгрому бело-чехословацкого мятежа. Первый фильм «Чехословацкий фронт» снял оператор П.Ермолов, второй – «В тылу у чехословаков» – Э.Тиссэ. Советские люди впервые увидели на экране лица героев гражданской войны, о которых они только слышали и знали по газетным сводкам: М.Ф. Фрунзе, М.Н. Тухачевского, С.М. Буденного, В.И. Чапаева, Г.К. Орджоникидзе, С.М. Кирова, К.Е. Ворошилова и других. Такое узнаваемое сближение народа с властью вселяло в людях уверенность в победе Красной Армии. Визуальный ряд таких лент строился на подчеркивании роли определенных лиц-защитников советской страны.

Кроме того, в военных фильмах 1919–1920-х гг. была сделана попытка отразить классовый характер гражданской войны, разоблачить «двойную игру» империалистических держав. Хроникальные фильмы насыщались кадрами, рассказывающими о вступлении частей Красной Армии в освобожденные от белогвардейцев города России, радостную встречу их горожанами, а в селе – эпизоды помощи красноармейцев крестьянам во время уборки урожая. Этими кадрами дополнялась важная тема советской военной хроники – единства народа и его армии. Кадры похорон красноармейцев взывали к отмщению. Надписи раскрывали зрителю сущность происходящих событий.

Под влиянием хроникальных лент в годы гражданской войны родилась самая ранняя форма советской игровой кинокартины – агитфильмы, которые представляли собой разные по жанрам короткометражные

киноленты, непосредственно обращенные к зрителям. Название агитфильмов так или иначе перекликалось с плакатами гражданской войны: «Красноармеец, кто твой враг?», «На фронт!», «Так быть не должно!», «Да здравствует рабоче-крестьянская Польша!». Агитфильмы провозглашали в названии разные лозунги, иллюстрировали их рядом сцен, объединенных неким сюжетом-доказательством, разыгранных актерами. Данный подход сосредоточивал внимание зрителя на исполнительском составе, а визуализация образов способствовала раскрытию тематической составляющей ее. Сценарии агитфильмов писали крупные российские литературные деятели. Одной из первых таких картин стала лента «Уплотнение», созданная в Петрограде по сценарию А.В. Луначарского, другая «Подполье» – на основе сценария А. Серафимовича, была выпущена Московским кинокомитетом. Участие литераторов в производстве агиткартин способствовало развитию метода художественной иллюстрации, который был наиболее приспособлен к задачам агитационного искусства, создавая определенную эстетику событийности картин.

В годы гражданской войны необходимо было соблюдение определенной пропорции киносеанса – обязательного сочетания развлекательных и пропагандистских картин. В этих условиях необходимо было налаживать отечественное кинопроизводство. «Дело идет к созданию совершенно нового духа в этой новой отрасли и просвещения», – писал в 1919 г. А.В. Луначарский¹. Одним из первых советских просветительских фильмов была картина оператора Ю. Желябужского «Дети – цветы жизни» (1919). Фильм выражал высокую нравственную идею. В нем затрагивался жизненно важный материал, поднималась проблема беспризорности детей, заботы о них и любви к ним. Визуальный ряд картины воздействовал на зрителя, вызывая беспокойство за будущее поколения советской республики.

Просветительские фильмы отражали и вопросы внедрения новой техники и просвещения. В осуществлении этой программы советскими кинематографистами было снято несколько документальных картин, рассказывающих о Волховстрое, о Тверской мануфактуре, о заводах «Красный выборжец», «Эриксон», «Гидроторф» и другие².

В годы гражданской войны постепенно увеличивается выпуск экранизаций произведений художественной классики. К 100-летию писателя И.С. Тургенева на экраны выходят фильмы: «Герасим и Муму» (режиссер Ч. Сабинский), «Три портрета», «Пунин и Бабурин» (режиссер А.В. Ивановский). Сохранившийся небольшой фрагмент последней картины дает возможность сказать, что лента была сделана в традициях русского актерского кинематографа с тщательным воспроизведением обстановки действия, без больших отступлений от литературного источника.

¹ *Луначарский А.В.* Кино на Западе и у нас // Самое важное из всех искусств. Сборник. М., 1919. С. 125.

² *Тамашин Л.* Советская драматургия в годы гражданской войны. М.: Искусство, 1961. 289 с.

Режиссер А.В. Ивановский вспоминал: «...в газете “Известия” напечатано решение жюри по Тургеневскому конкурсу. Первая премия – “Три портрета”, сценарий А.В. Ивановского, вторая премия – “Пунин и Бабурин”... и если картина “Пунин и Бабурин”, благодаря игре артистов Павлова, Панова и Вере Орловой заинтересовала публику, то “Три портрета” не удалось, чего-то не хватало...»¹

И еще одна работа А.В. Ивановского – картина «Не уступлю!», первый показ которой состоялся в кинотеатре «Арс» на Тверской улице в Москве. Из воспоминаний А.В. Ивановского: «...в картине “Не уступлю”! была и романтическая интрига, и любовь, и ревность, и смерть героя... В картине участвовали любимые артисты. Пресса расхваливала игру Римского, Веры Орловой, отметила работу оператора...»²

И, наконец, 1 сентября в 1919 г. в Москве открылась первая Госкиношкола (будущий ВГИК). Ее студенты и преподаватели активно включились в производство агитфильмов. Под руководством педагога и режиссера В.Р. Гардина в 1921 г. был снят фильм «Серп и молот», куда вошли кадры, снятые Э. Тиссэ. Свое понимание эстетики картины внес в нее молодой студент В.И. Пудовкин.

Таким образом, несмотря на грохот канонады, трудные версты гражданской войны, ряд профессионалов-кинатографистов не оставили свою Родину, а продолжали развивать отечественный кинематограф, обогащая его эстетику новыми идеями, воплощенными в широкие полотна отечественного киноискусства.

¹ *Ивановский А.* Фильмы и годы // Из истории Ленфильма Л.: Искусство, 1968. В. 1. С. 30–53.

² Там же.

ВАГОНОВОЖАТАЯ ТРАМВАЯ Ф.Л. АПРАКСИНА В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА КОМУЧА В САМАРЕ (ИЮНЬ–ОКТЯБРЬ 1918 г.)

*Горшенин Александр Владимирович
(Самарский государственный социально-педагогический
университет)*

Революции 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война навсегда изменили социально-политические отношения в обществе. Актуальным становится рассмотрение периода «перелома» в судьбе различных слоев населения. Задачей данного исследования выступает реконструкция жизни вагоножатой самарского трамвая Ф.Л. Апраксиной в период нахождения региона под властью КОМУЧа летом 1918 г.

Источниковая база представлена воспоминаниями самой Ф.Л. Апраксиной (опубликованными и архивными, отложившимися в фондах Самарского Истпарта). Помимо источников личного происхождения, привлекались различные документы Центрального государственного архива Самарской области и Самарского государственного архива социально-политической истории. Среди них стоит назвать справки¹ и личные листки по учету кадров², а также донесения на большевиков³ и материалы, собранные краеведом Ф.Г. Поповым⁴.

Фаина Львовна Апраксина родилась в 1892 г. в селе Даниловское Костромской губернии в крестьянской семье⁵. Отец умер в год ее рождения, поэтому матери пришлось работать кухаркой на нескольких хозяев в городе, чтобы прокормить четверых детей⁶. Учить грамоте Фанию не стали, т.к. жила она в деревне у деда, который считал, что «он сам и дочь его без грамоты прожили, значит и внучка не пропадет». В 1900 г. в возрасте

¹ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 669. Куйбышевская правительственная комиссия по делам бывших красногвардейцев-партизан.

² СОГАСПИ. Ф. 1. Самарский губернский комитет ВКП(б); Ф. 656. Куйбышевский областной комитет ВКП(б).

³ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-280. Штаб охраны г. Самары (при чехах).

⁴ ЦГАСО. Ф. Р-1000 Личный фонд Ф.Г. Попова, журналиста-историка, члена Союза журналистов.

⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 34. Л. 3.

⁶ Там же. Ф. 656. Оп. 114. Д. 32. Л. 11.

Ф.Л. Апраксина

8 лет Фаина начала свою трудовую жизнь. Ее отдали в няньки в семью известного присяжного поверенного Костромы¹. Так и проработала она до 20 лет, прислуживая в господских домах. В 1912 г. вышла замуж за кустика-коробочника. В 1913 г. они вместе с мужем переезжают в Самару, а через год началась Первая мировая война, и мужа Фаины призывают в армию. Оставшись одна, она решает поступить на работу в строившийся в Самаре трамвайный парк. Проработав некоторое время кондуктором и пройдя обучение, стала вагоновожатой.

Почти сразу после начала эксплуатации трамвая здесь был создан партийный кружок из пяти большевиков. Долгое время простая крестьянская девушка относилась к ним недоверчиво. Фаина только в апреле 1917 г. вступит в партию большевиков.

В конце мая – начале июня 1918 г. стало известно, что к Самаре приближаются legionеры Чехословацкого корпуса. Большевики начали готовиться к неминуемому столкновению. В первых числах июня, будучи на заседании подрайонов в клубе коммунистов, Ф.Л. Апраксина получила задание организовать боевую единицу из рабочих трамвая и нескольких заводов. На обращение Апраксиной пришло около 30 человек. Сама Фаина так вспоминала свое участие: «Я все свободное время проводила в клубе, исполняя различные поручения вплоть до набивки пулеметных лент. Клуб наш в те дни представлял собой боевой штаб»².

Весьма интересными представляются впечатления Ф. Апраксиной относительно захвата Самары чехами: «7 июня вечером мне нужно было уйти домой, т.к. с утра работала моя смена... А с 2 ч. утра началась канонада. Движение трамвая не предполагалось, т.к. шрапнели рвались уже над городом. И я пошла снова в клуб, но пробраться туда не было возможности, т.к. снаряды рвались по Заводской улице, разрушая здания. Во всех концах города трещали пулеметы. Первого чеха я увидела на углу Николаевской и Алексеевской улиц. Около него собралась целая толпа народа и всячески восхваляла победителя и проклинала большевиков.

На углу Саратовской и Льва Толстого у бывшего театра Олимп группа чехов обстреливала из пулеметов помещения штаба, где засели наши, все еще не хотевшие сдаваться. Но вот трескотня пулемета прекратилась, и помещение занято чехами. Со стороны клуба еще слышно было стрельбу, но скоро там смолкло. Клуб был взят. Улицы наполнились народом. Ходили злорадные люди с буржуазными и обывательскими сияющими лицами, венчая цветами победителя»³.

¹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 34. Л. 8.

² Там же. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 243. Л. 75.

³ Там же. Л. 76.

Свидетельницей многих страшных картин того дня пришлось ей стать: «По Саратовской улице к Хлебной площади движется большая толпа народа, сопровождая чешского офицера, а впереди идут четверо связанных красногвардейцев. Дошли до плашкоутного моста, и чех собственноручно расстрелял всех четверых. На улицах были трупы не просто убитых, а растерзанных»¹. Подобных эпизодов осталось немало в памяти девушки. «Соборный садик, что выходит на Троицкую и Александровскую, заполнен трупами убитых чехами. У самой калитки лежит тов. Шульц с раздробленным черепом, мозги все вылетели, обрызгав кругом траву. Видимо, расстреляли его в упор. У трупа тов. Венцека, лежавшего на Заводской улице, толпа озверевших людей справляла свою гнусную расправу, награждая пинками, руганью и плевками уже мертвое тело»².

В городе сразу же начались аресты семей большевиков, которые покинули Самару и тех, кто был заподозрен в сочувствии к ним. В числе прочих, была арестована «по подозрению в большевизме» и Фаина.

Вот как она сама вспоминала о своем аресте в тот день: «Взяли меня и повезли за Самарку. Но дорогой чех, сопровождавший автомобиль, пожелал свезти меня к коменданту Ребенде на вокзал, который, будучи уже “выпивши”, допросил и освободил под расписку, что я не буду участвовать ни в каких выступлениях против чехов. Несмотря на освобождение, все время находилась под надзором»³.

Во время захвата Самары чехами значительная часть большевистского руководства эвакуировалась из города. Оставшиеся партийцы организовали подпольный комитет. Также в городе была создана военно-разведывательная группа под руководством Ф.В. Паршина. В группу вошла и Ф.Л. Апраксина. Она, кроме трампарка, стала вести агитационную работу в казармах при Трубочном заводе среди мобилизованных солдат против войны с рабочими, за отказ служить в контрреволюционных войсках, призывая брать оружие и уходить⁴.

Но не только агитационной работой Фаина помогала большевикам. Иногда для помощи революционерам использовала свое служебное положение. Воспоминания Апраксиной содержат подобный эпизод: «Однажды, в июле 1918 г., когда я работала на вагоне 5 маршрута дачной линии, ко мне в вагон пришел Дурманов, разводящий, и сообщил, что поступило распоряжение коменданта города Ребенды о подаче 5 вагонов для перевозки солдат на дачи, которые должны были провести облаву на подпольщиков. Мы с Дурмановым решили помешать этому. Для этого договорились свалить вагон с рельс на Артиллерийском разъезде около Трубочного завода. Я провела вагон по стрелкам таким образом, что он сошел с рельс всеми скатами. А в то время дачная линия была однополь-

¹ *Апраксина Ф.Л.* В дни расстрелов в Самаре (рассказ работницы) // Коммуна. 1923. № 1340. 8 июня. С. 5.

² СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 243. Л. 76.

³ Там же. Л. 76.

⁴ Там же. Д. 705. Л. 2.

ной, и вагоны встречались на разъездах. В результате аварии движение трамваев по дачной линии приостановилось. Приехавшие слесари, поняв, в чем дело, тоже примкнули к нашей “забастовке”. Им никак не удавался подъем вагона. Так он и стоял до вечера. Облава на подпольщиков была сорвана»¹.

Большевистская деятельность Апраксиной стала известна ряду недоброжелателей. В фонде КОМУЧа среди донесений на большевиков в Штаб охраны города обнаружены анонимки на Фаину Львовну:

«Ул. Николаевская, д. 213. Ф.Л. Апраксина – сожительница комиссара Чуйкова, трамвайная служащая, дома бывает до 2-х часов, после чего уходит на службу. Ведет усиленную агитацию против существующей власти и создает угрозу убийства членов партии социалистов-революционеров. Прошу ее арестовать и провести обыск у нее дома, где имеется подпольная литература»².

Нередко работники трампарка сталкивались со злоупотреблениями и хулиганством чехов. На Ильинской площади к Апраксиной в трамвай вошло несколько чешских офицеров, которые стали требовать, чтобы их отвезли на Волгу, в то время как трамвай следовал в парк. Только благодаря заступничеству контролера Савостьяновой, вагоновожатая не пострадала³.

В результате комплексного использования архивных и опубликованных источников, представленных как воспоминаниями, так и делопроизводственной документацией, удалось установить, что после захвата города Ф.Л. Апраксина сумела остаться в Самаре и под прикрытием работы в трампарке продолжала заниматься подпольной и саботажной деятельностью с целью свержения власти КОМУЧа.

¹ *Апраксина Ф.Л.* Работники трампарка в борьбе за Советскую власть // Краеведческие записки. Вып. 1. Куйбышев, 1963. С. 87–88.

² ЦГАСО. Ф. Р-280. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

³ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 243. Л. 77.

**«АНТИСЕМИТИЗМ НА ПОЧВЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ИСТОРИЙ»:
ПРОЕКТ ЕВРЕЙСКОГО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В КРЫМУ
В ЗЕРКАЛЕ НАСТРОЕНИЙ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
(2-я пол. 1920-х гг.)**

*Григорьев Евгений Михайлович
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

Проект еврейской аграрной колонизации территорий Крыма и Украины в 1920–1930-х гг. стал одной из наиболее ярких и неординарных инициатив в области национальной политики, предпринятых большевиками в первые десятилетия советской власти.

Различные вопросы истории еврейской колонизации подробно исследованы в отечественной и зарубежной историографии¹; здесь я хотел бы остановиться на сравнительно малоизученном аспекте темы, а именно на отражении процесса переселения евреев в Крымскую АССР в общественном мнении различных групп советского населения².

Одной из официально декларируемых целей перевода еврейского населения на землю была провозглашена задача борьбы с антисемитскими предрассудками в советском обществе. Еще в 1919 г. в докладной записке председателя Центрального бюро еврейских комсекций С.М. Диманштейна в ЦК РКП(б), подчеркивалось, что привлечение евреев к земледелию и огородничеству «должно положить конец или, в крайнем случае, сильно ослабить их теперешнюю вредную деятельность и спекуляцию, столь вредную для Советской республики и столь раздражающую окружающее нееврейское население. Совместная земледельческая работа еврейских масс с нееврейскими, общность условий труда явится лучшим

¹ *Декель-Хен Й., Хиллиг Г.* В поисках рая: О еврейском землеустройстве в Крыму. Симф., 2004; *Аманжолова Д.А.* Из истории землеустройства евреев в СССР // *Cahiers du Monde Russe*, 45 (1–2). Paris, 2004. P. 209–239; *Dekel-Chen J.* Farming the Red Land: Jewish Agricultural Colonization and Local Soviet Power, 1924–1941. New Haven, 2005; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм (Новая версия): В 2 ч. Ч. 1. М., 2015; и др.

² Теме влияния еврейского переселенческого движения на состояние межнациональных отношений на Украине посвящена работа А.В. Марчукова: *Марчуков А.В.* Еврейское крестьянство: миф или реальность? // *Россия XXI*. 2002. № 4. С. 102–115.

средством борьбы с антисемитизмом в крестьянской среде»¹. Рассуждая о методах преодоления антисемитизма, председатель Всесоюзного общества по землеустройству трудящихся евреев (ОЗЕТ) Ю. Ларин указывал на важность перевода мелких торговцев на землю и вовлечение их в промышленность «для подрыва таких зацепок для антисемитской агитации, как созданная прошлой историей недостаточность среди евреев числа рабочих и крестьян»². Похожей логикой руководствовался и Максим Горький, который в адресованном ОЗЕТу письме отмечал, что факт возникновения общества «несколько отрезвит граждан-антисемитов, в чьих черепах снова начинает закисать нездоровый мозг»³.

На деле же проект землеустройства евреев вызвал в широких кругах советского населения совершенно противоположный эффект. На период, совпавший с началом активной колонизационной кампании, приходится всплеск антисемитских настроений. Эмигрантский историк С.М. Шварц, выстраивая периодизацию развития еврейского вопроса в СССР, особо выделял «период подъема антисемитизма во второй половине двадцатых годов»⁴. Архивные источники подтверждают данное наблюдение.

Информационные обзоры и сводки ОГПУ за указанные годы пестрят указаниями на факты межнациональных эксцессов в Крыму. Одно из первых свидетельств относится к лету 1925 г., когда в д. Курман-Камельчи была отмечена агитация какого-то приезжего немца среди местных жителей, что «крестьянам нужно собраться, объединиться в союз и выгнать всех евреев из Крыма». С 1926 г. факты антисемитизма в регионе приобретают массовый характер. «В связи с переселением евреев в Крым усиливается антисоветская пропаганда» (май 1926 г.). «В связи с переселением в Крым евреев наблюдается развитие антисемитизма среди основных национальностей, выражающих недовольство предоставлением переселенцам лучших земель (Евпаторийский и Бахчисарайский районы)» (июнь 1926 г.). «В татарских и русских деревнях продолжает развиваться недовольство переселением в Крым евреев. Особенно сильно оно среди татар, где им охвачены и некоторые партийцы. Наблюдается распространение слухов, что Крым скоро станет еврейской республикой (Ялтинский район)» (сентябрь 1926 г.)⁵. Аналогичные сообщения содержатся в сводках за апрель, май, июнь, август и декабрь 1927 г., январь, апрель, июнь, август, сентябрь и ноябрь 1928 г. Выступая на совещании в 1927 г., ответственный секретарь Крымского обкома ВКП(б) С.Д. Петропавловский признал, что в республике «на почве последних земельных историй»

¹ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1 / сост. Л.С. Гагазова, Л.П. Кошелева, Л.А. Розовая. М., 2005. С. 20.

² Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929. С. 284.

³ Цит. по: Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939. М.; Иерус., 1999. С. 265–266.

⁴ Шварц С.М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952. С. 13.

⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 320, 384, 640–641.

распространились антисемитские настроения; правда, по его мнению, они не носили массового характера, а главным образом проявлялись «в массе торговцев, интеллигентов, в обывательской массе»¹.

Следует подчеркнуть ряд важных особенностей процесса распространения антисемитских настроений в обществе, которые должны были всерьез обеспокоить советское руководство.

Во-первых, настроения эти не ограничивались лишь «разговорами», агитацией в узком кругу и циркуляцией слухов. В апреле 1927 г. были зафиксированы случаи избиения евреев крестьянами в Джанкойском и Бахчисарайском районах; в мае – словесные оскорбления в школах Симферополя; в декабре – распространение антисемитских записок на улице Симферополя². В апреле 1928 г. группа хулиганов совершила несколько нападений на 75-й еврейский переселенческий участок Джанкойского района, так что переселенцам пришлось запрашивать помощь по телеграфу³. Примеры «извращения национальной политики» в Крымской АССР приводятся в докладной записке председателя Комиссии ВЦИК по обследованию республики А.И. Досова (январь 1929 г.): «извращение это... в отдельных случаях привело к грабежу, скотокрадству и потравам посевов одной национальной группы у другой (в частности, у евреев)»⁴.

Во-вторых, казалось бы, локальная и ограниченная пределами сельских районов Крыма и Украины, тема переселения евреев на землю затронула общественное мнение жителей регионов, удаленных от мест расселения евреев, а также некрестьянских социальных групп. Среди попавших под сокращения рабочих Калуги (сентябрь 1924 г.) имели место антисемитские выпады: «подарили им Крым, т.к. власть ихняя». «Когда в газетах появились сообщения о наделении евреев землей в Крыму, – докладывали в Центр представители ОГПУ по Северокавказскому краю, – то это зажиточными группами казачества истолковывалось как «особое благоволение к евреям правительства, наделившего землю в Крыму, а не где-нибудь в Сибири»⁵. На совещании о выработке мер по борьбе с антисемитизмом при Отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) 26 августа 1926 г. член Комитета по земельному устройству трудящихся евреев (КомЗЕТ) А. Чемерисский рассказывал, как ему позвонили со штамповального завода, «там имеется справочное бюро, туда обратились за разъяснением, “почему дают землю евреям, а не русским крестьянам”»⁶. Об интересе пролетарской массы к теме еврейского землеустройства упомянул на совещании член Совнацмена при Наркомпросе РСФСР Г. Мансуров: «Сейчас нашим товарищам об этом задается много вопросов со стороны рабочих, но они не могут дать точного ответа, на этой почве развивается

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 114. Л. 94.

² «Совершенно секретно»... Т. 5. М., 2003. С. 354, 412, 685.

³ «Совершенно секретно»... Т. 6. М., 2002. С. 236.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 710. Л. 3.

⁵ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1... С. 382.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 832. Л. 30–31.

антисемитизм»¹. В это же время украинский академик С.А. Ефремов записывал в дневнике бытовавшие среди киевлян анекдоты, часть из которых касалась темы еврейской колонизации Крыма. Переселение евреев связывалось в них с крымским землетрясением 1927 г.: «Кто терпеливей: люди или природа?» – «Люди. Потому что мы десять лет терпели над собой еврейскую власть, а Крым провалился на следующий год после того, как его колонизовали евреи»².

Тревожным звонком для верхов должно было послужить увязывание темы землеустройства евреев с проблемой потенциального коллаборационизма части советского населения в случае войны. Речь идет о т. наз. «военной тревоге» 1927 г., когда вся страна, в свете резкого обострения отношений с Западом (налет на советское торгпредство в Лондоне, разрыв советско-английских дипломатических отношений, убийство советского посла в Варшаве и др.), оказалась в состоянии ожидания войны. Между тем информация о настроениях в обществе, полученная Кремлем, была далека от ожидаемой. Как отмечает историк Т. Вихавайнен, в сводках ОГПУ «присутствует целый спектр настроений: здесь и паника в связи с возможной войной, пораженчество, угрозы свести счеты с большевиками, а также дерзкие, вызывающие проявления открытого неповиновения»³. В Крыму, сообщали информаторы в августе 1927 г., «слухи о войне и антисоветская пропаганда способствуют росту антисемитизма. Нередки заявления: “Если будет война и нам дадут винтовки в руки, мы в первую очередь будем бить жидов”». В Севастопольском районе в июне 1927 г. слухи о войне среди советских торговых служащих сопровождалась антисемитскими выступлениями; в Джанкойском районе пророчили падение советской власти, добавляя, что «крестьян белые расстреливать не будут, а только жидов и коммунистов»⁴.

Указанные обстоятельства подводили власти к выводу, что антисемитские настроения синонимичны настроениям «контрреволюционным» и «антисоветским». На это было прямо указано, в частности, участниками вышеупомянутого совещания при Отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Как выразился А. Чемерисский, «это вопрос не еврейский, а контрреволюции»⁵. Известный журналист М.Е. Кольцов посетовал на то, что «слово контрреволюционер у нас совсем забылось», и надо бы «это слово воскресить и определенно заявить, что антисемит есть контрреволюционер»⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 832. Л. 40.

² Цит. по: *Мельниченко М.* Советский анекдот (указатель сюжетов). М., 2014. С. 98.

³ *Вихавайнен Т.* Год 1927 // «Совершенно секретно»... Т. 5. М., 2003. С. 8. Подр.: *Великанова О.В.* Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М., 2017. Гл. 3.

⁴ «Совершенно секретно»... Т. 5. М., 2003. С. 477, 578.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 832. Л. 30.

⁶ Там же. Л. 34.

Понимание со стороны властных инстанций необходимости противодействовать распространению антисемитских настроений способствовало вынесению проблемы в поле публичных дискуссий. На вторую половину 1920-х гг. приходится вал публикаций книг, брошюр и статей, направленных на борьбу с антисемитизмом; среди их авторов такие высокопоставленные чиновники, как М.И. Калинин, А.В. Луначарский, Н.А. Семашко, П.Г. Смидович, а также деятели искусств, от В.В. Маяковского до М. Горького. Большой резонанс получил состоявшийся по инициативе Агитпропотдела в декабре 1926 г. в Большом зале Московской консерватории открытый диспут об антисемитизме¹. Широкий отклик в массах вызвала статья М.И. Калинина «Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым», которая была опубликована в «Известиях» 11 июля 1926 г. Публикация председателя ЦИК СССР, считавшегося едва ли не главным лоббистом проекта еврейской колонизации в Крыму среди советского руководства, представляла собой развернутый ответ на письмо крымского селькора комсомольца Василия Овчинникова. Само письмо Овчинникова М.И. Калинин², состоявшее из краткого пересказа крестьянских «ропотом и возгласов» («Когда мы боролись под Перекопом, то... ни одного еврея там не видели, а... теперь сюда переселяются евреи, а нам предлагают в Сибирь. Не обидно ли это?») и просьбы «разъяснить или убедить крестьянина», предваряло текст М.И. Калинина. Статья М.И. Калинина вызвала ажиотажный интерес в Крыму (материал «Известий» был перепечатан в главной местной газете «Красный Крым», причем редакции пришлось делать повторный тираж), и не только: селькор Овчинников оказался заваленным корреспонденцией со всего Союза, причем большая ее часть оказалась выдержанной «в контрреволюционном духе».

Таким образом, проект аграризации евреев в Крыму вызвал широкий и по преимуществу негативный резонанс среди различных групп советского населения второй половины 1920-х гг. Недовольство затронуло сельские и городские слои как в регионах, ставших местами расселения евреев-крестьян, так и в удаленных от них. Негативная реакция не ограничивалась «разговорчиками», зачастую выливалась в открытую погромную агитацию, а в ряде случаев погромами сопровождалась. Важной особенностью массовых настроений являлась смычка понятий «советского» и «еврейского» (и, следовательно, тождественность «антисемитского» и «антисоветского»), что было замечено властями и способствовало заметной активизации дискурса «борьбы с антисемитизмом» в публичном поле в указанный период.

¹ Стенограмма его целиком опубликована Л.С. Гатаговой в 5-м томе сборника «Архив еврейской истории» (М., 2008).

² Подлинник письма: РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–1 об.

ПЕРВАЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ОПЫТ ПРИЗНАНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ И ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ

*Давыдова Татьяна Николаевна
(Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина)*

Первая Азербайджанская Демократическая Республика (АДР) провозгласила свою независимость 28 мая 1918 г. после распада Российской империи, став прототипом современной Азербайджанской Республики, образовавшейся в ходе распада СССР.

Как любое государство, АДР имела признаки государственности, зафиксированные в Акте независимости: население, территорию, правительство и способность вступать в отношения с другими государствами. Всем гражданам, независимо от национальности, вероисповедания, социального положения и пола были гарантированы гражданские и политические права. Кроме того, в июне 1918 г. было издано первое постановление правительства АДР о флаге. В конце января 1920 г. было принято постановление об объявлении конкурса на проект разработки национального гимна, герба и печати АДР (однако в результате падения республики гимн, герб и печать приняты не были).

Наиважнейшей целью для молодой страны на этапе ее становления было получение международного признания государства АДР – прежде всего, чтобы защититься от советского влияния новой России и не допустить ею захвата территории АДР. Достижение цели правительство АДР видело в участии в международной Парижской мирной конференции. Также для защиты от российского вторжения необходимо было заручиться поддержкой сильного и влиятельного союзника. В связи с этим правительство АДР поддерживало идею мандата на управление своей территорией.

28 декабря 1918 г. азербайджанское правительство сформировало дипломатическую миссию во главе с Алимарданом Топчибашевым и направило ее во Францию для участия в работе мирной конференции. Судьба молодой республики во многом зависела от отношения ведущих стран Запада к России. Так, «русскому вопросу» и гражданской войне в России было уделено серьезное внимание всех участников мирной конференции.

10 января 1920 г. Верховный Совет Антанты признал АДР де-факто. С одной стороны, совместное признание АДР было наиболее выигрышным для союзников, с другой – в действительности никто из Антанты не хотел признавать новообразованную страну.

Жорж Клемансо, председатель мирной конференции, по поводу признания независимости АДР заявлял, что «он против любой попытки учредить в России отдельные государства, т.к. в этом случае русский народ начнет утверждать, что мы хотим расчленить Россию»¹. Глава МИД Франции Стефан Пишон по этому поводу заявлял, что ситуация на Кавказе запутанная и нестабильная – следовательно, существование закавказских республик рассматривается как нестабильное².

Французское правительство долго противилось присутствию азербайджанской миссии на Парижской конференции и не хотело давать разрешения на въезд в страну. Однако никто из союзников не был против участия представителей АДР в конференции, и визы азербайджанским дипломатам в итоге были выданы.

Несмотря на политические сложности, АДР и Франция проявляли интерес в торгово-экономическом направлении. В июне 1919 г. правительствам двух стран удалось достигнуть устное соглашение о поставках в АДР мануфактуры, обуви и других товаров первой необходимости. Член французского парламента де Монзи уделял большое значение торговле с АДР, полагая, что эта страна может сыграть важную роль в налаживании отношений со всем исламским миром.

Правительство АДР не рассматривало Францию в качестве потенциального мандатария: во многом потому, что для АДР Франция была известна своей проармянской позицией³. Французское правительство, в свою очередь, также не имело желания взять мандат на управление Кавказом.

Наиболее благоприятно, по сравнению с Францией, политические отношения АДР сложились с Великобританией. Изначально Великобритания в результате Мудросского перемирия проводила оккупационную политику в АДР, но затем способствовала признанию АДР де-факто.

Так, по прибытии в Баку британский генерал Уильям Томсон отдал приказ о снятии флага АДР, а также заявили, что «под именем Азербайджан англичанам известно лишь правительство, не имеющее никакой опоры в народных массах и созданное интригами турок»⁴. Кроме того, Великобритания имела большой интерес к бакинской нефти и установила жесткий контроль над ее вывозом. По отношению к местному населению британское командование проводило агрессивную политику, что привело к крупной забастовке. В результате Томсон вынужден был заручиться поддержкой местных властей, а 28 декабря 1918 г. он признал правитель-

¹ *Топчибаши А.М.* Парижский архив 1919–1940: в 4 кн. Кн. 1: 1919–1921. М., 2016. С. 73.

² *Le Gouvernement Français et les Républiques du Caucase // Correspondance d'Orient.* 1919. № 223. P. 226–227.

³ *Гасанлы Дж.* Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости (1917–1920). М., 2011. С. 431.

⁴ *Юсифзаде С.З.* Первая АДР: история, события, факты англо-азербайджанских отношений. Баку, 1998. С. 85.

ство Фатали Хойского единственной законной властью в АДР. Позже Великобританское правительство демонстрировало готовность способствовать участию делегации АДР в работе мирной конференции.

Правительство АДР рассматривало Великобританию в качестве одной из державы-мандатария, а также стремилось согласовывать с ней свою внешнюю политику (в том числе и по отношению к России).

Особенные отношения сложились у АДР с США. Президент США Вудро Вильсон, известный как архитектор мира и друг малых народов, в своих «14 пунктах» развивал основы национального самоопределения народов, что позитивно было воспринято представителями молодой АДР. При условии выполнения «14 пунктов» Вильсона и невмешательства во внутренние дела республики, правительство АДР выражало согласие на покровительство США; природный потенциал АДР, в свою очередь, был привлекателен для правительства США. Так, в январе 1919 г. правительства двух стран заключили двусторонний договор о вывозе нефтепродуктов из АДР в обмен на продовольственную помощь от США. Согласно договору, АДР должна была еженедельно поставлять не менее 300 тонн нефтяных продуктов (мазута и керосина для отопления паровозов) по цене 20 долларов за 1 тонну мазута и 35 долларов за 1 тонну керосина. США, в свою очередь, должны были еженедельно осуществлять поставку пшеничной муки не менее двух вагонов по цене 210 долларов за 1 тонну¹.

Наибольший интерес из союзных держав к АДР проявляла Италия. Союзники рассматривали итальянское присутствие на Кавказе как альтернативу британскому – в июне 1919 г. Великобритания официально объявила о выводе своих войск с Кавказа и со всей территории бывшей России. В мае 1919 г. Баку посетила военная миссия во главе с полковником Мелкиаде Габба. Целью миссии являлось выяснение обстановки в АДР и во всем Закавказье, а также оценка перспектив принятия стран региона под мандат Италии. В ходе работы военной миссии Габба пришел к выводу, что в Закавказье сильны противоречия между новообразовавшимися республиками и серьезную угрозу для региона представляло белое движение генерала Деникина². Несмотря на это, итальянские власти были заинтересованы в природных ресурсах региона и рассматривали возможность экономического сотрудничества с АДР.

У сторон также был взаимный интерес к мандату на управление АДР. Итальянцы хотели, чтобы их пригласили и чем-нибудь выразили свое согласие на их приход. Однако в Италии произошла смена власти – правительство Витторио Орландо, сторонника мандата на Закавказье, ушло в отставку, а новое правительство Франческо Нитти, из опасений вступить в войну с Россией и Турцией, сочло необходимым не вмешиваться.

¹ Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика. (Документы и материалы). Баку, 1998. С. 448.

² *Нестеров А.Г.* Мелькиаде Габба, итальянская миссия в Закавказье и независимый Азербайджан в 1919–1920 годах // Россия и Италия. Вып. 6: Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней. М., 2015. С. 311.

ваться в дела Закавказья и запретило военную экспедицию на Кавказ. Вопрос о мандате на управление Кавказом был закрыт. Следует добавить, что Италия изначально планировала пробыть на Кавказе не более трех-пяти лет и демонстрировала готовность официально признать все новые государства на территории бывшей России.

В итоге независимое государство АДР, не получив своевременной помощи союзников, просуществовало 23 месяца, пав в результате захвата своей территории большевистскими властями Советской России.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕРХНЕУДИНСКА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕКЛАМЫ И ОБЪЯВЛЕНИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Дикий Ярослав Витальевич
(Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН)

Гражданская война – сложное время для всей страны. Ее последствия сказывались во всех областях политической, социальной, культурной жизни. К сожалению, зачастую исследование гражданской войны ограничивается обращением к военной и политической составляющим, пренебрегая историей повседневности. Уникальность повседневности как культурно-исторической категории заключается «в ее локальных проявлениях на территории конкретных регионов и стран»¹. Посредством изучения повседневности может быть создано объемное представление о материальном, эмоциональном и социальном аспектах жизни. Историю этого периода и в том числе повседневную жизнь городов, традиционно изучают по архивным документам, мемуарам, газетным публикациям, законодательным материалам и т.п. Однако одну из разновидностей письменных источников – рекламу и объявления в периодической печати, – исследователи практически не используют. Между тем этот сегмент источниковой базы позволяет взглянуть на повседневную жизнь с уникальной степенью подробности.

В рекламе и объявлениях содержится прямая и косвенная информация о быте и досуге населения. В качестве источника изучения повседневной жизни обращался достаточно небольшой круг исследователей – С.Ф. Галанин, Е.В. Перебейнос и А.Е. Перебейнос, Г.Н. Яковлева, С.В. Малых и др. В этой связи представляется интересным поддержать это направление и провести анализ повседневной жизни г.Верхнеудинска времен гражданской войны посредством рекламных объявлений в периодической печати.

В качестве основного источника нами выбрана газета «Прибайкальская жизнь» – ежедневная общественно-демократическая, социалистическая и литературная газета, издававшаяся Прибайкальским

¹ Скульмовская Л.Г. Повседневность как культурно-историческая категория // Л.Г. Скульмовская, Н.В. Назарова // Культурология. Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 97.

товариществом кооперативов, в г. Верхнеудинске с 3 мая 1918 г. по 17 августа 1919 г. (Уточним, что в данном сообщении нами проанализированы № 41–105 с 4 октября по 31 декабря 1918 г.). Объявления в ней размещались как на первой полосе, так и на последней. Цена варьировалась от 90 коп. до 1 руб. 10 коп. за строку петита (шрифта) в зависимости от полосы. В имеющихся номерах было размещено 974 объявления разных категорий (515 из них были размещены на более дорогой первой полосе), причем по нашим наблюдениям количество объявлений частных лиц больше, чем в дореволюционных газетах города.

Городские власти использовали объявления в газете для размещения официальной информации (приказы, постановления, официальные вызовы на службу и др.). Городская управа г. Верхнеудинска посредством газет информировала горожан и о выборах в Городскую Думу. Согласно опубликованному объявлению для того, чтобы принять участия в выборах, необходимо было получить «избирательную карточку для подачи голоса»¹. Город был разделен на 7 городских участков: городской участок, выдача происходила «в 1-ом высшем нач. училище; Нагорный – в Народном доме; Железнодорожный – в жел. дор. школе; Батарейная площадь – в школе; Заудинский – в Станичном правлении; Н.-Березовка – школа; Поселье – в школе»². Таким образом, органы управления городом работали в нормальном режиме, решали насущные вопросы. Однако только из текстов объявлений нам не ясно, насколько эффективна была эта работа, об отношениях населения и власти.

Сведения из объявлений позволяют также узнать в подробностях и о городских проблемах – например, о нехватке продовольствия и сложностях поставки продуктов питания в Верхнеудинск. Так, в № 55 Городская управа Верхнеудинска опубликовала информацию о выдаче новых продовольственных карточек. Продовольственные карточки выдавались в период с 29 октября по 2 ноября 1918 г. Для эффективной выдачи карточек город был разделен на 6 районов. Выдача продовольственных карточек осуществлялась при предъявлении паспорта «прописанных милицией»³.

Несмотря на кажущееся спокойствие, в газете в целом и в объявлениях в частности чувствуется определенная напряженность в связи с происходящими событиями и ухудшение общей ситуации. Подавляющее большинство объявлений касается продажи чего-либо: «**ПРОДАЕТСЯ** дом на Березовке. Справляться: Большая Наб., д. Салимова, кв. Розенфельд»⁴; «**ПРОДАЮТСЯ** дома с надворными постройками за линией. Графская улица № 15 Молдовара»; «**ПРОДАЕТСЯ** деревянный дом. Базарная № 23 Борисовых. О цене справитьсЯ Думская ул. д. Бойбородиной. И.А. Борисова»⁵.

¹ Прибайкальская жизнь. № 49 от 20 октября 1918 г.

² Там же.

³ Прибайкальская жизнь. № 55 от 27 октября 1918 г.

⁴ Прибайкальская жизнь. № 42 от 04 октября 1918 г.

⁵ Прибайкальская жизнь. № 45 от 11 октября 1918 г.

Ежедневные сводки с фронтов, постоянные приказы Верховного правителя России и других официальных лиц, связанные с вопросами войны, усиливали чувство нестабильности и опасности, что, вероятно, заставляло многих продавать имущество и уезжать из города: «**За выездом продаются разные домашние вещи. Иркутская, 16 во дворе**»; «**По случаю отъезда продаются: лошадь, телега и сбруя, породистая корова и телка, бараны, гуси, утки. За Удой, кв. Курбатова. Видеть ежедн. От 4х до 7 ч. веч.**»².

Тем не менее, несмотря ни на что, культурная жизнь города не замерла. Жители Верхнеудинска по-прежнему имели возможность довольно разнообразно проводить досуг. Так, в городе работало два театра-иллюзиона «Золотой уголок» и «Дон Отелло»³. Интересно, что объявления размещал только театр-иллюзион «Золотой уголок», а о существовании второго театра можно извлечь сведения лишь из официального объявления «**О выдаче новых продовольственных карточек**»⁴. Деятельность активно рекламирующего себя «Золотого уголка» была разнообразной. На сценах этого иллюзиона играли комедии, фарсы, драмы; наиболее же популярным, судя по объявлениям, стал жанр «боевик»: «**Театр-иллюзион “Золотой Уголок” Шалости молодоженов. Фарс в 4-х действиях**»⁵; «**Театр-иллюзион “Золотой Уголок” Человек. Драма в 4-х действиях**»⁶; «**Театр-иллюзион “Золотой Уголок” Мировой боевик с участием знаменитой америк. Артистки Андре Муссен Во имя любви и славы. Драма в 4-х частях**»⁷; «**Театр-иллюзион “Золотой Уголок” Пикантный фарс для взрослых Доктор с собачьей площадки. Фарс в 3-х частях**»⁸; «**Театр-иллюзион “Золотой Уголок” Русский боевик СОН русский боевик**»⁹. К сожалению, сведений о стоимости посещения представлений и времени работы театра-иллюзиона нет.

Прием нуждающихся во врачебной помощи осуществляло, согласно объявлениям, несколько частных врачей-практиков. Так, в городе работал врач А.В. Сегельман – специалист по кожным и венерическим заболеваниям¹⁰. Лечением «нервных» заболеваний занимался доктор С.Д. Юфик¹¹. Интересна информация о деятельности в городе доктора-иностранца: «**Японский доктор ТЕН–МЕН–ОГИ специалист по внутренним и венери-**

¹ Прибайкальская жизнь. № 105 от 31 декабря 1918 г.

² Прибайкальская жизнь. № 52 от 24 октября 1918 г.

³ Прибайкальская жизнь. № 55 от 27 октября 1918 г.

⁴ Там же.

⁵ Прибайкальская жизнь. № 52 от 24 октября 1918 г.

⁶ Прибайкальская жизнь. № 105 от 31 декабря 1918 г.

⁷ Прибайкальская жизнь. № 56 от 29 октября 1918 г.

⁸ Прибайкальская жизнь. № 58 от 31 октября 1918 г.

⁹ Прибайкальская жизнь. № 61 от 3 ноября 1918 г.

¹⁰ Прибайкальская жизнь. № 88 от 8 декабря 1918 г.

¹¹ Прибайкальская жизнь. № 74 от 20 ноября 1918 г.

ческим болезням. Угол Приютской – Большой Набережной, дом Игумновой вверху. Прием с 10 ч. утра до 4 ч. дня»¹.

Итак, реклама и объявления в периодической печати могут служить важным источником при изучении различных аспектов многогранной истории периода гражданской войны, в том числе и жизни городского населения в далекой провинции на восточной окраине России.

¹ Прибайкальская жизнь. № 90 от 11 декабря 1918 г.

ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

Долгова Анжела Валерьевна, к.и.н.

(Российский государственный гуманитарный университет)

В первой половине 1919 г. Пермская губерния была под властью Верховного правителя. К сожалению, в пермских архивах почти не осталось документов, которые бы пролили свет на то, какие события происходили в это время в губернии. Вместе с тем небольшое количество обнаруженных нами документов все же позволяют сделать выводы, что авторитет и влияние А.В. Колчака были достаточно сильными. Этим и объясняется во многом враждебное отношение части населения к большевикам, выразившееся сначала в отказе от мобилизаций, затем борьбе, в том числе скрытой, против советской власти. Поэтому, несмотря на отступление, говорить «о начавшемся разложении в войсках Колчака летом 1919 г.», как было принято в исследованиях советского периода, не приходится. В сводках Пермской ГубЧК приводится цифра в 60 000 человек, которые ушли в след за ним. «Люди преимущественно зажиточные и мещанство»¹. На территории губернии у него было немало добровольцев, ожидавших его, «как избавителя» и готовых вступить в армию по первому зову. Впоследствии они оказали серьезное сопротивление, продолжавшееся в некоторых уездах до середины 1920-х гг.

К концу ноября, после военного переворота в Омске и провозглашения адмирала А.В. Колчака верховным правителем России и верховным главнокомандующим, обстановка на Восточном фронте обострилась. На Пермском направлении наступала Екатеринбургская группа, образованная в октябре из войск бывшего Северо-Уральского фронта в составе Западного фронта Сибирской армии (в нее входили 1-й Средне-Сибирский стрелковый корпус и 2-я чехословацкая дивизия). Ее наступление на Пермь–Вятку–Котлас началось 29 ноября. В первых числах декабря войска 1-го Средне-Сибирского корпуса генерала А.Н. Пепеляева заняли Лысьву, станции Чусовскую и Калино. 3-я армия, командующим которой 30 ноября был назначен М.М. Лашевич, основными силами отступила на Пермь, часть – на север. 21 декабря 30-я стрелковая дивизия В.К. Блюхера оставила Кунгур, который заняла Екатеринбургская группа. 23 декабря на сторону белых перешел полк под командованием полковника Бар-

¹ Пермский государственный архив социально-политической истории (ПГАСПИ). Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 124.

мина, который должен был прикрывать район станции Сылва. 24 декабря в с. Ильинское восстал 10-й кавалерийский полк¹.

24 декабря части генерала Пепеляева заняли Пермь, после чего Колчак на основе Екатеринбургской группы организовал Сибирскую отдельную армию под командованием чешского генерала Р. Гайды.

26 декабря приказом командира 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-майора А.Н. Пепеляева, советская власть объявлялась «низверженной». При этом все офицеры русской армии обязывались явиться к начальнику Пермского гарнизона. Неявившиеся должны были считаться дезертирами и подлежали военно-полевому суду. Новоназначенным местным воинским начальникам предписывалось взять на учет молодых людей призывных возрастов для последующего призыва в армию².

С января 1919 г. на Пермском участке Восточного фронта шли бои 3-й армией М.М. Лашевича (позже, с марта по август армией командовал С.А. Меженинов) и Сибирской армией генерала Р. Гайды. От исхода этих боев в стратегическом плане, в общероссийском масштабе зависела судьба «Совдепии», в региональном масштабе – судьба советской власти на территории Пермской губернии.

Само по себе то обстоятельство, что губернию рассекал фронт, на котором между красными и белыми велись боевые действия, что эта линия фронта постоянно колебалась и перемещалась, стало серьезной предпосылкой для уклонения и дезертирства крестьян. Когда же в конце весны и начале лета колчаковские войска стали терпеть поражение и отступать с территории Пермской губернии, в них неизбежно началось разложение, которое, прежде всего, проявилось в росте дезертирства и перебежках к красным. Как и на других фронтах, в первую очередь дезертировали местные крестьяне, принудительно мобилизованные в белую армию. «Белые» дезертиры примешивались к «красным» дезертирам, и это становилось дополнительным фактором роста уклонения от службы в Красной армии и дезертирства из нее, в целом вело к обострению проблемы дезертирства и усложнению борьбы с ним.

6 января 1919 г. А.Н. Пепеляев приказал бывшим солдатам 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. службы явиться к 12 января в волостные и уездные правления для укомплектования «партизанских отрядов», формируемых при полках 1-го Средне-Сибирского корпуса «временно» (на 8 месяцев). Этот «временный призыв» назначался на участках от левого берега Камы в Соликамском уезде, Пермском и Кунгурском уездах, а также от правого берега Камы в Чердынском, Соликамском, Оханском уездах соответственно начдивами 1-й и 2-й Сибирских стрелковых дивизий. Гражданской администрации (губернскому комиссару, органам городского и земского самоуправления) вменялось оказывать «полное содействие и помощь

¹ *Обухов Л.А.* Прикамье в годы Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России : Материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). 2008. С. 214–220.

² ПГАСПИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 895. Л. 38.

военным местным властям». Особо подчеркивалось, что «неявившиеся будут преданы военно-полевому суду и расстреляны, как дезертиры, а сельские и волостные самоуправления будут строго наказаны, как за укрывательство дезертиров и за пособничество врагу»¹.

Можно сказать, что белые, оперировавшие на территории Пермской губернии, были готовы к дезертирству со стороны местного населения. И обоснованно: в приказе А.Н. Пепеляева от 7 января 1919 г. упоминалось, что «часть офицеров и солдат призывного возраста до настоящего времени не явилась на службу»². И это при том, что официально выражалась полнейшая поддержка военным властям со стороны «благодарного населения».

В приказе от 5 марта 1919 г. генерал Пепеляев благодарил начальника Пермской дивизии генерал-майору Шарова, командира 2-го Чердынского полка капитану Рейнгардта за «правильно налаженное дело»: «Объезжая город около 7 часов вечера, я заметил на одной из небольших площадей команду солдат еще не обмундированных, но своим лихим молодецким видом обращавших на себя внимание... Проходя мимо меня, несмотря на то, что было темно, начальник команды узнал своего командира корпуса и громко подал команду. Отчетливый, веселый, лихой ответ братьев стрелков порадовал меня, и я несколько раз благодарил стрелков за их молодецкий вид. Команда оказалась – учебной командой 2-го Чердынского полка»³.

В городе Чердыни и уезде в силу его социально-экономического и политического положения большая часть населения не поддерживала советскую власть. В приветственной телеграмме командиру 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса председатель Чердынского уездного земского собрания Марков 23 января 1919 г. писал: «Вашей могучей рукой славные, верные, самоотверженные двинуты на наше спасение и мы, земские люди далекого Чердынского края, вновь ожили в гражданской жизни. Возродившееся земское собрание от лица всего населения уезда шлет земной поклон Вам и Вашим войскам. Душу и тело отдадим на создание нашей Родины. Из своих скудных, ограбленных большевиками средств земское собрание единогласно ассигновало на нужды армии 50 000 рублей»⁴.

9 марта генерал А.Н. Пепеляев приказал: «До сведения моего дошло, что некоторые из запасных, ратников, белобилетников и новобранцев призванных уже годов (начиная с призыва 1907 по 1921 г. включительно) до сего времени не явились к своим воинским начальникам, желая уклониться от выполнения священного для каждого честного гражданина долга перед Родиной. Приказываю таким лицам явиться к 15 марта, после чего в пределы вверенного мне корпуса (уезды Пермский, Соликамский,

¹ ПГАСПИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 895. Л. 94.

² Там же. Л. 96.

³ Там же. Д. 946. Л. 225.

⁴ Там же. Л. 159.

Чердынский и части Оханского и Осинского) будут посланы особые воинские отряды для поимки этих преступников в городах и деревнях. В случае обнаружения где-либо уклоняющихся от военной службы после 15 марта, как сами уклоняющиеся, так и лица, их укрывающие, будут преданы военно-полевому суду. Независимо от того, на укрывателей будет наложен штраф в размере 3-х тысяч рублей с одновременным заключением их в тюрьму на 3 месяца. От деревни, где будет обнаружен уклоняющийся, будут взяты за каждого обнаруженного два человека, назначенные из числа немобилизованных, на принудительные работы с подводами. Управляющие уезды, а также начальники городских и уездных милиций, председатели волостных земских управ, сельские и деревенские старосты обязываются проследить за исполнением настоящего распоряжения по поимке уклоняющихся в кратчайший срок, имея ввиду, что в случае обнаружения уклоняющегося в их районах после указанного срока, все эти должностные лица будут преданы также военно-полевому суду, как бездействие власти»¹.

Анализ документов показал, что, несмотря на попытки провести в срочном порядке мобилизации после сдачи Перми красными в декабре 1918 г., взять под контроль ситуацию не удалось, и уже с марта 1919 г. началось наступление Красной армии на Восточном фронте, что и привело к освобождению города и губернии в июле того же года.

¹ Там же.

ПОЛИТИКА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ: УЧАСТИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ В НБП В 1990-е гг.

Дюпина Евгения Александровна
(*Российский государственный гуманитарный университет*)

Национал-большевистская партия известна, прежде всего, своими скандальными акциями и радикальными лозунгами. Часто она привлекает внимание исследователей молодежных движений и субкультур. В историографии участие радикальных деятелей искусства в НБП рассматривалось, в основном, в качестве фактора складывания особой молодежной среды внутри партии. Однако недостаточно внимания уделялось мотивации вступления художников, писателей и музыкантов в НБП, их деятельности внутри партии.

Годы Перестройки были временем особой политизации всего общества и подъема общественной активности. К обсуждению актуальных социально-политических проблем присоединялись не только известные писатели, режиссеры и музыканты, но и деятели андеграундной культуры. Например, русский рок конца Перестройки был полон различных политических гимнов и манифестов, которые звучат на митингах и по сей день. В условиях формирования новой, постсоветской реальности в первой половине 1990-х гг. у большинства деятелей культуры пропадает интерес к сфере политики. Музыканты и художники уходят в коммерческое искусство, возвращаясь в политику на непродолжительное время лишь для формальной поддержки одного из кандидатов¹.

В это же время наблюдается другая тенденция: приход в политику радикальных деятелей искусства, для которых политика, творчество и повседневная жизнь неразделимы. Центром притяжения для таких деятелей становится Национал-большевистская партия. Один из основателей партии – писатель Эдуард Лимонов – придерживался таких же принципов: его книги содержат пространные описания политической и повседневной жизни, участия в военных конфликтах.

Национал-большевистская партия была основана писателем Эдуардом Лимоновым и философом Александром Дугиным в 1993–1994 гг. Уже партбилет № 4 получил известный музыкант, лидер группы Гражданская Оборона Егор Летов. В течение 1990-х к партии присоединились композитор Сергей Курехин, художник Тимур Новиков, музыкант Константин

¹ Например, кампания «Голосуй или проиграешь» в поддержку Б.Н. Ельцина. В концертах участвовали Борис Гребенщиков, группы «Сплин», «Алиса» и др.

Ревякин («Калинов Мост»), бард Александр Непомнящий, поэтесса Анна Витухновская, певица Наталия Медведева, писатель Захар Прилепин. Отдельным стимулом для вступления в партию для некоторых деятелей стало издание ни на что не похожей партийной газеты «Лимонка». В первых номерах газеты писали статьи и стихи Эдуард Лимонов, Егор Летов, Сергей Паук (группа «Коррозия Металла»), группа «Че Данс» (позднее переименованная в «Запрещенные Барабанщики»), Наталия Медведева, писатель Алексей Цветков. Оформлением газеты занимался художник Александр Лебедев-Фронтов. Отдельно стоит отметить, что гимн НБП написан Дмитрием Шостаковичем, внуком знаменитого композитора.

В целом партия в начале своего существования являлась постмодернистским проектом¹. Это проявлялось как в идеологии (соединение радикальных правых и левых идей), так и во взглядах на будущее устройство. Заявив о своей радикальности, о желании установить «железный порядок» и «тотальное государство», партия в то же время декларировала своей целью не просто свержение «античеловеческой СИСТЕМЫ троицы: либерализма/демократии/ капитализма», но преобразование мира в целом, воспитание нового человека, поэтому ставка была сделана на привлечение молодежи. «НБП твердо уверена, что культура должна расти как дикое дерево. Подстригать ее мы не собираемся. Полная свобода. “Делай, что хочешь” будет твоим единственным законом»². Тотальная свобода индивидуума в тотальном государстве – такой виделась членам партии Россия будущего. Единственное ограничение накладывалось на пропаганду «западных ценностей», в которых нацболы видели угрозу существованию и развитию России. Отдельно культурная программа не была прописана, этого и не требовалось. По словам писателя Алексея Цветкова, занимавшего должность ответственного редактора газеты «Лимонка», «партии не нужна была никакая культурная политика... потому что, собственно, кроме культурной политики, ничего и не было... Изначально НБП строилась на эстетических образах, а не на политических идеях. Если группа, художник, поэт, просто человек подходил под это требование, то моментально становился частью “Лимонки”, бункера и вообще частью национал-большевизма постсоветской богемы»³.

Деятелей искусства привлекал романтизм, царивший в партии, ориентация на бунт и героизм. Для них вступление в партию не являлось этапом построения политической карьеры. Это было логическим продолжением их радикального творчества. Так, Сергей Курехин организовывал высту-

¹ *Жаковска М.* Феномен национал-большевистского движения: идеологический, социальный и культурный аспекты // История и современность. 2010. С. 208.

² Программа НБП (1994) // Молодежные политические организации: Программы и люди. М., 2007. С. 47.

³ *Сандалов Ф.* Формейшн. История одной сцены. М., 2015. С. 297.

пления Поп-механики, но уже в поддержку кандидата Александра Дугина на выборах. Егор Летов занялся организацией фестиваля «Русский прорыв», благодаря которому удалось привлечь группы «Гражданская оборона», «Инструкция по выживанию», «Красные звезды» (Беларусь), «Родина», члены которых симпатизировали национал-большевизму. Для будущих писателей Алексея Цветкова и Захара Прилепина членство в партии и общение с контркультурной средой стало отправной точкой в творческой карьере.

«Вождь» партии Эдуард Лимонов неоднозначно относился к такому сотрудничеству. С одной стороны, участие в партии таких деятелей культуры привлекало любителей андеграундного искусства, повышало ее известность среди молодежи. С другой – он не слишком высоко оценивал организаторские способности известных нацболов: «Все же прежде всего человек искусства, Егор [Летов] не понимал важность партийного строительства. Революционный романтик, анарх, он, очевидно, предполагал, что все будет делаться само. А то, что для осуществления революции нужно будет много и круто пахать, ему в голову, может, не приходило»¹.

Атмосфера, скорее, творческого союза, нежели серьезной политической организации приводила к тому, что связи довольно легко распались. Самым ярким примером является ссора основателей НБП Эдуарда Лимонова и Александра Дугина, которая была результатом не политических разногласий, но неспособности двух ярких «вождей» ужиться в рамках одной партии. Раскол в партии повлек за собой уход Александра Дугина. Вместе с ним партию покинули и некоторые его творческие последователи – например, Алексей Цветков.

Таким образом, НБП изначально создавалась в качестве радикальной альтернативы господствующей либеральной парадигме в политике и культуре. Радикальная антисистемная организация привлекала маргинальных деятелей искусства как идеальная площадка для реализации своих творческих замыслов и проектов. Но их отношение к политике как к искусству и неспособность участвовать в полноценной организаторской работе партии приводило к ослаблению связей и разрыву с политической организацией.

¹ Лимонов Э. *Анатомия Героя*. Смоленск, 1998.

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ДЖОНА НОКСА НА РЕВОЛЮЦИИ В ШОТЛАНДИИ И АНГЛИИ XVI–XVII ВВ.

*Епишин Никита Александрович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Велика ли роль отдельных личностей в истории? Вознесенные силой обстоятельств и личными качествами на пьедестал истории, они становятся ее частью и влияют на ее ход.

В истории Шотландии такой личностью стал Джон Нокс, оставшийся в народной памяти отцом пресвитерианства. Его фундаментальное произведение – «История реформации в Шотландии»¹ гарантировало ему ведущее место в шотландском реформационном движении. Теоретическое учение Нокса нашло воплощение на практике, приведя к шотландской гражданской войне и к гражданской войне более масштабной – английской, которая произошла столетием позднее.

События ранних лет жизни повлияли на становление личности реформатора: Джоржд Уишарт², его первый духовный наставник, был сожжен на костре за отрицание католического таинства, а сам Нокс был сослан на каторгу на французские галеры. Несколько раз ему приходилось эмигрировать из страны из-за своих убеждений. Он был лично знаком с Кальвином и вдохновлен идеями кальвинистской республиканской организации и суровой простоты культа, чуждой всякого суеверия и идолослужения.

По возвращении в Шотландию он сформулировал учение, создавшее религиозную основу надвигавшейся гражданской войны. Шотландия XVI в. представляла небольшое королевство со слабой властью монарха и сильным духом независимости аристократии и народа. Шотландская гражданская война, начало которой датируют либо 1559, либо 1567 г., а конец 1573, с утверждением кальвинизма получила характер войны избранного народа Божия с государями-идолопоклонниками. Ее истоки лежали в религиозном расколе общества, интервенции со стороны Англии и Франции и подрыве легитимности власти, немалую роль в котором сыграл Джон Нокс.

¹ *Knox J.* The History of the Reformation of Religion in Scotland, 1580 // Project Gutenberg. 2015. 13 февраля. URL: www.gutenberg.org/ebooks/48250 (дата обращения: 27.02.2018).

² Там же. С. 61.

В 1558 г. он издал «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин»¹, атаковавший Марию Тюдор, королеву Англии, и Марию де Гиз, королеву-регентшу Шотландии, проводивших репрессии против протестантов. Трактаат доказывал несправедливость нахождения на престоле любой женщины в каком-либо государстве.

Во вступлении автор восклицает: «Мы видим, как наша страна преклоняется перед чужими странами, мы слышим, как страшно наши собратья проливают кровь за Иисуса Христа, и виной всему женщина...»² Нокс не был доволен браком английской королевы с испанским королем, усилившим гонения на католиков. Проникнутый сочувствием к единоверцам, Нокс делает следующий вывод:

«Ставить женщину на любой руководящий пост над любой областью, нацией, городом, отвратительно и противоестественно, это наиболее всего противоречит Божьей воле и извращает хороший порядок, добро и справедливость»³.

Те же слова адресованы в адрес Шотландии, где Мария де Гиз продала страну католической Франции, выдав свою дочь замуж за французского дофина. Англия и Шотландия находятся в схожем положении, их главная задача – избавиться от засилья иностранцев.

Опираясь на Библию, он пишет, что женщины по своей природе уступают мужчинам и вспоминает историю сотворения мира: Бог, создав Адама, отдает ему власть над всем творением. Сотворение женщины из адова ребра доказывает желание Господа видеть ее помощницей мужчины. Если бы Господь хотел, чтобы женщина могла претендовать на власть над мужчиной, он создал бы ее из головы Адама.

Нокс упоминает христианскую концепцию Первородного греха: Ева ответственна за все грехи человечества, т.к. убедила Адама нарушить божий завет. Это делает женщину еще более неполноценной и сильнее подчиняет мужчине⁴.

«Бог дал некоторым понять, что есть нечто чудовищное в том, что женщина станет править мужчиной. Но среди всех нас царит тишина, как будто ничего и не было»⁵. Народ «молчит», тем самым отворачиваясь от Бога, и терпит власть, которая, поддавшись влиянию Антихриста, уже не является законной. И действительно, во второй половине 16 – начале 17 в. в обществе появляется чувство, будто Бог оставляет Англию и Шотландию, потому что народ более не достоин его поддержки.

Нокс резко заявляет, что уготована месть тем, кто не раскается. Народ должен немедленно взять дело в свои руки, и если их сеньоры отказы-

¹ Knox J. The First Blast of Trumpet against the Monstrous Regiment of Women, 1558// Project Gutenberg. 2011. 11 декабря. URL: <http://www.swrb.ab.ca/newslett/actualNLs/firblast.htm> (дата обращения: 27.02.2018).

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 41.

ваются следовать истинной религии, у народа есть право и обязанность восстать. «Вся совокупность людей и каждый в отдельности» разделяет ответственность в борьбе против идолопоклонства.

Радикализм идей Нокса оттолкнул от него прежних соратников. Взошедшая на престол Англии протестантка Елизавета даже запретила ему въезд в Англию, несмотря на все попытки оправдаться.

Неудача его не остановила. В 1559 г. Нокс провел службу в Шотландии против идолопоклонства, призвав к разгрому монастырей в Перте¹. Это стало прологом гражданской войны, зревшей на протяжении и нескольких лет. Протестантские идеи уже широко поддерживались знатью, и со смертью Марии де Гиз был созван парламент, принявший новую догматику и Первую книгу порядка, разработанную Ноксом, где были написаны правила церковного управления. Первый этап гражданской войны закончился относительно мирно, но предвестником второго этапа стало возвращение из Франции в Шотландию Марии Стюарт, которая решила не останавливать реформацию в Шотландии, однако не подписала Эдинбургский договор, закрепивший в стране протестантство².

Это привело в гнев Нокса. Он сравнил Марию Стюарт, вслед за Марией Тюдор, с Иезавелью – царицей израильского народа, презиравшей его религию и решившей водворить свое идолопоклонство. В защиту еврейской религии выступил пророк Илия, которого Нокс сравнивал с собой. Он напоминал, что Иезавель была убита собственным народом, который она презирала, предрекая исход их борьбы с Марией Стюарт.

Далее события развивались с невероятной скоростью. Убийство мужа королевы и новый брак с его предполагаемым убийцей отвернули от королевы всех ее союзников, вне зависимости от вероисповедания и ранга³. Мог ли теперь кто-то из шотландцев усомниться в пророческих способностях Нокса и выступить в защиту Марии, которую сочли соучастницей в убийстве?

Шотландия вновь погрузилась в гражданскую войну, еще более ожесточенную из-за отречения Марии от престола, пошатнувшего многовековые устои непоколебимости монархической власти. Джону Ноксу не предоставили какого бы то ни было видного места в парламенте, а пришедшая к власти аристократия больше интересовалась переделом земельной собственности, что сильно разочаровало реформатора⁴.

¹ *Кареев Н.И.* Джон Нокс и Реформация в Шотландии // Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: в 7 т. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. URL: <http://rushist.com/index.php/kareev-2/1319-johnnox-reformatsiya-v-shotlandii> (дата обращения: 27.02.2018).

² *Грэм Р.* Мария Стюарт. М., 2010. С. 130.

³ Там же. С. 222.

⁴ *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994.

В заключение стоит отметить, что Джон Нокс стал духовным вождем шотландцев, национальным героем, которому выпала тяжелая борьба за то, что он считал делом своей жизни – реформировать религию в Шотландии. И он ее выдержал. Его последователи проникли в Англию, где, гонимые светскою властью и церковью, получили название пуритан, желавших очистить англиканскую церковь от остатков католицизма. Следуя идеям Нокса, они выступали против абсолютной власти в церкви и государстве. Эта тенденция сказалась в деятельности Национального кovenанта 1638 г., когда английский король Карл I попытался унифицировать церковь двух стран, и привела к революционным потрясениям XVII в.¹

¹ *Иглз Р.* История Англии / пер. с англ. Г.В. Горевцова. М.: АСТ: Астрель, 2010.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МИРОВОГО ПОРЯДКА ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН

*Еремин Владислав Витальевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Точками бифуркации мирового порядка были глобальные войны. Эта гипотеза подвергается эмпирической проверке. Выделяют четыре концепции Мирового Порядка – Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Постдамская. Закономерностью является то, что все эти системы были выстроены после крупнейших глобальных конфликтов своего времени. В данной работе мы проведем анализ основных черт двух систем международных отношений (далее – МО), сложившихся в результате мировых войн.

Следует сделать ряд оговорок:

Во-первых, работа построена на анализе мирового порядка с позиции реализма. Мы отдаем себе отчет в том, что данный подход часто успешно критикуется¹. При анализе современных международных отношений он упускает из виду крайне важные факторы, например влияние транснациональных корпораций, в то время как они составляют конкуренцию государствам на экономическом и транснациональном уровнях силы².

Во-вторых, реалистическое понимание международных отношений не является единственным. Безусловно, даже если мы посмотрим работы С. Хантингтона³ и Ф. Фукуямы⁴, то как минимум пополним коллекцию подходов к пониманию МО в несколько раз – полицивилизационная модель, модель сущего хаоса, модель первенства либеральной демократии и т.д.

Однако при всех недостатках реалистичного понимания мирового порядка, данная модель позволяет сравнить поведение ключевых игроков на мировой арене после крупнейших войн в истории человечества, проанализировать создаваемые ими принципы международных отношений, и организации, призванные сохранить мировой порядок. Например, какую бы модель мы ни использовали, в любом случае наличие системы коллективной безопасности остается константой.

¹ *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. С. 354–366

² *Най Дж.* Будущее власти. М.: АСТ, 2014. С. 39–40.

³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. С. 26–38.

⁴ См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. 512 с.

Версальско-Вашингтонская система МО:

Лучше всего в одной емкой фразе итог Версальским соглашениям подвел Г. Киссинджер: «*Дипломатические документы редко бьют настолько мимо цели, как это случилось с Версальским договором*»¹. Президент США В. Вильсон хотел заменить довоенную систему баланса сил системой коллективной безопасности. Ему принадлежит идея создания Лиги Наций, которая «была призвана взять на себя роль главного регулятора международных отношений». Пост главы председателя Совета Лиги Наций занимали только англичане и французы. Вводилась система мандатов, степень которых варьировалась от уровня развития территорий. Создавали мировой порядок державы победительницы, которые, однако, видели мироустройство по-разному. Как пример, Германский вопрос. Кроме того, Польша, Чехословакия и ряд других стран получили независимость. Территории данных государств приобретались за счет немецких земель, Франция возвращала Эльзас и Лотарингию. Германия потеряла 13,5% территорий, лишилась всех колоний, численность ее армий была ограничена 100 тысячами человек, на нее были наложены репарации. Советская Россия была также исключена из системы международных отношений².

Ялтинско-Постдамская система МО и сравнительный анализ двух систем

Мировой порядок устанавливается победителями при фактическом неучастии побежденных – кейсы 1918 и 1945 гг. это доказывают.

Нас интересуют два вопроса:

А) Могут ли победители согласовать свои интересы? Скорее нет, чем да.

Антигитлеровская коалиция была союзом против общего врага. Как только врага не стало, между союзниками сразу начались дразги. Рузвельт хотел создать систему «4-х полицейских государств» (большая тройка плюс Китай), который бы следил за мировой безопасностью (крайне напоминает и Венскую систему, и Лигу Наций), Черчилль желал восстановить баланс сил в Европе, в том числе за счет предоставления помощи Германии – чтобы отгородиться от возможной угрозы СССР. Сталин же хотел доминирования СССР на территории Центральной Европы³. Неудивительно, что пути разошлись – особенно если учесть, что интересы Великобритании (которую поддерживали США) и СССР были противоположными. Отсюда и родилась биполярная система. Раздел пирога про-

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 113.

² Борисов Ю.А. История международных отношений: Т. II Межвоенный период и Вторая мировая война. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 14–17.

³ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: АСТ, 2018. С. 379.

исходил и после Первой мировой войны, так что его можно считать перманентным компонентом.

Б) Учитываются ли интересы проигравших? Скорее нет, чем да.

Государства-победители расчленили Германию на несколько зон влияния, добились ее полной демилитаризации. Это практика очень схожа с политикой в отношении Германии после Первой мировой войны. С Японией поступили также – оккупация страны со стороны США, отказ от армии и т.д.¹

Сравнение ООН и Лиги Наций

Изначально в ООН не допускались проигравшие страны. Это аналогично политике Лиги Наций после Первой мировой войны. Предположим, что если бы советской угрозы не было, то, возможно, интеграция в мировой порядок Западной Германии, Италии и Японии шла бы дольше.

Структура ООН схожа со структурой Лиги Наций. Совет Безопасности ООН и Совет Лиги Наций формируются схожим образом, так – в Совете Безопасности ООН пять постоянных членов, обладающих правом вето, в Совете Лиги Наций было четыре члена – все постоянные члены – государства из лагеря победителей. Проблема Лиги Наций была в том, что даже при такой структуре ее некому было держать на плаву. В США возникли внутренние противоречия, они отказались быть гарантом новой системы коллективной безопасности, по сути обязанность поддержания мировой системы была возложена на Францию². В ООН же в Совет Безопасности вошли сразу пять наиболее сильных государств, в том числе, Китай.

Общими у двух систем являются проблемы, с которыми они сталкиваются. Все страны имеют собственные национальные интересы, и, именно этот факт затрудняет работу любых органов коллективной безопасности. 16-я статья устава Лиги Наций гласит, что каждый ее член, совершивший акт агрессии, исключается из Лиги. Кроме того, против него другие государства должны применить свои вооруженные силы³. Согласно 6-й статье устава ООН страны, нарушающие ее устав, также могут быть исключены из организации. В статье 5-й сказано о том, что против государств, нарушающих международный порядок, могут быть применены силы ООН. Подробнее данный вопрос освещен в статьях 39–51 устава ООН. Отмечается, что применять силы ООН можно лишь тогда, когда исчерпаны все другие варианты давления – *«полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных,*

¹ Там же. С. 380–382.

² Там же. С. 385.

³ Статут Лиги Наций. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/SOURCES.htm> (дата обращения: 03.03.2018).

почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений»¹. Только после признания данных мер безрезультатными, ООН может применять военную силу. Как в том, так и в другом случаях, исторический опыт доказывает несостоятельность данных теоретических положений. Г. Киссинджер верно замечает, что ООН – эффективный инструмент в сравнении с Лигой Наций, выполняет миротворческие и гуманитарные операции, однако: «...чего эти международные учреждения так и не сумели сделать – это судить о том, какие конкретные действия представляют собой агрессию, или определить меры сопротивления в случае отсутствия согласия между великими державами»².

Вывод из всего вышесказанного следует сделать следующий: оба мировых порядка несовершенны, многие несовершенства в них схожи и имеют структурный характер, нынешний успешнее Версальского лишь тем, что его гарантами являются ключевые игроки, которые способны сохранить его как целостную систему МО.

¹ Устав ООН. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 03.03.2018).

² Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: Издательство АСТ, 2016. – С. 339

ОБРАЗ ДОРОГИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Ерицян Григор Артурович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Представление об обязательности для России «плохих» дорог стало расхожим в общественном сознании с первой половины XIX в. Угрозы в пути, медленные коммуникации между городами, сложность быстрой переброски армий через наземные пути, труднодоступность многих поселений и неприступность огромных территорий на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. Все это разнообразные следствия существования плохих дорог. Проблема транспортных коммуникаций сказалась и на общественном сознании, закрепилась в российской ментальности, отразилась в культуре жителей нашей страны.

Проблема дорожного хозяйства в начале XIX в. имела большую актуальность, ибо она затрагивала все слои того общества, что находит отражение в современных публикациях по истории общественного сознания. Так, в работе Г.Х. Самигулова показано, как меняется маркировка в быденном сознании, в зависимости от местности, по которой она проходит¹. В статье Р.А. Бурханова представлена репрезентация дорог в общественном сознании, на примере русских странников. Дорога, по мнению автора, есть постоянное перемещение, имеющее характер «вечного мотива», суть которого постигается через феномен странничества (основной причиной возникновения феномена странничества является бесконечные странствия и поиски истины)².

В отсутствие в России политической жизни (в современном понимании), важную роль в общественном сознании занимала литература. В статьях В.Ш. Кривоноса, а также Л.А. Хордена и А.В. Озерова³ был про-

¹ Самигулов Г.Х. Дорога: часть и целое: осмысление дороги в разных масштабах восприятия // Научный диалог. 2013. № 6 (18): История. Социология. Этнография. С. 76.

² Бурханов Р.А. Странничество на Руси: философские и социокультурные смыслы // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2012. № 3. С. 1–8.

³ Кривонос В.Ш. Мертвые души Гоголя: дорожные виды // Новый филологический вестник. 2010, № 1 (12). С. 83–91; Хорден Л.И., Озеров А.В. Мотив дороги в лирике А.С. Пушкина 1820–1830-х годов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 2. Филология. С. 202–205.

веден литературоведческий и филологический анализ образа дороги и пути в творчестве А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. В данном же исследовании ставится задача провести семантический анализ понятия «дорога» в творчестве писателей первой половины XIX в, с выделением тех его значений, которые отложились в общественном сознании.

А.С. Пушкин, автор строк «Теперь у нас дороги плохи / Мосты забытые гниют», в стихотворении «Телеге жизни» отождествляет дорогу со всеми этапами развития и жизни человека. Сперва ему не терпелось вступить во взрослую жизнь, начать карьеру, добиться успеха. Однако жизнь очень быстро потрясает своей тяжестью, трудностью достижения всех поставленных до этого жизненных целей. Страшная реальность пугает человека, и он пытается как-то повлиять на изменение условий своего существования, однако, в конце осознав отсутствие возможностей на это, он постепенно начинает привыкать к той обыденности, которая некогда его шокировала. Дорога отражает динамику, скорость, время и тем самым превращается в жизненный «путь» человека. Даже в «Дорожных жалобах» основное негодование автора связано, в первую очередь, с нудностью и продолжительностью поездки, нежели с плохим качеством дорог.

В поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» можно видеть образ «русской дороги», отражающий те транспортные коммуникации XIX в., которые были показаны в начале данной работы. В III главе «Мертвых душ» показана та разветвленность и сложный состав дорожных путей, о которой шла речь ранее. Это отмечается в данном фрагменте: «Два или три поворота проехал. Сообразив и припоминая несколько дорогу, он догадался, что много было поворотов, которые все пропустил он мимо... и пустился вскачь, мало помышляя о том, куда приведет взятая дорога»¹. Образ дороги важен Гоголю тем, что посредством него он показывает глубины и особенности России, отмечает путь героев, который иногда сбивается и приводит к глухим Богом забытым деревням, имевшим по 70–80 душ². Самое важное, что показал Николай Васильевич в «Мертвых душах», это преобразование «дороги» в «путь» страны, т.е. бесконечное движение троицы персонажей, состоящей из одного «дармоеда» и двух рабочих. Путь страны, необъяснимый ничем и не оправдывающий конечный результат, который и неизвестен для самого автора.

В поэме «Станция» П.А. Вяземский сравнивает путешествия в России с путешествиями в Польше. Это сравнение начинается с самого начала. Автор отмечает плохое состояние русских дорог, хотя и признает, что это состояние постепенно может измениться к лучшему, приводя в пример Санкт-Петербургское шоссе и «умение строить военные дороги»³.

¹ Гоголь Н. Мертвые души: поэма. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. С. 54–58, С. 350–351 (Мировая классика).

² Там же.

³ Вяземский П.А. Станция: Глава из путешествия в стихах; писана 1825 года. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%8>

Но пока что дорога в России становится удобной, когда жизнь замирает, т.е. зимой.

Дорога, скажешь, хороша –
И вспомнишь стих: для проходящих!
Свободна русская езда
В двух только случаях: когда
Наш Мак-Адам или Мак-Ева –
Зима свершит, треща от гнева,
Опустошительный набег,
Путь окует чугуном льдистым
И запорошит ранний снег
Следы ее песком пушистым
Или когда поля проймет
Такая знойная засуха,
Что через лужу может вброд
Пройти, глаза зажмуря, муха.

Предварительным выводом проведенного анализа может быть разделение семантики «дороги» и «пути». Внимание авторов к качеству дорог не столь пристально (и часть иронично). Внимание к пути как к духовному состоянию человека и общества более важно. При этом у каждого из авторов использование образа дороги востребовано по разным причинам. У Пушкина семантика дороги используется для создания образа жизненного пути человека, его динамики, изменений внутри человека, его мировоззрения. У Гоголя дорога – это средство, которое отражает противоречивость и неопределенность судьбы страны. У Вяземского образ дороги важен для того, чтобы провести сравнительный анализ между путешествием по России и по Европе, и чтобы показать различия и проблемы путешествия по родине, ментальность людей в Польше и остальной части Российской Империи.

Все три варианта использования образа «дороги», перетекающего в образ «пути», были востребованы общественным сознанием России первой половины XIX в.

ПРОЕКТЫ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦОВОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО РАСШИРЕНИЮ СЕТИ ЭЛЕКТРООСВЕЩЕНИЯ ГОРОДА ПРИ НИКОЛАЕ II

*Ефимов Андрей Александрович, к.и.н.
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)*

Управляя дворцовыми городами, Министерство императорского двора было вынуждено решать самые разные вопросы. Одним из таких являлась задача коммунального благоустройства, предусматривавшая, помимо всего прочего, прокладку сетей электроснабжения и организацию уличного освещения. При этом в историографии дворцовых городов основное внимание обращается на императорские резиденции, а не на городские кварталы, а деятельность Придворного ведомства в указанной области практически не рассматривается. Применительно к Гатчине эта тема по касательной затрагивается в книгах «Столетие города Гатчины», подготовленной С.В. Рождественским¹, «Гатчина: страницы истории», составленной Т.Ф. Родионовой², и «Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей», написанной А.Ю. Гусаровым³. При этом представленные в этих изданиях сведения о благоустройстве Гатчины на рубеже XIX–XX вв. отрывочные, а подчас и некорректные.

В свою очередь представляемые тезисы имеют своей целью сужение историографического пробела в части освещения начального этапа создания системы городского электрического освещения Гатчины.

Создание в Гатчине сети уличного электрического освещения связано с именем инженера Н.А. Демчинского. К 1895 г. на городских улицах им было установлено 24 электрических фонаря, которые получали энергию от построенной им же электростанции. Летом того же года инженер предложил Дворцовому управлению приобрести у него все столбы, провода и лампы за 3000 руб. После согласования с Кабинетом Е.И.В. Гатчинское дворцовое управление в сентябре совершило сделку.

¹ *Рождественский С.В.* Столетие города Гатчины. 1796–1896. Т. 1. Гатчина, 1896.

² *Родионова Т.Ф.* Гатчина: страницы истории. СПб., 2001.

³ *Гусаров А.Ю.* Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей. СПб., 2012.

При этом относительно обеспечения дальнейшей работы системы городского электрического освещения Хозяйственный отдел Кабинета Е.И.В. распорядился поддерживать ее деятельность в текущем году электростанцией, находившейся в ведении электротехника Придворного ведомства подполковника А.И. Смирнова, без выделения дополнительных ассигнований¹.

Однако еще до окончания действия соглашения с Н.А. Демчинским управлявший Гатчиной К.К. Гернет планировал расширение сети городского электрического освещения. 17 января 1895 г. он обратился к А.И. Смирнову с предложением представить свои расчеты по этому предмету, предполагая обратиться в вышестоящие министерские инстанции с идеей постепенной замены в Гатчине керосинового освещения электрическим, считая возможным при условии приобретения дополнительных динамо-машин уже в текущем году установить новые фонари на улицах и смонтировать до 150 ламп в зданиях, принадлежавших Дворцовому управлению².

Предварительный проект был составлен к середине мая 1895 г. В нем отмечалось, что для полномасштабного электрического освещения городских улиц требовалось дополнительно установить одну паровую машину и одну динамо-машину, которые должны были вырабатывать ток для 100–120 фонарей. Для освещения лампами накаливания зданий предлагалось установить комплект из паровой машины и двух динамо-машин на 1000 и 500 ламп соответственно. Стоимость реализации этого плана при монтаже 96 уличных дуговых фонарей и установке для обеспечения работы внутридомовых ламп двух трансформаторов на 350 ламп составляла 52 408 руб., из которых 22 355 руб. следовало выделить уже в 1895–1896 гг.

Хозяйственный отдел Кабинета Е.И.В. в своем отношении в Гатчинское дворцовое управление, направленном 14 сентября 1895 г., отмечал, что для урегулирования вопроса о дальнейшем развитии системы электрического освещения предполагалось в ближайшее время обратиться к главе Придворного ведомства.

Обнадеженные этим письмом, К.К. Гернет и А.И. Смирнов предварительно запланировали установку фонарей на улицах и ламп в зданиях Дворцового ведомства, для чего требовалось 26 244 руб. При этом последний уже предварительно заказал часть материалов на 8000 руб., которые планировал получить из остатков от сметных сумм.

Однако этот план не получил поддержки руководства Министерства. 12 февраля 1896 г. Хозяйственный отдел Кабинета Е.И.В. уведомил начальника Гатчинского дворцового управления, что И.И. Воронцов-Дашков распорядился ограничиться лишь поддержанием действия системы уличного освещения, созданной инженером Демчинским, а проект

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 491. Оп. 3. Д. 477. Л. 9, 10, 13, 16–16 об.

² Там же. Л. 1–1 об.

внедрения электрического освещения на других городских улицах и в зданиях Госпиталя, Полиции и Дворцового управления был отклонен с указанием перевести сэкономленные против сметы 1896 г. средства в размере 11 000–12 000 руб. в общие суммы МИДв.¹

Однако это не заставило чиновников Гатчинского дворцового управления отказаться от планов по внедрению электрического освещения. В конце июля – начале сентября 1897 г. они собрали сведения о потенциальных потребителях как среди частных лиц, так и среди учреждений. В направленном электротехнику министерства А.И. Смирнову письме отмечалось, что «при устройстве в Гатчине электрического освещения потребуется для частных владельцев 362 лампочки накаливания, для Артиллерийской бригады до 320 лампочек и 3 дуговых уличных фонаря и для Института императора Николая I до 2000 лампочек». Однако такая заинтересованность в электрическом освещении оказалась недостаточной для положительного решения. 24 сентября 1897 г. Хозяйственный отдел Кабинета Е.ИВ. уведомил Гатчинское дворцовое управление, что этот вопрос как требующий больших капиталовложений было приказано «отложить до более благоприятного времени»².

Третья попытка чиновников Гатчинского дворцового управления убедить руководство МИДв в необходимости расширения системы электрического освещения в городе была предпринята на самом рубеже XIX–XX вв. Снова были направлены запросы потенциальным потребителям. Однако в этот раз неудачный исход оказался обусловлен не отказом сверху, а отсутствием ответов по существу от нескольких учреждений, не представивших полных данных о количестве и силе света ламп, необходимых для установки и расчет среднего гарантируемого или за год числа часов горения одной лампы, что было обязательным условием со стороны Электротехнической части министерства для передачи проекта на рассмотрение Кабинета Е.И.В.³.

Последнее упоминание о планах по модернизации системы поставки электроэнергии в Гатчине датируется концом января 1912 г., когда Гатчинское Дворцовое правление запрашивало разрешения на замену установленного на электростанции, но нуждавшегося в ремонте или замене, распределительного щита. Инспектор по строительной части Кабинета Е.И.В.А.И. фон Гоген в своем ответном письме, отказываясь согласовать эти работы, указывал, что еще в июне 1909 г. Дворцовое правление представило проект полного переоборудования электростанции и городской водокачки, которые к тому моменту уже нуждались в капитальном ремонте. Этот проект в 1912 г. находился на пересмотре и, как предполагалось, должен был быть утвержден к весне 1913 г. При этом отмечалось, что в виду предполагавшейся масштабной реконструкции Гатчинской дворцовой электростанции, решение о проведении которой должно было

¹ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 477. Л. 3–7, 13, 39–40.

² Там же. Л. 159–164.

³ Там же. Л. 241–241 об., 243–248 об., 251а–252.

быть принято в скором времени, производить какие-либо локальные работы признавалось нецелесообразным¹.

Однако, несмотря на столь уверенные заявления, упомянутый проект так и не был реализован, и городская система электроосвещения Гатчины так и осталась в своей структуре на уровне рубежа XIX–XX вв. Начавшаяся вскоре Первая мировая война и вовсе сняла этот вопрос с повестки дня.

¹ Там же. Оп. 3. Д. 944. Л. 483–483 об.

ОТРАЖЕНИЕ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗАХ ФОТОГРАФИИ И КИНОХРОНИКИ

Жукова Мария Михайловна

(Российский государственный гуманитарный университет)

Значение изобразительных источников (фотографии и кадров кинохроники), определяется их информационной емкостью, совпадением по времени создания с запечатленными событиями и эмоциональным и идеологическим влиянием, которое они оказывают на современников и потомков.

Среди гражданских войн дотелевизионной эпохи, исход которых имел международное значение, наиболее полно в фото-, а затем и кинокадрах сохранились визуальные образы Гражданской войны в США 1861–1865 гг., в России 1918–1922 гг. и в Испании 1936–1939 гг.

При изучении данных документов исследователя прежде всего интересуют обстоятельства их создания, идеологическая нагрузка, отражающая цели и установки воюющих сторон, и влияние данных документов на восприятие событий войны аудиторией.

Фотосъемка в США велась как южанами, так и северянами, однако сохранились в основном фотоснимки, сделанные на стороне Севера. Фотоработы М. Брэйди, Т. О'Салливана и других фотографов вошли в историю фотографии как первые снимки, запечатлевшие реальный образ войны как национального бедствия с жертвами и разрушениями и заложили основы репортажной военной фотографии¹.

Из-за несовершенства фототехники и технологии фотографы не могли снимать боевые эпизоды, однако старательно фиксировали последствия войны: впервые были обнародованы снимки тел погибших, разрушений городов и объектов инфраструктуры, работы госпиталей, портреты раненых и увечных солдат, беженцев и т.д.

Фотографы практически не испытывали какого-либо идеологического давления или влияния цензуры, в т.ч. из-за того, что несовершенство полиграфии не позволяло систематически публиковать снимки в пери-

¹ *Левашов В.* Лекции по истории фотографии. 2-е изд. М.: Treemedia, 2012. С. 135–144.

одической печати¹. Для широкой публики фотографии становились доступны в виде гравюр в газетах, открыток, фотоальбомов и экспонатов выставок.

Безусловно, данные фотоснимки подчеркивают победный для северян характер войны, однако не таят в себе непримиримой ненависти к противнику.

Фотоснимки по истории войны между Севером и Югом сегодня воспринимаются не только как свидетельство о наиболее драматическом в истории США событии, но и как доказательство катастрофического характера войны. В 1860-е гг. фотографов благодарили за то, что они заставили соотечественников взглянуть в лицо войны. Наибольшее впечатление производили снимки убитых и апокалиптические пейзажи знакомых многим американцам разрушенных городов, это позволяло воспринимать увиденное как факт личной биографии каждого.

Гражданская война в России была объектом не только фото-, но и кино съемки, фотографы и операторы работали в частях каждой из сторон.

В отличие от Гражданской войны в США, кинофотодокументирование событий в России осуществлялось под мощным идеологическим давлением как со стороны большевиков, так и со стороны Белого движения.

Советские операторы и фотографы акцентировали внимание на формировании Красной армии, военном обучении новобранцев, политической работе в частях, снимали поездки политических деятелей и военачальников на фронт, кинопортреты полководцев, фиксировали последствия боевых действия: разрушения, раненых и убитых, беженцев.

Однако из-за кризиса печати, раздробленности страны и разрухи фотоснимки и кинохроника не могли стать достоянием широкой общественности: фотографии публиковались в печати малыми тиражами и экспонировались на выставках, приуроченных к важным политическим событиям (съезды, годовщины революции); кинохроника в виде сюжетов киножурналов и документальных фильмов демонстрировалась в Москве, в действующей армии, в агитпоездах и на агитпароходах². Из-за мизерных тиражей (киножурнал и фильм выпускался в 5–10 копиях на всю страну) о массовой киноаудитории говорить не приходится.

Идеологическое и эмоциональное воздействие данных документов возросло многократно после войны, когда большевики приступили к созданию новой истории страны, используя кинофотодокументы в монтажных фильмах, в качестве иллюстраций к официальным изданиям, учебникам, мемуарам и т.д.

¹ История фотографии. С 1839 года до наших дней. М.: АРТ-РОДНИК, 2010. С. 265.

² *Листов В.С.* История смотрит в объектив. М.: Искусство, 1973; *Магидов В.М.* Зримая память истории. М.: Советская Россия, 1984.

Фотодокументы и кинохроника, созданные в стане Белого движения, сохранились значительно хуже, чем аналогичные документы, созданные большевиками. При этом нужно признать, что в отличие от большевиков, представители Белого движения не стремились вести систематическую кинофотосъемку.

С эмоциональной точки зрения основное содержание «белой» кинохроники – восстановление прежних порядков и верность традициям. В центре внимания фотографов и операторов – крестные ходы, молебны, парады и смотры войск в традициях царской армии, мирный досуг.

С точки зрения идеологии «белая» фотокинохроника стремилась зафиксировать начало триумфального освоения российских территорий странами-интервентами, т.к. съемку преимущественно вели зарубежные специалисты, прибывшие вместе с войсками Англии, Франции, США, Японии. Повышенное внимание уделялось высадке и расквартированию войск в портах на Севере, Юге и Востоке России, объектам инфраструктуры (порты, железные дороги), визитам представителей государств-интервентов.

После победы большевиков «белая» кинохроника была обращена против поверженного противника как доказательство сговора белых и интервентов с целью свержения советской власти и превращения страны в сырьевой придаток западных государств: кадры о вывозе в Германию скота и зерна с Украины, о парадах немецких, американских, японских солдат, о контактах лидеров Белого движения и иностранных генералов регулярно включались в монтажные документальные фильмы по истории СССР.

Кинофотохроника по истории Гражданской войны в Испании представляет собой уникальный комплекс документов, образовавшийся в результате сотрудничества Испании и СССР.

Безусловно, кинофотосъемка осуществлялась по обе стороны фронта, в Испании работали десятки зарубежных фотографов и кинооператоров¹, представлявших интересы как франкистов, так и республиканцев, однако только в СССР для документирования данного события была организована длительная командировка двух маститых кинематографистов Р.Л. Кармена и Б.К. Макасева, которые в течение года вели съемку в разных точках фронта, в т.ч. в городах, осажденных франкистами. Во время работы операторов снабжали лучшей импортной киноплёнкой, которую доставляли из Франции.

Задача советских операторов была очевидна: запечатлеть победу республиканцев, приход к власти Коммунистической партии Испании и создание дружественного СССР режима в европейской стране. Когда события стали развиваться, вопреки ожиданиям советской стороны, операторов отозвали.

Однако значение десятков тысяч метров испанской кинохроники, лишь часть которой вышла на экраны в составе фильма «Испания», выпу-

¹ Фотограф Роберт Капа, режиссер Йорис Ивенс и другие.

сков кинохроники «К событиям в Испании», выходит за рамки документа идеологии 1930-х гг.

Благодаря антифашистской позиции советских операторов данная кинохроника стала свидетельством гуманитарной и культурной катастрофы, которая происходила в городах Испании в результате бомбардировок мирного населения и разрушения памятников культуры, а также громогласным предостережением для Европы об античеловечной сущности фашизма¹.

Изучение кинофото документов по истории гражданских войн подтверждает закономерность, установленную историками и кинематографистами: спустя десятилетия зритель и исследователь способен отыскать в кадрах смысл, изначально авторами не заложенный.

Сегодня данные документы воспринимаются прежде всего как свидетельство о гражданской войне как о человеческой трагедии, разделившей народы, классы, семьи. Однако вопрос, могут ли эти документально и эмоционально выразительные фото- и кинокадры служить предостережением, остается открытым.

¹ *Максеев Б.К.* В революционной Испании. 2-е изд., испр. М.: Госкиноиздат, 1938; *Кармен Р.Л.* Но пасаран! М.: Сов. Россия, 1972.

«ХИМИЧЕСКИЕ СНАРЯДЫ ВСЕГДА ПОЛЕЗНЫ...»: ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ПРОТИВ ВООРУЖЕННЫХ ВОССТАНИЙ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

Зяц Николай Алексеевич
(Воронежский государственный университет)

Тема использования химического оружия в Гражданской войне мало исследована. Широко известно лишь его на деле слабое применение во время подавления Тамбовского восстания¹. Прежде автору этой работы уже приходилось изучать тему использования химоружия в гражданской войне, и было доказано, что несмотря на скромную роль, оно в целом применялось вполне заметно². Логично предположить, что Тамбовским восстанием его использование не ограничилось, ведь гражданское противостояние вылилось в восстания, не уступавшие боям «регулярных» армий. Просмотр литературы убедительно доказывает это предположение.

Некоторые факты использования химснарядов против восставшего населения известны довольно давно. Так, в советской литературе часто упоминались случаи их применения колчаковцами против канских сибирских партизан³. Их восстание начало разрастаться в начале 1919 г., когда в Тасеевской волости Енисейской губернии образовался партизанский отряд в 250–300 человек. Колчаковцы предприняли два наступления – 15 января и 17 февраля, но оба раза потерпели неудачу. Партизаны построили серьезные укрепления из снега, укрепленные проволокой, разбросали перевернутые бороны, затруднив атаку конницы. 20 февраля колчаковцы по прямому проводу заявили: «Полк просил связаться с высшими начальствующими лицами и получить химические снаряды, зажи-

¹ См.: *Бобков А.С.* К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Военно-Исторический журнал. 2011. № 1. Оригинальная версия статьи: http://scepsis.ru/library/id_2974.html#a30

² *Зяц Н.А.* К вопросу об использовании химического оружия в Гражданской войне в России // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. Часть 2. СПб., 2015. С. 521–532.

³ Например: *Якушин.* Колчаковщина и интервенция в Сибири. 1928. С. 80; *Филлимонов А.* Большевики Иркутска и Красноярска в борьбе в колчаковском подполье // Историк-марксист. № 12. 1938. С. 73; *Вендрих Г.А.* Декабрьско-январские бои 1919–1920 гг. в Иркутске. Иркутск, 1957. С. 10; *Копытов Ф.* В боях на Северном Урале. Свердловск, 1965. С. 57.

гательные гранаты и шрапнели по 1000 штук и более»¹. К июню их силы насчитывали 12 тыс. человек, 25 орудий и 50 пулеметов. Для подавления восстания из Омска был командирован генерал-лейтенант С.Н. Розанов, назначенный генерал-губернатором. Уже 18 марта на заседании партизаны знали: колчаковцы «заявили, что будут бороться удушливыми газами, якобы имеющимися в их зарядах и батареях»². В ряде советских изданий упомянуто, что 18 апреля чешская батарея и бронепоезд применяли химснаряды у с. Бирюсинское, но были отбиты³.

Большую популярность в советской литературе приобрел эпизод в Крыму. Весной 1919 г. красные войска выдавили с полуострова разложившихся интервентов и оттеснили белых к Керчи. Вскоре большой опасностью для них стали партизанские группы в каменоломнях – Евпаторийских, Багеровских, Старокарантинных. После их разгрома остатки партизан ушли в Аджимушкайские пещеры. Обширная система галерей, многочисленные выходы сильно затрудняли борьбу. Использование газового оружия в этих условиях напрашивалось само собой. В мае белое командование пыталось запросить газы и немецкие химснаряды у англичан. Просьбы удовлетворены не были, но известно, что химснаряды у англичан действительно были. Так, 12 мая английский миноносец № 77 обстреливал деревню Аджимушкой гранатами, в 22 часа обстрелял деревню у церкви 15 удушливыми снарядами»⁴. Примечательно, что митинг был созван управой Керчи для обсуждения угрозы начальника гарнизона, об уничтожении деревень, поддерживавших партизан, и запуска газов в пещеры...

Хотя в основном галереи взрывали, все же эпизодически некие «газы» применялись. Первоначально белые в боях у Петровских каменоломен пытались жечь солому у выходов⁵. Тогда же инженер Лебедеко предложил пустить в каменоломни воду, смешенную с кислотой, чтобы растворить известняк и выпустить углекислый газ⁶. В воспоминаниях партизан упоминается, что в каменоломни Старого Карантина были брошены баллоны с удушливым газом. Партизаны смогли уйти на нижний ярус, но от отравления погибли с детьми жены партизан Нестеренко и Ананьева⁷.

¹ Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Енисейский край. М.; Л., Госиздат, 1925. С. 94.

² Документы героической борьбы. Красноярск, 1959. С. 195.

³ Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (1918–1920 гг.). (Партизанское движение в Приангарье). Сб. документов. Иркутск. 1959. С. 234; История гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1935. С. 141; За социалистическую революцию. Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1968. С. 128; *Криволицкий П.Д.* Шиткинские партизаны. М., 1934. URL: <http://www.taishet.ru/history/sel3.html>

⁴ Керченские каменоломни в 1919 г. // Красный архив. № 1 (44). 1931. С. 53, 58, 59.

⁵ *Пирогов Р.А.* Знамя над Митридатом. Симферополь, 1973. С. 106.

⁶ Керченские каменоломни в 1919 г. С. 62–69.

⁷ *Овчаренко И.М.* Красные партизаны Старокарантинских каменоломен // Революция в Крыму. 1928. № 8. С. 32–33.

Основная масса партизан успела заранее уйти вглубь от «отравленных входов»¹. На их счастье, газ плохо распространялся по галереям – его сквозняками выносило на поверхность, и в итоге им отравилось несколько солдат самих белых². Также, рассказывая о взрыве одной из галерей, белый офицер А.А. Столыпин упоминал: «Кроме бочек мелинита, мы установили еще одиннадцать снарядов с удушливым газом. Снаряды эти довольно крупного калибра и выкрашены, в отличие от простых, в голубой цвет»³. Голубым цветом в Российской армии обозначали снаряды с фосгеном или синильной кислотой.

Имеются свидетельства о применении химснарядов на «внутреннем фронте» и красными. Упоминание об их отправке на Вешенский фронт встречается в телеграмме от 17 марта 1919 г. При форсировании Дона 22 мая красная артиллерия обстреливала ими лес у места переправы, чтобы отогнать казаков⁴. Есть упоминания и в советской военной литературе 1920-х гг., посвященной борьбе на «внутренних фронтах». Так, о штурме мятежного дагестанского аула Гимры в декабре 1920 – январе 1921 г. говорилось, что: «Большое моральное действие на противника произвела стрельба химическими снарядами, хотя в результате ее пострадало только несколько голов скота». Всего выпущено 1333 снаряда – из них химических 3-дюймовых 217⁵. Сражавшийся с басмачами Н.Е. Какурин писал, что на Дербентском артскладе находилось всего 128 химснарядов: «...химические снаряды всегда полезны; к сожалению, бывшие у нас, по-видимому, отличались слабым действием газов»⁶.

Наверняка были и иные случаи, но на этом можно закончить. Из представленных данных видно, что удушливые газы в тот период считались одним из видов обычного вооружения и не раз применялись не только против регулярной армии противника, но и против внутренних восстаний обеими сторонами гражданской войны. Однако из-за ряда факторов химснаряды имели весьма ограниченный военный успех. Как справедливо отметил автор статьи о химоружии в Тамбовской губернии А. Бобков: «...армия применяла то оружие, которым владела. Удушливые газы были лишь одним из видов этого оружия». Необходимо изучение темы на основе документального материала.

¹ *Кутепов Г.С.* Восстание недр. Воспоминания подпольщика. Симферополь, 1931. С. 55–56.

² *Медведев В.Я.* История поселка Аджимушкай и каменоломень города Керчи // Архив Керченского историко-культурного заповедника. Оп. 4. Д. 102. Л. 79.

³ *Столыпин А.А.* Дневники 1919–1920 годов. Романовский И.П. Письма 1917–1920 годов. Москва – Брюссель. Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2011. URL: <http://www.proza.ru/2011/05/14/1165>

⁴ *Венков А.В.* Вешенское восстание. М., Вече, 2012. С. 13, 299.

⁵ *Тодорский А.* Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. С предисл. С.С. Каменева. М., 1924. С. 125.

⁶ *Какурин Н.Е.* Боевые операции в Бухаре (1922 г.) // Материалы по истории ферганского басмачества и военных операций в Бухаре. Гражданская война. Материалы. Т. III. М., 1924. С. 130, 144.

ОБРАЗ РОДИНЫ В ВИЗУАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЕ ЭПОХИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ¹

Зиновьева Надежда Андреевна, к.с.н.

*(Социологический институт РАН – филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН)*

«Защита Родины» является весомым идеологическим аргументом в войнах с внешним врагом. Однако гражданская война предполагает, что все враждующие стороны имеют одну общую страну. Следовательно, перед пропагандистами ставится непростая задача: необходимо найти подходящие образы для персонификации Родины. Ее визуальный образ должен быть, с одной стороны, близок и понятен реципиентам, а с другой – должен выражать идеи, отличающие ту или иную воюющую сторону. Во время Гражданской войны в России (1917–1922) было создано множество артефактов визуальной пропаганды: плакаты, газетные иллюстрации, карикатуры и т.д. Персонифицированный образ Родины использовался и «белыми», и «красными», однако имел свои особенности. Наша задача состоит в анализе артефактов визуальной пропаганды эпохи Гражданской войны в России (1917–1922), и выделении характерных черт представления образа Родины-России-Р.С.Ф.С.Р. разными сторонами.

Анализ визуальных источников, к которым относятся плакаты (33), газетные изображения и карикатуры (24), агитационные листки (1), агитационный фарфор (1), позволил выделить два основных способа изображения России:

Персонификация образа России как человека (женщины, мужчины);

Изображение России (РСФСР) как неодушевленного объекта: завода, твердыни (крепости, неприступного берега), корабля, поезда.

Россия как человек

Образ России как женщины в национальных (древнерусских) одеждах востребован в годы Первой мировой войны, и продолжал использоваться в визуальной пропаганде времен Гражданской войны. После 1917 г. образ России как женщины в древнерусских одеждах появляется в белогвардейской пропаганде. Россия-княжна освобождается из цепей витязем («Христос воскрес!», 1918). Россию приносят в жертву («В жертву интернационалу», 1918). Россия плачет, оглядывая разрушения («Плач из-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-83-01003 «Гражданская война в России образах визуальной пропаганды: словарь-справочник».

мученной Руси», 1920) и др. Динамика образа идет от воодушевления и веры в освобождение России к плачу и попыткам вызвать сострадание ее горестям. Апелляция к древнерусским мотивам не случайна. Пропаганда «белых» строилась на призывах защиты Родины и свободы, к возвращению «Золотого века» – счастливого прошлого, отраженного в былинах и религиозных образах. К. Вашик и Н. Бабурина пишут, что «графика неорусского стиля, а стало быть, и плакат, сделались художественным средством обретения национальной памяти и самобытности»¹. Таким образом, изображение России как женщины-славянки использовалось, чтобы вызвать в зрителе патриотические чувства соединения со своими корнями, сопричастности.

На ряде изображений Россия показывается женщиной без выраженных национальных черт. Важным становятся ее действия или то, что делают с нею. В.Б. Аксенов пишет о том, что «если женские образы были малопригодными для того, чтобы вести за собой мужчин в бой, они обозначали объект, нуждающийся в защите, – мать, жену, сестру, дочь или персонифицированную в них Родину»². Россию изображают слепой («Родная, не оступись!», Бич, 1917); тяжело больной («Учредительное собрание», Новый Сатирикон, 1917 № 42); умирающей от кровопускания (1918); распятой на кресте («Четыре гвоздя для великой России», Новый Сатирикон 1918 № 6) и т.д.

Визуальные образы с использованием образа женщины-России передавали: Россия «больна» (социальными болезнями), «умирает» (прекращает существование), мучима и убиваема (показано, кем именно, кто именно ведет ее к краху). Через динамику изменения образа можно увидеть динамику развития образа России в массовом сознании (от слепой, но здоровой, к больной и к убитой мученице), а также демонстрируемых «врагов» и «виноватых».

Особняком стоит «красный» плакат с Р.С.Ф.С.Р., выметающей всех врагов («Кому Власть Советская – Родная мать... А кому и злая мачеха!», Саянский Л.В., 1920). Националистические коннотации, которые бы приносил материализованный образ России, шли вразрез с идеологией Коммунистической партии, заявляющей, что «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет»³. Поэтому на место России-Родины приходит Новая, Советская Россия, советская власть.

¹ *Вашик К., Бабурина Н.* Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция. 2003. С. 58.

² *Аксенов В.Б.* От Родины-царицы к Родине-бабе: особенности фемининной репрезентации России в годы Первой мировой войны // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-rodiny-tsaritsy-k-rodine-babe-osobennosti-femininnoy-representatsii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 20.02.2018).

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* «Манифест Коммунистической партии». URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения: 20.02.2018).

Образ Советской России появляется и в мужской персонификации на плакате «Третья годовщина коммунистической революции в России – крах мирового империализма» (1920). Образ современного той эпохе красного воина может быть противопоставлен древнерусским витязям, которые изображались на «белых» плакатах.

Россия как неодушевленный объект

«Золотой век» позиционировался большевиками не как историческое или былинное прошлое, а как будущее, которое можно приблизить яростной борьбой и честным трудом. Это и легло в основу образов Р.С.Ф.С.Р в визуальной пропаганде. Россия показывалась как города с дымящимися трубами заводов и фабрик («Дым труб. Дыхание советской России», 1921), крепость с пушками («Советская Россия осажденный лагерь», Д. Моор, 1919); непреступный берег («Корабль контрреволюции разбивается об советския твердыни», Апсит), мощный военный корабль в штормовом море («Крушение капитализма!») или мчащийся паровоз («Бей врага транспортом», 1920).

Образ индустриальной страны возник не случайно. Вашик и Бабурина пишут, что «на плакатах Февральской революции 1917 г. возникли образные концепции, ассоциировавшие будущее России прежде всего с индустриальной цивилизацией, признаками которой являлись силуэты заводов и дымящие трубы. Поначалу эти мотивы еще не ассоциировались с какой бы то ни было политической теорией, но после революции приобрели значение условных знаков коммунистического будущего»¹. Индустриальная Россия является воплощенной мечтой коммунистов, а дымящиеся трубы заводов – ее визуальное отражение.

С идеями борьбы с контрреволюцией возникает образ Р.С.Ф.С.Р. как неприступного берега, твердыни, которой не опасны и штормовое море, и корабль контрреволюции. Однако «пассивная» защита очень быстро становится «активной»: на плакате «Советская Россия осажденный лагерь» (Моор, 1919) твердыня Р.С.Ф.С.Р. изображается уже с пушками. Враг из нестрашного и не заслуживающего внимания становится реальным, сильным и подлежащим немедленному уничтожению.

Идеи легкой победы над врагом за счет житейского океана и мощности, неприступности, непотопляемости вновь демонстрируются на плакатах, где Р.С.Ф.С.Р. изображается как огромный корабль с дымящимися трубами. Образ корабля-плавучей крепости добавляет идеи надежности и целеустремленности. Движение корабля, в отличие от статичной крепости, показывает идеи развития и пути к лучшей жизни. Идеи революционной борьбы вкладываются и в образ России как поезда, рассеивающего толпы неприятеля, показывает силу и техногенную мощь страны, направленные на борьбу за идеи Революции.

Мы можем заключить, что персонификация России в образе женщины очень характерна для революционного 1917 г. Россия-женщина изо-

¹ *Вашик К., Бабурина Н.* Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 100.

ображает идеи свободы в эйфории февральской революции, акцентирует проблемы выбора пути и, наконец, демонстрирует телесные страдания в конце 1917-го. Традиция изображения России в образе славянки, характерная для пропагандистских изображений Первой мировой войны, была продолжена в белогвардейских плакатах с апелляцией к патриотическим и националистическим чувствам, Святой Руси из прошлого. «Красная» пропаганда противопоставляла «белой» новую индустриальную Советскую Родину. Советская Россия – не человек, но воплощенный труд (заводы, электростанции) и борьба (крепости, корабли и поезда).

ЭНОЗИС ПРОТИВ ТАКСИМА: ГРАЖДАНСКИЙ КОНФЛИКТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩИН КИПРА В 50-е гг. XX в.

Златоустова Марина Игоревна
(Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина)

Кипр отошел Великобритании в 1878 г., при этом формально оставаясь владением Османской империи. Участие Турции в Первой мировой войне на стороне Германии позволило англичанам аннексировать остров и включить его в состав Британской империи. Кипр стал британской коронной колонией в 1925 г.¹

С конца XIX в. звучали первые требования греков-киприотов о присоединении Кипра к Греции (энозис), особенно усилившиеся после 1912 г., когда в состав Греции был включен остров Крит.

К 1931 г. ввиду массовых выступлений греков-киприотов в поддержку энозиса на острове сложилась напряженная обстановка². Восстание греческой части населения было подавлено британской колониальной администрацией, ужесточившей свою политику на Кипре.

В 40–50-е гг. XX в. идею энозиса поддерживало подавляющее большинство греков-киприотов, видевших в правительстве Греции своего защитника³.

После обращения Греции в ООН в 1954 г., кипрская проблема из спорной ситуации между Великобританией, Грецией и Турцией с участием этнических общин Кипра трансформируется в международный конфликт. Великобритания стала поощрять притязания турецкой стороны на Кипр, пытаясь сорвать обсуждение кипрского вопроса в ООН, инициированно-го Грецией.

¹ *Kadioğlu P.* The rise of Ethno-nationalism in Cyprus under the British Rule // A thesis submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University. 2010. P. 110.

² Республика Кипр: Справочник. 3-е изд. М.: Наука, Вост. лит., 1992. С. 49.

³ *Stefanidis I.D.* The Isle of Discord: Nationalism, Imperialism and the Making of the Cyprus Problem. London: Hurst, 1999. P. 28.

В 1950-е гг. турецкое правительство в ответ на притязания греков-киприотов потребовало в случае ухода англичан с острова либо вернуть остров Турции, либо осуществить его раздел (доктрина «таксим»)¹.

Один из известных сторонников союза с Грецией полковник Георгиос Гривас, грек-киприот по национальности, тайно прибыл на остров в ноябре 1954 г.² Он начал создавать организацию ЭОКА (Национальная организация освобождения Кипра), которая повела вооруженную борьбу за независимость Кипра.

1 апреля 1955 г. ЭОКА во главе с Гривасом развернула кампанию за освобождение Кипра от колониального управления³. Деятельность ЭОКА проявлялась в нападении на английские военные объекты.

Вооружение и припасы для греков-киприотов поступали на Кипр из Афин, однако Г. Гривас в своих мемуарах выражал недовольство малым их количеством. Он добивался усиления дипломатической поддержки от греческого правительства, при этом не требуя прислать военные отряды. Свою позицию по этому вопросу Гривас позже объяснил в мемуарах: «Я решил использовать в борьбе только силы греков-киприотов, чтобы показать миру, что наша военная кампания имеет кипрское происхождение»⁴.

Гривас указал на причины ведения войны против Великобритании: «Во время Второй мировой войны наши надежды были живы благодаря обещаниям со стороны Великобритании... Тридцать тысяч киприотов вступили в британскую армию, их заверили в том, что они сражаются за Грецию и свободу. Но когда война закончилась, все обещания были забыты, и принципы, за которые мы сражались, были затоптаны в грязь. В послевоенные годы я начал осознавать, что единственный путь достижения независимости заключается в ведении вооруженной борьбы»⁵.

В национально-освободительном движении было четко видно размежевание: архиепископ Макариос со сторонниками, а также возглавляемые АКЭЛ левые силы выступали за полную независимость страны, а националистические круги Кипра и Греции поддерживали энозис. Архиепископ Макариос высказывался за проведение кампании саботажа: бойцы должны были быть вооружены только бомбами и атаковать здания, а не отдельных людей. Гривас же планировал затяжную партизанскую

¹ *Поцхверия Б.М.* Внешняя политика Турции после Второй мировой войны / Б.М. Поцхверия; АН СССР, Ин-т востоковедения; [отв. ред. П.П. Моисеев]. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976. С. 201.

² *Safy A.* The Cyprus Question: Diplomacy and International Law. Bloomington: iUniverse, 2011. P. 34.

³ *Holland R., Markides D.* The British and the Hellenes: Struggles for Mastery in the Eastern Mediterranean 1850–1960. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 227.

⁴ *Grivas G.* Memoirs of General Grivas. London: Longman's, 1964. P. 2. Цит. по: *Borowiec A.* Cyprus: A Troubled Island. Westport, Connecticut: Praeger, 2000. P. 31.

⁵ *Ibid.*

борьбу, желая причинить ущерб британским силам безопасности и вызвать ответ правительства Великобритании.

29 августа – 7 сентября 1955 г. прошла англо-греко-турецкая конференция по кипрскому вопросу, в ходе которой стороны не смогли достичь компромисса, ввиду различных взглядов на будущее устройство Кипра¹.

Провал переговоров привел к новому обострению отношений между Грецией и Турцией. 5 сентября 1955 г. от взрыва бомбы пострадало здание Турецкого консульства в Салониках². В Турции прошли антигреческие демонстрации. В различных газетах и журналах появлялись изображения Кипра с турецким флагом. В Стамбуле, Анкаре и Измире прошли погромы, были разграблены и сожжены принадлежавшие грекам жилища, магазины, школы и церкви³.

С началом вооруженного восстания на острове начался отток греков-киприотов из полиции, поэтому британские власти стали привлекать турок-киприотов на службу в войска безопасности, что вызвало возмущение со стороны греков-киприотов.

В сентябре 1955 г. при поддержке англичан для борьбы против греков-киприотов была создана подпольная террористическая организация турок-киприотов «Волкан»⁴, получившая позже другое название – ТМТ (Турецкая организация обороны). Таким образом, турки-киприоты, воспринимавшие энозис как одну из форм колониализма, сосредоточились на противостоянии грекам-киприотам.

Вооруженная борьба за независимость острова началась тогда, когда Кипр рассматривался в качестве важнейшей составной части британской политики на Ближнем Востоке.

Вследствие военной кампании ЭОКА Британия начала видеть в Греции слабого и ненадежного союзника. Растущее движение за энозис привело к тактическому союзу между Великобританией и турками-киприотами, между Великобританией и Турцией.

¹ *Holland R.* Emergencies and disorder in the European empires after 1945. New York: Routledge, 1994. P. 180.

² *Aldrich R.J., Hopkins M.F.* Intelligence, Defence and Diplomacy: British Policy in the Post-War World (Studies in Intelligence). New York: Routledge, 1994. P. 153.

³ *Поцхверия Б.М.* Внешняя политика Турции после Второй мировой войны. С. 202.

⁴ Там же.

ВЛИЯНИЕ ПЛАТОНИЗМА НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

*Зотова Екатерина Николаевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Владимир Сергеевич Соловьев – русский религиозный мыслитель, философ-мистик, поэт, публицист. Его наследие – неоценимый опыт мысли рубежа веков. В то же время не только духовные искания, но и социально-политические идеи философа представляют интерес для исследователей его творчества. Застав эпоху политического и социального слома, Владимир Соловьев не мог не дать своих ответов на актуальные политические вопросы.

Ответы, данные философом, находятся на пересечении нескольких идейных и духовных традиций, главные среди которых – платонизм и христианство, взаимопроникающие и дополняющие друг друга, по мнению автора.

Цель данной работы – выявить влияние, которое платонизм, одна из древнейших традиций мысли, оказал на социально-политические идеи Вл. Соловьева.

Отрицать влияние античного учения на становление философской мысли автора невозможно. Бердяев называл Соловьева «главным основоположником платонической традиции в русской религиозной философии»¹, утверждая, что не только мысль философа, но и вся его жизнь была подчинена этому роковому и трагическому для него влиянию.

Однако платонизм Вл. Соловьева не является единственным вектором движения его мысли. В работах философа он, объединяясь с идеями христианского религиозного мирозерцания, существует в рамках более общей концепции всеединства и софиологии. Таким образом, непосредственное и гармоничное смешение двух традиций ставит перед исследователями вопрос о том, как провести разграничительную линию между платонизмом и христианством в его концепции.

Утверждение, что христианство и платонизм в понимании Соловьева можно объединить в одно целое, ошибочно. В статье «Несколько слов о настоящей задаче философии» он определил то соотношение между фи-

¹ Бердяев Н.А. Владимир Соловьев и мы // Личность и творчество Владимира Соловьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 2 / Бурака Д.К. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2002. С. 178.

лософией и религией, которое полностью снимает конфликт их сосуществования. По мнению философа, составляя в миропонимании древних одно целое, философия и религия давали людям наиболее совершенный механизм для познания мира, однако со временем произошел разрыв, который является лишь переходным периодом, предвещающим эпоху Всеединства, последним результатом которой станет «высший синтез философского познания и религиозной веры»¹.

Наиболее явно разделение религиозного и философского можно произвести именно на почве социально-политической теории мыслителя. В «Оправдании добра» Вл. Соловьев пишет: «Общественность не есть приводящее условие личной жизни, а заключается в самом определении личности, которая по существу своему есть сила разумно-познающая и нравственно-действующая, а и то и другое возможно только в образе бытия общественном»². Данное утверждение вводит сразу две характеристики силы, содержащейся в личности; он определяет ее как разумно-познающую и нравственно-действующую.

Попытаемся определить содержание двух указанных философом свойств силы личности.

В книге «Оправдание добра» Вл. Соловьев настаивает на нераздельной целостности общей жизни, отчасти осуществляемой через общественное служение, основанное на принципах справедливости и солидарности. Развитие форм сосуществования людей является процессом совершенствования общественного уклада. Данное правило совершенно упраздняет вражду и отчуждение между различными разрядами людей, но не нивелирует национальный дух. Философ поддерживает идею разделения труда при условии, что «индивидуальные особенности не отделяют каждого ото всех, а соединяют со всеми, будучи основанием его особого значения для всех и положительного взаимодействия со всеми»³.

Возможно правомерное принуждение, границы которого очерчены законом. Автор подчеркивает и эффективность умного закона, направленного на достижения блага каждого, и разрушительность злой воли, претворяющейся в реальность через несправедливые законы. Однако насилие никогда не может использоваться государством как средство установление порядка. Философ выступает против рабства, утверждая необходимость личного осознанного принятия своего подчиненного по отношению к обществу положения. Необходимо, «чтобы это невольное участие каждого во всем становилось вольным, все более и более сознательным и свободным»⁴.

¹ Соловьев В.С. Несколько слов о настоящей задаче философии // Соловьев В.С. Философская публицистика. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 18.

² Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 324.

³ Соловьев В.С. Оправдание добра. С. 423.

⁴ Там же. С. 327.

В подходе, использованном философом для обоснования своей теории, чувствуется влияние основных идей платонизма. Сопоставляя между собой личность и общество, как Платон сопоставлял душу человека и государство, Вл. Соловьев приходит к тому же гармоническому параллелизму: «Общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное, общество»¹.

В речи, произнесенной в 1872 г., философ утверждает, что платонизм так и не стал самодостаточной, рабочей доктриной действия. Противостояние между истинным и ложным, по словам Соловьева, носит по преимуществу теоретический характер².

В христианской же мысли Вл. Соловьев находит необходимое дополнение к платоновской теории: «В христианстве мы имеем не просто учение... а действительный, реальный мировой факт: рождение нового человека. Этот мировой факт... не был процессом только внутренним, субъективным, совершившимся внутри, а таким, в котором внутреннее перерождение сопровождалось изменением материальной природы человека, изменением всех его внешних отношений»³.

Таким образом, несущее значение платонизма в социально-политической теории Вл. Соловьева заключается в утверждении им факта бесспорного существования истинного устройства человеческого общежития, основанного на воплощении элементарных идей, восхождение к которым возможно через установление нового порядка человеческого общежития и государственные реформы. Базовые ниши социального устройства находятся в прямом соответствии с платоновскими идеями о благе и справедливости, постижение которых возможно через платоническую любовь. Философ предлагает воплощение проекта государственных реформ платоновского «Государства», поставленного на русскую почву и духовную традицию христианства, мирящего небесное и земное принципом нравственного долга.

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. С. 327.

² Соловьев В.С. Смысл современных событий // Соловьев В.С. Философская публицистика. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 34.

³ Соловьев В.С. Смысл современных событий. С. 35.

ПРОБЛЕМА ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ ЛИЦ ПЕРИОДА СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 гг. В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Иванов Вячеслав Александрович, к.и.н.
(Киевский национальный университет имени Т.Г. Шевченко,
Украина)*

После распада Советского Союза в 1991 г. перед украинской историографией, в эпоху становления независимого и суверенного государства, были поставлены совершенно иные задачи, нежели те, которые разрабатывались в научных учреждениях Украинской ССР, как союзной республики. Проблема исследования советско-финляндской («Зимней») войны 1939–1940 гг. в Украине долгое время не стояла в научном приоритете перед современной украинской исторической наукой, поскольку в советское время считалось, что данный конфликт более связан с историей СССР и Российской Федерации, нежели с Украиной. Однако отношение к проблеме начало меняться на рубеже 1990–2000-х гг. Это объяснялось следующими причинами: во-первых, приоритетным стало выявление участия украинцев в составе войск антигитлеровской коалиции (не только в составе вооруженных сил СССР, но и США, Великобритании, Канады, Франции, европейском Движении Сопротивления и т.д.); во-вторых, усилия украинских историков были направлены на изучение вопроса участия украинцев и выходцев с украинских земель в войнах и военных конфликтах Советского Союза, накануне и на начальном этапе Второй мировой войны, что стало возможным благодаря рассекречиванию и публикации Министерством Обороны Российской Федерации ряда документов и материалов. Это способствовало также выяснению численности и потерь среди украинских военнослужащих, в рядах Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР, которые принимали участие в Польской, Молдавской, Халхин-Гольской (в англоязычной историографии Номонханской), Прибалтийской кампаниях 1939–1940 гг.

Интерес к изучению советско-финляндской («Зимней») войны 1939–1940 гг. у украинских исследователей возник в конце 1980-х – начале 1990-х гг., особенно после ряда публикаций советских историков, в частности А.М. Носкова, статья которого была переведена специально на украинский язык и опубликована в ведущем научном профильном

издании «Украинский исторический журнал» в 1990 г.¹ Научные инновации, основанные А.М. Носковым, продолжили украинские историки, А.Ф. Трубайчук, В.С. Коваль, М.С. Коваль, В.А. Гриневич, И.К. Патриляк, М. Майоров и др.²

Несмотря на обилие военно-исторической и историко-политической научной литературы, изучение вопросов, связанных с судьбами военнопленных, посвятили ученые В.Е. Король, А.С. Чайковский, А.В. Потыльчак.

Исследуя причины катастрофы Красной Армии, постигшей ее летом 1941 г., что привело к трагедии плена советских военнопленных на оккупированных землях Украины в 1941–1944 гг., на основе документов и архивных материалов, которые стали доступными на рубеже 1980-х – начале 1990-х гг., В.Е. Король³ пришел к выводу, что советско-финляндская война зимой 1939–1940 гг. должна была послужить уроком для политического и военного руководства СССР⁴. Автор приводит судьбу 44-й стрелковой дивизии имени Н. Щорса, которая была полностью окружена и уничтожена в декабре 1939 г. – начале января 1940 г. численно уступающей ей финскими частями⁵. В.Е. Король отмечает, что «во время войны все госпитали Украины были заполнены ранеными и обмороженными солдатами. Эта война показала всему миру, как ослабла Красная Армия вследствие репрессий». Количество этнических украинцев, попавших в

¹ Носков А.М. Радянсько-фінляндська війна 1939–1940 рр. // УІЖ.К., 1990. № 1. 24–30; № 2. С. 25–33.

² Трубайчук А.Ф. Брудершафт двох диктаторів. К., Асоціація істориків «Істина», 1993. 336 с.; Трубайчук А.Ф. 1939 рік: До історії радянсько-німецької змови. К., Асоціація істориків «Істина», 1994. 138 с.; Коваль М.В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945). К., Видавничий дім «Альтернативи», 1999. 336 с.; Коваль В.С., Хворостяний І.М. Радянсько-німецький пакт 1939 р. // Минуле України: відновлені сторінки. К., Наукова думка, 1991. С. 221–264; Патриляк І.К. Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду. Ніжин, Видавець ПП Лисенко М.М., 2010. 590 с.; В'ятрович В., Майоров М., Патриляк І., Примаченко Я. Від Рейхстагу до Івдовіми. У полум'ї війни. Україна та українці у Другій світовій. Харків, Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2017. 352 с.; Гриневич В.А. Суспільно-політичні настрої населення України в роки Другої світової війни (1939–1945 рр.). К., Ін-т політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса, 2007. 520 с.; Гриневич В.А. Неприборкане різногосся: Друга світова війна і суспільно-політичні настрої в Україні. 1939 – червень 1941 рр. Київ-Дніпропетровськ, Видавництво «Ліра», 2012. 508 с.; Зінченко О., В'ятрович В., Майоров М. Війна і міф. Невідома Друга світова. Харків, Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2016. 272 с.; Семенико В.І., Радченко Л.А. Великая Отечественная война. Как это было... Белгород; Харьков, Клуб семейного досуга, 2008. 416 с.

³ Король В.Ю. Трагедія військовополонених на окупованій території України в 1941–1945 роках. К., Видавничий центр «Академія», 2002. С. 15.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 15–16.

плен к финнам в 1939–1940 гг., В.Е. Король не выводит в своем труде, но считает этот вопрос крайне дискуссионным.

Проблему организационно-структурной деятельности советских органов НКВД (МВД), в контексте создания и функционирования режимных учреждений и объектов, касающихся военного плена на территории Украины во время Второй мировой войны, рассмотрел и проанализировал А.В. Потыльчак, профессор Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова¹. Ученый впервые в современной украинской историографии, с помощью историко-документального анализа, выделил предусловия причин, особенностей, форм и методов организаций в управленческих структурах СССР, уделил внимание вопросам подготовки советского правительства к возможному размещению военнопленных финляндской армии на территории Украины, отмечая, что данному обстоятельству помешало быстротечность кампании, удаленность украинских лагерей для военнопленных и интернированных лиц от мест сражений, как глубокой тыловой базы. Однако при этом исследователь указывает, что финским солдатам, попавшим в советский плен, грозила гораздо более печальная участь, чем их польским коллегам, которые оказались в советскому плену после советско-польской войны (17 сентября – 6 октября 1939 г.)².

Аспекты, связанные с вопросами счета, режима содержания и охраны военнопленных (интернированных) лиц, использования их в принудительных работах, врачебного и санитарного обслуживания, агентурной, оперативной, разработки и следствия, вопросов репарации военнопленных и интернированных лиц, раскрыты в исследовании А.С. Чайковского³. А.С. Чайковский акцентирует внимание на том, что нацистский и сталинский тоталитарный режимы пренебрегали правами и обязанностями гуманитарных правил поведения военнопленных во время Второй мировой войны. Финских военнопленных ждала участь их польских коллег, и только заключение мирного договора с СССР 12 марта 1940 г. избавило их от этой участи⁴. Значительно большее число финских пленных (1100 человек), нежели в других российских научных изданиях, называет А.С. Чайковский, возможно, в эту цифру он включает и гражданских лиц, насильно помещенных в лагерь для военнопленных.

Таким образом, в данной публикации мы выяснили, что современная украинская историография, несмотря на малую изученность темы советско-финляндской («Зимней») войны 1939–1940 гг., уделяет ряд следующих факторов при освещении данного вопроса, а именно: исследование

¹ *Потыльчак О.В.* Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). К., Видавництво Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова, 2004. 482 с.

² Там же. С. 38–39.

³ *Чайковский А.С.* Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.). К., Парламентское издательство, 2002. 503 с.

⁴ Там же. С. 31, 40.

процессов взаимосвязи «Зимней войны» 1939–1940 гг. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. относительно изучения вопросов содержания как в финском, немецком, так и советском плену военнослужащих и интернированных лиц; использование насильственного труда пленных в системе исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) обеими сторонами; анализ и характеристика мест содержания, создание юридическо-правовой базы, условий для удерживания в плену и контроля над состоянием военнопленных и интернированных лиц; политические и морально-психологические факторы условий содержания и состояния военнопленных.

К ВОПРОСУ ОБ ИСКАЖЕНИИ ОПИСАНИЯ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

*Ильязова Рената Витальевна
(Государственный архив новейшей истории
Ульяновской области)*

На сегодняшний день многие документы по истории Гражданской войны введены в научный оборот. Тем не менее до конца неисследованными остаются воспоминания участников Гражданской войны на территории Симбирской губернии, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Ульяновской области.

В 1958 г. Истпартотделом Ульяновского обкома КПСС был издан сборник воспоминаний «Симбирская губерния в 1918–1920 гг.», ставший первой и единственной попыткой обработки данного пласта документального наследия. Ввиду того что значительное количество воспоминаний поступило в архив уже после выхода сборника из печати, наличия у членов редакционной коллегии крепких политических убеждений, повлиявших на выбор публикуемого материала, встает вопрос о возобновлении аналитической работы с имеющимися в архиве текстами воспоминаний.

Всего в фондах архива хранится порядка 250 документов, посвященных событиям Гражданской войны, происходившим на территории Симбирской губернии. Время написания большинства из них относится к 50–60-м гг. XX в. Превалирующее число авторов воспоминаний являлись кандидатами либо членами партии, активными деятелями большевистского движения, а значит, трактовка пережитых событий имеют определенный политический окрас. Вместе с тем мемуарам, в том числе советского периода, свойственна способность сохранять такие стороны исторических событий, которые не могут найти отражение в других видах источников. Делопроизводственные документы советских и партийных органов зачастую не могут передать колорит эпохи, отразить развитие общественно-политической мысли, степень сохранения исторической памяти населения о тех или иных событиях. В связи с этим исследование текстов воспоминаний, их источниковедческий и текстологический анализ имеет важное значение для исторической науки. В особенности

подробное изучение содержащейся в них информации, поскольку нередки случаи ее как преднамеренного, так и непреднамеренного искажения. Рассмотрим на нескольких примерах.

В прямой связи с деятельностью П.Х. Гладышева – руководителя профсоюза текстильщиков, военного комиссара Симбирской губернии находится личность А.М. Базжина. П.Х. Гладышев, А.М. Базжин и В.Г. Пеньевский возглавляли сводный отряд красноармейцев и текстильщиков, отправленный 2 июня 1918 г. из Симбирска для помощи самарским войскам красногвардейцев. Принято считать, что Базжин погиб на следующий день – 3 июня в боях под Самарой, а Гладышев и Пеньевский попали в плен и направлены в тюрьму Комуча¹. Подобная версия отражена в воспоминаниях И. Абросимова – главы одного из продовольственных отрядов: «...Гладышев и Базжин: погибли под городом Самарой в боях с чехо-словацкими бандами»².

Наряду с этим, в фондах архива хранятся карандашные зарисовки, выполненные П.Х. Гладышевым во время заключения в тюрьме Комуча. Среди эскизов имеется портрет «т. Базжина», вероятно и являющегося тем самым Базжиным, гипотетически погибшим 3 июня. По воспоминаниям жены революционера А.Я. Гладышевой, после окончания боя Гладышев под именем рядового красноармейца Иванова попал в плен вместе с симбирскими текстильщиками, среди которых упоминается «т. Базжин»³. По ее словам, кончина настгла Базжина спустя год нахождения в заключении – после эвакуации пленных из Самары в Тозцкое он умер от тифа.

Похожую версию приводит А.А. Раткевич, вступивший в отряд текстильщиков Гурьевской суконной фабрики Карсунского уезда Симбирской губернии. После пленения Раткевич оказался в одной камере с Гладышевым и Базжиным. Он же описывает, как создавались тюремные зарисовки. В ответ на расспросы зрителя о своей личности Гладышев назвался художником и получил предложение нарисовать его портрет⁴. Из воспоминаний жены Гладышева известно, что именно выходы за принадлежностями для рисования использовались для организации побега революционера из заключения в тюрьме Комуча. Данный факт может свидетельствовать о том, что имеющиеся в фондах архива зарисовки действительно выполнены во время заключения в Самаре, а значит А.М. Базжин пережил битву 3 июня и действительно находился в заключении, а

¹ Начало Гражданской войны. Ульяновский городской сервер. URL: <http://www.ulweb.ru/documents/history/grajdanskaya.php> (дата обращения: 01.03.2018 г.).

² ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 51. Л. 8.

³ Там же. Д. 207. Л. 10.

⁴ Там же. Д. 329. Л. 11.

умер от тифа. Однако, по убеждению, Раткевич, не в Тоцком, а еще позднее – в Тобольске¹.

Значительное количество хранящихся воспоминаний посвящено описанию ликвидации мятежа М.А. Муравьева – командующего войсками Восточного фронта. 10 июля 1918 г. в сопровождении Уфимского полка М.А. Муравьев выехал из Казани в Симбирск с целью взятия Самары. На пути к Симбирску Муравьев устроил митинг, во время которого убеждал солдат в необходимости поднять восстание войск на фронте и заключить соглашение с командованием белогвардейских чехословацких войск. Прибыв позднее того же дня в Симбирск, Муравьев, опираясь на вверенные ему войска, оцепил Симбирский Совет депутатов, захватил почту, телеграф, телефон, радиостанцию. В своем выступлении по радио Муравьев призвал белогвардейские части, находившиеся в Поволжье, в Сибири и на Дальнем Востоке, начать наступление на Москву.

По официальной версии, изложенной в сборнике документов «Симбирская губерния в годы Гражданской войны»², получив сообщение об измене Муравьева, советское правительство немедленно приняло меры для ликвидации «муравьевской авантюры». За подписью В.И. Ленина всем организациям была разослана телеграмма Совнаркома, в которой Муравьев объявлялся вне закона. И.М. Варейкис, занимавший должность председателя Симбирского губкома РКП(б), возглавил группу борьбы с Муравьевым. 11 июля Муравьев был приглашен на заседание Губисполкома, где после завершения заседания и был арестован. Однако при аресте оказал сопротивление и был убит.

Ф.М. Иванов, принимавший участие в аресте Муравьева, впоследствии командир 1-го Курского бронированного дивизиона подробно описывает происходившие в Симбирске события. В разрез с трактовкой событий, приведенной во введении к указанному сборнику документов, он утверждает, что всех членов Симбирского Совета в принудительном порядке привозили на экстренное совещание, которое было назначено на 12 часов ночи. Расхождения отмечают и в том, кто нанес решающий удар и убил эсера Муравьева. По воспоминаниям Иванова, это сделал один из латышских стрелков, находившихся в здании кадетского корпуса во время встречи совета с Муравьевым: «Муравьев, увидя вооруженных людей в дверях, видимо, сразу понял грозившую ему опасность. Он выскочил из-за стола и открыл стрельбу из маузера, стремясь вырваться из зала. Когда он поравнялся с дверями, один из латышских стрелков выстрелил Муравьеву в висок»³. По версии И.А. Захарова, также участво-

¹ ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 329. Л. 11.

² Симбирская губерния в годы Гражданской войны. Сборник документов. Т. 1. Ульяновск: Ульяновское книжное издательство, 1958. 485 с.

³ ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 239. Л. 28.

вашего в аресте Муравьева, тот был застрелен «дедушкой Жуком» – А.З. Жуковым – одним из старых красногвардейцев Симбирска¹.

На первый взгляд, логически выстроенной кажется версия И.В. Крюкова, также являвшегося участником ареста М.А. Муравьева. По его утверждению, в 2 часа ночи 11 июля, когда на совещании Губисполкома разгорелись споры и пришло время покончить с «авантюрой Муравьева», Г.Д. Каучуковский – секретарь губкома партии, зачитал полученную телеграмму В.И. Ленина, в которой содержалось прямое указание на арест Муравьева. Им же был рассказан и план ареста: «...собраться в гимнастическом зале, полукольцом окружить комнату, где идет совещание Губисполкома с Муравьевым. В этот момент двое людей войдут, зачитают телеграмму Ленина и арестуют изменника»². Крюков отмечал, что в итоге Муравьев вышел из зала заседания сам, при попытке разоружить его, оказал сопротивление, и поэтому один из красногвардейцев выстрелил в голову. Однако, согласно опубликованной заверенной копии телеграммы за подписью В.И. Ленина, документ был составлен 11 июля в 6 часов утра. В тот момент, когда Муравьева, вероятно, уже не было в живых, о чем свидетельствует сохранившийся в фондах Государственного архива Российской Федерации текст ответной телеграммы Симбирского губисполкома В.И. Ленину, где рассказывается об аресте и убийстве Муравьева. Телеграмма была отправлена 11 июля в 18 час. 45 мин., а время свершения ареста и убийства указано как «3 часа утра 11-го июля...»³. Таким образом, в воспоминаниях И.В. Крюкова поддерживается идея трактовки данных событий, связанных с личностью М.А. Муравьева как выполнение приказа, а не принятие самостоятельного решения по ликвидации оппозиционно настроенной военно-политической силы. Стоит также отметить, что данный текст воспоминаний был составлен спустя почти десятилетие после издания сборника документов 1958 г. – в 1967 г.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что Государственному архиву новейшей истории Ульяновской области предстоит глубокая исследовательская работа по изучению содержания, атрибутированию имеющихся в архивных фондах текстов воспоминаний участников Гражданской войны. Однако анализ и сопоставление приводимых сведений с информацией других видов источников, самих воспоминаний, посвященных одному событию, позволит выделить из большого документального пласта наиболее достоверные, а также подтвердить или опровергнуть отдельные моменты в локальной истории Симбирского-Ульяновского региона.

¹ ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 230. Л. 20.

² РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 240. Л. 11–12. Опубликовано: Симбирская губерния в годы Гражданской войны. Сборник документов. Т. 1. Ульяновск: Ульяновское книжное издательство, 1958. С. 81.

³ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 544. Л. 31–32.

СООБЩЕСТВО РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД КОНСТИТУЦИОННОГО КРИЗИСА

Илюшин Никита Александрович
(*Российский государственный гуманитарный университет*)

В 1992–1993 гг. на территории России существовало несколько писательских организаций, которые претендовали на лидерство в литературном сообществе, и соответственно, пытались оказывать влияние на политический процесс и общественное мнение. В частности, согласно статье Дьяченко Л.А.¹, наиболее значимыми можно назвать следующие организации: Союз писателей России, Союз российских писателей, Русский-ПЕН центр, Международное содружество писательских союзов и др.

Через участие в деятельности таких писательских организаций представители литературного сообщества пытались не только создать новые условия существования и функционирования писательства в России, но и воплотить в жизнь свои собственные представления о дальнейшем развитии российского общества. Наиболее активно свои политические амбиции воплощала писательская элита: руководители и кураторы подобных организаций или же наиболее известные советские писатели, на которых ориентировались другие литераторы или же благодаря авторитету которых писательская организация приобретала свой общественный статус. В качестве примера к писательской элите рассматриваемого периода можно отнести Михалкова С.В., Битова А.Г., Распутина В.Г., Окуджава В.Ш., Бондарева Ю.В. и др.

При рассмотрении темы данной статьи стоит учитывать некоторые определяющие факторы, которые определяли положение писательских организаций в рассматриваемый период, а также способствовали выбору ими определенной стратегии действий во время конституционного кризиса, ориентации на ту или другую сторону конфликта или же сохранению нейтральных позиций.

Во-первых, нельзя оставить без внимания общий подъем политического сознания в российском/советском обществе, связанный с коренными изменениями в системе управления и организации власти, начавшимися в 1985 г.. Писательская среда, и до Перестройки участвовавшая в формировании общественного мнения, с развитием гласности перестала

¹ Дьяченко Л.А. Творческая элита постсоветской России: основные направления деятельности писательских объединений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 3. С. 219–225.

замыкаться на вопросах развития литературного сообщества и его проблемах, а стала активным участником политического процесса, наравне с другими общественными институтами искала пути разрешения назревших в советском обществе проблем. Помимо этого, возрастанию политических амбиций писателей способствовала активная мобилизация ресурсов литературы в ходе политического развития: различные издания художественной литературы, т.н. «толстые журналы», в этот период преодолевали цензуру в сфере науки и искусства, в связи с чем стали широко обсуждаемы ранее по политическим соображениям недоступные имена; множество литераторов принимали активное участие в деятельности новых институтов власти, таких как Съезды народных депутатов всесоюзного и республиканского уровней и др.

Во-вторых, важным фактором развития писательских сообществ в этот и предшествующий периоды является потеря Союзом писателей СССР монополии на организацию литературного процесса в Советском Союзе и выражение официального мнения монолита литературного сообщества, что также было обусловлено развитием демократических процессов в Перестройку. В советское время, как пишет Тараторкин Ф.Г.¹, Союз писателей СССР являлся подконтрольным государству, идеологически скванным прообразом «министерства литературы». Теперь же, в 1992–1993 гг., литературное сообщество было представлено рядом альтернативных организаций.

В-третьих, следует учитывать то, что организации писателей составляли не только альтернативу друг другу, но и были, как правило, оппозиционно настроены по отношению к конкурентам. Они занимали кардинально рознящиеся идеологические позиции, на практике, как правило, представляли интересы писателей тех или иных политических воззрений. Такая политическая ангажированность писательских организаций обусловлена не столько взглядами самих литераторов, курировавших их, сколько борьбой за «наследие» расколовшегося, а затем и исчезнувшего Союза писателей СССР.

При этом писательское сообщество беспокоило в первую очередь не сохранение статуса легитимной организации, курирующей литературу в рамках государства, описанную функцию Союз писателей СССР утратил. Литераторы были озадачены вопросами собственного финансирования, которое в СССР было государственным. В новых экономических условиях литераторам, потерявшим государственную поддержку, как профессиональному сообществу приходилось искать новые источники дохода.

Получается, что деятельность организаций писателей в России в период конституционного кризиса 1992–1993 гг. была обусловлена не собственно развитием литературы и политики, а трансформацией экономической сферы общества. Политическая активность подобных организаций приобрела регулярный характер, но в то же время ее возможно

¹ Тараторкин Ф.Г. Союз писателей СССР в 1985–1989 гг.: «освоение» Перестройки // Посев. 2015. № 3. С. 9–11.

считать продолжением процесса утверждения иной иерархии в сфере литературы ввиду утраты монополии легитимного института.

С другой стороны, писательские организации в период формирования новой государственности представляют интерес в связи с высокой политической ангажированностью некоторых влиятельных общественных деятелей, связанных с миром литературы. Так, Проханов А.А. и Распутин В.Г. не являются деятелями мира литературы в той же мере, в какой они активны в сфере политики: непосредственно писательство стало для них второстепенно. Для некоторых писателей, таких как Астафьев В.П., 1992–1993 гг., наоборот, становятся периодом отхода от политической жизни и возвращения к писательскому ремеслу в качестве основного. В этой связи писательские организации продолжают для литераторов играть роль кооперирующих институтов, позволяющих говорить о существовании в России некоего литературного сообщества, пусть и разделенного внутренней борьбой за материальные ресурсы и политическое первенство.

ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ ИНДОНЕЗИИ В ПЕРИОД МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ КПИ

Ипатов Вячеслав Сергеевич

(Московский педагогический государственный университет)

В советской историографии хорошо описан процесс ухудшения отношений между СССР и КНР, однако недостаточно внимания уделено анализу политических контактов КНР с другими странами. Советские ученые, такие как М.С. Капица указывают на то, что политика КНР в 60-е гг. привела к тому, что социалистические страны отвернулись от Пекина¹, однако это является излишне прямолинейным, возможно, политически обусловленным взглядом на международную обстановку в тот период. В действительности КНР имела значительное влияние в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Так, Г.В. Зиновьев указывает, что Вьетнамская, Корейская, Индонезийская партии не заняли определенной позиции на Совещании в Москве 1960 г.² И значительное влияние Китая в КПИ сохранялось вплоть до 1965 г. В связи с этим встает вопрос о том, как развивались отношения между СССР и Индонезией до и после событий 1965 г. в условиях, когда преследуемые властями коммунистические силы воспринимались неблагонадежными с точки зрения Советского Союза?

В период с 28 по 30 июля 1965 г. в Индонезии происходили переговоры КПИ с КПСС. На переговорах КПСС возглавлял Л.И. Брежнев, что говорило о высоком статусе советской делегации, а сами переговоры преследовали своей целью налаживание отношений между двумя партиями. Во время переговоров в качестве примеров враждебных действий со стороны КПИ приводились выступления индонезийских деятелей, перепечатывание китайских периодических изданий. Однако КПИ не признала существование враждебных отношений и не захотела пойти на прекращение полемики, выдвигая собственные обвинения против КПСС. И хотя окончание переговоров проходило в доброжелательной обстановке, делегация КПСС так и не добилась существенных результатов³.

¹ *Капица М.С.* КНР – три десятилетия – три политики. М.: Политиздат, 1979. С. 576, 264.

² *Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб. Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2010. 330 с. (112 с.)

³ Стенограмма второй беседы Л.И. Брежнева с делегацией компартии Ин-

А уже спустя два месяца произошло событие, позже названное «движением 30 сентября». Достоверных данных о нем нет, и в настоящий момент, известно лишь то, что несколько генералов индонезийской армии совершили попытку государственного переворота. Однако она оказалась неудачной и повлекла за собой поиск виновников этого действия, и ими были назначены члены КПИ. По всей стране развернулось преследование лиц, что были каким-то образом связаны с коммунистами, и в этой связи важна позиция Советского Союза в разраставшемся конфликте.

25 октября 1965 г. совпосол в Индонезии (Резидент КГБ) сообщил, что на данный момент нет достоверной информации об участии Компартии Индонезии в «движении 30 сентября». Указывается, что китайская пресса в течение трех недель замалчивала события в Индонезии, а 19 октября выступила с пространным заявлением в защиту организаторов неудавшегося переворота 30 сентября в Индонезии¹. В распоряжении от 11 ноября 1965 г., в момент обострения политической обстановки в Индонезии, совпослу поступило указание не предоставлять «убежище кому бы то ни было», поскольку это может «нанести ущерб советско-индонезийским отношениям»². В условиях необходимости выбора между отношениями с КПИ и правительством Индонезии Советское правительство предпочло отказаться от поддержки коммунистической партии, с которой имело разногласия.

2 июля 1966 г. СССР потребовал забрать на родину отчисленных студентов, отказавшись дожидаться прибытия индонезийской делегации³. Обучавшиеся студенты во многом были носителями прокитайских взглядов и противниками пришедшего к власти правительства Индонезии. Об этом свидетельствует блокирование студентами посольства Индонезии в Москве 4 мая 1966 г.⁴ Также косвенным свидетельством этому является инцидент с индонезийским студентом Джамхари, распространявшем «клеветнические антисоветские материалы, составленные в Пекине»⁵.

Причина, по которой Советский Союз стремился сохранить отношения с Индонезией, заключалась в опасении перехода ее на сторону империализма⁶. В связи с этим Советский Союз готов был идти на сближение

донезии.//Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 80. Оп. 1. Д. 632. Л. 110.

¹ Постановление Президиума ЦК КПСС «О мероприятиях в связи с запрещением Компартии Индонезии» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 377. Л. 53.

² Постановление Президиума ЦК КПСС «Об указаниях совпослу в Индонезии относительно предоставления убежища в помещениях посольства и других советских учреждениях» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 379. Л. 59.

³ Указание послу СССР в Джакарте об индонезийских студентах, отчисленных из советских вузов // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 23. Л. 20.

⁴ Указание послу СССР в Джакарте // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 4. Л. 55.

⁵ Об устном заявлении посла СССР МИД ДРВ по поводу Фам Куанг Зи – Джамхари от 24 февраля 1967 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 71. Л. 86.

⁶ Постановление Политбюро ЦК КПСС «О мерах в связи с планами создания

с пришедшими к власти в Индонезии правыми силами. 10 ноября 1966 г. было дано разрешение на перенос сроков выплаты кредитов Индонезией начиная с 1969 г., и поставку запасных частей к ранее закупленной у Советского Союза военной технике¹.

12 декабря 1966 г. Политбюро ЦК КПСС подтвердило прежнюю линию в отношении Индонезии, направленную на сохранение ее нейтралитета, указав, что при этом необходимо давать отпор правым силам и осуществлять поддержку левых. «Использовать возможности, возникающие в связи с нынешним состоянием индонезийско-китайских отношений, в борьбе против гегемонистских устремлений руководства КНР в Азии и Африке»². Указывалось на необходимость развивать как торгово-экономическое, так и военно-техническое сотрудничество.

В период 1967–1968 гг. мы видим свидетельства улучшения отношений СССР и Индонезии, которые зафиксированы как в выступлениях официальных деятелей Индонезии, так и в письме т. Косыгина А.Н. генералу Сухарто, в котором выражается одобрение внешней политики Индонезии и делается предостережение от отхода Индонезии от политики неприсоединения³. В этот же период Советский Союз осуществлял поставки запасных частей к военной технике⁴. Однако налаживание отношений СССР и Индонезии оказалось сорвано в результате казни руководителей КПИ в октябре 1968 г. Несмотря на заявление Советского правительства и иных стран, казнь была осуществлена, а вслед за ней в Индонезии прошла антисоветская пропагандистская кампания. В заявлении Советского правительства по этому вопросу прямо указывалось, что эта кампания имела поддержку Индонезийского правительства.

Таким образом, отношения СССР и Индонезии оказались разрушены, но причиной этого стало не столько уничтожение коммунистов правыми силами, которые существовали на протяжении всего рассматриваемого периода, сколько нежелание правительства Индонезии пойти на минимальные уступки, дабы Советский Союз мог сохранить лицо для поддержания дипломатических отношений с этой страной. Факт того, что СССР готов был поддерживать дружественные отношения со страной, проводящей репрессии против коммунистов, позволяет по-новому взглянуть на внешнюю политику Советского Союза и ее основные принципы.

новой группировки в Юго-Восточной Азии» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 26. Л. 7–8.

¹ Распоряжения СМ СССР «О просьбах правительственной делегации Индонезии по вопросам погашения задолженности Советскому Союзу по кредитам и другим вопросам советско-индонезийского сотрудничества» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 51. Л. 50.

² Постановление Политбюро ЦК КПСС «О политике Советского Союза в отношении Индонезии на нынешнем этапе» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 59. Л. 12.

³ Письмо Председателя СМ СССР т. Косыгина А.Н. генералу Сухарто // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 181. Л. 95.

⁴ Распоряжение СМ СССР по вопросу поставки Индонезии запасных частей к ранее закупленной в Советском Союзе военной технике // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 116. Л. 13–15.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИНСКОГО ПОЛЬСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕХНИКУМА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ

*Казак Олег Геннадьевич, к.и.н.
(Минский городской педагогический колледж)*

Примерно пятую часть жителей Советской Беларуси в 1920-е – 1930-е гг. составляли представители национальных меньшинств (русские, евреи, поляки, литовцы и др.). Стратегия большевиков в 1920-е гг. состояла в том, чтобы захватить лидерство над казавшимся неизбежным процессом деколонизации, сплотить многоэтническое государство (СССР), устранив недоверие нерусских народов к их бывшим угнетателям¹. Для этих целей советское правительство поощряло развитие культуры на национальных языках. В БССР в 1920-е гг. официальный статус имели белорусский, русский, польский и еврейский языки. Естественно, остро встал вопрос подготовки преподавателей для школ, обучение в которых велось на этих языках. Деятельность Минского Польского педагогического техникума (далее – Польштехникум) стала заметным явлением культурной жизни столицы Советской Беларуси в 1920–1930-е гг.

Минский Польштехникум начал свою деятельность в 1922 г. на базе организованных годом ранее учительских курсов². Курс обучения в техникуме первоначально был шестилетним, затем, по мере увеличения числа семилетних польских школ, пятилетним, а с 1927/1928 учебного года – четырехлетним. Поступающие должны были владеть знаниями в пределах семилетней школы. При этом выпускники польской семилетки принимались без экзаменов, в то время как лица, окончившие белорусские школы, сдавали экзамен по польскому языку³. С 1926 г. при

¹ *Мартин Т.* Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 88, 107.

² *Мычко Ю.В.* Партийно-государственная политика в БССР в отношении польского национального меньшинства // Лингвострановедческий аспект в преподавании иностранных языков: материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 17 марта 2009 г. / редкол.: Н.М. Забавский [и др.]. Минск: БГПУ, 2009. С. 196.

³ *Жук В.Н.* Польское национальное меньшинство в БССР (1921–1939 гг.). Дисс... к.и.н. Минск, 2008. С. 44.

техникуме действовало годичное подготовительное отделение («раб-фак»), выпускники которого зачислялись в студенты без экзаменов¹.

Материальное положение нового учебного заведения было тяжелым. Отсутствовал ряд предметных кабинетов, ощущались нехватка площадей, холод в помещениях². В отчете общего собрания ячейки КП(б)Б при Минском Полъпедтехникуме (1926 г.) отмечалось, что финансирование учебного заведения составляло 60% от необходимого, здание нуждалось в капитальном ремонте, число стипендиатов было недостаточным³.

Не менее остро стоял вопрос педагогических кадров. В 1924 г. коллектив техникума состоял из 22 преподавателей, но только для двух из них учебное заведение являлось основным местом работы. Основным языком обучения в техникуме был польский язык, однако двое преподавателей вели занятия на белорусском языке, трое – на русском⁴. Администрация учебного заведения пыталась перевести обучение полностью на польский язык, но из-за нехватки профессиональных преподавателей осуществить данное мероприятие не удалось. В 1926 г. секретарь ячейки КП(б)Б при Полъпедтехникуме директор Я.Р. Клыс отметил: «Мы держим курс на польских преподавателей, но лучше брать русского педагога, чем не иметь педагога вовсе». Отдельные преподаватели физически не успевали с одного места работы на другое, в результате чего зачастую их лекции срывались. Безусловно, такие явления негативно сказывались на учебном процессе⁵.

Учебное заведение не могло полностью удовлетворить возрастающий спрос на учителей польских школ. Количество польскоязычных учебных заведений в БССР увеличивалось довольно быстрыми темпами. В 1922 г. было создано 73 польские школы, где работали 111 учителей, в 1931/1932 учебном году школ насчитывалось уже 260⁶. Острый дефицит учителей вынуждал чиновников Народного комиссариата образования БССР снимать студентов 2–4 курсов, еще не окончивших техникум, и отправлять их на работу в школы. По мнению сотрудника Народного комиссариата образования БССР Ф. Анджека, бывшие учащиеся тех-

¹ *Iwanow M.* Polacy w Związku Radzieckim w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1990. S. 233.

² Праца Польскага Педагогічнага Тэхнікуму ў Менску і яе сучасныя вынікі // Асвета. 1924. № 5. С. 124.

³ Протокол № 27 общего собрания ячейки КП(б)Б при Полъпедтехникуме от 6 апреля 1926 г. // Государственный архив Минской области. Ф. 162-п. Оп. 1. Д. 211. Л. 55.

⁴ Праца Польскага Педагогічнага Тэхнікуму... С. 124–125.

⁵ Протокол № 27... Л. 55.

⁶ *Альшэўская С.І., Йоцюз В.А.* Некаторыя аспекты развіцця культуры польскага этнаса ў БССР (міжваенны перыяд) // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры: материалы Междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 23 июня 2011 г. / редкол.: В.В. Тугай [и др.]. Минск: БГПУ, 2011. С. 45.

никума являлись «лучшей частью польских учителей в деревне»¹. Некоторые практикующие учителя польских школ зачислялись в техникум «почетными студентами»: в июне они сдавали экзамены вместе с учащимися четвертого курса и получали свидетельство об окончании учебного заведения².

За 15 лет техникум подготовил 580 учителей для польских школ. Особое внимание уделялось идеологической работе со студентами, воспитанию «польскоязычной советской интеллигенции». Идеологические кампании того времени оказывали значительное влияние на работу учебного заведения. В одной из газетных заметок 1929 г. отмечалось, что когда в Польшепедтехникум проникло несколько детей «кулаков», «коллектив студентов своевременно их раскрыл и очистил от них техникум»³. Далеко не все выпускники техникума владели достаточными знаниями о польской литературе, истории и культуре⁴.

Минский Польшепедтехникум являлся крупным культурным центром столицы Советской Беларуси. Первая польская литературная секция была создана в 1925 г. при Польшепедтехникуме⁵. Учащиеся и преподаватели техникума участвовали в культурно-просветительских мероприятиях польского клуба им. Р. Люксембург в Минске⁶, оказывали шефскую помощь селам с польским населением (помощь в сельскохозяйственных работах, проведение культурно-массовых мероприятий)⁷, организовывали пункты по ликвидации неграмотности⁸.

С середины 1930-х гг. начался новый, репрессивный этап в политике советской власти в отношении польского населения. На протяжении 1935–1939 гг. были ликвидированы все польские школы, они преобразовывались в белорусские либо в смешанные русско-белорусские учебные заведения⁹. В таких условиях существование Минского Польшепедтехникума становилось невозможным. В 1937 г. техникум был закрыт, его последний директор Ф.П. Зарембский, как и многие преподаватели, был арестован как «польский шпион» и расстрелян¹⁰.

¹ Дасягненні ў культуры-асьветнай працы сярод нацыянальных меншасцяў у БССР к 10-й гадавіне Кастрычніцкай рэвалюцыі // Асвета. 1927. № 7. С. 140.

² *Сянькевіч Г.Р., Трухан А.В., Ціток З.М.* Народная адукацыя і педагогічная навука ў Беларусі (1917–1945 гг.). Мінск: Народная асвета, 1993. С. 94.

³ *Osiem lat Polskiej Techniki Pedagogicznej w Mińsku* // Orka. 22 czerwca 1929. № 49. S. 4.

⁴ *Iwanow M.* Op. cit. S. 233–235.

⁵ *Альшэўская С.І., Йоцюз В.А.* Указ. соч. С. 45.

⁶ Протокол № 27... Л. 55.

⁷ *Parfjanowicz S.* O pracy stowarzyszenia szefowskiego przy PTP // Orka. 27 czerwca 1926. № 14. S. 9.

⁸ *Z murów uczelni – w masy* // Orka. 17 października 1928. № 82. S. 4.

⁹ *Альшэўская С.І., Йоцюз В.А.* Указ. соч. С. 46.

¹⁰ *Сянькевіч Г.Р., Трухан А.В., Ціток З.М.* Указ. соч. С. 94–95.

Таким образом, деятельность Минского Польшпедтехникума была подчинена национальному курсу властей БССР по воспитанию «польской пролетарской» интеллигенции, лояльной советскому режиму. Переход к принципам интернационализации в культурном строительстве, усиление политических репрессий обусловили ликвидацию данного учебного заведения в 1937 г.

ПИТАНИЕ РАБОЧЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГА): ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ КОРЗИНЫ

Калдузова Виолетта Александровна
(Оренбургский государственный педагогический университет)

Многокомпонентная система продовольственного обеспечения в качестве главного показателя своей результативности имеет степень удовлетворения продуктами питания непосредственного потребителя. Изучение микроуровня продовольственной обеспеченности, связанного с отдельной социальной группой или среднестатистической семьей, является востребованным в современной исторической науке. Рост исследовательского внимания к проблемам существования «маленького человека» в историческом процессе обусловлен гуманистической, социальной направленностью проводимых исследований и подкреплен междисциплинарным подходом, позволяющим с использованием методов различных наук получить новые результаты, расширяющие представления об эпохе.

Важным критерием стабильного обеспечения населения продовольствием является экономическая доступность продуктов питания, оценить которую возможно путем представления модели продовольственной корзины. Ее аналогом в 1920-е гг. выступал бюджетный набор, при составлении которого использовались показатели фактического потребления продуктов питания за предшествующие годы.

При подсчете экономической доступности минимального продовольственного набора для едоков среднестатистической семьи в количестве четырех человек использованы данные средней заработной платы и стоимость бюджетного набора при покупке продовольствия в кооперативном и в частном секторе. В 1927–1928 гг. высококвалифицированные служащие и рабочие тратили на покупку продовольствия в кооперативных организациях 20% от общего дохода супругов. При покупке полного набора на частном рынке рабочие тратили от 36 до 55% своего дохода. Для младшего обслуживающего персонала покупка в кооперации обходилась в 50–80% дохода. Приобретение продуктов питания исключительно в частных торговых заведениях могла достигать 90% от общего дохода супругов. Часть товаров, слабо представленных в кооперативной торговле (ржаная мука и ржаной хлеб, сельди, молоко), в таком случае полностью выпадали из рациона. Затраты на их приобретение могли компенсироваться сокращением потребления других продуктов, либо сокращением трат на иные статьи расхода.

При этом расходы на питание являлись самой значительной статьёй расхода домашнего бюджета рабочих семей – в 1931 г. этот показатель составил 50,8%¹.

За 1923/1924 г. доля в бюджете семьи рабочего и служащего рассчитана по сокращенному набору продуктов, включающему ржаную и пшеничную муку, мясо, масло растительное, сахар, соль. Для сравнения доли, которую рабочие и служащие тратили на приобретение указанных продуктов питания, привлечены данные по аналогичному набору продуктов за 1927/1928 г. В 1923/1924 г. доля затрат на покупку продуктов питания была выше, чем в 1927/1928 г., что объяснялось более высокими нормами потребления, при этом в частном секторе торговли покупки обходились дешевле. За 1924/1925 г. средняя стоимость бюджетного набора менялась в диапазоне от 12 до 16 руб. За условный набор, состоящий из ржаной муки, пшена, картофеля, квашеной капусты, свеклы, мяса, топленого масла, молока, яиц, растительного масла, сахара при покупке в кооперативных торговых организациях жители Оренбурга платили 11,98 руб., а частнику переплачивали за него чуть более 2 руб.²

Вместе с тем доля затрат на приобретение продуктов питания является для оценки продовольственной обеспеченности не столь важной, как качественная структура рациона (сбалансированность, качество, питательная ценность, разнообразие). Это связано с взаимозависимостью потребления продуктов питания и дохода: питание представляет собой базовую потребность человека, и при падении уровня жизни сокращение расходов на продовольствие происходит в последнюю очередь. При росте материальной обеспеченности потребление продуктов питания увеличивается не в количественном плане, а в качественном – например, потребление пшеничного хлеба растет за счет падения потребления ржаного.

В 1927 г., по сравнению с 1923 г., увеличились нормы потребления продукции животноводства, а также рыбы, мяса – в 1,5 раза, молока – в 0,5 раза, сельди – в 1,4 раза. Даже потребление таких калорийных и богатых питательными веществами продуктов не могло заменить в рационе растительную пищу, суточное потребление которой сократилось по муке – в 2,6 раза, картофелю – в 1,7 раза, по овощам – в 2,1 раза³. Но при этом городское население питалось лучше и качественнее сельского, поскольку, имея удельный вес 14% в общем краевом потреблении пшеницы, пшеничной муки и белого хлеба потребляло 98% от общего городского потребления зерновых⁴.

¹ Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932 г. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 555.

² Бюджетный индекс статистики труда и Госплана, 15 декабря 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 83. Л. 7.

³ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 19. Д. 31. Л. 1–3 об., 25–26 об., 73–74 об.; Д. 163. Л. 270–281; Д. 262. Л. 80, 221 об.

⁴ ЦДНИОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.

Сбалансированность рациона предполагает соотношение потребления растительной и животной пищи, продуктов промышленной переработки в рационе человека. Анализ этих показателей позволил сделать вывод о сокращении доли растительной продукции в бюджетных нормах (к 1930 г. по сравнению с 1913 г. – на 30%)¹. Перестройка питания городского населения происходила за счет сокращения потребления хлебных продуктов, которое наблюдалось уже с 1925 г.² Рост потребления продукции животного происхождения (к 1930 г. в 2 раза по сравнению с 1927 г.) при жестких мясных нормах был проявлением существования черного рынка. Потребление продуктов животного происхождения отражало общесоюзную тенденцию к росту. Доля пищевых продуктов промышленной переработки в нормах потребительской корзины возрастает до 1927 г., а в 1930 г. сокращается в два раза. Рост отмечался только в потреблении круп, бобовых, овощей, а до 1927 г. – молочных продуктов.

Разница в балансе калорий в 1923–1924 и 1927–1928 гг. составила 1374 ккал. Сокращение калорийности с 4286 ккал до 2912 ккал подтверждает общесоюзную тенденцию³. С 1885 г. до Первой мировой войны суточная калорийность питания человека в России балансировала на грани голода и составляла 2100 ккал. До середины 1920-х гг. калорийность несколько повысилась, во многом за счет падения зернового экспорта и роста внутреннего потребления, составив 2500 ккал. С 1929 г. калорийность пищи вновь сократилась до 2030 ккал. В 1930 г. суточная калорийность потребляемых продуктов питания составила для рабочих – 2086 ккал, для служащих – 1904 ккал⁴.

За послереволюционное десятилетие питание населения Оренбуржья претерпело значительные изменения как по качественному составу, так и в плане количественных норм. Перестройка рациона, сокращение калорийности до дореволюционного уровня вернули ситуацию с продовольственным обеспечением к дореволюционным показателям. При сохранении экономической доступности продовольствия в кооперативной сети его физическая доступность и качество были к 1931 г. ограничены, что привело к введению карточной системы, усилению роли общественного питания и обусловило расцвет черного рынка.

¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 19. Д. 31. Л. 1–3 об., 25–26 об., 61–62 об., 73–74 об.; ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 441. Л. 49; Ф. 7. Оп. 1. Д. 356. Л. 14; Ф. 7924. Оп. 1. Д. 236. Л. 25; ГАОО. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 205. Л. 31.

² ЦДНИОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 84. Л. 17.

³ Подсчеты проведены с использованием методологии ФАО, с опорой на работы *С. Уиткрофта, Р.У. Дэвиса (Ричард Аллен The Standard of Living in the Soviet Union, 1928–1940. Department of Economics University of British Columbia, Vancouver, 1997).*

⁴ ГАОО.Ф. Р-63. Оп. 5. Д. 47. Л. 20 об; Ежегодник хлебной торговли. № 1. М., 1928. С. 57–58; *Станишевская С.П., Губанов Д.А.* К вопросу о российской потребительской корзине // Вестник Пермского университета. Серия Экономика. 2012. Вып. 2 (13). С. 94.

ОБРАЗ АНГЛИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЖИВОПИСИ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Карасева Альфия Ренатовна
(Государственный академический университет
гуманитарных наук)

Викторианская эпоха, как и в целом европейская культура XIX в., стала временем повышенного интереса к национальной истории¹. Образы исторических личностей и сюжеты из важных для государства событий все чаще появляются на полотнах художников-жанристов в XIX столетии². Одной из излюбленных тем английских мастеров живописи того времени стала повседневность Гражданской войны, иначе Английской революции XVII в.

Оценивать значимость Революции 1640–1660 гг. для истории Великобритании можно по-разному. Это время перехода от абсолютной монархии к конституционной, ограничение власти короля властью парламента, появление гражданских свобод и открытие пути к промышленной революции и капиталистическому развитию страны³. Однако в исторических исследованиях вопрос повседневности и быта в период Гражданской войны практически не рассматривается. Между тем особенно интересным представляется ряд визуальных источников, с его ретроспективным взглядом на события прошлого⁴.

Обратимся к творчеству художника Уильяма Фредерика Емеса. Он родился в Таганроге, в семье британского консула. После смерти отца в 1842 г., Уильям принялся за обучение сначала в Дрездене, а потом в Лондоне, где и обосновался на всю жизнь. Емес был членом объединения Клика, группы художников, запечатлевавшей исторические и бытовые сюжеты. Их работы, несмотря на огромную популярность среди обычных зрителей, так никогда и не были оценены профессиональными критиками и академистами. Именно поэтому Умесу и его товарищам при-

¹ *Crow T.* Patriotism and Virtue: David to the Young Ingres // *Nineteenth Century Art: A Critical History* / ed. Stephen F. Eisenman. London, 1994. P. 148–152.

² *Barrell J.* Political Theory of Painting from Reynolds to Hazlitt. New Haven, 1986. P. 141.

³ Gardiner, Samuel Rawson. *History of the Great Civil War*. London, 1997. P. 10–11.

⁴ *History Painting Reassessed: The Representation of History in Contemporary Art* / ed. David Green and Peter Seddon. Manchester and New York, 2000. P. 35.

Рисунок 1. William Frederick Yeames, «And when did you last see your father?», 1878

ходилось бороться за право выставить свои работы в Королевской академии. Тем не менее с 1866 г. Уильям Фредерик Емес становится членом Королевской академии художеств. Емес нередко любил проводить каникулы в замке Хивер, бывшей резиденции Анны Болейн – второй жены Генриха VIII и матери королевы Елизаветы. Замок-образец Тюдоровской архитектуры зачастую становился местом действия многих его полотен. Это историческое окружение благотворно влияло на его творчество, придавая его полотнам антураж и пушью достоверность, которых так не хватало живописи предыдущего столетия.

Картина Уильяма Фредерика Емеса «Когда ты последний раз видел отца?» балансирует между понятиями «исторического» и «бытового» жанра, используя все средства последнего для достижения большей повествовательности. Написанная в 1878 г., она изображает сына роялиста, опрашиваемого Парламентариями за два столетия до этого – во время Английской гражданской войны. Основное внимание зрителя сосредоточено на реакции маленького аристократа. Перед нами полотно в горизонтальной ориентации, вытянутое в ширину для запечатления большого драматизма композиции. В центре сюжета и самой работы – белокурый хрупкий мальчик, облаченный в голубые одежды и стоящий смиренно – традиционный типаж Гейнсборо. Заломленные за спину руки – вовсе не следствие надетых наручников, это скорее попытка зрительно вытянуться перед инквизиторами, предстать перед ними с прямой осанкой, поднятой головой и открытым взглядом. Мальчика спрашивают, где его отец. Спрашивают со всей строгостью, которую он не заслуживает. Весь его образ показывает зрителю, что мальчик невиновен.

Художник задался целью изобразить трудности выбора, с которыми могут столкнуться дети, естественно откровенные и бесхитростные. С одной стороны, если мальчик скажет правду, он поставит под угрозу своего

отца, и ему это понятно, несмотря на столь юный возраст. С другой стороны, если он соврет, то пойдет против идеала честности, несомненно, привитого ему родителями.

Какие же еще герои присутствуют на полотне? Слева из тени выступают фигуры девушки и женщины – матери и старшей сестры нашего главного героя. Они жмутся друг к другу, не отрывая взгляда от происходящего, ведь решается их судьба. Мать бледна настолько, что косметические румяна кажутся неестественно красными в этой прохладной темной комнате. Одну руку она прижимает к себе, стараясь выглядеть достойной леди, но, не сумев совладать с собой, в один момент хватается за подол юбки рядом стоящей дочери. Сама девушка уже не может скрывать эмоций и просто скрывается за спину матери. Сломится ли мальчик? Выдаст ли своего отца?

Емесу пришла идея картины в тот момент, когда его племянник – чудесный ребенок, «невинный и доверчивый»¹ – гостил у него. Девочка, стоящая позади главного героя, тоже списана с родственницы – с племянницы Мэри Емес. Юная леди, похоже, ожидает своей очереди, она напугана, и прячет заплаканное лицо в ладошки. Сержант положил руку ей на плечо, как бы утешая. И в этом видится еще один конфликт. В сцене, которая подразумевается как деструктивная, участвуют положительные герои. В кресле, в самом центре композиции, расположился офицер из Круглоголовых. Несмотря на всю суровость его вида: короткую стрижку, небрежно повязанный оранжевый пояс, грубые сапоги-ботфорты, топорный взгляд, даже он не выглядит по-настоящему строгим по отношению к ребенку. Он, скорее, погружен в собственные размышления и не задается целью довести мальчика до испуга. Главный дознаватель в левой части картины тоже изображен сочувствующим. Выражение его лица дружественное, а его заинтересованность и сопереживание можно проследить в жесте рук, сложенных под подбородком.

Расстановка света выбрана художником в соответствии с лучшими традициями театральной драмы. Именно эта драматичность, вместе с живостью исполнения, и сделали полотно Емеса чрезвычайно популярным в викторианскую эпоху, несмотря на то, что описываемые события давно канули в Лету.

Викторианская эпоха – период необычайного развития и вместе с тем крайне сложный период, не только в социальной и внешнеполитической жизни страны, но и во взаимоотношениях между королевой и Парламентом². Исторические полотна того времени также имели и современное значение, понятное аудитории. Сцены из истории завуалировано призывали напомнить зрителям о продолжающихся горячих дискуссиях на актуальные социально значимые темы. Вместо того чтобы представлять текущие события напрямую, художники исторических полотен коммен-

¹ *Bann S.* The Clothing of Clio: A Study of the Representation of History in Nineteenth-Century Britain and France. Cambridge, 1984. P. 112.

² *Barrell J.* Op. cit. P. 158–159.

тировали проблемы прошлого, а метафоричность при этом позволяла сохранить безопасную дистанцию. Как утверждал Шелли Вуд Кордулак, важным при подходе к современной истории было «позволить самому предмету тонко намекать о проблеме, и через идеализацию создавать мощный контраст между мифом и реальностью, исторические полотна говорили сами за себя»¹.

Так почему же художников спустя два столетия начинают интересовать вопросы гражданской войны? Какие современные реалии вынуждали их искать вдохновение в истории английских революций, и какой она виделась живописцам? Какие герои прошлого вновь возникали в культурной памяти викторианцев? Поиск ответов на эти вопросы является первоочередной задачей данного исследования.

¹ *Cordulack S.W. Victorian Caricature and Classicism: Picturing the London Water Crisis // International Journal of the Classical Tradition 9. № 4 (Spring 2003). P. 540.*

МАТЕРИАЛЫ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Кириллов Виктор Леонидович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа исследователей и популяризаторов истории русского революционного движения второй половины XIX – нач. XX в. на протяжении последних полутора веков охватила, пожалуй, все известные группы источников по этой теме. Публикации и введение в научный оборот судебно-следственных материалов, воспоминаний, программных документов революционеров и других источников не обошли стороной многие центральные и местные архивы, хотя, безусловно, и в них до сих пор можно найти неизвестные ранее материалы, раскрывающие те или иные подробности отдельных сюжетов указанной темы.

Вместе с тем на периферии внимания историков нередко остаются музейные коллекции источников: это связано и с традиционно более значительным интересом исследователей к архивным фондам, и с комплексной структурой и историей формирования музейных фондов, и с кажущимся на первый взгляд вторичным, иллюстративным содержанием музейных источников.

Одной из наиболее значительных и оригинальных коллекций источников по истории русского революционного движения обладает Государственный музей политической истории России (далее – ГМПИР) г. Санкт-Петербурга. Еще с начала XX в. представители различных революционных партий обсуждали необходимость создания будущего музея революции, который в конечном итоге был создан по решению Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов 9 октября 1919 г. под названием Государственного музея Революции (с 1991 г. – нынешний ГМПИР). Основу коллекции музея составили памятники истории революционного движения, жизни и деятельности революционеров самых разных направлений – так в музей попали часть архивов «Земли и воли» и «Народной воли», листовки и воззвания различных партий и направлений, рукописи В.Г. Короленко, Н.П. Огарева и др.¹

¹ См., напр.: *Артемов Е.Г., Кулегин А.М.* Рожденный трижды. Государственному музею политической истории России 90 лет (1919–2009). СПб.: ГМПИР, 2009. С. 6–13.

Значительная часть сохранившихся материалов представляет в первую очередь познавательный интерес в качестве потенциальных музейных экспонатов. Среди примеров можно назвать фотографию А.И. Герцена, выполненную известным русским фотографом С.Л. Левицким предположительно в Лондоне в начале 1850-х гг. и впоследствии оформленную на паспарту с петербургским адресом фотоателье Левицкого¹; столярные инструменты С.Н. Халтурина, который служил в 1879–1880 гг. в столярной мастерской Зимнего дворца, занимаясь подготовкой покушения на Александра II (инструменты поступили в фонды музея в 1958 г. от частного лица)²; часть пеньковой веревки с виселицы, на которой была повешена в 1881 г. С.Л. Перовская (о желании некоторых свидетелей казни народовольцев добыть «кусочек веревки» и даже о фактах торговли палачами этими веревками свидетельствовали современники; по некоторым сведениям, данную часть веревки передали в музей наследники генерала А.А. Насветевича в 1923 г.)³; муляж окорока ветчины, изготовленный художником-скульптором, членом Боевой технической группы (далее – БТГ) при ЦК РСДРП А.Л. Шмидт (партийная кличка – «Фаня Беленькая») во время Первой русской революции для хранения в нем револьвера (муляж был передан в музей в 1934 г. самой Шмидт; это не единственный изготовленный ей муляж и не единственный муляж и тайник, сохранившийся в фондах музея)⁴.

Символическим первым экспонатом музея, датируемым 1907 г., также считается предмет, относящийся к истории революционного движения; именно с него музей ведет отсчет истории формирования своей коллекции. Это пятисотрублевая поддельная купюра, запечатанная в бутылку. Ее история связана с Тифлисской экспроприацией 13 июня 1907 г., устроенной членами БТГ при ЦК РСДРП. В связи с тем, что номера украденных революционерами банкнот были сообщены Государственным банком в другие банки и даже опубликованы в газетах, Л.Б. Красин, руководитель БТГ, поручил А.Л. Шмидт изготовить поддельные купюры, но в самом начале работы одна из банкнот была испорчена. Красин предложил сохранить эту купюру для будущего музея революции; купюра была запе-

¹ *Левицкий С.Л.* Фотография. Герцен А.И. // Государственный музей политической истории России (далее – ГМПИР). Ф. III. № 20009; «Изъятию не подлежит... Хранить вечно!». 100-летие коллекции Государственного музея политической истории России. 1907–2007. СПб., 2007. С. 53.

² Рубанок, приобретенный у частного лица, как рубанок С.Н. Халтурина // ГМПИР. Ф. I. № 890/1; Стамеска столярная, приобретенная музеем у частного лица, как стамеска С.Н. Халтурина // ГМПИР. Ф. I. № 891; «Изъятию не подлежит... Хранить вечно!». С. 61.

³ Часть пеньковой веревки с виселицы, на которой была повешена С.Л. Перовская // ГМПИР. Ф. I. № 1886; «Изъятию не подлежит... Хранить вечно!». С. 68; *Глезеров С.* Тут шла охота на царя // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 14 марта. С. 3.

⁴ *Шмидт А.Л.* Тайник в виде муляжа окорока, служивший местом хранения оружия // ГМПИР. Ф. I. № 881; «Изъятию не подлежит... Хранить вечно!». С. 72.

чатана в бутылку и зарыта в землю недалеко от села Райвола Выборгской губернии. В конце 1920-х гг. один из членов БТГ Н.Е. Буренин откопал бутылку и впоследствии передал ее в музей¹. Этот и некоторые другие вещественные экспонаты нередко упоминались в литературе и СМИ и ныне являются частью постоянной экспозиции ГМПИР «Империя на путях модернизации. Россия в XIX – начале XX вв.».

Особую ценность представляет фонд документальных источников ГМПИР. В этом фонде можно найти письмо С.Г. Нечаева из Алексеевского рavelина Петропавловской крепости с требованиями о пересылке книг, письмо В.И. Засулич друзьям, написанное ей после ареста в 1878 г. в результате неудачного покушения на Ф.Ф. Трепова, рукопись одной из дополнительных редакций устава тайного общества «Земля и воля», записку III отделения со списком 122 революционеров, составленную на основе показаний арестованного народовольца Г.Д. Гольденберга, переписанные в Шлиссельбургской крепости рукой В.Н. Фигнер воспоминания М.Ф. Фроленко, рукописные заметки художника Н.Н. Бунина «Последняя всенародная казнь», бывшего очевидцем казни «первомартовцев»² и др.

Источники по истории революционного движения из фондов ГМПИР, к сожалению, редко привлекают внимание историков. Из последних примеров можно привести публикацию акварельных зарисовок А.А. Насветевича, скрупулезно сделанных им на суде по делу «первомартовцев», в качестве дополнительного иллюстративного материала в сборнике «Суд над царубийцами. Дело 1-го марта 1881 года» – издании сводного текста стенографического отчета заседания Особого присутствия Правительствующего Сената и других следственных материалов³. Хочется надеяться, что богатые материалы ГМПИР в дальнейшем найдут своего кропотливого исследователя.

¹ Бутылка с 500-рублевым кредитным билетом Государственного банка Российской империи // ГМПИР. Ф. I. № 1889; «Изъятию не подлежит... Хранить вечно!». С. 104.

² Письмо С.Г. Нечаева из Алексеевского рavelина Петропавловской крепости с требованиями о пересылке книг // ГМПИР. Ф. II. № 12638; *Засулич В.И.* «Мои дорогие, ненаглядные друзья...» // ГМПИР. Ф. II. № 12615; Устав организации общества «Земля и Воля». (Дополнительная редакция) // ГМПИР. Ф. II. № 12595; Записка, составленная 3-м отделением на основании показаний Г.Д. Гольденберга // ГМПИР. Ф. II. № 12579/1; Воспоминания революционера-народника М.Ф. Фроленко, переписанные рукой В.Н. Фигнер в Шлиссельбургской крепости // ГМПИР. Ф. II. № 12726; «Последняя всенародная казнь», с описанием казни народовольцев Желябова А., Перовской С.Л., Кибальчича Н.И., Михайлова Т.М., Рысакова Н.И. // ГМПИР. Ф. II. № 12716.

³ Суд над царубийцами. Дело 1-го марта 1881 года / Под ред. В.В. Разбегаева. Т. I. СПб., 2014.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1979 г.: В ПОИСКАХ СИСТЕМНОСТИ В ПЛАНИРОВАНИИ И УПРАВЛЕНИИ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

*Кирсанов Роман Геннадиевич, к.и.н.
(Институт российской истории РАН)*

О реформе 1979 г., подготовленной под руководством заместителя председателя Совмина СССР В.Н. Новикова, довольно много писалось в первые годы после ее начала (предвосхищая ее положительные результаты), однако затем она перешла в разряд «очередных попыток реформирования советской экономики», которые не дали результатов, хотя и предполагали расширение экономической самостоятельности хозяйствующих субъектов¹. К примеру, С.А. Ситарян называет эту реформу «сильно запоздалой попыткой вернуться к тем принципам, которые закладывались в 1965 г., еще одной попыткой активизации товарно-денежных отношений в экономике»².

12 июля 1979 г. вышло совместное постановление ЦК партии и Совмина СССР № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»³, которое продолжало развивать линию, начатую решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1965 г. Это постановление представляло собой достаточно объемный документ, который вобрал в себя многие предложения отечественных экономистов, занимавшихся разработкой проблем совершенствования планирования и материального стимулирования производства, научно-технического прогресса и повышения качества продукции. Но вместе с тем это была компиляция нередко противоречащих друг другу и не проверенных на практике предложений, которые было трудно объединить в систему.

Анализ документа убеждает в том, что он означал намерение и дальше усиливать плановые начала в экономике. Устанавливался новый порядок составления перспективных планов экономического и социального развития. Поскольку к тому времени пришло осознание того, что советская экономика слабовосприимчива к достижениям НТР, было решено (по рекомендации НИИ народнохозяйственного прогнозирования) включить

¹ *Сорокин Д.Е.* Был ли неизбежен распад советской экономической системы? // Экономическая история СССР: очерки. М., 2007. С. 467–493.

² *Ситарян С.А.* Уроки будущего. М., 2010. С. 65.

³ Собрание постановлений СССР. 1979. № 18. Ст. 118.

развитие науки и техники в состав планирования (заметим – не прогнозирования, а именно планирования). В этой связи Академии наук СССР, Государственному комитету СССР по науке и технике и Госстрою СССР поручалось разрабатывать комплексную программу научно-технического прогресса на 20 лет (по пятилетиям), которую они должны были представлять в Совет Министров СССР и Госплан СССР не позднее чем за два года до очередной пятилетки. Через каждые пять лет в комплексную программу должны были вноситься необходимые уточнения.

Затем Госплан, опираясь на комплексную программу НТП, разрабатывал совместно с министерствами и ведомствами СССР и республиканскими совминами проект основных направлений экономического и социального развития СССР на 10 лет. На первое пятилетие показатели основных направлений разрабатывались с разбивкой по годам, а на второе пятилетие задавались важнейшие показатели на последний год пятилетки (по капитальным вложениям – на пятилетие в целом).

Новое содержание получали контрольные цифры, утверждаемые для разработки пятилетних планов. Они должны были характеризовать количественные и качественные параметры планов с точки зрения удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в конкретных видах продукции, эффективности производства и улучшения качества работы.

Одной из новелл реформы 1979 г. было внедрение показателя нормативной чистой продукции. Он использовался для измерения динамики физического объема производства и производительности труда, планирования фонда заработной платы и контроля за его использованием.

В отличие от показателя чистой продукции, определявшегося расчетным путем, т.е. вычитанием из валовой продукции суммы материальных затрат, величина которых зависела от экономии или перерасхода сырья и изменения цен на них, показатель нормативной чистой продукции фиксировал на момент разработки нормативов величину вновь созданной стоимости, отражавшейся в оптовой цене будущего изделия, и оставался неизменным в течение пяти и более лет. Иными словами, норматив чистой продукции представлял собой часть оптовой цены изделия, включающую заработную плату, отчисления на социальное страхование и прибыль.

Другим новшеством было введение лимитов капитальных вложений, строительно-монтажных работ и численности работников. До этого использовались абсолютные количественные задания, которые предприятия старались выполнить любой ценой из-за боязни, что если они не освоят в текущем году весь объем капитальных вложений, то на следующий год министерства автоматически снизят им плановый объем выделенных на эти цели средств.

Разработчики реформы не обошли стороной вопрос ускорения научно-технического прогресса и расширения выпуска новой высокоэффективной продукции: в министерствах создавался единый фонд развития науки и техники для финансирования НИОКР и возмещения затрат, свя-

занных с разработкой и освоением новых видов продукции и технологических процессов.

Часть нововведений коснулась работы банковской системы. Первое было связано с изменением порядка кредитования научно-исследовательских и проектно-конструкторских учреждений. Предусматривалось, что банк будет финансировать промежуточные этапы научной работы, пока НИИ не реализует полностью свои разработки. Если исследовательское учреждение не укладывается в сроки, прописанные в наряде-заказе, то банк продолжает выделять кредиты, но проценты будут повышены. Тем самым прикладная наука также нацеливалась на развитие хозрасчетных принципов.

Второе нововведение касалось расширения сферы применения платежного кредита. Покупатели продукции получали возможность при временном отсутствии у них собственных средств использовать платежный кредит. Как только деньги за продукцию поступали на расчетный счет в банке, она считалась реализованной.

Таким образом, реформой 1979 г. для хозяйствующих субъектов открывалась возможность добиваться повышения роста эффективности производства и ускорения научно-технического прогресса. Однако с уходом с политической сцены А.Н. Косыгина и основного автора реформы В.Н. Новикова стареющее брежневское руководство практически потеряло интерес к организационным перестройкам в управлении экономикой.

Те мероприятия, которые все же удалось «протолокнуть», представляли собой плохо согласованные друг с другом, а главное – со стереотипами хозяйственного мышления, решения. Так, например, произошло с упомянутым выше внедрением платежного кредита: руководители предприятий старались переложить всю ответственность на банк и постоянно требовали новых отсрочек по взятым кредитам. В итоге за 1981–1985 гг. задолженность по отсроченным ссудам возросла на 17,3 млрд руб. или более чем в два раза, и достигла на 1 января 1986 г. 49,2 млрд руб.¹

Что касается введения норматива чистой продукции, то он оказался не пригоден для оценки хозрасчетной деятельности предприятий целого ряда отраслей и, кроме того, не был увязан с такими хозрасчетными показателями, как себестоимость, прибыль, рентабельность, хозрасчетный доход предприятия, что сужало сферу его применения.

Анализируя причины, помешавшие реализации решений конца 70-х гг. и приведшие к отходу от принципов социалистического хозрасчета, XXVI съезд партии (февраль 1981 г.) отметил, что «самая главная причина состоит в том, что еще не полностью преодолены сила инерции, традиции и привычки, сложившиеся в тот период, когда на первый план выступала не столько качественная, сколько количественная сторона

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 32. Д. 3822. Л. 12.

дела»¹. Пожалуй, это достаточно мягкая оценка. В действительности, на тот момент отраслевые министерства не поступились даже частью своей власти и сделали все, чтобы предприятия не получили слишком много экономической свободы. Консервативное большинство ЦК КПСС, препятствуя каким-либо политическим и административным преобразованиям, загоняло в тупик столь необходимые стране экономические реформы. По выражению академика С.С. Шаталина, «всеобщий кризис развитого социализма стал неизбежен»².

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 37.

² *Шаталин С.С.* Прерванный диалог. Тверь, 1998. С. 129.

ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

*Кирсанова Екатерина Геннадьевна, к.полит.н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Директивное планирование на основе контрольных цифр составляло основу советской экономической системы. Контрольные цифры были определяющими в работе всех органов хозяйственного управления: «делай то-то, столько-то, поставь туда-то, по такой-то цене». Госплан и другие экономические ведомства разрабатывали эти показатели, министерства доводили до предприятий, а затем все органы должны были обеспечивать их выполнение¹. Завышенная оценка возможностей плана автоматически исключала поиск альтернатив в построении механизма централизованного управления экономикой.

Принципиальной чертой централизованного планирования являлось взаимодействие хозяйственных субъектов трех типов: управляющего органа, дававшего задание и контролировавшего его выполнение с помощью тех или иных экономических показателей, предприятия-исполнителя и предприятия-потребителя конечного результата. Поскольку орган, спускавший предприятию (работникам, производственным объединениям, отрасли в целом) задания, в большинстве случаев не являлся и не мог являться потребителем продукции, то о ее количестве и качестве он мог судить лишь по косвенным признакам, т.е. по набору определенных показателей. В таких условиях производитель был заинтересован любой ценой достигнуть запланированных показателей, а не обеспечивать рациональную структуру выпуска продукции. Тем самым полностью исключалась роль потребителя как регулятора производства.

Стопроцентное выполнение плана было тем рубежом, где по одну сторону находились победа в социалистическом соревновании, почет и премии, а по другую – штрафы и выговоры. Такая система формировала соответствующее поведение хозяйственных руководителей: стремление к заниженным планам, к сокрытию резервов, «увлечение» порочной практикой корректировки задним числом². Все это наносило большой урон экономике.

¹ Попов Г.Х. Пути перестройки: мнение экономиста. М., 1989. С. 187–188.

² Карпухин Д.Н. Повышение производительности труда в СССР – стратегическая задача // Экономическая история СССР: очерки. М., 2007. С. 279.

К середине 80-х гг. в СССР производилось около 25 млн видов продукции. К каждому из 25 млн показателей, характеризовавших производственное количество фиксированного продукта, добавлялись характеристики его качества, мест и времени его производства и потребления, возможности транспортировки и складирования, наличия и распределения запасов и т.п. Очевидно, что ни Госплан, никакой другой орган были не в состоянии обрабатывать эти массивы данных. Такие объемы информации было невозможно передать в разумное время по существовавшим тогда каналам связи. Для создания служб сбора такой информации потребовалась бы значительная часть трудоспособного населения. Но даже в этом случае ни одна ЭВМ того времени не справилась бы с такими вычислительными трудностями.

Еще одна неразрешимая проблема возникала в момент сбора информации: необходимо было добиться, чтобы сотни тысяч очень разных людей – сборщиков информации – одинаково понимали, что от них требуется. При таком количестве сборщиков и невозможности эффективного централизованного контроля было крайне сложно избежать тенденциозных искажений. Дополнительным фактором искажений являлось стремление низовых структур скрыть от «верха» информацию о некоторых своих ресурсах, чтобы затем иметь возможность перевыполнить установившийся план.

Между тем в отсутствие у органа управления четкого понимания реального положения на подведомственных ему объектах, единственной реальной стратегией планирования становилось планирование от достигнутого, суть которого сводилась к следующему: чем лучше коллектив работает, тем более напряженное задание он получит в следующем году¹. Поэтому опытные хозяйственники всегда старались иметь резервы про запас, а те, кто их не имел, нередко попадали в затруднительное положение.

Как же на самом деле решались проблемы реального планирования? Чтобы увязать планы производства и потребления, в марте–мае предпланового года предприятия направляли в органы Госнаба СССР заявки на материальные ресурсы, которые будут им необходимы для выполнения еще неизвестного плана следующего года. Предполагалось, что поступившие заявки будут сведены воедино и включены в производственный план на следующий плановый период (чтобы что-то поставить, это требуется произвести). Получается, что заявленная продукция должна составить львиную долю в программе будущего года. Однако здесь мы наталкиваемся на порочный круг: для реализации полученного плана потребуются ресурсы (материалы, оборудование), отличные от уже заказанных. А кому дать задание их произвести? Все тем же предприятиям, ведь больше никому. Поэтому директора заводов дружно ругали плановиков и постоянно

¹ *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 126.

твердили: сначала утвердите нам план производства, а потом присылайте заявки на ресурсы.

Казалось бы, если реализация плановых заданий слабо влияла на действительные экономические процессы, то в условиях сильной взаимозависимости отраслей и предприятий должна была произойти полная остановка хозяйственной деятельности из-за несогласованности действий ее субъектов. На самом деле экономика функционировала достаточно стабильно, даже невзирая на абсолютное падение прироста национального дохода и прочих ключевых показателей.

Существовали три мощных фактора, которые поддерживали на плаву плановое хозяйство. Во-первых, это фактически установившиеся неформальные связи. К примеру, анализ поставок со складов в одном из главных территориальных управлений Госнаба СССР в начале 80-х гг. показал, что 5–8% материалов отпускались в соответствии с договорами и заказами (предусмотренными планом), а остальное составляли замены. Некоторое объяснение этой ситуации дает известный венгерский экономист Я. Корнай: в экономике, где преобладают ресурсные ограничения, одной из форм приспособления к дефициту является вынужденная замена¹.

Во-вторых, это почти всеобщее стремление к устойчивости в хозяйственной деятельности. Стабильность позволяла на долгое время сохранять достигнутую согласованность в действиях хозяйственных партнеров. Но, наряду с этим, стремление законсервировать экономические связи порождало стагнацию и накапливало отрицательные тенденции: одна и та же продукция выпускалась десятки лет, обновление оборудования осуществлялось крайне медленно и т.д.

Третьим фактором, позволявшим обеспечивать «сбалансированное пропорциональное развитие», были постоянные корректировки планов. Казалось бы, экономическая реформа 1979 г. (вторая «косыгинская» реформа) строго осудила корректировки планов, которые теперь могли применяться лишь в исключительных случаях, а изменения плана в сторону снижения под фактический уровень его выполнения вообще были запрещены. На деле же корректировки получили небывалый размах. Так, план на 1982 г. предусматривал прирост промышленного производства 4,7%, рост производительности труда 4,1%². В действительности эти показатели составили 2,8 и 2,1% соответственно, или почти в два раза меньше. Однако после многочисленных корректировок, произведенных в течение года, оказалось, что все отрасли и республики план выполнили, а многие – перевыполнили.

Таким образом, за годы социалистического строительства в СССР сложилась такая система планирования, при которой каждое хозяйственное подразделение было заинтересовано в получении наиболее легкого

¹ Корнай Янош. Дефицит. М., 1990. С. 63.

² Валовой Д.В. Экономика в человеческом измерении: Очерки-размышления. М., 1988. С. 196.

задания по выпуску продукции (или легковыполнимых нормативов). Кроме того, планирование «от достигнутого уровня» порождало заинтересованность в сокрытии имевшихся резервов повышения производительности труда, роста производства и экономии материальных ресурсов. Такое планирование подрывало инициативу и предприимчивость, вместо поисков и мобилизации резервов создавало условия для утаивания их. И все это делалось ради того, чтобы оказаться в числе выполнивших или перевыполнивших (до определенных пределов) установленные планы. Попытка стимулировать руководителей принимать на себя повышенные планы при помощи дополнительного материального поощрения ничего не могла изменить, – никакие премии были не в состоянии компенсировать последствия в случае невыполнения плана.

ОБОСНОВАНИЕ ПРАВ ВИЛЬГЕЛЬМА III ОРАНСКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ В СОЧИНЕНИЯХ ЭДМУНДА БОХАНА

Князев Павел Юрьевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

После событий «Славной революции» 1688–1689 гг. и свержения британского монарха Якова II Стюарта в обществе не было единства по вопросу престолонаследия. Многие жители Британских островов не приняли нового монарха. В это же время зародилось движение якобитов, главной целью которого было возвращение на престол смещенных Стюартов. Сторонники переворота в свою очередь вели активную пропаганду: ими были выдвинуты различные идеи обоснования прав статхаудера Голландии Вильгельма III Оранского на английскую корону. Исследователи отмечают, что выразители этих идей придерживались как консервативных, так и радикальных позиций¹.

Цель данного доклада – рассмотреть взгляды английского публициста, приверженца торийской партии² Эдмунда Бохана (1645–1699), поборника идеи непротивления законной королевской власти и автора одного из первых исторических очерков о «Славной революции»³, в контексте развития общественной мысли данного периода и рецепции учения Гуго Гроция в Англии XVII столетия.

После переворота Бохан поддержал новую власть⁴ и в 1689 г. анонимно опубликовал трактаты, защищавшие права принца Оранского на

¹ *Zook M.S.* Radical Whigs and Conspiratorial Politics in Late Stuart England. University Park: Pennsylvania State University Press, 1999. P. 193. Необходимо отметить, что многие сторонники Вильгельма, принадлежавшие к партии вигов, стремились обосновать свержение законного монарха при помощи концепции «общественного договора».

² *The Anglo-Dutch moment* / ed. by J. Israel. Cambridge: Cambridge university press, 1991. P. 1, 16.

³ *Goldie M.* Edmund Bohun and Jus Gentium in the Revolution Debate, 1689–1693 // *The Historical Journal*. № 20 (1977). P. 573.

⁴ [*Bohun E.J.*] *The history of the desertion, or an account of all the public affairs in England, from the beginning of September 1688.* London, Ric. Chiswell, 1689. P. 130; *Kelley D.R., Sacks D.H.* *The Historical Imagination in Early Modern Britain: History, Rhetoric, and Fiction, 1500–1800.* Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 33.

английский престол¹. Публицист считал, что Вильгельм получил корону по Божьей воле: только с согласия высших сил возможна была смена земных правителей². Провидение, по мнению Бохана, обеспечило успех экспедиции принца. Во-вторых, обосновывая смещение короля, публицист использует исторические аргументы: история, с точки зрения памфлетиста, постоянно сопряжена с завоеванием и узурпацией. Насилие признавалось важным аспектом политической жизни. Тем не менее оно не делало ни одного правителя легитимным: применение силы должно было иметь легальное и моральное обоснование³, с точки зрения тори, истинное правительство должно обеспечивать стабильность и безопасность в стране⁴. По мнению Бохана, факт завоевания подтверждал права на престол Вильгельма I и Генриха VII⁵, военные победы этих правителей помогли им получить корону. В-третьих, памфлетист выразил самобытную трактовку представлений Гуго Гроция о возможности объявления войны. Публицист был знаком с трактатом «О праве войны и мира»⁶ и с политическим учением Гроция⁷. Из трех причин войны – самозащиты, возвращения несправедливо отобранного и наказания⁸, Бохан обращает особое внимание на две последние. Яков II, по мнению публициста, причинил Вильгельму ущерб, лишив его права наследования престола⁹, в то же время король обвинялся в тираническом правлении и в нарушении интересов своих подданных¹⁰. Вильгельм, по мнению Бохана, стремился избежать конфликта¹¹, но так как его интересы не были удовлетворены, он смог начать войну против короля Якова, в которой и одержал победу¹². Его экспедиция не являлась актом агрессии¹³. Однако ведение «справедливой войны» было особым правом Вильгельма: «Не каждый человек имеет право на завоевание», – писал публицист¹⁴. Бохан подчеркивал различие

¹ [Bohun E.J.] The doctrine of non-resistance. London, for Richard Chiswell, 1689. P. 2.

² Ibid. P. 13.

³ Ibid. P. 6.

⁴ Coward B. The Stuart Age. London: Longman, 1994. P. 358.

⁵ The doctrine of non-resistance... P. 10.

⁶ Goldie M. Op. cit. P. 575–578.

⁷ The history of the desertion... P. 142; Goldie M., Wokler R. The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 45.

⁸ Grotius H. De Jure Belli ac Pacis Libri Tres, in quibus Jus Naturae & Gentium, item Juris Publici praecepta explicantur. Washington, 1913. P. 101–102.

⁹ The doctrine of non-resistance... P. 6.

¹⁰ Ibid. P. 5–8, 13; The history of the desertion... P. 79.

¹¹ The doctrine of non-resistance... P. 6, 26.

¹² Ibid. P. 5.

¹³ Kay R.S. The Glorious Revolution and the Continuity of Law. Washington: The Catholic University of America Press. P. 63–64.

¹⁴ The doctrine of non-resistance... P. 26.

между суверенным правителем и подданным: последний не имел права поднимать мятеж против законного государя. Войну же может объявить только суверенный правитель¹, которым Бохан считал Вильгельма. Хотя юридически в Республике Соединенных провинций Вильгельм занимал должность статхаудера и не являлся сувереном, Бохан игнорировал данное обстоятельство. Важно и то, что публицист не считал сам факт завоевания единственной причиной возведения Вильгельма на престол, указывая на важность династических связей принца Оранского со Стюартами². Примечательно, что сам Вильгельм в своих декларациях утверждал, что он не стремился завоевать Англию³.

Таким образом, нужно отметить, что при обосновании прав Вильгельма III на английский престол Э. Бохан использовал различные аргументы, не противоречившие идее непротивления законной власти. Применив теорию Гроция, Бохан представил «Славную революцию» не как переворот и свержение законного монарха, но как завоевание Англии Вильгельмом, таким образом примирив торийские принципы с новым режимом. Пример Бохана иллюстрирует стремление сторонников Вильгельма построить в английском обществе своеобразный консенсус представителей различных политических групп, который помог бы новому монарху в легитимации своей власти.

¹ Ibid. P. 7.

² Ibid. P. 9.

³ Cobbett's Parliamentary History of England: From the Norman Conquest, in 1066 to the Year 1803. In 36 Vols. London: Hansard, 1809. Vol. 5. P. 11–12.

ОБРАЗ ГРАЖДАНСКИХ КОНФЛИКТОВ И ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

*Ковалевская Олеся Владимировна
(Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Республика Казахстан)*

В данной работе я рассмотрю гражданскую войну с точки зрения искусства, а именно авторов, которые посветили часть своей жизни этой теме. Гражданская война – самая печальная страница в истории каждого государства. В гражданской войне, войне брата с братом, нет героики национально-освободительной войны, войны с иностранным захватчиком, в ней не соблюдаются международные правила и конвенции.

В конце XX в., после тех событий, которые произошли в России, мы можем относительно беспристрастно посмотреть, как изображали писатели того времени события, которые были названы гражданской войной. Конечно, те, кто писал о войне, имели свою четко выраженную позицию. Писатели-большевики, такие как Серафимович Александр Серафимович, Шолохов Михаил Александрович, Фурманов Дмитрий Андреевич, Фадеев-Васильев, Григорий Прокофьевич, они отстаивали свою точку зрения на позициях, то что война справедлива, война накажет врагов советской власти, герои в их произведениях четко делятся на своих и чужих. Вражда их непримирима.

В тоже время как писатели-интеллигенты, такие как Иван Шмелев, Михаил Булгаков и Борис Пастернак были по ту сторону баррикад. Для писателей беспартийной ориентации война имела другой смысл, они писали о том, что война братоубийственна, то, что большевики и их власть разрушает и убивает людей и их жизнь, но, к сожалению, действия белых страшны не менее красных.

Но все же в одном все русские писатели сходятся: война жестока, человек на войне ожесточается, ему приходится преступать общечеловеческие нравственные законы.

Далее я хочу разобрать понятие войны и показать образ человека в произведениях писателей.

Также объяснить, как гражданская война предстает в произведениях, независимо от социально-политических оценок.

Михаил Шолохов в рассказе «Родинка» показывает, как отец убивает сына и только по родинке узнает, что стал сыноубийцей. В «Конармии» Бабеля мальчик-красноармеец диктует автору письмо, в котором расска-

зывает, как старший брат пытал отца, потому что тот был врагом, как сам потом был убит. Братоубийственный характер гражданской войны ощущает на себе Юрий Живаго, герой романа Б. Пастернака, врач, предназначение которого спасти жизни людей. Герой пьесы М. Булгакова «Бег» белогвардейский генерал Хлудов тяжким бременем несет в себе память о повешенных по его приказу людях.

В центре романа А. Фадеева «Разгром» – образ командира партизанского отряда Левинсона. Жизнь этого человека подчинена служению революции, именно во имя революционной целесообразности действует командир. Он воспитывает своих бойцов (Морозка), он в любом случае берет ответственность на себя. Но революционная целесообразность требует жестокости не только к тем, кто является и считается врагом, но и к тем, кто просто мешает революции. При этом деятельность Левинсона становится абсурдной: он и его отряд сражаются за трудовой народ, но ради сохранения отряда Левинсон вынужден отнять свинью у корейца (простого крестьянина, ради которого и ведется война), семья корейца скорее всего погибнет зимой от голода, Левинсон отдает приказ отравить смертельно раненного Фролова, т.к. раненые мешают продвижению отряда.

Именно офицеры являются героями романа и пьес М. Булгакова. Алексей Турбин – русский офицер, прошедший германскую войну, настоящий боевой офицер, цель которого защищать родину, а не воевать с собственным народом. Булгаков показывает, что власть Петлюры в Киеве ничуть не лучше власти большевиков: грабежи, карьеризм во власти, насилие над мирным населением. Алексей Турбин не может воевать с собственным народом. А народ, по мнению героя, поддерживает большевиков.

Именно пафос опустения, мертвой земли, людей без будущего звучит в «Солнце мертвых» Ивана Шмелева. Действие происходит в Крыму, который до революции был цветущим раем, а сейчас, после гражданской войны, превратился в пустыню. В пустыню превращаются и души людей.

Следующую часть хочу посвятить любви и нравственному выбору в романах о гражданской войне.

Революция и гражданская война – не время для любви. Но писатели не могут не говорить о вечном. Герои рассказа Б. Лавренева «Сорок первый» – белогвардейский офицер Говоруха-Отрок и красноармеец Марютка. Волею судьбы и автора они оказываются на острове вдали от гражданской войны, между ними вспыхивает чувство. Но Марютка убивает любимого тогда, когда перед нею встает социальный выбор – революция превыше всего, превыше человеческого счастья и вечной любви.

Так, герой «Чевенгура» А. Платонова Копенкин преданно любит Розу Люксембург, которую никогда не видел.

Как уже говорилось, для революционеров такой нравственный выбор однозначен: целесообразно все, что служит революции.

Для российской интеллигенции этот выбор крайне труден.

С одной стороны, именно интеллигенция принимала участие в революции или сочувствовала ей.

С другой стороны, ужас гражданской войны, большевистский террор отвратил интеллигенцию от происходящего или заставил служить ее идеям, несмотря на внутренние противоречия.

«Изуверства белых и красных соперничали по жестокости, попеременно возрастая в ответ одно на другое, точно перемножали. От крови тошило, она подступала к горлу, бросалась в голову, ею заплывали глаза», – так пишет Борис Пастернак. Его герой не хочет быть ни на чьей стороне, как истинно русского интеллигента его привлекает общечеловеческая истина. Но стать в стороне от войны не удастся никому. Совсем иная судьба – судьба, приводящая героиню в стан большевиков, у Любови Яровой. Позиция автора пьесы, К. Тренева, однозначна – жизнь Любови Яровой обретает смысл только в служении народу, революции, т.е. большевикам. Правда, в жертву героиня должна принести своего мужа – поручика Ярового.

«Россия, кровью умытая» – так называется роман Артема Веселого, писателя, погибшего в сталинских застенках. Многоголосая Россия, сражающаяся, запутавшаяся в выборе, страстная, сильная – такой предстает страна в романе. Название же его символично. Так можно определить и отношение всех отечественных писателей к теме гражданской войны, независимо от их политической и социальной ориентации.

Читая произведения о гражданской войне, мы не можем не вспомнить слова Пушкина: *«Не приведи Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный»*.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Козлова Наталья Алексеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Изучение Гражданской войны в советской историографии было подвержено искажениям в трактованиях, в силу идеологической ангажированности исторической науки, а антибольшевистское движение как такое отдельно не рассматривалось. Антибольшевистский фронт включал в себя белое офицерство, эсеров, меньшевиков, зеленых, повстанческие крестьянские отряды. Но основу антибольшевистского движения составляло белое офицерство.

В 1990-е гг. приоритетной темой в рамках изучения Гражданской войны стало Белое движение. Распад СССР повлек за собой изменение ценностных ориентаций в исследовательском сообществе (что произошло не сразу, ведь смена ценностей нуждается в достаточно долгом времени) и как следствие этого, историки постсоветского периода вплотную занялись пересмотром подходов к исследованию проблемы антибольшевистского движения, господствующих в исторической науке советского времени, и выдвинули свои версии. Каковы особенности изучения антибольшевистского движения в работах современных отечественных исследователей?

В начале 90-х гг. в связи с крушением социалистической системы и появлением плюрализма в научной методологии, в работах некоторых ученых предпринималась попытка романтизировать, идеализировать Белое движение. Позже ученые стали избегать оценочных суждений, стремились выработать такой подход к его изучению, который помог бы избежать субъективной оценки.

Во многих работах современных историков особо подчеркивается неоднородность социального состава антибольшевистского движения. В работе В.П. Федюка так обозначены социальные группы Белого движения: «В него влились выходцы из семей рабочих, крестьян, городских обывателей»¹. Это было одним из оснований для утверждения, что мировоззрение, идеологические ориентации и цели различных групп движения не были едиными. Например, по мнению одного из исследователей

¹ Федюк В.П. По ту сторону фронта. Вступительная статья.// Белые армии, черные генералы. Ярославль, 1991. С. 7.

Белого движения С.В. Волкова, большинство белого офицерства было настроено монархически¹. Если рассматривать другие социальные группы, выступавшие против большевиков, например крестьянство, то такое утверждение нужно уже принимать с осторожностью, т.к. многие из них не хотели восстановления дореволюционной власти, что означало бы для них реставрацию старых порядков, ущемление их прав. Существует другая точка зрения, отвергающая укоренившееся в советской историографии мнение о том, что лидеры белого движения хотели восстановления дореволюционных порядков. Так, по мнению В.Ж. Цветкова, лидеры Белого движения выступали за установление такого правопорядка, где народ смог бы сам выбрать подходящую форму государственного строя². Еще одно доказательство того, что Белое движение не собиралось упразднить завоевания Февральской революции, было приведено в работе Никитина: «На белых территориях не только провозглашались демократические лозунги и принципы организации власти, но и предпринимались действия для их реализации»³.

В постсоветской историографии большое значение стало придаваться вопросу о социальных и политических основах антибольшевистского движения, его идеологии и программе. Так, например, историк В.Н. Дарченко, обращаясь к проблемам изучения Белого движения, отмечал, что в советской историографии «при освещении белого движения почти все внимание сосредотачивалось на направленных против него действиях. Оставлялись в стороне экономические, социальные и политические проблемы, порой в решающей мере предопределяющие ход, продолжительность и иные перипетии вооруженного противоборства...»⁴.

Другой особенностью изучения антибольшевистского движения в новой российской историографии стало внимание исследователей к региональному компоненту антибольшевистского движения. Так, известный исследователь В.Д. Зимина в своей монографии «Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг.» отмечает, что невозможно создать единую для всех регионов картину развития Белого движения, поэтому нужно подходить к исследованию данной проблемы более детально, учитывая региональные различия⁵. Региональная проблематика была учтена и в работах крупного исследователя белого движения В.Ж. Цветкова, где представлен сравнительный анализ

¹ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 77–79.

² Цветков В.Ж. Мечь и закон. Белое движение: политика и право // Родина. 2008. № 3. С. 16.

³ Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004. С. 13.

⁴ Дарченко В.Н. Революция и контрреволюция на юго-востоке страны 1917–1920 гг.: Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 1991. С. 24–25.

⁵ Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006. С. 9.

трансформации идеологии, законодательства и политических институтов Белого движения в различных регионах, были выявлены общие закономерности и региональная специфика¹.

Однако взгляды большинства отечественных исследователей сходятся в том, что главной целью антибольшевистского движения была, прежде всего, победа над большевиками, их разгром: «каких бы политических взглядов ни придерживались офицеры, стремление покончить с большевизмом было всеобщим»²; «объединяла их [политические режимы Белого движения] антибольшевистская направленность»³.

Что касается причин поражения антибольшевистского движения, то в работах российских историков в дополнение к таким причинам, как отсутствие единства, нерешенность аграрного и национального вопросов стали указываться: недостаточный экономический потенциал⁴, раскол антибольшевистского лагеря в связи с переворотом Колчака в ноябре 1918 г., в результате которого эсеры перестали поддерживать белых⁵.

Таким образом, в современной российской историографии стали применяться новые научные подходы в изучении антибольшевистского движения, была совершена попытка его переосмысления на основе вновь открытых документов. В последнее время ученые стараются выработать общий взгляд на данную проблему, чтобы в будущем избежать необъективности научных исследований.

¹ *Цветков В.Ж.* Эволюция программы реформ в политической деятельности правительства Врангеля в 1920 г. // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 64–82; *Цветков В.Ж.* Эволюция репрессивного законодательства белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 16–26.

² *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 77–79.

³ *Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006. С. 210.

⁴ *Иванов А.В.* Воля случая или историческая закономерность? Размышления о причинах поражения белого движения в Гражданской войне // Белая армия. Белое дело. 2003. № 12. С. 7.

⁵ Там же. С. 16–17.

ВЫСТАВКА «16 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ ЯРОСЛАВЛЬ»: ЛОКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Козлова Светлана Юрьевна
(Музей истории города Ярославля)*

В 2018 г. Музей истории города Ярославля совместно с Государственным архивом Ярославской области и Институтом развития образования, при содействии Ярославского отделения Российского исторического общества проводит выставку «16 дней, которые потрясли Ярославль», рассказывающую об одном из самых масштабных выступлений против советской власти в 1918 г.

Выставка нацелена на актуализацию проблемы сохранения исторической памяти о Гражданской войне в условиях постепенного стирания ее образов в массовом сознании и привлечение ярославцев к обсуждению и интерпретации событий локальной истории. Значительную часть использованных материалов представляют архивные документы (объявления, призывы, приказы, отчеты и т.д.), карты, портретные и видовые фотографии. Выставка имеет пять тематических блоков. Рассказывается предыстория восстания 6–21 июля 1918 г., вписанная в общий контекст начала Гражданской войны, воспроизводится основная канва событий, акцентируется проблема жизни простых ярославцев, протекавшей в условиях бытовой разрухи, подводятся итоги, и указывается на последствия июльских событий.

На выставке проводится мысль о том, что ярославское выступление офицеров Добровольческой армии проходило по заранее подготовленному плану. В этом плане город Ярославль был одним из опорных пунктов наступления на Москву, офицеры рассчитывали на поддержку населения города и помощь союзников, ожидали их высадки в Архангельске, расположенном на расстоянии почти тысячи километров от Ярославля. Важную роль сыграло и то, что процесс советизации в Ярославской губернии сопровождало углубление социально-экономического и политического кризиса. Преодолению разразившегося весной–летом 1918 г. конфликта между Ярославским горисполкомом и губисполкомом, возникшего на почве разграничения административных полномочий, вынужден был со-

действовать председатель Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Я.М. Свердлов¹.

Интерес представляет экспонируемое на выставке объявление об открытии записи добровольцев в Северную армию от 9 июля 1918 г., выпущенное от имени руководителя восстания полковника А.П. Перхурова². В объявлении были изложены требования к поступающим в армию: «желание послужить на пользу Родины и ее свободы» и «твердое решение и обязательство точно и добросовестно исполнять требования военной службы и военной дисциплины». Для лиц, принятых в армию, назначались оклады от 275 рублей для неподготовленного рядового бойца до 600 рублей для командира полка, предполагались также надбавки для «семейных» и вычеты «на общее довольствие»³. Несмотря на это, массовой поддержки или даже существенной заинтересованности со стороны ярославцев не наблюдалось. В тот же день «Приказом Командующего правым крылом советских войск» Закоторосльский район был объявлен на осадном положении, началась мобилизация гражданской милиции, с восьми часов вечера до восьми часов утра был введен комендантский час⁴.

Через несколько дней, оценивая ситуацию в Ярославле, М.В. Фрунзе в своем письме командующему Московским Военным Округом Н.И. Муралову отмечал: «Это становится уже опасным... По-видимому, тамошние силы с задачей справиться не могут. Главная причина – отсутствие надежного и оперативного руководства»⁵. Начиная со второго дня восстания, с 7 июля, Ярославль постоянно обстреливался из артиллерийских орудий, расстановка сил очень стремительно изменялась. Эти изменения, участвовавшие с обеих сторон силы, их дислокация в городе и пригородах, а также масштабы разрушения города отмечены на экспонируемом «Плане Ярославля в июле 1918 года»⁶. В докладе о деятельности Дружины и Команды Ярославского Вольно-Пожарного Общества можно прочесть: «Дни шли. Стрельба по городу не прекращалась. Снаряды летали и рвались повсюду, продолжали поливать свинцовым дождем из пулеметов, пожары продолжались. Дружинники, как могли, боролись с огнем. Воду для тушения пожаров уже пришлось брать из колодцев, погребов, помойных ям и даже клозетов. Все выбивались из сил, выполняя свой долг, люди как тени двигались по пожарищам, не обращая никакого внимания на грозившую опасность от снарядов и пуль»⁷.

¹ Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 57. Л. 17.

² Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 62. Л. 14.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 197. Л. 2.

⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 197. Л. 2.

⁷ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 509. Оп. 6. Д. 34. Л. 9.

Большое внимание на выставке уделяется воспоминаниям участников событий и очевидцев. Так, например, один из участников впоследствии вспоминал, что 17 июля «все главные организаторы восстания с Перхуровым во главе успели скрыться под видом организации помощи... в тылу». И далее он продолжал: «Время проходило, а мы не получали от них сведений и это обстоятельство действовало настолько угнетающе на белогвардейцев, что они массами стали убегать с позиции»¹. Среди шестнадцати отрывков, по числу дней восстания, имеются немногочисленные воспоминания жителей города. И. Костылев, работник мельницы Вахромеева, писал: «В эти дни в Ярославле жить было очень опасно, и не думаешь, что завтра будешь жив. Так и все 16 дней настроение было самое ужасное»².

На жизнь ярославцев оказывала значительное влияние бытовая разруха. 10 июля в «Приказе Квартальным Комитетам по городу Ярославлю № 1» заместитель Главноначальствующего по гражданской части А. Кизнер указал на необходимость защищать «жизнь и имущество мирного населения» города Ярославля³. На следующий день, 11 июля, Ярославская Городская Управа сообщила о повреждении водопровода: «Мстя за изгнание из города, большевики в жестоком безумии разрушения города не пощадили городского водопровода, в коем снарядами разбили котел. Для подачи воды в сеть водопровода Городским Самоуправлением приняты самые энергичные меры... Временно вода будет подаваться насосами в чаны у Некрасовского бульвара, против дома Огнянова, в фонтан на Казанском бульваре (в саду) и во Власьевском сквере – откуда население и может брать воду»⁴. В Ярославле был создан Комитет по оказанию помощи погорельцам, руководство которого указывало на «антигигиенические» условия пребывания людей во временных укрытиях, тяжелое продовольственное положение, необходимость организации медицинской и санитарной помощи⁵.

16 июльских дней 1918 г. потрясли привычный уклад жизни Ярославля, за это время в результате артобстрелов красноармейские отряды превратили в руины значительную его часть, без крыши над головой остались порядка 28 тыс. жителей⁶. Восстановление города проходило медленно, не хватало средств на выполнение работ по реконструкции зданий, поэтому в 1920-е гг. Ярославский губисполком был вынужден обратиться

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

² Там же. Д. 75. Л. 43.

³ Там же. Д. 62. Л. 6.

⁴ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 62. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 2, 2 об.

⁶ История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / отв. ред. А.М. Селиванов. Ярославль: ЯрГУ, 1999. С. 267.

во ВЦИК с ходатайством об ассигновании средств на ремонт части строений города Ярославля¹.

На выставке представлено заявление руководителя восстания А.П. Перхурова председателю ВЦИК М.И. Калинину, составленное после его ареста 20 мая 1921 г., в котором он отмечал: «Гражданская война... и восстание в Ярославле лишили меня возможности увлекаться какими-то ни было химерами и допускать возможность и целесообразность организации для активного выступления после развала таких сил, как армии Деникина, Врангеля, Колчака и т.д., такой взгляд неоднократно высказывался всем, когда газеты приносили сведения о восстаниях в Кронштадте и других местах»².

Таким образом, выставка содержит ряд интересных с точки зрения раскрытия локального контекста Гражданской войны документов, позволяющих достаточно детально воспроизвести хронологию событий.

¹ ГАЯО. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 205. Л. 12.

² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 44. Л. 132.

«СОЮЗ ИТАЛЬЯНСКИХ ЖЕНЩИН» В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1947–1956 гг.)

Козлова Светлана Юрьевна
(Музей истории города Ярославля)

«Союз итальянских женщин» («Unione Donne Italiane») возник в период Сопrotивления, структурно оформился после I Национального конгресса, прошедшего в октябре 1945 г. во Флоренции, и функционировал в годы холодной войны как прокоммунистическая организация со значительным социалистическим представительством. С 1982 г. Союз существует как непартийная организация, является одним из крупнейших феминистических объединений в Италии. Участие Союза в перипетиях холодной войны обеспечивали два фактора: связь с Итальянской коммунистической партией (ИКП) и членство в Международной демократической федерации женщин (МДФЖ).

Некоторые авторы справедливо относят Италию к числу стран, где сложился «внутренний фронт холодной войны»¹. Понятием «внутренний фронт», по сути, верно обозначается внутривнутриполитическая обстановка в Италии, крайняя политическая поляризация, при которой находившаяся у власти Христианско-демократическая партия (ХДП) проводила проамериканскую внешнюю политику, а ИКП, до 1957 г. придерживавшаяся «Пакта о единстве действий» с Итальянской социалистической партией (ИСП), ориентировалась на Советский Союз².

Принятие решений и приоритетные стратегии Союза были определены ИКП, что объясняет его активность в годы холодной войны³. Союз внес значительный вклад в развитие действий ИКП на «внутреннем фронте». Его деятельность была направлена на поддержание доверительного отношения к коммунизму в среде женского населения, смягчение антикоммунистической пропаганды, пропаганду коммунистических идей и обеспечение массовой поддержки коммунистических кампаний.

¹ Major P., Mitter R. East is East and West is West? Towards a Comparative Socio-Cultural History of the Cold War // Across the Blocs: Cold War Cultural and Social History. London, Frank Cass, 2004. P. 4.

² Marsili M. De Gasperi and Togliatti: political leadership and personality cults in post-war Italy // Modern Italy. 1998, 3 (2). P. 254.

³ Rothenberg N. The Catholic and the Communist Women's Press in Post-War Italy – An Analysis of Cronache and Noi Donne // Modern Italy. Vol. II. № 3. November 2006. P. 296.

Союз был активным участником Движения сторонников мира (ДСМ). К июлю 1949 г., после I Всемирного конгресса сторонников мира, в Италии был создан Итальянский национальный комитет сторонников мира¹, ключевые позиции в котором занимали коммунисты и социалисты². Периодом наибольшей активности Союза следует считать 1947–1957 гг., когда при его участии был проведен ряд крупных кампаний за мир. В 1947–1949 гг. Союз по инициативе ИКП провел акции по сбору подписей за разоружение и против вступления Италии в НАТО. До 1956 г. организация приняла участие в ряде крупных международных кампаний ДСМ, внесла вклад в сбор подписей под Стокгольмским воззванием «О запрете применения атомного оружия» (1950 г.), Берлинским призывом за заключение пакта мира между пятью великими державами (1951 г.), Венским обращением против подготовки атомной войны (1955 г.). До конца 1950-х гг. сбор подписей за мир был основной формой консолидации общественного мнения по вопросам защиты мира в Италии, что было связано с двумя ключевыми причинами. Во-первых, ИКП и ИСП выделили потенциал сбора подписей как способа проверки лояльности населения и численного увеличения электората. Во-вторых, сбор подписей был легитимной формой выражения общественного мнения.

В антивоенном движении мероприятия Союза были направлены против наращивания военных потенциалов стран и формирования военных блоков, запрет любых видов оружия массового уничтожения. В области разоружения Союз настаивал на сокращении военных статей бюджетов с учетом внутриэкономической конъюнктуры стран, в ситуации с Италией – с целью перераспределения бюджетных средств в пользу социальных программ, а также сокращении вооружений как неотъемлемой составляющей разрядки. При содействии Союза вопрос об экономической зависимости Италии от Запада был представлен в плоскости ограничения государственного суверенитета Италии, а выход из состояния зависимости связывался с установлением прочных экономических контактов с СССР.

Период 1947–1956 гг. был временем активного взаимодействия Союза с Антифашистским комитетом советских женщин (АКСЖ). Контакты между женскими организациями являлись одним из каналов межпартийной коммуникации в условиях холодной войны, на их связи оказывали влияние политическая ситуация в Италии и СССР и международная обстановка. АКСЖ действовал в рамках поставленной ВКП(б) (с 1952 г. – КПСС) задачи проведения широкой пропаганды за рубежом и показа преимуществ советской системы хозяйства на материалах о положении женщин в СССР³. Встречный импульс со стороны Союза обуславливался предписанием ИКП на установление прямого контакта с советской

¹ Гагарина З. Могучий фронт мира // Советская женщина. 1949. № 4.

² Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы / Н.И. Егорова; ИВИ РАН. М.: Аквилон, 2016. С. 65.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р7928. Оп. 4. Д. 10. Л. 6.

стороной в ходе визитов с целью смягчения антисоветской пропаганды и воздействия на итальянское правительство через общественное мнение и общественную активность¹.

Основной и наиболее эффективной формой взаимодействия организаций был обмен делегациями. В период 1947–1956 гг. в состав итальянских делегаций Союза, посещавших СССР, входили коммунистки, социалистки и независимые, как правило, близкие к ИКП (голосовавшие за нее на выборах, вышедшие из партии, связанные с коммунистами родством, состоявшие в подотчетных партии организациях и т.д.). За счет этого достигалось относительное политико-идеологическое согласие внутри женских коллективов и полное отсутствие критических замечаний, касавшихся советской действительности и внешней политики СССР. Поездки были направлены на «укрепление дружбы между женскими организациями и оживление работы Союза»².

Пропагандистский потенциал итальянок в сфере борьбы с американской пропагандой и популяризации СССР был невысок из-за отказа части из них выходить в широкие массы, обусловленного страхом последствий и мерами предосторожности в работе с общественным мнением. В связи с этим АКСЖ уделял большое внимание отправке готовых агитационных материалов (статей, заметок, фотографий) о миролюбивой внешней политике СССР для публикации в журнале Союза «Ной Донне», установлению личных контактов с делегатами в Москве и простыми итальянками во время пребывания советских делегаций в Италии. Архивные материалы свидетельствуют о том, что переписку Комитет рассматривал как способ получения информации об актуальной ситуации в Италии³. Организации активно взаимодействовали в МДФЖ, которая в своей деятельности опиралась на типичные в годы холодной войны схемы⁴.

1956 г. стал переломным в отношениях Союза и КСЖ. XX съезд КПСС и ввод войск ОВД в Венгрию привели к переосмыслению советских ориентиров. Со стороны итальянок стали звучать критические замечания, касавшиеся условий жизни и труда женщин в СССР и внешней политики страны социализма. Союз критически анализировал деятельность МДФЖ, как внешнеполитического инструмента СССР⁵, призывал Федерацию отойти от уловок международной политики холодной войны⁶.

В деятельности Союза на «внутреннем фронте» холодной войны можно выделить две тенденции. Во-первых, следование указаниям ИКП из-за твердой привязанности к левому, просоветскому флангу. Во-вторых, ранний по сравнению с официальной линией партии переход к критике СССР.

¹ *Messaggio di amicizia alle donne sovietiche // L'Unità, 1951. 8 novembre.*

² ГА РФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 4. Л. 190; Там же. Д. 12. Л. 27.

³ Там же. Д. 104. Л. 217–218.

⁴ *I documenti del Congresso della FDIF // L'Unità, 1963. 10 dicembre.*

⁵ *Rodano M. Memorie di una che c'era. Una storia dell'Udi. Milano: il Saggiatore, 2010. P. 112.*

⁶ *Pojmann W. Italian women and international Cold War politics, 1944–1968. N.-Y.: Fordham university press, 2013. P. 4–5.*

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ПЕРЕДАЧИ ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ АКТОВОЙ АРХЕОГРАФИИ

*Комочев Никита Алексеевич, к.и.н.
(Институт славяноведения РАН /
Историко-архивный институт РГГУ)*

Помимо распространенных дипломатических и научно-критических приемов передачи текста документов, в последнее время в дипломатике развивается практика изданий нового типа. По сравнению с Правилами (1990) они знаменуют новый этап развития археографии, подъем которого связан с технологическими достижениями 2000-х гг. Очевидно, что при современном уровне развития информационных технологий традиционное научно-критическое издание, почти не учитывающее специфику языка оригинала и его внешние особенности, становится недостаточным. С другой стороны, и просто факсимиле, снабженное заголовком и легендой, не вполне соответствует исследовательским задачам. Возможно, в будущем именно издания, представляющие собой дипломатическую публикацию с элементами факсимиле, станут основой археографии и обеспечат ее качественный взлет.

Согласно Правилам, научно-критическая передача текста предполагает сохранение стилистических и фонетических особенностей в сочетании с модернизацией орфографии и пунктуации оригинала. Дипломатические приемы более точны и позволяют отражать орфографию и сокращения подлинника при введении современной пунктуации¹. Лингвистические издания за счет использования специальных шрифтов сохраняют орфографию, систему сокращений, стилистику, фонетику, пунктуацию оригинала, представляя собой нечто среднее между факсимиле и дипломатическим изданием.

Такие публикации существуют давно и ориентированы в первую очередь на филологов и лингвистов. С развитием информационных технологий и при наличии многочисленных вариантов специальных шрифтов они получают новую жизнь.

Рассмотрим перспективы данного подхода на примере подготовленного А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым фундаментального издания ак-

¹ См. Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд. М., 1990. С. 41. № 78–79.

тов об отношениях Смоленска и Риги в Средние века¹. В нем применяется широкая палитра археографических приемов, сочетающих опыт классических изданий с современными техническими возможностями. Издание двуязычное – весь текст, включая научные статьи и справочный аппарат, написан на двух языках, латышском и русском.

Публикация источников представляет собой пример лингвистико-дипломатического издания, хотя сами составители называют его «дипломатическим» (С. 511.). В методологическом смысле авторы ориентировались на классическое издание С.М. Каштановым русско-ливонского договора 1535 г.², но очевидно также, что ими учитывался западноевропейский опыт актовой археографии и издания отечественных лингвистов. Издание А.С. Иванова и А.М. Кузнецова вполне можно отнести к самостоятельному направлению в современной актовой археографии.

Тексты источников воспроизведены специальным шрифтом с сохранением всех знаков препинания, строчных, прописных и выносных букв, букв с цифровым значением, без раскрытия титл и сокращений, без разбивки на статьи и параграфы. Расположение строк в документе соответствует строкам в источниках. Для восстановленных букв используется подчеркивание. Комментарии по тексту даны под строкой и пронумерованы латинскими цифрами. Арабскими цифрами пронумерованы комментарии по содержанию.

Несмотря на замечание авторов о том, что шрифт «сохраняет все основные черты и особенности графики рукописей» (С. 511), на самом деле, хотя он и напоминает графику рукописей, но стилизован и реальных наблюдений о палеографии сделать не позволяет. Благодаря шрифту удалось избежать многих примечаний, но по сравнению с дипломатической публикацией шрифт затрудняет чтение источников. При этом удачное сохранение символических инвокаций (в виде креста), инициалов и укрупненного шрифта, безусловно, является достижением рассматриваемого издания.

Заголовок к каждому публикуемому тексту дан курсивом, за ним приводится легенда (один из приемов западноевропейской археографии). Открывают легенду сведения о местонахождении рукописи, указания материала для письма, размеров, наличия печатей. Все это также набрано курсивом. Далее в легенде приводятся сведения о публикациях, по хроно-

¹ *Иванов А., Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты XIII – первой половины XIV в. Документы комплекса *Moscovitica – Ruthenica* об отношениях Смоленска и Риги (Исторические источники. VI). Рига, 2009. 765 с.

² *Каштанов С.М.* Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 167–297; То же // *Он же.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2004. С. 483–642. См.: *Королева С.Ю., Столярова Л.В.* Об археографических принципах С.М. Каштанова (размышления об издании подлинника русско-ливонского договора 1535 г.) // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. Мат-лы XXIV межд. науч. конф. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 35–40.

логии их выхода; отдельно говорится о литографических и фотографических воспроизведениях документа и печати; даются ссылки на упоминания в источниках и литературе. Завершают легенду указания на основные исследования публикуемого источника.

За текстом каждого источника следует «Описание рукописи», состоящее из следующих разделов: «хранение рукописи» – здесь дается описание папок и футляров, в которых хранятся грамоты и помет на них; «материал, размеры, сгибы и сохранность» с необходимыми измерениями (в сантиметрах); «архивные пометы и пометки»; «другие пометы»; «строки» – измерены длина строк, расстояния между ними, ширина полей; «почерк» – с характеристикой графики использованных в документе букв, инициалов, лигатур, знаков препинаний и др.

Перед нами образец структурированного и подробного описания внешних особенностей источника. Тщательность и скрупулезность описания вызывают уважение. Положительной чертой является использование в тексте описания схем и качественных черно-белых фотографий фрагментов текста, помет, отдельных букв, печатей. Они помогают избегать многословных описаний и вместе с тем достигают точного отражения палеографических особенностей грамот. Каждый фотофрагмент сопровождается подробной подписью с указанием шифра. Отсутствие фотографий грамот с печатями целиком, вероятно, связано с правовыми вопросами использования фотокопий документов, находящихся вне компетенций составителей. Издание снабжено библиографическим списком, именным и географическим указателями, списком иллюстраций, словоуказателем и резюме на немецком языке.

На наш взгляд, издание смоленско-рижских актов является примером и во многом образцом качественного современного издания. С точки зрения методики мы вполне можем говорить о складывании оригинальной археографической школы с узнаваемым исследовательским стилем, открывающей дорогу новым направлениям развивающейся электронной археографии.

Возможность выбора приемов передачи текста в зависимости от задач, интересов и возможностей издателя – преимущество современной археографии, а обоснованное и оправданное археографическое творчество – залог научных успехов в будущем. В конечном счете все способы передачи текста стремятся к одной общей цели – сделать издание источника максимально близким оригиналу и удобным исследователю. А задача археографов заключается в том, чтобы найти для этого оптимальное решение.

ЗАБЫТАЯ КНИГА «ДЛЯ НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ»

*Кононенко Олег Сергеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Одним из виднейших деятелей русской общественной мысли середины XIX в. был известный писатель, философ, общественный деятель князь В.Ф. Одоевский. Помимо всего прочего, он был известен еще и как популяризатор науки¹. Таковую известность он приобрел отчасти и благодаря своей работе над созданием так называемого «народного чтения». Оно, по замыслу Одоевского и его единомышленников, имело целью просвещение крестьян посредством литературы, подготовленной специальной для них. Таким образом, за «народным чтением» стояло стремление сделать науку более доступной для простого народа.

Реализуя свою идею о создании «народного чтения», Одоевский в 1843–1848 гг. был одним из соиздателей журнала «Сельское чтение» – сборника статей общеобразовательного и прикладного характера для крестьян.

Другим соиздателем «Сельского чтения» был А.П. Заблоцкий-Десятовский, с 30-х гг. XIX в. входивший в кружок либеральных чиновников вместе с кн. В.Ф. Одоевским, Н.А. Милутиным, Ю.Ф. Самариным и др. С ними же он и работал над проектом создания системы школ для обучения крестьян². По мысли Заблоцкого-Десятовского, бывшего в то время редактором Журнала Министерства государственных имуществ, журнал «Сельское чтение» должен был решить проблему недостатка книг для открывающихся созданных усилиями Управления государственного имущества сельских школ. Главным достоинством этого журнала, как отмечал литературный критик В.Г. Белинский, было то, что «все мысли в нем излагаются не поучениями, не сентенциями, но живым, увлекательным и наглядно убедительным образом, или в виде повестей, рассказов, или разговоров, имеющих драматический интерес»³. Особенно подчеркивал

¹ Владимир Федорович Одоевский // Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. М., 2016. С. 937.

² Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. М., 2018. С. 188.

³ *Белинский В.Г.* Сельское чтение, книжка вторая... // Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 7.: Статьи, рецензии и заметки. Декабрь 1843 – август 1845. М., 1981. 799 с. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3360.shtml.

Белинский преимущества последних: «Говорят крестьяне; следовательно, вопрос решается крестьянским умом»¹.

Этот журнал вызвал бурную реакцию московских славянофилов, в частности А.С. Хомякова и К.С. Аксакова, посчитавших вредным, неуважительным учить народ, глядя на него свысока. Так, Хомяков в 1845 г. писал, что издание «Сельского чтения» ему кажется «крайне оскорбительным явлением и выражением глубокого, ничем не заслуженного и во всяком случае непозволительного презрения к просвещаемому»², а Аксаков, обрушиваясь на саму идею народного чтения за то, что оно подразумевает выделение народа «в особенный отдел людей», для которого «не существует общего чтения, как для всех людей вообще, а изготовляется нарочно чтение народное»³, гораздо позже, в 1859 г. критиковал «Сельское чтение», потому что оно подходит к народу, «как уж к совершенно бессмысленному ребенку», и особенно Одоевского, «который чуть не говорил народу “душенька народ, миленький народенька”»⁴. Такие отзывы стали причиной ссоры Одоевского с московской партией славянофилов в 1859 г. и последовавшим за ней отчуждением Одоевского от славянофильства вообще⁵.

Однако, несмотря на неодобрение своих друзей, знакомых и единомышленников как во время, так и после издания «Сельского чтения», труды в области образования для крестьян были продолжены – Заблоцкий-Десятовский при участии В.Ф. Одоевского составил и издал совместно «Рассказы о Боге, человеке и природе» (1849)⁶ – книгу, менее известную среди прочих сборников, журналов и статей, созданных для народного чтения, но определенно заслуживающую серьезного внимания.

«Рассказы о Боге, человеке и природе» были изданы Заблоцким-Десятовским при участии Одоевского в 1849 г. За основу этой книги было взято сочинение виртембергского педагога Раймонда Вурста «Das erste Schulbuch»⁷. Сама книга была предназначена для детского чтения дома и

¹ Там же.

² А.С. Хомяков – Одоевскому. <9.VII.1845> // Одоевский В.Ф. Записки для моего праправнука. Повести. Статьи. Письма. Критика и воспоминания современников. Московские адреса. М., 2006. С. 681.

³ Аксаков К.С. Народное чтение. Книжка первая. СПб., 1859 // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981. С. 238.

⁴ Там же. С. 289.

⁵ Подробнее об этих причинах, поводе и содержании этой ссоры читай-те статью автора «К.С. Аксаков и В.Ф. Одоевский: эпизод 1859 г.» в сборнике SCHOLA–2017: Политическая текстология и история идей. М., 2017. С. 409–413.

⁶ Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. М., 2018. С. 188.

⁷ *Wurst Raimund Jakob*. Das erste Schulbuch für die unterste Klasse der Elementarschulen auf dem Lande und in kleinen Städten. Erste Abtheilung enthaltend: Das elterliche Haus. – Reutlingen Mäcken, 1834. («Первый учебник для младшего класса начальных школ в сельской местности и малых городах. Первый том: родительский дом» – первое сочинение из серии книг «Первый учебник» немецкого ученого и педагога Раймонда Вурста).

в школе. Издатели, говоря об «условиях употребления этой книжки», заявляли, что при издании книги намеревались «соединить в одной книжке основные понятия о существенных предметах в жизни всякого человека... в таком виде, чтобы чтение ее служило, с тем вместе, и средством развития мыслящей способности в детях»¹. Для достижения заявленной цели были использованы такие способы изложения, как рассказ, разговор, повесть, афоризм. Издатели отмечают, что для этой книги был использован, в основном, обыкновенный разговорный язык, кое-какие страницы были написаны языком простонародным, где-то были с намерением введены термины и обороты речи, но, в общем, они «стремились... к точности, ясности и простоте выражения; старались, в особенности, избегать напыщенности и ложной восторженности», «желали, чтобы дети полюбили родной язык в его простоте, – необходимой принадлежности всякой истины, и поняли бы, что слово, – великий дар Творца, не должно никогда служить орудием лжи, быть гробом повапленным»^{2,3}.

Позиция издателей по вопросам народного образования была выражена следующей фразой: «Не учите простолюдина ни физике, ни химии, ни другим наукам; но дайте ему средство понимать явления, совершающиеся вокруг него, хоть для того, чтобы он не тушил пожар от грозы молоком, не думал бы, что скотская чума ходит в виде женщины, не приписывал бы падеж скота в своем доме недоброму месту, не чуждался бы врачебных мер и опрятности, не верил бы знахаркам, и, исполняя какую-либо должность в сельском быту, лучше бы понимал, чего от него требует Начальство»⁴.

В книге представлены рассказы, в которых простым и доступным языком повествуется о Боге, совести, душе, природных явлениях, качествах человека, занятиях людей, болезнях, сторонах света и т.д. Но особенный интерес в «Рассказах о Боге, человеке и природе» представляет первая глава: «История общественной жизни, ее потребностей и обязанностей». Эта глава состоит из одиннадцати рассказов. В них была предпринята попытка объяснить, что такое общество, как оно появилось, какими законами они регулируются и как появились эти законы.

¹ *Заблоцкий-Десятовский А.П., Одоевский В.Ф.* Несколько слов об употреблении этой книжки // *Заблоцкий-Десятовский А.П., Одоевский В.Ф.* Рассказы о Боге, человеке и природе. СПб., 1849. С. I.

² Согласно «Словарю имен и крылатых выражений» Л.М. Грановской, выражение «гроб повапленный» имеет следующие значения: 1) что-либо пустое, ничтожное, бессильное, прикрываемое наружным лоском, обозначающее также маскировку, благообразную оболочку, под которой скрывается отрицательная сущность; 2) человек, под внешностью которого скрывается что-либо, вызывающее отвращение. Очевидно, здесь авторы используют выражение в первом значении.

³ *Заблоцкий-Десятовский А.П., Одоевский В.Ф.* Несколько слов об употреблении этой книжки // *Заблоцкий-Десятовский А.П., Одоевский В.Ф.* Рассказы о Боге, человеке и природе. СПб., 1849. С. III–IV.

⁴ Там же. С. VI.

В первом рассказе «Истории общественной жизни...» описаны события, в результате которых сформировалась простая община и появились первые законы. Начинается рассказ с того, что каждый из двух живущих в плодородной, но пустынной местности отцов семейства очертили территорию, которую будут занимать, договорившись не посягать на территорию другого и совместно защищать собственность каждого. Покой двух новоиспеченных хозяев нарушает незнакомец, который приходит со своими работниками в сад Якова и решает, игнорируя его, распорядиться там. Яков же позвал Иосифа, и они вместе дали отпор незнакомцам и объяснили принципы устройства их союза. Незнакомец «был человек рассудительный», согласился с тем, что был неправ, «и просил только, чтобы они приняли его в свое общество», «ибо он понял, что людям необходима взаимная помощь»¹. После того как в общество приняли первого незнакомца, стали приходиться другие незнакомцы, также желавшие стать частью растущей общины. Для общего блага и безопасности в общине были установлены «три правила, или закона: 1) Никто не должен делать того, что может оскорбить другого, или нарушить его права собственности. 2) Никто не должен мешать другому распоряжаться его собственностью. 3) Никто не может вступить в их общество, если не обяжется исполнять эти законы»².

В следующих рассказах представлено, как это общество развивалось, реагируя вызовы, связанные с совместным проживанием людей: как после пожара и грабежей установились законы помогать всем в любой неприятности; как для организации помощи была учреждена должность Головы, на которую был выбран Яков, который получил полномочия давать «распоряжения для пользы общей»³, в обмен на обязанность «указывать всем, что должно делать», и «заботиться обо всем, что касается общей пользы»⁴; как Голова назначил караул и установил первые сборы: на пожарные инструменты и ружья для сторожей; как появились новые правила и законы, «натуральная повинность» (обязанность участвовать в общественных работах), полевые караулы и сельская полиция; как развилась политическая организация общества, появилось сельское правление, а также как появилась школа. В рассказах описывается, как, сначала выполняя работы по очереди, отдельные жители стали получать жалование за свою работу, будь то охрана порядка в селении или пожарное дело, т. е. становились профессиональными работниками.

Но заканчивается история этого общества одиннадцатым рассказом, в котором описывается следующее положение дел в обществе: Головой Яковым были недовольны, так же, как и назначенным сельским правлением школьным учителем, выборные (советники Головы) обвинялись во

¹ *Заблоцкий-Десятовский А.П., Одоевский В.Ф.* Рассказы о Боге, человеке и природе. СПб., 1849. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 10–11.

⁴ Там же. С. 11.

взяточничестве, жители роптали на принятые законы и уставы, выросла преступность, нарушители закона оставались безнаказанными – в общем, беда случилась с общиной. Такой беды не было в соседней земле, там, по заявлениям «умных, бывалых людей»¹ «порядок, и правда, и благодать», потому что «над нею есть Царь, власть которого от Бога!».

Услышав это, люди «подумали, посудили и порешили тем, что просить Царя взять их под свой закон», а Царь, в свою очередь, милостиво принял их покорство, и «по селу все пошло как по маслу», и от исполнения царских указов «такое добро пошло, которого никто и не гадал; потому что Царь далеко видит, и судит, – и не по родству и дружбе, а по истинной правде и по произволению Божию»². Заканчивается же эта глава «Песнью Русскому Царю».

Таким образом, «Рассказы о Боге, человеке и природе» А.П. Заблоцкого-Десятовского, изданные при участии В.Ф. Одоевского, являются трудом, в котором предпринята попытка не только дать крестьянским детям основы научных практически применимых знаний на доступном им разговорном языке, но и создать у детей хотя бы минимальные представления об истоках современного им общественного устройства, происхождения государства и его институтов, а также обосновать монархическую форму правления, особую роль и «миссию» царя в российской политической системе. Такой подход к передаче крестьянам, и особенно крестьянским детям, элементарных сведений об обществе и истории его возникновения и становления интересен как в педагогическом, так и в социально-политическом плане, и делает «Рассказы о Боге, человеке и природе» выдающимся произведением среди созданных для народного чтения.

¹ *Заблоцкий-Десятовский А.П., Одоевский В.Ф.* Рассказы о Боге, человеке и природе. С. 27.

² Там же. С. 28.

«ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ» РУССКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО СОЦИАЛИЗМА

*Кононова Ольга Алексеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Начало 1898 г. в Москве было ознаменовано целым рядом громких фабрично-заводских инцидентов. Представители правоохранительной системы на местах, вынужденные реагировать на тревожные сигналы, поступающие с фабрик, часто замечали, что причина недовольства рабочих в большинстве случаев действительно кроется в ущемлении их прав и различного рода притеснениях.

Обер-полицеймейстер Д.Ф. Трепов, исследуя причины конфликта и претензии рабочих на фабрике Монозона, заключает, что «хотя жалобы эти с формальной стороны и представлялись незаконными, по существу своему они едва ли не заслуживают внимания...». Речь шла о том, что тяжелые условия труда (напрямую зависящие от правил внутреннего распорядка, которые, в свою очередь, могут утверждаться лишь при общем согласии договаривающихся сторон) должны быть приведены к состоянию «удовлетворительных», «в интересах будущего спокойствия»¹.

Волна недовольства среди рабочих поднялась не одновременно в 1898 г. Количество стачек в России увеличивалось год от года². Мысли о потенциальной угрозе государственному укладу со стороны нарождающегося класса пролетариев посещали царских чиновников. Но страх побуждал делать вид, что ничего не происходит, и Россию «западные проблемы» не коснутся. Получался замкнутый круг – любое проявление заинтересованности жизнью рабочих грозило быть отождествленным с

¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 18. Д. 25 (1), 1898 г. Л. 27.

² Работа над первым статистическим анализом информации о стачках, основанная на данных фабричной инспекции, была начата лишь в 1900 г., по инициативе старшего ревизора Варзара В.Е. в рамках Министерства финансов. См.: Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 гг. СПб., 1905. Он не может считаться всеобъемлющим, т.к. учитывал лишь данные по крупным фабрично-заводским предприятиям, подпадавшим под надзор фабричной инспекции. Наиболее полным источником статистических сведений, касающихся массового рабочего движения в России, на сегодняшний момент является сборник «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг. Хроника». М., СПб., 1993. Статистические данные по рабочим кон. 19 – нач. 20 вв. также см.: *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб., 2014.

циализмом, а это значило конец любым начинаниям в этом направлении. Надежда на «вмешательство властной руки правительства» в рабочий вопрос долгое время оставалась лишь надеждой, т.к. зачем и каким образом вмешиваться в то, чего нет.

В 1884 г. вступил в силу первый закон, призванный внести какое-то подобие порядка в фабрично-заводскую жизнь – закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». Учрежденный специально для надзора за соблюдением данного закона, новый орган – фабричная инспекция – находился в ведении Министерства финансов. Политика протекционизма, проводимая министерством, породила своего рода «молчаливое соглашение» между промышленниками и финансовым ведомством. Дореволюционный исследователь рабочего движения, профессор И.И. Янжул характеризует его так: «Мы вам даем деньги, а вы нас за то не очень тесните относительно рабочих!»¹ В такой ситуации деятельность фабричной инспекции не могла быть открытой, независимой.

Полиция, кроме исполнения карательной функции, занималась, по сути, тем, чем должна была заниматься инспекция: изучала (в процессе дознаний) тонкости фабричных взаимоотношений, условия жизни рабочих, причины их недовольства. При возникновении конфликтной ситуации, представители полицейских структур общались и с рабочими, и с администрацией, являясь своего рода «третейскими судьями». Полиция была полноценным участником фабричной жизни.

Также отношения между рабочим и нанимателем регулировались Уставом о промышленности 1893 г., Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.), Уставом уголовного судопроизводства². Но сложная и неповоротливая машина монархического управления предполагала широкое (если не сказать основное) применение административного ресурса.

Записка на имя генерал-губернатора Москвы, вел. кн. Сергея Александровича, ставшая фактически программным документом т.н. «полицейского социализма», не была чем-то уникальным в своем роде. В марте того же года помощник шефа жандармов генерал-лейтенант А.И. Пантелеев по итогам поездки по Владимирской, Ярославской и Костромской губерниям составляет докладную записку, в которой не ограничивается перечислением фактов, а предлагает программу действий для предупреждения массовых волнений на заводах и фабриках.

Пантелеев предлагает решать проблему, действуя в двух направлениях. Во-первых, принципиально улучшить условия труда и быта, рабо-

¹ Янжул И.И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 12.

² Также в 1880–1890-х были приняты: Закон «О воспреещении ночной работы подросткам и женщинам на прядильных и ткацких фабриках» (1885 г.); Закон «О работе малолетних, подростков и женщин» (1890 г.); Закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской и горной промышленности» (1897 г.).

тать над повышением культурного уровня рабочего. Во-вторых, жестко подавлять любые беспорядки и волнения¹. Этот документ представляет собой яркий пример т.н. попечительной тактики. И хронологически он является первым, формулирующим принцип «полицейского социализма» – опекать и надзирать. Записка Пантелеева не имела далеко идущих последствий. Она вызвала резко негативную реакцию со стороны Министерства финансов.

Кроме Пантелеева и Зубатова, об особой опеке над рабочими также говорили граф П.П. Шувалов (в 1899 г.), несколькими годами позже (в 1901 г.) обширнейший документ подготовил министр внутренних дел Д.С. Сипягин, в этом же году высказал в Записке свои соображения по данному вопросу шеф жандармов князь П.Д. Святополк-Мирский².

Зубатов познакомился с таким явлением, как рабочие кружки, еще в самом начале своей карьеры. В 1887 г. в Москве действовала организация, объединяющая мастеровых целого ряда фабрик и заводов – всего более 50 человек. Сфера ее влияния выходила за пределы Москвы и распространялась на Орехово-Зуево, Павлово и др.

В апреле 1898 г. Зубатов подготовил «громадный доклад» по рабочему вопросу. «Д.Ф. (Д.Ф. Тренов. – О. К.) целую неделю возился с ним...», «не только перечитывал, но и переживал», – вспоминает сам Зубатов в письме к В.Л. Бурцеву. Через неделю Тренов «выкроил... ту записку и дал ее отшлифовать» автору³.

¹ РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 36. Л. 87.

² Одесский градоначальник попытался объяснить «механизм» воздействия революционной агитации на рабочих. Он указывает на осведомленность революционеров относительно «духовных и материальных нужд» рабочего, из чего следует необходимость отнять «почву у агитатора», а не только «изъять» его самого физически.

В 1899 г. Госсовет поставил перед министром внутренних дел вопрос о соответствии полицейского надзора на фабриках сложившейся ситуации. Сипягин исследует особенность поставки полицейского надзора за рабочими и выявляет массу, с его т.з., недостатков. Он заключает, что нельзя бросать рабочих на произвол «слепой экономической игры» и «дать им в полной мере почувствовать твердую, но вполне беспристрастную и справедливую опеку» (Цит. по: *Озеров И.Х.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 138.).

В 1901 же г. расследование петербургских стачек было возложено на помощника шефа жандармов кн. Святополк-Мирского. Главную причину, как и все, он видит в агитации, и, как и все, признает наличие объективных причин, способствующих успехам революционеров: «...я не могу не отметить, что в самой жизни рабочих есть немало условий, облегчающих пропагандистам их разрушительную деятельность». Говоря о «просветительских учреждениях», он отмечает очень важную вещь: «Из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом порицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней» (Цит. по: *Балабанов М.С.* Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 3. М., 1926. С. 491).

³ *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 71.

Оценка пролетариата как «массовой силы, с которой придется серьезно считаться»¹, т.е. политическая оценка социальной группы на уровне представителя государственной власти, дается именно в записке Зубатова. Используя логику западных либералов, он полагает, что это произойдет только в том случае, если социал-демократам удастся «присоединить» рабочих к политическому движению. Отличие состояло лишь в том, что западная либеральная мысль а priori признавала политическое значение нового класса, и речь шла лишь о том, чтобы, используя тактику различных допущений и послаблений, не дать ему радикализироваться под влиянием ультралевых партий.

Зубатов совершает (скорее всего, умышленную) ошибку, ставя Российскую империю в один ряд с Германией и «другими государствами». Он формулирует этот тезис во втором абзаце Записки, и, очевидно, без него рушилась бы вся конструкция проекта «полицейского социализма», привлекающего для своего обоснования западные наработки. Называя проблемы русских рабочих «мелкими нуждами», он, также, осознанно принижает их значимость и, что самое важное, политический характер. Начитанный Зубатов не мог не понимать принципиальную правовую разницу в положении российского и европейского рабочего.

Главное зло, по мнению автора, – революционная агитация, приводящая к стачкам и забастовкам и вызывающая «цепную реакцию». Активный протест оказывался и залогом успеха рабочих в отстаивании своих интересов: «...рабочее движение, вызванное первоначально революционерами, в дальнейшем своем поступательном ходе направляется уже по инерции, на почве подражания, и рабочие, никогда не слыхавшие о пропаганде и только по слухам знакомые с фактической стороны и благоприятными результатами какой либо стачки, начинают забастовывать, причем надежды их на счастливый исход дела нередко находят себе оправдания»². В чем же кроется причина успеха? По мнению Зубатова, вовсе не в каких-то объективных причинах совершенствования сознания рабочей массы, а в «отсутствии предусмотрительности со стороны надлежащих чинов и ведомств»³, т.е. в недостаточном надзоре. Но здесь же он «проговаривается», называя опыт стачечного движения «политическим воспитанием рабочих», т.е. именно тем, что более всего пугало абсолютную монархию.

Что же может противопоставить власть? Прежде всего, «усовершенствование деятельности соответственных органов». Речь идет о подведомственных органах Министерства внутренних дел. Именно на них должна быть возложена, помимо репрессивной, функция «удовлетворения нуждающегося». Зубатов часто апеллирует к понятию «законности» («введение принципа законности», «подстрекатель является принципиальным врагом законности», «указать рабочему законный исход» и т.д.).

¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 18. Д. 25 (2), 1898 г. Л. 76.

² Там же. Л. 76 (об.).

³ Там же.

Что он под этим подразумевает? Расколоть идеологически толпу, пообещав «законный исход» – т.е. решение сверху.

Сергей Васильевич полагает, что взаимоотношения нанимателя и рабочего не предмет свободного рынка, но дело исключительно «строго полицейского надзора»¹. Предлагаемая тактика – разделять и властвовать – обусловлена гипотетической способностью властных органов решать проблемы рабочих, но в обмен на лояльность: «Расколота таким образом толпа потеряет свою силу»². По мнению Зубатова, целевая аудитория агитатора «наиболее юная и энергичная часть толпы», «средний рабочий» должен сделать выбор в пользу наименьшего сопротивления. В данном случае автор Записки несколько удивляет своей, как будто бы, неосведомленностью. Ведь «средний рабочий» в России совсем не тот, что «средний» тип в Европе³.

Записка готовилась в то время, когда между двумя ведомствами, Министерством внутренних дел и Министерством финансов, разворачивался конфликт в сфере разграничения полномочий по рабочему вопросу (1885–1905 гг.). Краеугольным камнем выступала фабричная инспекция. МВД выражало крайнее несогласие с фактом ее подчинения финансовому ведомству. О том, сколь остро стояла проблема межведомственных противоречий, свидетельствует тот факт, что критике действия Министерства финансов Зубатов посвящает далеко не один абзац. Констатируя неспособность фабричной инспекции соответствовать своим обязанностям по поддержанию порядка на фабриках, он видит решение проблемы в активном привлечении к использованию резервов и средств полиции, приводя многочисленные примеры «инцидентов» на московских предприятиях, грозивших вылиться «в форму внешнего беспорядка», которые были предотвращены благодаря соответствующим органам.

Сергей Васильевич был хорошо знаком с западной литературой по рабочему вопросу. Например, мы можем обнаружить удивительное сходство в формулировках немецкого профессора А. Вагнера и Зубатова. Как то: «...социалистические агитаторы в неудовлетворительности и тяжелой несправедливости современного положения находят наиболее веские орудия борьбы против существующего хозяйственного и общественного строя и против капитала», – слова, принадлежащие Вагнеру⁴. «Если мелкие нужды и требования рабочих эксплуатируются революционерами для таких глубоко антиправительственных целей, не следует ли прави-

¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 18. Д. 25 (2), 1898 г. Л. 78 (об.).

² Там же. Л. 77 (об.).

³ По данным переписи Москвы, проведенной в 1882 г., 19% населения города проживало артелями – это и есть рабочие. Для сравнения, в Берлине, сопоставимом тогда по величине с Москвой городе, такого типа проживания не было вообще. Там рабочие заносились в перепись в качестве «глав семейств», т.к. жили на съемных квартирах со своими семьями. Российский рабочий, в большинстве случаев, не мог себе позволить содержать в городе семью из иждивенцев.

⁴ Вагнер А. Социальный вопрос. СПб., 1906. С. 15.

тельству как можно скорее вырвать это благодарное для революционеров оружие из их рук», – пишет Зубатов в записке¹.

В основе «полицейского социализма» лежали попытки решить утилитарные задачи, которые капиталистическая реальность ставила перед царскими чиновниками. В 1906 г., через год после трагических событий Кровавого воскресенья, журнал «Вестник Европы» небезосновательно отмечал: «9 января 1905 г. – день для России исторический. Мало равных ему по значению дней было в прошлом; немного будет, наверное, и в будущем. ...В этот день реально обнаружилось, что идея самодержавия порабощена полицейско-бюрократическим режимом, что она в нем растворилась и исчезла»².

¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 13. Д. 25 (2), 1898 г. Л. 77.

² Из общественной хроники // Вестник Европы. 1906. Т. 1. Кн. 2. С. 849.

ДВУХПАРТИЙНОСТЬ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (МАРТ – ИЮНЬ 1918 г.)

*Концевой Илья Анатольевич
(Государственный архив Российской Федерации)*

Изучение участия социалистических партий в процессе становления советского государства является актуальным, поскольку многие аспекты данной проблематики не были детально исследованы. Одним из таких вопросов является взаимодействие между большевиками и левыми эсерами на региональном уровне. В первую очередь наибольший интерес представляют областные объединения Советов, возникшие весной 1918 г. и представлявшие собой важные государственные учреждения, способные руководить политикой многих губерний. В рамках этих учреждений в полной мере проявилось взаимодействие двух советских партий – большевиков и левых эсеров. Данные политические силы являлись главенствующими в советском государстве с конца 1917 г., и их представители входили в состав высших органов власти Советской России. Совместная политическая деятельность двух партий и разделение между ними властных полномочий являются главными характерными чертами феномена, который можно назвать советской двухпартийностью.

На местном уровне двухпартийность проявилась в органах власти и управления областных объединений Советов. Первым из таких объединений в декабре 1917 г. была сформирована Московская область в составе 12 губерний Центрального промышленного и Центрального Черноземного районов России¹. Вопрос о создании областных органов власти был поднят большевиками в ходе работы III Московского областного съезда Советов, который проходил марте 1918 г. в Москве. М.Н. Покровский и А.П. Розенгольц высказались за формирование Московского областного совнаркома, который должен был объединить все отрасли управления областью². Левые эсеры поддержали этот проект и были включены в состав Московского правительства. На съезде был избран состав Москов-

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. 1917–1922. М., 1983. С. 358.

² Протокол заседания III Московского областного съезда Советов. 10 марта 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 50. Л. 7.

ского областного Совнаркома (МОСНК). В него вошли 12 большевиков и 4 левых эсера¹.

Создание областного правительства вызвало дискуссию в большевистской партии. Если московские большевики, многие из которых принадлежали к левым коммунистам, одобрили появление МОСНК, то В.И. Ленин раскритиковал эту идею, назвав создание областного Совнаркома «нелепостью»². Неуступчивость Ленина в данном вопросе сразу породила трения между МОСНК и центральным правительством, которое приняло постановление об избрании комиссии для разрешения споров между СНК и МОСНК³.

Представители двух советских партий в Московском Совнаркоме взаимодействовали конструктивно, поскольку в коллегии МОСНК между ними не происходило никаких конфликтов. Так, левые эсеры В.И. Трутовский и В.Ф. Зитта активно включились в работу правительства и представляли проекты постановлений по управлению отдельными комиссариатами. Возражений большевиков данные проекты не вызывали⁴.

Однако в ряде комиссариатов взаимодействие партий отличалось наличием конфликтов. Так, в комиссариате юстиции, который возглавлял левый эсер А.А. Шрейдер, постоянно происходили трения между главой комиссариата и большевиками. В марте 1918 г. большевики раскритиковали идею включения левых эсеров в коллегии комиссариатов, но были вынуждены подчиниться партийной дисциплине и остались на своих постах⁵. В дальнейшем между Шрейдером и его подчиненными конфликты продолжились. Так, заместитель комиссара большевик Н.А. Чегодаев раскритиковал Шрейдера за то, что тот отменил заседание коллегии в свое отсутствие⁶.

Тем не менее для практики взаимодействия партий в МОСНК конфликтный характер не был характерен ввиду лояльного отношения московских большевиков к левым эсерам. Именно это отношение дало В.И. Ленину повод для решения вопроса о роспуске областного правительства. Кроме того, СНК констатировал, что МОСНК часто издавал постановления, которые шли вразрез с политикой центрального правительства⁷.

¹ Известия Советов Москвы и Московской области. 1918. 20 марта.

² Ленин и московские большевики. М., 1977. С. 289.

³ Протокол заседания СНК РСФСР от 25 марта 1918 г. // ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 291.

⁴ Известия Советов Москвы и Московской области. 1918. 16 апреля.

⁵ Протокол заседания коллегии комиссариата юстиции Московской области от 27 марта 1918 г. // ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 9. Д. 25. Л. 2.

⁶ Протокол заседания коллегии комиссариата юстиции Московской области от 4 мая 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 5060. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.

⁷ *Алещенко Н.М.* Московский совет в 1917–1941 гг. М., 1976. С. 86.

Для осуществления роспуска МОСНК Ленину удалось заручиться поддержкой Покровского и Ногина, которые 14 мая 1918 г. поставили вопрос о существовании правительства на голосование на заседании МОСНК. В результате точка зрения «ленинцев» победила с перевесом в один голос. «Против» ликвидации МОСНК проголосовали левые эсеры и часть большевиков¹.

Объединение ПЛСР(и) и левых коммунистов представляло опасность для проведения политики Совнаркома, поэтому вопрос о ликвидации областного правительства оказался на повестке дня. Ленину удалось добиться от большевиков сглаженных действий по вопросу о судьбе МОСНК. Лидер партии большевиков нанес левым коммунистам ощутимый удар, раскритиковав их взгляды на VIII Московской окружной и IV Московской областной конференциях РКП(б) в мае 1918 г. В своей речи на областной партийной конференции РКП(б) В.И. Ленин назвал их представителей «недоношенными левыми эсерами»².

Критика Ленина оказала влияние на московских большевиков, которые на заседании пленума Московского совета 20 мая 1918 г. единогласно проголосовали за ликвидацию МОСНК, однако фракция РКП(б) постановила, что роспуск правительства должен произойти согласно решению областного съезда Советов³.

Жесткая позиция Ленина по отношению к областному правительству повлияла на практику взаимоотношений ПЛСР(и) и РКП(б). В коллегии комиссариата юстиции произошел очередной конфликт. Чегодаев поставил вопрос о поведении комиссара Шрейдера при голосовании о судьбе МОСНК, на котором Шрейдер высказался против ликвидации областного Совнаркома, а Чегодаев поддержал решение фракции большевиков⁴. Действия левого эсера не содержали в себе нарушений, поскольку он был связан партийным постановлением ЦК ПЛСР(и) и должен был выразить точку зрения лидеров партии левых эсеров⁵.

Конфликтный характер взаимодействия большевиков и членов ПЛСР(и) по вопросу о деятельности МОСНК, на наш взгляд, приобрел значительный масштаб вследствие неуступчивости «ленинцев», не допустивших отход от генеральной линии центрального комитета РКП(б).

Ликвидация МОСНК полностью завершилась на III Московском областном съезде Советов. 26 июня 1918 г. состоялось голосование по данному вопросу, перед которым московские левые эсеры обрушились с

¹ Протокол заседания Совета народных комиссаров Москвы и Московской области от 14 мая 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 68. Л. 54.

² *Варламов К.И., Сламихин Н.А.* Разоблачение Лениным теории и тактики «левых коммунистов» (ноябрь 1917 – 1918 г.) М., 1964. С. 370.

³ Протокол заседания исполнительного комитета Московской области от 20 мая 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 19. Л. 7.

⁴ Протокол заседания коллегии комиссариата юстиции Московской области от 11 мая 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 5060. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 9 об.

критикой на большевиков. Представитель фракции ПЛСР(и) Д.А. Черепанов обвинил большевиков в «посягательстве на Московскую областную власть»¹. Тем не менее лидеру большевиков удалось добиться сплоченности фракции РКП(б), и решение о роспуске МОСНК было принято².

Победа сторонников централизации советской власти во главе с В.И. Лениным показала, что лидеры РКП(б) не собираются идти на уступки своим партнерам по коалиции. Возможная альтернатива государственной линии В.И. Ленина, которая заключалась в союзе левых эсеров и левых коммунистов, оказалась нереализованной. В условиях начавшейся конфронтации между РКП(б) и ПЛСР(и) по вопросам внешней и внутренней политики лидеры ЦК партии большевиков не могли позволить левым эсерам оказывать влияние на принятие решений в областных органах власти.

¹ Протокол заседания IV Московского областного съезда Советов от 26 июня 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 55. Л. 24.

² Там же. Л. 25.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ: НА ПРИМЕРЕ ВТОРОГО ЗИМНЕГО ПОХОДА АРМИИ УНР (ОКТАБРЬ – НОЯБРЬ 1921 г.)

*Косован Елена Анатольевна, к.и.н.
(Российский государственный гуманитарный университет)*

В 1915 г. русский философ В.В. Розанов писал: «И увидел я вдали смертное ложе. И что умирают победители, как побежденные, а побежденные, как победители»¹. Это было точное предсказание Гражданской войны, в 1918 г. охватившей почти все постимперское российское пространство.

Несмотря на то что Гражданская война исследуется в течение почти ста лет, в ее истории еще много белых пятен. В особенности это относится к такой специфической проблеме, как противостояние советизации в возникших на руинах Российской империи молодых государствах на финальном этапе гражданского противостояния (декабрь 1920 г. – октябрь 1922 г.).

Одним из наиболее ярких, но слабо исследованных исторических сюжетов, относящихся к этой проблеме, является Второй зимний поход (Другий зимовий похід)² или «листопадовый рейд»³ армии Украинской Народной Республики (УНР). На первый взгляд, его история проста и легко восстанавливается по документам, отложившимся в фондах Государственного архива РФ (ГА РФ). Они показывают, что советизация Украины и вытеснение за ее пределы представителей властных институтов УНР означала не конец борьбы за власть в стране, а ее переход в новое качество. В ряде европейских стран, включая граничащие с УССР, образовались общины эмигрантов, которые воспринимали себя как «интегральную часть всего украинского народа», оккупированного большевиками, и считали своей исторической миссией освобождение украинцев⁴.

¹ *Розанов В.В.* Опавшие листья. (Короб второй и последний). М., 2015. С. 259–260.

² Первый зимний поход армии УНР состоялся зимой 1919–1920 гг. В отличие от Второго похода, целью первого было помочь правительству УНР, уже находившемуся в Польше, но еще сохранявшему контроль над частью Украины, не утратить его окончательно.

³ От укр. «листопад» – ноябрь.

⁴ *Петлюра С.В.* Сучасна українська еміграція та її завдання // Симон Петлюра

Так, русско-украинская военно-политическая эмиграция, группировавшаяся вокруг С.В. Петлюры, попыталась взять реванш при помощи румынского и польского генерального штабов, а также военных министерств обеих стран. Совместно они разработали план «Всеукраинского восстания», согласно которому в мае 1921 г. должно было произойти синхронное выступление антисоветских сил внутри Украины (особая ставка делалась на крестьянство) и вторжение извне трех группировок, сформированных из интернированных на территории Польши и Румынии бойцов армии УНР¹.

Однако реализовать этот план не удалось. Руководство Советской Украины оказалось осведомлено о готовящемся рейде и разгромило большую часть подпольных организаций на территории республики, лишив эмиграцию важного союзника. С другой стороны, ни Польша и Румыния, ни стоявшие за ними Франция и Великобритания не были готовы к открытому столкновению со «страной советов» и вели себя очень осторожно, избегая ситуаций, которые могли бы втянуть их в конфликт.

Вторжение состоялось, но быстро захлебнулось. Повстанцы понесли тяжелые потери. Это стало жестоким ударом для украинской эмиграции, на какое-то время отказавшейся от силовых методов борьбы с большевиками.

Такова канва событий в первом приближении.

Второй зимний поход отмечает начало противостояния советской власти и украинской политической эмиграции, которое растянулось ровно на 70 лет и закончилось поражением СССР, хотя советская сторона не раз наносила своему противнику болезненные удары. Так, в поражении рейдовцев 1921 г. была в определенном смысле заложена победа антисоветских сил в 1991 г.

Дело в том, что история Второго зимнего похода вошла в историческую память украинской эмиграции и стала опорным элементом ее героического нарратива. Роковой треугольник сел Малые Миньки – Базар – Звиздаль, где сложили головы тысячи рейдовцев, вошел в эмигрантский мемориальный канон как своего рода Голгофа, символ непримиримой борьбы и жертвы за свой народ. Более того, культ «листопадового рейда» и рейдовцев положил начало формированию в эмигрантской среде мощнейшей идеологии «народа-страстотерпца».

Эта идеология, очевидно, родственна эмигрантско-белогвардейской мифологеме с ее возвышенным, патетическим нарративом, религиозными аллюзиями, тоской о стране, «которую мы потеряли», и праведным гневом на незаконную власть «большевиcтии». В этом смысле Второй зимний поход стоит гораздо выше других элементов украинского эми-

ра. Статті і документи. URL: <http://www.ukrcenter.com/Література/Симон-Петлюра/20193-1/Сучасна-українська-еміграція-та-ї-завдання> (дата обращения: 08.02.2018).

¹ Справка о петлюровских подпольных организациях на Украине, 1921 г. // ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. Л. 3–11.

грантского мемориального канона, возникших в 1950–1960-е гг. и зачастую сомнительных в историко-политическом и нравственном отношении (как, например, «борьба» Организации украинских националистов с германским и советским тоталитаризмом). Его можно считать ярким и чистым проявлением феномена «памяти побежденных», которая «имеет более действенный потенциал, чем память победителей... Победу можно «проиграть», а поражение «выиграть». «Поражение... укрепляет национальную сплоченность. Действительно, о поражениях вспоминают с большим пафосом и богатым церемониалом именно тогда, когда национальная идентичность базируется на жертвенности. В таком случае воспоминание о пережитых страданиях и преступлениях сохраняется для того, чтобы активизировать чувство общности перед лицом внешнего давления, легитимировать собственные притязания и мобилизовать сопротивление... В таком виде поражения возвышают нацию, веками укрепляя ее волю к независимости...»¹.

Это объясняет, почему в позднесоветский и постсоветский период, когда эмиграция начала настойчиво встраиваться в общественную жизнь СССР, предлагаемые ею культурные фреймы и коммеморативные паттерны заинтересовали украинское общество и прижились в нем. В условиях идеологического кризиса, кризиса памяти и идентичности, когда само существование социума оказывается под угрозой, на вооружение берутся ментальные установки, обладающие высоким мобилизационным и интегрирующим потенциалом.

Именно поэтому на волне гласности, в конце 1980-х гг. в украинском обществе произошла актуализация событий 1917–1922 гг., началась их переоценка, о чем свидетельствовало появление понятия «Украинская национальная революция». Произошла героизация антисоветских сил, особенно участвовавших в борьбе с большевиками на ее финальном этапе. Появились поисковые группы, которые нашли места захоронения участников «листопадового рейда». Затем были проведены эксгумации, созданы мемориалы. Рейдовцам, «погибшим за свободу Украины», были посвящены параграфы в школьных учебниках истории, научные и научно-популярные работы, где их пример рассматривался в качестве образца любви к родине. Наконец, в открытом в 2009 г. Музее Украинской революции 1917–1921 гг. появилась экспозиция, посвященная Второму зимнему походу.

Таким образом, имела место трансформация культурной памяти украинцев, своего рода мировоззренческая революция, сутью которой стало усвоение идеологии травмы (по терминологии Бернхарда Гизена)². Вероятно, эту же трансформацию можно считать одной из глубинных причин последнего российско-украинского конфликта, в основе которого лежит мировоззренческий антагонизм идеологии травмы и идеологии триумфа.

¹ *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 40.

² *Giesen B.* Triumph and Trauma. London, 2004.

ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Кравцев Евгений Владимирович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В XVI в. во Франции стал развиваться особый жанр поэзии, близкий к национальному и городскому фольклору, который освещал актуальные и злободневные темы того времени. Особое значение приобрели песни, исполнявшиеся песенниками-профессионалами – шансонье, для которых отображение различных общественных явлений в сатирической форме постепенно вошло в традицию¹. Со временем данное направление невольно сблизилось с народом, завоевав любовь почти каждого французского обывателя. И именно эта связь сыграла огромную роль в эпоху Великой французской революции, т.к. песни превратились в эффективное орудие политической пропаганды и борьбы с ненавистным абсолютистским режимом.

Конечно, музыка, как инструмент сильного эмоционального воздействия на человеческое настроение, применялась и до времен конца XVIII в. Например, распространенным явлением было музыкальное сопровождение на полях сражений, которое помогало укрепить боевой дух воинов. Однако важно выделять именно песни периода Французской революции, поскольку впервые музыкальное искусство было использовано как механизм воспитания целой нации. В руках революционеров музыка обрела мобилизующий и идеологический характер, убирая на второй план эстетическую функцию. Простые и энергичные ритмы, совмещенные с маршевой поступью, обрели гражданственно-демократический характер. Песни, возвеличивающие свободу и критикующие деспотизм Старого порядка, создавались в огромных количествах и соответствовали душевному состоянию граждан, окончательно поверивших в необходимость свершения революции. Народ вывел музыку из залов и театров на открытые площади². Каждое событие Французской революции сопровождалось песнями, которые, сменяя друг друга, оказали влияние на судьбу Франции, обеспечив трансформацию политического строя.

¹ Токарев С.А., Козлов В.И., Ганицкая О.А. Народы зарубежной Европы. Т. 2. М., 1964. С. 398.

² Каранькова Ю.Н. История зарубежной музыки до начала XIX: учебно-метод. пособие для студентов музыкально-пед. спец. Витебск, 2006. С. 73.

Какие же песни следует отметить, говоря о Великой Французской революции? Безусловно, самым известным музыкальным творением этой эпохи является «Марсельеза», которая до сих пор остается официальным гимном Французской республики. История создания этой песни связана с новостью о возможном нападении Пруссии и Австрии на погрязшую во внутренних проблемах Францию, что побудило инженер-капитана страсбургского дивизиона Руже де Лилия написать «Военный марш Рейнской армии»¹, полностью соответствующего своим содержанием революционному пафосу. В Париж же эту песню принесли батальоны марсельских добровольцев, отсюда и вытекает название «Марсельеза»². Ее звучание величественно и оригинально. «Начало похоже на марш боевой атаки, затем мотив разрастается и, наконец, грандиозный во всей своей простоте, раздается, как гром орудий, а в унисон с этими нотами трепещет вся душа родины республики, точно развернутое на ветру трехцветное знамя, облетевшее вместе со своим гимном весь цивилизованный мир»³.

Не менее известной революционной песней является «Карманьола», основу которой составляет мелодия хороводного танца южной Франции. Вероятнее всего, это произведение получило свое название от города Карманьолы в Пьемонте, откуда его вывезли французские рабочие. Песня представляет собой соединение веселого, живого мотива с текстом в виде обвинения короля в измене родине, а также призывов к борьбе против врагов Великой революции, которые заканчиваются словами «пропляшем Карманьолу»⁴.

В данном контексте нельзя не упомянуть про еще одно музыкальное творение «Са-ира»⁵, которое считалось гимном революции до появления «Марсельезы». «Са-ира» появилась во время подготовки народа к празднованию годовщины взятия Бастилии. Интересным образом в песне сочетаются жизнерадостная мелодия с оправданием революционного насилия, с подробным описанием тех унижений, которые ждут аристократов, например повешение на фонарных столбах⁶. Все больше убеждаясь в том, что музыка обладает действующей социальной силой, французские революционеры предлагали посылать в каждый полк шансонье, которые с помощью своих песен могли вдохнуть в людей энтузиазм, побуждающий их действовать на благо революции.

Песни заставляли массы быть вовлеченными в революционные процессы. Действуя во всех направлениях, пробуждая мужество и энергию одних, и при этом устрашая других, значение музыкальной составляющей

¹ Изначальное название «Марсельезы».

² Каранькова Ю.Н. Указ. соч. С. 73.

³ Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. М., 1998. С. 458.

⁴ Толстой С.Л. Сборник старинных французских песен: Для голоса с ф.-п. М., 1935. С. 44.

⁵ В переводе с фр. «Дело пойдет на лад».

⁶ XX век. Музыка войны и мира: материалы международной научной конференции. Москва, 2015. С. 236.

щей во времена Великой Французской революции было признано всеми. Недаром же Наполеон говорил, что «Марсельеза была самым великим генералом Республики, и чудеса, сотворенные ею, неслыханны»¹.

Вышеупомянутые песни составляют целую эпоху, как в истории французской музыки, так и в мировой истории в целом. Период 1789–1799 гг. продемонстрировал, как общая идея, изложенная в произведениях народного творчества, способна вести за собой большую часть населения страны, подтолкнуть людей к действиям, причем в большинстве случаев крайне жестоким. Французский опыт идеологического и мобилизационного влияния музыки на человека в дальнейшем применяли и другие страны. Например, в Третьем рейхе песни служили важным орудием приобщения немцев к господствующим социально-политическим взглядам фюрера, а также усиливали ненависть к народам неарийского происхождения. А в некоторых случаях и вовсе применялся путь частичного копирования французских революционных песен. Текст Интернационала, международного гимна рабочего движения, изначально подгоняли под мотив «Марсельезы». В наши дни вопрос об использовании музыки, как средства пропаганды, также актуален. И самое яркое тому подтверждение – идеологическое оправдание боевиками-исламистами агрессии против вероотступников и западного мира, которое в основном достигается с помощью нашивов (мусульманское песнопение) радикального толка.

Таким образом, со времен Великой Французской революции люди стали понимать, что если связать музыку с общественно-политической тематикой, действительно волнующей широкие слои населения, то можно осуществить кардинальные преобразования в социальной жизни. Обладая всесторонним воздействующим потенциалом, музыкальные произведения как были, так и остаются одним из наиболее эффективных инструментов формирования общественного настроения.

¹ Овсянников А.А. Великая Французская революция в песнях современников. Петроград, 1920. С. 13.

УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СЕМЬИ А.М. КОЛЛОНТАЙ

*Красильникова Анастасия Вячеславовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Коллонтай видела в буржуазном браке инструмент угнетения женщин и осознавала необходимость изменения института семьи при социалистическом строе. Еще в 1913 г. она провела фундаментальное исследование страхования материнства в России и других странах, где анализируя медицинскую и производственную статистику, обобщила опыт фабричных работниц. Результаты исследования были опубликованы под названием: «Общество и материнство»¹.

Одной из самых популярных работ Коллонтай является написанная в 1918 г. работа «Семья и коммунистическое государство»², в которой она манифестировала идею переноса ответственности за мать и ребенка на государство. Это вполне можно назвать утопией, описывающей идеальное общество.

Как и другие теоретики марксизма, Коллонтай видела главной функцией женщины труд. Однако она подчеркивала, что без обеспечения государством должных условий это может превратиться в очередное закабаление³. Приводя в качестве примера опыт Англии, Франции, дореволюционной России, Коллонтай доказывала, что трудовая повинность в условиях капиталистической системы несовместима с материнством и ведением домашнего хозяйства⁴. Впрочем, Коллонтай писала об отмирании традиционной семьи еще при капитализме. С ее точки зрения, семью в традиционном понимании характеризуют следующие аспекты: хозяйство, обеспечивающее семью необходимым, экономическая зависимость жены от мужа-работника и необходимость заботы о детях. Однако при капитализме семья не производит какие-либо материальные ценности⁵, женщина, как и мужчина, вынуждена работать, чтобы прокормить семью, а это, в свою очередь, частично перекладывает груз заботы о детях с плеч матери на плечи наемных работников, либо же на улицу, в случае с пролетарскими семьями. Все эти факторы говорят о том, что семья как струк-

¹ Коллонтай А.М. Общество и материнство. М., 1921–1922.

² Она же. Семья и коммунистическое государство. Тверь, 1919.

³ Она же. Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922. С. 150.

⁴ Там же. С. 134–135.

⁵ Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. С. 13–14.

тура требовала пересмотра и реформирования¹. Из оставшихся функций Коллонтай называла все то же: воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. Это требует значительных затрат труда от женщин, однако никак не оплачивается, отмечала Коллонтай.

В ее идеальном обществе эти функции переложены на плечи нового коммунистического государства, а семьи в старом понимании больше нет. Теоретики, исследовавшие вопрос до нее, приходили к выводу, что совмещение рабочей и материнской функции либо невозможно, либо слишком пагубно для здоровья женщины. Коллонтай же полагала, что если переложить вторую функцию на плечи государства, то выиграют все стороны: женщина получит независимость, а государство новых членов общества и квалифицированную рабочую силу².

Домашний труд, по Коллонтай, следовало заменить «общественным обслуживанием», освободив женщину от четырех видов работ: уборка дома, приготовление еды, стирка и починка белья³. Коллонтай не считала зазорным или «буржуазным» обсуждение таких приземленных вопросов, акцентируя таким образом внимание на том, какой объем работ, выполняемый работницами, остается без оплаты. При этом Коллонтай была уверена, что «все эти четыре стороны домашнего хозяйства, которыми еще держится семья, не являются нужными и полезными для государства [...] они не создают никаких новых ценностей, ничего полезного с точки зрения народного хозяйства»⁴.

В вопросе воспитания детей вся материальная часть так же ложилась на государство. Коллонтай считала, что дети должны бесплатно получать учебники, одежду и образование под присмотром опытных педагогов⁵. Важно, что Коллонтай не предлагала отнимать детей у родителей, а хотела лишь максимально упростить их жизнь: государство возьмет на себя лишь «материальную обузу воспитания детей», радость же отцовства и материнства оставит тем, кто способен понимать и чувствовать эти радости⁶.

Тем не менее Коллонтай была уверена, что «сознательная» работница не будет разделять своих детей и чужих: «На место узкой любви только к своему ребенку должна вырасти любовь матерей ко всем детям великой трудовой семьи»⁷. Соответственно, это влечет за собой изменение статуса отношений женщины и мужчины, вместо традиционной семьи – «товарищеский и сердечный союз двух свободных [...] членов коммунистиче-

¹ Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. С. 9.

² Она же. Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 149.

³ Она же. С. 14.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 21–23.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 27.

ского общества»¹, идея которого была заложена еще в концепции «новой женщины».

Поскольку семейная сфера в проекте Коллонтай контролируется государством, женщина может не бояться остаться без поддержки. Ее положение теперь зависит не от мужа, а от собственных трудовых сил.

Утопичность проекта Коллонтай заключается в том, что она рассматривала лишь социально-экономические аспекты семьи. Как и другие социалисты, предсказывавшие скорое отмирание этого института, она игнорировала духовно-эмоциональную ее составляющую.

¹ *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 25.

ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ В ПОЛИТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ: ИДЕЙНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКА (1917–1923 гг.)

*Круглов Владимир Николаевич, к.и.н.
(Институт российской истории РАН)*

Приход к власти большевиков осенью 1917 г. дал старт процессу коренного переустройства всей системы общественно-политических отношений и государственной структуры. Одним из важнейших его компонентов явилась территориальная реорганизация страны на новых началах, необходимость которой постулировалась задолго до революции в работах ведущих теоретиков коммунистической партии. Получив возможность претворять свои идеи в жизнь, большевики практически сразу развернули широкомасштабную работу в этом направлении. Начальный период их нахождения у власти (1917–1923 гг.) представляет собой первый и, пожалуй, наиболее интересный этап, когда под влиянием внутри- и внешнеполитической повестки дня происходил активный поиск эффективных решений в исследуемой сфере. Многочисленные сюжеты данной проблематики можно разделить на следующие главные сюжеты: 1). федерализм; 2). «красные губернии»; 3). «национальный вопрос»; 4). экономическое районирование.

Прежде всего, большевики должны были ответить на главный вопрос – каким будет новое общество с точки зрения организации территории и взаимоотношений центра и периферии. Изначально они стояли на материалистических позициях и отвергали любые формы устройства, основанные на иных началах: «Мы в принципе против федерации, – она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства»¹, «пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни федерализации»². Однако им пришлось сначала скорректировать риторику, а затем и вовсе перейти на противоположные позиции. Причиной тому стали стремительный подъем и усиление национальных движений внутри России, а также ожидание всемирной социалистической революции. Ленин заговорил о допустимости «в исключительных случаях» создания федерации «в интересах пролетариата»³, а в январе 1918 г. феде-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 48. С. 235.

² Там же. Т. 24. С. 144.

³ Там же. Т. 7. С. 233.

рация как основа Российской советской республики была провозглашена официально. Отказ от унитаризма по сути являлся тактическим ходом, фасад федерации скрывал твердую «вертикаль власти». Однако сама форма – как дань «ленинской традиции» и важный символ в идеологическом противостоянии с капиталистическим лагерем, призванный «отделить советскую федерацию от буржуазного союзного государства»¹, – оказалась живучей. Впоследствии федерацией стал и Советский Союз. Спустя десятилетия, впрочем, выяснилось, что противоречие между формой и содержанием может оказаться фатальным – именно под лозунгом «наполнения советской федерации реальным содержанием»² развернулись процессы демонтажа СССР.

Вторым важным сюжетом стало внесение изменений в сетку территориального управления страной. Оно приняло форму создания новых административных единиц – губерний. Таковые создавались еще при Российской империи с управленческими целями: для поддержания внутреннего порядка, сбора налогов, контроля над населением. По сути, те же задачи преследовали и новации большевиков – хотя до революции Ленин резко критиковал имперское устройство как «средневековое, крепостническое, казенно-бюрократическое», стоящее на пути развития экономики страны³. Слишком крупные «царские» губернии размельчались, новые же организовывались вокруг городов и населенных пунктов, обладавших набором характеристик. Прежде всего, предполагалось наличие сильных и влиятельных парторганизаций или советов с тем, чтобы новые губернские центры выступали форпостами новой власти, центрами влияния и распространения «пролетарской идеи». Кроме того, это должны были быть крупные промышленные поселения – «повседневные скопления» пролетариев и «руководящие примеры» для своей округи (Иваново-Вознесенск, Брянск, Царицын, Екатеринбург и др.⁴). В этой связи характерно идеологически «заряженное» обобщающее название для новообразований – «красные губернии».

Третий – и, пожалуй, главный – сюжет затрагивал болезненную национальную проблематику. Здесь большевики должны были найти компромисс с влиятельными этнополитическими движениями. Один из первых актов новой власти – «Декларация прав народов России» – прямо провозглашал «равенство и суверенность» и «право... на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»⁵. Этнический характер был придан и Российской Федера-

¹ Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР. М., 1960. С. 49–50.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 19–20 сент. 1989 г. М., 1989. С. 226.

³ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 24. С. 147.

⁴ Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в XVIII–XX вв. // Логос. 2005. № 1. С. 70–71.

⁵ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 40.

ции, которая становилась объединением русского народа и автономий нацменьшинств. Последние наиболее активно создавались именно в рассматриваемый период¹. В то же время большевики стремились нивелировать влияние своих «попутчиков»-этноактивистов. Официально автономные образования создавались «снизу», однако процесс шел под строгим контролем центра, который санкционировал их образование, определял территориальную конфигурацию, полномочия местных властей². А при «развертывании партийного и советского строительства» на местах происходила «зачистка» от тех, кто отказывался подчиниться большевикам.

Все это время в партийной элите шли активные дискуссии о сущности и даже собственно необходимости федерации, основанной на этническом принципе. Значительная часть видных деятелей РКП(б) относилась к национальным движениям и к отказу от чистого интернационализма «как к неизбежному злу», призывала вернуться к прежней «общенациональной политике»³. Окончательное разрешение эти споры нашли в ходе обсуждения сталинского «плана автономизации». Он был жестко раскритикован Лениным, который резко высказался против ограничения самостоятельности национально-территориальных образований и, более того, потребовал «сугубой осторожности, предупредительности и уступчивости... к национальным меньшинствам»⁴.

Альтернативой национально-государственному устройству должно было выступить экономическое районирование – в рассматриваемой сфере, пожалуй, единственная полноценная концепция, объединившая идеологические мотивы и научную аргументацию. Разрабатывалась она в 1920–1921 гг. и предполагала разделение территории страны на сеть экономических районов, которые одновременно должны были стать единицами административно-территориального деления, т.е. объединить хозяйственную и управленческую функции. Районы создавались с таким расчетом, чтобы образовать цельный хозяйственный комплекс «при учете хозяйственных условий, климатических, бытовых условий, условий получения топлива, местной промышленности и т.д.»⁵.

Принципиальное решение проблемы территориальной организации, положившее конец дискуссиям и давшее идеологическое обоснование проводимой политике, следует усматривать в решениях двух партийных форумов 1923 г.: XII съезда (апрель) и IV совещания ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь). По сути,

¹ См.: *Тархов С.А.* Указ. соч. С. 71, 74–75.

² *Гросул В.Я.* Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2007. С. 60.

³ Подробнее см.: Восьмой съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1919. С. 48–71.

⁴ В.И. Ленин о национальном вопросе и национальной политике. М., 1989. С. 530–532.

⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 115.

рассматривались два варианта развития нового государства: по территориально-хозяйственному или национально-государственному принципу. Предложенное специалистами районирование фактически отрицало всю проведенную к тому времени работу по строительству автономий, предлагая вместо него систему деэтнизированных экономических макрорегионов. В тогдашней политической ситуации этот проект не имел шансов на воплощение и нашел реализацию в скорректированном виде лишь в конце 1920-х гг. Приоритетным же стал лозунг необходимости ликвидации хозяйственного и культурного неравенства между народами: «Только тогда... Советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью... междунациональной, родной для ранее угнетенных национальностей»¹. Он явился основой партийно-государственного курса в виде политики «коренизации» и «территориализации», отдававшей приоритет становлению и развитию этнических автономий и союзных республик.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на то, что проблема устройства управления территорией огромной страны в работах лидеров большевиков затрагивалась, сколько-нибудь ясной картины желаемого устройства на момент прихода к власти не имелось. Поэтому новая власть должна была примериваться к зачастую резко менявшейся ситуации и действовать «диалектически», сочетая два подхода – декларативный, рассчитанный на благоприятный внешний эффект и привлечение новых сторонников, и практический, направленный на купирование реального эффекта деклараций, выстраивание жесткой вертикали управления «центр – регионы». При этом в рядах большевиков отнюдь не было единства по многим вопросам территориального переустройства, дискуссии шли как в рядах элиты, так и между центром и «национал-коммунистами» в новых республиках. В конечном итоге был сделан демонстративный выбор в пользу национально-государственного принципа территориального устройства как РСФСР, так и образованного на его основе СССР. Последствия этого решения сказались спустя десятилетия, став одной из главных причин распада СССР.

¹ Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968. С. 482.

ИНТЕРЕСЫ ЭТНОСА И ЛОГИКА ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ МОСКВЫ В 1918–1930-е гг.)

Крякин Евгений Николаевич
(*Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана*)

История развития национальной политики – важная тема для любого многонационального государства. Особенно актуально ее изучение в кризисные исторические моменты, к которым, конечно, относится Гражданская война в России. Революционные события 1917 г. оживили жизнь диаспор и общин страны, предоставили этническим группам широкие возможности, что отражало интересы и ожидания этнических групп. В годы Гражданской войны и НЭПа диаспоры имели свои представительства, которые были представлены различного рода общественными объединениями. С окончанием внутренних конфликтов, по мере укрепления государства, в национальной политике был сделан уклон в сторону общегосударственных интересов. У представителей многих диаспор этот поворот вызвал разочарование.

Авторы, специализирующиеся по данной теме, отмечают «некорректность мер» советской власти в отношении наций¹. Такой подход представляется вполне объективным, однако меньше внимания в литературе уделено анализу логики государственных органов, установивших путь на создание наднационального государства. Эволюция национальной политики советской власти показывает, что создание наднациональной гражданской идентичности может предложить пути преодоления внутриполитических конфликтов, что, безусловно, актуально для современного мира.

В 1917 г. в Москве заметно активизировалась жизнь всех национальных общин, в том числе и еврейской, что обусловлено рядом факторов: разрушением «черты оседлости» в 1914 г., миграцией евреев в центральные регионы страны², законодательством Временного правительства,

¹ *Басин Я.* Советизация через идишизацию, или Как пролетарская диктатура пришла на «еврейскую улицу» // Репрессивная политика Советской власти в Белоруссии. URL: mb.s5x.org/homoliber.org/ru/rp/rp030109.html

² *Гагрилова И.Н.* Русские – основное население Москвы // Москва многонациональная: истоки, эволюция, проблемы современности. Институт российской истории РАН. М. С. 14.

предлагавшим широкие права для участия в общественной жизни¹, национальной программой большевиков. Революционные изменения были приняты еврейской общиной позитивно. Общество Ремесленного Труда (ОРТ) обращалось к своей аудитории со следующими лозунгами: «Заря новой жизни воссияла над нашей Родиной: великий русский народ великим порывом сбросил оковы тяготившего нас веками бесправия!»²; «Товарищи евреи, старая Россия, не дававшая ремесленному труду развиваться, чинила нам во всем препятствия. Теперь и этот труд свободен, как свободная Россия. И наша молодежь должна идти в него!»³.

В 1918 г. в еврейской диаспоре Москвы был представлен широкий спектр взглядов: от консервативных и умеренно-демократических, до радикальных социалистических. Требовалась консолидация усилий и создание общей не политизированной структуры. На 1 октября 1918 г. были назначены выборы в руководство московской еврейской общины, которая должна была стать демократическим органом управления еврейской жизнью. В выборах участвовало семь политических фракций, каждая имела свою программу и видение дальнейшего устройства жизни еврейской общины.

Бюллетень для голосования выглядел следующим образом: список № 1 включал в себя представителей консервативной еврейской партии, среди членов которой были видные лица еврейской дореволюционной общины. Список № 2 представляла Социалистическая рабочая еврейская партия. Под № 3 в выборах участвовала Еврейская демократическая партия, пропагандировавшая идеи национальной еврейской автономии. Список № 4 представляла религиозная Сионистская партия, приветствовавшая построение общины на религиозных началах. Список № 5 представлял партию «Бунд». Список № 7 – Коммунистическая партия «По-а-лей-Цион». (Данные о списке № 6 в архивах отсутствуют)⁴.

Выборы в общину прошли 1 октября 1918 г., был составлен Совет общины в главе с раввином Мазе. В Москве появилась автономная общественная организация, управляющая еврейской жизнью столицы. Это было логичным ответом на национальную программу большевиков. В условиях Гражданской войны, с одной стороны, и необходимости соблюдать принципы национальной политики – с другой, государственная власть официально не препятствовала развитию национальной жизни. В этот период государство предпринимало попытки не столько подавления общественной жизни в национальной среде, сколько попытки повышения лояльности к власти в этой среде. Для работы с еврейским населением была организована Евсекция под руководством РКП(б).

¹ Зотова З.М. 100 лет российской многопартийности. М., 2006. С. 33.

² Воззвание к еврейской молодежи России Общества Ремесленного Труда (ОРТ). ЦИАМ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Материалы по подготовке к выборам в еврейскую общину Москвы. 1918 г. ЦИАМ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

Доминирование консервативных сил в Совете общины усложнило взаимоотношения между различными еврейскими организациями. В ноябре 1918 г. ЦК Еврейской Коммунистической Партии Поалей-Цион выступил со следующим обращением к ЦК РКП(б): «ЦК считает своим долгом донести до большинства: на территории советской России недопустимо существование буржуазного оазиса, коим является реакционная еврейская община»¹. 14 ноября 1918 г. комиссар Еврейского рабочего клуба им. Б. Борохова, действовавшего при Московском комитете ЕКП ПЦ, Абрам Бецалел пришел в помещение общины и «реквизировал для нужд вышеупомянутой организации технические принадлежности»². Случай получил огласку. Еврейская газета «Эмес» (Правда) в статье «Диктатура или хулиганство» обвинила комиссара клуба им. Борохова в конфискации пишущих машин, столов, стульев, скамеек, ящиков: «Испуганным представителям общины он заявил, что это означает “активное проведение диктатуры пролетариата на еврейской улице”». Появились слухи о том, что комиссар закрыл общину»³.

Для разъяснения редакция обратилась к официальной власти, но официальные органы от проблемы отмежевались: «Комиссар по еврейским нац. делам тов. Диманштейн ответил, что ЦК Евсекции не закрывало общину и что т. Бецалел не имеет никакого отношения к Евсекции. Еврейский комиссариат позаботится о том, чтобы вернуть все реквизиты»⁴.

В городе набирала обороты деятельность небольшевистских сионистских организаций: 7 января 1919 г. Поалей-Цион провела конференцию, собравшую «еврейский пролетариат» из Литвы, Украины и Польши⁵. Активная жизнь общины не прекратилась и с окончанием Гражданской войны. В 1923 г. руководители Московской еврейской общины перешли в Московский комитет общества по оказанию помощи еврейскому населению (МЕВОПО). В условиях НЭПа власть продолжала соблюдать заявленные ранее принципы. Эта тенденция прекратилась с окончанием НЭПа. В 1928 г. была упразднена ЕКП Поалей-Цион. Для упразднения ЕКП был избран силовой метод: «В ночь на 26 июня 1928 г. агентами ОГПУ были разгромлены Центральные комитеты и прочие учреждения нашей партии. В отсутствие членов ЦК были выломаны замки, все партийные материалы, знамена, печати и архивы были изъяты, а помещения опечатаны. На следующий день было объявлено отдельным членам

¹ Московский комитет Еврейской Коммунистической партии «Поалей-Цион». г. Москва. Обращение к ЦК Российской Коммунистической партии. ЦИАМ. Ф. 3417. Оп 1. Д. 1. Л. 7.

² Протоколы Центрального Бюро Еврейской секции ВКП(б). Отдел по делам нацмен ВКП(б). ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 603. Л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 22

⁵ Там же.

ЦК, что ЕКРП ПЦ закрыто»¹. С началом 1930-х гг. была упразднена и Евсекция ВКП(б). Все руководство национальной политикой перешло в ведение непосредственно ВКП(б). Поле общественной деятельности сузилось. В то же время еврейские молельные дома в Москве продолжали существовать вплоть до конца 1920-х гг.

Государственная логика в данном случае была обусловлена рядом факторов. Многие этнические группы продолжали воспринимать взаимодействия с властью в русле «права наций на самоопределение». Реальный федерализм в данном случае мог заблокировать развитие государственной власти в сторону недемократизма, однако власть решала задачу сохранения государственного единства, что представлялось наиболее важным.

К концу 1920-х гг. обострились проблемы «великорусского шовинизма и местного национализма». Национальные противоречия были заметны и в Москве: русское население воспринимало представителей других национальностей как чужих, а представители народов СССР с недоверием относились к русским. На этом фоне необходимо было увеличивать влияние власти в области национальной политики.

Сами общественные организации воспринимались властью как дань революционному демократизму, неуместному при решении масштабных задач, которые встали перед страной в начале 1930-х гг. Экономическая и социальная программы ВКП(б) были масштабнее тех, что ставили перед собой этнические общества.

На этом фоне, не желая допускать обострения социальных противоречий, в 1930-е гг. был сделан шаг в сторону создания наднационального государства через советскую гражданскую идентичность. Государство пренебрегало интересами отдельных этносов ради общегосударственных интересов, выгодных всем нациям СССР.

¹ Обращение руководителей Центрального Комитета Еврейской Коммунистической Партии Поалей-Цион в ЦК ВКП(б) от 14 июля 1928 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 8. Л. 185–187.

PR В АРХИВАХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

*Кудратуллаев Нодирбек Нурмухамметович
(Казахский национальный университет имени Аль-Фараби,
Республика Казахстан)*

Наряду с историческим прошлым, культурой и территорией, язык всегда является главнейшим объединяющим началом любой нации, любого государства. Обсуждение модернизации языковой системы проводилось в рамках реализации программы «Рухани жаңғыру». Переход казахского языка на латиницу – это не только требование времени, связанное с современными процессами развития технологии, науки и образования, но становление этнополитики независимого Казахстана.

Переход на латиницу должен создать условия для модернизации казахского языка. И в современном информационном и технологическом пространстве латиница – это глобальный и прагматичный инструмент. Инструмент, который никого друг от друга не отделяет, а наоборот – это инструмент коммуникации, хорошо известный казахстанцам. И именно этим переходом на латиницу архивы РК могут применить свою роль в этой программе, а так же заинтересовать (рекламировать) архивы.

Важно то, что латиница позволяет не потерять, а оптимально адаптировать международную научно-техническую лексику в национальный словарь. Отмеченную в программе «Туған жер» организацию краеведческой работы мы связали с программой «Рухани жаңғыру» и выявили ряд документов по фондам Центрального государственного архива города Алматы, исполненных на латинской графике.

Что нужно для этого?

Нужно создать и открыть отделы в архивах, которые в современном мире называются «PR отдел».

Не так давно, когда на рынке труда Казахстана только появилась новая профессия PR-менеджер, обязанности его сводились в основном к написанию разного рода рекламных текстов. Но рыночная экономика и свободная конкуренция диктуют бизнесу свои условия, и сегодня в штате любой уважающей себя крупной компании имеется PR-менеджер, обязанности которого зависят от политики компании и структуры PR-отдела в целом. В небольших компаниях функции PR-отдела зачастую берет на себя отдел маркетинга, порой представленный единственным сотрудником, являющимся одновременно и маркетологом, и менеджером по продажам, и PR-менеджером. Обязанности такого сотрудника довольно ши-

роки, в результате чего непосредственно пиару уделяется ничтожно мало времени.

Но в крупных корпорациях, идущих в ногу с рынком, обычно все-таки функционирует специализированная служба по связям с общественностью, включающая одного или нескольких PR-менеджеров, обязанности которых зафиксированы в должностных инструкциях. Возглавляет названную службу PR-директор или старший PR-менеджер. Обязанности его сводятся в основном к координации и контролю деятельности службы.

Пиарщик отвечает за любые связи предприятия с общественностью, а именно – за медиа-коммуникации и формирование положительного имиджа предприятия в глазах целевой аудитории. С учетом этого, важнейший навык грамотного пиарщика – умение коммуницировать с людьми.

Дипломатичность и повышенная эмоциональная устойчивость также не повредят в работе PR-менеджера.

Обязанности его обычно включают:

- организацию работы в области коммуникаций: решение любых вопросов, затрагивающих связи с общественностью и влияющих на имидж архива;

- организацию различных публикаций о компании, написание новостей и пресс-релизов и их распространение в СМИ, проведение презентаций и пресс-конференций;

- организацию и проведение имиджевых мероприятий, в том числе благотворительных;

- разрешение конфликтных ситуаций, угрожающих репутации архива, ответы на полученные жалобы от потребителей;

- организацию эффективной внутренней коммуникации: проведение встреч, собраний и корпоративных тренингов, выпуск корпоративной газеты и т.д.;

- разработку плана проведения PR-кампаний предприятия и составление прогноза их влияния на имидж предприятия;

- определение бюджета PR;

- анализ эффективности проведенных мероприятий и др.

Но это, разумеется, не полный перечень того, чем занимается PR-менеджер. Обязанности его в значительной степени зависят от отраслевой специфики и иных аспектов деятельности компании. Ключевым документом при этом является должностная инструкция PR-менеджера, обязанностям в которой уделено особое внимание.

В условиях экономического кризиса многие организации вынужденно сократили затраты на рекламу и коммуникации, а вместе с тем – и штат PR-специалистов, в ряде случаев оставив в штатном расписании единственного PR-менеджера. Обязанности их при этом, соответственно, существенно расширились. В сфере пиара цениться стал опыт и умение

работать самостоятельно, сочетая выполнение обязанностей рядовых специалистов с управленческими функциями.

Сегодня трудно переоценить ту роль, которую выполняет в организации PR-менеджер. Обязанности его могут быть весьма разнообразными, но вся его работа сводится к тому, чтобы архивная деятельность росла и развивалась не только в сфере делопроизводства, но и в сфере социальных отношений архивов РК.

Права PR-менеджера архива:

Запрашивать и получать от руководителей профильных подразделений архива и специалистов необходимую информацию и документы.

Действовать от имени архива, представлять интересы архива во взаимоотношениях с органами государственной власти и местного самоуправления, представителями средств массовой информации и общественности.

Самостоятельно вести переписку со структурными подразделениями предприятия, а также иными организациями по вопросам, входящим в его компетенцию.

Вносить на рассмотрение руководства архива предложения по совершенствованию работы, связанной с предусмотренными настоящей инструкцией обязанностями.

Требовать от руководства архива обеспечения организационно-технических условий и оформления установленных документов, необходимых для исполнения должностных обязанностей.

PR-менеджер архива несет ответственность:

За невыполнение и/или несвоевременное, халатное выполнение своих должностных обязанностей.

За несоблюдение действующих инструкций, приказов и распоряжений по сохранению коммерческой тайны и конфиденциальной информации.

За нарушение правил внутреннего трудового распорядка, трудовой дисциплины, правил техники безопасности и противопожарной безопасности.

Общие положения

PR-менеджер относится к категории специалистов.

PR-менеджер назначается на должность и освобождается от нее приказом генерального директора.

PR-менеджер подчиняется непосредственно генеральному директору / директору по PR и маркетингу.

На должность PR-менеджера назначается лицо, отвечающее следующим требованиям: высшее профессиональное образование по специальности «Связи с общественностью» или высшее профессиональное образование и специальная дополнительная подготовка, опыт работы по

специальности от года. Или же специалисты «Архивоведение, документо-ведение и документационное обеспечение».

На время отсутствия PR-менеджера его права и обязанности переходят к другому должностному лицу, о чем объявляется в приказе по организации.

PR-менеджер должен знать:

основы маркетинга архивов;

общую методологию PR, методы определения целевых аудиторий, принципы планирования и проведения PR-кампаний;

методику работы со средствами массовой информации, порядок организации и подготовки пресс-релизов, информационных сообщений, медиа-китов;

основные принципы клиентского PR, внутрикорпоративного PR, кризисного PR, иных видов PR;

законодательство о рекламе;

состав информации, являющийся государственной, служебной и коммерческой тайной, порядок ее защиты и использования.

PR-менеджер руководствуется в своей деятельности:

законодательными актами УК РК;

уставом организации, Правилами внутреннего трудового распорядка, другими нормативными актами компании;

приказами и распоряжениями руководства;

настоящей должностной инструкцией.

Тем самым, хотелось бы сказать, что нужно создать и открыть отделы в архивах, которые в современном мире называются «PR отдел». Так как мир не стоит на месте, и мы должны подстраиваться под современные технологии нашего мира.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО- ДИВЕРСИОННЫХ ШКОЛ И ВРАЖЕСКОЙ АГЕНТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СССР В 1941–1944 гг. В ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Кулинок Святослав Валентинович, к.и.н.
(Белорусский государственный архив научно-технической
документации, Республика Беларусь)*

Первые сведения о деятельности немецкой агентуры и школ по ее подготовке появляются в работах периода Великой Отечественной войны. Они создавались в период 1941–1944 гг. в основном сотрудниками органов госбезопасности, предназначались, как правило, для внутреннего пользования¹. Большим подспорьем в розыске агентуры противника стали вышедшие в мае и сентябре 1943 г. сборники «Материалы по распознаванию поддельных документов»², в составлении которых активное участие приняли офицеры 2-го отделения ГУКР «Смерш». В них впервые были обобщены уловки противника по подделке документов. По материалам сборников были подготовлены «Краткие карманные справочники по проверке документов».

В данных работах безапелляционно указывалось на то, что «за годы Сталинских пятилеток в нашей стране ликвидированы эксплуататорские классы и создано нерушимое морально-политическое единство советского народа» и что «в Советском Союзе фашисты не встретили никакой организованной помощи». Традиционно определялись и категории населения, которые пошли на сотрудничество с оккупантами: «русские бело-гвардейцы, остатки разбитых в СССР эксплуататорских классов, уголовники, политически и морально неустойчивый элемент», «человеческие отбросы, подонки, лишенные совести и чести»³.

¹ *Кубаткин П.* Уничтожим шпионов и диверсантов. [М.], 1941. 16 с.; *Он же.* Разоблачить происки фашистской разведки. [М.], 1942. 20 с.; *Он же.* Подрывная работа фашистской разведки на Ленинградском фронте. Л., 1944. 36 с.; *Бойцы войск НКВД на фронтах Отечественной войны.* М., 1942. 32 с.; *Софинов П.* Карающая рука советского народа. [М.], 1942. 44 с.; *Никитинский И.* Гитлеровский шпионаж. [М.], 1943. 40 с.

² Материалы по распознаванию поддельных документов. М., 1943.

³ *Софинов П.* Карающая рука советского народа... С. 40–41; Так же: *Кубаткин П.Н.* Разоблачить происки фашистской разведки... С. 3–4; *Он же.* Подрывная работа фашистской разведки на Ленинградском фронте... С. 6.

Представляется важным отметить тот факт, что уже в 1942 г. в печати появились данные о том, что немецкая разведка активно использует в своей работе в качестве агентов женщин и подростков. В частности, указывалось, что «немецкая и финская разведки не ограничиваются вербовкой для предательской работы только мужчин. Они вербуют женщин и подростков, имея в виду, что переброска их через линию фронта вызывает меньше подозрений...»¹. Отметим, что в вышеназванных работах акцент делается на анализ деятельности немецкой разведки по засылке агентуры в тыл Красной Армии и Советского Союза. «Противопартизанский вектор» деятельности спецслужб практически не рассматривается.

Для обучения партизанских кадров, а также в помощь командирам партизанских соединений были подготовлены своеобразные методические рекомендации (путеводители) по основным вопросам партизанской войны – «Спутник партизана». В них впервые акцентированно указывалось на то, что немцы активно используют свою агентуру для борьбы и с партизанами: «О расположении партизанского отряда немцы стремятся узнать обычно при помощи своих шпионов. Иногда это бывают солдаты, переодетые в гражданское платье»². В 1943 г. была издана работа начальника Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) П. Пономаренко «Партизанское движение в Великой Отечественной войне», в которой он коснулся деятельности немецких спецслужб в вопросе организации разведывательно-диверсионных школ: «Напуганные размахом партизанского движения, германский, венгерский и румынский генеральные штабы, главный штаб войск СС и штабы армий и соединений, а также органы разведки и контрразведки, жандармерии и гестапо принялись за изучение истории партизанской борьбы... открываются особые «противопартизанские» школы; увеличивается число специально обученных команд, частей и соединений для борьбы с партизанами... Практикуется засылка детей, тренируемых под страхом смерти в специальных детских школах»³. П. Пономаренко, как руководитель БССР и ЦШПД, фактически на государственном уровне признал тот факт, что на оккупированной территории к разведывательно-диверсионной работе активно привлекались дети и создавались специальные детские школы.

Еще одним примером такого исследования является подготовленная помощником начальника разведывательного отдела ЦШПД капитаном В. Куровым рукопись «Партизанская агентурная разведка».

¹ *Кубаткин П.Н.* Разоблачить происки фашистской разведки... С. 3–4, 10–12.

² *Спутник партизана.* М., 1942. С. 53; *Спутник партизана.* М., 1943. С. 68. Укажем на то, что в «Спутнике партизана» за 1941 г. нет главы «Как фашисты пытаются бороться с партизанами», так как партизанское движение еще не приобрело значительного размаха, поэтому применялись более традиционные военные способы борьбы.

³ *Пономаренко П.К.* Партизанское движение в Великой Отечественной войне. М., 1943. С. 57.

Первая глава рукописи «Агентурная разведка противника» состоит из следующих разделов: «введение»; «подбор, методы и подготовка агентуры, забрасываемой противником в партизанские отряды»; «экипировка агентуры», «переброска и связь с агентурой». Во введении В. Куров отмечает, что для «разведки партизанских формирований немцам пришлось применить главным образом агентурную разведку, т.к. другие разведки благодаря маневренности партизан не дали требуемого эффекта»¹. Определяя социальную базу для вербовки, автор вышел за рамки упрощенного подхода, когда указывалось, что «агентура для обучения в школах вербовалась в основном среди военнопленных, из антисоветского, предательского и уголовного элемента, проникшего в ряды Советской Армии и перешедшего на сторону немцев, и в меньшей мере из антисоветски настроенных граждан, оставшихся на временно оккупированной территории СССР». В своей рукописи В. Куров определял, помимо названных групп, следующие категории граждан, которые активно вербовались немецкими спецслужбами: представители националистических эмигрантских организаций, военные специалисты, женщины и дети обоего пола².

В работе приводится перечень «типовых» (обязательных) предметов и дисциплин, которые преподавались в спецшколах. Автором определены важнейшие задачи, которые стояли перед немецкой агентурой при ведении разведки партизанских соединений³.

Подводя итог, укажем, что главной особенностью вышеназванных работ было их прикладное значение и создавались они, в первую очередь, для сотрудников органов госбезопасности и командиров партизанских соединений.

¹ Рукопись помощника начальника разведывательного отдела ЦШПД капитана В. Курова «Партизанская агентурная разведка» // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 36. Л. 13–14.

² Рукопись помощника начальника разведывательного отдела ЦШПД капитана В. Курова «Партизанская агентурная разведка» // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 36. Л. 13–15. Автор одним из первых обратил внимание на такие группы военных специалистов, как инженеры, техники, радисты, подрывники. Для подготовки этих категорий вербуемых открывались узкоспециализированные школы «специалистов». На территории Беларуси такая школа действовала в Борисове. Одним из известных специалистов, завербованных немцами, был преподаватель радиодола в Борисовской абвершколе И.И. Матюшин-Фролов, который в начале войны был начальником отдела связи 32-й армии и имел богатый опыт службы на разных должностях в войсках связи (См.: *Кулинок С.В.* Историография деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов в Борисове в годы Великой Отечественной войны // Беларускі археаграфічны штогоднік. 2016. Вып. 17. С. 34–51).

³ Там же. С. 17.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЧЕРНОСОТЕНЦЕВ

*Курицын Артём Игоревич
(Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь)*

Проблема глобализации в настоящее время является одной из важнейших как для представителей научных кругов, так и для общественности.

Оказываемое влияние на различные сферы жизни как человека, так и общества показывает высокую значимость данного феномена. Глобализация становится ключевым фактором международной жизни, воздействуя как на социально-экономическую жизнь, так и общественно-политические отношения.

Как отмечает А.В. Афанасьев, под влиянием глобализации «наблюдается изменение содержания и соотношения сфер жизнедеятельности и социальной структуры обществ. В ряде случаев глобализация ставит вопрос о самом существовании ряда социальных институтов, типов обществ и общественных систем»¹. Более того, «глобализация формирует определенные надгосударственные структуры власти и управления, что не всегда согласуется с интересами народов и их культурно-историческими традициями в сфере государственного строительства»².

Вышеперечисленные неоднозначные проявления глобализационных процессов приводят к тому, что сам феномен глобализации воспринимается исключительно отрицательно, вне рамок академической науки, что создает определенные проблемы для изучения данного явления. С другой стороны, как справедливо пишут авторы фундаментального исследования «Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура», в настоящее время «глобализации грозит опасность превратиться в расхожее клише нашего времени (если этого еще не случилось), стать расплывчатой идеей, которая охватывает все – от мировых финансовых рынков до Интернета, – но которая мало что дает для понимания современных условий человеческого существования»³. В связи с этим, Д. Хелд уточняет, что глобализация может быть представлена как «процесс расширения,

¹ *Афанасьев А.В.* Российская государственность в пространстве проектов глобализации: Социально-философский анализ: дис.... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2005. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ *Хелд Д. и др.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / пер. с англ. В.В. Сапова и др. М.: Практис, 2004. С. 2.

углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни – от культурной до криминальной, от финансовой до духовной»¹.

Проблема отношения к глобализации, и тем более глобализму получила свое развитие в русскоязычной философской мысли еще в XIX в., и первоначально представляла собой знаменитый спор «западников» и «славянофилов».

Как известно, еще основатели славянофильства (в частности, А.С. Хомяков в таких работах, как «Мнение иностранцев о России», К.С. Аксаков в «Об основных началах русской истории», И.В. Киреевский в «Десятилетии» и др.), писали об уникальности и самобытности русской цивилизации. При этом Запад, его культура и либеральный модернизм (также идущий с Запада) воспринимались как внешняя опасность. Славянофилы акцентировали внимание на бездуховности материализма и нигилизма, говорили о ценности сохранения традиций, величии древности. Они подчеркивали, что западная модель является чуждой для русской культуры.

Однако нужно отметить, что фактически славянофилы в своей концепции русской цивилизации совершенно игнорировали тот факт, что Россия петербургского периода объединяла в рамках одного государства миллионы людей, имевших совершенно разные конфессионально-этнические, культурные, ментальные особенности.

По мнению В.М. Хачатуряна, прежде всего это объясняется двумя факторами. Во-первых, славянофилам была присуща известная недооценка значимости других культурно-религиозных традиций, связанная и с имперским сознанием, и с отсутствием «четко оформленной идеи равноценности цивилизаций»² [41]. Во-вторых, для славянофилов культура определялась, прежде всего, религиозной составляющей, а конфессиональный фактор определялся как доминирующий³.

Традиции славянофилов были продолжены такими оригинальными исследователями, как Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев. Первый из них, создавший свою самобытную концепцию развития цивилизационного развития (Россия и Европа), утверждал, что все культурно-исторические типы имеют равную ценность, прежде всего из-за своей уникальности, а их исторической целью является развитие самобытных начал. Однако как отмечает В.М. Хачатурян, «новаторство Данилевского в основном ограничивалось областью теории, поскольку компаративный анализ России и Европы был реализован под сильным воздействием славянофиль-

¹ Хелд Д. и др. Глобальные трансформации... С. 3.

² Хачатурян В.М. Истоки и рождение евразийской идеи. URL: <http://www.ecdejavu.net/e-2/Eurasianism-2.html> (дата обращения: 15.02.2018).

³ Бажов С.И. Современное значение спора западников и славянофилов // Вестник славянских культур. 2009. № 1. С. 49–50.

ских идей»¹. Проявляется это, в частности, в том, что, все же делая акцент на полиэтничности российской цивилизации, Н.Я. Данилевский пишет, что «все это разнообразие исчезает перед перевесом русского племени»². Но в силу того, что исследователь в своих методологических подходах был весьма близок к славянофилам «старшего поколения», образ России у него наследует много общих черт у славянофилов. По мнению И.Н. Ионова, связано это прежде всего с тем, что политические взгляды Н.Я. Данилевского придали явно выраженный имперский характер сформулированному им цивилизационному идеалу России³.

В отличие от ранних славянофилов, К.Н. Леонтьев писал о том, что для становления России как великого государства, помимо славянского наследия, важную роль сыграл византийский фактор, «византизм». Определяя, что такое византизм, философ пишет, что «мы знаем, например, что византизм в государстве значит – самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов... Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всеобщности, земного всесовершенства и вседовольства»⁴.

В.В. Зеньковский, характеризуя в своей фундаментальной работе «Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей» пишет о том, что для В.К. Леонтьева в связи с этим гораздо была важнее не этническая составляющая России как государства, а именно культурная⁵. И именно связь с Византией сделала ее великим государством, а не собственно «славянский фундамент».

В конце XIX – начале XX в. идеи славянофилов получили популярность среди правомонархического движения, став фундаментальной основой мировоззрения черносотенцев.

Особое внимание было уделено идеологами правого движения вопросам принципиальной несхожести Запада и России, а соответственно и невозможности перенесения политических институтов Европы и Северной Америки на русскую почву. В связи с этим, как пишет Ю.И. Кирьянов, «категорически отвергался западноевропейский тип государственных учреждений и институтов (парламент и др.), западные образцы духовного

¹ *Хачатурян В.М.* Истоки и рождение евразийской идеи. URL: <http://www.ec-dejavu.net/e-2/Eurasianism-2.html> (дата обращения: 15.02.2018).

² *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 483.

³ *Ионов И.Н.* Империя и цивилизация: Идеи Н. Данилевского в сравнительно-историческом аспекте // *Общественные науки и современность.* 2003. № 2. С. 110.

⁴ *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Leon/index.php (дата обращения: 17.02.2018).

⁵ *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. URL: http://www.odinblago.ru/zenk_rus_misl_i_evgora (дата обращения: 11.02.2018).

и культурного развития (заимствования в этой области квалифицировались как космополитизм, который разрушает самобытную культуру России), западный вариант индустриального развития, ведущий к пролетаризации значительной части населения»¹.

Подчеркивая разность политического устройства России и Запада, черносотенцы указывали, что Россия представляла собой «настоящее, народное самодержавие... Царь и народ составляли тогда нечто единое, не было между ними никакого средостения, голос народа доходил до царя непосредственно. Важные дела решались тогда царем совместно с народом, в лице представителей народных, собранных со всех концов земли Русской»². В противовес этому, в Европе получила распространение форма правления, основанная на власти монарха, когда правитель управляет «единолично, не сообразуясь с желаниями народа». По мнению правых, именно данный тип правления возобладали в России после реформ Петра I, более того, с его смертью фактическую власть в государстве получила бюрократия, что пагубно сказалось на судьбах страны, а следовательно, черносотенцы ставили одной из своих главных целей борьбу с такого рода государственным строем.

Таким образом, можно отметить, что вопросы цивилизационного противостояния, вопросы интеграции Запада и России, возможности данного процесса, получили развитие в российской философской мысли еще в XIX в., став основой политической идеологии правомонархического движения.

¹ *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России (1911–1917 гг.). М., 2001. С. 298.

² Листовка союза русского народа // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 78.

ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ЗАГОЛОВКАХ ДЕЛ ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСКИ

*Лаптева Татьяна Николаевна
(Архив РАН)*

Прошедший 8 декабря 2017 г. семинар Российского общества историков-архивистов показал, что вопрос создания эффективного научно-справочного аппарата к фондам личного происхождения продолжает оставаться нерешенным. Описание типичного для личных фондов раздела «Переписка» является предметом доклада.

В настоящее время в большинстве российских архивов при описании эпистолярного наследия в составе фондов личного происхождения в заголовки архивных справочников выносятся наименование документа (документов), имена автора и адресата, их специальности (должности, степени родства с фондообразователем и др.), дата и место создания, количество документов и листов в деле, способ воспроизведения, оговаривается наличие приложений. Само содержание остается за рамками описательной статьи, заголовок остается так называемым «глухим». Исследователь вынужден выбирать нужные ему единицы хранения почти интуитивно. В результате зачастую он получает «кота в мешке» – письма известных и интересных ему персон могут быть не информативными, при этом есть вероятность, что от его внимания ускользнут информационно насыщенные письма малоизвестных лиц.

Действующая традиция описания создает обстоятельства, при которых исследователь, изучающий, к примеру, переписку двух сотрудников органов государственного управления и ожидающий получить сведения о механизмах разработки законопроектов, получит информацию о взглядах корреспондентов на средневековую литературу и сомнениях относительно выбора спутницы жизни, а исследователь, читающий письма выдающихся ученых-ядерщиков в надежде понять отношения ученых с государственным аппаратом, узнает, какое печенье корреспонденты предпочитали к чаю и сколь дороги были кожаные ботинки для бюджета советского академика. В то время как эти же авторы излагали новости, оценки, планы и соображения непубличным людям: соседям, друзьям или знакомым. Таким образом, данный вопрос, безусловно, нуждается в проработке, а методические инструкции по описанию фондов личного происхождения – в усовершенствовании.

Прекрасный пример в этом отношении подает практика Государственного архива России (ГА РФ). В его описях можно встретить вынесенные в заголовки дела сведения об упоминаемых в документах людях и учреждениях. Так, в описях фонда историка-эмигранта П.А. Остроухова после слов «упоминаются» или «имеются сведения о...» перечислены все упоминаемые в документах лица¹. Указание на личные имена и названия учреждений – это не только раскрытие содержания дела, это еще и возможность находить необходимые исторические источники по ключевым словам в информационной системе архива в тех фондах, в которых исследователь прежде не ожидал их обнаружить и не планировал искать. Таким образом, введение в практику описания документов переписки подобных элементов заголовка существенно разовьет информационную функцию научно-справочного аппарата.

Помочь усовершенствованию поисковых возможностей архивных справочников может и применение в архивоведении понятий и классификаций, используемых другими гуманитарными науками. Межличностные отношения и письменную речь в качестве своего объекта рассматривают социальная психология и лингвистика. Социальная психология выделяет следующие виды общения по признаку содержания: материальное (обмен материальными предметами), когнитивное (обмен знаниями), деятельное (обмен действиями), кондиционное (обмен психическим состоянием), мотивационное (обмен побуждениями). Кроме того, специалисты ввели несколько классификаций целей социального общения, среди которых к письменному общению более других применимо деление на деловое (средство повышения качества совместной деятельности) и личностное (средство удовлетворения внутренних, душевных потребностей людей)².

Лингвисты в свою очередь выделяют следующие функции языка: коммуникативную (передача и прием информации лицами, средство понимания друг друга), когнитивную (получение новых знаний, необходимых для мыслительной деятельности человека), фатическую (установление и поддержание контактов между отдельными лицами), эмотивную (выражение личного отношения к содержанию речи собеседника, собственной речи и внешним обстоятельствам), апеллятивную (побуждение к действию), аккумулятивную (хранение и передача информации о культуре группы) и ряд других³.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9586. Остроухов Петр Александрович, историк. Оп. 1. Д. 110, 120, 211 и др.

² Морозов А.В. Социальная психология: Учебник для студентов высших и средних специальных учебных заведений. М., 2008. С. 58–61.

³ Русский язык и культура речи: Учебник / под ред. проф. О.Я. Гойхмана. М., 2014. С. 14–16.

Несложно заметить, что смысловое содержание многих из названных категорий лингвистики и социальной психологии совпадают или близки друг другу. Так, понятия эмотивной функция языка в лингвистике и личного общения в психологии касаются внутреннего мира личности, а деятельное и деловое общение, как правило, реализуют коммуникативную и фатическую функции речи.

Использование подобных характеристик в архивных заголовках могло бы помочь исследователю не в обнаружении новых источников, а, скорее, наоборот, в отсеивании лишних дел, а следовательно, в экономии времени и усилий для собственно исследовательской работы и научного анализа.

Степень дифференциации писем по тем или иным оттенкам содержания и отражение в заголовках сложных, понятных лишь специалистам терминов, вероятно, не вполне соответствует цели создания эффективного научно-справочного аппарата. Вполне достаточно было бы использования общепонятных обозначений, указывающих на основные виды человеческой активности, ради реализации которой пишутся письма.

Содержание писем может быть деловое (служебное, отражающее деятельность в каком-либо учреждении или другой организованной структуре, направленное на достижение какого-либо конкретного общественно-значимого результата, когда интересы автора и адресата письма обусловлены занимаемыми ими должностями или участием в каких-либо проектах, профессиональной деятельностью), бытовое (касающееся финансово-хозяйственных вопросов, повествующее об обстоятельствах, сопровождающих физическое существование автора или адресата, их здоровья и т.д.), творческое (изложение творческих планов и проектов, стихотворные поздравительные письма, промежуточные результаты научных исследований, сообщения коллег друг другу о ходе экспериментов, экспедиций, наброски литературных и музыкальных произведений, рисунки, любые предварительные результаты творческой или научной работы, которыми делится автор с целью узнать мнение адресата и т.п.) или личное (содержащее сообщение о духовной жизни автора или адресата, его оценочные суждения о происходящих событиях или мнение об общих знакомых, выражение надежд, желаний, страхов и любых других чувств и переживаний).

Определение характера содержания не вызовет затруднений у работчика. Например, очевидно, что письмо следующего содержания: «Удивляет меня, что Вы, коренной православный, так интересуетесь русскими конвертитками в католичество. Уж не собираетесь и Вы ту же же? Если да, то позвольте Вам сказать: не стоит! И в католичестве, и в православии – все одно и то же!»¹ – письмо личное, а следующий документ: «Очень благодарна за интересную рецензию на “Библиографию русского летописания”. Помимо целого ряда дополнений, Вы ставите вопрос о плодотворности библиографического учета без языкового фактора. Конечно,

¹ Письмо С. Грум-Гржимайло А.В. Флоровскому 8 января 1942 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 199. Л. 20.

авторы хотели отделить отечественную библиографию от зарубежной, но Вы “поймали” их на недостаточно четкой формулировке»¹ является одновременно и деловым и творческим (в данном случае научным). Конечно, не стоит забывать, что частные письма могут быть и деловыми, и бытовыми, и творческими, и личными одновременно.

Раскрытие характера содержания документов переписки и указание на упоминаемых в ней лиц и учреждения сделают заголовок более информативным и позволят повысить эффективность исследовательского поиска. Архивоведение, как дисциплина, гарантирующая информационное обеспечение исторической науки, не должна останавливаться в развитии своих информационно-поисковых средств, и использование понятий и категорий других гуманитарных наук – именно то направление, которое позволит архивоведческому знанию оставаться актуальным в наступившую информационную эру.

¹ Письмо Е.П. Подъяпольской А.В. Флоровскому 12 мая 1966 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 367. Л. 1.

«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ПОЛИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Лещёва Венера Рафаэловна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Н.А. Бердяев в работе «Мирозерцание Достоевского» писал, что Достоевский – «величайший русский метафизик»¹, что именно философский план его творчества, описывающий положение человека в мире, не только на экзистенциальном, но и на метафизическом уровне, составляет ту основу, на которой вырастает художественный мир его романов и повестей.

В качестве одного из направлений философии Достоевского мы можем рассматривать его политическую антропологию. Важно отметить, что антропология Достоевского отражает явно персоналистский характер, личность для Достоевского выступает как исходное начало, как принцип некоторого мистического единства всех людей. «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»², – размышлял еще молодой Достоевский, формулируя цель своего творчества.

Политические взгляды Достоевского характеризовались органичным сочетанием консервативных и гуманистических тенденций в литературе и публицистике. Постоянное стремление мыслителя найти общую для всех существующих общественных сил России идею было обусловлено тем, что Достоевский придерживался государственных и национально-патриотических убеждений.

И все же антропология Достоевского – преимущественно религиозная, т.е. строится на представлении о человеке как существе грешном. Она апеллирует к христианскому догмату о первоначальном грехе. Достоевский полагал, что природа человека скрыта под маской цивилизованности, но обладает разрушительной и иррациональной силой. В целом идею Достоевского о несовершенстве человека, о невозможности осуществления радикальных социальных и политических преобразований, невозможности изменить мир поддерживали и другие представители консервативного мышления.

¹ Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С. 144.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 28. С. 63.

«Никакое торжество “четвертого сословия”, никакое уничтожение бедности, никакая организация труда, – пишет Достоевский, – не спасут человечество от ненормальности, от виновности и преступности. Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь же неизвестны, столь же неведомы науке, столь же неопределенны, столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже идей окончательных, а есть Тот, который говорит: “Мне отмщение и Аз воздам”. Ему одному лишь известна вся тайна мира сего и окончательная судьба человека. Человек же пока не может браться решать ничего с гордостью своей непогрешимости, не пришли еще времена и сроки», – пишет Достоевский в журнале «Дневники писателя» в статье о романе «Анна Каренина»¹.

Достоевский угадывал сокрытое в подсознании человека, низменное и ущербное, но вечное, потому анализ философско-политической антропологии Достоевского остается актуальным и в наши дни. О «подпольном человеке», например, Достоевский писал с гордостью: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!.. Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека русского большинства и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону»².

Для Достоевского весь мир, вся действительность становятся «самосознанием его героев», русский философ и культуролог М.М. Бахтин отмечал: «Герой интересуется Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а то, чем является для героя мир и чем является он для себя самого. То, что должно быть раскрыто и охарактеризовано, является последним итогом его сознания и самосознания, в конце концов, – последним словом героя о себе самом и о своем мире»³. «В романе Достоевского нет причинности, нет генезиса, нет объяснений из прошлого, из влияний среды, воспитания и пр. Каждый поступок героя весь в настоящем и в этом отношении не предопределен; он мыслится и изображается автором как свободный»⁴, – писал Бахтин.

Бахтин высоко ставил значение «подпольного человека», полагая, что писатель искал именно такого героя, который посвятил бы свою жизнь

¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 16. С. 236.

² Там же. С. 329.

³ *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского // Собр. соч. М., 2000. С. 58.

⁴ Там же. С. 59.

познанию себя и мира. Появившийся в творчестве Достоевского именно такой герой, человек из подполья, мечтатель, который годами мечтает о своем действии, о выходе из подполья на свет и материализации своих мечтаний. «Подпольный человек» Раскольников, например, материализовав свою мечту, уходит в подполье, размышляя, что с ней, «мечтой», делать.

Бунт героя «Записок из подполья» был борьбой Достоевского главным образом с идеями революционных демократов и, естественно, с их идеологами, Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым. Можно ли сказать, что герой Достоевского отражает конечную философию «оторванности от почвы», мысль, о недопустимости которого и ратовали идеологи почвенничества. Кроме мыслей о связи каждого человека с землей, у Достоевского есть много соображений о справедливом общественном строе, но все они касаются лишь нравственных и религиозных условий возникновения и сохранения такого строя, но не самой его структуры. На Западе, говорит Достоевский в своих «Зимних заметках о летних впечатлениях», провозглашены свобода, равенство и братство, как принципы, на которых должна строиться жизнь. Но там, где властвует буржуазия, свобода есть у того, кто имеет миллион: он делает, что ему угодно; а у кого нет миллиона, с тем делают, что угодно. И Достоевский признает, что в капиталистическом строе свобода, предоставляемая гражданину законом, остается без возможности реализации ее у тех слоев населения, которые не имеют материальных средств, чтобы воспользоваться ею.

И все же Достоевский не прекращает спор с Чернышевским, противопоставляя ему мысли человека из «подполья», который отклоняет все позитивное, веющее с Запада: «У нас, русских, вообще говоря, никогда не было глупых надзвездных немецких и особенно французских романтиков, на которых ничего не действует, хоть земля под ними трещи, хоть погибай вся Франция на баррикадах, – они все те же, даже для приличия не изменятся, и все будут петь свои надзвездные песни, так сказать, по гроб своей жизни, потому что они дураки. У нас же, в русской земле, нет дураков...»¹

В своих романах Достоевский много говорит о ранах, наносимых душе человека обидами вследствие социального и имущественного неравенства. Для Достоевского «верховною» ценностью была индивидуальная человеческая личность и свободное духовное развитие ее. Но «был ли сам Достоевский человеком из подполья?»² – вопрошал Бердяев. И не давал ответа. Этот вопрос актуален и поныне.

¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 5. С. 126–127.

² *Бердяев Н.А.* Мирозерцание Достоевского. М., 2006. С. 179.

«ДЕКРЕТ О ПАМЯТНИКАХ РЕСПУБЛИКИ» В РИТОРИКЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Лиманова Светлана Андреевна, к.и.н.
(Архив РАН)*

1918 год должен был пройти под знаком Учредительного собрания, но на деле запомнился другими событиями. 6 января, на следующий день после торжественного открытия, Учредительное собрание было распущено. Произошло это по инициативе представителей партии большевиков, которые не желали упускать власть из рук или делиться ею с кем бы то ни было. Напротив, они вели активную деятельность по укреплению собственных позиций, делая ставку не только на решение насущных вопросов, но и на продолжение агитационно-разъяснительной работы. И в этой связи среди постановлений советской власти за 1918 год особое место занимает «Декрет о памятниках Республики».

Декрет был принят на заседании Совета народных комиссаров 12 апреля и уже 14 апреля опубликован в газете «Правда»¹. Основаниями для его появления стали необходимость решения вопроса «об имуществе Республики» в целом, стремление как можно скорее «очистить» городское столичное пространство от символов ушедшей эпохи и «заполнить» его новыми революционными монументами. Совет народных комиссаров выражал пожелание, чтобы «в день 1 мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и поставлены первые модели новых памятников на суд масс»². Причем стараниями партийных работников сам процесс замены старых символов на новые превратился в своеобразный «ритуал», о котором нарком просвещения А.В. Луначарский позднее писал: «Во время таких праздников взрывали или сжигали своеобразных идолов, изображавших прошлое, и раскрывали с соответственным церемониалом временные, но, тем не менее, прекрасные статуи – *аллегории новой жизни*»³.

Существует несколько версий авторства «Декрета о памятниках». Согласно «хрестоматийной» и до сих пор преобладающей, основанной на воспоминаниях А.В. Луначарского, декрет был частью так называемого плана монументальной пропаганды В.И. Ленина. По другой – идейным вдохновителем был сам А.В. Луначарский. В сталинский период не забы-

¹ Правда. 1918. № 72. С. 1.

² Декреты советской власти. Т. II. М., 1959. С. 95–96.

³ *Луначарский А.В.* О массовых празднествах, эстраде и цирке. М., 1981. С. 123.

вали подчеркивать, что и И.В. Сталин имел отношение к разработке данного постановления. И это не удивительно, т.к. под декретом стоят подписи всех трех вышеназванных лиц; нас же будет интересовать несколько другое – как и при каких условиях декрет выполнялся.

Особой комиссии «из народных комиссаров по просвещению и имуществу Республики и заведующего Отделом изобразительных искусств при Комиссариате просвещения» по соглашению «с художественной коллегией Москвы и Петрограда»¹ было поручено определить, какие памятники подлежат снятию в первую очередь и объявить широкий конкурс для выработки новых проектов. Комиссия работала крайне медленно, не хватало слаженности действий, в итоге к Первомаю успели немного. Однако праздник прошел, а требования по реализации декрета усилились еще больше. В.И. Ленин неоднократно напоминал о необходимости выполнения предписаний, выражал свое недовольство постоянными задержками и лично контролировал весь процесс. Почему же данный вопрос так остро стоял на повестке дня именно в тот момент? Ответ можно найти, если посмотреть на события 1918 года более широко.

Хотя и В.И. Ленину не были чужды внутренние противоречия (например, он отмечал красоту разрушенного впоследствии памятника Александру II в Кремле²), и далеко не всегда высказывал он удовлетворение от революционных новшеств (в воспоминаниях А.В. Луначарского имеются сведения о критическом отношении В.И. Ленина к новым памятникам, особенно в Москве³), «интересы партии» перевешивали любые сомнения. В стране шла Гражданская война, оппоненты усиливали свои позиции, и у Белого движения все еще было «живое знамя» борьбы – императорская семья. Ее судьба решилась в середине июля 1918 г., незадолго до этого вновь активизировалась работа по уничтожению имперских памятников и проектированию новых⁴; вряд ли это можно считать простым совпадением. Царская семья была расстреляна в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге. 17 июля Н.Д. Виноградов, заместитель наркома имуществ и председатель Комиссии по охране искусства и памятников старины, телеграфировал В.И. Ленину: «Приступлено к сооружению лесов у памятника Александру III. Уже развинчен памятник Александру II»⁵.

¹ Декреты советской власти. Т. II. М., 1959. С. 95–96.

² *Виноградов Н.Д.* Столица в 1918 году. Из дневников // Московский архив. Вып. 1. М., 1996. С. 275.

³ *Луначарский А.В.* Ленин и искусство. Воспоминания // *Луначарский А.В.* Собр. соч. в восьми томах. Т. 7. М., 1967. С. 401–404.

⁴ Впервые обращает на это внимание В.Ф. Козлов, называя «странным совпадением». См.: *Козлов В.Ф.* Судьба московских памятников императорам Александру II и Александру III в 1918 г. (по воспоминаниям и дневникам современников) // XV Юбилейные Свято-Елисаветинские чтения. Монархии в XXI веке: ретроспекция и прогноз. М., 2013. С. 137–138.

⁵ Цит. по: *Павлюченков А.* Документы «монументальной пропаганды» // Искусство. 1967. № 4. С. 52.

В тот же день в Совете народных комиссаров обсуждался вопрос «О постановке в Москве пятидесяти памятников великим людям в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусства».

19 июля газета «Правда» сообщала: «<...> когда чехо-словацкие друзья <...> стали подбираться к бывшему венценосцу, чтобы выкрасть его из-под бдительного караула екатеринбургских пролетариев и, выкрасив рабочей кровью облезлую корону, снова водрузить ее на этой пустой голове, ружейные выстрелы оборвали жизненный путь Николая Романова. Его больше нет, и как бы ни молились святые игумены о его здравии, ему уже не воскреснуть»¹. Как раз этого «воскрешения», возможного ореола мученичества большевики и опасались больше всего. Отсюда намеренно уничижительный стиль публикаций, сообщение неполных (или искаженных) сведений, акцент на отрицательных сторонах правления и другие приемы, среди которых – немедленное приведение в исполнение первого и последующих пунктов «Декрета о памятниках». Опасения не были беспочвенными, поэтому действовать следовало наверняка. В дневнике «среднего москвича» Н.П. Окунева, сочувственно относившегося к личности последнего императора, новость о расстреле трактуется как то, что «болезненно ожидалось целый год»². Подобного «болезненного» восприятия, а уж тем более какого-либо сочувствия или сомнения в правильности сделанного, следовало избежать, поэтому посредством демонстративного, коллективного и массового уничтожения имперских памятников происходило своего рода «одобрение» совершенной расправы. В социальной психологии такой прием известен как эффект сопричастности. Закреплялся такой эффект открытием новых монументов во славу революционных достижений.

Примечательно, что в Москве и Петрограде, в отличие от других городов бывшей империи, за 1917 год «разъяренной толпой» не было снесено ни одного памятника³. Пример того, как надо было действовать, дал сам В.И. Ленин 1 мая 1918 года – собственноручно взявшись за снос памятника-креста великому князю Сергею Александровичу. Воспоминания об этом были хорошо известны советским гражданам, равно как и кадры Всероссийского субботника 1 мая 1920 г., когда разбирался монумент Александру II на территории Кремля. Непременным элементом открытия новых памятников революционерам, активно возводимых с октября 1918 г., стало произнесение специально подготовленных речей. «Пусть каждое такое открытие, – говорил В.И. Ленин, – будет актом пропаганды и Маленьким праздником, а потом по случаю юбилейных дат можно по-

¹ Правда. 1918. № 149. С. 1.

² Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917–1920. М., 1997. С. 202.

³ Подробнее см.: Лиманова С.А. Столичные памятники императорам и Революция 1917 года: коммеморативное противостояние // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Ч. 1. М., 2018. С. 922–925.

вторять напоминание о данном великом человеке, всегда, конечно, отчетливо связывая его с нашей революцией и ее задачами»¹.

От периода Гражданской войны осталось не так много революционных монументов (как правило, они были плохого качества и быстро разрушались), но именно благодаря постоянному обращению к «ритуалу» их возведения (через прессу, брошюры, кинохронику) была заложена действенная модель «перезагрузки» памяти целых поколений. Успех «первой волны» монументальной пропаганды неоднократно использовался и регулярно закреплялся на всем протяжении истории советского государства.

¹ Луначарский А.В. Ленин о монументальной пропаганде // Литературная газета. 1933. № 4–5. С. 1.

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА

*Магдеев Сабир Игоревич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Концепция государства у Ортеги-и-Гассета своими общетеоретическими корнями уходит в его общефилософскую доктрину: «Я есть я и мое обстоятельство...»¹. Однако сама философская доктрина Ортеги, по мнению многих исследователей, не получила систематического научного оформления. Концепция же национального государства в рамках его творчества является самостоятельным учением. Поэтому данную концепцию можно рассматривать в ее конкретно-историческом и политическом содержании, без прямой привязки к его философским категориям. Ключом к пониманию Ортегой национального государства и служат два основных понятия: динамизм и аристократизм.

1. Становление «национального государства» Ортега рассматривает как динамику, реализуемую через совместное делание. «Государство возникает, когда человек стремится выйти из своего природного общества... хочет реализовать жизненные замыслы, непосильные для маленьких объединений»². Государство представляется той структурой, которая уравнивает кровь и язык, оно предстает «Великим толмачом»; государство всегда «полиглот и метис», это план работ и сотрудничества»³. Оно постоянно движется вперед, имея двойственную бытийную структуру: единение и последующий разрыв единения, для достижения большего единения. «Это Динамизм, воля к совместному делу Государство, что-то достигнутое и устремленное»⁴.

Лежащие в основе движущие силы ведут к безграничной экспансии и слиянию народов, а государственные границы служат лишь укреплению достигнутого единства и являются исторической преградой дальнейшего единения. Граница, язык, кровь – все это есть лишь результаты единения племен, а не причина. «Государство – всегда приглашение группой людей других сообществ, для совместного осуществления замысла»⁵. Государство нельзя отделять от программы жизни, человеческой деятельности и по-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте». СПб., 1997. С. 190.

² Он же. Восстание масс: Сб. М., 2002. С. 146.

³ Он же. Избранные труды. М., 1997. С. 146.

⁴ Он же. Восстание масс. М., 2002. С. 155.

⁵ Там же. С. 162.

ведения, т.к. именно оно является формой их воплощения. *«Потаенная суть нации, состоящая из двух ингредиентов: первый – план общего замысла, второй – сплочение увлеченных замыслом людей»*¹.

Переходя от общего понятия государства к его конкретной истории в Европе, Ортега рассматривал три стадии объединения людей в национальные государства. На первом этапе происходит единение наиболее близких племен, лингвистически и географически, т.к. различия между ними преодолеваются легче всего. Вторым этапом является период консолидации, когда оформляется оппозиция: «свой-чужой». На данном этапе формируется национальное сознание, и оно *«приобретает оттенок нетерпимости, замыкается внутри государства»*². Хотя с политической точки зрения другие государства маркируются в качестве враждебных, между ними неизбежно происходит сотрудничество, а войны между молодыми национальными государствами – взаимопроникновение: *«Национальные войны ведут к уравниванию материальных и духовных различий»*³. В результате войн происходит осознание, что враги являются также людьми, приходит так называемое «понимание» врага. Понимание врага, которое приходит через войну, оказывается шагом к преодолению дихотомии и является важной частью концепта национального государства. Отсюда переход к третьему этапу, на котором государство упрочняется и приходит к иной цели: расширению своих пределов и возможностей присоединения новых народов. *«Так возникает новая Национальная идея»*⁴.

2. Главным условием существования общества, его основой Ортега считает вертикальную организацию – «власть и подчинение». Речь идет не просто о господстве кого-то над кем-то, а об организации, сложнейшем сочетании принуждения и убеждения избранного меньшинства массы. *«Массы должны признать, что их роль в следовании примеру лучших, в категорическом отказе от притязаний на то, чтобы подменить их»*⁵. Во взаимоотношении аристократического меньшинства и масс есть один существенный момент – взаимность. Хотя волевое начало идет сверху вниз, оно предполагает обратное движение снизу, готовность следовать властвующей воле, символу единства. Яркий пример – когда кумиры одной эпохи становились коварными злодеями другой, или когда в эпохи распада аристократии и бунта масс сетуют на отсутствие «лучших». *«Личность сильна количеством социальной энергии, которым ее зарядила масса...»*⁶. А те, кто был признан, чьи идеи возымели влияние, кому масса даровала право власти над собой, должны путем материального принуждения и морального внушения повелевать. Наиболее ярко этот дву-

¹ Там же. С. 168.

² Там же. С. 170.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Там же. С. 367.

⁶ *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 323.*

сторонний динамизм взаимодействия меньшинства и массы Хосе Гассет раскрыл на примере феодализма в Испании. Он ссылается на различие германских племен, захвативших Германию, Францию и Испанию, выводя из него различия в закономерностях развития. Вестготы, вторгшиеся на Иберийский полуостров, остатки Римской цивилизации, были народом старым, без *«органической созидательной мощи, составляющей ядро и корень национального существования»*¹, которая отличала галлов. Галлы представляются Ортеге народом сильным и молодым, они «творили» новое мироощущение. Их принцип права строился на праве сильнейшего, человека, властного, «господина» своей земли. *«Последний неизбежно нес на себе отпечаток личности... Сначала права требовалось завоевать, потом – отстоять»*². Масса признавала это право сильного и послушно внимала меньшинству. Миссией и обязанностью феодалов, избранного меньшинства, власти являлось привнесение идеи «государственности» в массу, управление динамизмом.

История представляется Ортеге как последовательное чередование эпох динамического взаимодействия власти и общества – эпох подъема аристократии, сплочения и единения народов, и эпох упадка, когда властвующая элита оказывается не на уровне своего предназначения, терпит крах, что ведет к социальному расколу и гибели.

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. С. 347.

² Там же. С. 351.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Малабаев Саламат Касымбекович, к.и.н.
(Кыргызский Национальный университет имени Жусупа
Баласагына, Республика Кыргызстан)*

Советская власть носила классовый характер и поддерживала в основном неимущие классы. Классовый характер политики государства, учитывающий в первую очередь интересы рабочего класса, беднейшего крестьянства, нашел отражение также и в выборных процессах. Так, при проведении выборов 20 ноября 1918 г. Советская власть руководствовалась такими правилами: «Избирательным правом пользуется только беднейшее крестьянство и пролетариат. Лица, пользующиеся наемным трудом в целях извлечения выгоды, лавочники, священнослужители, лица, живущие на проценты с капитала, все зажиточные и все, кои сознательно идут против идей Советской власти, правом выбирать или быть выбранными не пользуются. За участие лиц вышеперечисленных категорий в выборах преследовать пред судом Ревтрибунала, как не подчиняющихся распоряжениям Советской власти. Женщины пользуются одинаковым правом наравне с мужчинами»¹.

Советская власть проводила борьбу с безработицей, голодом, другими социальными проблемами в годы гражданской войны. Для оказания помощи безработным на территории Кыргызстана были учреждены кассы по страхованию безработных. Так, приказом властей г. Пишпека от 27 августа 1918 г. было установлено «внести в кассу по страхованию безработных, учрежденную при Пишпекском уездном Комиссариате Труда, одновременно исчисляя с 1 мая по 1 сентября с.г. 4% налог с каждого заработанного рубля постоянного рабочего или служащего; с сезонных или временно служащих 6%. В случае не внесения кем-либо в срок наложенного на него налога, то на него начисляется пеня в размере 10% на руб., кроме того за нарушения или неисполнения кем-либо сего, то таковое лицо карается ещё одним годом тюрьмы». Другой документ гласил: «5% отчисления от выручки по аукционным торгам, из коих 3% шло в пользу

¹ «Приказы, указы войскам Семиреченской области. Ведомости». Центр. гос. арх. Кырг. Респ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 41. Л. 78.

детского приюта, а 2% в пользу милиции, теперь должно полностью идти в пользу детского приюта»¹.

Советская власть проводила политику межнационального согласия. Другим прогрессивным явлением, получившим развитие в первые годы советской власти, стала политика, направленная на установление и развитие равноправных межнациональных отношений, в случаях проявления притеснений представителей различных национальностей применялись весьма жесткие меры. Так, в 1920 г. Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана выступила с обращением к населению Семиреченской области, в котором говорилось: «Беспощадно карать, включительно до применения расстрела, на основании законов военного времени, всякие насилия, притеснения и произвол в области национальных отношений. Деревни, села, станицы и волости, на территории которых будут совершены убийства, грабежи и насилия над туземным населением, облагать беспощадно реквизициями»².

Советская власть помогала беженцам-кыргызам, бежавшим в Китай в ходе восстания 1916 г. Так, 2 февраля 1920 г. Президиум Туркцика постановил создать Особую Комиссию по устройству беженцев-кыргызов и «открыть указанной комиссии в срочном порядке кредит в сумме 100 000 000 рублей, снабдить комиссию возможным количеством сельскохозяйственных орудий, продовольствием, одеждой и разными материалами, каковые необходимы для восстановления хозяйств вернувшихся киргиз»³.

Советская власть проводила более сбалансированную языковую политику объявив о равноправии языков. Так, декретом ТурЦИК от 21 августа 1918 г. «О государственных языках в крае» предписывалось, что «отныне в пределах Туркестанской республики наравне с русским признается государственным тюркский язык, на котором изъясняется преобладающая часть коренного населения». В нем также говорилось: «...В школах средней ступени народного образования преподавание изучаемых предметов должно вестись исключительно на родном языке»⁴.

¹ Выписка из протокола Пишпекского листка № 34 от 25 июля 1918 г. Центр. гос. арх. Кырг. Респ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 17. Л. 39.

² Приказы НКВД Туркеспублики, Семиреченской областной Чрезвычайной комиссии здравоохранения, угорревкома. Постановления Пишпекской ЧК, уездно-городского комитета трудовой повинности, Беловодского волревкома. Переписка о создании комиссии по проведению сбора пожертвований для населения, пострадавшего от военных действий. Центр. гос. арх. Кырг. Респ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 135. Л. 126.

³ Приказ Семиреченского революционного комитета, доклад особой комиссии, заявления и переписка об устройстве беженцев-киргизов. Центр. гос. арх. Кырг. Респ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 44. Ч. II. Л. 22.

⁴ Декрет о признании Тюркского языка государственным № 3221 от 21 авг. 1919 г. Центр. гос. арх. Кырг. Респ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 71. Л. 73.

УЧАСТИЕ ПОЛЬСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ В РОССИИ В 1917 г.

*Малютин Георгий Александрович, к.и.н.
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

Русские и польские революционеры почти всегда шли рука об руку. Деятельность российских социал-демократов практически нельзя отделить от польских соратников. И во время Октябрьской революции они неизбежно оказались рядом.

Польские социал-демократы в России полностью поддержали выработанный Лениным курс на вооруженное восстание в целях осуществления социалистической революции.

На съезде С. Бобинским было оглашено приветствие от польских социал-демократов. Подчеркивалось, что СДКПиЛ, будучи автономной частью РСДРП, издавна поддерживала большевистское крыло партии. Съезд, демонстрируя признание нерушимости единства польских социал-демократов с большевиками, избрал в состав ЦК Ф.Э. Дзержинского. 6 августа Дзержинский был избран в образованный из 5 человек Секретариат ЦК партии большевиков. После VI съезда партии вся деятельность, все усилия польских социал-демократов в России были направлены на осуществление выдвинутых съездом задач, на дальнейшее сплочение всех находившихся в России польских трудящихся под знаменами русско-польского революционного единства, совместной борьбы за победу революции. Особые задачи на польскую социал-демократию накладывало то, что вслед за русской контрреволюцией попыталась перейти в наступление и польская контрреволюция. Ее политический и военный центры в России – Совет польского межпартийного объединения и Главный польский военный комитет (Начполь) при поддержке Временного правительства и антановских миссий форсировали создание польских вооруженных сил. По приказу нового верховного главнокомандующего русской армией генерала Л.Г. Корнилова 24 июля было положено начало формированию 1-го Польского корпуса, командование которым было поручено царскому генералу Ю. Довбор-Мусницкому¹.

¹ Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917. М., 1976. С. 562.

В условиях обострявшейся внутривнутриполитической обстановки в России польские социал-демократы клеймили преследование В.И. Ленина Временным правительством, активно поддерживали огромную идейно-политическую и организаторскую деятельность большевиков. Одна за другой группы СДКПиЛ принимали решения, выдержанные в духе резолюций VI съезда партии, в которых указывалось созревание условий для штурма пролетариатом и беднотой власти капиталистов. Дело борьбы за социалистическую революцию в России польские социал-демократы никогда не отрывали от революционных и патриотических задач в отношении своей родины.

Как и ранее, непонимание обстановки характеризовало линию руководства ППС-левицы в России: оно не только продолжало идти вместе с меньшевиками-интернационалистами, но даже приняло участие в «объединительном съезде» меньшевиков 19–26 августа 1917 г. Несмотря на преобладание на съезде оборонцев, поддерживавших контрреволюционное Временное правительство, Ф. Кон приветствовал съезд и пытался доказать, что «един пролетариат и едина его партия». Руководство ППС-левицы направило своего представителя на происходившее в Москве 12–15 августа Государственное совещание, созванное для подготовки к государственному перевороту. Это совещание проходило под знаком консолидации контрреволюционных сил вокруг претендента в диктатора генерала Корнилова. В статье «Польские союзники Корнилова», опубликованной в «Трибуне», а затем перепечатанной газетой «Рабочий путь», Ф. Дзержинский писал: «Польская контрреволюция это не измышление, это действительность, с которой должна считаться не только польская, но и русская революционная демократия»¹.

Корниловский заговор, вылившийся 25 августа в вооруженный мятеж, не смог использовать силы польской контрреволюции и, натолкнувшись на организованный большевиками отпор рабочих и многих частей армии, практически уже 31 августа завершился полным провалом. Корниловский мятеж ускорил поляризацию политических сил в стране. Началась повсеместная большевизация Советов. И она проходила при деятельном и посильном участии польской социал-демократии. В журнале «Просвещение» была напечатана статья К. Залевского «Национальный вопрос в России». Будущее революционное пролетарское правительство, – писал Залевский, – будет строить национальные взаимоотношения на дружбе и добровольном союзе. Создав союз свободных, вставших на путь социализма народов, «Россия сыграет колоссальную мировую революционную роль и будет стоять на страже социалистической революции на Западе и демократической на Востоке».

Предвидя великую историческую роль революционной России, Залевский, который глубже и правильнее многих других деятелей СДКПиЛ воспринял ленинскую постановку национального вопроса, писал о современной Польше как о стране, практически уже отделившейся от России

¹ Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917. С. 563.

и переживающей в борьбе против немецко-австрийских оккупантов процесс своего государственного становления. В отношении Польши и всех других народов, как тех, которые останутся непосредственно в составе будущей пролетарской России, так и тех, которые сложатся в отдельные самостоятельные государства, главная задача пролетариата, считал Залевский, будет состоять в обеспечении взаимопонимания, союза и сотрудничества народов. Далеко не все польские социал-демократы усвоили ленинскую трактовку национального вопроса и сумели в области теории вырваться, как это смог сделать К. Залевский, из плена догм, касавшихся польского вопроса.

Мыслями о социалистической революции в России и о будущем польского народа была полна декларация, оглашенная 19 сентября (2 октября) Ю. Уншлихтом от имени Исполнительного комитета групп СДКПиЛ в России на Демократическом совещании.

7–11 (20–24) октября 1917 г. проходила III Петроградская общегородская конференция большевиков. В ее работе участвовала и группа польских социал-демократов – Ю. Уншлихт, Я. Фенигштейн, Я. Здохович, К. Кадлубовский. Тайно вернувшись в Петроград, В.И. Ленин в письме к конференции указывал, что «вопрос о восстании ставится на очередь»¹.

Польские социал-демократы, находившиеся в России, принимали деятельное участие в подготовке к восстанию. Многие польские трудящиеся, особенно жители Петрограда, Москвы, Харькова, Донецкого бассейна, совместно с русскими, украинцами и др. боролись за низвержение власти помещиков и капиталистов, за установление диктатуры пролетариата. Польские рабочие, находившиеся в рядах Красной Гвардии, принимали участие в штурме Зимнего дворца и свержение Временного правительства². В образованный Петроградским Советом Военно-революционный комитет были избраны Ф.Э. Дзержинский и Ю. Уншлихт. На заседании ЦК партии, проходившем с участием представителей Исполнительной комиссии Петроградского комитета, среди которых был Я. Фенигштейн – представитель Петроградской группы СДКПиЛ, В.И. Ленин заявил: «Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Решительно поддержав Ленина, Ф. Дзержинский в своем выступлении осудил сомневающихся в том, что момент восстания наступил и что само восстание подготовлено. Тогда же Дзержинский был избран в Военно-революционный (партийный) центр Военно-революционного комитета. Т. Радзишевский, А. Гранас, А. Кочаровский, Станислав Пестковский, Юльян Лещинский, Бронислав Весоловский, Ф. Гжельщак, Винцентий Матушевский, Эдвард Прухняк, Станислав Бобиньский, Збигнев Фаберкевич, Юзеф Уншлихт, Станислав Будзинский и другие социал-демократы были среди тех, кто самым непосредственным образом участвовал в осуществлении ленинских планов

¹ Ермолаева Р.А., Манусевич А.Я. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971. С. 423–424.

² История Польши. Т. III. М., 1958. С. 18–19.

подготовки и проведения вооруженного восстания. С оружием в руках сражались польские рабочие за установление Советской власти не только в Петрограде и Москве, но и во многих других городах России – Одессе, Севастополе, Иркутске, Минске.

В 22 ч. 45 мин. 25 октября (7 ноября) открылся II Всероссийский съезд Советов. Среди его делегатов были и члены СДКПиЛ, и члены ППС-левицы.

Одним из первых с гневным отпором меньшевистско-эсеровским элементам, пытавшимся сорвать съезд, выступил член СДКПиЛ с 1904 г., делегат V (Лондонского) съезда РСДРП, представитель 2-й армии Западного фронта Франчишек Гжельщак (М. Гжегожевский). Отвечая офицеру меньшевику Кучину, Гжельщак заявил, что Кучин и ему подобные не представляют солдат; он хочет вести войну против рабочих и солдат, но солдаты не пойдут за Кучиным¹.

Вечером 26 октября (8 ноября), вскоре после того, как Ленин выступил с докладом по вопросу о мире, слово от польской социал-демократии получил Дзержинский. Он полностью поддержал выступление организатора революции и одобрил предложенный им Декрет о мире. «Те, от имени которых предложена эта декларация, идут в рядах пролетариата и беднейшего крестьянства; все те, кто покинул в эти трагические минуты этот зал, – те не друзья, а враги революции и пролетариата. У них отклик на это обращение вы не найдете, но вы найдете этот отклик в сердцах пролетариата всех стран. Вместе с таким союзником мы достигнем мира. Мы не выставляем лозунга отделения себя от революционной России. С ней мы всегда сталкиваемся. У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров²».

В ноябре 1917 г. Исполнительный комитет групп СДКПиЛ в России и правление Петроградской группы СДКПиЛ в особом воззвании отметили, что одна только партия большевиков прямо и открыто выдвигает задачу освобождения Польши. Неизменным участником всей деятельности Коммунистической партии и Советской власти являлись польские интернационалисты и особенно их передовой отряд – члены СДКПиЛ. Ленинские Декрет о мире, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа и другие документы были сразу переведены на польский язык и опубликованы в «Трыбуне». На многочисленных митингах, собраниях польские социал-демократы рассказывали о значении революции, призывали всемерно поддерживать ее, принять активное участие в борьбе за упрочение Советской власти, связывая победу российской революции с национальным и социальным освобождением польского народа.

С первых дней органы Советской власти приступили к осуществлению ленинской программы партии по национальному вопросу. Исторической необходимостью вызывалось создание в пролетарском государ-

¹ Ермолаева Р.А., Манусевич А.А. Ленин и польское рабочее движение. С. 425.

² Там же. С. 425–426.

стве такого органа диктатуры пролетариата, как Народный комиссариат по делам национальностей, явившегося проводником в жизнь ленинской национальной политики.

Придавая большое значение польскому вопросу, учитывая остроту борьбы с буржуазными, клерикальными влияниями на польские массы и важность привлечения их на сторону революции, Петроградский военно-революционный комитет назначил Ю. Лещинского комиссаром по польским делам. В задачи Польского комиссариата вошли организация всех польских революционных сил, борьба с контрреволюцией и разработка плана широкой демократизации польских общественных организаций, действовавших на территории России.

Путь к одной братской семье народов, о которой говорил Ф.Э. Дзержинский, о которой мечтали поколения русских и польских революционеров, оказался не прост и не короток – еще много препятствий пришлось преодолеть и польскому народу и народам Страны Советов, пока удалось полностью претворить в жизнь высокие идеи, вдохновлявшие интернационалистов-революционеров обеих стран.

АНТИКВАРНЫЙ ЭКСПОРТ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1927–1933 гг.

Мануйлов Алексей Николаевич
(Государственный академический университет
гуманитарных наук)

Массовые распродажи предметов старины и искусства в Советском Союзе начались в конце 1920-х гг. и продолжались вплоть до окончания первой половины 1930-х. Основной причиной, побудившей руководство страны пойти на столь тяжелый шаг, стала острая нехватка средств на осуществление грандиозных планов индустриализации СССР, реализация которых требовала огромных и все возрастающих капиталовложений. Для страны, которая лишь за шесть лет до этого начала оправляться от колоссального ущерба, нанесенного ей почти десятилетием непрерывающихся войн, подобное означало в буквальном смысле прыгнуть выше головы. Испытывая острую нужду в надежных, долгосрочных, а самое главное – прибыльных источниках финансирования многочисленных строек, советское правительство обратило свое внимание на западный антикварный рынок¹.

Сама по себе тема массовых распродаж советского антиквариата в 1930-е гг. для нашей исторической науки является сравнительно молодой и достаточно актуальной. Объясняется это, в первую очередь, коротким сроком, прошедшим с момента придачи делу о распродаже сокровищ Эрмитажа широкой огласки. Долгое время вся официальная документация по продажам хранилась в архивах под грифом «секретно», а руководство музеев крайне неохотно шло на контакт с заинтересованными в этой теме исследователями. Однако с началом Перестройки в Советском Союзе говорить об этом стали все более и более открыто. Именно тогда и появляются первые работы по данной теме².

С распадом СССР проблеме продажи советского антиквариата был дан мощный импульс в виде начала рассекречивания многочисленных архивных документов, содержащих в себе ранее недоступные исследователям сведения. Это послужило причиной появления значительного количества работ, в которых цели, объёмы и итоги продаж трактуются со-

¹ Осокина Е.А. Антиквариат (Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки) // Экономическая история. Ежегодник. М., 2003. С. 234.

² Эрмитаж, который мы потеряли: Документы 1920–1930 годов. СПб., 2001. С. 5.

вершенно по-разному, порой расходясь по полюсам от резко негативного до, наоборот, поощрительного. Однако какого-либо твердого мнения за все прошедшие годы так и не было выработано.

По итогам первого этапа продаж, который продолжался всю вторую половину 1927 и первые несколько месяцев 1928 гг., вырученных средств было сравнительно немного, однако перспектива дальнейшего возрастания экспорта давала надежду на куда более хорошие результаты.

Второй этап продаж затронул период 1928–1930 гг., именно в это время произошла большая часть аукционов и именно в это время заключались самые значительные сделки с иностранными покупателями. Кроме того, в это же время окончательно формируется та бюрократическая вертикаль, которая берет в свои руки контроль над продажами – осенью 1930 г. создаётся контора «Антиквариат». Несмотря на многочисленные проблемы и критику своей деятельности, ей все же удается значительно расширить советский антикварный экспорт и заключить немало выгодных соглашений с состоятельными западными коллекционерами.

Третий этап в истории советского художественного экспорта начался в 1931 г. и продолжался до 1933 г. Это было время общего спада активности конторы «Антиквариат» и сокращения валютных поступлений от продажи предметов старины и искусства. Окончательно продажи предметов старины и искусства прекратились в 1933 г., сама же контора «Антиквариат» была расформирована несколькими годами позже.

Массовые продажи художественных ценностей из хранилищ крупнейших советских музеев нанесли значительный урон советской культуре – множество работ известнейших мастеров прошлых лет оказались проданными на Запад фактически за бесценок. Часть этих шедевров осела в частных коллекциях западных коллекционеров, часть украшает сейчас крупнейшие европейские и американские музеи. Некоторую часть проданного различными путями всё же удалось вернуть обратно в Россию.

По информации официального издания истории Государственного Эрмитажа, с 1928 по 1933 г. из музея было изъято в общей сложности две тысячи двести восемьдесят картин, из которых значительную художественную и материальную ценность представляли около четырехсот. Однако, несмотря на все это, музей продолжал работать и развиваться, после окончания кампании по продаже антиквариата Эрмитажу удалось вернуть из хранилищ Наркомторга множество своих экспонатов, подчас вместе с ними в Зимний дворец попадали произведения, которые ранее выставлялись в абсолютно других музеях. Часть этих работ составила музейный фонд Эрмитажа, который впоследствии использовался для формирования коллекций множества открывшихся в советские годы «периферийных» музеев¹.

Массовый вывоз антиквариата за рубеж, по подсчетам Наркомпроса, позволил выручить в общем и целом порядка 30 миллионов рублей. По мнению, высказанному в ряде публицистических работ, в промышлен-

¹ Эрмитаж. История и современность. М., 1990. С. 102.

ном выражении этого хватило бы лишь на техническое оснащение одного из сталинских заводов-гигантов, но уж никак не на финансирование строительства множества других предприятий более мелкого калибра. Существенно больше удалось выручить, например, тому же Всесоюзному объединению по торговле с иностранцами (ТОРГСИНУ), которое занималось продажей товаров и продуктов гражданам в обмен на драгоценные металлы, камни и иностранную валюту – 300 миллионов рублей, на фоне которых доход от продажи художественных сокровищ Эрмитажа выглядит незначительным.

Причин столь низких валютных поступлений можно назвать много. Во-первых, это сами цены, устанавливаемые Наркомторгом или иностранными коллекционерами, по которым продавались антикварные ценности, ничтожно малые, несмотря на высочайшую, порой невероятную ценность извлекаемых из хранилищ Эрмитажа произведений искусства. Во-вторых, разразившийся осенью 1929 г. на Западе мировой экономический кризис вызывал панику на европейском и американском антикварных рынках, следствием чего стало массовое падение интереса к купле-продаже советского антиквариата. И в-третьих, это стремление «Антиквариата» продавать произведения искусства, что называется, «на вес», что послужило причиной того, что множество ценнейших предметов были проданы попросту в «довесок» к основному списку, вместо того, чтобы быть оцененными отдельно и продаваться сугубо индивидуально.

Однако существует и альтернативное мнение на этот счет, которого в первую очередь придерживается историк Юрий Жуков. Основной его тезис заключается в том, что, несмотря на такие, казалось бы, существенные потери, последствия для крупнейших музеев страны, в частности для Эрмитажа, не были столь катастрофичными, как их обычно преподносят. В первую очередь, музеи СССР располагали существенным культурным потенциалом (об этом говорит то, что на общее описание всех хранящихся в них ценностей потребовалось больше десяти лет), который позволял им сохранить статус крупнейших хранилищ произведений искусства даже после массовых распродаж¹.

Во-вторых, итогом реализации культурных ценностей, в сущности, стало получение средств на создание мощного промышленного потенциала нашей страны, который не только позволил создать вторую по величине экономику в мире, но уже через десятилетие выстоять в ужасной и опустошительной войне, в которой Советский Союз встретился один на один с одной из мощнейших армий мира, которая до этого успела покорить всю Европу.

И, наконец, в-третьих, нельзя забывать и о том, что советское правительство всегда рассматривало роль музеев как первостепенную в деле культурного строительства и воспитания советского народа и попросту не могло бы допустить, чтобы эти важнейшие организации лишились воз-

¹ Жуков Ю.Н. Сталин: операция «Эрмитаж». М., 2005. С. 325.

возможности для воплощения этих идей в жизнь. В сущности, многие произведения искусства, проданные за рубеж, удалось вернуть уже в советское время, а сам Эрмитаж получил новый импульс для дальнейшего развития как крупнейший и важнейший музей не только Советского Союза, но и всего мира в целом.

ГРАЖДАНСКИЙ КОНФЛИКТ В НИКАРАГУА И ЕГО РОЛЬ В ПЕРЕХОДЕ США К ПОЛИТИКЕ «ДОБРОГО СОСЕДА» (1927–1933 гг.)

*Манухин Алексей Анатольевич, к.и.н.
(Институт Латинской Америки РАН)*

Политике США в Западном полушарии свойственна разработка всеобъемлющего подхода, который включает в себя дипломатические, экономические и военно-политические методы влияния. Одним из наиболее интересных и противоречивых аспектов латиноамериканской политики США являются истоки политики «доброе соседство» администрации Ф.Д. Рузвельта (1933–1945). В отечественной и зарубежной историографии традиционная точка зрения связывала переход к ней с ошибками близорукой дипломатии республиканских администраций 1920-х гг., основанной исключительно на соображениях краткосрочной экономической выгоды¹. В то же время ряд исследователей полагает, что он был в значительной степени подготовлен республиканцами². Важной вехой на этом пути стало вмешательство США в гражданский конфликт в Никарагуа в 1927–1933 гг.

Положение Никарагуа в Центральной Америке в первой трети XX в. отличалось стратегической важностью с точки зрения планов по строительству второго трансокеанского канала в дополнение к Панамскому. В 1914 г. между двумя странами был заключен договор Брайана–Чаморро, гарантировавший США особые права на строительство никарагуанского канала и установивший режим протектората. В 1926 г. началась «конституционная война» либералов под руководством бывшего вице-президента Х.Б. Сакасы против консервативного режима президента А. Диаса, который пользовался поддержкой США³. Эскалация данного вооруженного конфликта был невыгодна последним по двум причинам. Во-первых, на фоне роста американских инвестиций в регионе было необходимо снизить имеющееся недоверие к методам политики Вашингтона. Во-вторых, в США нарастала тревога в связи с нежелательными для американского

¹ *Gellman I.F.* Good Neighbor Diplomacy: United States in Latin America, 1933–1945. Baltimore and L., 1979. P. 7–9.

² *Smith J.* The United States and Latin America. A History of American Diplomacy, 1776–2000. L. and N.Y., 2005. P. 91–92.

³ *Bacevich A.J.* The American Electoral Mission in Nicaragua, 1927–1928 // Diplomatic History. 1980. Vol. 4. No. 3. P. 243.

бизнеса экономическими преобразованиями в соседней Мексике на основе революционной конституции 1917 г. Мексика претендовала на роль субрегионального лидера и периодически разыгрывала антиамериканскую карту. Мексиканское националистическое законодательство могло стать заразительным примером для малых республик Центральной Америки.

Мексика в декабре 1926 г. признала революционное правительство Сакасы. Либералы практически неприкрыто получали от нее помощь оружием и боеприпасами. Дипломатия президента П.Э. Кальеса умело использовала привлекательность мексиканской революционной идеологии, связи профсоюзов и других массовых организаций для влияния на леволиберальные и реформистские силы в регионе¹. Ряду опальных мексиканских офицеров-эмигрантов было предложено принять участие в военной экспедиции вместе с никарагуанскими либералами как условие амнистии². Мехико настаивал на том, чтобы либералы категорически требовали признания прав Сакасы на президентское кресло³.

По мнению американских дипломатов и бизнесменов, от интервенции следовало воздерживаться, т.к. она усилила бы позиции Мексики и антиамериканские настроения. Весной 1927 г. Вашингтон инициировал переговоры между консерваторами и либералами, для ведения которых по распоряжению президента К. Кулиджа (1923–1929 гг.) в Никарагуа прибыл полковник Г.Л. Стимсон. Инструкции госдепартамента четко оговаривали, что США не должны выступать в роли посредника и требовать от действующего правительства Диаса каких-либо уступок в пользу либералов⁴. Стимсону удалось добиться соглашения, по которому большая часть армии либералов сложила оружие. Однако меньшинство под руководством ранее малоизвестного генерала А.С. Сандино продолжило борьбу, что привело к полномасштабной американской интервенции в Никарагуа.

К середине 1928 г. на полях сражений сандинисты понесли тяжелые поражения от морской пехоты США и созданной под их эгидой местной национальной гвардии. Их популярность среди населения падала, в том

¹ Мексика в 1926 г.: доклад С.С. Пестковского. 9 октября 1926 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0110. Оп. 3. П. 101. Д. 2. Л. 173.

² Secret G-2 Report on Activity in Mexico in Support of Sandino Revolution in Nicaragua. Major R.J. Halpin. February 16, 1928 // NARA. Sandino Situation Files, 1928–1933. Record Group 165. Entry 77. Box 2653. P. 3–4.

³ Mexican Interference in Nicaraguan Affairs. Confidential G-2 Report No. 22. Major A.W. Bloor. March 19, 1927 // National Archives and Records Administration (далее: NARA). Reports on the Nicaraguan Civil War, March–May 1927. Record Group 165. Entry 77. Box 2653. P. 2–4.

⁴ Ch.C. Eberhardt to F. Kellogg; J. Grew to Ch.C. Eberhardt. April 15, 1927 // Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1927. Wash. (D.C.), 1927. In 3 Vols. Vol. III. P. 285–286, 321–323.

числе по причине отсутствия четкой программы социальных перемен¹. В 1929 г. правительство Мексики предоставило Сандино убежище. Несмотря на страхи американцев, Сандино не был коммунистом и часто критически высказывался о марксизме. Тем не менее, Коммунистическая партия Мексики долгое время оказывала ему поддержку для укрепления собственных позиций. Позднее поворот мексиканского правительства вправо сделал пребывание Сандино в Мексике крайне затруднительным и вынудил его вернуться на родину².

Тем не менее, присущие ему антиамериканизм и «индолатинизм» (представление о единстве интересов государств и народов Латинской Америки на этнокультурной основе) придали Сандино ореол борца против американского империализма в глазах носителей либеральных, социалистических и национально-освободительных идей во многих странах, включая США³. На шестой панамериканской конференции в Гаване в 1928 г. крупные страны Южной Америки подвергли агрессию США резкой критике. По итогам анализа, проведенного в госдепартаменте, интервенция как метод была признана нецелесообразной⁴. Стремление президента Г.К. Гувера (1929–1933 гг.) покончить с сандинизмом военными средствами выглядело недальновидным⁵. В 1932 г. было объявлено о выводе американских войск из Никарагуа после президентских выборов в США, который завершился незадолго до инаугурации Рузвельта. Сандино приветствовал этот шаг Вашингтона, хотя самому ему было суждено погибнуть в 1934 г. от рук будущего многолетнего диктатора Никарагуа А. Сомосы. Борьба против сандинистов стоила жизни 130 американцам и 3 тыс. никарагуанцев.

Рассматривая интервенцию как очередное наведение порядка на «заднем дворе», в Вашингтоне недооценили, насколько широко среди латиноамериканских интеллектуалов и их последователей распространились идеи континентальной солидарности. Образ Сандино стал более опасным для США, нежели сама его борьба против американцев. Интервенция в известной степени нарушила их планы укрепления панамериканской системы. Неслучайно в числе первых шагов новой администрации были отмена «поправки Платта» о зависимом статусе Кубы и вывод войск из Гаити в 1934 г. Однако контроль над Никарагуа США сохранили, тем самым «заморозив» и отсрочив конфликт на несколько десятилетий.

¹ Report on Sandino Situation. Major F.T. Cruise. April 29, 1929 // NARA. Sandino Situation Files, 1928–1933. Record Group 165. Entry 77. Box 2653. P. 34.

² Secret G–2 Report on Activities of C.A. Sandino in Mexico City. Lt. Col. G. Johnston. February 19, 1930 // Ibid. P. 5, 16, 42, 46, 49.

³ VI Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет: в 2 вып. Вып. 1. М.; Л., 1929. С. 229–231.

⁴ *Smith J.* Op. cit. P. 87, 92.

⁵ Hoover Denounces Sandino as Outlaw; Expects Capture // The New York Times. April 21, 1931.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ КОНТРПРОПАГАНДЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Маргушева Алина Зауровна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Возникновение необходимости в создании специального правительственного штаба с целью осуществления контроля печатного пространства за рубежом следует рассматривать с учетом целого ряда обстоятельств по двум направлениям: внутренней и внешней политики.

Отечественная война 1812 г. и последовавшие за ней Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. породили своеобразный исторический парадокс. Превратившись в масштабное народно-освободительное движение, которое должно было упрочить веру людей в силу монарха и существующего политического режима, антинаполеоновская кампания, приоткрыв российским передовым умам завесу в Европу и позволив обнаружить перспективу конституционного переустройства государства, наоборот, повернула настроения дворянских кругов Российской империи в либерально-демократическое русло. В течение последующего десятилетия в столице стали возникать тайные сообщества: «Союз Спасения», «Союз Благоденствия», Северное и Южное тайные общества, «Общество соединенных славян», каждое из которых ставило целью разработку нового проекта государственного переустройства России, во многом по образцу Конституционной Хартии 1814 г., дарованной королем Людовиком XVIII населению Франции. По выражению Н.А. Бердяева, Россия на тот период была «покрыта тайными обществами, подготовлявшими политический переворот»¹.

Активная преобразовательная инициатива, исходившая от дворянских организаций, вылилась в попытку государственного переворота 14 декабря 1825 г. По меткому выражению М.К. Лемке, «14-е декабря 1825 года было днем, когда судьба николаевской России решилась твердо и надолго»². Утраченное доверие к высшим слоям дворянства объяснялось тем, что их действия, по мнению императора, способствовали проникновению в Россию «революционного духа», царившего в Европе. Контрреволюционная линия политического курса определяла характер

¹ Бердяев Н.А. Русская идея. М., 2004. С. 32.

² Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 9.

большинства принимаемых императором решений и сказывалась на расширении аппарата управления и учреждении новых правительственных органов и подконтрольных служб.

Центральным событием в ряду внутривластных дел России в условиях антиреволюционного пафоса 1820-х гг. стало создание императором Николаем I в 1826 г. III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – III Отделение). Отчеты III Отделения, которые по примеру других ведомств ежегодно предоставлялись императору, показывают, что круг обязанностей штата этого учреждения был чрезвычайно шире в сравнении с тем, что было закреплено юридическими нормами¹. По свидетельству М.К. Лемке, «не было стороны в русской жизни, которая бы избегла контроля и влияния неудобозабываемого учреждения»². Перечень неофициальных полномочий по большей части относился к сфере сбора информации об отношении населения к власти и влиянии на это отношение в желательном для власти направлении³.

Если общественное мнение в России постепенно приобретало, хоть и смутные, но очертания, то в лице самого «общества» выступало не все население, а его небольшая часть, представленная высшими слоями, обсуждавшими вопросы социально-политической проблематики и распространявшими мнения, не совпадавшие с позицией власти, главным образом через салоны, кружки, литературные общества. Однако необходимо отметить параллельную тенденцию роста уровня грамотности и образования населения России в первой половине XIX в., что закономерно приводило к росту читательской аудитории. М.П. Погодин характеризует общий подъем читательского интереса следующим образом: «...газет печатается гораздо большее количество экземпляров, нежели прежде; сидельцы и дворовые люди, приходящие за ними по средам и субботам в университетскую книжную лавку, собираются кружками и читают их на улице, прежде своих хозяев»⁴. Этим во многом объясняется усиленное внимание и контроль за печатными изданиями со стороны властей, выливавшиеся в целенаправленное стремление руководить процессом формирования общественного мнения и направлять его в благоприятное для власти русло. По этому поводу издатель газеты «Северная пчела» Н.И. Греч писал: «Журналы и ведомости во всех просвещенных землях признаются лучшим средством к направлению общего мнения, к искоренению вредных вестей и слухов, и к распространению полезных мыслей. У нас, кажется, еще не пользовались сим средством»⁵.

¹ См.: Россия под надзором: отчеты III Отделения 1827–1869: Сб. документов. М., 2006.

² Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. С. 16.

³ См.: *Рейтблат А.И.* Русские писатели и III Отделение (1826–1855). Прага, 2000. С. 3.

⁴ Погодин М.П. Письмо о русских романах // «Северная лира на 1827 год». М., 1984. С. 133.

⁵ Цит. по: *Рейтблат А.И.* Русские писатели и III Отделение (1826–1855). Прага, 2000. С. 27.

Для реализации обозначенных целей наряду с учреждением III Отделения была усилена функция осуществления цензуры, которая, по утверждению современного исследователя, «стала для России своеобразным диспозитивом (т. е. порядком. – А. М.), в котором выразились парадоксальные отношения, установившиеся в российском обществе между индивидуальностью, дискурсом, истиной и принуждением»¹.

Наряду с преследованием различного рода проявлений революционных настроений, еще одним немаловажным поводом к созданию разветвленной заграничной сети российской внешней разведки и контрразведки послужило восстание в Польше, вспыхнувшее в ноябре 1830 г. Это восстание, проходившее под лозунгом национального освобождения, было подавлено русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Одним из его последствий стала массовая эмиграция из Польши его участников, членов их семей и тысяч других поляков, развернувших по всей Европе антирусскую кампанию, которая была охотно поддержана прессой в большинстве европейских стран. В значительной степени именно польские беженцы создавали России крайне неблагоприятный образ душителя свобод и очага деспотизма, угрожающего «цивилизованной Европе»².

Все вышеперечисленные и тесно связанные между собой факторы приводили к необходимости борьбы с «внутренними и внешними врагами» и не оставляли императору возможности оставаться безучастным к появлению новых вызовов и усилению старых угроз. Одним из важнейших предпринятых властью шагов по характеру исполнения и эффективности в реализации обозначенных целей, а именно: сохранения представлений о нерушимости легитимности власти российского императора в общественном сознании, как в России, так и в европейских странах, подавление революционных настроений в России, борьба с устойчивыми мифологемами о «варварской» России, распространившимися на Западе, и стала организация заграничной агентуры и зарубежных филиалов III Отделения. Контрпропаганда, являясь по своей сути ответным распространением фактов и их интерпретаций, должна была производиться на основе единого идейного корпуса и служить общей идеологической схеме.

¹ См.: *Чубаров И.М.* Власть, знание и цензура (Россия, XIX в.) // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал. 2013. № 10. С. 118.

² См.: Инструкция агенту Третьего отделения во Франции Я.Н. Толстому (1 августа 1838). Из фондов Государственного архива Российской Федерации – ГА РФ // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 8. М., 2008 С. 195.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

*Милованов Константин Юрьевич, к.и.н.
(Институт стратегии развития образования РАО)*

Развитие учебного дела на начальном этапе строительства советской системы образования (1918–1920 гг.) определялось наличием серьезных идейных противоречий и отсутствием действенных механизмов создания социалистической школы. Необходимость реализации идеологических установок порождала целый ряд проблем, вызывая массовое неприятие решений советской власти в области просвещения². Жесткий диктат дестабилизировал и без того сложную ситуацию на фоне Гражданской войны, эксцессов военного коммунизма, краха экономики и социальной сферы.

Параллельно существовали две проективные модели построения общеобразовательной школы: советская (единая трудовая) и демократическая (единая общеобразовательная), созданная независимыми педагогами, объединенными во Всероссийский учительский союз (ВУС).

В рамках официальной стратегии единой трудовой школы существовало четыре различных подхода по ее реализации.

Первый подход («московский») был сформулирован сотрудниками Отдела реформы школы НКП РСФСР (П.Н. Лепешинский, С.И. Мицкевич, Н.А. Полянский, В.М. Познер, Л.Г. Шапиро). По проекту, традиционная система обучения упразднялась, а школа уступала место производственно-трудовой коммуне. Автономная учебно-производственная единица, находящаяся на самообеспечении и самообслуживании, становилась единственной формой организации образовательного процесса. Учебный год становился непрерывным, каникулы и задания на дом отменялись, уроки проводились всю неделю, длительность учебного дня ничем не нормировалась, вместо классов вводились группы. Программы становились примерными, а учебники отменялись. Реализация предло-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 годы (№ 27.8089.2017/БЧ) «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

² Преемственность и новаторство в развитии основных направлений в отечественной педагогической науке (конец XIX–XX вв.). М., 2012. С. 38.

жений «московской» группы в той исторической ситуации объективно вела к планомерной ликвидации традиционной системы образования.

Второй подход к педагогическому строительству (Л.Р. Менжинская, В.М. Величкина) исходил из того, что школа является учебным заведением, а не «монастырем» (производственно-трудовой организацией закрытого типа). Сторонники этого подхода выступали за сохранение каникулярного времени и обязательного отдыха учащихся, критиковали непрерывность учебного года, отстаивали приоритет учебной, а не производственной деятельности, выступали против самообслуживания и отмены домашних заданий, ратовали за строгое соблюдение санитарно-гигиенических норм.

Третий подход к строительству новой школы – «петроградский» проект (З.И. Лилина, З.Г. Гринберг, В.Р. Менжинская), представлял собой довольно удачную попытку построения умеренной модели трудовой школы, основываясь на базовых принципах демократической школы и традициях дореволюционной педагогики. Целью существования новой школы провозглашалась идея вооружить учащихся систематическими знаниями по основам наук. Проект предусматривал сохранение классно-урочной системы, учебников, отдельных предметов и подчеркивал необходимость домашних заданий. Трудовой процесс рассматривался как технология, способствующая усвоению основ наук.

Четвертый подход – официальная позиция НКП РСФСР (А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, М.Н. Покровский). Разделяя принципы построения трудовой школы, А.В. Луначарский отнюдь не стремился к их идеализации. Решительно отвергая «старую» школу, он был далек и от просвещенческого радикализма. Признавая, что труд играет важную воспитательную роль, А.В. Луначарский выступал против превращения школы в мастерскую. Суть его позиции заключалась в стабилизации трудовой школы и широком привлечении старых учительских кадров.

В сентябре 1918 г. Государственная комиссия по просвещению РСФСР утвердила «Положение о единой трудовой школе РСФСР» и «Основные принципы единой трудовой школы» («Декларация о единой трудовой школе»)¹. В этих прогрессивных, по сути вневременных документах (особенно в Декларации), содержится значительный футурологический потенциал, заключены гуманистическая и демократическая направленность развития ранней советской школы – школы переходного периода. Авторы Декларации сформулировали стратегическую цель по созданию передовой школы и занятие ею первого места в мире. Достигнуть этого можно было лишь через проведение коренной и всеобъемлющей реформы образования. В процессе реформирования отечественная школа постепенно превращалась в трудовую. Декларация провозглашала соединение производительного и общественно полезного труда с обуче-

¹ *Милованов К.Ю.* Теоретико-методологические подходы к изучению стратегии модернизации государственной образовательной политики в начале XX века // Проблемы современного образования. 2015. № 2. С. 34.

нием, вводился принцип политехнизации школы. Таким образом, целью трудовой школы являлась «отнюдь не дрессировка для того или иного ремесла, а политехническое образование»¹.

Демократическая модель трудовой школы выступала как прямая наследница либеральных реформ предыдущих лет. На VII Делегатском съезде ВУС (8–16 июня 1918 г.) были рассмотрены ключевые вопросы школьного строительства: о трудовой школе, об отношениях школы и государства, о положении школы и учителя. Было принято решение о создании светской и неполитизированной 11-тилетней единой общеобразовательной школы, состоящей из трех ступеней обучения (I и II ст. – по 4 года, а III ст. – 3 года). Подчеркивалось, что школа «должна быть построена на принципах трудового обучения»². Согласно решению Съезда, реализация принципов единой школы требовала установления обязательного минимума в учебных планах. Идеологически неангажированная программа школьного строительства являлась подлинной альтернативой советской трудовой школе, и потому не вписывалась в существующую политическую ситуацию.

Другой альтернативой курсу НКП РСФСР стало появление 1 июля 1920 г. «Декларации Народного комиссариата просвещения УССР о социальном воспитании». Документ увидел свет благодаря руководителям Наркомпроса УССР – наркому Г.Ф. Гринько, его заместителю Я.П. Ряппо, а непосредственным ее составителем был глава отдела Укрсоцвоса А.И. Попов.

Приоритет был отдан проблеме «нового» воспитания, целью которого являлось формирование «человека-коммуниста», в противовес «мертвой» школе, которая только калечила детей³. Предполагалось создание воспитательных учреждений (колоний, коммун, детских домов), циклическая производственно-трудовая деятельность (индустриальная и сельскохозяйственная), растворение обучения в воспитании и продуктивная социализация личности. И то, чего не могла дать детям «старая» школа: полное социальное обеспечение и постоянный «воспитывающий» уход за ребенком.

Таким образом, «буржуазная» педагогика не могла официально выступать источником формирования советской школы. Однако власть не отрицала возможности использования тех знаний, которые накопила традиционная школа. Складывалась парадоксальная ситуация: дореволюционная школа фактически становилась основанием школы социали-

¹ Основные принципы единой трудовой школы // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. док. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 139.

² VII Делегатский съезд Всероссийского учительского союза с 8 по 16 июня 1918 г. М., 1918. С. 39.

³ Декларация Народного комиссариата просвещения УССР о социальном воспитании детей // Антология педагогической мысли Украинской ССР. М., 1988. С. 307.

стической, но при сохранении сугубо негативного отношения к ней. При формировании идеологического профиля школы проявилась характерная тенденция – чем радикальнее звучал тот или иной проект реформы, тем вероятнее было то, что он найдет положительный отклик у новой власти.

ПАУПЕРИЗМ КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

*Милославская Софья Павловна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Проблема разрешения социальных конфликтов всегда остро стояла перед теоретиками социально-политической мысли. На протяжении веков великие мыслители пытались выявить, что же является основной причиной возникновения общественной напряженности, выражающейся как во внутренних (гражданских), так и во внешних (между государствами) противоречиях. Одни видели во всем обстоятельства исключительно политического характера, другие – экономического, третьи – божественный умысел. Однако ни те ни другие не смогли помочь эти конфликты разрешить или минимизировать.

XIX в. стал и вовсе накалом напряженности во всех социальных сферах: начинается подъем национального самосознания во многих государствах Европы, которые теперь пытаются отстоять свою идентичность; усиливается борьба женщин за собственные права; колониальная система терпит многочисленные изменения, а также происходят постоянные войны и сменяющие друг друга экономические кризисы. На территории Великобритании особо заметны стали события другого рода – последствия промышленной революции, которая в корне перевернула существующую прежде систему простого товарного производства. В результате этого огромное количество людей оказалось без постоянного заработка, что привело не только к постоянной миграции населения в поисках «лучшей жизни», но и к процветанию разбоя и преступлений, т.к. только в этом виделся способ добыть средства к существованию¹.

Большинство теоретиков считало, что помочь всевозрастающей беднейшей части населения можно только путем изменения обстоятельств политических, видя в них главное социальное зло. Однако были и те, кто считали иначе. Так, Роберт Оуэн доказал, что, изменив прежде всего социальную поддержку, можно достичь гораздо больших практических результатов. Взяв под управление предприятие в Нью-Ланарке, он в кратчайшие сроки смог добиться не только увеличения выпуска продукции, но и полностью преобразовать жизнь всех работников, открывая для них пенсионные фонды и больницы, а для их детей школы, строя новые дома

¹ Коути Е.В. Недобрая старая Англия. СПб., 2013.

и тем самым преобразовывая не только их быт, но и моральный облик, что принесло свои значительные плоды и сказалось на успехе производства¹.

Оуэн был уверен, что помочь беднякам можно реальными действиями, а не пустыми денежными отчислениями. Ведь если человек осознанно трудится в соответствующих условиях при равномерной оплате это делает его полноценным членом общества, который не стремится обокрасть другого ради минимальной выгоды, зная, что он самостоятельно может добыть себе средства для проживания². В своих многочисленных трудах и выступлениях Роберт Оуэн говорил о том, что, создавая благоприятные социальные условия для трудящихся (в это понятие он включал не только самих работников, но и их семьи, за которые они были ответственны), общество преобразуется как в моральном, так и в практическом плане. Оуэн считал, что, если социальный конфликт не улажен, то это приведет не только к распаду общества как такового, но и к конфликтам между государствами, что порождает только лишние человеческие страдания и экономические потери.

В связи с этим Роберт Оуэн и его последователи стремились укоренить в сознании людей новые принципы филантропии, т.е. помощи бедным. Несмотря на то что наибольшие богатства сосредоточены в руках наименьшей части общества, наибольшая, трудящаяся часть населения испытывает различные лишения, обладая минимальным прожиточным минимумом. Из-за несправедливости такого распределения и возникают социальные конфликты: как между «богатыми» и «бедными», так и среди «бедных» в борьбе за выживание. Ответственность за разрешение этой ситуации возлагается на «управленцев» – владельцев фабрик и предприятий, которые должны организовать не только качественные условия труда, но и социальную поддержку, которая за этим следует.

Следовательно, признавая пауперизм как существующую социальную угрозу, ведущую к ужасающим последствиям, единственный мерой борьбы с ней должно признаваться изменение в сознании людей отношения к бедным и методам помощи им, т.е. внедрения новых принципов филантропии, которые выражались бы не только в материальных эквивалентах, но и в моральной и социальной ответственности.

¹ *Андерсон К.М., Шириняц А.А.* Роберт Оуэн. Жизнь и идеи. М., 2014. С. 9.

² *Оуэн Р.* Об образовании человеческого характера. СПб., 1881; М., 1893. С. 24.

КРИТИКА БЮРОКРАТИЗМА В РАССКАЗАХ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЖИТЕЛЬ» И «УСОМНИВШИЙСЯ МАКАР»

*Миронова Ольга Юрьевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Андрей Платонов – советский писатель, при жизни известный как автор малой прозы, ведь только после его смерти, в эпоху перестройки, были опубликованы произведения, теперь считающиеся центральными в его творчестве: роман «Чевенгур», повесть «Котлован».

Родился Андрей Платонов в 1899 г. в Ямской слободе в многодетной семье паровозного машиниста Платона Климентова, и взрослая жизнь захватила его стремительно, после революции ему «некогда было быть юным» – необходимо было работать¹.

Вероятно, именно в трудовой юности кроется причина сопереживания писателя рабочему классу. В одном из писем Горькому он признался: «рабочий класс это моя родина, и мое будущее связано с пролетариатом»².

После переезда Платонова в Москву он служил в различных учреждениях, а в свободное время занимался литературным трудом. Именно тогда создаются «Чевенгур» и «Котлован», однако после трудностей с их изданием Максим Горький посоветовал писателю пробовать себя в комедийном жанре, дабы не иметь проблем с цензурой³.

Тем не менее, и за малую прозу Платонов позже подвергся критике, в частности за рассказы «Усомнившийся Макар» и «Вновь». Писатель на долгое время потерял возможность издавать свои работы, но творить не перестал вплоть до своей смерти от туберкулёза в 1951 г.

Сложно определить жанр, в котором писал Платонов. Известен случай, когда на вопрос о сочувствии какому-либо из направлений писатель ответил: «Никаким, имею свое»⁴.

¹ Гассиева В.З. «Прекрасный и яростный мир» Андрея Платонова (на примере произведений 20-х годов). Часть вторая. Владикавказ, 2012. С. 44.

² Платонов А. ...Я прожил жизнь (письма 1920–1950 годов). М., 2016. С. 157.

³ См.: Яблоков Е.А. Комментарий // Платонов А. Чевенгур. М., 1991. С. 411–412.

⁴ Матвеева И.И. Андрей Платонов и сатира 1920-х годов // Вестник Московского Городского Педагогического Университета. Серия: Филологическое образование. № 2. 2010. С. 50.

Несмотря на это, критиками часто обращалось внимание на иронически-сатирическое настроение большинства его работ¹. Литературовед М. Майзель, например, подчеркивал «ядовидность» писателя².

Сам Платонов себя сатириком не считал³, о чем нередко говорил: «Я себя не сознавал сатириком и не старался им быть. Я искал возможности быть политическим писателем. Я стремился, чтобы была наиболее эффективная и полезная работа»⁴.

Однако многие его рассказы все равно для критиков остаются именно иронично-сатирическими. Особенно выделяются здесь два произведения: «Государственный житель» (1928) и «Усомнившийся Макар» (1929). Объединяет их общий мотив – тема соотношения государства и гражданина, влияние бюрократического аппарата на жизнь общества.

Так, центральный персонаж «Государственного жителя» «пожилой человек по имени Петр Евсеевич Веретенников»⁵ охвачен мнимым участием в деятельности государства, которое кажется ему почти божественным. Веретенников предстает перед читателем как некий идеальный гражданин, т.к. все его мысли направлены лишь на развитие отечества.

Каждый день он совершает променады, дабы удостовериться, что все в государстве в порядке: он проверяет, много ли товаров грузят в паровоз, следит за тем, чтобы поезда отправлялись вглубь республики, смотрит, как продвигается стройка. Даже встречая уставшего землемера, Петр Евсеевич умиляется и подкладывает ему под голову траву: «Он глубже спит и точнее измерит землю»⁶.

Особое место в жизни героя занимает деревня Козьма, жители которой страдают от жажды из-за отсутствия водоснабжения. Порой они пытались рыть колодцы, но неизменно сталкивались с критикой Петра Евсеевича: «Ведь тут грунт государственный, государство вам и колодезь даст – ждите автоматически, а пока пейте дожди!»⁷

Государство для Петра Евсеевича сакрально, всемогуще и идеально. Всё в нём совершенно, и человеку не нужно решать свои проблемы, ведь государство, как божество, все сделает само: «Пускай птицы клюют просо, пускай сторожа в кооперативе на радио глядят, а мыши кушают добро, – государство внезапно грянет и туда, а нам надо жить и терпеть»⁸.

¹ См.: Яблоков Е.А. Комментарий // Платонов А. Чевенгур. М., 1991. С. 411.

² См.: Майзель М. Ошибки мастера // Звезда. № 4. 1930. С. 200.

³ См.: Матвеева И.И. Указ. соч. С. 50.

⁴ Корниенко Н.В., Шубина Е.Д. Андрей Платонов: воспоминания современников: материалы к биографии. Т. 1. М., 1994. С. 300.

⁵ Платонов А. Государственный житель // Платонов А. Собрание сочинений. Т. 1. Рассказы: Повести: 1921–1934. М., 1984. С. 95.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Там же. С. 99.

⁸ Платонов А. Государственный житель. С. 101.

И неважно, что та же Козьма семьдесят лет вымирала в бездействии, прежде чем государство приступило к обеспечению деревни водой.

Единственная задача населения, по мнению Веретенникова, – труд, который в его понимании и составляет суть государства: «Петр Евсеевич правильно полагал, что сочувствовать надо не преходящим гражданам, но их делу, затвердевшему в образе государства»¹. Личность значения не имеет, важен лишь её трудовой отпечаток.

И это его понимание достигает своего апогея, когда Веретенников встречает на вокзале мальчика, топящего летом печь, за что ему позволяют ночевать на станции. Мальчику практически нечего есть, и ждать, пока государство сделает его жизнь лучше, он не может. Тогда же Веретенников цинично задумывается о том, насколько необходим его идеальному государству такой гражданин.

Но финальный штрих в личности героя можно найти в последних строках рассказа, где выясняется, что государственный житель, решающий, какой труд полезен государству, а какой – нет, сам безработный и доволен своим положением, ведь так он ощущает, что служит любимому государству.

Именно здесь сквозит ирония Платонова, высмеявшего «массового человека», возлагающего надежды на абстрактное государство вместо осознанного восприятия действительности. Терпеть, трудиться и ждать – все, что остается такому обывателю. Чувство причастности и мнимой полезности застилает ему глаза и лишает человечности.

Главный герой рассказа «Усомнившийся Макар» (1929) – «нормальный мужик Макар Ганушкин»², выступающий в роли Ивана-Дурака, в течение всего повествования неоднократно признающийся в неумении думать и демонстрирующий удивительную наивность: например, он искренне просит милиционера указать ему дорогу «на пролетариат»³.

Простота Макара позволяет Платонову мягко и иронично подмечать спорные моменты организации общества. Один из таких эпизодов – поездка героя на поезде. Убеденный в том, что государство существует для народа, он, не сомневаясь в бесплатности проезда, устраивается на сцепках. «Однако долго Макар не просидел. Пошел стражник без оружия и спросил у него билет. Билета у Макара с собой не было, т.к., по его предположению, была советская, твердая власть, которая теперь и вовсе задаром возит всех нуждающихся»⁴. И даже когда Макара высаживают на полустанке, он остается убежденным, что государство о нём заботится, ведь оно «не просто гонит, а предлагает буфет»⁵.

¹ Платонов А. Государственный житель. С. 99.

² Платонов А. Усомнившийся Макар // Платонов А. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения. М., 2011. С. 216.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Там же. С. 220.

Но основной мотив рассказа – усложнение бюрократического аппарата «пролетарской республики», который все меньше способен понимать нужды простого человека. Примечателен здесь диалог Макара с начальником, руководящим погрузкой опустевших бидонов в вагон. На предложение героя построить молочную трубу до города, дабы не было нужды эксплуатировать технику зря, тот замечает, что с этим надо обращаться в Москву. Макар, привыкший решать проблемы своими силами, столкнулся с тем, что пропагандировал герой «Государственного жителя»: государство разберется само, человек в это лезть не должен.

Ирония над излишне запутанными механизмами бюрократии сквозит в описании профсоюзного дома, в котором Макар заблудился, и в невозможности устроиться работать на стройке: «Ты живешь на воле, а стало быть – никто. Тебе надо начала в союз рабочих записаться, сквозь классовый надзор пройти»¹. Открывает для себя Макар и первостепенную важность писцов: «Без конторы, оказывается, сейчас же началось бы всюду светопреставление, а писцы давали всей жизни хотя и медленный, но правильный ход»².

Центральный эпизод рассказа – сон Макара, в котором он увидел бездействующего «научного человека» на вершине горы. «Но человек тот стоял и молчал, не видя горящего Макара и думая лишь о целостном масштабе, но не о частном Макаре»³. Когда же герой коснулся его, научный человек упал, будучи мертвым.

Сон этот – символ разросшегося бюрократического аппарата, видящего общее, а не частности. Бюрократии нет дела до проблем отдельных граждан. Она мыслит великими категориями и не в силах помочь «маленькому человеку».

Андрей Платонов не хотел, чтобы его считали сатириком, однако очевидно, что эти рассказы проникнуты иронией, целью которой была критика чрезмерного бюрократизма, с которым он сталкивался в новой советской действительности. При этом важно понимать, что главной целью своей Платонов видел служение благу делу – «строительству страны». Но так вышло, что ряд его произведений был расценен как враждебный советской власти и доступен массовому читателю стал уже после его смерти, когда в стране наступила совсем иная эпоха.

¹ Там же. С. 224.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 229.

**ИНТЕРВЕНЦИЯ СТРАН АНТАНТЫ И ИХ СОЮЗНИКОВ
В РОССИЮ КАК ФАКТОР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(МАРТ–НОЯБРЬ 1918 г.)
(К СТОЛЕТИЮ НАЧАЛА ИНТЕРВЕНЦИИ)**

*Миронюк Сергей Алексеевич
(Российский университет дружбы народов)*

Интервенция стран Антанты и их союзников в Россию (далее Интервенция) – специфическая, интегрированная составляющая Гражданской войны. Ее изучение позволяет исследовать историю гражданских противостояний с точки зрения влияния на них геополитических и экономических интересов зарубежных стран, определить реальную мотивацию, методы и геополитические последствия вмешательства. Интервенция – беспрецедентное событие не только в российской, но и всемирной истории, впервые возникшее в таких масштабах проявление консолидированной политики стран Запада и их союзников в отношении крупной державы – бывшей союзницы.

Вторжение осуществлялось со всех четырех сторон света (Дальний Восток, Кавказ, Крым, Прибалтика, Север России, Сибирь, Средняя Азия, Украина) и было предварительно спланировано с учетом разделения сфер влияния, интересов и возможностей сторон и соответствующим образом скоординировано. Значительная роль в подготовке, осуществлении и координации вторжения принадлежала Великобритании как давнего в силу географических и исторических причин арбитра и координатора, проводившего политику баланса сил в целях сохранения собственных лидирующих мировых позиций.

К настоящему времени рассекречены и опубликованы материалы заседаний Военного Кабинета министров Великобритании (далее Кабинет министров), позволяющие проследить в режиме реального времени не только роль Великобритании в интервенции, но и процессы согласования консолидированной политики стран альянса, поскольку все значимые документы и проекты решений стран-участниц по «русскому вопросу» рассматривались и обсуждались на заседаниях. Эти материалы наряду с источниками личного происхождения позволяют значительно расширить базу источников для исследования интервенции. Важно отметить, что многие технологии и алгоритмы действий, выработанные тогда, актуальны и сегодня.

Активная фаза подготовки, согласования и осуществления интервенции совпадает по времени с периодом от Брестского мира до Компьен-

ского перемирия (март–ноябрь 1918 г.), когда стратегическая неопределенность политики в отношении России, вызванная непониманием внутренней ситуации в ней, была преодолена, и Кабинет министров начал предметно обсуждать, разрабатывать и согласовывать с союзниками политику по «русскому вопросу» с созданием вариативных сценариев ее осуществления. Работа проводилась одновременно по следующим основным направлениям: согласование позиций сторон о порядке осуществления интервенции; обеспечение военных операций достаточным воинским контингентом стран альянса; поиск союзников внутри России и продвижение лидеров, которые могли бы их возглавить.

Главный вопрос, требовавший согласования, был вопрос об интервенции на Дальний Восток. В архиве Кабинета министров имеется специальный доклад от 27 марта на эту тему. В нем констатируется, что Форин офис продолжал получать противоречивую информацию относительно ее желательности и возможных союзников внутри России. В документе отмечается, что любое вмешательство должно быть направлено исключительно против Германии; не связано с поддержкой партий внутри России; предпочтительно основываться на каком-либо российском мандате¹. Наиболее эффективно на этом направлении могла бы действовать Япония. Однако против ее участия возражал президент США В. Вильсон, одновременно настаивая на согласии советского правительства. «Англичане приложили все усилия, чтобы получить формальное приглашение от большевистских вождей», – отмечал У. Черчилль². Но благодаря твердой позиции В.И. Ленина «приглашение» так и не произошло³. Несмотря на это, практическая подготовка к интервенции продолжалась.

В апреле–июне были созданы необходимые условия для начала полномасштабного вторжения:

1. Высадка японских и английских десантов во Владивосток. Емко комментирует это событие А.П. Будберг: «...узнал, что 5 апреля японцы высадили во Владивостоке десант, как ответ на ограбление конторы «Исида» и убийство трех японцев; японцам очень везет на такие подходящие случаи»⁴. В протоколе заседания Кабинета министров от 9 апреля зафиксирован факт высадки английского десанта: «...наша нынешняя акция носила исключительно локальный характер для защиты британских подданных во Владивостоке»⁵.

¹ NA. Cab. 24/148. Western and general report. № 61. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-148.pdf> (дата обращения: 25.02.2018).

² Черчилль У.С. Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 81.

³ См.: Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Милоков против Советской России. М., 1989. С. 49.

⁴ Будберг А.П. Дневник. 1917–1919. М., 2016. С. 186.

⁵ NA. Cab. 23/6. War Cabinet, 387. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on Tuesday, April 9, 1918, at 11:30 A.M. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-6.pdf> (дата обращения: 25.02.2018).

2. В мае–июне Чехословацкий корпус взял под контроль территорию от Самары до Владивостока и выразил готовность поддержать союзников. «...благодаря нарушению данного обещания и целому ряду случайных инцидентов, которых никто в мире не мог предвидеть, вся русская территория от реки Волги до Тихого океана... перешла, словно по мановению волшебного жезла, под контроль союзников», – писал Черчилль¹. Иного мнения придерживался Л.Д. Троцкий: «...французская и английская агентура подняла летом 1918 г. восстание корпуса чехословаков из бывших военнопленных»².

2 июля союзники обратились к Вильсону с просьбой поддержать Чехословацкий корпус. 6 июля согласие США на интервенцию на этом направлении в ограниченных размерах было получено. Начиная с июля–августа, на окраинах бывшей Российской империи стали высаживаться войска интервентов. Алгоритмы вмешательства создавались с учётом географического положения, национального состава и внутренней расстановки сил в каждом регионе. На Севере первоначально развивался сценарий, близкий к «интервенции по приглашению», где имелось сотрудничество интервентов с главой Мурманского краевого совета А.М. Юрьевым, а затем сценарий переворота, возглавленного ставленником англичан Г.Е. Чаплиным, и образования подконтрольного правительства. В результате была взята под контроль инфраструктура (порты и железные дороги). Приведенные примеры демонстрируют практическое применение политики маневрирования и поиска опоры внутри России, не исключавшей сотрудничества с любыми политическими силами, т.е. идеологические мотивы не были для интервентов приоритетными.

Приоритетным целеполаганием интервентов были захват стратегически важных объектов инфраструктуры, нефтяных месторождений и оккупация соответствующих территорий. В августе британцами была занята значительная часть Закаспийской области. Закаспийское правительство получило военно-техническую и финансовую помощь. Под контроль англичан перешли судоходство на Каспии и нефтяные промыслы. 16 ноября британская эскадра вошла в Черное море. 17 ноября в Баку прибыл из Персии пятитысячный контингент британских военных. Железнодорожная ветка Баку–Батум была взята под контроль, в городе установлен военный режим. Эсер М.В. Вишняк писал: «В погоне за нефтью Англия спешит прикрыть своим щитом прежде всего Азербайджан. Почти на следующий день после перемирия на западном берегу генерал Томпсон во главе британских войск занял Баку, заявив, что делает это в согласии с интересами России в данной местности»³. В продолжение этой политики в декабре были заняты гавани стран Прибалтики и высажены войска на

¹ Черчилль У.С. Указ. соч. С. 84.

² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2014. С. 324.

³ См.: Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989. С. 59.

территории Крыма и Украины, несмотря на то, что к августу наступил перелом в ходе Первой мировой войны.

В этих условиях основная декларируемая мотивация к интервенции – противостоять Германии – теряла всякую убедительность и актуальность. Однако именно в этот период происходит усиление давления стран Антанты на Советскую Россию, что наглядно показывает истинные цели интервентов: бросить освобождающиеся силы на обессиленную Первой мировой и Гражданской войнами Россию, получить материальные выгоды от ее ресурсов и инфраструктуры, расчленив некогда мощную союзную державу, получить геополитическое превосходство.

Интервенция была важным фактором затягивания Гражданской войны путем поддержки боеспособности одной из сторон, что привело к дальнейшему ослаблению России: огромным человеческим, территориальным, материальным потерям и перераспределению ее богатств в пользу интервентов.

РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВ 1917–1918 гг.)

Михайлова Лилия Дмитриевна
(НИУ «Московский энергетический институт»)

1917 год для писателей и поэтов необычайно важен. Революция – это не только политическая сфера жизни общества. Революция – это атмосфера, идеи, принципы, лозунги, т.е. сфера духовная. Писатель видит в революции сущностное, главное, поэтому его взгляд наиболее точный. Для него это есть само движение жизни, а не просто борьба масс или расстановка политических сил. Стихи, проза, дневниковые записи отражают атмосферу событий, их смысл и даже основные причины, причем чаще не политические (как у историков), а бытийные.

Русский поэт-символист Александр Блок, сам являвшийся символом Серебряного века, не был философом, и его взгляд на революцию – это попытка осмыслить ее чисто эстетически, символистски. Он много написал и о Феврале, и об Октябре. Книга «Последние дни императорской власти», статья «Интеллигенция и революция», поэма «Двенадцать» объемно раскрывают блоковское осознание революции. Но мы обратимся к важнейшему, на наш взгляд, источнику – Дневнику Блока за 1917 и 1918 гг. Блок вел дневник практически всю свою творческую жизнь. Первые записи относятся к 1901 г., последние – к 1921 г. Всего 61 тетрадь (15 из них он перед смертью уничтожил). Бытовые записи, размышления, наброски замыслов составляют этот дневник. Это и есть практически вся внешняя и внутренняя жизнь Блока.

Важно понять состояние Блока в канун революции. С конца июля 1916 г. он служил табельщиком в действующей армии в Белоруссии. В революционный Петроград приехал только 19 марта 1917 г., получив отпуск. Свое восприятие революции он выразил в письме к матери (конец марта): «Может случиться очень многое, минута для страны, для государства, для всяких «собственностей» – опасная, но все побеждается тем сознанием, что произошло чудо, и, следовательно, будут еще чудеса»¹.

Поэт ощущает незавершенность революции, чувствует, что многое еще впереди, воспринимая революцию как «чудо». Блок добывается перевода из армии и становится редактором Чрезвычайной комиссии по расследованию противозаконных действий бывшей власти (учреждена

¹ Цитаты здесь и далее даются по изданию: *Блок А.А. Сочинения в двух томах.* М., 1955.

Временным правительством). Это позволило поэту глубже и полней почувствовать атмосферу событий. После долгого перерыва в его Дневнике появляется запись (25 мая 1917): «Старая русская власть делилась на безответственную и ответственную. Вторая несла ответственность только перед первой, а не перед народом».

Далее в этих заметках Блок говорит о растерянности носителей этой власти, но сохранении равновесия много лет, т.к. «безвластие сверху уравновешивалось равнодушием снизу». И нужно было только ждать толчка, ведь «русская власть находила опору в исконных чертах народа», в «глубоких свойствах русской души», которые «заложены в гораздо большем количестве русских людей... чем принято думать». Толчок этот, «по громадности России, должен был быть очень силен». Им стала война 1914–1917 гг.

«Революционный народ» – понятие не вполне реальное. Не мог сразу сделаться революционным тот народ, для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью и «чудом»; скорее просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома. Революция предполагает волю; было ли действие воли? – задает не совсем риторический вопрос Блок и тут же отвечает на него: «Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?»

Очень важная для блоковского восприятия мысль: революция – стихия. Позже он создаст образ революции как ветра, метели, пурги в «Двенадцати». 6 августа в Дневнике появляется набросок «Между двух снов», где есть такой призыв: «– Спасайте, спасайте! – Что спасать? – «Россию», «Родину», «Отечество», не знаю, что и как назвать, чтобы не стало больно и горько и стыдно перед бедными, озлобленными, темными, обиженными!»

А на следующий день: «Вот задача русской культуры – направить этот огонь на то, что нужно сжечь; буйство Стеньки и Емельки превратить в волевою музыкальную волну; поставить разрушению такие преграды, которые не ослабят напора огня, но организуют этот напор; организовать буйную волю». Здесь еще раз звучит тема воли и даже особый «рецепт» по ее воспитанию: «...ленивое тление, в котором тоже таится возможность вспышки буйства, направить в распутинские углы души и там раздуть его в костер до неба, чтобы сгорела хитрая, ленивая, рабская похоть». Здесь уже тревога о том, что вихрь разрушения (появляется образ огня) уничтожит саму Россию и все вокруг. Этим объясняется принятие Блоком большевиков.

19 октября, за неделю до переворота, поэт записывает: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране. Таким образом, те и другие – сторонники выступления, но одни – с отчаянья, а Ленин – с предвиденьем доброго». Далее звучит мысль о неизбежности второго этапа революции: «Выступление может, однако, состояться совершенно независимо от большевиков – независимо от всех, стихийно». Больше записей за 1917 г. нет.

Дневник возобновляется только в начале 1918 г. Но есть интересное свидетельство В.В. Маяковского о Блоке конца 1917 г. В некрологе Блоку Маяковский вспоминает встречу с ним в Петрограде в конце ноября: «Спрашиваю “Нравится?” (*все, что происходит сейчас*. – Л. М.) – «Хорошо», – сказал Блок, а потом прибавил: «У меня в деревне библиотеку сожгли». Вот эта двойственность: с одной стороны, «Хорошо» (потому что неизбежна гибель старого мира), а с другой стороны – варварство и буйство народной стихии – и является основой блоковского восприятия революции.

30 декабря Блок начинает работу над статьей «Интеллигенция и революция», в которой он призывает всех отчаявшихся и отшатнувшихся из-за «гримас революции» «слушать ту великую музыку будущего, звуками которой напитан воздух», и не высккивать «отдельных визгливых и фальшивых нот в величайшем реве и звоне мирового оркестра». Блок обращается к интеллигенции, если она хочет остаться на этой стороне и принять разрушение старого мира: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию». В этом проявляется Блок именно как поэт, «слышащий музыку, которую не слышит никто» и которую в это время необходимо услышать всем.

Итак, революция для Блока – звук «мирового оркестра», и именно эту «симфонию революции», наполненную звуками хаоса, он написал, создав в конце января 1918 г. поэму «Двенадцать». Отметим, что в дневниковых записях за январь 1918 г. царит этот хаос мыслей, впечатлений, состояний. Позже Блок назовет его «Русским бредом» (см. фрагмент из дневника от 11 января).

Поэма «Двенадцать» у Блока – это выражение революции как катастрофы. «Музыка революции» в ней катастрофична – сплошные диссонансы, перебивки ритма, звуковые наслоения. Позже Блок записывает свои воспоминания о работе над поэмой: «Во время и после окончания “Двенадцати” я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг – шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)». Поэт, как звукозаписывающее устройство, передал гул выплеснувшейся на улицы народной стихии.

Образ Христа в конце поэмы Блоку необходим как символ обновления после гибели, он – как бы оправдание этого разгула стихии. «Двенадцать» – высшая ступень восприятия революции Блоком. Дневник это подтверждает. 29 января появляется запись: «Сегодня я – гений». Именно в этот день Блок оформил окончательно свое эстетическое отношение к революции.

Революция – это, прежде всего, катастрофа, явление закономерное и поэтому неизбежное, но она необходима для гибели отжившего «страшного мира». И как поэт он считал своей задачей отразить эту катастрофу. Сам же он осознавал, что погибнет в ней, поэтому будущее обновление, выраженное им намеком в образе Христа, его не интересовало – он лишь его обозначил. Этим будущим занимались другие поэты (футуристы,

имажинисты), а Блок просто физически доживал, что и отражает его Дневник.

Политическую сторону революции он не принял. В большевиках разочаровался (особенно после двух дней, проведенных в ЧК в феврале 1919 г.), увидев в них не силу порядка, «предвидение добра», а продолжение и расширение хаоса. Поэтому он работал в различных культурных проектах, стараясь в этом гибельном вихре сохранить достижения мировой культуры. Его смерть в августе 1921 г. явилась закономерным концом такого положения. Последняя запись в Дневнике (от 18 июня 1921 г.) символична: «Мне трудно дышать, сердце заняло полгруды».

В августе 1914 г. в стихотворении, посвященном Зинаиде Гиппиус, он пророчески обозначил смысл русской революции и свое место в ней:

И пусть над нашим смертным ложем
Взвьется с криком воронье, –
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!

Есть и другое пророчество, записанное в Дневнике 12 апреля 1917 г., не потерявшее своей актуальности: «Все будет хорошо. Россия будет великой. Но как долго ждать и как трудно дожидаться».

ИДЕЯ ИНДИЙСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.Г. ТИЛАКА, А. ГХОША И М.К. ГАНДИ

*Мишина Анастасия Александровна,
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

XX в. – век войн, революций, международных конфликтов, но вместе с тем и время образования новых государств, завершения колониализма. Борьба колоний за независимость – важнейший этап в их современной истории. Особенно это касается Индии. Эта страна никогда не существовала в том единстве и в тех границах, в которых она оказалась 15 августа 1947 г. 90 лет борьбы за освобождение от господства метрополии (1857–1947) завершились обретением полной независимости Индии.

Важнейшую роль в освободительном движении сыграли три его лидера: Бал Гангадхар Тилак, Ауробиндо Гхош и Мохандас Карамчанд Ганди. Именно они создали мощную теоретическую базу движения и способствовали реализации своих политических идей. В частности, центральное место в их творчестве занимает идея свараджа, или самоуправления. Б.Г. Тилак говорил: «Сварадж – мое право по рождению, и я обрету его»¹. Эта цитата очень точно и емко отражает многолетнее стремление индийцев к независимости.

Б.Г. Тилак (1856–1920) – радикальный националист, один из лидеров национально-освободительного движения. Он был активным сторонником «свадешы» – экономического, политического бойкота, а также идеи полного освобождения Индии от колониальной зависимости. Ауробиндо Гхош писал о том, что Тилак воспользовался «четырьмя основными пунктами, которым бенгальская агитация начала придавать практическую форму: сварадж, свадешы, национальное образование и бойкот» и сформулировал их «в четкой программе, которую он успешно представил среди резолюций Конгресса на Калькуттской сессии». В работе «Самоуправление» он определял сварадж так: «Это просто санскритское слово, означающее не более, чем власть управлять нашими домами, поэтому коротко это называется «самоуправление». Это наше право по рождению –

¹ Ghose A. Bal Gangadhar Tilak. His writings and speeches. Madras, 1922. P. III.

управлять своим домом, никто не может притязать на него, кроме случая, если вы недееспособный или сумасшедший»¹.

Ауробиндо Гхош (1872–1950), политик, философ, поэт, лидер движения свадеша в Бенгалии, также видел целью национально-освободительной борьбы сварадж. «Сварадж как воплощение устоев древней Индии в современных условиях, возвращение к Сатьяге национального величия и возобновление ею её великой роли учителя и проводника, самоосвобождение людей для реализации идеала веданты в политике – только это могло являться истинным свараджем для Индии»².

В апреле 1907 г. в еженедельнике *Bande Mataram*, редактором и автором которого был А. Гхош, была опубликована «Доктрина пассивного сопротивления»³. В качестве методов борьбы он предлагал несоблюдение несправедливых навязанных законов и указаний, отказ от уплаты налогов и службы в армии. Цель такого метода борьбы заключалась в том, чтобы лишить правительство поддержки, особенно если ранее оно характеризовалось постоянством и пользовалось молчаливым согласием со стороны населения. Свобода не была самоцелью для Индии, считал А. Гхош: роль свободной Индии в мире заключается в том, чтобы «возглавить новую фазу человеческой эволюции», вывести мир «на духовный путь»⁴.

По мнению М.К. Ганди (1869–1948), Индия не является свободной страной, т.к. «добровольно поощряет или терпит экономическое выкачивание, дрящущее последние полтора века»⁵. Преодолевая экономическую зависимость, Индия должна добиться свараджа. Залог политической, экономической и культурной независимости Ганди видит в ручном прядении. Он пишет: «В ручном прядении сокрыта охрана женской добродетели, в нем гарантия от голода и снижение цен. В нем сокрыт секрет свараджа»⁶.

Ганди выделял следующие условия свараджа: 1. Политика ненасилия. 2. Организация Конгресса на основе нового устава, создание органов Конгресса в каждой деревне. 3. Введение прялки в каждый дом. 4. Сбор денег. 5. Укрепление индусско-мусульманского единства. 6. Избавление индуизма от неприкасаемости, отказ от спиртных напитков и наркотиков⁷. В 1946 г. на пороге новой эры в жизни Индии М. Ганди описывает идею независимости своей страны следующим образом: независимость

¹ *Tilak B.G.* Home rule // *Bal Gangadhar Tilak. His writings and speeches.* Madras, 1922. P. 225.

² *Палишева Н.В.* Становление и развитие индийского национализма: вторая четверть XIX – первая половина XX века: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. С. 155.

³ *Sri Aurobindo.* The doctrine of passive resistance // *The complete works of Sri Aurobindo.* Vol. 6–7. Pondicherry, 1997.

⁴ *Палишева Н.В.* Указ. соч. С. 154.

⁵ *Ганди М.К.* Секрет свараджа // *Ганди М.К.* Моя жизнь. М., 1969. С. 487.

⁶ Там же. С. 489.

⁷ *Ганди М.К.* Условия свараджа // *Ганди М.К.* Указ. соч. С. 490–491.

Индии – это независимость народа, а не тех, кто им управляет. Это свобода всей страны, в том числе различных индийских княжеств, а также владений Франции и Португалии. Он говорит о трех составляющих независимости: политической, экономической и духовной.

«Политическая» независимость означает упразднение власти британской армии в любом виде. «Экономическая» независимость означает полную свободу от британских капиталистов и капитала, так же, как и от их индийских двойников... «Духовная» независимость означает свободу от вооружённых сил для обороны»⁸. Общество новой Индии должно быть основано на истине и ненасилии, которые, по утверждению Ганди, «невозможны без живой веры в бога. А бог – это никем не созданная всеведущая живая сила, проникающая все другие силы мира и не зависящая ни от какой из них»⁹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что идея индийского самоуправления – свараджа – занимала центральное место в социально-политическом творчестве Б.Г. Тилака, А. Гхоша и М.К. Ганди. В своей политической деятельности они стремились применять предлагаемыми ими методы для достижения главной цели национально-освободительного движения Индии – получения полной независимости от Британии.

⁸ Ганди М.К. Независимость // Ганди М.К. Указ. соч. С. 547.

⁹ Там же. С. 548.

ГОМОГЕНИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО НЕДОПУЩЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН. К. ШМИТТ И ЕГО «ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО»

*Мишурин Александр Николаевич, к.полит.н.
(Институт философии РАН)*

Работа Карла Шмитта «Понятие политического»¹ по праву считается одной из главных работ Немецкой консервативной революции. Она была создана в 1927 г. и претерпела несколько редакций вследствие критики и изменения политической конъюнктуры². Именно в ней германский юрист, суммировав опыт своей страны, за предыдущее десятилетие прошедшей через поражение в Мировой войне, частичную оккупацию, экономический кризис, понижение роли на мировой арене, смену режима, попытку государственного переворота, сепаратистское движение и вооруженное гражданское противостояние, попытался выявить те средства, которые бы не позволили ей погрузиться в хаос второй раз.

В своей работе Шмитт предлагает новое представление о политике как возможности коллективного решения о начале, ведении и окончании войны³, т.е. о «специфически политическом различении... различении друга и врага»⁴. В этом случае политика оказывается не отдельной сферой общественной жизни как, скажем, социальная сфера, религиозная сфера, экономическая, национальная сферы и т.д., но уровнем интенсивности отношений внутри этих сфер⁵. К примеру, отношения внутри экономической сферы общественной жизни между коллективами людей, достигающие интенсивности политического, переходят от экономического критерия деления (выгодное-невыгодное) к политическому (друг-враг), провоцируя сугубо политическую деятельность – войну. Когда политическое проявляется внутри сфер общественной жизни одного государства, а не между государствами, оно проявляется в форме гражданской войны⁶.

¹ Шмитт К. Понятие политического. Понятие политического. СПб., 2016. С. 293–356.

² Мы будем пользоваться второй редакцией 1932 года, дабы избежать конъюнктурной редакции 1933 года. Подробнее см. Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». М., 2012. С. 13–14.

³ Шмитт К. Указ. соч. С. 312.

⁴ Там же. С. 301.

⁵ Там же. С. 302, 313.

⁶ Там же. С. 307–308.

Если государство желает продолжить обладать монополией на политическое¹, одной из его задач всегда будет недопущение интенсификации коллективных отношений внутри различных сфер общественной жизни до уровня политического. А так как эта интенсификация происходит посредством диссоциации, т.е. выделения внутри сфер таких коллективных элементов, которые становятся врагом остальной части коллектива, то способом предупреждения проявления политического, а значит гражданского противостояния, оказывается ассоциация. Под ассоциацией лучше всего понимать гомогенизацию коллективов внутри сфер общественной жизни.

Иными словами, для недопущения гражданской войны Шмитт предлагает государству проводить гомогенизационные мероприятия, лишаящие коллективы внутри этих сфер общественной жизни возможности вступить в политическое противостояние и тем самым достигающие цели создания «политического единства»². По мнению Шмитта, гомогенизация должна коснуться морали (представлений о добре и зле), эстетики (представлений о прекрасном и безобразном), экономики (выгодного и невыгодного), партийности (правого и левого), религии (праведного и грешного) и нации (как поясняет сам Шмитт: нации «в этническом или культурном смысле»³)⁴. А так как, в конечном счете, враг – это всегда человек, а не идея или концепт, т.к. враг всегда материален, гомогенизация должна разворачиваться внутри группирования людей, т.е. должна проходить посредством удаления из указанных сфер общественной жизни тех, кто потенциально может оказаться врагом. Так из гомогенизирующегося общества должны быть удалены те люди (коллективы людей), которые противны его моральной, эстетической, экономической, партийной, религиозной и национальной сущности.

При этом, выбор этой сущности как таковой является результатом решения, а не «истории» или «теории»: совершенно неважно, кто именно и на каких именно основаниях будет убран из коллектива с целью его гомогенизации, важно, что цель гомогенизации и деполитизации внутри-государственной жизни будет достигнута путем удаления потенциальных врагов. Как только государство будет гомогенизировано, оно диалектически окажется максимально деполитизированным внутри себя и максимально политизированным по отношению к другим государствам. А только такое государство и может, по мнению Шмитта, считаться нормальным или полноценным⁵.

¹ Шмитт К. Указ. соч. С. 297–298. Ср. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. М., 1990. С. 645.

² Там же. С. 307.

³ Там же. С. 313.

⁴ Именно эти сферы общественной жизни, которые Шмитт прямо упоминает в тексте работы.

⁵ Шмитт К. Указ. соч. С. 321–322.

ИСТОЧНИКИ О ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ж. ШАЯХМЕТОВА

Молдагазиева Сымбат Амирхановна
(*Казахский национальный университет имени аль-Фараби,*
Республика Казахстан)

Родился Жумабай Шаяхметов 30 августа 1902 г. в ауле № 1 Шарбаккульского района Омской области. Свою деятельность в Центральном комитете Коммунистической партии (большевиков) Казахстана начал в 1938 г. третьим секретарем. С 1939 до 1946 г. занимал пост второго секретаря. В 1946 г. на XV пленуме ЦК КП(б) Казахстана Жумабай Шаяхметов был избран первым секретарем. В 1950 г. также вступил в должность председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР.

Время деятельности Жумабая Шаяхметова связано с развитием в Казахстане промышленности, науки, культуры и образования. Он руководил республикой в самые тяжелые годы: в военное и послевоенное время.

В военные годы он внес вклад в мобилизацию людских и материальных ресурсов на фронт, организацию работ в тылу, фронтовых концертных бригад, приема и размещения эвакуированных населений и предприятий. Проводя в жизнь директивы ЦК ВКП(б) и Советского правительства по мобилизации всех ресурсов на нужды обороны, колхозное крестьянство Казахстана снабжало Советскую армию и страну всем необходимым¹. Большая организаторская работа Жумабая Шаяхметова сыграла роль в становлении военно-экономического потенциала Советского Союза. Помимо этого, в суровые годы, когда все силы и средства были направлены на фронт, он не забывал о науке и культуре: были открыты Казахский химико-технологический институт (1943), Женский педагогический институт (1944), Алма-Атинская консерватория (1944), Театр юного зрителя (1945). После окончания войны в 1946 г. – Академия наук КазССР.

В 1954 г. IX пленумом Жумабай Шаяхметов был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК КП Казахстана ввиду несогласия с масштабами предлагаемой программы освоения целины.

¹ Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Алма-Ата, 1971. С. 276.

Источниковую базу изучения жизнедеятельности Жумабая Шаяхметова составили архивные материалы и документы, сведения из научных монографий, периодической печати, мемуары и воспоминания современников.

Документы о социально-политической и государственной деятельности были выявлены в фондах Архива Президента Республики Казахстан (АП РК): Ф. 708 «Центральный комитет Коммунистической партии Казахстана», хронологические рамки которого охватывают период с 1937 по 1991 г.; Ф. 884 «Егемен Қазақстан» (1939–1991 гг.); Ф. 727 «Казахстанская правда» (1930–1981 гг.).

Документы, выявленные из фондов АП РК, можно классифицировать следующим образом: биографические источники (автобиографии, партийные характеристики, личные документы, грамоты), источники о социально-административной деятельности (доклады, статьи, переписка).

ВОСПРИЯТИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РОМАНА Б. ПИЛЬНЯКА «ГОЛЫЙ ГОД»

*Новикова Мария Олеговна
Пучков Владимир Михайлович,
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Начало XX в. стало для России временем великих потрясений: три революции, Первая мировая и Гражданская войны в корне изменили весь путь развития страны. Самым кровавым событием из всего вышеперечисленного стала Гражданская война, в результате которой погибли свыше 10 миллионов человек. Экономика страны – сельское хозяйство и промышленность – упали чуть ли не в десятки раз. Страна еще долгие годы выходила из сложившегося кризиса – и немалой ценой.

Времена Октябрьской Революции и Гражданской войны часто называют новой Смутой, лавинообразным крушением всего прежнего уклада. Скорее всего, так оно и есть, ведь Гражданская война с ее противостоянием белых, красных и зеленых и была подобной лавиной, затронувшей почти всю территорию страны, изредка исключая совсем уж труднодоступные участки. Однако, важно понять, что история Гражданской войны – это не просто постоянные боевые столкновения, создание новых фронтов и тому подобное, это также и обыденная жизнь простых людей. История повседневности является важным знанием, поскольку именно с ее помощью можно лучше всего понять ценностные ориентиры, мотивы и цели жителей той эпохи. В силу существующего акцента на изучении непосредственно военных действий в нашем сознании сложились совершенно другие паттерны, что усложняет полноценное осознание событий того времени.

Роман Бориса Пильняка «Голый год» был написан в 1920 г. по следам Гражданской войны. Он выполнен в жанре орнаментальной прозы, что выражается в частых повторах, множестве метафор, насыщенности образами и монтажных принципах построения всего романа, из-за чего порой непросто уловить фабулу фрагмента¹. При том сквозь весь роман проходит стержневая метафора «революции-метели», связывающая воедино

¹ Своеобразие художественного документализма в романе Б. Пильняка «Голый год» // Портал «Слово». URL: <https://portal-slovo.ru/philology/45333.php> (дата обращения: 06.03.2018).

«урывистые» истории судеб жителей города Ордынска, переплетенных с ворвавшейся Гражданской войной.

«Революция пришла белыми метелями и майскими грозами. Живопись, – иконопись, – старые белые церкви со слюдяными оконцами. Если вспыхнула в четырнадцатом году война,

(у нас в России горели красными пожарами леса и травы, красным диском вставало и опускалось солнце)

– там в Европе, рожденная биржами, трестами, колониальной политикой и пр., – если могла народиться в Европе такая война, то не осиновый ли кол всей европейской котелковой культуре? – эта Европа повисла в России – вздернутая императором Петром (и тогда замуrowались старые белые церкви): – не майская ли гроза революция наша? – и не мартовские ли воды, снесшие коросту двух столетий?»¹

«Слышишь, как революция воет – как ведьма в метель!»²

«Мартовский ветер ревел метелями и ел снег, из мартовского снега по лощинам вокруг завода и в лесах кругом – из съеденного ветром снега – торчали человеческие руки, ноги, спины – изъеденные не ветром уже, а собаками и волками. В мартовском ветре – сиротливо в сущности – трещали пулеметы, и, точно старик хлопнушкой бьет мух по стенам, ахали пушки...»³

«Россия.

Революция.

Метель»⁴.

Как можно заметить, метель выступает не просто как завеса: метель творит новое пространство будущего, которое возвращает явлениям их изначальный смысл, тем самым разрушая уклад жизни, выстроенный со времен Петра I и противоречащий, по мнению Пильняка, духу России⁵.

Провинция в романе противопоставлена центральным городам России. С одной стороны, провинция Пильняка – условна, символична, и город Ордынин с его кремлем является моделью всей России, а с другой – хранитель исконно национальных традиций, где образ жизни сохранился в своей истинной самобытности. Все это отражает достаточно сложную природу Гражданской войны, ее переплетенность и неоднозначность. Мрачность тех годов можно увидеть во многих фрагментах описания жизни города.

«По древнему городу, по мертвому Кремлю ходили со знаменами, пели красные песни, – пели песни и ходили толпами, когда раньше древний, канонный купеческий город, с его монастырями, соборами, башня-

¹ Пильняк Б. Голый год. М.: АСТ, АСТ Москва, 2009.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Своеобразие художественного документализма в романе Б.Пильняка «Голый год» // Портал «Слово». URL: <https://portal-slovo.ru/philology/45333.php> (дата обращения: 06.03.2018).

ми, обулыженными улицами, глухо спал, когда раньше жизнь теплилась только за каменными стенами с волкодавами у ворот»¹.

«В городе – голод, в городе скорбь и радость, в городе слезы и смех. Над городом идут весны, осени и зимы. По новой дороге ползут мешочки, оспа и тиф.

Впрочем, в городе, кроме купцов, были дворяне, мещане и разночинцы, город же лежит за тысячу верст отовсюду, в Закамьи, в лесах, и в город приходили белые»².

В заключение хотелось бы отметить, что Борис Пильняк создал уникальный роман, попытавшись вместить в него множество уже придуманных культурных кодов русской классики, например, метель как средство очищения и в то же время самостоятельная стихия чувств, что уже было в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, или использование образов семьи Карамазовых Ф.М. Достоевского и прочие. Но самым важным, на наш взгляд, является попытка понять характер русского народа, его менталитет сквозь жизни обычных людей – свидетелей тех страшных лет. Борис Андреевич, будучи автором первого произведения о Гражданской войне, не просто отразил военные столкновения и политические перевороты, а сумел проанализировать и осмыслить роль этих событий в истории страны и судьбах попавших в ее вихрь людей.

¹ Пильняк Б. Указ. соч.

² Там же.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОСЛЕ ИХ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ПЛЕНА В СССР

*Образцова Екатерина Васильевна, к.и.н.
(Научно-образовательный центр устной истории
Воронежского института высоких технологий)*

К настоящему времени в зарубежной историографии, в первую очередь в немецкой, опубликовано значительное число исследований, которые в той или иной степени затрагивают проблему ресоциализации бывших военнопленных.

В ФРГ первые труды, посвященные изучению состояния здоровья бывших военнопленных, появились уже конце 1940-х гг. Это совпало с периодом массового возвращения военнопленных. Проблемы физического и психического здоровья репатриантов интересовали таких исследователей как П. Хельмут, И. Покорны, В. Хиллер и др.¹ Исследователи изучали проблему медицинской реабилитации немцев после их возвращения из плена, уделяя особое внимание восстановлению физического потенциала и психики репатриантов. Авторами работ являлись медики и психологи, занимавшиеся на практике проблемами адаптации бывших военнопленных.

После раскола Германии вопрос о военнопленных приобрел политическую окраску. Это было связано с эскалацией холодной войны. Именно в это время изучение проблемы военнопленных было признано в ФРГ на государственном уровне. В 1957 г. при Федеральном министерстве по делам изгнанных, беженцев и инвалидов войны (Bundesministerium für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsbeschädigte) начала свою деятельность исследовательская комиссия по изучению военного плена. Результатом ее работы стало пятнадцатитомное издание «К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне» («Zur Geschichte der deutschen

¹ *Helmut P.* Seelenleben des Dystrophikers auf Grund eigener Erfahrungen // Zeitschrift für Psychotherapie und medizinische Psychologie. 1955. № 5. S. 168–180; *Pokorny I., Hiller W.* Wissenschaftliche Bearbeitung der Untersuchungsergebnisse, die bei Begutachtung von Heimkehrer erhoben worden sind, unter besonderer Berücksichtigung von Herz-Kreislauf-Schädigungen, Magen-Darm-Erkrankungen und Leberschäden // Der Gesundheitszustand der Heimkehrer: Ergebnisse von Forschungsaufträgen des Bundesministerium für Arbeit und Sozialordnung. Stuttgart, 1959. S. 32–91.

Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkriegs»). Семь томов были посвящены немецким военнопленным в СССР.

В историографии ГДР проблема военного плена в целом и ресоциализации военнопленных в частности не была в числе приоритетных и затрагивалась крайне редко. Важной темой оставалось развитие антифашистского движения среди военнопленных.

Первые комплексные исследования, посвященные немецким военнопленным, появились в середине 1980-х гг.¹

Объединение Германии в 1990 г. и прекращение холодной войны вывели историографию проблемы военного плена на новый уровень. Историки получили возможность работать в закрытых для них ранее архивах. Тематика исследований была расширена. В 1990–2000-х гг. на немецком языке опубликовано значительное число трудов, посвященных военному плену и ресоциализации военнопленных.

В 1995 г. была издана монография австрийского исследователя С. Карнера, ставшая одним из первых зарубежных исследований, которое основывалось на материалах российских архивов. Книга посвящена истории пребывания пленных австрийцев и немцев в советских лагерях². В отдельной главе С. Карнер рассмотрел репатриацию военнопленных, а также некоторые особенности процесса их адаптации после возвращения. Однако автор лишь ставит проблему ресоциализации, но не раскрывает ее содержания.

Определенный интерес представляет публикация Е. Бадштубнер³. Она интерпретировала трудности ресоциализации бывших солдат и офицеров вермахта с позиции потери или изменения социального статуса «профессионального военного». Исследовательница справедливо отметила, что независимо от зоны оккупации, будь то Запад или Восток Германии, репатрианты сталкивались с идентичными проблемами и реагировали на них сходным образом.

В 1998 г. вышел в свет сборник «Heimkehr 1948: Geschichte und Schicksale deutscher Kriegsgefangener» под редакцией А. Камински⁴. В нем опубликованы работы, посвященные вопросам репатриации немецких военнопленных из СССР и их ресоциализации. При этом авторы статей акцентируют внимание на проблемах репатриантов, вернувшихся в Восточную Германию.

¹ *Lehmann A.* Gefangenschaft und Heimkehr: deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München, 1986; *Smith A.* Heimkehr aus dem zweiten Weltkrieg: die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen. Stuttgart, 1985.

² *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе 1941–1956 / [пер. с нем]. М., 2002.

³ *Badstübner E.* «Die Heimat grüßt Euch». Heimkehrer in der sowjetisch besetzten Zone Deutschlands – ein kulturgeschichtliches Thema? // MKF: Mitteilungen aus der Kulturwissenschaftlichen Forschung. 1996. Jahrgang 19. Heft 37. Februar. S. 296–313.

⁴ *Heimkehr 1948: Geschichte und Schicksale deutscher Kriegsgefangener* / hg. A. Kaminsky. München, 1998.

Интерес представляет точка зрения Ф. Биса¹. Он ставит вопрос об общем кризисе «мужественности» в послевоенном обществе Германии, что, в частности, отразилось на восприятии со стороны общества бывших солдат и офицеров вермахта. Ф. Бис оценивает позицию вернувшихся военнопленных с точки зрения лиминальности.

Анализ трудов отечественных и зарубежных ученых свидетельствует о том, что при наличии широкого круга работ, затрагивающих тему интеграции немецких военнопленных в послевоенное общество Германии, отсутствует комплексное исследование, включающее изучение проблемы ресоциализации репатриантов, как на Западе, так и на Востоке Германии. В данной работе предпринята попытка восполнить этот пробел.

¹ *Biess F. Männer des Wiederaufbaus – Wiederaufbau der Männer. Kriegsheimkehrer in Ost- und Westdeutschland, 1945–1955 // Heimat-Front. Militär und Geschlechtsverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege. Frankfurt; New York, 2002. S. 345–365.*

ПОЛИТИКА ГЛАСНОСТИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 1985–1990 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ)

Осина Ольга Владимировна
(*Российский государственный архив новейшей истории*)

Преобразования в СССР во второй половине 80-х гг. XX в., вошедшие в историю как «перестройка», определили изменения политического и территориального переустройства государства, его экономической основы, социальной структуры, а также общественно-политической жизни советского общества. Необходимость изучения грандиозных изменений в общественно-политическом сознании в период перестройки и актуальна, и закономерна.

Следует отметить, что «перестройка» – следствие запроса общества к переменам, к объективному изучению и переосмыслению проблем истории государства российского, особенно советского периода. Эта тенденция четко сформировалась к 1985–1986 гг. Уже к 1987 г. увидело свет большое число монографий по проблемам истории советского периода, в том числе трудов профессиональных обществоведов. Ученые и мыслители публиковали первые итоги не традиционного (не марксистско-ленинского) видения исторических проблем.

Однако для начала кропотливой работы по их изучению необходимо было разработать новые методологические основы анализа ввиду несоответствия современности марксистско-ленинских методологических принципов в общественных науках, признать необходимость плюрализма в исторических исследованиях, кардинально обновить их источниковедческую базу. Было ясно, что будут сложности, определяемые малой временной отдаленностью событий со всеми вытекающими из этого проблемами, прежде всего пристрастное отношение к анализу событий недавнего прошлого.

Поиски ответа на вопрос: где истоки современных затруднений «перестройки», начались уже в конце 1980-х г. Подчеркивалась необходимость начавшихся в 1985 г. изменений¹. Рассматривались процессы заинтересованности людей в перестройке, готовности населения к новым реалиям².

¹ См.: Уроки горькие, но необходимые / сост. В.С. Молдаван, А.Г. Гридчина. М., 1988.

² См.: Головин А.П. Почему перестройка буксует? / П.А. Головин, Е.Б. Мостовая. Нск., 1990.

Исторический интерес заключается в том, чтобы проанализировать проведение перемен не снизу, народными массами, а инициирование радикальных реформ высшим политическим руководством СССР. Очевидно, что начало перестройки и гласности было провозглашено высшим политическим органом КПСС – Политбюро ЦК партии в лице ее Генерального секретаря ЦК КПСС (с марта 1990 г. – Президента СССР) М.С. Горбачева. Важнейшим компонентом идеологической политики периода перестройки была гласность. Среди ученых есть мнение, что гласность – это не полная свобода слова, тем более в условиях существования социалистической идеологии, но процесс был так стремителен, что практически полностью вырвался из-под контроля уполномоченных на то инстанций.

Наша задача – анализ содержания понятий, которыми М.С. Горбачев оперировал на заседаниях Политбюро ЦК партии, когда заговорил о политике перестройки и гласности на государственном уровне.

На совещании 5 апреля 1985 члены Политбюро ЦК КПСС обсуждали подготовку к XXVII съезду ЦК партии. Констатировалось, что необходимо преодолевать сложившиеся в государстве идеологические штампы, нужна гласность. У пропагандистов не могло быть запретных тем, а печать – это реальный помощник партии в идеологическом плане. Считалось необходимым контролировать то, как обеспечивается гласность, как работают каналы связи с массами, изучать общественное мнение¹.

Из проекта доклада ЦК КПСС на предстоящем пленуме ЦК КПСС (Заседание Политбюро ЦК КПСС 19.04.1985) видно, что именно в этот момент М.С. Горбачев поднял вопрос «принятия закона о порядке проведения всенародного обсуждения и голосования по важнейшим вопросам жизни страны»². По его мнению, это был шаг в сторону развития советского народовластия, а без политики гласности, это было невозможным.

Работая над новой редакцией Программы КПСС в июне 1985 г., М.С. Горбачев отмечал, что задача демократизации является практически осуществимой для партии. Для этого необходимо повышение уровня общественного сознания. М.С. Горбачев призывал расширять гласность в работе партии и других общественных организациях: «Чем лучше информированы люди, тем сознательнее они действуют, тем активнее поддерживают партию, ее планы и программные цели»³.

Спустя год на пленуме ЦК КПСС (8.03.1986) М.С. Горбачев вновь подчеркивал, что гласность – это гарантия прав и свобод советского гражданина. Но, к сожалению, не было раскрыто понятие гласности, ее механизмов и методов расширения⁴.

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 51. Л. 4–5.

² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 52. С. 63–66.

³ Там же. Д. 206. Л. 66–73.

⁴ Там же. Д. 53. С. 31–33.

По мнению публицистов и политологов, политика гласности – это публичные дискуссии для выражения своих взглядов и получения информации. Вроде бы к этому призывал М.С. Горбачев в различных выступлениях в 1985–1986 гг., однако конкретизации содержания политики гласности общественность не дождалась. М.С. Горбачев на мартовском Пленуме ЦК КПСС (11.03.1985) вновь говорил, что партия будет неуклонно проводить разработанную ею социальную политику, «все во имя человека, на благо человека»¹. На апрельском Пленуме (23.04.1985) главной идеей стала установка на ускорение социально-экономического развития Советского Союза².

После XXVII съезда КПСС, Горбачев вернулся к активизации идеологической работы, прежде всего в печати, телевидении и радио. В 1986 г. по вопросам партийного и государственного строительства, идеологической работы Политбюро и Секретариатом ЦК КПСС принято свыше 850 постановлений. Позднее, подводя итоги деятельности Политбюро и Секретариата ЦК КПСС в 1986 г., М.С. Горбачев отметил, что в партии не должно быть организаций, находящихся вне контроля, закрытых для критики... ни один руководитель не должен ограждаться от ответственности за свои действия и поступки³.

На заседании Политбюро 24 марта 1987 г. М.С. Горбачев был вынужден констатировать факт – перестройка буксует. Вместо выяснения причин пробуксовки и выработки конкретных предложений о механизмах ее преодоления, М.С. Горбачев ограничился призывами всемерно укреплять в обществе атмосферу, созданную XXVII съездом и январским Пленумом ЦК КПСС (27–28.01.1987): «Гласность, критика, контроль масс – главные постулаты»⁴. В этом же 1987 г. он подчеркивал, что опыт прошлого просто не вписывается, а может и противоречит целям и задачам перестройки. Призывал не закрывать пути плюрализму, гласности, развитию процессов демократизации, четко и твердо проводить партийную линию в средствах массовой информации, не позволяя им охаивать настоящее⁵.

Вероятно, осознавая неподготовленность, а в итоге фактический провал политики перестройки в 1989–1990 гг., М.С. Горбачев предполагал перестроить общество в кратчайшие сроки. Он в 1989 г. в очередной раз призвал взяться за разработку политической платформы КПСС «О ходе перестройки и задачах партии»⁶, предлагая перестроить внутреннюю жизнь партии, сформулировав современное понимание марксистско-ленинской теории. На июнь 1990 г. был назначен XXVIII съезд КПСС. Никто не мог предвидеть, что этот съезд будет последним в истории КПСС.

¹ Там же. Д. 51. Л. 4–5.

² Там же. Д. 53. С. 31–33.

³ Там же. Д. 208. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 41.

⁵ Там же. Д. 209. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 28.

Рамки сообщения не дают возможности выявить все аспекты и причины краха политики перестройки и гласности, а после этого и власти Коммунистической партии Советского Союза. Вероятно, намерения реформаторов были благие. Однако, прежде всего судя по публикациям в прессе, куда просачивались отголоски дискуссий в высших правительственных кругах типа «Борис, ты не прав!», общественность понимала, что на первых этапах перестройки и гласности целью лидера была борьба с инакомыслием в высших эшелонах партии и государства с помощью общества и средств массовой информации. Кроме того, в ходе кризиса надо было дать выход недовольству трудящихся. И, наконец, возможно, получить от народа подсказку пути выхода из кризиса. Будущие объективные научные исследования могут ответить на вопрос, а мог ли М.С. Горбачев, за такой короткий срок, создать план выхода из кризиса?

СЕРГЕЙ ДЕГАЕВ: ПОПЫТКА «РЕАБИЛИТАЦИИ»

*Панькина Мария Андреевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Термином «дегаевщина» еще современники окрестили деятельность провокатора Сергея Дегаева, члена партии «Народная воля». Он был завербован инспектором секретной полиции подполковником Г.П. Судейкиным и выдал полиции около полутора сотен товарищей. Затем был разоблачен Л. Тихомировым, который потребовал убить Судейкина. 16 декабря 1883 г. в Санкт-Петербурге убийство было совершено. В тот же день Дегаеву был организован побег за границу. В Париже партийный суд приговорил его к отлучению от революционной работы и «высылке» в Америку, где Дегаев закончил свои дни профессором математики. Удачно избежав наказания, предатель предпринял несколько попыток если не реабилитировать себя, то смягчить свою вину, уйти от ответственности.

В письме от 19 января 1884 г. к Л. Тихомирову¹ Дегаев критикует его статьи об этом деле в прессе, выставлявшие действия предателя как свекорыстный расчет («вы знаете, что дело гораздо сложнее <...> вам неизвестны в точности все факты, чтобы судить это дело»²). Дегаев боится, что в этой статье убийство Судейкина больше выглядит как уголовное, а не политическое (а значит, он подлежит выдаче русскому правительству). Он угрожает, что будет защищаться, выдавая имена народолюбцев, знавших о подготовке покушения на Судейкина³. При этом Дегаев отмечает: «Господи, поверьте, что мне все эти “отвращения” ничего не значат. Мне не нравится мученичество»⁴.

Спустя десять дней следует еще одно письмо от Сергея Дегаева. Оно подписано «Карпов», но личность автора устанавливается, исходя из содержания. Адресатом является, по всей видимости, М.Н. Ошанина. Тон его совершенно иной: «...мне действительно ужасно тяжело мое положение. Я вижу, что от меня решительно все отвернулись и по-видимому даже с гадливостью относятся ко мне. Конечно, я очень виноват...»⁵. Оче-

¹ Адресата удалось установить благодаря дневниковым записям Тихомирова (см. *Тихомиров Л.А.* Воспоминания. М., 2003. С. 233).

² ГА РФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

³ Там же. Л. 1, 2.

⁴ Там же. Л. 1 об.

⁵ ГА РФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.

видно, оба письма написаны в состоянии аффекта. Дегаев мечется: пытается оправдаться, угрожает, и при этом совесть его страшно мучает.

В конце ноября 1884 г. младший брат Дегаева Владимир, также выехавший за границу, пишет к Тихомирову письмо¹, в котором защищает брата, восхищается его гениальностью. Тихомиров отвечает: «<...> вы защищаете безобразнейшую и мучительно-злостнейшую историю <...> неуместно вы заводите речь о гениальности С. Дегаева. Способен он или не способен – это вопрос <...> не идущий к делу. <...> мало имеет значения вопрос о его намерениях <...> С. Дегаев подрывал силу революции больше, чем все судейкины вместе взятые»².

В 1906 г. в апрельской книжке «Былого» была опубликована статья Анны Прибылевой-Корбы о Дегаеве, в которой она развернуто описывала всю историю его жизни и предательства, отношения в семье, черты его характера, пытаясь отыскать корни провокации³.

Ответом стала статья Н.П. Маклецовой, сестры Дегаева, опубликованная спустя два месяца⁴. Еще в письме к В.Я. Богучарскому, редактору «Былого», она пишет, что «в историческом журнале должно быть место не только мнениям многочисленных врагов, но и тех лиц, которые имели случай и возможность видеть другие стороны характера Дегаева»⁵. Она объясняет, что много выстрадала, узнав о предательстве брата, что чувствовала вину перед его жертвами и всем человечеством, а потому способна отнестись к оценке его личности беспристрастно⁶. В своей статье она «не позволила себе чернить Сергея Дегаева, как не позволила бы себе его оправдывать... Его преступление ужасно»⁷. Маклецова пытается осветить черты характера брата, обращая внимание на такую особенность: «Все, что он начинал, он доводил непременно до конца, до крайности. Это свойство и погубило его»⁸. Она не ставит вопроса о трусости, т.к. брат говорил ей, что действовал с полного согласия Исполнительного комитета. Более того, когда она спросила брата, исполнил бы он смертный приговор, если бы партия приговорила его к нему, Дегаев «без малейших колебаний»⁹ отвечал утвердительно. Очевидно, Н.П. Маклецова, хотя и признает злодеяния брата, все же выставляет его стремление доводить все до крайности как первопричину его предательства.

¹ Дата определена по дневниковым записям Тихомирова (см. *Тихомиров Л.А.* Указ. соч. С. 231).

² ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 129. Л. 7–7 об.

³ *Прибылева-Корба А.* Сергей Петрович Дегаев // *Былое.* № 4. 1906. С. 1–17.

⁴ *Маклецова (Дегаева) Н.П.* Судейкин и Дегаев // *Былое.* № 8. 1906. С. 265–272.

⁵ ОРФ ГЛМ.Ф. 2. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.

⁶ *Маклецова (Дегаева) Н.П.* Указ. соч. С. 265.

⁷ Там же. С. 272.

⁸ Там же. С. 266–267.

⁹ *Маклецова (Дегаева) Н.П.* Указ. соч. С. 272.

В связи с разоблачением Евно Азефа в 1909 г. в прессе вновь всплывает дегаевская провокация: это заметки, опубликованные неким господином за подписью «Fields»¹, будто бы написанные самим Сергеем Дегаевым в форме фельетона и опубликованные Филдсом после его смерти по его же просьбе². Автор отмечает, что «несомненно, совершил преступление против личности Рогачева, Ашенбрэннера и других офицеров, и никакие оправдания по этому поводу не были бы уместны, но он никогда не чувствовал себя виновным перед Верой Фигнер, хотя она и была арестована по его указанию. Причину эту он видел в том, что Фигнер продолжала вопреки всем указаниям здравого смысла и фактам, вести дело “Народной Воли” по старому плану, не имея ни людей, ни способности руководить этим делом...»³. То есть, ведение партии по неверному, с его точки зрения, курсу, становится весомой причиной для передачи человека в руки полиции. Автор также пытается доказать, что именно Дегаев был инициатором убийства Судейкина, выказав при покушении невиданную храбрость⁴. Все это легко опровергается источниками. Завершается статья рассуждениями о том, что Лопатин, ставший причиной ареста многих народо-вольцев, Тихомиров, отступивший от революционных идей, почему-то прощены, а Дегаев помещен в разряд предателей. Ведь «генерал, ведущий в засаду по своей глупости целую армию, более преступен, по словам автора, чем полководец, жертвующий частью своей армии, чтобы с остатком нанести сильнейший удар неприятелю. Дегаев не был предателем, хотя и выдал Веру Фигнер и офицеров»⁵.

Все эти доводы, конечно, слабы. Ведь в случае Лопатина, жертвы явились следствием не его умысла, а неосторожности. Тем более странно утверждение, что выдача Фигнер и офицеров не является предательством. По мнению автора, то, что он действовал во благо партии (хотя никаких благих результатов это не принесло), оправдывает все принесенные жертвы. Сразу вспоминается иезуитская философия С. Нечаева, готового ради революции предавать и шантажировать. Сходство подходов поражает.

Записки дышат буквально дьявольской гордыней. Автор путается, врет, передергивает, не обращает внимания на мелочи и детали, но хочет показать, что он идейный, что в страшных условиях пытался найти выход.

По всей видимости, семья Дегаевых действительно была очень дружной, как это описывает А. Корба. Как только пресса поднимает вопрос провокации, брат с сестрой выступают со статьями, в которых пытаются

¹ Поскольку имеются указания на то, что Владимир Дегаев за границей взял себе фамилию Полевой (как у его деда, Николая Полевого – от field (англ. поле)), есть основания полагать, что автором всей статьи является именно он (Генкин И. Предатель С.П. Дегаев в Америке // Каторга и ссылка. № 9. 1933. С. 133).

² См. Голос Москвы. № 45. 25 февраля 1909; № 46. 26 февраля 1909; № 53. 6 марта 1909.

³ Голос Москвы. № 46. 26 февраля 1909.

⁴ Голос Москвы. № 53. 6 марта 1909.

⁵ Там же.

уйти от цельного образа предателя. Таким образом, Дегаев представляется уже не трусом и злодеем, а незаурядным человеком, растерявшимся в сложных обстоятельствах.

В результате – потеря любых нравственных критериев. Очевидно, морально-этические установки самого Дегаева и его брата в корне противоречат установкам семидесятников. Эти материалы – иллюстрация того процесса, который вел к разложению революционного движения.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ В АВГУСТЕ–СЕНТЯБРЕ 1914 г.

*Парфирьев Дмитрий Станиславович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В августе–сентябре 1914 г., в период между началом Первой мировой войны и оккупацией восточной части австрийской Галиции русскими войсками, регион был захлестнут волной шпиономании и массовых арестов восточнославянского населения региона, в тогдашней общепринятой терминологии – русинов.

В современной российской историографии жертвами массовых преследований показываются исключительно русофилы, т.е. те русины, которые симпатизировали России и в той или иной степени отождествляли себя с русским народом. Украинцы (укаинофилы), в свою очередь, преподносятся как «пятая колонна галицкого национального движения, помощники австрийской администрации и военщины»¹. При этом историки, отметившиеся работами по этой проблематике (Н. Пашаева, М. Клопова², А. Марчуков³), буквально ни слова не писали о том, какую позицию в связи с событиями августа–сентября 1914 г. занимали галицийские поляки. Это по меньшей мере удивительно, ведь поляки составляли четверть населения Восточной Галиции и, что более важно, именно из их числа рекрутировалась административно-политическая элита региона.

В хаосе первых дней войны в Галиции было задержано около 10 тысяч «политически подозрительных» галичан, из которых более 70% составляли крестьяне. Многих из них, включая стариков, женщин и детей, расстреливали и вешали прямо на улицах городов и сел; особую жестокость проявляли венгерские военные. Командование активно поддерживало версию о «русинском предательстве», оправдывая собственные военные

¹ *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С. 148–149.

² *Клопова М.Э.* Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев Востока» // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1. М., 2012. С. 209–218.

³ *Марчуков А.В.* «Нет, не было и быть не может». Проблемы национально-культурного развития русинов Галиции и Закарпатья в освещении украинской историографии // Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность. Новочеркасск, 2010. С. 60, 63.

просчеты пророссийскими настроениями населения. Основной удар закономерно пришелся по русофильской интеллигенции, которая в предвоенные годы не скрывала своих пророссийских симпатий. Некоторые лидеры русофилов, понимая, что их ждет с началом войны, заблаговременно бежали в Россию; остальных быстро арестовали и впоследствии осудили. Русофильские издания и организации были закрыты¹.

Как впоследствии писал К. Левицкий, тогдашний политический лидер украинцев Галиции, репрессии против восточнославянского населения были следствием не только «глупости и неблагодарности» австрийских военных, но и «хитрости и злобы» поляков². С наступлением войны многие поляки не различали, где «москвофил», а где лояльный Австрии украинец: «После начала войны какой-то дьявол вселился в польских рабочих (конечно, не во всех), они начали ни с того ни с сего пылать ненавистью к украинцам, – вспоминал польский социал-демократ С. Ланьцукский. – Они на каждом шагу обзывали их москвофилами, предателями, шпионами, я не знаю, на каком основании...»³. Десятки свидетельств тому, что в выявлении, выдаче и травле русофилов на местах принимали участие не только украинские активисты, но и поляки и евреи, мы встречаем на страницах «Талергофского альманаха» – сборника материалов об «австрийских жестокостях, изуверствах и насилиях над карпато-русским народом» во время Первой мировой войны⁴. Альманах, названный в честь лагеря Талергоф, где в годы войны содержалась основная масса «политически подозрительных» галичан, издавался в 1924–1932 гг. русофильским «Талергофским комитетом» во Львове. Весьма примечательно, что именно на сведения «Талергофского альманаха» опираются в своих изысканиях современные российские исследователи. Свидетельства о причастности к массовым арестам поляков и евреев они игнорируют (здесь необходимо отметить, что подавляющее большинство галицийских евреев в быту говорило по-польски и принадлежало к польской социокультурной среде).

В категорию «политически подозрительных» попадали не только простые люди, считавшие себя украинцами, но и активисты и политики. Так, член Украинской радикальной партии (УРП) О. Назарук, сотрудник адвокатской канцелярии депутата Рейхсрата Е. Петрушевича, 28 августа был арестован как «москвофил», хотя представители польской администрации знали, что перед ними украинский активист и противник «москвофильства». Три последующих месяца Назарук содержался в разных

¹ *Гайсенюк В.В.* Москвофильство в Галичині та на Буковині в роки Першої світової війни. Дис.... к. і. н. Чернівці, 2015. С. 132–137.

² *Левицкий К.* Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Львів, 1928. С. 25.

³ *Łanćucki S.* Wspomnienia. Warszawa, 1957. S. 144.

⁴ См., напр.: Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг. Вып. 1. Львов, 1924. С. 36, 40, 42, 43, 50, 53, 60, 66, 68, 77, 78, 89, 94–95, 103, 122, 131, 133, 142, 148, 150, 153, 161, 167, 170, 179.

тюрьмах Галиции и Венгрии и в лагере Талергоф¹. Донос в полицию поступил и на депутата галицийского сейма² от УРП И. Макуха, но достоверность обвинений вызвала сомнения у австрийских военных, и Макух сумел избежать ареста³. В телеграмме представителю МИД Австро-Венгрии при верховном командовании глава того же ведомства Л. фон Берхтольд обращал внимание, что польская администрация намеренно дискредитирует украинских деятелей перед военными⁴.

Украинский социал-демократ В. Старосольский в начале войны писал в своём дневнике: «Среди украинцев настроения очень подавленные. Все рассказывают о поведении поляков, которые всеми способами стараются представить нас как предателей. Ещё, наверное, никогда не относился один народ к другому с такой ненавистью, как к нам поляки»⁵. Искреннюю убежденность части польской общественности в пророссийских настроениях всех категорий восточнославянского населения хорошо иллюстрирует другая дневниковая запись, сделанная 4 сентября Я. Домбровским, молодым польским историком, близким к политической группировке «краковских консерваторов»: «Русины полностью предали. Нет сейчас москвофилов и украинцев – все за Россию, только лидеры словами спасают ситуацию»⁶. Как вспоминал журналист М. Лозинский, антиукраинская риторика поляков распространилась и на австрийские правящие круги. «Мы верим, что вы хотели бы с нашей помощью построить независимую Украину, но ваше большинство сочувствует и помогает России», – цитировал Лозинский слова, которые приходилось слышать украинским политикам в Вене⁷.

Аресты и расправы над восточнославянским населением Галиции в августе и сентябре 1914 г. носили бессистемный, хаотичный характер. В большей степени от них, безусловно, пострадали галичане-русофилы, в меньшей – те, кто считал себя украинцами. Не вызывает сомнений и то, что многие из последних активно способствовали преследованиям первых. Что же касается поляков, то они зачастую выдавали и тех, и других как русофилов безотнositельно их реальной самоидентификации. Русофилы были заведомо обречены: с учетом их довоенной открыто пророссийской позиции в галицийской «пищевой цепи» они были самым слабым звеном.

¹ *Сніцарчук Л.* «Що і для кого писатиму?»: щоденник Осипа Назарука (1915, 1917 рр.) // Збірник праць Науково-дослідного інституту пресознавства. 2013. Вип. 3. С. 590–591.

² Галицийский сейм – местный представительный орган (в немецкой терминологии – ландтаг).

³ *Макух І.* На народній службі. Дітройт, 1958. С. 195–196.

⁴ *Поник С.* Українці в Австрії: австрійська політика в українському питанні періоду Великої війни. К.; Чернівці, 1999. С. 86.

⁵ Центральний державний історичний архів України, м. Львів. Ф. 360. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 93 зв.

⁶ *Dąbrowski J.* Dziennik 1914–1918. Kraków, 1977. S. 38.

⁷ *Лозинський М.* Галичина в рр. 1918–1920. Б. м. в., 1922. С. 18.

«МНОГИЕ ЛЮДИ ПРОШЕНИЯМИ НАС ВЕСЬМА УТРУЖДАЮТ»: ЧЕЛОБИТНЫЕ ПОМИЛОВАННЫХ ДВОРЯН О ВОЗВРАЩЕНИИ ИМ КОНФИСКОВАННОГО ИМУЩЕСТВА

*Пермякова Алена Николаевна
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)*

Доклад посвящен одному из наименее стабильных в политическом смысле периодов российской истории – эпохе «дворцовых переворотов». Частая смена монархов на троне и постоянные перегруппировки властвующих элит нашли выражение в активном использовании механизмов конфискации и пожалований, в рамках которых в стране решались вопросы не только власти, но и собственности. Возрождение или, иными словами, активизация в первой половине XVIII в. института «государевой опалы» привела к череде масштабных «политических процессов», в ходе которых «отписке на государя» подлежали как «движимые», так и «недвижимые имения» арестованных. В связи с чем в стране возник особый фонд временно свободных (т.е. конфискованных) земель, использовавшихся коронной для поощрения своих сторонников. Однако сам факт опалы не редко имел обратимые последствия – с изменением политической конъюнктуры или сменой правящего монарха, начинался процесс возвращения из ссылки «жертв» предшествовавшего политического режима. А вместе с тем, на высочайшее имя направлялась вереница челобитий и прошений от тех кто теперь мог надеяться вернуть честное имя, утраченные титулы, чины и звания, а также конфискованное ранее имущество. Вступившее на верх челобитье как спусковой крючок запускало рассмотрение того или иного вопроса, как бы иницируя сам процесс. Так, множественные челобитные (прошения) становятся незаменимым источником для изучения вопросов власти и собственности в период «дворцовых бурь».

Обычно издание манифеста об амнистии совпадало с церемонией коронации нового правителя России¹. В связи с чем просители в своих челобитных зывали к милосердию монарха, подкрепляя свою просьбу общепринятыми формулировками: «для Императорского Величества многолетнего здравия», «поминовения блаженныя и вечнодостоиня па-

¹ Пермякова А.Н. «Правосудие с милостию не мешать»: Практики помилования от Петра I к Екатерине II // «PETRO grimo CATHARINA secunda»: Два монарха, две эпохи – преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года. СПб., 2017. С. 55–64.

мяти Их Императорского Величества», «благополучного царствования» или «коронования» и т.п.¹ Некоторые выявленные мною прошения содержали в себе сразу все из возможных «резонансов». В своих обращениях на Высочайшее имя просители старались привести какую-либо убедительную причину, чтобы претендовать на оказание «высочайшей милости», помимо традиционной формулировки: «для поминовения» одного государя и «многолетнего здравия» другого. Любая косвенная или мимолетняя «личная связь» с нынешним или предыдущим правителем была вполне подходящим основанием. Как замечает Ю.А. Сафронова: «Государь платил также по счетам предшественника и наследника»². Так, например, бывший служитель при комнатах Алексея Петровича Никифор Богданов, оказавшийся после розыска 1718 г. в Орловской провинции канцеляристом, просил наградить его «за службу», «страдания в тайной канцелярии» и «в ссылке», и главным образом, «за хранение высокой вещи – Государя Царевича, главы власов»³.

Анализ поданных «на верх» челобитных показал, что все просители, рассчитывая на высочайшее снисхождение, в основном использовали следующие доводы: персональные заслуги (служба), боевые ранения и участие в военных кампаниях, несправедливо понесенные тяготы и лишения (допросы, арест, ссылка), нынешние материальные трудности (нужда) и многодетность. Так, например, в феврале 1728 г. вернувшись из Пустозерского острога князь Семен Щербатов жаловался, что вынужден «скитаться меж дворов, не имея дневной пищи» и просил Петра II вернуть ему деревни, чтобы «голодом не умереть»⁴. А освобожденный тогда же из Кольского острога Степан Лопухин отмечал причиненные ему в 1719 г. в розыскной канцелярии страдания, где был «мучен, бит и разорен безвинно»⁵. Князь Василий Долгорукий указывал на «долголетние и верные службы родителям» Елизаветы Петровны и «раны»⁶. Его брат Михаил Долгорукий «припадая к стопам В.и.в.» просил «для пропитания» пожаловать «деревнишками», ссылаясь на многочисленность своего семейства, «ибо детей я нижайший имею: три сына, две дочери – девки, шесть человек внуков, две внуки – девки, из которых два сына и четыре внука служат В.и.в. в армии в разных полках и один сын ранен, а четвертой сын же мой в службе убит на приступе Ачаковской крепости»⁷. На то же обстоятельство указывала вдова князя Сергея Долгорукого Марфа, оставшаяся с «восьмью сиротами детьми»⁸. В феврале 1742 г. о пожало-

¹ Сборник ИРИО. Т. 79. Ч. 5. СПб., 1891. № 76. С. 160–162; № 104. С. 208.

² Сафронова Ю.А. «Высочайшая милость» вне «надлежащего порядка» в первые годы правления императора Александра II // Российская история. 2016. № 1. С. 10.

³ Сборник ИРИО. Т. 79. Ч. 5. СПб., 1891. № 303. С. 525.

⁴ Там же. № 76. С. 161.

⁵ Там же.

⁶ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 374. Л. 2.

⁷ Там же. Ф. 248. Кн. 1372. Л. 4 об.

⁸ Там же. Л. 134.

вании «убогого прародительского имения», описанного у Петра Еропкина, просил его брат титулярный советник Алексей Еропкин, дабы «не лишиться дневного пропитания» и т.п.¹

В качестве просителей выступали как сами помилованные, так и их родственники или доброжелатели. Основным мерилем успешности прошения являлось действующее положение просителя при дворе, статус службы (действительная служба или отставка). Если же просителем выступал сам помилованный, то особо учитывались обстоятельства его освобождения, признание его «безвинно пострадавшим» или получившим прощение преступником. Между тем каналами передачи прошений в разное время были такие институции как: Верховный Тайный Совет, Тайная канцелярия, Кабинет или Собственная канцелярия Е.и.в.

Данные челобитные имели устоявшийся формуляр и непременно должны были быть поданы на гербовой бумаге, в противном случае они не подлежали рассмотрению. В текстах большинства прошений употребляются определенные речевые штампы и устоявшиеся формулировки. Некоторые прошения по стилю выделяются простотой и конкретным изложением дела по существу, другие отличаются особым красноречием. Тем не менее содержание всех челобитных сводилось к нескольким аспектам: обращение, выражение благодарности за помилование, напоминание об отписанном имуществе и своем текущем положении, доводы в пользу возвращения собственности, непосредственная просьба о пожаловании в заключение. В заключительной части прошений были отражены представления адресантов о том как именно следовало верховной власти «милостивое решение учинить». Они буквально «указывали» на конкретный способ действия в отношении конфискованного имущества, считали его своим по праву: «которые из деревень моих были прочим розданы, но по-прежнему мне милосердно все возвращены и пожалованы, а вместо тех моих деревень оные другими, прочими награждены», – писал Василий Долгорукий². Елизавета Петровна отнеслась к обращению сочувствующе и распорядилась «все отписанные у них деревни и дворы, хотя б которые из оных кому и розданы были {возвратя от оных} ... отдать по-прежнему в вечное и потомственное владение»³.

Так, вместе с помилованием возвращению к владельцу подлежала и конфискованная прежде собственность. Принципы «реституции» движимого и недвижимого имущества имели серьезные отличия, а исполнение «высочайшего указа» на практике не редко превращалось в многолетнюю волокиту. Однако неизменно в основе названных мною процессов находились «письма во власть»: разнообразные прошения не только были призваны обратить внимание правителя на тот или иной вопрос, но и по сути ложились в основу всех дел о пожалованиях, помилованиях и возвращении ранее конфискованного имущества.

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1372. Л. 89.

² Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 374. Л. 2.

³ Именные указы о возвращении имений князьям Долгоруким (1742 г.) // РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 377. Л. 1; Ф. 248. Кн. 1372. Л. 1, 89, 133.

**«ГДЕ МОЖНО С РУЖЬЕМ В РУКАХ, ГДЕ НЕЛЬЗЯ –
ТАЙНО, ХИТРОСТЬЮ И ЛУКАВСТВОМ»: БОЕВЫЕ
ИНСТРУКЦИИ БОЙЦАМ НАРОДНОГО СОЮЗА ЗАЩИТЫ
РОДИНЫ И СВОБОДЫ Б.В. САВИНКОВА**

*Петренко Андрей Анатольевич, PhD
(Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша)*

К концу 1920 г. основные антибольшевистские силы были разбиты, для советского руководства на первый план выходила борьба с разрозненными повстанческими организациями, создававшими много проблем для становления советской государственности на местах. Окончание боевых действий на советско-польском фронте осенью 1920 г. не привело к стабилизации ситуации на западных рубежах молодого советского государства. Польско-советское пограничье стало ареной действия разнообразных повстанческо-диверсионных групп и организаций.

Одной из таких организаций руководил Б.В. Савинков – один из самых известных антибольшевистских деятелей, работавших на территории Польши. Он возлагал большие надежды на возобновление военных действий между Польшей и Советской Россией по инициативе последней. В случае, если Советская Россия войны не начнет, реорганизовавшиеся на польской территории антисоветские силы, собранные Русским Эвакуационным Комитетом, должны были выступить самостоятельно. Для подготовки военных действий было необходимо спровоцировать панику на советской территории путем террористических актов и крестьянских восстаний¹.

Созданный Савинковым в январе 1921 г. Народный Союз Защиты Родины и Свободы (далее – НСЗРиС или «Союз») должен был выполнить необходимую подготовительную работу. Боевые группы комплектовались из членов «Союза», остатков антисоветских армий и групп, а также из дезертиров и крестьян приграничных территорий. Деятельность была развернута в основном в белорусском направлении, т.к. с представителями белорусских групп Савинков сотрудничал и раньше, а с петлюровским лагерем окончательно договориться не удалось.

В нашем распоряжении имеются некоторые документы внутреннего оборота организации, касающиеся распоряжений центрального руководства командирам и бойцам. На основании этих материалов мы попыта-

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 730. Л. 4.

меня отразить замыслы руководства НСЗРиС по работе организации на местах.

Отправляясь на советскую территорию, каждый член отряда должен был принять красноречивую присягу и поклясться «перед Святыми»¹. Позволим себе привести часть присяги, датированной 20 апреля 1921 г.: «КЛЯНУСЬ и ОБЕЩАЮСЬ, не щадя ни сил своих, ни жизни своей, везде и всюду распространять идею Народного Союза Защиты Родины и Свободы; воодушевлять недовольных и непокорных Советской Власти, объединить их в революционные сообщества, разрушить советское управление и уничтожать опоры власти коммунистов, действуя где можно с оружием в руках, где нельзя – тайно, хитростью и лукавством»².

В соответствии с инструкциями «отряд партизан-террористов»³ должен был производить партизанские действия на советской стороне, вести агитацию «Третьей России»⁴, терроризировать военные и гражданские советские учреждения и отдельных «угнетателей», разжигать ненависть населения к большевикам, разрушать средства связи и коммуникации, раздавать населению захваченные у неприятеля продукты и деньги, работать с местными повстанцам⁵ и дезертирами, а также проводить необходимые подготовительные мероприятия для дальнейшей борьбы с большевиками⁶.

Начальники боевых отрядов имели высокую степень свободы в решениях, принимаемых на местах. Им предписывалось руководствоваться только общими оперативными указаниями Всероссийского комитета «Союза» и уполномоченных на то лиц⁷. Командир был всецело ответственен за дисциплину в отряде и располагал всей полнотой власти. Был обязан поддерживать «живейшую связь» со всеми местными антибольшевистскими организациями, а сведения о них передавать центральным органам в Польше.

Четко определялись категории людей, подлежащие физическому устранению: «а) активные работники коммунистической партии и партий, принявших программу коммунистов, как то: Бунд, Боротьбисты, Поалей Цион и проч., если не будет доказана полезность их целям Союза;

¹ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 130. Л. 34.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Предполагалось создание демократического государства (не большевистского и не монархистского) с опорой на крестьянство (см.: *Алексеев Д.Ю.* Б.В. Савинков и русские вооруженные формирования в Польше в 1920–1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 114, 116, 118–119).

⁵ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 130. Л. 34.

⁶ Там же. Л. 50.

⁷ Там же. Ф. 460к. Оп. 1. Д. 22. Л. 188.

б) члены чрезвычайек всех наименований; в) руководители и агенты карательных отрядов; г) шпионы, провокаторы, убийцы и погромщики». При этом семьи указанных лиц, «если они не действуют заодно с уличенными», от ответственности освобождались. Красноармейцев матросов и других советских работников предполагалось агитировать на борьбу «против коммунистов за Родину и Свободу»¹.

Полностью запрещались реквизиции у местного населения. В случае крайней необходимости командиры могли обратиться к крестьянам за помощью, выдавая каждый раз удостоверения с точным перечислением полученного имущества².

Отдельные инструкции касались действий отряда после освобождения определенных территорий от большевиков. Здесь можно заметить отсылки к политической программе савинковцев. Всему населению, которое не принадлежало к «расстрельному» списку, гарантировалась неприкосновенность личности и имущества независимо от национальной принадлежности. Командиры боевых групп должны были содействовать населению в организации свободных выборов гражданской власти и поддерживать эту власть силой отряда, для той же цели необходимо было создать отряды местной самообороны, подчиняющихся новой выбранной власти. Начальники отрядов должны были помогать местной власти поддерживать порядок на ее территории, обращая внимание на охрану жизни, чести и имущества мирных граждан, не допускать еврейских и иных погромов³.

Кроме основных задач отряда, во внутренней документации «Союза» были прописаны обязанности каждого бойца. Главными обязательствами члена боевой группы были точное и беспрекословное выполнение всех распоряжений начальников, «товарищеская помощь каждому чину отряда как в боевой обстановке не щадя своей жизни, так и в такой же обстановке советом и делом» и соблюдение строгой конспирации. Кроме того, каждому «чину» отряда предписывалось «вести трезвую, разумную жизнь, не пить спиртных напитков, не употреблять никаких наркотиков, не играть в карты, относиться хорошо к некоммунистическому населению России и не допускать никаких грабительских или террористических действий по отношению к ним». За нарушение предписаний или присяги предусматривалась смертная казнь⁴.

Подводя короткие итоги, можно сказать, что в документах отражена определенная модель поведения, которой должны были следовать члены боевых групп. Руководящий принцип можно сформулировать так: «Быть

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 130. Л. 34.

жестоким и бескомпромиссным к врагам и человечным к крестьянам». Было необходимо избегать любых действий, которые могли дискредитировать партизан, действовать согласно идеологии НСЗРиС, а также способствовать повышению популярности партизан среди местного населения, превращаясь в своеобразных благородных народных мстителей.

Однако планы оставались планами, а действительность оказалась иной. Условия, в которых приходилось действовать боевым группам, не всегда способствовали выполнению всех предписаний сверху. Создать широкую общероссийскую подпольную сеть не удалось в результате эффективной работы большевистских спецслужб. Кроме того, в отряды часто входили асоциальные и криминальные элементы, которые дискредитировали деятельность партизан, а новая экономическая политика советского правительства окончательно отвернула крестьянство от антисоветских организаций. Уже к концу 1921 г. «Союз» стал, по сути, разведывательно-диверсионной организацией с сетью мелких групп, работающих в пользу польской разведки.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг. НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИННАЦА РОССИИ

Пищук Матвей Дмитриевич
(Государственный архив Российской Федерации)

Национальный вопрос всегда имел для России непреходящее значение. Многонациональная страна, совместившая в себе разные культуры и религии, обязана находить пути мирного сосуществования разных народов. События последних тридцати лет стали для России историческим вызовом, поставившим под вопрос само существование нашего государства.

Межэтнические и межконфессиональные конфликты конца 1980-х – нач. 2000-х гг. стали неотъемлемой частью современной России. Несмотря на то, что активная фаза этих конфликтов окончилась, мы до сих пор видим отголоски этих конфликтов в нашем обществе.

Ошибочно считать, что национальный вопрос в нашей стране исчерпан. Принятие в 2012 г. новой Стратегии национальной политики России¹ и создание в 2015 г. Федерального агентства по делам национальностей² говорят о том, что национальный вопрос вновь обретает свою актуальность.

Нынешняя эффективность проведения национальной политики ограничена рядом важных причин: отсутствием достаточного числа специалистов, незначительным финансированием, но самое главное – пренебрежением к имеющемуся опыту в этой области.

Это обстоятельство побудило автора написать данную статью, цель которой показать накопленный в 1-й пол. 1990-х гг. опыт в области проведения государственной национальной политики. Исследований о деятельности Миннаца России в 1-й пол. 1990-х гг. практически нет. Поэтому нужно рассказать о том, что представлял собой Миннац России и какую роль он сыграл в 1-й пол. 1990-х гг.

История появления этого органа тесно связана с процессом распада СССР. Создание в ноябре 1989 г. Государственного комитета РСФСР по

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

² Указ Президента РФ от 31.03.2015 № 168 // СЗ РФ. 2015. № 14. Ст. 2106.

национальным вопросам¹ стало важной вехой в истории новой России. Первым руководителем Госкомнаца РСФСР стал А.М. Беляков² – представитель консервативного крыла партийной номенклатуры.

После принятия в июне 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР³, в ноябре председателем Госкомнаца РСФСР был назначен Л.П. Прокопьев. Назначение Прокопьева говорило о том, что к концу 1990 г. руководству РСФСР удалось найти более «мягкую» компромиссную кандидатуру.

Под влиянием внутривластных событий Государственный комитет РСФСР по делам национальностей 28 ноября 1991 г. был преобразован в Государственный комитет РСФСР по национальной политике⁴, а через неделю Прокопьев был отправлен в отставку⁵.

27 февраля 1992 г. новым председателем Госкомнаца России был назначен В.А. Тишков⁶. Назначение было необычным – после двух партийных номенклатурных руководителей председателем назначался ученый. Главной задачей Тишкова стало создание Концепции национальной политики России.

Суть Концепции Тишкова заключалась в создании «нации сограждан», которая была бы объединяющей надстройкой над всеми этническими группами в стране. Важным аспектом Концепции Тишков считал равноправие между субъектами России. Вокруг предложенной Концепции разгорелся конфликт между сторонниками Тишкова и сторонниками альтернативной Концепции во главе Р.Г. Абдулатиповым. Сложившееся противостояние привело к отставке Тишкова в октябре 1992 г.⁷

Ему на смену в ноябре 1992 г. пришел С.М. Шахрай – юрист по образованию. Это был влиятельный управленец с большим опытом, прагматик, пользующийся доверием президента.

В марте 1993 г. Госкомнац России был преобразован в Государственный комитет РФ по делам федерации и национальностей⁸. Задачи Госкомфедерации России вышли за рамки национальной политики – комитет стал участвовать в реализации федеративной, региональной, социально-экономической политики.

¹ Закон РСФСР от 29.11.1989 // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 49. Ст. 1445.

² Указ Президиума ВС РСФСР от 17.03.1990 // Ведомости ВС РСФСР. 1990. № 12. Ст. 355.

³ Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 № 22–1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

⁴ Указ Президента РСФСР от 28.11.1991 № 242 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 48. Ст. 1696.

⁵ Указ Президента РСФСР от 05.12.1991 № 259 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1788.

⁶ Указ Президента РФ от 27.02.1992 № 195 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10. Ст. 515.

⁷ Указ Президента РФ от 15.10.1992 № 1236 // САПП РФ. 1992. № 16. Ст. 1289.

⁸ Указ Президента РФ от 02.03.1993 № 308 // САПП РФ. 1993. № 10. Ст. 869.

Позднее, в январе 1994 г. Госкомфедерация России и Госкомсевер России были объединены в Министерство РФ по делам национальностей и региональной политике¹. В мае 1994 г. Шахрай был освобожден от должности министра². Одной из возможных причин отставки могло быть политическое противостояние Шахрая и Ельцина.

При Шахрае Миннац России стал проводить собственную политическую линию. Политическое влияние Миннаца России отразилось и на Чеченском кризисе. На протяжении нескольких лет министерство стояло на позициях мирного разрешения конфликта, и это мнение учитывалось.

В отличие от Шахрая, назначенный в мае 1994 г. руководителем Миннаца России Н.Д. Егоров был представителем радикально настроенной группы политиков. По утверждению многих исследователей только с приходом Егорова стала возможна военная операция в Чечне. Провал декабрьского штурма Грозного и события в Буденновске определили судьбу Егорова – 30 июня 1995 г. он был снят с поста министра³.

Миннац России всегда был зависим от внутриполитической обстановки. Частая смена руководства и постоянные реорганизации мешали конструктивной работе органа⁴. Тем не менее, деятельность Миннаца России в 1-й пол. 1990-х гг. нельзя недооценивать.

Одним из важнейших направлений деятельности Миннаца России было участие в разрешении межнациональных конфликтов. Практиковались оперативные выезды сотрудников министерства в проблемные регионы и зоны конфликтов, в случае необходимости они организовывали переговоры⁵.

Миннац России старался соблюдать принцип «нейтральности» и принципиально преследовал одну цель – недопущения полномасштабно-го вооруженного конфликта.

Несмотря на то, что Миннац России не смог стать общенациональным «третейским судьей», он пытался сформировать собственную модель разрешения межнациональных конфликтов. Ее основой во многом был процесс медиации⁶ и теория игр⁷.

Основными принципами этой модели стали: единое правовое поле для переговоров; объективная оценка требований сторон; качественный пере-

¹ Указ Президента РФ от 10.01.1994 № 66 // САПП РФ. 1994. № 3. Ст. 190.

² Указ Президента РФ от 16.05.1994 № 941 // СЗ РФ. 1994. № 4. Ст. 307.

³ Указ Президента РФ от 30.06.1995 № 656 // СЗ РФ. 1995. № 27. Ст. 2559.

⁴ *Козлова О.В.* Национальная политика Российской Федерации в 90-е годы XX века. С. 59; *Штралер О.Ф.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации: опыт, проблемы развития С. 76.

⁵ ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–76; Д. 82. Л. 60–61, 82, 86–90.

⁶ Медиация – способ урегулирования споров с участием третьей нейтральной, беспристрастной стороны – медиатора.

⁷ Теория игр – метод изучения оптимальных стратегий в играх (процессах) в которых участвуют две и более сторон, ведущих борьбу за реализацию своих интересов.

говорный процесс; грамотно сформированные модельные нормативные акты по разрешению конфликтов; внедрение элементов политики «переходного периода» (многоэтапные переговоры с большой длительностью); привлечение общественных организаций в качестве посредников.

Еще одним важным направлением деятельности Миннаца России была социально-экономическая сфера. Министерство участвовало в разработке и реализации социально-экономических программ¹, осуществляло гуманитарную помощь в проблемные регионы и защищало экономические интересы малочисленных народов². Борясь за создание гибкой системы экономического субсидирования, Миннац России непроизвольно выполнял уникальную задачу по «регионализации» экономики.

Миннац России занимался активной научной деятельностью. Сотрудники министерства разрабатывали Системно-информационную модель межнациональных отношений в России³, а также участвовали в международных научных конференциях⁴.

Культурная политика министерства была выражена в участии в формировании принципов языковой политики России⁵. Миннац России разрабатывал и финансировал программы национально-культурного возрождения народов, занимался подготовкой съездов и конгрессов, а также созданием культурных центров и ассоциаций⁶.

Международная деятельность Миннаца России выражалась в сотрудничестве со странами СНГ в совместном разрешении межнациональных конфликтов⁷.

Исходя из вышесказанного, нельзя считать, что деятельность Миннаца России в 1-й пол. 1990-х гг. была ничтожна. Министерство активно занималось региональной и национальной политикой, участвовало в разрешении межнациональных конфликтов и противоречий. Судьба Миннаца России трагична и наглядно отражает этапы развития государственности России в 1-й пол. 1990-х гг.

Для нас важно, что в истории современной России есть пример *активного государственного регулирования национальной политики*, есть пример существования государственного органа, ответственного за национальную политику.

Пренебрежение к собственному историческому опыту остается для нашей страны большой проблемой. Сегодня люди, ответственные за национальную политику должны изучить и учесть накопленный ранее опыт. Это даст неоспоримые преимущества и поможет избежать многих ошибок. Опыт прошлого – это один из важнейших ресурсов будущего!

¹ ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 4. Л. 13; Д. 7. Л. 10–24; Д. 48. Л. 8–42; Д. 49. Л. 1–38.

² Там же. Д. 39. Л. 1–16; Д. 44. Л. 22–23а, 34–38, 41–44, 101–104.

³ Там же. Д. 82. Л. 54–58.

⁴ Там же. Д. 27. Л. 83–84; Д. 82. Л. 10, 29–34.

⁵ Там же. Д. 82. Л. 67–68; Д. 136. Л. 38–54.

⁶ Там же. Д. 33. Л. 1–8; Д. 50. Л. 1–24; Д. 82. Л. 5, 66, 105–106; Д. 129. Л. 18–23.

⁷ Там же. Д. 82. Л. 27–28.

ПОНЯТИЕ «ЧИНОВНИК» В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

*Плех Олеся Анатольевна, к.и.н.
(Институт российской истории РАН)*

Для государственного управления Российской империи понятие «чиновник» имело первостепенное значение. Однако в исторической науке этот термин имеет весьма расплывчатые очертания и нередко получает неоднозначное толкование¹. Применительно к изучению государственных учреждений первой половины XIX в., в особенности провинциальных, отсутствие единого подхода к терминологии приводит к невозможности получения общих данных и осложняет проведение сравнительных исследований. Главным образом, трудности возникают, когда ученые погружаются в документальный материал и для них становится очевидным, что в дореволюционной России, как справедливо отметил В.Е. Зубов, «чиновник» – не всегда служащий, «работник аппарата управления» – не всегда чиновник и не всегда государственный служащий, государственный служащий – не всегда чиновник и не всегда работник аппарата управления»². Исследователи по-разному преодолевают эту проблему и, к сожалению, нередко используют терминологию без специальных оговорок. Именно поэтому, несмотря на многочисленность публикаций, посвященных ка-

¹ Разночтения наблюдались еще в литературе второй половины XIX в., когда правоведы связывали понятие «чиновник» со служебной деятельностью и «чином, в котором состоит должность» (*Нелидов Н.К.* Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль: Тип. губ. земской управы, 1874. С. 136), а историки полагали, что под словом «чиновник» «правильно подразумевать каждого представителя правительственной власти» (*Карнович Е.П.* Русские чиновники в былое и настоящее время // *Карнович Е.П.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 1995. С. 589). П.А. Зайончковский, впервые предпринявший фундаментальное исследование проблем, связанных с личным составом правительственных учреждений дореволюционной России, выделял канцелярских служащих и чиновников, понимая под последними лиц, занимавших классные должности и имевших чин по Табели о рангах 1722 г. (*Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 24). В современной науке под чиновничеством часто понимают всех вообще лиц, непосредственно занятых в управлении государством.

² *Зубов В.Е.* К вопросу о численности аппарата управления в дореволюционной России // *Известия Алтайского государственного университета.* 2008. № 4/3 (60). С. 98.

дровому составу, мы имеем мало статистических показателей, соотносимых с общеимперскими данными и сопоставимых по разным губерниям.

Известно, что понятие «чиновник» стало употребляться по отношению к служащим после принятия Табели о рангах 1722 г., выделившей три рода службы: воинскую, статскую (гражданскую) и придворную, для каждого из которых предусматривалось 14 рангов (классов). Получение определенного чина давало возможность занимать соответствующую ему должность и влияло на статус не только служащего мужчины, но и его семьи. В отношении жен закон прямо устанавливал, что они «поступают в рангах по чинам мужей их»¹ (в связи с этим появились такие наименования, как чиновница, титулярная советница, капитанша и т. п.). Однако ни в Табели о рангах, ни в принятых после нее законодательных актах понятие «чиновник» не раскрывалось.

Судить о том, кого в первой половине XIX в. верховная власть относила к интересующей нас категории, мы можем, основываясь на положениях «Устава о службе гражданской»², в котором были систематизированы нормы, регулировавшие процесс прохождения государственной службы и оформившие правовой статус служащих. Во-первых, законодатель сохранил связь понятия «чиновник» с классом по Табели о рангах. В ст. 355 «Устава» указывалось: «По всем ведомствам гражданской службы чиновники всех установленных трех разрядов... определяются к местам... не иначе, как сообразно чину, в коем... полагается должность»³. Дополнением к этой статье служило «Расписание должностей гражданской службы по классам от XIV до V-го включительно». Во-вторых, чиновниками в законе именовались не только гражданские, но и военные служащие: «Отставные военные чиновники определяются в гражданскую службу или с сохранением прежних воинских чинов и мундиров, или с переименованием в чины статские» (ст. 418)⁴. В-третьих, нормы раздела, регулировавшего награждение чинами при отставке, сохраняли звание чиновника за лицами, «отставленными от службы» и «находящимися не у дел»⁵. Более того, в «Уставе о службе гражданской» даже употреблялось такое понятие, как «неслужащий чиновник».

Вышесказанное позволяет нам прийти к заключению, что на законодательном уровне под «чиновниками» понимались лица, имевшие чин по

¹ ПСЗ-1. Т. 6. № 3890.

² В настоящем исследовании анализируется «Устав о службе гражданской» в редакции 1842 г. (Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской. СПб., 1842).

³ Там же. Кн. I. С. 62.

⁴ Там же. Кн. I. С. 73.

⁵ Там же. Кн. I. С. 217–219.

Табели о рангах, вне зависимости от того находились ли они на действительной службе или вышли в отставку. Такое употребление терминологии было свойственно и для делопроизводственной документации первой половины XIX в. Приведем пример, который не только подтвердит сделанные выводы, но и наглядно отразит, с какими проблемами может столкнуться исследователь в практике работы с этими материалами.

В нашем распоряжении имеются отчеты о состоянии городов Вологодской губернии за 1819–1821 гг., сохранившиеся в фонде Канцелярии вологодского губернатора Государственного архива Вологодской области (Ф. 18). В изучаемый период полицмейстеры и городничие регулярно представляли в губернский центр подобного рода документы. В них в числе прочей информации помещались сведения о составе и числе жителей. При этом полицейские служители, приводя статистические данные, по-разному делили население на категории. Тотемский городничий указал, сколько в городе проживает «служащих ведомства гражданского чиновников» обоего пола (относительно женщин, конечно, речь шла о женах-чиновницах)¹. Устюжский полицмейстер и вельский городничий указали количество чиновников (разделили их на лиц мужского и женского пола, но не выделили число детей), не уточняя их принадлежности к гражданскому или военному ведомству². Таким же путем пошли сольвычегодский и устьысольский городничие, но вместо термина «чиновники» использовали понятие «штаб- и обер-офицеры»³. Никольский городничий поместил в отчет общую цифру людей, отнесенных им к штаб- и обер-офицерам (т.е. подсчитал мужчин, женщин и детей)⁴. Яренский городничий использовал понятия «высокоблагородные» и «благородные» лица⁵. В Кадникове была составлена более подробная ведомость, где отдельно выделялись городничий, земский исправник, дворянские и сельские заседатели, уездный казначей, чиновники при уездном правлении питейного сбора, секретари, протоколисты, бухгалтер, и сколько на них приходилось жен и детей, а также особо указывалось число не служащих чиновников⁶. В статистических данных по Вологде за 1843 г. полицмейстер представил иную градацию: дворяне служащие; дворяне не служащие; чиновники не из дворян служащие; отставные⁷. Документы, содержащие аналогичные статистические данные, нельзя назвать редкостью для местных архивов. Они дают ценную информацию о количестве чиновников, но, конечно,

¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 406. Л. 29.

² Там же. Л. 25, 35.

³ Там же. Л. 46, 68.

⁴ Там же. Л. 43.

⁵ Там же. Л. 53.

⁶ Там же. Л. 18 об.

⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

при работе с ними нужно учитывать, кого и как считали в провинциальных учреждениях.

Подводя итог, отметим, что чиновничество по своей сущности было уникальным явлением в русском обществе. Термин, который сегодня принято употреблять по отношению ко всем государственным служащим, в документах первой половины XIX в. применялся лишь для обозначения лиц, имевших классные чины. Для того, чтобы избежать разночтений при анализе источников в ходе изучения государственного аппарата Российской империи, категорию «чиновник» нельзя смешивать с понятиями «управленец», «бюрократ», «государственный служащий».

«ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА» ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛА ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ НА ЧЕХОСЛОВАЦКОМ ФРОНТЕ В ОТНОШЕНИИ АННЫ МИХАЙЛОВНЫ ШАТАЛОВОЙ)¹

*Позднякова Анастасия Сергеевна, к.и.н.
(Кировский государственный медицинский университет)*

Октябрьская революция и Гражданская война в России разделила жизни людей на «до» и «после». Она коснулась каждой семьи по-своему, изменила привычный ритм жизни, внесла коррективы в трудовые будни и место жительства. Не все, к примеру, смогли выдержать голод в Петрограде в 1918 г. и спешно покидали город в поисках хлеба. Волна мигрантов отправилась и в Вятскую губернию, ставшую одним из центров мешочничества. Однако люди приезжали в Вятку не только с целью покупки хлеба по более выгодной цене и последующего его вывоза и перепродажи, но и с целью поправить и восстановить свое здоровье. К сожалению, о многих приехавших в губернию мы узнаем из протоколов допросов Чрезвычайных комиссий. Вятская губерния в 1918–1920 гг. была и фронтовой, и прифронтовой зоной, более половины губернии была занята войсками А.В. Колчака. Вследствие этого Вятка наряду с соседними губерниями стала местом расположения одной из самых суровых в отношении применения репрессий ЧК – Чрезвычайной комиссии на чехословацком фронте. Ее отделение в Вятской губернии работало в нескольких уездах с августа по начало декабря 1918 г. За период ее существования было заведено более 150 дел по обвинению в контрреволюции, все с расстрельным приговором. Прибытие в Вятку, нахождение здесь более месяца воспринималось комиссарами ЧК как попытка перейти в удобный момент на сторону белогвардейцев и шпионаж.

Одной из приехавших в губернию была 51-летняя уроженка Петербурга, бывшая дворянка Анна Михайловна Шаталова. Ее отец служил чиновником в Министерстве внутренних дел, она окончила Высшие женские курсы, преподавала в народной школе, в молодости часто бывала за границей в Женеве, знала четыре языка, много переводила с французского по проблемам педагогики. Муж Анны Михайловны в царское время

¹ Статья выполнена в рамках выполнения гранта РФФИ «Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти». Номер проекта 17–81–01003.

служил в страховом обществе «Россия». Ее судебное-следственное дело представляет особую ценность в том, что в нем представлены письма ее сына Иосифа к ней, жившего в то время в Петрограде, что дает возможность заглянуть в городские будни.

Из писем и протокола допроса следователя ЧК, мы узнаем, что Анна Михайловна приехала в Кукарку (уездный город Вятской губернии с населением около 4 тысяч человек) в начале августа 1918 г., поскольку «узнала от знакомых, что в продовольственном отношении здесь хорошо»¹. И сразу у нее завязалась переписка с сыном, который вместе с отцом остался в голодном Петрограде. Сын Анны Михайловны – Иосиф был связан с медициной, работал врачом в холерном приюте Петрограда при Приморском вокзале, до революции, скорее всего, занимался частной практикой, не успев сдать на доктора медицины.

Темами переписки матери с сыном были вопросы снабжения продуктами, керосином, а также обсуждение книг и газет. Основной темой являлось, конечно, продовольствие. Иосиф в первом письме матери от 19 августа 1918 г. указывал, что «дешевеет лишь молодой картофель, можно его достать на окраинах города по 2–2,5 рубля за пуд»². В следующем письме от 25 августа он писал, что хлеб не всегда выдается даже на первую категорию, его цена составляет около 3,5 рубля за пуд, а «появившиеся в значительном количестве овощи также дороги: морковь 2,5–3 рубля за пуд, капуста 3–3,5, лук 4,5–5»³. В сравнении слегка подержанный четырехтомник В.О. Ключевского стоил 4 рубля, о чем также писал сын Шаталовой. Перебои в Петрограде возникали не только с продовольственными товарами, но и с керосином, о чем также упоминал сын А.М. Шаталовой: «у нас керосина нет, у папы его тоже не выдают»⁴. По данной причине в школах Петрограда начало учебы было отложено с 1 сентября на 1 октября 1918 г. В письмах он рассказывает про друзей, родственников семьи, их решение продовольственных вопросов в городе. К примеру, он пишет, что семья Клименко живет в деревне, где члены семьи мужского пола занимаются полевыми работами у крестьян.

Восторженно сын встретил посылки от матери из Кукарки: «Я узрел каравай хлеба и 2 десятка яиц... как это ты можешь уехать от такой роскоши как хлеб!»⁵ В письмах сын всячески пытался отговорить мать возвращаться в сентябре 1918 г. в Петроград, описывая ситуацию с хлебными карточками: «На 30–31 августа выдают по 1 категории – четверть пуда коровьего масла и 5 штук селедки, 2 категории – одну восьмую масла и

¹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. Р-6799. Оп. 9. Д. СУ–11480. Л. 3 об.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 13.

3 селедки, 3 категории – 3 селедки»¹. В письме от 6 сентября он писал, что для первой и второй категории паек был сокращен вдвое, третья и четвертая категории ничего не получают.

Продовольственные сложности вызывали у сына Анны Михайловны стремление вскоре покинуть Петроград, переехать на юг, к примеру, в Воронеж. Однако, как он писал, были вечера, когда город покидать совсем не хотелось. С большим воодушевлением он описывал посещение Мариинского театра, а именно оперы «Борис Годунов» с Шаляпиным в главной роли: «Я наслаждался...немного огорчало меня лишь то обстоятельство, что я был полуголодным и думал о вобле, которую приготовил себе на ужин»².

Не обходит стороной сын Анны Михайловны политические события, хотя понимал, что «цензура зачеркнет»³. Большевиков он называл «беками», ругал газеты за то, что пишут только о победах последних. В письме за 31 августа 1918 г. он сообщил матери об убийстве комиссара Урицкого и ранении Ленина: «“Красная газета” кричит о мести и казни буржуев»⁴.

В последнем письме Иосиф сообщил маме, что мобилизован как врач и вскоре может покинуть Петроград. Говоря о скором возвращении матери в Петроград, Иосиф писал, чтобы она приезжала с продуктами, которых можно провозить с собой до полутора пудов. Анна Михайловна собиралась покинуть Кукарку в первых числах октября, уже собрала вещи, но была арестована неожиданно прибывшими в город комиссарами ЧК на чехословацком фронте, 4 октября был произведен единственный допрос, где ее спрашивали об отношении к Февральской и Октябрьской революции, разгону Учредительного собрания, введению политики «красного террора», Чехословацкому мятежу. 5 октября 1918 г. по постановлению ЧК Анна Михайловна Шаталова была приговорена к расстрелу как «контрреволюционный элемент». Переписка с сыном также сыграла свою роль, в постановлении было указано, что «кроме того, в письмах ее сын пишет о большевиках плохо»⁵. В 1992 г. Анна Михайловна Шаталова была реабилитирована.

Рассмотренный нами пример отражает лишь часть огромной трагедии обычного человека в условиях Гражданской войны, вынужденного покинуть дом в поисках средств для существования, оказавшегося заложником ситуации.

¹ Там же.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 13 об.

⁵ Там же. Л. 22.

ПЕРЕСТРОЙКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОРОДАХ И УЕЗДАХ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Прокофьева Мария Ильинична
(Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого)*

В начале Первой мировой войны перед всей страной встали проблемы по организации госпиталей и лазаретов на фронте и в тылу, медицинских складов, подготовки медицинских кадров и переброски их на фронт. Для решения этих и других задач 30 июля 1914 г. был образован Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (далее ВЗС), который первоначально не включал Новгородскую губернию в план эвакуации и размещения раненых¹. Но события на фронтах развивались так стремительно, что начиная с сентября 1914 г. в Новгородскую губернию стало поступать большое количество раненых солдат. Гражданские учреждения здравоохранения не могли справиться с дополнительной работой по приему и лечению раненых, поэтому перед губернским руководством и земствами была поставлена задача широкого развертывания на территории Новгородской губернии некоторого числа госпиталей и лазаретов².

В 1914 г. в Новгородской губернии общее число медицинского персонала (врачей, фельдшеров, акушеров, повитух и оспопрививателей), находящегося на службе земства составляло 589 человек. Спустя год, в 1915 г., общее число медицинского персонала в губернии сократилось на 105 мест и составило 484 человек. Такое сокращение медицинского персонала было вызвано мобилизацией и добровольным уходом частью медиков на фронт.

¹ Доклад Новгородскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1914 г. // Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1914 год. Новгород, 1914. Т. 2. С. 2–3, 7.

² Павлов А.Н. Благотворительная деятельность Новгородского земства в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2003. С. 86–87.

Начиная с 16 августа Общество врачей Новгородской губернии решило открыть шестинедельные курсы для подготовки лиц обоего пола по уходу за ранеными и больными воинами¹.

12 сентября 1914 г. губернская земская управа получила от ВЗС телеграмму с просьбой «срочно развернуть несколько госпиталей для приема и лечения раненых и принять меры по их скорейшему выздоровлению...». С этой целью были образованы губернский и уездные комитеты по оказанию помощи больным и раненым воинам². Непосредственным поводом к созыву первого заседания губернского комитета послужили предложения Товарищества Окуловских писчебумажных фабрик о предоставлении безвозмездно в распоряжение Новгородского губернского земства усадьбы Берёзовик вблизи Николаевской железной дороги, для устройства в ней госпиталя для раненых и больных³.

Первые лазареты и госпитали были созданы по линии Николаевской железной дороги в районе станций Окуловка, Чудово, Любань, Северной железной дороги – в Тихвине и Череповце, по Новгородской – в Новгороде и Тесово, по Московско-Виндаво-Рыбинской – в Старой Руссе и Бологое⁴. В Новгороде к октябрю 1914 г. было организовано 7 лазаретов и открыт центральный аптекарский склад. Общее число коек в лазаретах Губернского Комитета составляло к 1 октябрю 1914 г. – 705, а к 1 октябрю 1915 г. – 778⁵. Лечебные учреждения открывались и в других населенных пунктах губернии. К концу сентября 1914 г. все работы по устройству и хозяйственному оборудованию лазаретов и госпиталей были завершены.

На протяжении всей войны лазареты и госпитали испытывали острую необходимость в медицинских кадрах. С начала возникновения необходимости устройства лазаретов в Новгородской губернии повсеместно встал вопрос о поиске и приглашении медицинского персонала. Многие местные врачи были вынуждены оставить работу и уйти служить в действующую армию. Закон освобождал от призыва лишь заведующих больницами врачей, но лишь при условии, что в больницах есть не менее 16 постоянных кроватей⁶. Поэтому главным комитетом Москвы было командированы 3 врача для Новгородских лазаретов и несколько врачей в распоряжение уездных комитетов, остальные врачи были приглашены преимущественно из состава лиц, работавших ранее в Новгородском гу-

¹ Михайлова Е.Ф. Новгородская губерния в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг. // Новгородский архивный вестник. 2014. № 12. С. 177–179.

² Павлов А.Н. Указ. соч. С. 86–87.

³ Доклад Новгородскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1914 г // Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1914 год. Новгород, 1914. Т. 2. С. 2–3, 7.

⁴ Павлов А.Н. Указ. соч. С. 86–87.

⁵ Доклад Новгородскому Губернскому Земскому Собранию очередной сессии 1915 года // ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2535. Л. 2.

⁶ Михайлова Е.Ф. Указ. соч. С. 178.

бернском земстве по борьбе с эпидемиями¹. Недостающие кадры среднего медицинского персонала были пополнены фельдшерицами-акушерками и слушательницами сокращенных курсов для санитаров².

В процессе организации лазаретов и госпиталей Губернский Комитет столкнулся с серьезной проблемой технического и хозяйственного оснащения случайных зданий в Новгородской губернии, многочисленные затруднения которых, касались прежде всего устройства специальных кухонь, ванн, клозетов и т.д. Поэтому врачи принимали непосредственное участие в отборе помещений под лазареты.

Внутренний распорядок и общий режим во всех лазаретах был одинаковым. Выписка из лазаретов раненых и больных воинов производилась по 4 категориям: в запасной батальон, в команду выздоравливающих, в отпуск на родину, признанных к дальнейшей службе негодными³.

Для перевозки раненых солдат в госпитали и лазареты Новгорода и его окрестностей был создан специальный узкоколейный санитарный поезд. Его оборудованием занимались военное ведомство по проекту, разработанному представителями Новгородской ветви Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, а также заведующий санитарным бюро в качестве председателя местной эвакуационной комиссии⁴.

Санитарный поезд состоял из 24 вагонов с нарами, 5 вагонов с носилками, 1 перевязочного вагона, 1 спального вагона для персонала и 3–5 классовых вагонов, которые прицеплялись в зависимости от количества раненых⁵. Обычный состав персонала: 3–4 врача, заведующий хозяйством, 6–8 сестер милосердия и 15–20 санитаров⁶.

Обычно раненые принимались в 6–7 часов утра и размещались в трех залах Чудовского вокзала, где они осматривались врачами и подразделялись на категории: тяжелораненых и нуждающихся в операциях, легко раненых, заразных, сифилитиков, отравленных газами и т.д.⁷ В пути и на остановках производились неотложные перевязки и дополнительные обследования больных. Роль носильщиков, зачастую, исполняли воспитанники учебных заведений. Работа по эвакуации раненых в Новгородскую губернию бесперывно продолжалась с октября 1914 г. по ноябрь 1915 г.

¹ О деятельности губернского и уездных земств по оказанию помощи раненым и больным воинам в пределах Новгородской губернии // Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1914 год. Новгород, 1915. Т. 2. С. 6.

² Там же.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Доклад Новгородскому Губернскому Земскому Собранию очередной сессии 1915 года // ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2535. Л. 7–7 об.

⁵ Там же. Л. 7 об.

⁶ О деятельности губернского и уездных земств по оказанию помощи раненым и больным воинам в пределах Новгородской губернии // Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1914 год. Новгород, 1915. Т. 2. С. 16.

⁷ Доклад Новгородскому Губернскому Земскому Собранию очередной сессии 1915 года // ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2535. Л. 7 об.

За всю войну максимальное число госпиталей и лазаретов в Новгородской губернии было организовано в 1916 г., их число составляло 98. Общее количество кроватей составляло 12 425.

Таким образом, с наступлением войны медицинские работники оказывали огромную помощь Губернскому Комитету в организации и работе лазаретов в Новгородской губернии. В процессе создания огромного количества лечебных учреждений Губернский Комитет совместно с врачами столкнулся с множеством проблем, наиболее острыми из них были нехватка медицинского персонала, а также проблемы технического и хозяйственного оснащения лазаретов. Однако успешная и согласованная работа Новгородского губернского земства с медицинскими работниками позволила справиться с этими проблемами и за короткий срок развернуть на территории губернии большое число госпиталей и лазаретов.

УТОПИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ» (2014)

*Прокудин Борис Александрович, к.полит.н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В многочисленных интервью, которые Захар Прилепин давал в поддержку вышедшего в 2014 г. романа «Обитель», он утверждал, что своим романом о Соловецком лагере он не собирался «соревноваться» с классиками «лагерной» прозы, Шаламовым или Солженицыным. Но у него было одно преимущество: в отличие от классиков, он имел возможность работать с документами, рассказывать историю ГУЛАГа, опираясь не только на слова очевидцев, но и на архивные данные.

Раньше, говорил Прилепин в интервью, о ГУЛАГе писали только с точки зрения жертвы, он же первый дал слово всем участникам конфликта. В этом и новизна романа.

И правда, Артем Горяинов, главный герой «Обители», совершает обход всех кругов «Соловецкого ада», чтобы показать нам его обитателей. Перед ним демонстрируют красноречие каэры (контрреволюционеры), проповедуют священники, ругаются ученые, представители интеллигенции, исповедуются поэты и большевики. Прилепин дает высказаться начальнику лагеря Федору Эйхманису (его прототип – Ф.И. Эйхманс) и чекистке Галине.

Мячик летает от одних к другим, и в этом напряженном диалоге начинает проступать эпоха. «Монахи построили храм, а большевики – тюрьму и мучают людей», – слышим мы с одной стороны. «Теперь тут обижают семь тысяч человек <...> А до сих пор тысячу лет секли всю Россию! Мужика – секли и секли! <...> Всего пять лет прошло (после революции. – *Авт.*) – но кому сейчас придет в голову отвести взрослого человека на конюшню, снять с него штаны и по заднице бить кнутом?»¹ – слышим с другой стороны.

«Большевики убили русское священство!» «Как бы не так, – парирует Эйхманис. – В России сорок тысяч церквей, и в каждой багюшка <...> А в Соловках их сейчас одна рота длиннополых – 119 человек! И то самых настырных и зловердных. Где же остальные? А все там же. Проповедуют о царстве Антихриста»². Основным источником информации и ее безальтернативной интерпретации на Руси всегда были священники, продолжа-

¹ См.: *Прилепин З.* Обитель. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. С. 370.

² Там же. С. 267.

ет начальник лагеря. «Самое главное им (русским людям. – *Авт.*) объяснял поп – и про Бога, и про Россию, и про царя. Тираж любой книги Блока был – одна тысяча экземпляров. А у любого попа три тысячи прихожан в любой деревне. <...> И если батюшка говорит, что советская власть – от Антихриста, – а они говорят это неустанно! – значит, никакого социализма в этой деревне, пока стоит там церковь, – мы не построим!»¹

И так далее.

Этот истерический, переходящий на хрип диалог о судьбе родины продолжается на 752 страницах романа, и читатель начинает понимать мотивы поступков, которые раньше казались немотивированной жестокостью. Прилепин не занимается историческим оправданием ГУЛАГа, лагерный ужас описан без прикрас, он пытается, как медиатор переговоров, дать каждой из сторон максимально откровенно высказаться. Рассказать о своих идеалах и интересах. «Принять», «простить», «осудить» – все это личное дело каждого. Главное – понять оппонента. С этого начинается конструктивный разговор. Понимание создает предпосылки единения.

Захар Прилепин в романе «Обитель» выводит историю ГУЛАГа из пространства идеологических упрощений на уровень общенациональной драмы. Это драма каэров, священников, ученых, представителей интеллигенции, поэтов и большевиков, блатных. Всей России. Как писал критик Алексей Колобродов, Прилепин «возвращает соловецким пляскам подлинные координаты античной трагедии»².

Но кроме этого, новый расширенный взгляд, предложенный Прилепиным, неожиданно дает возможность прочесть «Обитель» как роман-антиутопию. Только невыдуманную. Дело в том, что Соловецкий лагерь, первый лагерь Советской России, проектировался изначально как лаборатория нового человека. Идеалисты-руководители новой республики думали, что в лагере можно перековать человека, сделать из преступника полноценного гармонически развитого гражданина.

Все революционеры, начиная с XVIII в., верили в социальную природу зла. Они считали, что человек рождается прекрасным, а преступником делает его дурно устроенное общество, основанное на неравенстве. И еще они считали, что труд является одной из главных потребностей человека. В коммунистическом обществе, мол, не надо будет никого заставлять трудиться. Исходя из этого, создатели лагеря полагали, что если всем заключенным дать работу, соответствующую их силе и навыкам, и всех поставить в равные условия (интеллигентов, например, перемешать с уголовниками), человек может измениться. Возрасти над собой. Поэтому Эйхманис, первый начальник Соловецкого лагеря, учредил у себя два театра, два оркестра, две газеты, восемь школ, двадцать два ликбеза, двенадцать профкурсов и восемнадцать библиотек, «включая передвижные». Все условия для гармоничного развития личности. Даже музей монастыря открыл.

¹ Там же. С. 280.

² Колобродов А.Ю. Соловецкие пляски. Вступление в роман // Колобродов А.Ю. Захар. М., 2015. С. 136.

Соловки Эйхманиса были государством в государстве. «Здесь не столько лагерь, – говорит он, – сколько огромное хозяйство. <...> Лесо-заготовка – лесопильное и столярное производства. Рыбная и тюленья ловля. Скотное и молочное хозяйство. Известково-алебастровый, гончарный, механический заводы. Бондарная, канатная, наждачная, карбасная мастерские. Еще мастерские: кожаные, сапожные, портновские, кузнечные, кирпичные... Плюс к тому – обувная фабрика. Электрификация острова. Перегонный завод, <...> железная дорога, торфоразработки, сольхоз, пушхоз и сельхоз»¹. На Соловках высаживали редкие сорта роз, разводили лис, изучали водоросли. Кажется, там было собрано все, чтобы построить Город Солнца. Воплотить Утопию. Вот только ничего не получилось почему-то. Вместо Города Солнца построили «живодерню». Почему?

Может быть, потому что уголовник при новом, справедливом строе, остается таким же уголовником. Человек как был страшен, так и остался. Революция «не принесла так быстро того, чего ждали»², – говорит чекистка Галина. И в этих словах слышится страшное, непосильное разочарование. А ведь, действительно, ждали антропологического чуда. Его предрекали философы и поэты: Николай Бердяев, Андрей Платонов, Владимир Маяковский. Ждали, что в новый мир войдет гордый новый человек, свободный от «греха эксплуатации», а получилось, что со дна поднялся «уголовный элемент». Это, во-первых.

А во-вторых, Мировая война, революция и гражданская война сделали людей жестокими. «Те, кто винит нас за жестокость, ни дня не были на фронте»³, – говорит Эйхманис. Люди, которые привыкли убивать, которые носят маузер на ремне, не могут остановиться перед соблазном решать сложные проблемы простыми расстрелами. Для всего поколения революционеров война не заканчивалась никогда.

В результате вместо лаборатории получился «цирк а аду», «фантазматория», как говорит герой книги. Потому что «каждый человек носит на дне своем немного ада: пошевелите кочергой – повалит смрадный дым»⁴. Ошибочной оказалась старая гипотеза Жан-Жака Руссо про изначальную доброту человека. Кажется, «Обитель» Прилепина об этом. В романе есть всего одна пафосная сцена, написанная, чтобы показать, что люди небезнадежны. Когда приговоренные к смерти заключенные ночью коллективно исповедуются в грехах перед принятием причастия. Это сцена безумия. Вырывается наружу дикий вопль страха и покаяния, примиряющий всех в этом лагере, в этом мире. А наутро «причастные Тайнам» вновь начинают друг друга мучить. И владычка-монах, с которым они связывали надежду на спасение, умирает. Воистину: «Человек темен и страшен, но мир человечесен и тепел». Это последние слова романа.

¹ Прилепин З. Указ. соч. С. 265.

² Там же. С. 701.

³ Там же. С. 703.

⁴ Там же. С. 472.

НЕЗАВЕРШЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ТОМАСА СКИДМОРА

*Равкина Анна Дмитриевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Об американской революции написано много, сказано еще больше, но одно остается очевидным: это величайшее событие в истории США, от которого идет отсчет их суверенной государственности¹. Бесспорно, что Война за независимость – предмет национальной гордости американцев, однако все по-разному оценивают ее итоги. Среди тех, кто признает значимость достижений революции, но в то же время считает их неполноценными, – Томас Скидмор.

Уроженец Ньютауна, штата Коннектикут, он долго скитался по Америке в поисках своего призвания, пока не примкнул к рабочему движению. В 1829 г. он вступил в «Комитет 50-ти», позднее порвал с ним и создал со своими сторонниками «партию бедняка», начал выпускать газету «Друг равноправия». В далеком апреле 1829 г., когда он еще входил в «Комитет 50-ти», вместе с другими участниками он разрабатывал избирательную платформу «партии трудящихся» для предстоящих выборов в ноябре. Тезисы, выдвинутые Скидмором, не получили должной поддержки, и он решил написать их подробное разъяснение, оформленное в виде книги под названием «Права человека на собственность».

Основной вопрос, рассматриваемый Скидмором в своем труде, – равенство во владении собственностью. При равенстве прав должно непременно существовать право на равную для всех граждан собственность. Это положение является ключевым в теории мыслителя.

Что касается предложенных им методов претворения своей программы в жизнь, то таковыми являются выборы и принятие новой конституции. В очередном революционном подъеме нет необходимости, нужно лишь довести завоевания 1783 г. до логического конца, понимаемого им как всеобщий раздел собственности, который должен искоренить имущественное, а вслед за ним и социальное неравенство. Пока эта цель не достигнута, американская революция представляет собой незавершенный процесс.

¹ *Севастьянов Г.Н.* История США в четырех томах: 1607–1877. М.: Институт всеобщей истории (Академия наук СССР), 1987.

Именно тот факт, что американское общество еще находится в процессе становления, объясняет сосуществование нищеты рабочих и роскоши буржуа, рабского труда чернокожих и лености южан-плантаторов, в общем, такое положение вещей, когда «огромная часть человечества обречена, подобно рабам, на неустанный труд, а другие рождены для наслаждений»¹. «Все люди созданы равными», – гласит Декларация независимости², следовательно, нет надобности объяснять, почему американское общество и существующие в нем имущественные отношения устроены несправедливо и нуждаются в некоторой модификации.

Идея незавершенности революции, высказанная Скидмором, не являлась уникальной в общественно-политическом дискурсе США того времени: схожего мнения придерживалась и Рабочая партия Филадельфии, созданная летом 1828 г.³ Защищая интересы мастеровых и рабочих города и округа Филадельфия, они ставили перед собой задачу завершения великого труда революции. Они, как и Скидмор, считали себя наследниками и продолжателями идей Джефферсона и Пейна⁴.

Заветы отцов-основателей являются источниками, из которых Скидмор черпает вдохновение для создания своей программы преобразований. Он берет за основу их высказывания, разъясняет их, порой изменяя смысл понятий, исправляет, по его мнению, недочеты. Особенной доработки, по мысли Скидмора, требуют пункты, посвященные имущественным отношениям. Тут сразу стоит оговориться, что об обобществлении имущества речи не идет, его идея, «план всеобщего раздела собственности», предполагает такое распределение земли и движимого имущества, при котором каждый совершеннолетний гражданин получит равную долю в личное владение без права передачи по наследству. Предполагалось, что этот эгалитарный проект затронет все слои общества, включая рабов, которые после реформы станут полноправными гражданами с правами и собственностью, ведь только при этом условии естественные права человека, провозглашенные Декларацией независимости, не будут нарушены.

Итак, как совершить такие масштабные преобразования? Скидмор предлагает следующие меры: созвать новый конвент штата, принять новую конституцию, согласно которой все личное движимое и недвижимое имущество граждан штата нужно изъять и подвергнуть описи, чтобы затем оценить его в определенную сумму, которую впоследствии разделить на количество совершеннолетних граждан (как мужчин, так и женщин). Таким образом, каждый получит дивиденд, который он будет вправе по-

¹ *Скидмор Т.* Права человека на собственность. Серия: Предшественники научного социализма / пер. с англ., коммент. и вступ. ст. [с. 5– 62] К.М. Андерсона. М.: Наука, 1988.

² Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / ред. О.А. Жидков. М.: Прогресс, Универс, 1993.

³ *Фонер Ф.* История рабочего движения в США. От колониальных времен до 80-х гг. XIX в. М., 1949.

⁴ *Пейн Т.* Избранные сочинения. М., 1959.

тратить на приобретение собственности на публичных торгах. По итогу реформы размер имущества одного гражданина не будет превышать размер имущества другого. Это положит конец социальному неравенству и установит, в понимании Скидмора, настоящее равноправие граждан. Описанный всеобщий раздел собственности станет финальной точкой американской революции, доведет ее завоевания до конца. Именно это и имели в виду отцы-основатели, считает Скидмор, просто они, строя новое государство, не уделили этому вопросу достаточно внимания.

Когда американская революция завершится и США станут справедливейшей и счастливейшей из всех стран мира, другие державы, по мысли Скидмора, вдохнутся их примером и тоже последуют в мир абсолютного равенства, проведя соответствующие реформы.

Утопия Томаса Скидмора вполне отвечает исканиям своей эпохи. Социальные противоречия, возникшие в Америке с началом промышленной революции и ростом рабочего движения, требовали разрешения, и предложенный им проект всеобщего раздела собственности – одна из альтернатив преодоления кризиса американского общества.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА КОКАНДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рахимова Гулчехра Собиржановна,

Рахматуллаева Саодат Инамовна

Аманов Яхёбек Акбарович

*(Кокандский государственный педагогический институт,
Республика Узбекистан)*

С первых дней Великой Отечественной войны промышленность Коканда начала перестраиваться на военный лад. Промышленное развитие города пошло по двум направлениям – строительство новых предприятий и реконструкция и расширение и мощностей уже существующих. Решение этой грациозной задачи затруднялось из-за нехватки рабочих кадров в связи с мобилизацией многих специалистов на фронт, из-за осложнений, вызванных размещением и восстановлением эвакуированных заводов. Кроме того имелись перебои в снабжении предприятий сырьем. Однако благодаря большой работе Кокандской партийной организации и городского Совета помощи общественных организаций самоотверженному труду кокандцев были достигнуты значительные успехи в промышленном развитии города. Промышленный потенциал Коканда резко возрос за счет эвакуированных предприятий. Первой среди них была Ивановская хлопчатопрядильная фабрика, которая прибыла в Коканд в ноябре 1941 г. Тогда же было решено организовать в городе прядильное производство, и в 1942 г. вновь смонтированное оборудование этой фабрики начало действовать. Суточный выход хлопчатобумажной пряжи различных номеров составил около 2 т¹. В конце 1941 г. с Украины в Коканд был эвакуирован сахарный завод. В соответствии с постановлением Совнаркома УзССР ему была выделена территория Кокандского хлопкоочистительного завода №3 со всеми производственными, складскими и жилыми помещениями. Восстановление завода шло быстрыми темпами, и вскоре был пущен спиртовой цех, а в 1943 г. завод смог выработать 449 693 ц сахара². В 40-е гг. в Коканде появился еще один крупный промышленный объект – кокандский суперфосфатный завод, имевший большое значение для народного хозяйства УзССР. Весной 1942 г. здесь началось строи-

¹ Знамя труда. 1974, 14 мая.

² Знамя труда. 1975, 9 мая.

тельство серно-кислотного цеха и цеха каустической соды¹. В 1944 г. в городе были открыты швейные мастерские индивидуального пошива. Кроме того были увеличены производственные мощности кокандского чулочнопрядильного комбината механического завода «Большевик» и др. В 1943 г. в Коканде насчитывалось уже 18 промышленных предприятий и 14 артелей². Значительные усилия были затрачены в рассматриваемый период и на решение кадровой проблемы. В 1941 г. в Коканде было организовано железнодорожное училище № 2, в котором обучалось 1050 человек. Кроме того при Кокандском железнодорожном депо была открыта школа ФЗО № 21 на 130 учащихся и при дистанционном пути Кокандской железной дороги школа № 23 железнодорожного транспорта на 200 человек. В 1943 г. при сахарном заводе – школа ФЗО № 47 на 250 человек. На базе Кокандского маслозавода появилась школа ФЗО № 12 на 570 человек³. Рабочий класс города пополнялся и за счет эвакуированных из различных городов учащихся ремесленных училищ. Так, в 1942 г. из Краснодарского края в Коканд прибыли 500 учащихся ремесленных железнодорожных училищ. Наряду с подготовкой кадров молодых специалистов в ФЗО и ремесленных училищах производственное обучение рабочих было организовано непосредственно на предприятиях. В результате школами ФЗО и железнодорожным училищем № 12 было подготовлено 1535 квалифицированных рабочих, из них – 409 узбеков в техникумах обучено 1270 чел., из них – 437 на сахарном заводе вместо 175 человек по плану подготовлено 243 человека; на заводе «Большевик» – 115 человек и т.д.⁴ Каждый рабочий в порядке индивидуальной учебы помог 2–3 молодым рабочим овладеть новой профессией. Во всех цехах депо были открыты стахановские школы по передаче передового опыта. Этот почин был подхвачен на всех участках Ташкентской железной дороги⁵. С каждым годом усиливалась подготовка рабочих кадров. В течение 1944 г. было подготовлено 3158 квалифицированных работников, из них – 1138 узбеков из них 359 узбеков. Специальности слесаря было обучено 167 человек, токаря – 136, ткача – 336 швейника – 133 человек. Результатом хорошей подготовки кадров явился рост числа рабочих на промышленных предприятиях города. Так в 1943 г. на работу было принято 9500 человек в 1945 г. – 7348 человек⁶. Более 50% из них были женщины, которые заменили у станка своих мужей сыновей и отцов. На отдельных предприятиях женщины составляли даже большинство. Так на Кокандском чулочнопрядильном комбинате к началу 1942 г. из

¹ Кокандский горгосархив. Ф. 580. Оп. 1. Д. 86. Л. 238.

² Там же. Д. 99. Л. 23.

³ Там же. Д. 80. Л. 6.

⁴ История рабочего класса Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1965. С. 93.

⁵ Ферганский облпартархив. Ф. 178. Оп. 40. Д. 45а. Л. 33.

⁶ Там же. Д. 32. Л. 12.

677 рабочих 560 были женщины¹. Общее число рабочих в промышленности города в 1943 г. доходило до 16 тыс. человек, тогда как в 1940 г. всего 9 тыс.² В годы войны на промышленных предприятиях Коканда, как и повсюду в стране, широко развернулось социалистическое соревнование, шел процесс совершенствования его форм и методов. Новый подъем соревнования был связан с первомайскими призывами ЦК ВКП(б), содержащими программу подъема экономики на 1942 г. и умножению усилий тыла по оказанию помощи фронту. Так на 8 дней раньше срока выполнил мартовскую программу коллектив завода «Большевик». Здесь первыми на праздничную вахту встали токари Абдусаматов, Каминов и Тимаков. В своем социалистическом обязательстве они записали: «отныне для нас существует сменная норма 200%»³. Почин передовиков был подхвачен и другим рабочими. Например, токари Маматкулов и Ким, выполнявшие производственную норму на 150%, стали трехсотниками. В соревновании принимали деятельное участие труженицы артелей. В некоторых из них создавались передовые женские бригады. Так, по инициативе коммунистов в Кокандской артели «Текстильшвейпрома» была организована бригада девушек-испанок. Все они систематически перевыполняли сменные задания и выпускали продукцию только высокого качества. Этому коллективу было присвоено почетное звание – «Фронтальная женская бригада им. Долорес Ибаррури»⁴. В конце апреля 1942 г. газета «Правда» в передовой статье – «Все для фронта – все для победы» призвала развернуть в стране всенародное движение за подъем производительности труда. 7 мая 1942 г. в этой газете было опубликовано обращение коллектива кузнецкого металлургического комбината «Ко всем металлургам страны», призывавшее начать Всесоюзное социалистическое соревнование. Призывы были поддержаны всеми партийными организациями Узбекской республики.

18 мая 1942 г. Бюро ЦК КП Узбекистана рассмотрев вопрос «об участии промышленных предприятий Узбекистане во всесоюзном социалистическом соревновании», обязало обкомы горкомы и райкомы партии профсоюзы организовать активное участие в соревновании тружеников промышленных предприятий республики.

В середине 1942 г. состоялось бюро Кокандского горкома КП Узбекистана, обсудившее вопрос об участии коллективов промышленных предприятий города во Всесоюзном соревновании. Бюро предложило всем партийным и общественным организациям обеспечить успешный ход соревнования и мобилизовать тружеников предприятий на всемерное повышение производительности труда на выполнение производственных заданий.

¹ Кокандский горгосархив. Ф. 664. Оп. 1. Д. 21. Л. 56.

² Ферганский облпартархив. Ф. 178. Оп. 40. Д. 32. Л. 50.

³ Ферганская правда. 1942, 23 апреля.

⁴ Правда Востока. 1942, 17 июня.

В ходе всенародного движения за повышение производительности труда значительно возросла авангардная роль кокандцев. В паровозном депо слесарь-стахановец коммунист Расшулкин ежемесячно выполнял норму на 200%, члены КПСС работники вагонного депо ежедневное задание выполняли: Гладкович – на 400%, Доценко – на 500%, Набиев – на 200%, кузнец завода «Нефтяник» коммунист Самохвалов выработывал 575% нормы, а токарь этого же завода Синяев – 200% слесарь механического цеха завода «Большевик» депутат городского Совета У. Каюмов – 250%, формовщик Маматкулов – 300–310%¹.

Трудящиеся Коканда, верные своим трудовым традициям, не отставали от коммунистов города. Они самоотверженно трудились в производстве и добивались высоких результатов

¹ Ферганский облпартархив. Ф. 178. Оп. 40. Д. 32. Л. 21; Янги Фергана. 1975, 9 мая.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ЦЕЛИННОЙ КАМПАНИИ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Рыбин Андрей Александрович
(Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова)

Кампания по освоению целинных и залежных земель в Советском Союзе проходила в непростые для страны послевоенные годы. Исследователи по-разному оценивают события тех лет, и на сегодняшний день так же актуальным остается вопрос, касающийся хронологических рамок данной кампании. В отечественной историографии можно выделить два периода исследований по этому вопросу: советский с конца февраля 1954 г. по 1991 г. и постсоветский период с 1992 г. по наше время.

Первые работы¹, в которых авторами была совершена попытка определить этапы целинной кампании, появляются в конце 1950-х гг. Исследователи говорят о том, что целинная кампания началась после постановлений сентябрьского пленума 1953 г. «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в СССР» и февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 г. «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Авторы этого периода рассматривают целинную кампанию как незавершенный проект и верхние границы не устанавливают.

В начале 1960-х гг. выходят исследования², в которых кампания по освоению новых земель рассматривалась в контексте пятилетнего плана 1953–1958 гг. В частности исследователь М.С. Бесбаев³ говорит о том, что в данный период произошли коренные изменения в жизни народа и КПСС, были осуществлены грандиозные мероприятия в политической, хозяйственной и культурной жизни страны. Хронологические рамки целинной кампании в середине 1960-х гг. корректируются. В своем труде И.Ф. Вольнец⁴ нижнюю границу кампании обозначил 1954 г., т.е.

¹ Анисимов Н.И. Как изменилось наше сельское хозяйство за 40 лет. М., 1957; Лбушкина У. Славные традиции. М., 1958; Москатов П. Вместе с партией. М., 1958.

² Астапович З.А., Гусев К.В. Укрепление союза рабочего класса и крестьянства в период круглого подъема сельского хозяйства (1953–1958 гг.) М., 1961.

³ Бесбаев М.С. Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целины (1953–1958 гг.): дис. к.и.н. М., 1962.

⁴ Вольнец И.Ф. Ленинский комсомол – боевой помощник партии в освоении целины 1954–1958: дис. к.и.н. М., 1965.

началом целинной кампании исследователь считал постановление февральско-мартовского пленума 1954 г., автор рассматривает целинную кампанию в контексте пятилетнего плана развития государства и считает, что она завершилась в 1958 г. В конце 1960-х гг. в работе П.М. Пахмурного¹ рассматривается ход целинной кампании в период с 1954–1965 г., историк отмечает, что кампания по освоению новых земель была скорректирована после мартовского пленума 1965 г., на которых был намечен новый курс развития сельского хозяйства страны.

В начале 1970-х гг. выходит работа В.В. Луцкого,² в которой были обозначены хронологические рамки кампании: 1954–1963 гг., целина, по мнению автора, завершилась подведением итогов на декабрьском пленуме 1963 г. Исследователь В.И. Куликов³ также утверждает, что кампания по освоению новых земель проходила в несколько этапов, первый с 1953–1965 гг., и второй этап развития, который она получает после мартовского пленума 1965–1970-е гг., когда в осваиваемых районах произошло создание почвозащитной системы земледелия, стали выпускать новые сельскохозяйственные машины и орудия для обработки разработанных земель. Произошло полное техническое перевооружение сельского хозяйства целинных районов, проведена электрификация и химизация в больших масштабах.

В 1980 гг. исследователь А.В. Горклова⁴ указывает, что массовое освоение новых земель проходило в период 1954–1960 гг., внутри которого выделяет два этапа: первый 1954–1956 – решающий этап, когда в Казахстане было создано 337 крупных зерновых совхозов, а также получен первый казахский миллиард зерна. Второй этап – 1957–1960 гг., когда было дополнительно освоено 5,4 миллионов гектаров новых земель, и количество совхозов при этом достигло 872 единицы. О.Н. Дронов⁵ пришел к выводу, что целинная кампания прошла именно в период с 1954–1962 гг., когда пахотный клин увеличился за счет целинных и залежных земель на 42 миллиона гектаров.

Таким образом, советские исследователи указывали на важность постановления сентябрьского пленума 1953 г., рассматривали кампанию по освоению новых территорий в контексте пятилетнего плана страны. В 1980-е годы ситуация с нижней границей целинной кампании изменяется и все больше исследователей начинают свой отсчет с постановления февральско-мартовского пленума 1954 г., с которого непосредственно начали принимать меры по освоению необжитых территорий. Верхнюю

¹ *Пахмурнов П.М.* Коммунистическая партия в борьбе за освоение целинных земель в Казахстане. Алма-Ата, 1969.

² *Луцкий В.В.* Шесть орденов на знамени. М., 1974.

³ *Куликов В.И.* Исторический опыт освоения целинных земель. М., 1978.

⁴ *Горклова А.В.* Культурно просветительская работа в районах освоения целинных и залежных земель Казахстана (1954–1960): дис. к.и.н. Алма-Ата, 1984.

⁵ *Дронов О.Н.* Великая степь. М., 1984.

границу кампании в этот период авторы указывают по-разному, в большинстве случаев это середина 1960-х гг.

С распадом СССР с 1991 г. появляются новые исследования по проблеме. Академик А.А. Никонова¹ указывает на то, что пленумы сентябрьский 1953 г. и февральско-мартовский 1954 г. создали принципиально новую обстановку в аграрной сфере страны, что в конечном счете послужило для начала освоения новых земель. По мнению автора, целинная кампания осуществлялась вплоть до мартовского пленума 1965 г., когда был взят новый курс на развитие сельского хозяйства, а именно произошло увеличение закупочных цен, упорядочение заготовок и увеличения инвестиций.

В 2000-е гг. исследователь А.Г. Белозерцев² указывает, что начавшаяся кампания по освоению необжитых земель в 1954 гг. уже к 1965 г. себя исчерпала. Начал проявляться диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Заготовительные цены на зерно и другую продукцию сельского хозяйства были невысокими, а цены на товары непрерывно увеличивались, что ущемляло интересы крестьян. В.Н. Томилин³ в своей работе сузил рамки целинной кампании с 1954–1959 г. По словам автора, этот период ознаменовался крупным успехом развития зернового хозяйства целинных районов. Именно в это время, указывает исследователь, валовые сборы зерна в среднем за год составили 110 313 тонн, превысив соответствующие показатели предшествующего пятилетия (80 948 тонн) в 1, 4 раза, при этом вклад хозяйств районов освоения целинных земель увеличился с 20 697 тонн до 45 176 тонн или в 2,2 раза, а их доля составила более 40%. Исследователь Н.В. Овчинников⁴ установил хронологические рамки целинной кампании с 1954–1963 гг., аргументировав верхнюю границу тем, что в 1963 г. Советскому Союзу пришлось закупать зерно за рубежом. М.Р. Татарникова⁵ приходит к выводу, что кампания по освоению неиспользуемых земель осуществлялась в период с сентябрьского пленума 1953 г., а окончание программы пришлось на 1960-е гг., когда «вскрылись» последствия бездумного освоения в виде эрозии, а отсутствие широкой интенсификации сельскохозяйственной отрасли вело к тому, что целинные земли не давали высоких урожаев, которые бы оправдывали вложения в сельское хозяйство в короткие сроки.

Многие авторы за нижнюю границу берут непосредственно 1954 г., которое призвало население к активным действиям в области освоения

¹ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.) Энциклопедия российских деревень. М., 1995.

² Белозерцев А.Г. Земля и хлеб России: историко-экономический очерк (1900–2005). М., 2004.

³ Томилин В.Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С.81–93.

⁴ Овчинников Н.В. Академик Трофим Денисович Лысенков. М., 2012.

⁵ Татарникова М.Р. Освоение целинных и залежных земель в Иркутской области в 1950–1960-х гг.: дис. к.и.н. Иркутск, 2015.

новых территорий, а верхнюю границу связывают с изменениями политического и экономического курса в СССР, которые произошли после октябрьского пленума 1964 г., когда в отставку был отправлен Н.С. Хрущев, и мартовского пленума 1965 г., когда Л.И. Брежнев наметил новый курс развития сельского хозяйства Советского Союза.

Таким образом, за более чем 60-летний период изучения кампании по освоению новых земель можно проследить общую тенденцию по этому вопросу. Целинная кампания вступает в активную фазу после постановления февральско-мартовского пленума, когда были обозначены конкретные задачи по увеличению урожая зерновых культур и принят ряд мер, направленных на их выполнение. В этой связи нижняя граница определяется 1954 г. Верхняя граница кампании определяется периодом изменений политического и экономического курса в стране. В этот период были высказаны критические замечания по поводу сельскохозяйственных реформ Н.С. Хрущева, который был отправлен в отставку в октябре 1964 г., являясь главным инициатором и куратором кампании по освоению неиспользуемых земель на востоке страны. В этой связи целинная кампания, возникшая при определенных политических, социально-экономических условиях, окончательно себя исчерпала к концу 1964 г., впоследствии мартовский пленум 1965 г. стал новой точкой отсчета аграрных преобразований в СССР.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ В ОБРАЗЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

*Садов Владислав Владимирович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Роман А. Платонова «Чевенгур» занимает особое место в истории литературы России XX в. Однако это произведение по прочтении оставляет неопределенные впечатления – читатель задается вопросом: что же это – утопия или антиутопия, в каком именно свете предстают перед нами те исторические события, что описаны на страницах романа? Столь же непросто понять, сквозь какую мысленную призму А. Платонов обозревал исторические поля гражданской войны. В строках романа четко прослеживается христианская символика, тесно переплетающаяся с иными мыслями: теория коммунизма попадает под явное влияние «философии общего дела» Н. Федорова, заметны элементы утопий, причем как современных самому писателю, так и пришедших из глубины веков, и т.д.¹ Данная работа направлена на проявление влияния христианской эсхатологии на взгляды А. Платонова на эпоху революции и гражданской войны.

Эсхатологией называют учение о будущем устройстве мира, о завершении текущего порядка вещей, о воскрешении, о загробной жизни, о Рае и Аде, если они имеют место быть в данной системе мировоззрения². В определенном смысле эсхатология присуща не только религии, но и другим продуктам человеческой мысли: она свойственна идеалам коммунизма, находит свое отражение в космизме Н. Федорова, встречается и во многих других теориях, где так или иначе представлен некий конец истории, абсолютно новое устройство мира и т.п.

Христианская эсхатология, в частности, в православной традиции, включает в себя ряд представлений, опирающихся на несколько библейских текстов: Книгу пророка Даниила, Третью книгу Ездры и, что более важно, Откровение Иоанна Богослова. Первый текст послужил основой для концепции Третьего Рима; второй – провозгласил конец ветхозаветной эпохи, эпохи чудес; третий – представляет собой описание конца мира, каким мы его знаем. Именно последняя книга традиционно рассма-

¹ Варламов А.Н. Андрей Платонов (ЖЗЛ). М., 2011.

² Григоренко А. Эсхатология, миллениаризм, адвентизм. СПб., 2004.

тривается как основа христианской эсхатологии, и именно с ее мотивами перекликаются некоторые моменты романа.

Итак, Чевенгур – небольшой городок где-то в степях юга России, доступный и кадетам, и казакам, и советской власти, где местные творцы революции и большевизма посредством отказа от какого-либо труда в пользу солнца, обобщения имущества и расстрела всех непролетариев завершают строительство коммунизма и входят в совершенно новое состояние общества. Сложно сказать точно, представляет сей населенный пункт утопию или же предстает перед нами в мрачных тонах антиутопии, однако для самих жителей степного городка – это лучшее место на свете, заповедник истинного коммунизма, заповедник истинной революции.

Коммунизм, провозглашающий своим приходом конец истории, дополняется мечтаниями чевенгурцев: абсолютное обобщение собственности приводит к тому, что люди начинают накапливать не имущество, а товарищей; отсутствие эксплуатации приводит к отказу от труда – пусть солнце работает – и переходу на подножный корм или деятельности в подарок товарищу; но, что немаловажно, в ситуации коммунизма нет места смерти человека, кроме того, коммунизм способен поднять мертвых из могил. Эти идеи являются воплощением сплетения теории классовой борьбы, философии космистов и христианской эсхатологии.

Сам коммунизм в романе предстает перед нами тысячелетним царством, неким идеальным устройством в конце времен. Символично, что и наступление этого царства сопровождается «вторым пришествием»¹ – на площади собирается все население Чевенгура, и все, кто не относится к большевикам, а их в городе на тот момент было всего одиннадцать плюс один, изгоняются, а позже расстреливаются. Праведникам воздается по заслугам – перед ними открывается царствие небесное – коммунизм, а грешники получают по вине своей – ад изгнания и смерти. Лишь впоследствии население Чевенгура пополняется пришлыми праведниками-бродягами, блаженными, обретшими Рай на земле.

Особо интересным стало отношение к труду, точнее практически полное его отсутствие. Раньше труд был следствием эксплуатации. В коммунизме эксплуатации нет, а посему нет места и для труда. Исключением остаются бессмысленные субботники и труд как подарок для товарища². В Чевенгуре трудится лишь солнце. Жители коммунизма не заботятся и о хлебе насущном – они питаются подножным кормом, в обилии растущем в плодородной степи. Единственное ремесло чевенгурцев – их душа³. Коммунизм, словно Рай, освободил человека от первородного греха и на-

¹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. Собрание. М., 2011. С. 202.

² Там же. С. 281.

³ Там же. С.320.

казания за него – труда и забот. Вместо добытого в поте лица хлеба Чевенгур предлагает своим праведникам «питаться даром Божьей пищи»¹.

Коммунизм Чевенгура призван освободить человечество и от его страстей. Совершенно по-новому устраиваются взаимоотношения между людьми, по-новому воспринимается мир. Из города исчезает какая-либо власть, упраздненная за ненужностью, т.к. ее цель исполнена². Советскую власть в представлении чевенгурцев можно считать аналогом церкви, предназначение которой готовить мир ко второму пришествию. И вот, когда оно уже свершилось, нет более места под луной для подобной организации. Из-за отсутствия имущества постепенно исчезает жадность. Хоть и не у всех. Зависти тоже нет места. Подножный корм не позволяет чревоугодничать и т.д.

Однако Чевенгур не всем его обитателям казался воплощением коммунизма. Товарищ Копенкин – рыцарь большевизма и горячий поклонник Розы Люксембург, был убежден, что с наступлением истинного коммунизма из могилы в далекой Германии восстанет его дама сердца, положившая свою жизнь на алтарь революции. И вот, в Чевенгуре наступила благословенная пора коммунизма, но Роза не явилась. Кроме того, в новом мире, победившем историю и смерть, умирает маленький ребенок одной нищенки. Да и отец Александра Дванова, утонувший из любопытства, также не восстал из могилы и не пришел к своему сыну. Кроме того, вновь появляются в том или ином роде семьи, в конце концов разрушившие сложившуюся систему товарищества. Все это заставляет сомневаться в истинности чевенгурского коммунизма. Да и может ли истинный коммунизм быть разогнан конным отрядом?

Чевенгур как апофеоз революции и гражданской войны разочаровал А. Платонова. Автор верил, что в горниле революции и гражданской войны должен был зародиться абсолютно новый мир, мир, где нет места страданиям, несправедливости и даже смерти. Но гражданская война каждый раз являла свету звериную жестокость, разбой, воровство, убийства и многие другие грехи человечества. А. Платонов ожидал, что гражданская война станет своего рода Апокалипсисом, Страшным судом, завершением старого порядка вещей и зарождением нового мира, но увидел лишь новые смерти и страдания.

Таким образом, было установлено, что революция и гражданская война в романе А. Платонова «Чевенгур» предстают перед читателями в эсхатологическом ключе, как неудавшиеся попытки построения совершенного нового миропорядка.

¹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. Собрание. С. 289.

² Там же. С. 296.

ВЕЛИКАЯ РАЗЪЕДИНЕННОСТЬ ИЛИ РЕШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЭТИКЕ РУССКОГО КОСМИЗМА

*Садов Константин Сергеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

«Отчего мир не мир?»¹ Почему силы разъединения властвуют над человеческим бытием? Как найти способ противостоять этой неумолимой динамике, полной жертв, хаоса и насилия? И что мы, как люди, можем предложить взамен нескончаемых циклов войн и братоубийственных катастроф?

Расцвет русского космизма как особого течения социально-политической мысли России пришелся на темные страницы нашей истории: передел мира великими державами, Первая мировая война, Гражданская война, голод 20-х. Это было время, когда брат шел на брата, когда общество поглотил всеединый конфликт.

В основе каждой точки социального напряжения лежит какое-либо противоречие: разность интересов, помноженная на различия в этносе, классе и любом ином типе идентичности. Эта разъединяющая логика диктовала и диктует свои правила мышления – достаточно вспомнить о «классовом антагонизме», являющемся одной из основополагающих категорий марксизма. Выделение раскола – или особенности определенной группы – в условиях обострения социальной ситуации ведет к политизации, нарастанию конфликтности: человек находит врага в человеке, забывая о своей первоначальной идентичности – антропной, космической.

Русский космизм выходит за рамки данной парадигмы – он не воспринимает логику перераспределения власти, позволяющей перенаправлять потоки общественных ресурсов от одних групп к другим, как выигрышную. Напротив, общим убеждением для него является заведомая ошибочность данной ситуации, которая не приводит к развитию человека, а сужает его до продолжения конфликтного цикла.

Решение данной проблемы находится в понимании того, кто есть истинный враг: не человек, не микрокосм, который, как и ты, стремится к счастью, а безликие и неуправляемые силы природы, за которыми таится

¹ Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим // Федоров Н.Ф. Избранные сочинения. М., 2010. С. 1.

главная опасность для каждого – смерть. Выход не в том, чтобы убивать себе подобного для того, чтобы пожить чуть дольше и лучше, а в том, чтобы победить истинную причину старой логики всеобщего разъединения.

Но как же быть во время гражданской войны, когда даже такая прочная идентичность, как единая нация, распадается на атомы под воздействием космических сил энтропии, сил разъединения?

Ответ мы можем найти в деятельности многих русских космистов: например, А.К. Горского, который совместно с И.П. Брихничевым выпустил в 1914 г. сборник «Вселенское дело», который противопоставил лозунгу, действующему в старой логике вражды: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – свой: «Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний, всех верований, мнений, убеждений – соединяйтесь!»¹.

Лежащая в основе многих гражданских конфликтов эксплуатация, которая, по мнению космистов, порождалась как диспропорциями мира природы, так и капиталистической системой, извлекающей из нее своеобразную ренту, должна быть заменена регуляцией, в основе которой – согласие и любовь к ближнему своему. Последнее означает активное исправление той несправедливости, которая изначально заложена в природе: «Наше тело должно быть нашим делом»².

В конечном счете космизм концентрируется не на различиях, которые активно используются в технологиях перераспределения власти, а на объединяющих смыслах для всего человечества, которые выступают платформой решения не только разъединения гражданских конфликтов, но и международных войн.

Какие же это объединяющие смыслы?

Религия и философский компонент. Это Общее Дело патрификации (Н.Ф. Федоров), Рерихианская этика, софийность и не только. Это выход за рамки старых систем понимания реальности, расширение смысла Человека до планетарного и космического масштаба, платформа для выстраивания новой идентичности.

Сознательное отношение к истории; неприятие предлагаемых естественных законов, а проактивное их изменение и управление ими во благо человека-творца.

Отказ от признания логики противостояния как единственно верной для человеческого развития и различных форм ее проявления: от дискриминации до насилия.

Наука. Она – инструмент воплощения идей человека, стать лестницей из царства разобщенности к Всеобщности, выстроенной из новых технологий. От хаоса – к космосу, от разлада и скорби – к счастью. Признание того, что человек может и должен управлять силами природы.

Учитывая развитие науки, постепенное укрепление уверенности человека в себе, равно как и нарастающую глобальную проблематику, нельзя не признать, что учение космизма может и уже обретает второе дыхание.

¹ От редакции // Вселенское Дело. Вып. 1. Одесса, 1914. С. VIII.

² *Федоров Н.Ф.* Вопрос о братстве, или родстве... С. 82.

ГРАЖДАНСКИЕ КОНФЛИКТЫ В «ИСТОРИИ ФЛОРЕНЦИИ» НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

*Садовских Наталья Павловна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

...Я лучше привезу тебе том Макиавелли.
Его история Флоренции – это шедевр.
К. Маркс – Ф. Энгельсу

Бывший флорентийский секретарь Никколо Макиавелли начал писать «Историю Флоренции» в 1520 г. по заказу Пизанского университета, где Франческо дель Неро, брат его жены, занимал важный пост. Макиавелли принял эту работу с радостью, надеясь вернуться к государственной службе. В «Истории Флоренции» он стремился не столько последовательно изложить исторические события, сколько выявить причинно-следственные связи между ними. Поэтому целью¹ его труда было познание обстоятельств, которые порождали внутренние и внешние конфликты во Флоренции. Ведь, по мнению Макиавелли, ничто так явно не свидетельствовало о величии Флоренции, как ее внутренние распри.

История Флорентийской республики – это история гражданских конфликтов, борьбы за власть и ресурсы. Ранняя коммуна во Флоренции образовалась только в XI – начале XII вв., а противостояние гвельфов, сторонников сильной церкви, и гибеллинов, сторонников императорской власти, началось уже в начале XIII в. Это был конфликт элит, нобилей, причиной которого стало желание властвовать. В ходе борьбы противники «заигрывали с низами», просили о военной помощи других государей и пытались получить поддержку Папы. Они «воевали в течение многих лет», но ни одна из сторон не могла достичь изгнания другой. Противостояние нобилей привело к возникновению третьей силы – пополанов, торговцев и ремесленников, пользовавшихся большой поддержкой низов. Последние, недовольные деспотической политикой гибеллинов при императоре Фридрихе II, восстали против правящего класса и, таким образом, заполучили себе свободу. Установился государственный порядок, при котором город делился на цехи, во главе которых избирались должностные лица. Граждане стали принимать участие в управлении Флоренцией. Они импонировали партии гвельфов больше, чем партии императора, т.к. надеялись с помощью папства сохранить свою свободу.

¹ Макиавелли Н. История Флоренции. СПб.: Азбука, 2015. С. 9.

Постепенно партия гвельфов заполучила власть, опираясь на низы и пополанов. Гибеллины были уничтожены. Противостояние партии императора и партии папства закончилось победой последних, но нобили так «усердно старались вырвать друг у друга власть, что совсем потеряли ее»¹.

Во Флоренции в конце XIII – начале XIV в. возникает новый конфликт между пополанами и нобилиями. Правящая партия раскололась на черных, во главе с семейством Донати, представляющим интересы пополанов, и белых, возглавляемых семейством Черки, которых поддерживала торгово-ремесленная элита Флоренции. Нобили стремились властвовать, а пополаны не желали подчиняться. Борьба между черными и белыми продолжалась с переменным успехом. В итоге черные победили грандов, ведь флорентийский народ «хотел править государством один, без участия нобилей». Военская доблесть и душевное величие нобилей угасало, флорентийский народ становился все слабее и развращеннее. Следствием победы пополанов стало учреждение нового государственного строя, в котором «неравенство низвели в равенство».

Но неравенство еще существовало в городе-республике. Мелкий люд и низы не имели своих цехов, которые представляли бы их интересы в правительстве, их труд низко оплачивался, они хотели жить в свободе и равенстве. Так в середине XIV – начале XV в. низы боролись с правящим классом с помощью бунтов. Самым крупным восстанием был бунт шерстяников или восстание Чомпи (1378). Правительство шло на уступки недовольным, но разъяренная толпа требовала власти и «несправедливости». Впоследствии восстание было подавлено, но низам обеспечили представительство в нескольких цехах. Что, конечно, не понравилось «пополанской» партии, которая стремилась избавить город от самоуправления черни. Возникали политические противоречия социальных групп во Флоренции. Древние нобили стремились вернуть себе право занимать государственные должности. Младшие цехи хотели расширить свои права, а мелкий люд сохранить полученное управление. Все противоречия выливались в военные столкновения. Синьория пыталась предотвратить гражданские конфликты и путем созыва всенародных собраний к власти пришла благородная партия пополанов и гвельфов в 1382 г. Но народ был не доволен правлением олигархии, которая изгнала множество граждан и ограничила их права. В 1397 г. вновь произошло восстание с лозунгами «Народ, оружие, свобода!»², «Да умрут тираны». Конечно, восстание было подавлено. Но партия нобилей постепенно уступала политическое влияние партии низов, которую представляло семейство Медичи, становившееся новой политической элитой во Флоренции.

Проведя анализ гражданских конфликтов из «Истории Флоренции», можно выделить общие закономерности их возникновения. Основной причиной возникновения гражданских конфликтов является столкновение интересов различных социальных групп. Нобили и пополаны стреми-

¹ Макиавелли Н. Указ. соч. С. 84.

² Там же. С. 196.

лись захватить власть, а мелкие торговцы и низы хотели защищать свои права. Конечно, большую роль в развязывании гражданских противоречий играет и внешняя среда, например, давление иностранных государей и церкви на внутреннюю политику государства. Флоренция, часто раздираемая внутренними противоречиями, не была способна обеспечить безопасность своих границ, не призывая иностранных полководцев. Правительство приглашало иностранцев править, например, неаполитанского короля Роберта или герцога Афинского. Приглашенные государи начинали злоупотреблять своей властью и становились тиранами. Вследствие чего все социальные слои во Флоренции объединялись и восставали против государя.

Выделим некоторые особенности гражданских конфликтов во Флоренции. Политическая группировка, стремящаяся к власти, уничтожала своего врага. Но потом сама раскалывалась на два враждующих лагеря. Никколо Макиавелли утверждал, что все несогласия во Флоренции сопровождались именно появлением партий. Приобретение власти шло двумя путями: заговорщическим и революционным. Для урегулирования конфликтов мирным путем правительство синьории пыталось вести переговоры и призывало Папу в качестве посредника. Практически после каждого военного столкновения между флорентийцами менялось правовое законодательство во Флоренции. Большое влияние в победе той или иной политической силы играла бессознательная массовая толпа, общественное мнение которой было переменчивым. Например, сегодня она шла за своим вожаком, и уже завтра могла убить его. Правящий класс, удовлетворяя запросы различных социальных слоев, сам становится слабее и впоследствии теряет свой суверенитет.

«Извечна смена доброго и злого/ Сперва добру наследовало зло,/ Чтоб злу добро наследовало снова»¹. Никколо Макиавелли был сторонником циклической теории развития обществ. «Все государства из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку»². По убеждениям Никколо Макиавелли, гражданские конфликты постоянно будут происходить в обществе в большей или меньшей степени. Возможно, он изучал обстоятельства появления и ход гражданских конфликтов для того, чтобы будущие поколения внимательнее относились к урокам истории и пытались не повторять ошибок прошлого.

¹ Из поэмы Никколо Макиавелли «Золотой осел».

² *Макиавелли Н.* Указ. соч. С. 257.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА АРЕСТОВАННЫХ В ХОДЕ КРАСНОГО ТЕРРОРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЩЕСТВА ПОМОЩИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ «МОСКОВСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ»)

*Сальцева Алина Дмитриевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В исследовании рассматриваются проблемы, касающиеся острого периода, отмеченного не только ожесточенными боями на фронтах Гражданской войны, но и жестокими карательными мерами. После убийства М.С. Урицкого и покушения на В.И. Ленина был объявлен Красный террор, породивший тысячи арестов и заключенных. Под каток первых репрессий советской власти попали люди самых разных классов.

На фоне этих событий, по инициативе известных общественных деятелей Н.К. Муравьева, Е.П. Пешковой и М.Л. Винавера, в апреле 1918 г. было открыто Общество для помощи политическим заключенным Московский Политический Красный Крест (МПКК). Открытие МПКК было санкционировано Наркомюстом. Общество ставило своей целью оказание юридической и материальной помощи людям, арестованным по обвинениям в политических преступлениях.

Для оказания помощи политическим заключенным сотрудники МПКК собирали сведения о них. Заключенные, либо их родственники заполняли опросные листы – анкеты, содержащие сведения о возрасте, национальности, семейном положении, состоянии здоровья, причинах ареста, образовании, трудовой деятельности и партийности политических заключенных.

На основе опросных листов политических заключенных автором была разработана база данных в СУБД Microsoft Access. Большая часть документации МПКК введена в научный оборот впервые¹.

Целью работы было изучение социальных и демографических характеристик политических заключенных на основе сформированной базы данных.

В результате проведенного исследования было выявлено, что динамика арестов имела определенную логику, отражающую социально-политические процессы, происходившие в стране в рассмотренные годы. Анализ причин арестов выявил, что наибольшее число политических заключенных 1918–1922 гг. обвинялось в контрреволюции. Другими часто встре-

¹ ГА РФ.Ф. Р-8419. Московский политический Красный Крест. Оп. 1.

чающимися обвинениями были участие в белом движении, шпионаж и антисоветская агитация. При анализе опросных листов МПКК следует учитывать, что часто заключенные могли назвать лишь причину своего ареста. 20% заключенных не указали, какое обвинение им официально предъявлено, еще 34% обвинение было не известно. Это обусловлено тем, что опросные листы заполнялись, в том числе, заключенными, еще находящимися под следствием, либо их родственниками, не имеющими возможности получить информацию об обвинении. Из тех заключенных, обвинение которых известно, наибольшая доля осуждены за контрреволюционные преступления, включая агитацию против советской власти – 30%. За службу у белых, оказание помощи белому движению и проживание на территории белых арестовано 15% заключенных. Еще 12% обвиняются в шпионаже. В заложниках находились 6% от общего числа политических заключенных 1918–1922 гг.

Причины арестов разнятся год от года. Так, наибольшее количество арестов за контрреволюцию пришлось на 1919 и 1921 гг. – 27%, против 22% в 1920, обвинения в агитации участились в 1921 г. – 17%, по сравнению с 9% и 8% в предыдущие годы. В 1920 г. мы видим наибольший процент арестованных за службу у белых – 23%, содействие белым – 9%, в то время как в 1919 г. эта сумма не превышала 9 и 6% соответственно, а в 1921 г. упала до 3%. Доля арестованных за шпионаж, после 6 и 10% в 1919–1920 гг., вырастает до 23% в 1922 г. Также существенно вырастает в 1922 г. доля заложников – 14%, против 6 и 3% в предыдущие годы. В целом же наибольшее количество арестов пришлось на 1920 г.

Социальные характеристики. Реконструкция социального портрета политических заключенных показала, что среди них абсолютно доминировали грамотные, в противовес распределению уровня грамотности в структуре населения страны в целом. Неграмотных и малограмотных было всего 5% и 4% соответственно. Среди женщин процент неграмотных и малограмотных выше. В основном, политическими заключенными были люди со средним (37%) и начальным (28%) образованием. У женщин наиболее высокий процент начального образования, тогда как у мужчин – среднего. Высшее образование было у 24% политических заключенных.

Выявились профессиональные доминанты. Несмотря на декларируемую большевиками борьбу с чуждыми классами, большая часть политических заключенных принадлежала к служащим и рабочим, в то время как военные, чиновники и представители интеллигентских профессий составляли меньшие доли. Доля рабочих из общего числа политических заключенных составляет 21%, служащих – 24%. А военные, в первую очередь белогвардейцы и офицеры царской армии, по численности оказались только на третьем месте в числе арестованных. Почти такую же долю среди заключенных занимали крестьяне. В их число попали в первую очередь участники крестьянских восстаний. В целом же доля крестьян среди политических заключенных оказалась существенно меньшей, чем их доля в структуре народонаселения России.

Также было установлено, что большая часть политических заключенных – 67% сменила род деятельности после революции. Примечательно,

что 72% из них сменили род деятельности после Октябрьской революции, тогда как после Февральской революции профессия изменилась только у 28% заключенных.

Интерес представляет и вопрос о партийной принадлежности политических заключенных. Графа «партийность» заполнялась по желанию. Ее оставили пустой 36% заключенных, еще 53% указали себя беспартийными. Партийным или сочувствующим себя называют 10%. Из указавших свою партийность на первом месте по количеству оказались эсеры, следом идут коммунисты, представители партий социал-демократов, анархистов и РСДРП составляют примерно одинаковое количество.

Демографические характеристики. Подавляющее большинство политических заключенных были русскими – 65,5%, что соответствует данным переписи населения 1920 г.¹

Проведенный анализ половозрастного состава политических заключенных показал, что это были преимущественно молодые люди, до 35 лет, тогда как в структуре населения России преобладали люди старше 30 лет.

Ожидаемо низкой оказалась доля женщин – 12%, что соответствует гипотезе о большей активности мужчин в политических событиях того времени. Среди мужчин наибольшую долю составляют заключенные в возрасте 26–30 лет. Женщины были несколько моложе – 21–25 лет. То есть утверждение о том, что молодые люди более политически активны и чаще склонны к радикальным взглядам, справедливо для женщин даже больше, чем для мужчин.

Более половины заключенных состояли в браке. При этом, доля женатых мужчин была заметно выше доли замужних женщин.

Доля политических заключенных, имевших иждивенцев, была выше, чем доля состоящих в браке – 61% от общего числа заключенных. Это объясняется тем, что на иждивении у арестованных могли находиться не только жены и дети, но и родители, и другие родственники.

Жаловались на состояние здоровья 53% заключенных, причем из них 37% указывали, что заболели в тюрьме. Всего же заболевших в тюрьме было 19,5% от общего числа политических заключенных.

Наибольшее число политических заключенных жаловались на заболевания сердца. Инфекционные заболевания, такие как туберкулез и тиф, встречаются реже, чем предполагалось изначально.

Таковы основные социальные характеристики политических заключенных в годы «Красного Трора». Более подробные сведения приводятся в недавно вышедших статьях автора².

¹ Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918–1923 // Труды Центрального Статистического Управления. Т. XVIII. М., 1924.

² Сальцева А.Д. Анализ базы данных по материалам общества помощи политическим заключенным «Московский Политический Красный Крест» (1918–1922): динамика арестов и их причины // Историческая информатика. 2017. № 2. С. 5–23; Сальцева А.Д. Реконструкция социального портрета политических заключенных Красного террора по материалам общества помощи политическим заключенным «Московский Политический Красный Крест» (1918–1922 гг.): анализ базы данных // Историческая информатика. 2017. № 3. С. 78–93.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕХНОЛОГИИ АРХИВНОГО АУТСОРСИНГА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Самарчук Надежда Сергеевна
(Краснодарский государственный институт культуры)

В настоящее время руководство организаций в условиях рыночной конкуренции стремится завоевывать лидерские позиции в той нише, где осуществляется их функционирование. В связи с этим управленческие функции все больше сосредотачиваются на основных видах деятельности, непосредственно связанных с профилем организации.

Данная ситуация приводит к тому, что затраты на непрофильные подразделения все чаще сводятся к минимуму и выполнять их на должном уровне руководители не стремятся. В таких случаях они обращаются к помощи сторонних, аутсорсинговых компаний, услуги которых обходятся значительно дешевле нежели содержание целого структурного подразделения в пределах организации.

Рост документопотоков способствует тому, что организации испытывают острую нехватку офисных площадей для осуществления ретроспективного хранения документов. Поэтому аутсорсинговое архивное хранение является оптимальным решением.

Предпосылки появления технологии аутсорсинга относятся к началу XX в. Нехватка квалифицированных кадров в организациях привела к низкой производительности и отсутствию определенного толчка к развитию. Вместе с тем, мировой рынок все больше становился конкурентным, и организациям необходимо было выживать в этой борьбе. Соответственно, возникла необходимость применения новых методов и технологий в управлении.

Глобализационные процессы, оказывающие влияние на экономическую ситуацию, также повлияли и на рынок труда. Практика зарубежных стран, внедрение международных стандартов в вопросах управления рабочей силой способствовали тому, что в конце 90–х гг. начались процессы развития и популяризации аутсорсинга в России сначала в бизнес-структурах, а затем и в государственном секторе¹.

В последнее время архивный аутсорсинг приобретает все большую популярность. В 2006 г. в РФ насчитывалось 2,5 млн юридических лиц, из

¹ Алексеев А.Н. Влияние глобализации на российский рынок труда [Текст] // Наукоедение. 2015. № 2 (27).

которых источниками комплектования государственных архивов (федеральных, региональных, муниципальных) были 119 тыс., т.е. примерно 5%¹. По данным исследования ВНИИДАД в 2011 г., юридические лица ежегодно создают около 500 млрд листов документов. Поэтому руководитель организации должен задуматься – стоит ли осуществлять хранение документов собственными силами или же воспользоваться аутсорсинговыми услугами сторонней компании².

Архивный аутсорсинг не требует от организации наличия в штате архивистов, огромных помещений для хранения документов, создания в них противопожарных и иных условий, необходимых для обеспечения сохранности документов. Кроме того, отсутствует необходимость в приобретении специализированного оборудования и современных информационных систем, используемых в работе архива. Организация-аутсорсер способна соблюсти все эти требования и несет полную ответственность за документы и их принятие на хранение³.

В России становление архивного аутсорсинга было связано с реформами 90-х гг., когда многие организации были ликвидированы и стал вопрос об осуществлении хранения их документов. Коммерческие архивы в это время стали своеобразной помощью в сохранении и упорядочивании документов переходного периода в жизни страны.

Изначально деятельность коммерческих архивов состояла в упорядочивании документов и созданию условия для их последующего хранения. Постепенно к этим услугам добавилось и непосредственное хранение вне организации.

На современном этапе развития российского архивного аутсорсинга сформировалось несколько способов организации внеофисного хранения документов:

хранение в архивных коробах, которые обезличены (наносится только штрих-код) и размещаются в свободном порядке, что гарантирует безопасность от несанкционированного доступа посторонних лиц, кроме сотрудников архивной организации и уполномоченных лиц компании;

хранение в архивной ячейке, осуществляемое по принципу банковской ячейки, вмещающей до 500 папок толщиной 8 см и предполагающее самостоятельное ее заполнение заказчиком;

¹ О некоторых проблемах становления и развития бизнеса в архивном деле на современном этапе // Делопроизводство. 2009. № 3. URL: <http://www.top-personal.ru/officeworkissue.html?69>

² Скларова И. Вечный покой, несущий золотые яйца / И. Скларова // Босс. 2011. № 10. URL: <http://www.bossmag.ru/archiv/2011/boss-10-2011-g/vechniy-pokoyn-nesushhiy-zolotyie-yaytsa.html>

³ Садриева И.А. Аутсорсинг: перспективы развития / И.А. Садриева // Правовая социальная сеть для юристов. URL: https://zakon.ru/blog/2012/2/28/autsorsing_perspektivy_razvitiya

хранение в обособленном архиве, что подразумевает полное перемещение документов в архив сторонней организации с сопровождающимся архивным обслуживанием¹.

Кроме хранения на традиционных бумажных носителях, все большее число аутсорсинговых компаний предлагают услуги электронного хранения документов. Однако они получили незначительное распространение, поскольку организации не доверяют такому виду хранения, беспокоясь о безопасности. По мнению А. Родионова, директора департамента систем управления документами «Ланит», в перспективе перепоручение сторонним профессионалам всех операций, связанных с корпоративной информацией, станет неизбежным, аналогично тому, как на сегодняшний день денежные операции выполняются банками².

Компании, предоставляющие услуги архивного аутсорсинга, активно применяют инновационные подходы в сфере хранения, демонстрируя тем самым преимущества на фоне возрастающего числа конкурентов. Спектр предлагаемых услуг этими компаниями включает: комплексную архивную обработку документов; выделение документов на уничтожение; экспресс-аудит; создание электронных архивов; переплет документов, сканирование документов; транспортировку документов; реставрацию документов; ретроконверсию документов; обеспечение информационной безопасности.

Таким образом, можно заметить, что компании, предлагающие аутсорсинговое хранение архивных документов, стараются применять широкий диапазон услуг. Известна также практика обращения государственных архивов за помощью к одной из подобных компаний, а именно к организации «ЭЛАР», которая осуществила такие национальные проекты, как обобщенные базы данных «Мемориал» и «Подвиг народа». Эта же организация сотрудничала с Президентской библиотекой им. Б.Н. Ельцина, Государственным Эрмитажем и рядом государственных архивов, оцифровав большое количество документов³.

Эффективный менеджмент базируется на информационном и документационном обеспечении. Для организации эффективного процесса управления нужно и соответствующее информационное обеспечение: поиск, сбор, хранение и своевременное представление требуемой информации по тому или иному запросу. Функцию предоставления информации можно представить как дополнение процесса хранения данных.

В этой связи широкое распространение получает также аутсорсинг документационного обеспечения управления, рамки которого заключаются

¹ Внеофисное хранение документов // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Внеофисное_хранение_документов

² Демидов М. Аутсорсинг документооборота: какой есть и какой будет / М. Демидов // Издание о высоких технологиях. URL: http://www.cnews.ru/news/top/outsorsing_dokumentooborota_kakoj

³ Официальный сайт Корпорации Элар. URL: <http://www.elar.ru/>

от разработки номенклатуры дел и положений о подразделениях службы документационного обеспечения управления до вывода архива организации на внешнее внеофисное хранение и уничтожение документов с истекшими сроками хранения.

Поскольку подавляющее число коммерческих организаций используют в своей деятельности традиционные системы документационного обеспечения управления, основанные на работе с данными не на электронных носителях, а всего лишь обеспечивающие обработку «бумажных документов», в процессе функционирования организации возникает совокупность разнородных неструктурированных документов, упорядоченных разве что только по структурным подразделениям. Причем следует понимать, что чем больше организация, тем больше объем документооборота.

Аутсорсинг документационного обеспечения управления позволяет передавать часть традиционных функций управления, таких как регистрация и поиск информации, сторонней организации. При четкой организации правовых отношений собственник документов гарантирует себе четкую и бесперебойную работу всей обеспечивающей подсистемы управления.

Таким образом, архивный аутсорсинг представляет собой четко организованный процесс хранения ретроспективных документов силами сторонней компании, которая выполняет его на высшем уровне с применением передовых и инновационных технологий, обеспечивая оптимальные и безопасные условия хранения документов и последующее их конфиденциальное уничтожение.

МОНАСТЫРСКАЯ РЕФОРМА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ 1864–1865 гг.: ПРОЕКТЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Семененко Анна Вадимовна
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

После восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском начинаются масштабные реформы всех областей жизни, первой из которых стала реформа всех «духовных дел римско-католического исповедания».

Общее руководство реформой должен был осуществлять Комитет по делам Царства Польского, созданный после завершения Январского восстания, 25 февраля 1864 г. Председателем Комитета официально был император Александр II, а сам комитет являлся высшим негласным совещательным органом при императоре. В него вошли высшие сановники империи, такие как председатель Комитета министров Российской империи П.П. Гагарин, который замещал императора в его отсутствие, статс-секретарь по делам Царства Польского Н.А. Милютин и министр внутренних дел П.А. Валуев. Управляющим делами Комитета стал статс-секретарь С.М. Жуковский.

Комитет должен был заниматься обсуждением и приведением в исполнение масштабных реформ в области гражданского управления, способствующих объединению Царства Польского с империей¹. Гласным он стал после публикации именного указа 1 декабря 1866 г.²

В Комитет по делам Царства Польского были назначены чиновники, у которых был опыт разработки реформ. Гагарин, Жуковский и Милютин активно участвовали в работе по подготовке отмены крепостного права. Так, Гагарин состоял в Секретном комитете по крестьянскому вопросу, а позднее в Главном комитете по крестьянскому делу. Милютин в свою очередь, находясь с 1859 г. на должности товарища министра внутренних дел, возглавил подготовку крестьянской реформы. Под его руководством в 1863–1864 гг. была составлена работа по статистике, финансам и политическому управлению «Исследования в Царстве Польском». Жуковский с 1863 г. был правителем дел Особого комитета для рассмотрения

¹ Раскин Д.И. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В 4 т. СПб., 2000 Т. 1. С. 78.

² Именной указ, объявленный Сенату министром юстиции, «Об учреждении Комитета по делам Царства Польского. 1 декабря 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 41 (1866). Ч. 2. № 43924. С. 316.

проектов Милютина «об устройстве крестьян в Царстве Польском». Валуев участвовал также и в проведении Земской реформы 1864 г.

Работа Комитета по делам Царства Польского в Петербурге была сосредоточена на разработке реформ, текущим же руководством реформами на месте в Варшаве занимался Учредительный комитет в Царстве Польском, основанный 2 марта 1864 г., который возглавил наместник в Царстве Польском Ф.Ф. Берг. В состав Учредительного комитета вошло несколько политиков, известных своими славянофильскими взглядами: Ю. Самарин, князь В. Черкасский, В. Арцимович. Руководивший работой Учредительного комитета граф Милютин ввёл в канцелярию Комитета ещё одного ревностного славянофила, слависта А. Гильфердинга¹. Варшавский комитет проработал до 1871 г., Петербургский был упразднен в 1881 г.²

В Варшаве в 1864 г. была учреждена специальная комиссия о монастырях, члены которой частично назначались наместником в Царстве Польском, а частично – самим императором. Монастыри, по Высочайшему указу о римско-католических монастырях в Царстве Польском от 14 (28) июля 1864 г., считалось «невозможным оставить далее (...) в том исключительном положении, которое представлялось им доселе по особому снисхождению Правительства, т.к. в большей части римско-католических государств Европы давно уже приняты меры к подчинению иноков общему епархиальному начальству»³. Тем не менее, хотя в тексте содержалась отсылка к уже почти завершившемуся в Европе процессу секуляризации, поводом к закрытию монастыря, наряду с поддержкой повстанцев, называются и канонические установления католической церкви.

Закрытию подлежали все монастыри, в которых проживало менее восьми монахов (монахинь), «как лишенные средств к поддержанию порядка»⁴ и все, принявшие участие в восстании, – вне зависимости от числа монахов. Оставшиеся монастыри были разделены на штатные (получавшие содержание от казны) и заштатные. Последние должны были быть закрыты, как только в них окажется менее восьми монахов. Все монастыри в Царстве Польском передавались под управление общего епархиального начальства. При этом епископы отвечали не только за соблюдение монахами духовно-нравственных норм, но и за «способ распоряжения (...) предоставленными им доходами и имуществом»⁵. Для

¹ *Сиесс–Кжишковский Ст.* Гражданский шрифт для польского языка. Эпизод из истории просвещения в Королевстве Польском // Про книги. 2007. № 1. С. 98.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 1. СПб., 1885. С. 224.

³ РГИА. Ф. 821. (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД) Оп. 150. Д. 79. (Законодательные акты, папские грамоты, журналы заседаний комитетов и постановления наместника в Царстве Польском о порядке устройства и управления католической церкви в Царстве). Л. 6–7.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 79. Л. 7 об.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 303 (Дело о выработке правил о денежной отчетности Ченстоховского Ясногорского монастыря). Л. 10 об.

Ченстоховского Ясногорского монастыря, крупнейшей из сохранившихся на территории польских губерний обители, были разработаны правила финансовой отчетности, которые планировалось распространить на все католические монастыри польских губерний¹.

Казалось бы, вся система управления католической церковью на этих землях была унифицирована и приведена в соответствие со структурой управления православной церковью, что изрядно упростило задачу чиновникам. Но так ли все было гладко в действительности?

Примечательна оценка, данная реформе Заведующим духовными делами иностранных исповеданий в Царстве Польском Александром Сергеевичем Мухановым (он принимал участие в разработке первого варианта правил финансовой отчетности) в 1870 г. в «Секретной записке о делах римско-католического исповедания в Царстве Польском» (точнее дату написания, к сожалению, определить невозможно, однако известно что свою должность он занимал с 24 марта 1867 г., с 11 мая 1873 стал подольским губернатором². На датировку ближе к 1873 г. указывает первая же строка Записки «Приближаясь к концу моей службы в здешнем крае...»³)

Муханов прямо заявляет что «Монастырская реформа не дала всех результатов, каких можно было от нее ожидать, если бы она была доведена до конца с меньшими колебаниями.»⁴ Одним из главных доводов в пользу своего мнения он считает тот факт, что «если бы в самом деле реформа была вызвана участием монахов в мятеже, то не следовало сохранить ни одной обители»⁵ и вообще обвиняет создателей реформы в чрезмерно бережном отношении к законам и обычаям католической церкви. Отчасти Заведующий действительно был прав, и это видно хотя бы на примере уже упоминавшегося Ясногорского Ченстоховского монастыря. Хотя теперь монахи были обязаны отчитываться о каждой копейке поступивших в обитель пожертвований и о каждой же копейке своих расходов, но проверить это светская власть не имела никакой возможности – чиновники, согласно каноническим установлениям, не имели доступа внутрь монастырских стен. При этом монастырь одновременно подчинялся визитатору монастырей епархии, куявско-калишскому епископу, варшавскому генерал-губернатору (через него – начальнику Департамента духовных дел иностранных исповеданий) и, наконец, в духовном отношении – Римской курии и Папе).

¹ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 513. Л. 16 об. (О денежной отчетности Ченстоховского-Паулинского монастыря).

² Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 / ред. Н.Ф. Самохвалов. М., 2003.

³ ГА РФ. Ф. 547 (Донесения разных лиц из Рима, Вены и Варшавы Горчакову А.М. и протокол совещания об отношениях России с римско-католической церковью и о положении римско-католического вероисповедания в России и Польше (1870–1871)) Оп. 1. Д. 169. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 58.

⁵ Там же Л. 59.

Продолжая свою мысль, Муханов прямо призывает к постепенному закрытию всех католических мужских монастырей, как бесполезных и даже вредных рассадников невежества и пороков¹. Однако подобный радикализм так и остался на бумаге – фактическое положение дел не изменилось до самого конца Российской империи

¹ ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 169. Л. 67 об.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.А. ШИЛОВА НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сергушкин Сергей Сергеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Николай Александрович Шилов – выдающийся отечественный химик и физик, сыгравший в годы Первой мировой войны видную роль в разработке средств противохимической защиты. Известный прежде всего своим участием в создании самого совершенного противогаса Первой мировой войны – Зелинского – Кумманта¹, Шилов также проделал огромную работу на фронтах, которая во многом осталась вне поля зрения исследователей.

Основная деятельность химика развернулась в армиях Западного фронта: сформированный в результате разделения Северо-Западного фронта в августе 1915 г., он длительное время был самым крупным войсковым объединением русской армии. Западный фронт сыграл видную роль в кампании 1916 г.: в его районе развернулись крупные наступления русской армии – весной в районе оз. Нарочь и в июне под Барановичами. Изучение усилий Шилова по организации химической борьбы дает обильный материал для выводов о ее становлении на фронте в целом. Основой источниковой базы исследования являются документы штаба фронта, хранящиеся в фонде № 2048 Российского государственного военно-исторического архива.

Первое распоряжение в области химической борьбы было отдано штабом Западного фронта 1 (14) октября 1915 г. и представляло собой перевод германских приказов о мерах, принимаемых в случае атаки газам², причем материалы были предоставлены французскими союзниками. Этот документ, очевидно, не мог удовлетворить всех нужд фронта.

Поэтому в скором времени командование фронтом стало интересоваться не только защитными мерами, но и возможностью использовать оружие противника против него самого. На первый план вышла проблема нехватки компетентных кадров, и генерал-квартирмейстер штаба За-

¹ *Де-Лазару А.Н.* Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. Краткий исторический очерк. М., 1935; *Ушакова Н.Н.* Николай Александрович Шилов. 1872–1930. М., 1966. *Гришин А.И.* Николай Шилов. В отравленном дыму // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2014. № 3. С. 54–69.

² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 35. Л. 277–278 об.

падного фронта П.П. Лебедев 4 (17) ноября 1915 г. инициировал поиск специалиста, который возглавил бы работу по химической части¹. Таким специалистом как раз и стал Шилов, первым заданием которого стала разработка вопроса о возможности активного применения удушливых газов². Главнокомандующий армиями Западного фронта А.Е. Эверт спешил обернуть оружие немцев против них самих: «...немцы – это сплошь изверги. Немцы поставили себя вне закона, и их надо задавить во что бы то ни стало и сколько бы времени это не потребовало бы!»³.

Николая Александровича направили в Двинск, в штаб 5-й армии Северного фронта, где велись предварительные работы по подготовке к использованию боевых отравляющих веществ в качестве средства нападения. Эта поездка стала бесценным опытом для Шилова. В своем отчете по ее результатам он отмечал: «... газовая атака более чем какой-либо иной тактический прием зависит от условий ... тем не менее, и для нее могут и должны существовать общие нормы, которыми придется пользоваться на практике»⁴. Работа под Двинском позволила наметить целый ряд таких норм. Но Шилору суждено было войти в историю благодаря спасению человеческих жизней, а не совершенствованию способов их уничтожения.

Химическими командами под руководством гвардии капитана Костевича велись работы не только над средствами наступления, были выработаны приемы обучения нижних чинов противодействию удушливым газам. Именно Костевич и его подчиненные показали Шилору знаменитый метод «окуривания». Выпуск небольших порций газа в присутствии нижних чинов, снабженных противогазовыми средствами, позволял привить солдатам сознательное отношение к опасности, научить правильно владеть противогазами и беречь их. Кроме того, Николай Александрович пришел к выводу о необходимости постоянных метеорологических наблюдений в районе фронта и сбора данных о боевых отравляющих веществах противника⁵. Именно по этим направлениям развернулась основная деятельность Западного фронта, в которой химик неизменно принимал самое активное участие.

Создание системы метеорологических наблюдений первоначально столкнулось с серьезными проблемами. Так, например, штаб Западного фронта даже вынужден был разослать письма с просьбой предоставить необходимое оборудование вице-президенту Императорского географического общества, ректору Императорского Московского университета, профессору Московского сельско-хозяйственного института В.А. Михельсону, а также другим лицам и организациям⁶. В конечном итоге

¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 35. Л. 415.

² Там же. Д. 37. Л. 417.

³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 12 об.

⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 157–159 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 167, 170; Д. 40. Л. 78, 79.

к концу весны речь уже шла о создании наблюдательных метеорологических пунктов при каждой дивизии¹.

Шилов являлся основным экспертом, отвечавшим за анализ данных о новых боевых отравляющих веществах, использованных противником². Но все же основная деятельность Николая Александровича была связана именно с обучением войск химической защите. В феврале 1916 г. он организовал подвижной отряд для наглядной демонстрации войскам средств борьбы с удушливыми газами. Он состоял из 6-ти инструкторов-химиков Земгора, 5-ти нижних чинов химической команды при младшем унтер-офицере и инструктора метеоролога.

Работа была начата в Гренадерском корпусе. О ее эффективности говорят восторженные отзывы командного состава корпуса. Так, начальник 1-й гренадерской дивизии назвал «опыты» Шилова «в высшей степени поучительными, наглядными и полезными»³. Детальный рапорт химика был отпечатан как наглядное пособие для обучения войск в количестве 6000 экземпляров и разослан войскам⁴.

После возвращения из поездки Николай Александрович составил «Памятку о том, как предохранить себя от вредного действия удушливых газов неприятеля». Эта брошюра, написанная простым и понятным языком, вышла уже тиражом 1 500 000 экземпляров, на каждого солдата Западного фронта⁵.

Понимая невозможность самостоятельно решить масштабную задачу по обучению нижних чинов фронта, Шилов приступил к формированию отрядов для демонстрации войскам противогазовых мер. К началу мая 1916 г. функционировало уже 4 подобных отряда⁶.

Вся эта обширная деятельность Николая Александровича развернулась именно в тот момент, когда армия наиболее остро в ней нуждалась – в ситуации организационного вакуума. Ставка верховного главнокомандующего и штабы фронтов еще не успели отреагировать должным образом на острую проблему, вставшую перед войсками. О многом говорит один тот факт, что в утвержденной 31 января (13 февраля) 1916 г. Эвертом восьминедельной программе обучения нижних чинов пехотных запасных батальонов фронта отсутствовали занятия по химической защите⁷. Именно это обстоятельство и неукротимая энергия Николая Александровича Шилова позволила сохранить множество жизней солдат и офицеров русской императорской армии.

¹ Там же. Д. 201. Л. 400, 597–597 об.

² Там же. Л. 41–42.

³ Там же. Л. 86.

⁴ Там же. Л. 107.

⁵ Там же. Л. 153.

⁶ Там же. Л. 547.

⁷ Там же. Д. 9. Л. 32.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО Ф.М. БУРЛАЦКОГО В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР

*Соболев Владимир Андреевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В рамках данного исследования более детально рассмотрим творчество Федора Михайловича Бурлацкого (1927–2014)¹ в период перестройки в СССР. В 1985–1988 гг., когда вырабатывалась доктрина «нового мышления», Ф.М. Бурлацкий работал политическим обозревателем «Литературной газеты» (с 1982 г.) и заведовал кафедрой марксистско-ленинской философии Института общественных наук ЦК КПСС (1971–1989). Группа в ИОН ЦК КПСС под руководством Бурлацкого, наряду с другими группами, созданными в подразделениях Академии наук СССР: Институте США и Канады, Институте мировой экономики и международных отношений и Институте экономики мировой социалистической системы, занималась разработкой поддержки идей «нового мышления».

Свои идеи по доктрине «нового мышления» Ф.М. Бурлацкий сформулировал в книге «Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах». Бурлацкий видел «новое мышление» шире, чем только концепцию внешней политики СССР. Это новый подход к социалистическому строительству и развитию всего социалистического мира².

24 февраля 1988 г. Ф.М. Бурлацкий опубликовал в «Литературной газете» статью «О советском парламентаризме». В ней была предложена новая модель политической системы СССР, в частности: введение должности президента и всенародного его избрания; формирование двухпалатного парламента; проведение реформы государственного аппарата;

¹ Подробнее о личности Ф.М. Бурлацкого см.: *Соболев В.А., Шириняц А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 3. С. 25–42; *Шестопал Е.Б., Шутов А.Ю.* Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 3. С. 124–128.

² См. подробнее: *Бурлацкий Ф.М.* Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. М., 1989.

обеспечение реальных гарантий гражданских и политических прав и свобод гражданина¹.

8 ноября 1989 г. в «Литературной газете» вышла статья Ф.М. Бурлацкого «Судебная реформа», где подробно описаны необходимые шаги и меры судебной реформы в СССР, в частности: создание суда присяжных; формирование специализированных судов (подростковых, семейных, административных и др.); расширение судебной системы, т.е. увеличение количества судов; обеспечение гарантий независимости суда от других ветвей власти².

В 1989 г. Ф.М. Бурлацкий избран народным депутатом СССР от Советского Фонда мира и стал членом Комитета Верховного Совета СССР по международным делам. По его инициативе в рамках комитета был создан подкомитет по гуманитарному, научному и культурному сотрудничеству, руководство которым было поручено самому Бурлацкому. Результатом деятельности в качестве депутата стали подготовленные под руководством Ф.М. Бурлацкого и вступившие в силу законы: о свободе СМИ; о свободе совести и религиозных организациях; о свободе выезда и въезда в страну; а также «Декларация прав и свобод человека».

Также в этот период Ф.М. Бурлацким была подготовлена аналитическая записка в адрес члена Политбюро ЦК КПСС, Секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева, в которой обосновывалась необходимость: разработки долгосрочной программы развития гуманитарного сотрудничества на мировой арене, обмена информацией, людьми, идеями в интересах усиления идеологического влияния СССР; разработки системы мероприятий по развитию культурно-информационной интеграции в рамках мирового социалистического содружества; упрощения процедуры оформления выездов советских людей в капиталистические и развивающиеся страны; укрепления юридических гарантий защиты прав человека в СССР; использовать празднование тысячелетия крещения Руси в интересах укрепления доверия между Востоком и Западом, развития сотрудничества в гуманитарной сфере и др.³

10 февраля 1990 г. Ф.М. Бурлацкий опубликовал в «Известиях» статью «Президент и разделение властей». В данной статье Бурлацкий вновь объясняет важность создания в СССР должности президента. Однако здесь уже подробно расписаны конкретные институты и механизмы обеспечения сдержек и противовесов политической системы СССР, в частности: внесение в Конституцию принципа голосования о доверии правительству; введение процедуры импичмента президента; закрепление за гражданами права – они есть источник власти в государстве; создание

¹ См.: *Бурлацкий Ф.М.* О советском парламентаризме // Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. / Ф.М. Бурлацкий. М., 2008. Кн. II. С. 43–48.

² Подр. см.: *Бурлацкий Ф.М.* Судебная реформа // Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. / Ф.М. Бурлацкий. М., 2008. Кн. II. С. 52–54.

³ См.: *Бурлацкий Ф.М.* Записка члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву // ОРКиР НБ МГУ.Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–9.

президентского совета для обеспечения перехода к президентской системе правления¹.

Таким образом, уже с 1985 г. Ф.М. Бурлацкий принимал активное участие в перестройке: занимался разработкой и аналитической поддержкой доктрины «нового мышления»; публиковал статьи в передовых изданиях на актуальные темы; будучи депутатом Верховного Совета СССР, участвовал в подготовке и принятии важных для Советского Союза законов. Все это свидетельствует о том, что Бурлацкий внес значительный вклад в политику периода перестройки. Масштаб вклада Ф.М. Бурлацкого позволяет сопоставить его с деятельностью лучших представителей интеллигенции XIX в.²

¹ См.: *Бурлацкий Ф.М.* Президент и разделение властей // О политической науке: Избранные произведения / Ф.М. Бурлацкий. М., 2013. С. 261–266.

² Подробнее о деятельности лучших представителей интеллигенции XIX в. см.: *Шириняц А.А.* Интеллигенция в политической истории XIX века // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* 2012. № 4. С. 39–55; *Шириняц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.

**ГАЗЕТА «ЭНЕРГЕТИК» МОСКОВСКОГО
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: 1930–1960-е гг.**

*Стасенко Никита Андреевич,
Веселов Александр Александрович, к.и.н.
(НИУ «Московский энергетический институт»)*

Опыт изучения СМИ как исторического источника в современной исторической науке может способствовать решению многих комплексных научных проблем, актуальных в настоящее время: формирование и развитие новых научных школ, прогнозирование тенденций в условиях экономических, политических и духовных кризисов. Результаты такого исследования могут использоваться и в конкретном исследовании. Например, изучение СМИ различных государственных учреждений. Чаще всего это были радио или газеты.

В качестве примера авторы данной статьи взяли Московский Энергетический Институт (МЭИ) и его газету «Энергетик» (до 1937 г. – «Пролетарий на учебе»). В данной статье приведен анализ одного номера «Пролетария...» и четырех «Энергетиков», охватывающих хронологические рамки с 1937 по 1968 гг.

При анализе печатных СМИ, необходимо учитывать, что зачастую принципиальное значение имеет первая страница номера. Ее не зря называют витриной, поскольку она должна дать читателям представление о содержании всего номера. Показательным примером служит «Пролетарий на учебе» от 29 мая 1937 г. На первой полосе главной публикации является перепечатанное из девятого номера журнала «Большевик» письмо Иосифа Сталина, в котором секретарь ЦК ВКП(б) делится своим мнением с советскими гражданами о том, каким должен быть учебник истории ВКП(б)¹. В частности, Сталин считал, что история партии должна сопровождаться «краткими справками об экономическом и политическом положении страны» в каждый выделенный исторический период, а также приводится схема периодизации истории ВКП(б)². Письмо Сталина послужило лейтмотивом данного выпуска, поскольку еще одна газетная статья коллектива авторов «Пролетария» комментирует приведенное письмо вождя народа. В 1930-е гг. любые выступления и официальные письма И.В. Сталина перепечатывались во всех печатных СМИ, и даже

¹ Пролетарий на учебе. 1937. № 15 (246). С. 1.

² Там же.

в таких малотиражных организационных газетах, как «Пролетарий», чей тираж на тот момент достигал 1000 экземпляров¹.

В современном понимании институтская газета должна в первую очередь информировать своих читателей о жизни института, его сотрудников и студентов. Не исключением явился и «Пролетарий», где при этом очень четко прослеживается атмосфера эпохи. Половину страницы занимает статья автора А.Р. под названием «История одного арапничества», в которой автор в весьма осуждающей манере описывает учебный путь «некоей гражданки Гербольт» [1, с.2]. Вот характерная цитата: «Весь путь учебы Гербольт в институте – есть путь шантажа, угроз и арапничества»². На первый взгляд, А.Р. преувеличивает «грехи» гражданки Гербольт – автор неоднократно делает акцент на ее вульгарном поведении и регулярном употреблении ненормативной лексики: «ругает профессора матом», «ругается матом. Также отмечается, что «данная статья была составлена по материалам группы студентов и преподавателей в числе 18 человек», а сама Гербольт позорит МЭИ, звания советского студента и будущего инженера. С точки зрения советской идеологии, для построения сильного коммунистического общества, каждый человек должен был честно учиться, чтобы потом честно трудиться, а партия под руководством товарища Сталина наметит дальнейший путь. Разумеется, такому обществу не нужны тунядцы, лентяи, прихлебатели и лодыри, и если таковые вдруг появлялись, необходимо было «перевоспитать» таких граждан. Методы перевоспитания могли быть разными, но одним из наиболее распространенных было публичное осуждение таких граждан, где их недостатки зачастую сильно преувеличивались. Лодыри и лентяи при определенных условиях могли быть приравнены к «врагам народа». Именно во второй половине 1930-х гг. прошли чистки репрессии против этих самых «врагов народа», которыми занимались органы НКВД. Соответственно была распространена практика доносов на «чужеродные советскому обществу элементы» в специальные органы (тот самый НКВД). И хоть гражданка Гербольт еще официально не была признана «врагом народа», но тот факт, что статья про нее была составлена по результатам доноса, является типичным для тех лет.

Менялась страна, менялся МЭИ, а вместе с ним его газета, которая стала называться «Энергетик». В данных материалах проанализированы номера «Энергетика» № 4 (447) от 1 октября 1943 г. и № 2 от 5 января 1944 г. К 1943 г. МЭИ пережил эвакуацию в Лениногорск и возвращение в Москву. Но, несмотря на все сопутствовавшие трудности и сложности, газета «Энергетик» продолжала выходить в печать – в этом плане МЭИ был одним из немногих вузов СССР, продолжавшим выпускать газету в военное время. Газета освещала не только ситуацию на фронтах, но и повседневную жизнь института, которая не замирала ни на минуту.

¹ Пролетарий на учебе. 1937. № 15 (246). С. 2.

² Там же.

«Энергетик» №4 (447) от 1 октября 1943 г. посвящен началу учебного 1943/1944 г. Этот год был примечателен тем, что МЭИ окончательно возобновил свою полноценную работу в Москве после возвращения из Лениногорска. В то же время первая полоса показывает, что советское общество не забывает о Войне, а лозунг «Все для фронта, все для победы» не теряет своей актуальности. Яркой зарисовкой является небольшая статья студентки первого курса Электромеханического факультета (ЭМФ) Антоновой под названием «Почему я выбрала МЭИ?». Данная статья носит не столько пропагандистский, сколько личный характер: Антонова рассказывает о своих причинах поступления в МЭИ, о влиянии войны на ее судьбу и ее дальнейших планах закончить МЭИ и «помочь Родине залечить раны, нанесенные немецкими извергами»¹. При этом, на первой странице есть материалы и пропагандистского характера: «Выполним долг перед родиной» П.И. Богдашина, «За отличную учебу, за дисциплину!», и информативного: «О самостоятельной работе студентов», «За неделю по институту». Рубрика «За неделю по институту» приводит много интересных фактов: к примеру, газета сообщает, что группа студентов МЭИ была «премирована денежной премией и промтоварами» за хорошую работу по восстановлению Сталинграда², также газета сообщает, что 27 сентября состоялась третья теоретическая конференция партийно-хозяйственного актива Института на тему «Германский разбойничий империализм».

МЭИ был одним из немногих институтов Москвы, что продолжал свою деятельность не только на научно-производственном поприще. В годы ВОВ многие сотрудники МЭИ не только воевали на фронтах, но и работали на военных предприятиях и заводах в тылу, а также обеспечивали постепенное восстановление производства, промышленности и хозяйства на освобожденных Красной армией территориях». Эффективная работа в эти тяжелые годы была организована и в рамках учебного процесса института благодаря усилиям директора МЭИ В.А. Голубцовой.

Также в представленном номере присутствует студенческая страница, носящая название «Литературная страница»³. Это может служить дополнительным обоснованием того факта, что институт не только продолжал свою учебную и научную деятельность, но и жизнь его сотрудников продолжала двигаться дальше, несмотря на все тяготы военного времени. Далеко не каждая газета при институте могла позволить себе «студенческую» страничку или стенгазету в военные годы. «Литературная страничка» приводит много примеров интересной студенческой самодельности тех лет: трогательное и воодушевляющее обращение к

¹ Энергетик. 1943. № 4 (447). С. 1.

² Там же.

³ Там же. С. 4.

первокурсникам С. Беспалого [«О любви»], басня «Хвостовик и павлин» под авторством Апи, стихотворение «Салют» К. Бора, а также небольшие энциклопедические сводки и даже шахматный этюд. Особое внимание на себя обращает заметка С. Лажевника о его командировке в районе Вязьмы, где он принимал участие в восстановительных работах: «Стук топора на стройке дома – это новая, возрождающаяся Вязьма <...> Быстро восстанавливаются бытовые учреждения, школы... <..> Государство для обеспечения посевами дало ссуды. Люди издалека бережно переносят на себе посевной материал и вверяют его земле. <...> Народ – неиссякаемый источник силы, мужества, выносливости. В этом – залог успеха»¹.

Обратившись к материалам газеты «Энергетик» № 2 от 5 января 1944 г., можно обнаружить тенденцию, что самые тяжелые моменты Войны уже пройдены: на первой полосе находятся статьи и заметки, посвященные исключительно институтской жизни. В первую очередь бросается в глаза заметка «Посещаемость экзаменов», где приведена статистическая информация по итогам прошедшей зимней сессии среди факультетов МЭИ. Обращают на себя внимание статьи «Комсомольский билет», где описывается идеологическая важность и значимость билетов членов ВЛКСМ, и «Коммунистка Сима Бекетова»². За несколько месяцев изменилась цена номера газеты: если № 4 (447) стоил 40 копеек, то цена № 2 (459) составляла уже 20 копеек. Также в рассматриваемом номере приведена маленькая справка «5-летие краткого курса истории ВКП(б)» Н. Климова: примечательно, что зарождением этого учебника можно считать ту самую заметку «Тов. Сталин об учебнике истории ВКП(б)», представленную выше. В статье сообщается о состоявшемся заседании кафедры марксизма-ленинизма МЭИ, посвященному этому событию. Данный номер интересен еще и тем, что помимо статей и заметок, несущих исключительно информационную функцию, здесь имеется занимательный материал научно-популярного и просветительского характера – на странице № 2 изучаемого номера представлена небольшая статья о первом русском электротехнике, академике Василии Владимировиче Петрове³.

В заключение были проанализированы номера «Энергетика» за 1949 и 1968 гг. № 10 (695) от 6 мая 1949 г. является специальным выпуском, посвященным юбилею Энергомашиностроительного факультета. Этот номер является еще двухстраничным, тираж издания – 500 экземпляров, но, в отличие от рассмотренных выше газет «Пролетария» и «Энергетика», здесь уже нигде не указана цена⁴. По всей видимости, в этот период газета уже стала раздаваться бесплатно для студентов и сотрудников МЭИ.

Структура материалов, представленных в этом номере уже классическая – информирование сотрудников и студентов МЭИ о последних новостях университета, его жизни, и примерах студенческой самодетель-

¹ Энергетик. 1943. № 4 (447). С. 4.

² Энергетик. 1944. № 2 (459). С.1.

³ Энергетик. 1944. № 2 (459). С. 2.

⁴ Энергетик. 1949. № 10 (695). С. 1.

ности. Поскольку номер посвящен юбилею Энергомашиностроительного факультета, то большинство материалов рассказывает о жизни факультета, его кафедрах, профессорах, ученых и различных успехах: приведены вступительная статья декана факультета профессора Щегляева¹, пожелания от институтской дирекции, парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и профкома. Во многом похожим получился и номер «Энергетика» от 25 марта 1968 г.² За девятнадцать лет «Энергетик» окончательно обрел ту структуру, которой газета была верна на протяжении следующих 30 лет – четырехстраничное издание, информирующее о событиях и новостях в МЭИ. № 17 (1615) также был посвящен юбилею Энергомаша (25 лет), и в газете по этому поводу приводится обзор кафедр факультета, их история, достижения и дальнейшие планы.

В дальнейшем в «Энергетике» мало освещались политические, экономические или культурные события, не имевшие прямого отношения к МЭИ. Но в то же время, многие знаменательные события истории СССР второй половины XX в., как, например, запуск первого спутника, выход первого человека в космос, перестройка, распад СССР и становление новой России, так или иначе, были отображены на страницах «Энергетика». К материалам СМИ в целом, и газетам в частности, как и к любым другим источникам, необходим критический и крайне осторожный подход. Именно, поэтому источники такого характера являются прежде всего вспомогательным историческим источником по целому ряду проблем современной исторической науки.

¹ Там же.

² Энергетик. 1968. № 17 (1615).

«ТВОРЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ» К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Столярова Изабелла Феликсовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Идея национального творчества, как основного источника эстетики в обществе и государстве, занимает центральное место в консервативной программе Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891). По мысли Леонтьева, способность нации к самостоятельному творчеству, т.е. к созданию своих собственных оригинальных идей в сферах культуры, быта, государства, политики, права и т.д., обладание ею независимостью в области мышления, вкуса и художественного творчества, определяет силу, стойкость, жизнеспособность и развитость как самой нации, так и государства в целом.

У Леонтьева «эстетика жизни» – это крайне необходимая для крепкого государственного строительства творческая сила, обуславливающая создание и сохранение в государственных, общественных и духовных сферах цветения и разнообразия: «только там *государственность сильна*, где в жизни еще много разнородной эстетики, что эта видимая эстетика жизни есть признак внутренней, практической, другими словами, – творческой силы»¹.

В отношении России Леонтьев отмечает, что «у нас слишком еще мало *своих смелых мыслей; своих оригинальных вкусов*; своего творчества; своей, скажем вообще, – *культуры*. – Мы даже охранители плохие до сих пор»². По мнению Леонтьева, несмотря на то, что русские «действительно весьма оригинальны психическим темпераментом нашим, но никогда ничего действительно оригинального, *поразительно-примерного вне себя создать до сих пор* не могли. Правда, мы создали великое *Государство*; но в этом Царстве почти нет *своей государственности*; нет таких своеобразных и на *других влияющих* своим примером внутренних политических отношений, какие были в языческом Риме, в Византии, в старой монархической (и даже Наполеоновской) Франции и в Великобритании»³.

Сберечь в русском народе способность к «национальному творчеству на всех поприщах, начиная с государственного и художественного и кон-

¹ Леонтьев К.Н. Письма К.Н. Леонтьева к В.В. Розанову. 13 августа 1891 г., Опт. П. // Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991. С. 176.

² Леонтьев К.Н. Кто правее? // Леонтьев К. Полн. собр. сочинений и писем в 12 т. Т. 8. Кн. 2. СПб., 2009. С. 170.

³ Леонтьев К.Н. Кто правее?...С. 162.

чая промышленным»¹, что позволит сохранить «поэзию жизни» в российском государстве и обществе и самобытность русской культуры, – вот что является, по мнению Леонтьева, крайне важным для укрепления государственной силы России.

«Творческий консерватизм» Леонтьева представляет собой оригинальную социально-политическую программу, в основу которой положена задача пробуждения, сохранения и приумножения творческого начала русской нации, обладающей потенциалом к созданию и развитию «эстетики жизни» в религии, культуре, политике, быте и других сферах русского общества, что является необходимым для усиления государства.

Несмотря на специфику «творческого консерватизма», выявить его общую связь с общим направлением русской консервативной мысли XIX – начала XX в. позволяет подход, в соответствии с которым суть русского консерватизма выражается в «хранительстве»², стержневым основанием которого стала триада «православие, самодержавие, народность». В зависимости от акцента на той или иной составляющей этой формулы, консервативно-хранительные течения можно разграничить следующим образом: 1) государственно-хранительное направление, для которого самым важным представлялась защита самодержавия (М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров, К.П. Победоносцев); 2) направление, для которого самым важным представлялась народность, «племенное начало» (И.С. Аксаков, А.А. Киреев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов); 3) православно-хранительное направление, для которого самым важным представлялась защита православия³.

У Леонтьева религия является главным условием существования самобытной русской культуры, ее творческим источником: *«Православие*

¹ Леонтьев К.Н. Русские, греки и юго-славяне // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 444.

² Хранительство как направление русской мысли представляется шире политического консерватизма, так как включает идею патриотизма, защиты традиционных русских ценностей и традиционной духовности, национального исторического опыта, национальной культуры, русского языка, православной веры (См.: *Перевезенцев С.В., Шириняни А.А.* В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. 2017. № 3. С. 70. Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализована в антологии «Хранители России» (Хранители России. Антология. Т.1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. М., 2015; Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма. М., 2015; Хранители России. Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. М., 2016; Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. М., 2016; Хранители России. Антология. Т. 5. Обретенная Россия. 1840-е – начало 1860-х гг. М., 2018; Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. М., 2018).

³ См.: *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняни А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С. 24–25.

есть дух народа, творческая сила его, жизнь его»¹. В этой связи можно утверждать, что «творческий консерватизм» близок к третьему направлению русского консервативно-хранительного течения. По мысли Леонтьева, пока «религия жива, все еще можно изменить и все спасти, ибо у нее на все есть ответы и на все утешения. А где нет утешений, там есть кара и принуждение, оправданные не притворными фразами «горькой необходимости» и т.п., а правом Божественным, вполне согласным с законами вещественной природы, ненавидящей равенство»². У Леонтьева царская власть наделяется божественными чертами и обладает незыблемым авторитетом: «По основному закону нашей Империи, по существенному духу нации нашей законно и *хорошо* все то, что исходит от Верховной Власти. Законно было закрепощение; законно и *хорошо* было разделение народа на сословия (или «состояния»); все было хорошо в свое время – и старые, закрытые суды, и телесное наказание. *Законно и хорошо* было *уничтожение* всего этого, не столько по существу, сколько потому, что *Верховной Власти было так угодно*»³.

Неограниченный характер русской монархии нашел положительный отклик у Леонтьева, поскольку в «творческом консерватизме» сама «поэзия жизни» требует существования политического деспотизма и социального неравенства: «Государственная сила – есть скрытый железный остов, на котором великий художник – история лепит изящные и могучие формы культурной человеческой жизни»⁴. Размышляя об этом, Леонтьев писал: «Высшая эстетика есть в то же время и самая высшая социальная и политическая практика», кроме того, «в истории именно те эпохи отличались наибольшей государственностью, силой и наилучшей социальной статикой, в которых и общественный строй отмечался наибольшим разнообразием в наисильнейшем единстве, и характеры человеческие в эти именно эпохи вырабатывались сильнее и разнороднее, или с односторонне-выразительным, или с наипышнейшим, многосторонним содержанием»⁵.

¹ *Фетисенко О.Л.* «Отче и друже мой»: Отец Иосиф Фудель – друг, ученик и издатель К.Н.Леонтьева // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Кн. 1. Приложение. СПб., 2012. С. 26.

² Там же. С. 22.

³ *Леонтьев К.Н.* Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года // Леонтьев К. Полн. собр. сочинений и писем в 12 т. Т. 7. Кн. 2. СПб., 2006. С. 25–26.

⁴ *Леонтьев К.Н.* Рассказ моей матери об императрице Марии Феодоровне // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб., 2003. С. 562.

⁵ *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полн.собр.сочинений и писем в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб., 2007. С. 217–218.

СВЯЗЬ РОМАНОВЫХ И РЮРИКОВИЧЕЙ: ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ XVII в.

Страхов Александр Борисович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Несмотря на то что в 1613 г. в России появилась новая династия, Романовы вели свою родословную от Рюриковичей и связывали себя с ними множеством разных смысловых нитей, придавая своему воцарению законность.

Первая связка – *родословная*. Самая очевидная и простая для объяснения нить была обозначена еще в Утвержденной грамоте 1613 г., своего рода пояснительной записке к избранию Романовых: «По великом государѣ царе і великом князе Иване Васильевиче, всеа Русіі самодержеце, от его царского прекраснорощающего корени пресвѣтлая и преславная вѣтвь, от Бога данные и благочестивые супруги, от великие государыни нашея царицы і великие княгини Настасѣи Романовны Юрьева, процвете сын его государь наш...»¹. Анастасия Романовна Юрьева была любимой женой Ивана Васильевича и родной теткой Федора Никитича, будущего патриарха Филарета и отца первого царя из династии Романовых, Михаила Федоровича. При этом придворные авторы XVII в. пытаются всячески подчеркнуть это родство. Так, в той же Утвержденной грамоте народ решает, что быть «на всѣхъ великих преславных Російскихъ государствахъ государемъ царемъ і великим княземъ, всеа Русіі самодержцем, Михайлу Фодоровичю Романову-Юрьеву... понеже он, великий государь, блаженные памяти хваламъ достойнаго великаго государя царя і великаго князя Фодора Ивановича, всеа Русіі самодержца, двоюродного брата Фодора Никитича Романова-Юрьева сынъ»². А в Новом летописце Борис Годунов «похотя ихъ царское послѣднее сродствіе известъ: братія бо царя Фодора Ивановича Фодоръ Никитичъ з братьею, а сродствіе бысть ближнее царица Анастасѣя Романовна да Микита Романовичъ от единого отца и матери; отъ царицы Настасѣи Романовны царь Фодоръ Ивановичъ, отъ Никиты Романовича Фодор Никитичъ з братьею. Царь же Борисъ не мога ихъ видѣти, хотя и достальной корень царьской известъ»³. При этом Году-

¹ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова (с предисловием С.А. Белокурова). М., 1906. С. 26.

² Там же. С. 43.

³ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. С. 53.

нов тоже является родственником Рюриковичей, хотя и не кровным, однако романовские летописцы подчеркивают именно свое прямое родство.

Вторая связь – *идейная*. Романовы не создавали принципиально новые духовно-политические смыслы, однако активно развили и вывели на международный уровень те, которые были созданы при последних Рюриковичах для осмысления Россией самой себя: «Новые образы-понятия, с одной стороны, развивают практику подобных именовании России, сложившуюся в течение XVI в. С другой стороны, их появление показывает и новый уровень в развитии отечественной религиозно-философской мысли – богоизбранность России признается уже свершившимся фактом, а сама Россия должна была теперь исполнить историческую функцию “Нового Израиля” и быть единственным светочем правой веры по всему свету»¹.

Наконец, третья связующее – *грех*. Романовы принимают на себя не только положительные идеал-образы, как то происхождение от Августа, получение императорских даров от Константина и т.д., но и грехи своих прародителей. Самым ярким текстом, в котором отражена эта связь, является послание царя Алексея Михайловича святителю мученику Филиппу, митрополиту Московскому, казненному по приказу Ивана Грозного: «Молю тебя и желаю тебе прийти сюда, чтобы разрешить согрешение прадеда нашего, царя и великаго князя Иоанна, нанесенное тебе неразумно завистию и неудержанною яростию, ибо твое на него негодование как бы и нас сообщниками творит его злобы: хотя я и неповинен досаждению твоему, но гроб прадедний присно убеждает меня и в жалость приводит, когда спослушествует совесть моя списанному житию и страданию твоему, что от того изгнания и до днесь лишаешься твоей святительской паствы царствующаго града»². Всякий христианин рождается во грехе и всю жизнь искупает его. Однако помазанник Божий – царь – несет еще большую ответственность перед предками и потомками, своим народом и Господом: «Благополучие наследников Грозного немислимо без очищения от грехов, возложенных этим царем на души своих потомков»³. Искреннее избавление от греха подчеркивается в другом послании Алексея Михайловича: «Даровал нам Бог, великому государю, великое солнце... целителя, новаго Петра и втораго Павла проповедника и втораго Злато-

¹ *Перевезенцев С.В.* Истоки русской души. М., 2015. С. 394.

² Послание царя Алексея Михайловича святителю мученику Филиппу // Хранители России. Антология. Т. I. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / под ред. С.В. Перевезенцева; авт.-сост.: Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянц; подг. текстов А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев / С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянц, А.А. Горохов и др. М., 2015. С. 583.

³ *Талина Г.В.* Русская самодержавная монархия первых Романовых глазами современников и потомков // Самодержавное царство первых Романовых. М., 2004. С. 39.

уста, великаго и пресветлаго солнца, Филиппа, митрополита Московскаго и всея Руси чудотворца возвратить мощи»¹.

Таким образом, первые Романовы считали себя достойными и законными наследниками престола Рюриковичей по родству, по идейному наследию и по искуплению их грехов. При этом последние два были не только самостоятельными связками, но и логически вытекающими «правами и обязанностями», происходящими от кровных родственных уз.

¹ Грамота воеводе казанскому князю Н.И. Одоевскому по поводу перенесения в столицу мощей митрополита Филиппа // Хранители России. Антология. Т. I. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. С. 584.

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОТряСЕНИЯ 1917 г.
В КОСТРОМЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ
(НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДА «ДОКУМЕНТЫ»
КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

Сулоев Иван Николаевич, к.и.н.

*(Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник)*

В 2017 г. исполнилось сто лет со дня Февральской и Октябрьской революций. Объективный и беспристрастный анализ происходивших в нашей стране революционных потрясений возможен при полном охвате источниковой базы. Но зачастую при исследовании проблемы истории используют материалы столичных и региональных архивов. При этом коллекции музеев остаются вне поля охвата.

В фондах Костромского музея-заповедника отложились воспоминания и размышления участников февральской и октябрьской революций 1917 г. В настоящей статье ставится задача на основе личных воспоминаний участников событий начала прошлого века, хранящихся в Костромском музее-заповеднике, рассмотреть февральские и октябрьские потрясения 1917 г. в Костроме.

Сведения о волнениях в столице доходили до горожан различными путями. О свержение монархии Л.А. Виноградов узнал 27 февраля 1917 г.: «Я поздно возвращался с уроков, которые давал за плату. В этот вечер не успел я прибыть домой, как от одного из кружковцев получил извещение о срочном, внеочередном созыве кружка. Было около девяти часов вечера, когда я вошел в нашу светелку в квартире Языкова. Не успел я открыть дверь, как ко мне со всех сторон бросились кружковцы, обнимая и целуя меня криками: «Ура!, Ура! В Питере революция! Рабочие свергли царя!». Через несколько минут «явился наш руководитель товарищ А.А. Языков... По его совету была тут же составлена прокламация, извещавшая о свержении царского самодержавия и призывавшая рабочих и солдат к выступлению и свержению местных властей царского режима»¹. Рабочие известие об отречении императора узнавали на фабриках и заводах. Спустя несколько десятков лет Е.В. Гершанович рассказывал корреспон-

¹ Тетрадь с воспоминаниями Виноградова Л.А. КМЗ Н/В 17450. Л. 2.

денту: «Февральская революция 1917 года застала на фабрике Кашина»¹. В начале 1917 г. жизнь в городе протекала спокойно. Свержение самодержавия стало неожиданностью для горожан. Жители губернского центра восприняли смену власти радостно.

Вслед за известием о свержении монархии начались аресты чиновников. 2 марта 1917 г. «в первую очередь был арестован губернатор Иван Владимирович Хозиков, главный разбойник и представитель царского режима в губернии. Арестованного губернатора вели по Русиной улице, на нем была серая с красными отворотами шинель, на голове форменная фуражка с царской кокардой, он был бледен и от страха еле волочил ноги»². Губернатор вместе с жандармами был помещен на гауптвахту. Вслед за отречением императора началось повсеместное уничтожение символов старой власти. Губернатор и жандармы в восприятии рядовых жителей являлись олицетворением царской власти.

После февральской революции в стране установилось двоевластие. В этот период с февраля 1917 г. в Костроме шла подготовка красногвардейцев. Л.А. Виноградов пишет, что «в течение августа – октября 1917 г. отряды Красной гвардии обучались военному делу. Каждый красногвардеец, кроме умения действовать винтовкой и гранатой, должен был хорошо знать пулемет «Максим» и обучаться стрельбе из него»³. Соратница Виноградова В.Н. Богданова уточняет: «Осенью 1917 года на фабриках и заводах стали создаваться красногвардейские дружины, которые полностью находились под влиянием большевиков и являлись вооружённой опорой нашей Костромской партийной организации. Наши бывшие кружковцы почти полностью вошли в одну из таких дружин, овладевали военным делом, создали пулеметный взвод, изучали азбуку Морзе»⁴. Таким образом, в городе большевиками создавались мобильные и хорошо вооруженные отряды, состоящие преимущественно из рабочих фабрик и заводов, а также демобилизованных солдат. Проходила теоретическая и практическая подготовка бойцов. Сведения Виноградова о межреволюционном периоде дополняет большевик И.Н. Смирнов.

Впоследствии он вспоминал: узнав, что офицеры не только не сдали оружие, но и накапливают его, «мы приступили к разоружению офицерства, которое скопилось в значительном количестве в специально оборудованном для них в помещении на Ивановской улице при военном госпитале и отдельно от солдат. С нескрываемой ненавистью к нам беляки расставались с оружием и, отдавая оружие, некоторые прямо заявляли так: «Отдаю, но помните, вам долго не прожить, на телефонных столбах будите висеть». Что же касается «телефонных столбов», то посмотрим,

¹ Воспоминания о революционной деятельности товарища Гершанович Е.В. КМЗ Н/В 17447. Л. 5.

² Тетрадь с воспоминаниями Виноградова Л.А. КМЗ Н/В 17450. Л. 5–5 об.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Воспоминание Богдановой В.Н. о работе молодёжи в первые годы революции в г. Костроме. КМЗ Н/В 17486. Л. 3.

кому висеть на них»¹. Таким образом, в этот период солдаты и офицеры, сочувствующие Временному правительству или надеявшиеся на восстановление монархии, тоже накапливали оружие. Тем не менее большевики имели свои источники информации, и вовремя стремились предотвратить какие-либо выступления со стороны оппозиции.

Октябрьские события в Костроме прошли спокойно, т.к. большинство в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов принадлежало большевикам. 25 октября 1917 г. «по заданию Горкома партии отрядами Красной гвардии были заняты все бывшие правительственные здания и в первую очередь важнейшие объекты: почта, телеграф, железнодорожный вокзал, электростанция и др. Нашим отрядом было занято здание бывшего окружного суда на Сусанинской площади»². По мнению В.Н. Богдановой, «благодаря своевременной подготовке и боевой организованности костромских большевиков переход власти к рабочим в октябрьские дни в Костроме произошел без открытого вооруженного сопротивления буржуазии, без кровопролития»³. Таким образом, октябрьские события 1917 г. прошли в губернском центре без кровопролития благодаря тому, что большевики в течение февраля–октября сумели подготовить и организовать мобильные отряды Красной гвардии, которые по приказу городского комитета партии быстро заняли важнейшие объекты города.

Воспоминания костромичей – участников февральской и октябрьской революции, отложившихся в фондах Костромского музея-заповедника, являются ценным источником по революционным событиям начала XX в. Они показывают революционные потрясения 1917 г. в подробностях и в повседневных деталях. Несмотря на это, воспоминания не лишены субъективной точки зрения. Это связано с тем, что данные свидетельства написаны в 1940–1950-х гг., когда участники революции были в преклонном возрасте. Кроме того, данные источники отражают одну сторону событий, а именно – большевиков. Поэтому, воспоминания, хранящиеся в фондах Костромского музея-заповедника, при исследовании могут дополнять другие документы и материалы, хранящиеся в библиотеках и архивах.

¹ Автобиография Смирнова Ивана Николаевича. Тетрадь. 1964. КМЗ Н/В 17434. Л. 10.

² Тетрадь с воспоминаниями Виноградова Л.А. КМЗ Н/В 17450. Л. 8 об.

³ Воспоминание Богдановой В.Н. о работе молодёжи в первые годы революции в г. Костроме. КМЗ Н/В 17486. Л. 3.

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В БАШКИРИИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Султангужина Гульфия Юнировна, к.и.н.
(Институт истории, языка и литературы Уфимского
федерального исследовательского центра РАН)*

Одним из важных направлений социальной политики любого государства является охрана здоровья женщин и детей, ибо от этого зависит здоровье семьи и общества в целом. В этом отношении советская власть с первых же дней своей деятельности обращала особое внимание на охрану материнства и детства. Был разработан и принят ряд специальных мер по созданию государственной системы охраны материнства и детства.

С приходом советской власти вопросы охраны материнства и детства приобрели государственное значение и в Башкирии. В октябре 1919 г. был организован подотдел охраны материнства и младенчества при Уфимском отделе социального обеспечения. После подотдел начинает разворачивать широкую работу в области охраны материнства и детства. Благодаря отделу появились детские больницы, ясли, дома грудного ребенка, дома матери и ребенка, консультации для беременных женщин и т.д. Так, одна из газет от 13 августа 1920 г. писала, что подотделом охраны материнства и младенчества в Уфе были открыты дом ребенка, дом матери и ребенка, детские ясли, консультация для грудных детей с молочной кухней, консультация для беременных женщин¹. В отчете Уфимского губернского отдела здравоохранения (январь–ноябрь 1921 г.) к IX губернскому съезду советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов указывалось, что в июле 1921 г. в г. Уфе функционировали: 5 яслей, дом грудного ребенка, 2 консультации для грудных детей, консультация для беременных, молочная кухня, дом ребенка, дом матери и ребенка. К ноябрю 1921 г. в городе было развернуто 16 различных учреждений по охране материнства и младенчества на 551 мест. По Уфимской губернии к этому времени было организовано 30 таких учреждений на 911 мест².

Гражданская война, голод 1921–1922 гг., эпидемии явились тяжелым испытанием для населения. В Башкирии количество голодающих к июлю 1921 г. достигло 72,2% от населения (916,2 тыс.), среди них 399 тыс. де-

¹ Известия. 1920. 13 августа.

² Отчет о деятельности Уфимского Губернского Отдела Здравоохранения с 1-го января по 1-е ноября 1921 г. к IX губ. Съезду Советов РК КД. Уфа, 1921. С. 22.

тей. В Уфимской губернии голодало 65% населения, детей – почти 25%¹. Значительно ухудшилась демографическая ситуация. Убыль населения в Уфимской губернии составила 19,25%, в Малой Башкирии – 20,25%². В условиях страшного голода особенно пострадали дети. В частности, в обращении комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК представителю советского правительства при Американской администрации помощи (АРА) Пальмеру об оказании помощи голодающим детям Башкирии говорилось: «От голода и употребления суррогатов массаги гибли дети до трехлетнего возраста, холера же косила детей старшего возраста. Передан случай, когда родители приводили своих детей в местные центры, бросали их, уходя сами “куда глаза глядят” или возвращаясь домой “тихо умирать”, покаяясь неизбежной смерти...»³. В целом эпидемии, голод нанесли страшный урон населению республики. Массовый голод вызвал также рост детской беспризорности и безнадзорности. Рост числа детских домов прямо следовал за голодом, так в апреле 1921 г. их было в Уфимской губернии 63, в августе уже 320, а в феврале насчитывалось 355 детских домов, где проживало 24 568 детей⁴. К январю 1922 г. в Уфе ежедневно с улиц подбирали от 150 до 250 детей. К началу 1922 г. в Башкирии имелось свыше 200 тыс. беспризорников, что составляло 17% от общей численности населения⁵.

Учитывая тяжелое положение, советская власть принимает специальные меры для оказания помощи детям и преодоления детской беспризорности. В этот период была создана система государственных и общественных организаций по социальной защите детства. Особого внимания заслуживает деятельность областной детской комиссии по улучшению жизни детей. В октябре 1922 г. на заседании Президиума БЦИК Уполномоченным по улучшению жизни детей был назначен Я.Р. Савельев⁶.

¹ Сулейманова Р.Н. «Спасем наших детей!»: о положении детей Башкортостана в годы 1921–1922 годов // История в лицах и личность в истории / Вторые международные Усмановские чтения. Уфа, 2013. С. 199.

² Сулейманова Р.Н. Решение детской беспризорности в БАССР в 1920-е гг. (на материалах архивов) // Археография Южного Урала: Архивные ресурсы по изучению истории государственного строительства и административно-территориального устройства России / XII Всероссийская научно-практическая конференция. Уфа, 2012. С. 169.

³ Детская беспризорность на Южном Урале в 1920-е годы: Сборник документов и материалов / отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2013. С. 46.

⁴ НА РБ. Ф. Р. 801. Оп. 1. Д. 619. Л. 24–32.

⁵ Сулейманова Р.Н. «Царь – голод» и дети: положение детского населения Автономной Башкирской Республики в 1921–1922 годы // Приволжский научный вестник. Ижевск, 2014. № 5 (33). С. 89.

⁶ Сулейманова Р.Н. Решение детской беспризорности в БАССР в 1920-е гг. (на материалах архивов) // Археография Южного Урала: Архивные ресурсы по изучению истории государственного строительства и административно-территориального устройства России / XII Всероссийская научно-практическая конференция. Уфа, 2012. С. 171.

В условиях голода приоритетными направлениями областной детской комиссии стали эвакуация детей, их устройство в детские дома, обеспечение детей продуктами питания и необходимыми вещами. В октябре 1921 г. на заседании Деткомиссии ВЦИК с представителями Башкирии было решено вывезти не менее 10 тыс. детей в благоприятные регионы¹.

В улучшении ситуации в области охраны материнства и младенчества немалой была заслуга работников женских организаций, активисток-женщин. Женотделы республики уделяли значительное внимание предоставлению возможности улучшению положения женщин-матерей, созданию наиболее благоприятных условий для воспитания детей, сочетания материнства с активным участием женщин в трудовой и общественной деятельности.

Женотделами регулярно проводились «недельники» и «месячники» помощи беспризорным детям. Так, с 17 по 23 октября 1920 г. женотделом Белебеевского уезда была проведена «Неделя ребенка». В пользу детей было собрано более миллиона рублей, 200 пудов зерна, много детских вещей, игрушек. В эту неделю все дети из нуждающихся семей получили бесплатные обеды и ужины². Заведующая женотделом Стерлитамакского укома и Башкирского обкома РКП(б) В.С. Меркурьева вспоминала: «Весной 1921 г. мы провели «Неделю ребенка». Собрали много вещей, устроили лотерею, вырученные деньги внесли в фонд охраны материнства и младенчества»³. С 27 по 29 марта 1921 г. женотделом Белебеевского уезда был проведен трехдневник по оборудованию детских домов. Все эти три дня производились ремонты детских домов и все мастерские работали исключительно для них⁴. В «Неделе ребенка» уделялось внимание на широкую агитацию по привлечению женщин к работе по охране материнства и детства, борьбе с детской беспризорностью, социалистическому воспитанию детей. Так, в г. Уфе в 1920 г. в «Неделю ребенка» было организовано 9 митингов и лекции на темы: «Социальное воспитание детей», «Охрана детства», «Охрана здоровья детей», «Дошкольное воспитание», «Единая трудовая школа», «Борьба с детской беспризорностью», «Общественное и семейное воспитание», «Охрана материнства и младенчества», «Народное образование и социализм»⁵.

Таким образом, становление советской государственной системы охраны материнства и детства пришлось на годы Гражданской войны. В эти сложные годы были созданы специальные учреждения по защите материнства и детства. Особое внимание уделялось преодолению детской беспризорности и безнадзорности.

¹ Сулейманова Р.Н. «Царь – голод» и дети: положение детского населения Автономной Башкирской Республики в 1921–1922 годы // Приволжский научный вестник. Ижевск, 2014. № 5 (33). С. 90.

² НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 245. Л. 50.

³ Женщины Башкирии. Уфа, 1968. С. 69.

⁴ Детская беспризорность на Южном Урале в 1920-е годы: Сборник документов и материалов / отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2013. С. 33.

⁵ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 229. Л. 11 об.

**«ГДЕ ВЫ ТЕПЕРЬ?...»: ОБРАЗ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ
В СОВЕТСКИХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКАХ
КОНЦА 1920 – НАЧАЛА 1930-х гг.**

*Танцеева Анастасия Владимировна, к.и.н.
(Северо-Кавказский федеральный университет)*

Гражданская война в России явилась событием, не только отложившимся в исторической памяти, но и стала важной темой в процессе конструирования советской идентичности, используемой советской властью. Закономерными стали оценочные суждения хода и окончания Гражданской войны в советской прессе конца 1920-х – начала 1930-х гг. В журнальной периодике образ красноармейца-победителя четко противопоставлялся образу белогвардейца, наделяемого негативными чертами и характеристиками. Образный ряд врагов, внутренних и внешних, будет конструироваться, уменьшаться и возрастать в журналах в зависимости от дискурса власти и условий исторического периода.

Советская печать на рубеже 1920–1930-х гг. была представлена массовыми литературно-художественными и общественно-политическими еженедельниками, такими как «Красная Нива» и «Огонек». Журнал «Красная нива» стал выходить в 1923 г. при издательстве «Известия» ЦИК СССР и ВЦИК как приложение к газете «Известия» под редакцией А.В. Луначарского. Журнал «Огонек», воссозданный на новой основе в 1923 г. как частное издание, выходил под редакцией М.Е. Кольцова. В 1926 г. он стал крупным акционерным обществом «Огонек», выпускавшим массовую периодику. Несмотря на то что журналы отличались по форме и условиям возникновения, их информационный контент во многом был схожим. Данные еженедельники имели схожие тематические линии, использовали пропагандистские формы подачи материала (фотоочерк, фотозаметка т.д.), применяли одинаковые социальные маркеры («красный», «пролетарский» и т.д.). Важным компонентом еженедельников являлась фотография. Она придавала достоверность публикации и была ясна даже малограмотному читателю. Тема Гражданской войны нашла свое отражения в еженедельниках «Красная Нива» и «Огонек» при раскрытии образа власти, образа врага, образа Красной армии.

Победа Красной армии в Гражданской войне стала важным аргументом, представляемым советской печатью в репрезентации образа революции и советской власти. Первый юбилей революции в 1927 г. получил широкое освещение в печати. При транслировании образа революции и ее героев, напрямую затрагивалась тема врагов периода Гражданской

войны. Первый юбилей революции стал также и временем подведения итогов развития Советского государства за 10 лет и поводом показать, что стало с теми, кто выступал против большевиков. Реализовывалось это с помощью образов, которые конструировались и транслировались с помощью печати.

В журнале «Огонек» № 46 за 1927 г. был опубликован очерк Николая Погодина «Где вы теперь?», в котором автор рассуждал о судьбах руководителей контрреволюционных сил, которых «сокрушительная сила революции выплеснула из великой страны» – о Керенском, Деникине, Юдине, Врангеле, Семенове и других¹. Обращаясь в очерке к А.И. Деникину, автор пишет: «Что запишите вы сегодня ночью перед сном в свои великолепные мемуары?... Зияющая пустота... Изгнанник... Что же написать забытому даже близкими, осмеянному даже теми, кто некогда раболепствовал?... Скучно... Жаль? А нам весело, что хочется пропеть, подражая актеру Вертинскому: Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?»². По ходу очерка автор обращается к другим лидерам Белого движения: «Где вы теперь?... генерал Юденич, поднявший зарево угрозы с севера. И вы, пышный как скоморох мольеровский комедий, гетман Украины, маэстро опереточных авантюр – Скоропадский...»³ Автор ярко и драматично описывает их положение в эмиграции после революции, заканчивая очерк посланием: «Сокрушительная сила революции выплеснула их из великой страны, полетели они скитаться по миру новым племенем «белоэмигрантов» и тоскуют в чужих углах у старого тряпья... Мы живем, мы построили могучее рабоче-крестьянское государство. Мы скопили силу неизмеримо большую и грозную, чем та, которая была у нас десять лет назад. Мы помним все – ваши пули, ваши пожары, ваши маузеры и шашки, ваши пушки, газы, танки и вот теперь просто, весело и спокойно спрашиваем у вас: Где вы теперь?»⁴ В очерке противопоставляется «сильная и волевая власть» большевиков «слабой и трусливой власти» контрреволюции, которая с позором покинула Россию и обрела себя на тяжелую эмиграцию, в то время как пролетарская революция положила начало новому пути – пути строительства социализма. В очерке важен посыл, ориентированный на будущее – на строительство сильного пролетарского государства победителей, готовых и впредь защитить свое государство.

Необходимо отметить, что образ белогвардейца в журналах подвергался конструированию в зависимости от задач политического периода и всегда выступал составной частью определенного образа врага. Так, упоминания о белогвардейцах возрастают в 1927 г., когда перед страной вновь встает военная угроза. В этот период в «Огоньке» публикуются очерки

¹ Погодин Н. Где вы теперь? // Огонек. 1927. № 46. С. 10.

² Там же. С. 11.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Вызов Советскому миролюбию»¹, «Новой интервенции не допустим!»² и т.д.

В материалах, посвященных 10-летию юбилею Красной армии, образ белогвардейца противопоставляется образу красноармейца. Так, в фотозаметке Я. Штейнберга «9 лет Красной армии» показана история создания Красной армии в начале 1918 г. через образ сильного, преданного, мужественного красноармейца, защитника новой власти³. Этому же был посвящен и очерк В. Бонч-Бруевича «Как строилась Красная армия»⁴. Фотоколлаж М. Хана «Красная армия – меч в руках трудящихся», помещенный на два разворота в № 38 журнала «Огонек» за 1929 г., создавал образ Красной армии через героическое прошлое и «славное настоящее» армии⁵. В статье начальника Военной Академии РККА Р. Эйдемана «Двенадцать лет», напечатанной в журнале «Красная Нива», рассказывалось о формировании Первой конной армии, о героическом периоде борьбы с белоказаками в июне 1918 г. в Сальских степях, о борьбе конного отряда Буденного за Царицын и т.д.⁶ Статья заканчивается посылом готовности борьбы с теми, кто выступит против Советского государства.

Этой же теме посвящены и воспоминания В.И. Берлова «Как был взят Ростов»⁷ в январе 1920 г., напечатанные в журнале «Красная Нива» в № 6 за 1930 г. Акцент в воспоминаниях сделан на единении народа и советской власти в борьбе с белогвардейцами: «белый террор в тылу среди сел и станиц ускорил неминуемую гибель белых. Не только на фронте крестьяне не хотели воевать с красными войсками, но и в тылу к этому времени они отказались дальше переносить произвол белых бандитов. Крестьянин бунтовал, восставал, создавал партизанские отряды в тылу белых, чем немало способствовал нашим успехам и окончательному разгрому белогвардейцев»⁸. Это единение большевиков и народа в борьбе с белогвардейцами, показанное в опубликованном материале, служило важной задачей в процессе репрезентации образа советской власти, показывая ее как героическую, революционную и самое главное – легитимную. Образ героя красноармейца и образ врага белогвардейца с самого начала был вписан в советский нарратив, и стал одной из важнейших мифотворческих и пропагандистских практик советской власти. Данные образы были важными составными частями образа власти и служили еще одним средством в процессе конструирования советской идентичности в рассматриваемый исторический период.

¹ Вызов Советскому миролюбию // Огонек. 1929. № 29. С. 1.

² *Маловажный Н.* Новой интервенции не допустим! // Огонек. 1927. № 37. С. 1.

³ *Штейнберг Я.* «9 лет Красной армии» // Огонек. 1927. № 8. С. 6.

⁴ *Бонч-Бруевич В.* Как строилась Красная армия // Огонек. 1927. № 9. С. 5–6.

⁵ *Хан М.* Красная армия-меч в руках трудящихся // Огонек. 1929. № 38. С. 8–9.

⁶ *Эйдеман Р.* Двенадцать лет // Красная Нива. 1930. № 6. С. 2.

⁷ *Берлов В.И.* Как был взят Ростов // Красная Нива. 1930. № 6. С. 4–5.

⁸ Там же. С. 4–5.

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1945 г.

*Тарасов Станислав Витальевич
(Тверской государственный университет)*

История советско-японской войны в настоящее время заслуживает дальнейшего изучения. Для этого необходимо обратиться к теме этнопсихологии военнослужащих Квантунской армии, игравшей одну из определяющих ролей в их повседневности.

Данная этнопсихология формировалась изолированно от внешнего мира, потому представляет собой крайне уникальный феномен, обусловливавший не менее оригинальные методы ведения войны.

Фундаментом японской этнопсихологии являлась культура стыда, включавшая наличие четкой структуры обязанностей и долгов каждого японца. Имелась и градация данных обязанностей от приобретенных, исполнимых в установленные сроки, и до исполняемых пожизненно. Именно эта система была одним из весомых факторов, приводившим к полному отказу от капитуляции, и сопротивлению до последнего солдата в любой ситуации. Основной долг военнослужащих был естественно перед императором – живым богом на земле. По словам военнопленных Квантунской армии, только его указ о прекращении военных действий, снял с них выполнение этого долга и позволил им спокойно сдаться с чистой совестью¹.

Также одним из первейших постулатов, составлявшим этнопсихологию, является строжайшая иерархия, где каждый ее член обязан занимать лишь положенное ему место, и, находясь на нем беспрекословно и с рвением подчиняться вышестоящим, а к карьерному росту относились с крайним неодобрением и подозрением. Она проявлялась во всех сторонах японской жизни, а особенно в армии, где безусловное господство вышестоящих над нижестоящими достигает апогея.

Важную роль играл безусловно и коллективистский менталитет, рано внедрявшийся в сознание каждого японца, Он был направлен на подавление в каждом его члене всякой индивидуальности, которая к окончанию

¹ Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО). Ф. 282. Оп. 7164. Д. 1. Л. 104.

школы почти всегда стиралась полностью. В период войны это давало такой эффект, что индивид был готов к растворению в коллективе, и верев в любую пропаганду, а также и к слепому подчинению вышестоящим. Для армии это были фундаментальные качества, доведившиеся ею практически до идеала, и всячески поддерживавшиеся, например, выдачей каждому солдату и офицеру личного японского флага, на котором расписывались все сослуживцы, прочно привязывая его, таким образом, к коллективу воинской части¹.

Процесс подавления выражался в множестве унижительных испытаний, которым подвергали старшие дети младших, причиняя тем самым стыд и подвергая их позору, а к этим качествам японцы относились с крайней щепетильностью. В армии эта система дублируется через бесконечные побои, особенно солдат-новобранцев, на которых за самые малейшие провинности вымещали злость все, включая старших товарищей². В будущем это также станет важным фактором, обуславливавшим прочный националистический ура-патриотический дух, крайний фанатизм и бесчеловечную жестокость японских солдат, т.к. они наконец смогут выплеснуть тщательно копившуюся в течении всей жизни ненависть к издававшимся над ними высшим чинам на всех своих противниках³.

Немалую роль в формировании этнопсихологии сыграли философские концепции. Их основа – презрение к материальному, а соответственно абсолютный приоритет духовного. Война с Союзниками представлялась не чем иным, как великой битвой нетленного «японского духа» против нечестивой материи, созданной Западом, которую следовало разрушить до основания, а все трудности, обрушившиеся на империю, по мнению военнослужащих лишь еще больше укрепляли его⁴. Смерть также представлялась вовсе не трагедией, а, наоборот, величайшей победой духа над материальным телом. Потому, в войне с СССР военнослужащие также понимали, что Япония будет уничтожена, но все равно были полны решимости драться против русских до последнего человека, как того требовал «японский дух»⁵.

Проникнута этнопсихологическими установками и японская литература, вслед за философией заявляющая о господстве духа над материей, и призывающая к исполнению всех форм возложенных на японцев моральных долговых обязательств⁶. Вся она также учила поступать в соответ-

¹ *Пронин А.О., Москвитин И.А.* К вопросу об особенностях идеологического воспитания в вооруженных силах императорской Японии (1868–1945) // Вестник НГУ. История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 4: Востоковедение. С. 69–80.

² ЦАМО. Ф. 294. Оп. 6980. Д. 84. Л. 243.

³ *Бенедикт Р.* Хризантема и меч: модели японской культуры. М., 2004 (1-е изд. 1946). С. 195.

⁴ Там же. С. 21–22.

⁵ ЦАМО. Ф. 282. Оп. 7164. Д. 1. Л. 167.

⁶ *Бенедикт Р.* Указ. соч. С. 141–145.

ствии с самурайской воинской честью, и, безусловно, оказывала влияние на сознание военнослужащих.

Религиозные факторы являлись основными из составлявших этнопсихологию, т.к. японские представления о жизни и смерти полностью отличаются от таковых у других народов мира. Обе национальные религии – синтоизм и японский вариант буддизма открыто провозглашали, что божеством может стать абсолютно каждый человек, вне зависимости от любых факторов¹.

Так как в империи существовала свобода вероисповедания, что было закреплено в конституции², большинство японцев являлись адептами обеих религий одновременно. Соответственно, наложение японо-буддистских догм об автоматическом посмертном обожествлении на аналогичные синтоистские о том, что можно получить и еще более высокий божественный статус покровителя Японии, погибнув на войне, в сумме с аналогичными постулатами кодекса Бусидо давали эффект абсолютно-го и фанатичного стремления к смерти, причем желательно геройской, и всяческим поискам ее³. В ходе советско-японской войны это проявилось в широком и массовом применении всех видов воздушных и наземных смертников, и обречении себя солдатами и офицерами Квантунской армии на верную гибель, например, через приковывание себя к оружию и гибели вместе с ним, т.к. ввиду наличия на нем императорской печати оно представлялось божьим даром, покинуть который не представлялось возможным⁴.

СМИ и пропаганда также влияли на этнопсихологию, т.к. все их формы всячески восхваляли самопожертвование, и отдачу долгов посредством него. Особенно хорошо это видно по военным фильмам. Они не имеют счастливого конца, а их герои, отдав всего себя, погибнув или потеряв здоровье, полностью оплатили одну из форм своего морального долга – «он», а значит этого было более чем достаточно для пробуждения сильнейших военно-патриотических чувств зрителей⁵. В армии эти картины разумеется также широко демонстрировались в кинотеатрах⁶.

¹ Там же. С. 127–129.

² Конституция Японской империи 11 февраля 1889 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=551> (дата обращения: 25.03.2017).

³ *Догерти Л.Дж.* Японская пехота 1941–1945: Подготовка, тактика, вооружение / пер. с англ. А.И. Козлова. М., 2005. С. 12–13.

⁴ Рассказы об оружии: японское огнестрельное оружие Второй Мировой войны. 1999. Фильм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9n3D7IMoMhQ&t=1s> (дата обращения: 5.06.2017).

⁵ *Бенедикт Р.* Указ. соч. С. 136–137.

⁶ Великая война на море 1942. Режиссёр: К. Ямамото. URL: <http://kinofilms.tv/film/vojna-na-more-ot-gavajskix-ostrovov-do-malaji/66513> (дата обращения: 10.07.2016).

Фольклор также насквозь был пропитан этнопсихологией. Для примера можно привести некоторые цитаты из японских песен: «Если родился японским парнем – пади как цветок сакуры на передовой»¹, «Ты и я – два сакуры цветка. Расцвели на ветке и опали. Не живут до осени цветы. Мы с тобою оба это знали»², или «Я не собираюсь возвращаться домой»³. Что примечательно, данные песни поднимали японский боевой дух, в то время как в любой другой армии подобные произведения привели бы к его полному упадку и массовому дезертирству.

Безусловно, влиял на этнопсихологическую составляющую и строжайший военно-полицейский надзор, производимый военной полицией кемпейтай, позволяющий немедленно репрессировать в японской армии все неблагонадежные элементы, в том числе и по критерию недостаточного соответствия не только идеологическим, но и этнопсихологическим установкам, показывая тем самым пример другим подданным еще ревностнее приводить себя к полному совпадению с ними⁴.

Итак, изучив влияние этнопсихологии на повседневность военнослужащих Квантунской армии? можно сделать выводы о том, что все ее элементы, в сочетании с пропагандой, и жесточайшим военно-полицейским надзором, оказывали на их сознание настолько жесткий прессинг, что полностью не соответствовать им было попросту невозможно, а также, что влияние этнопсихологии на повседневные практики военнослужащих было крайне унифицирующим ввиду вытекающей из нее и глубоко внедренной в сознание крайне жесткой автоматизации и шаблонности любых действий, без сомнений и рассуждений, и, наконец, о том, что для японской армии это давало преимущества самоотверженного, и полного бесстрашия перед врагом, и как следствие мощнейший психологический эффект полного морального угнетения врага из-за массовой, и, на взгляд европейцев, абсолютно бессмысленной гибели целых огромных подразделений, в полном составе поднимавшихся вместо капитуляции в самоубийственные лобовые банзай-атаки, причем, в основном, только с холодным оружием даже против тотально превосходящего их технически противника.

¹ Хохей но хонрё. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MvDPYg7wxvc> (дата обращения: 10.07.2016).

² Доки но сакура. URL: http://www.nihongunka.com/songs/douki_no_sakura (дата обращения: 10.07.2016).

³ Юки но сингун. URL: http://www.nihongunka.com/songs/yuki_no_shingun#footnote4_f0jrxsk (дата обращения: 10.07.2016).

⁴ *Джоуэйтт Ф., Эндрю С.* Японская армия. 1942–1945. М., 2003. С. 23–26.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ВИДЫ НОТАРИАТА В 1917–1922 гг. НА ТЕРРИТОРИЯХ БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Тарасютина Евгения Валерьевна
(Государственный академический университет
гуманитарных наук)

По данной теме существует несколько работ методологически-обобщенного характера, которые использовались нами, это работы Дональда Блэка¹, ряд статей в сборнике «Право и правоприменение»², в частности, статьи К. Сэррона и Ф. Мангера³, а также П. Эвик и С. Силби⁴. Пожалуй, к этой группе можно отнести и статью О.Б. Вахромеевой⁵. Исследования по истории Российского нотариата хотя и существуют, но являются довольно эпизодическими. Это и упомянутая выше статья О.Б. Вахромеевой и диссертации юристов И.А. Комаревцевой⁶ и Г.Н. Загорского⁷, а также Н.И. Комарова⁸. Также существует статья Н.Ю. Поповой⁹ о проблемах предреволюционного нотариата.

¹ *Black D.* The Behavior of Law. Academic Press, 1976.

² Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / под ред. Э.Л. Панеях. М., 2014.

³ *Сэррон К., Мангер Ф.* Право и неравенство: раса, гендер... и разумеется класс // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М., 2014.

⁴ *Силби С.С., Эвик П.* Обыкновенное право: истории из повседневной жизни. Часть третья // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М., 2014. С. 221–245.

⁵ *Вахромеева О.Б.* Практика наследования для женщин в дореволюционной России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–1.

⁶ *Комаревцева И.А.* Эволюция формы завещания в древнерусском и российском праве X–XXI в.в. Ставрополь, 2005.

⁷ *Загорский Г.Н.* Правовая политика древнерусского и российского государства в сфере регламентации порядка оформления завещания. Ставрополь, 2012.

⁸ *Комаров Н.И.* Нотариат в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: историко-правовое исследование. М., 2004.

⁹ *Попова Н.Ю.* Нотариат и Вехи российской государственности // Нотариальный вестник. № 12. 2012.

Наиболее значимая научная работа по межвоенному нотариату была написана советским правоведом К.С. Юдельсоном¹ в 1969 г. Вышеупомянутые Комаревцева и Загорский, хотя и затрагивают интересующий нас период советской истории, но затрагивают его, фактологически следуя работе К.С. Юдельсона.

Довоенный нотариат также затрагивается в этих диссертациях, при этом одним из тезисов является то, что после революции и до середины 1920-х гг. нотариата в Советской России не было. Довольно полно описана работа Самарского нотариата во времена Гражданской войны в монографии П.С. Кабытова и М.В. Черкасовой². Также, существуют статьи А.В. Крыжан³. Объектом исследования в этих статьях в большей мере становятся адвокатура и суды, а нотариат упоминается мельком. Вместе с тем, эти статьи, а также монография Питера Соломона⁴ в наибольшей степени помогают понять, как функционировал Наркомюст и подведомственный ему нотариат.

Уже с февраля 1917 г. становится очевидным, что на территории бывшей Российской империи назревает правовой коллапс, т.к. старое законодательство хоть еще и функционирует, но становится все более очевидно, что это не надолго. Часть территорий довольно быстро откалываются и начинают образовываться национальные государства, а остальная часть бывшей империи оказывается очень разрознена с политической и, как следствие, правовой точки зрения. Самое интересное, что как на территориях менялась власть, так же и менялись границы приемлемого законодательства. Еще сложнее было простым гражданам, особенно если они проживали на территориях, которые постоянно переходили в подчинение то к одним, то к другим. Одним из самых острых был вопрос, связанный с имущественными правами. А подтверждение этих прав входило в первую очередь в ведение нотариусов. Таким образом, нотариус мог стать довольно неудобной фигурой.

С приходом к власти большевиков, очевидным было то, что законодательная база по поводу нотариусов изменится. После октября 1917 г. кардинально стали меняться понятия собственности, неочевидным был вопрос кто, в каком объеме может владеть имуществом и кому его передавать, или же все должно принадлежать государству и партии. Так появился и декрет касательно нотариата – Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. № 2. Это декрет упразднил, утверждал, менял очень многое, но

¹ Юдельсон К.С. Развитие института советского нотариата. Саратов, 1969.

² Кабытов П.С., Черкасова М.В. Золотые страницы Самарского нотариата. Самара, 2013.

³ Крыжан А.В. Бюрократизм и злоупотребления в местных советских учреждениях юстиции (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Новый Исторический вестник. 2014. № 42; Крыжан А.В. Финансирование и материальное обеспечение местных органов и учреждений юстиции Советской России в 1918–1930 гг. // Экономический журнал. 2015. № 2 (38).

⁴ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008.

статья, касающаяся нотариата, была написана в довольно традиционалистском духе (т.е. где есть нотариусы, то они работают, и занимаются векселями и заемными письмами, а где их нет, это делает кто-то другой, допустим – местные суды)¹.

Таким образом, говорить о временной, даже чисто законодательной кончине нотариата все-таки не совсем корректно. Хотя, безусловно, по старому в этот промежуток времени, нотариат не работал, а по его функционированию в эти годы вопросов больше, чем ответов.

До 1918 г. казалось, что нотариат не претерпел каких-то значительных изменений. Сложно было не завещать имущество, а доказать, что ты можешь завещать, и что тебе есть что завещать. В декабре 1917 г. из гражданского оборота была изъята городская недвижимость, а в августе 1918 г. она была передана в собственность государства. В 1918 г. были запрещены покупка, продажа и аренда торговых и промышленных предприятий, были аннулированы государственные долги². После теоретической отмены нотариата весной 1918 г. в личных дневниках людей, живших в то время, встречаются следующие вещи: так, Окунев Никита, служащий пароходства, в записи за 14 апреля 1918 г. пишет: «Упразднены существующие в Москве должности нотариусов, конторы их закрыты, все оборудование конфисковано. Взамен их учреждены «нотариальные отделы»³. При этом он отмечает, что идет шквал новых директив про отмену наследования. Похожие записи есть и в другом дневнике: «В прошлую пятницу погиб дядя жены, Д.К. Александров-Дольник. Он был арестован 3 недели назад, вместе с другими нотариусами, подозреваемыми, что кто-[то] из них из-под большевиков продал Метрополь»⁴. Вполне возможно, это была или байка или слух или просто придуманный повод, чтобы отправить нотариусов кого в заключение, а кого потом и на расстрел. Других подтверждений, кроме этой записи в дневнике, о продаже Метрополя мы больше нигде не встречали. Юрий Владимирович Готье отмечает, что 1919 г. продолжал быть годом террора для дореволюционных нотариусов. Хотя, с другой стороны, с февраля 1919 г. по мере необходимости начинают учреждаться нотариальные столы. В городах они образовывались при судебно-следственных подотделах губернских отделов юстиции, а в уездах – при местных народных судах. А в 1920 г. в миноюсте были планы организовывать нотариальные столы при нарсудах⁵. Есть записи В. Су-

¹ Декрет о суде № 2 // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ДЕКРЕТ/o_sude2.htm (дата обращения: 17.05.2017).

² *Попова Н.Ю.* Нотариат и Вехи российской государственности // Нотариальный вестник. 2012. № 12. С. 37–48.

³ Запись за 1 апреля 1918 г. // *Окунев Н.П.* Дневник москвича, 1917–1924. В 2 кн. Кн. 1. М., 1997.

⁴ *Готье Ю.В.* Запись за 30 сентября 1919 года // Мои заметки / Подготовка к изд. Т. Эммонс, С. Утехин. М., 1997.

⁵ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 4. Д. 44.

дейкиной за 9 февраля 1918 г. и М. Меньшикова за 21 марта 1918 г., где упоминается вскользь, что авторы этих дневников ходили к нотариусам¹. Таким образом, видно, что до окончательного запрета нотариусов, они функционировали и в Крыму, где жила Судейкина в 1918 г., и на Валдае, где жил в то время Меньшиков. В августе 1918 г. Слободчиков Александр Яковлевич, находясь в Самаре, в своем дневнике упоминает нотариуса, который работал и на большевиков, а на момент дневниковой записи обращался в кругах первого антибольшевистского правительства в Самаре². Нельзя сказать, что там царил теплая и дружеская обстановка, но данный нотариус спокойно этот момент пережил и даже определенное время профессионально функционировал³. В своих дневниковых записях, графиня Ольга Сиверс, проживающая на тот момент в Полтавской губернии, на протяжении 1918 и 1919 гг. постоянно упоминает походы к нотариусу⁴. Причем все походы описываются на фоне описания смены власти как на Украине, так и конкретно в городе Гадяче. При большевиках походы Ольги Сиверс спокойно продолжались, хотя беспокоиться о своем имуществе она уже начала. Также в 1920–1921 гг. походы к нотариусам упоминаются у М.В. Нечкиной⁵ и С.Б. Веселовского⁶, проживающих в Казани и Москве соответственно, хотя в случае Веселовского не очень очевидно, насколько это были свободные походы, а не тайные. Скорее всего, репрессии против нотариусов были точечные и задевали каких-то конкретных личностей, вступивших в конфликт с советской властью. Советская власть же ставила задачу не избавиться от нотариата, а постепенно заменить старые кадры на новые.

Во время Гражданской войны функционировали и старые образцы нотариусов и новые, причем зачастую это было на территории подконтрольной большевикам. Обычные люди в отношениях, где возможно было не включать властные структуры, скорее старались пользоваться услугами частных нотариусов, а в случаях, когда подпись нотариуса нужна была в делах, связанных с обращениями во властные структуры, то люди прибегали к нотариальным столам, учрежденным советской властью. Отдельным вопросом стояла проблема признания каждого конкретного нотариуса внутри своего профессионального сообщества.

¹ *Судейкина В.* Дневник. Петроград, Крым, Тифлис / публ., вступ. и комм. И.А. Меньшова. М., 2006; Дневник М.О. Меньшикова // Прожито. URL: <http://prozhito.org/persons/47> (дата обращения: 17.05.2017).

² *Слободчиков А.Я.* Запись за 11 августа 1918 года // Прожито. URL: <http://prozhito.org/person/941> (дата обращения: 28.02.2018).

³ *Кабытов П.С., Черкасова М.В.* Указ. соч. Самара, 2013. С. 167–170.

⁴ *Сиверс О.В.* Изгнанные, но не сломленные: Дневник графини Ольги Васильевны Сиверс, 1918–1920. М., 2015.

⁵ *Нечкина М.В.* Запись за 31 декабря 1921 год // Прожито. URL: <http://prozhito.org/person/223> (дата обращения: 28.02.2018).

⁶ *Веселовский С.Б.* Запись за 29 октября 1922 года // Прожито. URL: <http://prozhito.org/person/629> (дата обращения: 28.02.2018).

УГОЛОВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.: ДВА ПОЛЮСА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Тумаков Денис Васильевич, к.и.н.
(Ярославский государственный медицинский университет
Минздрава России)*

В военные годы уголовная преступность в Советском Союзе возросла в несколько раз, а судимость – в 2,5–3 раза¹. По неполным официальным данным, за этот период граждане совершили до 2,9 млн преступлений². При этом среди преступников можно условно выделить два полюса.

Первым из них стали профессиональные преступники. Приведем некоторые примеры подобного рода. В ноябре 1943 г. в Ярославле была вскрыта воровская группа из 4-х горожан в возрасте от 15 до 17 лет. В течение осени эти люди совершили четыре кражи со склада Яроблторга и из квартир, в результате которых похитили различные вещи, карточки и деньги. Часть похищенного была изъята стражами порядка. Также вору сознались в подготовке краж со склада Водтрансторга и из магазина отдела рабочего снабжения (ОРС) завода № 599, на котором почти все они и работали³.

В следующем месяце при помощи негласной агентуры сотрудники 6-го городского отделения милиции (ГОМ) раскрыли деятельность еще двух воровских групп, состоявших из подростков 14–16 лет. Среди них были как рабочие автозавода и ученики ремесленного училища № 2, так и нигде не учившиеся и не работавшие маргиналы. Преступники совершали кражи в жилых бараках на Тутаевском шоссе, а также в прачечной артели «Новый быт» и магазине №7 Военторга. Свою вину они также признали, похищенные вещи были частично возвращены потерпевшим⁴.

В некоторых случаях преступления в Ярославле и его окрестностях совершали жители периферии. Так, в октябре 1943 г. от секретного осведомителя Истова милиционеры 5-го ГОМ узнали о появлении в Ярославле преступной группы из 3-х человек – ранее судимого за кражи В.В. Ан-

¹ Миронов Б. Россия уголовная // Родина. 2002. № 1. С. 56.

² На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. М., 2010. С. 175.

³ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 219. Л. 70.

⁴ ГАЯО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 219. Л. 81 об.

дрианова, а также его поделщиков Гарифуллина и Аршинова. Эти люди приходили в город для совершения преступлений. За молодыми людьми было установлено наружное наблюдение, позднее они оказались задержаны милицией. На следствии подростки признались в совершении ряда краж и указали на других преступников¹. Месяцем позднее на территории 5-го ГОМ была задержана группа из пяти несовершеннолетних жителей совхоза «Красный Бор», ограбивших в лесу близ села Яковлевское жительницу деревни Шарино А.С. Королёву². Эти примеры далеко не единичны.

Другим важным полюсом криминального мира военной эпохи становились т.н. «преступники поневоле», т.е. обычные советские граждане, вынужденные совершать преступления в силу крайней бедности. И предвоенный Советский Союз был в целом небогатым государством, периодически страдавшим от жуткого голода. Средняя продолжительность жизни в стране в 1940 г. не превышала 38,6 лет у мужчин и 43,9 лет у женщин³. При этом в условиях длительной тотальной войны уровень жизни подавляющего большинства населения СССР упал до крайне низкой отметки – личное потребление продовольствия сократилось на 40% в сравнении с довоенной эпохой, а государственный паёк мог обеспечить лишь от трети до половины реальной потребности человека в калориях и белках⁴.

В этих условиях некоторые рабочие промышленных предприятий были вынуждены совершать кражи на месте работы. Этому нередко способствовало полное отсутствие охраны на складах и в магазинах при предприятиях. Как сообщал местному партийно-советскому начальству 5 февраля 1942 г. начальник Гаврилов-Ямского районного отделения НКВД лейтенант госбезопасности Соколов, лишь за два месяца и только на 8 объектах за хищения были арестованы не менее 28 человек – рабочих и сторожей⁵. В совершенно секретном донесении постоянно употреблялись фразы типа «с хлебозавода рабочие систематически воруют хлеб», нередко предназначенный для детских учреждений. Иногда работники предприятий пытались обогатиться посредством спекуляции – например, так поступала привлеченная к уголовной ответственности экспедитор хлебокомбината в Гаврилов-Яме Н.С. Мошкова⁶.

¹ ГАЯО. Ф. Р-2223. Оп. 1. Д. 218. Л. 24 об.

² Там же. Л. 33 об.

³ *Будницкий О.В., Зеленина Г.С.* Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 7.

⁴ *Фильцер Д.* Смертность от голода в промышленных районах тыла в годы второй мировой войны // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М., 2014. С. 203; *Голдман В.* Не хлебом единым: продовольствие, рабочие и государство // Там же. С. 228.

⁵ Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНІЯО). Ф. 242. Оп. 1п. Д. 843. Л. 7.

⁶ ЦДНІЯО. Ф. 242. Оп. 1п. Д. 842. Л. 44.

В документах прокуратуры Гаврилов-Ямского района тоже содержатся утверждения об участии краж с государственных складов, баз, буфетов и из магазинов. Причиной местный прокурор Новиков считал отсутствие сторожей и плохие замки. Например, на местном колхозном рынке на 10 различных магазинов и складов приходился всего один сторож. В результате жители взломали замок и похитили свыше 40 кг сливочного масла. С неохраняемого склада на стадионе были похищены спортивный инвентарь и другое имущество на сумму более 7 тысяч рублей. Разграблению подвергались также государственные учреждения и колхозные огороды. Чтобы сбить волну краж, Новиков просил исполком райсовета ввести за преступления такого рода штраф на сумму до 100 рублей или наказание в виде 1 месяца исправительно-трудовых работ. Власти распорядились усилить охрану и привести в порядок все замки, а также предупредили хозяйственных работников о персональной ответственности за охрану их точек, пригрозив снятием с должностей и преданием суду за хищения¹. Аналогичные примеры можно привести и по остальным районам Ярославской области тех лет.

Некоторые из схваченных милицией «уголовно-преступных элементов» открыто подрывали авторитет советских силовых структур, а следовательно, и государства в целом. Так, в день 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, 7 ноября 1943 г., группа из 3-х красноармейцев, командированных в Ярославль из Ленинграда, проникла в квартиру гражданки Чикауровой, похитив ряд домашних вещей. Все они вскоре были задержаны РКМ и направлены военному прокурору².

Милиция же в подобной обстановке традиционно делала ставку на секретную агентуру. Но даже в областном центре и даже в момент коренного перелома на советско-германском фронте криминогенная ситуация складывалась не лучшим образом, не в последнюю очередь из-за малочисленности и недостаточной эффективности таких агентов. Начальник ОБХСС старший лейтенант милиции Волков в начале 1943 г. был вынужден признать, что сеть секретного осведомления не закрывает систему государственной торговли, учреждения общественного питания, пищевые предприятия и другие объекты, а предприятия легкой промышленности (обувная фабрика «Североход» и махорочная фабрика) были закрыты ею лишь частично. Завербованные осведомители позволяли выявить только спекулянтов, но не пресловутых «расхитителей социалистической собственности»³.

Государство несло заметный экономический ущерб от действий обеих групп нарушителей законности. Грань между двумя полюсами уголовной преступности временами была условной: жестокое сталинское законодательство часто превращало в рецидивистов даже вполне законопослушных граждан. Как правило, типичные представители обеих групп были

¹ Там же. Д. 796. Л. 15, 16, 21–22.

² ГАЯО. Ф. Р-2223. Оп. 1. Д. 218. Л. 33 об.

³ Там же. Д. 219. Л. 3.

детьми и подростками 14–17 лет. Достичь определенного улучшения ситуации советскому режиму удалось лишь после победного завершения Великой Отечественной войны в мае 1945 г. и начала восстановительного периода.

**«...НЕ ДАЙТЕ ПОГИБНУТЬ ЧЕЛОВЕКУ, СПОСОБНОМУ
ЕЩЕ РАБОТАТЬ НА ПОЛЬЗУ ОТЕЧЕСТВА».
О БЫТЕ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ НА УРАЛЬСКОМ
АРТИЛЛЕРИЙСКОМ ПРЕДПРИЯТИИ В НАЧАЛЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Тюшняков Святослав Михайлович
(Институт истории и археологии Уральского отделения РАН)

Осенью 1941 г. из Подмосковья на Урал в г. Свердловск был эвакуирован завод № 8 им. Калинина (ЗиК), единственное на тот момент предприятие в стране, производящее зенитную артиллерию калибра 85 мм. Именно отсюда уже зимой 1941–1942 гг. на фронт вновь стали поступать знаменитые 85-мм зенитки. Однако обстановка и условия труда рабочих заново родившегося предприятия в начальный период войны оставляла желать лучшего. Если близкие по профилю производства, предприятия в Молотове и Воткинске имели неплохую базу, созданную до войны и никуда не эвакуировались, то ЗиК перебирался в мало оборудованную недостроенную площадку, где в условиях войны и холодной уральской зимы работникам нужно было работать на пределе своих возможностей. Так, при остром дефиците всех ресурсов, одновременно шло возведение цехов, постройка жилья для работников и налаживание производства¹.

Вопрос обеспечения рабочих даже минимумом необходимого был актуален еще очень долгое время, что сказывалось на дисциплине и качестве работы. «Общежития молодых рабочих, в которых живет 1200 человек, являются примером преступно-бюрократического отношения к живому человеку. Нет в них... самого необходимого – воды, света, кружек для питья, табуреток, столов, вешалок. В этих общежитиях была значительная часть руководителей цехов и все почти руководители завода, и все они установят такое безобразное положение и уходят возмущенные, а через час все забывают»². В июле 1942 г. молодые рабочие завода жили в бараках с отделениями по 100 человек, без комнат, что делало их схожими с армейскими казармами. «В деревянных домах отсутствуют печи и плиты, не сделано постоянных фундаментов и цоколей, нет вторых рам,

¹ Завод им. М.И. Калинина. История и судьбы. Екатеринбург, 2012. С. 190–211.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 1685. Оп. 1. Д. 11. Л. 28–29.

не утеплены двери, в которых не поставлено ни одного замка и не сделано даже примитивных запоров»¹, что делало невозможным проживание в них в условиях уральской зимы.

Завод оказался неподготовленным к приему рабочих, начавших прибывать группами от 100 до 300 человек (в общей сложности 1300 человек) еще на этапе строительства общежитий². Жилищный фонд завода, построенный большей частью «на скорую руку» в начале войны, к зиме не был готов. По болезни ежедневно не выходили на работу до 500 человек; 527 семейств (более 2000 человек) вообще не имели жилья³.

Наличие связи между бытовым обслуживанием рабочих и их трудовым вкладом не могло остаться незамеченным. В докладной записке в партком завода за 1942 г. отмечались, в первую очередь, отсутствие контроля и несправедливость расходования талонов на нормированное снабжение (дополнительное питание, промтовары, ширпотреб)⁴, порождавшие конфликты и озлобленность.

Учитывая перечисленные факторы, нетрудно предположить, какова была ситуация на заводе с нарушением дисциплины и самовольным уходом с работы и какое это производило впечатление на молодых рабочих, процент которых был значителен. Дезертиры, нарушители трудовой дисциплины в большинстве своем не были «злостными дезорганизаторами производства» или «вредителями». Чтобы лучше понять человека оказавшегося в условиях войны на оборонном предприятии, обратимся к выдержкам из текста заявления молодого рабочего, выпускника ремесленного училища, эвакуированного из Ленинграда. Суть полутора страниц плотного текста написанного на имя директора завода, сводятся к просьбе рабочего о переводе его на другое предприятие Москвы или Ленинграда, где у него остались родственники.

Теперь о причинах. «В общежитии, где я сейчас проживаю, дальнейшая жизнь для меня невозможна. Воровство, господствующее в общежитии, стало постоянным фактором. Пока оставлялись дневальные в каждой квартире, краж не было, но после того, как стали оставляться четыре дневальных на весь дом, кражи стали случаться по несколько раз в день... Теперь я остался в той одежде, в которой был на работе... Здесь мне не только жить, но и работать нет желания. Я не знаю, что мне делать, или работать или сторожить свою оставшуюся рваную шинель и казенную простыню с наволочкой... Если я что-либо из вещей куплю на заработанные деньги, у меня их украдут. Какой же интерес работать. Лично меня воодушевляет на работу одна цель: работать для уничтожения гитлеровцев. Но достижение этой цели возможно на любом военном заводе Москвы или Ленинграда».

Причины мы увидели, теперь самое интересное. «Сейчас я остался гол как сокол, не имея нижней рубашки и кальсон. Осталась у меня одна меч-

¹ ЦДООСО. Ф. 1685. Оп. 1. Д. 11. Л. 58.

² Там же. Л. 58.

³ Там же. Л. 106–110.

⁴ Там же.

та, жить у кого-нибудь из родных, честно работать, трудиться для разгрома нашего врага и устраивать себе дальнейшую жизнь. Здесь в Свердловске это осуществиться не может... Если Вы, товарищ директор, откажете мне в моей просьбе, то все для меня будет безразличным. Никакого интереса здесь жить у меня больше нет. Меня не удержат здесь мои документы. Отсутствие их толкнет меня лишь на путь преступлений. Мне тогда ничего не останется, как бежать отсюда, не взирая ни на какие преграды. Я знаю, что без документов меня поймают, знаю, что меня ожидает после этого... Товарищ директор, не дайте погибнуть мне, человеку способному еще работать на пользу своего Отечества»¹.

Из текста мы можем увидеть ряд интересных моментов. Рабочий еще совсем юн, не только физически, но и психологически. Сложные внешние обстоятельства, отрыв от привычного уклада, родных и места жительства способствовали появлению кризисного состояния, как следствие сужению сознания и неспособностью принимать и находить выход из сложных ситуаций. Это, в свою очередь, подталкивает его к мысли, что решение вопроса возможно только радикальным путем, к чему он практически готов. Скорее всего, рационально он не способен оценить своих действий, поскольку реальное понимание неизбежных серьезных последствий остановило бы его. Это шаг отчаяния, в кажущейся невозможности что-то изменить. Нам неизвестна дальнейшая судьба этого рабочего, как и многих других. К этому времени уже вышел Указ Президиума ВС СССР, по которому с завода могли увольняться только лица, имеющие заключение медицинской комиссии, поэтому вопрос его перевода на предприятие Москвы и уж тем более блокадного Ленинграда, кажется очень маловероятным. В этом свете проблема дисциплинарных нарушений и дезертирства видится не так однозначно.

Просматривая приказы и распоряжения военных лет директоров артиллерийских предприятий и их заводов, можно видеть большой объем имевшихся опозданий, прогулов и дезертирств. В большинстве случаев причина этого крылась не в безответственности, лени или игнорировании правил (хотя это тоже встречалось). Рабочие, многие из которых были молодыми выпускниками ФЗО или ремесленного училища, плохо адаптировались к жестким требованиям дисциплины военного времени.

Путь к решению молодежных проблем состоял, по мнению партийных руководителей, в разъяснении важности работы для фронта и в создании администрацией завода должных социально-бытовых условий, что предполагало грамотное использование навыков и правильную расстановку рабочих на производстве, содействие их профессиональному росту через непрерывное обучение, обеспечение нормальных условий проживания². Все указанные мероприятия, по мере возможностей, проводились в жизнь, однако многие проблемы до конца войны так и остались актуальными.

¹ Там же. Л. 6–7.

² Там же. Л. 31.

ОПЫТ ЭКСПЛУАТАЦИИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ТЕХНИКИ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА В 1941–1945 гг.

*Усов Алексей Вячеславович, к.и.н.
(Дальневосточный юридический институт МВД России,
Владивостокский филиал)*

За солидный отрезок времени, прошедший от решения принятого боярской думой в 1696 г. по настоянию Петра I – «Морским судам быть...» до наших дней, на фоне расширения потенциальных угроз для мореплавателей, произошла значительная эволюция специальных технических средств для судоподъема, водолазных работ и оказания терпящим бедствие. Не ослабевает интерес к мужественной профессии морского спасателя, т.к. без нее невысказана работа морского транспорта, а актуальность исследований по обобщению и внедрению в современную практику исторического опыта спасания на море растет по мере получения ежегодных сводок об аварийности на российских бассейнах.

Период Великой Отечественной войны для нашей страны имеет особое значение. Современные исследователи изучают не только политические, дипломатические, территориальные и военные аспекты боевых действий, но и вклад тыла и транспорта в обеспечении вооружённых сил^{1,2,3}.

Значительный вклад в изучение Отечественного аварийно-спасательного, судоподъемного и подводно-технического дела внесли признанные специалисты Н.П. Чикер⁴, П.А. Боровиков⁵, Ф.А. Григоренко⁶, А.Б. Коро-

¹ *Ткачева Г.А.* Женщины в частях Тихоокеанского флота и Амурской флотилии в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2017. № 6. С. 25–30.

² *Маклюков А.В.* Вклад энергетиков Дальнего Востока в победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 1 (32). С. 73–79.

³ *Транспорт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Исторические хроники.* М., 2010.

⁴ *Чикер Н.П.* Служба особого назначения. М., 1975.

⁵ *Боровиков П.А.* Водолазное дело России. С конца 1930-х годов и до наших дней. М., 2017; *Боровиков П.А.* Подводная пехота. Водолазы-диверсанты Второй мировой войны. М., 2015; *Боровиков П.А.* Водолазы Великой Отечественной. М., 2013.

⁶ *Григоренко Ф.А.* История развития спасательных судов и средств Российского флота: монография. Владивосток, 2007.

лев¹, В.Н. Илюхин, П.В. Захаров² и другие. Особого внимания заслуживает обобщающий труд, посвященный 300-летию Военно-морского флота, изданный коллективом авторов в 1996 г., в котором освещено развитие спасательного, судоподъемного и водолазного дела в России³.

Тем не менее анализ публикаций, имеющих отношение к истории и деятельности Аварийно-спасательной службы Военно-морского флота (АСС ВМФ), позволяет сделать вывод о том, что в современный период создан серьезный научный задел в разработке этой проблематики: накоплен большой фактический материал, произведены первые выводы и обобщения, намечены основные направления будущих исследований. Однако в изучении истории АСС ВМФ на Тихоокеанском флоте сделаны лишь первые шаги. В связи с этим представляется крайне важным глубокое осмысление исторического опыта деятельности морской спасательной службы, научный и критический подход к оценке накопленных фактов и событий, введение в научный оборот ранее неиспользованных источников.

Данные, содержащиеся в документах из Центрального Военно-морского архива (г. Гатчина), основная часть которых вводится в научный оборот впервые, позволяют обобщить исторический опыт деятельности Аварийно-спасательной службы Тихоокеанского флота (АСС ТОФ) в годы Великой Отечественной войны и боевых действий с Японией.

Эффективность деятельности специалистов АСС на Тихоокеанском театре зависела, в том числе, от технического оснащения и умения его использовать. За годы Великой Отечественной войны изучаемая служба обогатилась новыми видами специализированной техники⁴. В аварийно-спасательных отрядах-группах был накоплен опыт ее использования. Для правильной эксплуатации импортной аварийно-спасательной техники была проделана значительная работа, в результате которой от личного состава спасательных подразделений добились отчетливых знаний как материальной части, так и правил ее обслуживания⁵.

Занятия проводились с использованием описаний и инструкций, правил и наставлений, чертежей, технических формуляров как заводских, так и присланных из Аварийно-спасательного управления ВМФ, а также непосредственно у агрегатов.

¹ *Королев А.Б.* Водолазание в России от древних времен до наших дней. М., 2004.

² *Илюхин В.Н., Захаров П.В.* От ЭПРОНа до федеральной системы поиска и спасения на море Российской Федерации. К 90-летию создания Экспедиции подводных работ особого назначения // *Морской вестник*. 2013. № 4 (48).

³ *Голубев, В.Г. Илюхин В.Н., Максимов В.И и др.* Спасатели военно-морского флота. М., 1996. С. 72–128.

⁴ Центральный Военно-Морской архив (ЦВМА). Ф. 436. Оп. 21. Д. 96. Л. 20.

⁵ ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 73. Л. 175.

Хорошей школой подготовки для специалистов стало непосредственное участие в планово-периодических остановках (ППО) и планово-предупредительных ремонтах (ППР) отдельных агрегатов и всей аварийно-спасательной техники в целом. Знания, приобретенные во время ремонта агрегатов, были необходимыми для дальнейшего изучения агрегатов в порядке эксплуатации и выявления всех ее особенностей, преимуществ и недостатков.

От личного состава требовалось не только знание агрегата, но и внимательное его изучение, как в период работы, так и при ремонте. Только при тщательном наблюдении систематических осмотров всех звеньев устройства можно было добиться ясного представления о его техническом состоянии.

Обобщение накопленного за время Великой Отечественной войны опыта эксплуатации и его освоение на технической учебе позволило личному составу своевременно предупреждать повреждения и аварии агрегатов. Правильная техническая эксплуатация специализированной техники обеспечивала работу устройств без аварий и повреждений при сохранении нормальной мощности и экономичности в течении всего периода боевых действий с Японией⁶.

В эксплуатации агрегатов особое внимание обращалось на приборы и устройства, обеспечивающие безопасность работы механизма. Личным составом были твердо усвоены пределы показаний контрольно-измерительных приборов при различных режимах работы агрегата. При практических занятиях большое внимание обращалось на обслуживание механизмов в абсолютной темноте, при «повреждениях» контрольно-измерительных приборов и ряде других вводных. Тем самым от личного состава требовали автоматизма действия, достигаемого соответствующей тренировкой.

Аварийно-спасательная служба ТОФ в изучаемый период обладала агрегатами отечественного и импортного производства (сварочные, осветительные, мотопомпы, гидромолоты, механические компрессоры), которые имели свои преимущества и недостатки при эксплуатации⁷. «Безотказность» некоторой импортной техники зачастую нивелировалась отсутствием необходимых запасных частей и инструментов для ремонта, а так же плохим запуском на 2-м сорте бензина⁸. Отсутствие запасных частей для моторов отечественных марок также затрудняло ремонт и вызывало длительные простои⁹.

Таким образом, в 1941–1945 гг. Аварийно-спасательной службой Тихоокеанского флота накапливался, обобщался и систематически изучался опыт эксплуатации специализированной техники. Особая система практических занятий с применением разных вводных доводила до авто-

⁶ ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 497. Л. 59–60.

⁷ Там же. Д. 433. Л. 107.

⁸ Там же. Д. 73. Л. 176–177.

⁹ Там же. Д. 96. Л. 21.

матизма навыки личного состава по обслуживанию механизмов. Это позволяло не допускать поломки агрегатов и сохранять их производственную мощность. Что было крайне важным в условиях, когда импортная и отечественная техника поступала на флот неукомплектованной всеми необходимыми принадлежностями и устранение повреждений было затруднительно.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИЧИН РЕВОЛЮЦИИ В НИКАРАГУА ЧЕРЕЗ КОНЦЕПЦИИ ЗАПАДНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

*Фирсанов Данил Юрьевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Начать данную работу хотелось бы с цитаты известного американского политолога Самюэля Хантингтона, который утверждал, что «политический порядок... это желаемое, а не реальное состояние»¹. Стабильность государственного устройства постоянно подвергается проверкам со стороны внутренних и внешних факторов. Особенно это относится к Латинской Америке, где современные формы политической организации существуют сравнительно недолго. Яркий кейс в данном случае – Никарагуа как государство с крайне насыщенной политической жизнью в XX в. 17 июля 1979 г. вся политическая и военная элита страны во главе с Анастасио Сомоса Дебайле села в самолет фирмы Boeing и сбежала в США. Это событие явилось итогом почти 20-летней борьбы Сандинистского Фронта Национального Освобождения (далее – СФНО), который начал свою активность еще в 1960-е гг. Что же привело к смене власти в Никарагуа? Какие причины поспособствовали успеху сандинистов? Автор данного доклада попытается продемонстрировать это на основе теорий нескольких авторитетных деятелей современной политической науки.

Чтобы вникнуть в суть причин революции, необходимо обратиться к истории Никарагуа. В начале XX в это было государство, экономически и политически зависимое от США. Но к 1920-м гг. в стране становится популярной Либеральная партия и фигура Аугусто Сандино, который выдвигал требования вывода всех американских войск из Никарагуа и назначения новых выборов Президента. На период «политического вакуума» в стране им предлагалось назначить временного президента². Но планам не было суждено осуществиться: в Никарагуа в начале 1930-х гг. появилась Национальная гвардия, созданная США и подвластная клану Анастасио Сомосы Гарсии. В итоге на 1934 г. были назначены переговоры, в ходе которых Сандино был убит, а к власти пришел клан Сомосы, который управлял государством в течение последующих 40 лет.

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 8.

² Григулевич И.Р. Дорогами Сандино. М., 1984. С. 53.

Сразу после смены власти проведение политики, связанной с экономическими интересами США, продолжилось. Было развито и политическое взаимодействие и посредничество¹. В частности, это выражалось в поддержке властями Никарагуа операций США, направленных на свержение режима Кастро на Кубе. В дополнение, многие члены клана Сомосы обучались в колледжах и университетах США, что прививало им определенное мировоззрение. Все названные факторы определенным образом влияли на политический курс Никарагуа и устройство государственных институтов. Американский политолог Самюэль Хантингтон, исследовавший проблемы и кризисы модернизирующихся обществ, писал, что для Латинской Америки XX в свойственен особый феномен – дефицит политической власти, главная причина которого – несоответствие социально-экономической структуры и политической системы и ее институтов². Согласно его теории, в XX в. многие развивающиеся страны проходили через процессы модернизации, которые требовали высокой управляемости от политических институтов. Но политический режим клана Сомосы, в основе которого лежала только военная сила Национальной гвардии, не мог эффективно справиться с задачами экономической модернизации. Популярность среди населения приобретала сила с жесткой политической организацией, которая могла бы быстро заняться модернизацией в социальной и экономической сферах, а также удовлетворением зlobодневных требований населения³. Этой силой был СФНО. Поэтому первая причина революции в Никарагуа – относительно неэффективная политическая организация режима Сомосы, которая не могла наладить эффективный курс государственной политики.

Модернизационная неэффективность режима порождала различные проблемы, например, неэффективное распределение земельных ресурсов. В Никарагуа, начиная с 1960-х гг., происходил экспоненциальный демографический рост: численность населения к 1980-му г. увеличилась с 1,5 до 3 млн человек. Но вместо эффективного распределения земли между растущим населением, правительство Никарагуа сосредоточило свою политику на усилении местных элит, которые массово скупали земельные владения и сдавали их крестьянам в аренду на выгодных для себя условиях⁴. Поэтому в Никарагуа к 1970-м гг. сложилась ситуация, которая описывается американским теоретиком революций Джеком Голдстоуном как фаза нестабильного социального равновесия. В такой обстановке государство сравнимо с шаром, находящимся на вершине горы: любой толчок (например, демографические сдвиги⁵) приведет к тому, что шар

¹ Nicaragua: a country study / Federal Research Division, Library of Congress; edited by Tim Merrill. 3rd ed. First Printing, 1994. P. 26.

² Хантингтон С. Указ. соч. С. 14.

³ Там же. С. 86.

⁴ Курин Е. Никарагуа: революция, возрождающая страну // Известия. 1981. 19 июля. С. 5.

⁵ Голдстоун Джек А. Революции. Очень краткое введение. М., 2017. С. 42.

начнет свое быстрое падение в пропасть¹. Поэтому в качестве второй причины можно выделить социально-демографический кризис в Никарагуа в 1960–1970-е гг.

Сейчас стоит снова немного обратиться к истории: некоторые круги молодежи и студенчества в Никарагуа понимали, что обстановка в стране ухудшается. «Группа марксистских антиправительственных студенческих активистов», СФНО, основателями которой были будущие деятели революции (Томас Борхе, Карлос Фонсека Амадор), начала проводить тайные собрания в университете Манагуа. Увеличение их политической силы происходило постепенно: к группе начинали присоединяться некоторые деятели интеллигенции и церкви². Но уже в 1970-е гг. СФНО начинает конкурировать с официальным правительством за политические ресурсы и рычаги власти преимущественно через нелегальные методы. Проблему таких «соревнований» поднимал американский теоретик революций Чарльз Тилли. Он утверждал, что в определенные моменты государственного кризиса на арене появляется как минимум одна политическая группа, оппозиционная официальной, которая предлагает альтернативные пути развития³. Основным толчком к ее деятельности становится стремление провести политическую трансформацию системы, несовместимую с предыдущим порядком, что можно выделить в качестве третьей причины революции в Никарагуа.

Таким образом, в 1960–1970-е гг. в Никарагуа складывалась крайне неустойчивая социально-политическая обстановка. Градус недовольства рос, активно растущее, но беднеющее население ожидало социальных изменений. И силой, которая подстроилась под эти требования, был СФНО, который в момент наибольшей слабости режима Сомосы смог заполнить политический вакуум, придя к власти в 1979 г.

¹ *Голдстоун Джек А.* Указ. соч. С. 34.

² *Nicaragua: a country study.* P. 32.

³ *Tilly Ch.* From mobilization to Revolution. University of Michigan, 1977. P. 7–18.

ОБРАЗ ПОЮЩЕЙ РЕВОЛЮЦИИ В КНИГЕ АНАТОЛЯ ЛИВЕНА «THE BALTIC REVOLUTION»

Фролов Андрей Алексеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Двадцатый век вошел в историю как век возникновения новых государств, падения старых империй, век гражданских войн и конфликтов. Немалое количество таких конфликтов состоялось на территории бывшей Российской Империи: новообразованные государства воевали между собой за собственную независимость, объединялись в блоки, распадались. Некоторые эпизоды в российской исторической и политической науке изучены достаточно хорошо, но отдельные, также представляющие немалый исследовательский интерес, ускользают от пристального внимания русскоязычных авторов.

Одним из таких гражданских конфликтов является Поющая революция (название, пришедшее из англоязычной литературы). Данный термин включает в себя события 1988–1991 гг. в Литве, Латвии и Эстонии, в ходе которых патриотически настроенные силы, придя к власти, вывели свои республики из состава СССР. Эти события сопровождались акциями как в поддержку восстановления независимости, так и в поддержку сохранения действующего порядка, однако свидетели тех событий отмечают, что не было зафиксировано почти ни одного случая прямых столкновений между различными группами гражданского населения, длительных вооруженных конфликтов¹.

О причинах подобного хода событий, общей логике происшедшего, а также о том, почему стал возможен мирный выход трех стран из «Империи зла» пишет Анатолий Ливен, британский автор, непосредственный свидетель тех событий. Отлично знакомый с менталитетом и культурой балтийских народов², автор проводит не только глубокий историко-политологический, но и социокультурный анализ оснований для возникновения запроса об автономии балтийских государств, факторов выбора политическими деятелями тактики действий, а также дает свой прогноз о том, как Литва, Латвия и Эстония будут находить себя в мировой политике уже в качестве независимых государств.

¹ *Симонян Р.Х.* Россия и страны Балтии. М., 2003.

² Родственники автора со стороны отца происходили из латышских балтийских немцев.

Ливен начинает свою работу с описания исторического образа жизни трех народов – он не был одинаковым у литовцев, латышей и эстонцев: первые были некогда региональным гегемоном, остальные же не имели даже автономии до начала XX в. После вхождения в состав Российской Империи все три народа имели статус подчиненных у «пришлых» господ – поляков и немцев, это сформировало у балтийских народов стойкий негативный аттитюд по отношению к тем, кого они считают своими эксплуататорами, пытающимися разрушить их культуру и образ жизни¹. Поскольку все три народа не видели подобной угрозы в русских и в Российской Империи, то их выход из состава государства и обретение независимости автор видит случайным стечением обстоятельств, поскольку запроса на подобные существенные перемены в балтийских государствах не существовало, даже требования об автономии считались слишком радикальными².

Войны за независимость, последующее существование рядом с «соседем-агрессором», которому пропаганда всех трех стран приписывала желание включить новообразованные республики в состав империи, на этот раз уже коммунистической³. Четкий образ врага, так необходимый молодым государствам для формирования политики идентичности, был укоренен в массовом сознании. Аннексия Прибалтики Советским Союзом, по мнению автора, сделала данный стереотип еще сильнее, особенно в контексте того, что после окончания Второй Мировой Войны союзное руководство провело на территории трех республик коллективизацию и раскулачивание, фактически лишило права свободно развивать собственную культуру, заселило крупнейшие города выходцами из других союзных республик, которые прибывали по распределению на крупные предприятия, не собираясь знакомиться с местной культурой, а иногда и вовсе пытались насаждать свою⁴. Так, Ливен приводит в качестве примера отношение латышей к новым кварталам Риги и их жителям: его респонденты отмечают серость, однообразность построек, несоответствие советских проектов облику старой Риги, замкнутость в себе живущих там «русских», их малообразованность, невежественность. Конечно, эти оценки не претендуют на объективность, эмоциональной составляющей в них гораздо больше, чем рациональной, однако они отражают общий уровень напряженности в отношениях между населением в странах Балтии.

Недовольство политикой советского государства, копившееся годами получило возможность найти выход с началом Перестройки, однако это был не всплеск насилия, не погромы – первой и самой эффективной формой протеста стали массовые демонстрации в крупнейших городах Прибалтики, на которых никаких требований к власти не выдвигалось –

¹ *Lieven A. The Baltic revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. Yale University Press, 1993.*

² *Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002.*

³ Там же.

⁴ *Зубов А.Б. История России. XX век: 1939–2007. М., 2009.*

жители городов собирались с целью восстановить в памяти свои культурные традиции: пели народные песни, читали литературу на родном языке. Именно подъем культурного самосознания привел к выдвижению первых просьб к региональным властям – восстановлению старых символов государств. Удовлетворение этой просьбы в 1987 г. казалось Москве невозможным, поскольку противоречило основам советской символической политики. Однако отказ радикализировал активно настроенную часть населения, которая увидела в этом отказе подтверждения того, что союзный центр продолжает политику ущемления прав населения Прибалтики. Безусловно, данный метод является примером классического манипулятивного воздействия, с помощью которого можно перевести значительные группы людей из пассивно-негативного настроения в активно-негативное, однако его эффект распространился и на тех, кто должен был бы остаться вне «зоны поражения» – демонстрантов довольно скоро поддержала Коммунистическая Партия Литвы, вместе они выдвинули требование сначала о предоставлении суверенитета, а позже и о независимости¹.

Автор также утверждает, что одной из причин практически бесконфликтного хода событий являлось то, что у русских, проживавших в Литве, Латвии и Эстонии, не сложилось единой консолидированной позиции по противодействию акциям против советской власти, даже когда они стали носить характер откровенного саботажа работы предприятий, например, акция Саюдиса по блокированию Игналинской АЭС живым кольцом оцепления². Более того, около половины русских поддерживало идею независимости, считая, что уровень жизни в странах Балтии выше, чем во всем остальном Союзе, а независимость поможет закрепить эту ситуацию. Вторая половина была против выхода республик из состава СССР, организовывала «Интерфронты», движения, проводившие акции в поддержку действий Москвы, однако общая численность активистов этих фронтов была слишком незначительной для того, чтобы оказать серьезное влияние на ход событий. Многие русские активно участвовали в работах патриотических фронтов, так, в Саюдисе существовала русская секция, выпускавшая газету на русском языке.

Одними из немногих примеров пролития крови стали попытка советских войск захватить телевизионную башню в Вильнюсе и атака на пограничный пост в Мядининкае, приписываемая бойцам рижского ОМОНа³. Однако в большинстве случаев все стороны были настроены на ведение конструктивного диалога друг с другом.

¹ *Зубов А.Б. Указ. соч.*

² *Lieven A. Op. cit.*

³ *Зубов А.Б. Указ. соч.*

БОРЬБА УКРАИНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ СЛОБОЖАНЩИНЫ ВО ВРЕМЕНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1919–1920 гг.)

Харламов Михаил Иванович, к.и.н.

(Национальный университет гражданской защиты Украины)

С июня по декабрь 1919 г. абсолютное большинство территории Слобожанщины находилось под оккупацией Вооруженных сил Юга России. Являясь, по своей сути, адептом «Единой и неделимой», генерал Деникин не учел тех коренных изменений, которые произошли после революции с представителями национальных «окраин» бывшей Российской империи. О необходимости считаться с новыми геополитическими реалиями отмечал Е. фон Валь – генерал Российской императорской армии, который не поддержал идею белого движения: «В действительности, в течение 12 месяцев после падения царской власти почти все 144 народа на территории России перестали себя чувствовать подчиненными и потеряли след общероссийского патриотизма. Этого не учли вожди белого движения и, в частности, вожди армии – они оставались в плену отживших понятий о империи»¹.

Поэтому, выступая с позиций восстановления дореволюционных границ, прав и устройства бывшего государства, А. Деникин отталкивал от себя потенциальных союзников и вносил раскол в отношения с нынешними союзниками – донскими и кубанскими казаками.

Захват Слобожанщины позволил Деникину решить сразу две главные проблемы: увеличить численность своих вооруженных сил за счет добровольцев, преимущественно, юнкеров, мещан и интеллигенции, а также освоить территорию, способную обеспечивать армию всем необходимым продовольствием.

Нерешенность земельного вопроса и перенос его до созыва Учредительного Собрания, централизованные поборы с крестьян (хоть и меньше большевистских) и откровенный грабеж на низовом уровне, принудительная мобилизация в армию, ущемление национальных прав подорвали доверие сельского населения Слобожанщины к Антону Деникину. Все вышеназванное вызвало противостояние, что проявилось в ряде мирных и вооруженных сопротивлений. Вообще же, на Слобожанщине

¹ Валь Э.-Г., фон. Значение и роль Украины в вопросе освобождения России от большевиков на основании опыта 1918–1920 гг. Таллинн, 1937. С. 11.

устойчивое повстанческо-партизанское движение разворачивалось менее интенсивно, чем на Юге или Правобережье, в основном проявив себя в действиях небольших диверсионно-подрывных отрядов.

Так, вблизи города Лебедина действовал партизанский отдел Михна (500 человек при 2 пулеметах) и П. Вьюнника (80 человек). В Ахтырском уезде проводил диверсионную деятельность отряд М. Фролова (60 человек). Небольшие вооруженные отряды возникли в районе Чугуева, Дергачей, Казачьей Лопани. В Изюмском уезде оперировали отряды Пеко, Бондаренко, Штоколова, общая численность которых не превышала 750 человек¹. В Старобельском уезде оперировали два значительных отряда – М. Калиновского в Белолуцкой волости и Сладкого в Осиновской волости². Также в районе Валок действовал небольшой конный отряд Коренева, в северной части Сумского уезда оперировал большой отряд Савченко, который неоднократно нападал на обозы Деникина, которые шли на фронт.

Наиболее активным в контексте повстанческой борьбы был Изюмский уезд. В районе Славянска действовали отряды братьев Бондаренко, по данным Н. Супруненко, в несколько тысяч человек, и отряд Пеко в районе Святых гор. Возле Изюма оперировали отряды Тищенко и Величко, а на северо-запад от города – отряд Павленко³.

Таким образом, в результате вооруженных выступлений местного крестьянства при поддержке повстанческого движения Махно и диверсионных отрядов большевиков, в декабре 1919 г. во многих уездах Слобожанщины перестала существовать связь между волостной, уездной и губернской администрацией белой армии. Операции повстанцев, которые существенно нарушали работу тыла Добровольческой армии, в значительной степени способствовали успеху наступления Красной армии. 11 октября 1919 г. войска Красной армии повели контрнаступление в направлении Курск – Харьков – Донбасс – Ростов-на-Дону. Начав 24 ноября 1919 г. «Харьковскую операцию», силы Южного фронта под командованием Егорова в течение декабря освободили территорию Харьковщины (Харьков было занято 12 декабря 1919 г.) от белогвардейских войск⁴.

В общем, отсутствие надежного тыла на оккупированных украинских землях делало невозможным длительное быстрое продвижение белой армии под лозунгом восстановления «Единой и Неделимой» России, как

¹ Ковальчук М.А. Повстансько-партизанський рух проти білогвардійців на Лівобережній Україні (липень – грудень 1919 р.) // Український археографічний щорічник. К., 2009. Вип. 13/14. С. 347.

² Революційне минуле Старобільщини. Видання Округової Ювілейної Комісії, Старобільськ, 1927. С. 30.

³ Супруненко Н.И. Очерки истории Гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М., 1966. С. 323.

⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 630.

это было весной–летом 1919 г., когда украинское крестьянство вело борьбу против политики «военного коммунизма» и смотрело на Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) как на освободителей. Вследствие оккупации Слобожанщины фронт Добровольческой армии сильно (до 1000 верст), расширился и требовал большого количества новых войск для его удержания, которыми Добровольческая армия не обладала.

То пополнение, которое было призвано в армию в результате мобилизации из слобожанских крестьян, только ослабило белые армии, а добровольцы из числа горожан не могли удовлетворить возникшей потребности в военных кадрах. Силовые методы, возвращение владений бывшими собственниками при содействии белогвардейцев и реставрация элементов старого режима также приводили к обострению и усилению напряжения в отношениях между оккупационной администрацией и крестьянством.

Активизации крестьянского партизанского движения поспособствовали и внешние для Слобожанщины факторы, как-то: рейды отрядов Н. Махно, война ВСЮР с армией УНР. Это заставило Деникина для борьбы с партизанством создать внутренний фронт под командованием генерала Ревизиона, расположенного со своим штабом в Юзовке¹. В целом, оккупационный режим Деникина не смог предложить сельскому населению Слобожанщины комплексной программы экономических и социальных реформ, не говоря уже об обеспечении национальных прав, поэтому слобожанское крестьянство ответило массовым движением сопротивления, которое вместе с контрнаступлением Красной армии привело к падению в декабре 1919 г. белого режима на территории Слобожанщины.

¹ *Агуреев К.В.* Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 гг.). М., 1961. С. 28.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1923 гг.)

*Холматов Темурмалик Комилджонович
(НИУ «Высшая школа экономики»)*

В данном исследовании проанализированы дневники Степана Борисовича Веселовского (1876–1952), Михаила Михайловича Богословского (1867–1929) и Юрия Владимировича Готье (1873–1943), в которых изложены их обыденные трудности, условия жизни и взгляды на социальные, политические, экономические изменения в России в годы Гражданской войны.

Свои записи историки начали вести при разных обстоятельствах. С.Б. Веселовский начал вести их в 1915 г., когда, с одной стороны, наблюдались общественные кризисы, вызванные Мировой войной, а с другой – были личные переживания С.Б. Веселовского, связанные с состоянием здоровья, семейной жизнью, а также работой над фундаментальным исследованием «Сошное письмо».

Свой дневник М.М. Богословский начал вести до Первой мировой войны, однако за 1913 г. есть лишь несколько записей за октябрь. Записи за 1914 г. отсутствуют и возобновляются лишь в июле 1915 г. Вероятно, Мировая война была важнейшим фактором, который побудил М.М. Богословского продолжить вести дневник. В то же время он, как и С.Б. Веселовский до 1917 г., стремится уделить внимание своей личной жизни. Много М.М. Богословский писал о ведении работы, связанной с Петром I, университетских делах, семейной жизни.

Как отмечалось ранее, немаловажную роль в ведении записей для С.Б. Веселовского и М.М. Богословского сыграли личные мотивы. В этом смысле принципиально отличается дневник Ю.В. Готье, т.к. вести записи он начал исключительно из-за роковых для всей страны событий 1917 г. В итоге, почти все содержание дневника посвящено взглядам и размышлениям Ю.В. Готье о революции 1917 г. и ее последствиям, а затем гражданской войне.

Кроме того, необходимо отметить, что дневник Ю.В. Готье имеет особенную судьбу. Вероятно, из-за послереволюционной обстановки, когда дневник с подобным содержанием мог стать элементом саморазоб-

лечения¹, Ю.В. Готье передал дневник американскому историку и архивисту Ф.А. Гольдеру (1877–1929) для сохранения. В итоге дневник находился в библиотеке Стэнфорда долгие годы, пока не был опознан библиографом Э. Касинцем².

Октябрьский переворот, вызвавший разочарование у историков, несмотря на то что они, как и многие другие представители интеллигенции того времени, негативно относились к императорской власти, существенно не изменил характер их деятельности³. В то время они все также читали лекции, работали в архивах, читали литературу и т.д. Однако вести прежний образ жизни, заниматься привычной исследовательской работой было затруднительно в сложившихся условиях, во многом из-за упадка духа и общего положения страха. Почти все их записи осенью 1917 г. были связаны с Мировой войной (развитие событий на фронте, участь России в ней) и общим положением внутри страны (настроения в широких массах, обсуждение слухов, связанных с внутривластительской сферой).

Повседневную жизнь историков в 1918 г. можно проследить лишь по дневникам С.Б. Веселовского и Ю.В. Готье, т.к. записи М.М. Богословского обрываются 6 ноября 1917 г.⁴ и возобновляются лишь в 1919 г. Авторы дневников были пресыщены расстройством внутри страны. Они старались уйти от повседневности, в которой, смерть, голод, арест, болезнь, грабеж и разбой стали её неотъемлемой частью и вспомнить былую жизнь. Так, исследовательская деятельность, чтение литературы и частые поездки в загородный дом в Татаринровке дали С.Б. Веселовскому некоторое успокоение и позволили отвлечься от одиночества и тоски. В записях Ю.В. Готье изредка встречаются строки о том, как он отметил рождение со своей семьей, сходил на спектакль в Большом театре, пек блины на масленицу и т.д.

Историки отказывались принимать ту реальность, которую они наблюдали. Разочарованием и страхом за себя и своих близких пропитаны записи 1919–1920 гг. В дневниках Ю.В. Готье и С.Б. Веселовского страх вызван из-за отсутствия привычного продовольствия, расстройства транспорта, постоянных переездов, множества смертей, что в совокупности ничуть не прибавляло уверенности в благоприятное будущее. М.М. Богословский в 1919 г. старался не замечать все то расстройство, о котором писали Ю.В. Готье и С.Б. Веселовский, что, вероятно, также говорит о непринятии этой действительности.

В 1921–1922 гг. к разочарованию и страху историков прибавилась утрата надежды на скорое завершение наблюдаемого ими краха. По этой

¹ *Богомолов Н.А.* Дневники в русской культуре начала XX века // Тыняновский сборник: четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 156–157.

² *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 3–5.

³ *Аксютин Ю.В., Гердт Н.Е.* Русская интеллигенция и революция 1917 года: в хаосе событий и смятении чувств. М., 2017. С. 38.

⁴ *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 455–456.

причине деятельность С.Б. Веселовского в то время была направлена на работу на земельном участке в Татариновке, не было надежды на профессорские пайки и жалование. Положение Ю.В. Готье было сравнительно лучше, чем у С.Б. Веселовского. Например, Ю.В. Готье пишет скорее о нехватке продовольствия и денежных средств, а С.Б. Веселовский о неизбежном голоде. Тем не менее утрата надежды, речь о которой шла выше, наблюдается и у Ю.В. Готье.

Записи за 1923 г. представлены лишь дневниками С.Б. Веселовского. В этот период наблюдаются положительные перемены не только в его жизни – возобновляется активная исследовательская и даже преподавательская деятельности, но и в жизни страны, за которой он наблюдал: «В сравнении с тем, что было 2–3 года тому назад, огромная перемена. На улицах, на вокзалах, в трамваях, словом всюду, где сталкиваются люди в большом количестве, отношение друг к другу совершенно изменилось»¹.

Таким образом, в годы Гражданской войны историки словно жили одним днём, не было никакой уверенности в будущем. Общим для них было ощущение страха и разочарование от нового строя, который в их восприятии не стал лучшей альтернативой старому.

¹ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 73.

Ф. БЭКОН В ПОИСКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

*Царегородцев Сергей Станиславович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Всем известен афоризм «Знание – сила» выдающегося английского мыслителя Френсиса Бэкона (1561–1626), которого считают отцом эмпиризма. Однако мало кто знает, что Бэкон, занимаясь философскими проблемами, попутно открыл систему связей, которые объединяют отдельных людей и социальные институты в одно целое, в то, что сейчас принято называть гражданским обществом. Образно говоря, Бэкон описал систему кровообращения общества, в которой кровью являются идеи (знания, идеологические установления, примеры поведения), а источниками кровотока – производители идей: научная среда, церковь, общественные организации, отдельные мыслители и подвижники.

Принято считать, что основным делом Бэкона были философские штудии, а политикой он занимался на досуге. В действительности же все было наоборот. Основным занятием мыслителя как раз была политическая деятельность. Об этом, прежде всего, красноречиво говорит его биография. Восемь лет Бэкон добивался должности государственного чиновника. Затем девятнадцать лет преодолевал ступеньки карьерной лестницы. И, наконец, еще девять лет занимал высшие государственные посты.

В таком развороте событий особенно странно выглядят занятия Бэкона философией. Но объясняется это достаточно просто. Он не писал трудов на отвлеченные темы. В своих философских работах Бэкон решал насущные проблемы государственного строительства. Действительно, прежде всего, Бэкон искал ответ на главный вопрос внутренней политики: как создать благоприятные условия для динамичного развития общества и при этом сохранить социальное единство?

Проблема здесь в том, что одновременное полноценное решение обеих задач затруднительно, потому что они противоречат друг другу, находясь в конфликте между собой. Создание условий для развития общества на практике означает, в числе прочего, кадровое обновление аппарата и перемещение центров сил, т. е. передел властных полномочий и сфер влияния. Этот процесс часто сопровождается ожесточенной борьбой и, как следствие, подрывает социальное единство.

Правда, в отличие от сказанного ситуация в английском государстве, которую получил Бэкон в наследство от своих предшественников, выглядела иначе. Страна погрязла во всеохватывающей коррупции. Дефицит бюджета достиг чудовищных размеров, при этом основное налоговое бре-

мя лежало на рядовых гражданах. Купечество было недовольно поборами. Все труднее было удовлетворять растущие аппетиты аристократии. «Весь механизм моего правления постепенно приходит в упадок», – в конце своего царствования с горечью констатировала Елизавета¹.

С этим периодом упадка совпало начало политической карьеры Бэкона. Лейтмотивом его деятельности стало глубокое изучение проблем государства. В одной из своих речей в палате общин он говорит: «...мы находимся здесь не для того, чтобы слегка ощупывать раны государства, а для того, чтобы их исследовать» и предлагает революционный, новаторский подход к решению задач государственного строительства, согласно которому, наряду с формальным подходом, принятием административных или законодательных мер необходимо обратить первостепенное внимание на духовную составляющую: «...безопасность королевы должна основываться более на любви народа, чем на его богатстве»².

Для Бэкона «народная любовь» – синоним взаимопонимания, согласия между властью и обществом. Это тот фундамент, который позволяет оперативно принимать и проводить в жизнь необходимые, порой непопулярные решения. Поиски истоков общественного согласия – одна из причин, которые заставляют Бэкона заниматься философией. Для него, как практика и прагматика, занятия философией происходят не от любви к мудрости, а становятся единственно возможным путем определения верной стратегии общественного развития. Его философия по своей сути есть философия действия, проект общего будущего, проект общего дела.

По Бэкону, наибольшую часть своих познаний люди приобретают путем переработки информации, поступающей из внешнего мира: «от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед какими кто преклоняется...»³. Таким образом, возникновение добрых или злых мыслей в голове человека предстает как итог сложной трансформации органами чувств и разумом человека полученных извне идей.

Соответственно, источником зла являются заблуждения людей относительно устройства окружающего мира, своей собственной природы и своего предназначения: «Все дурные чувства суть ложные представления...», а источники добра, «Благо и истина – в сущности одно и то же»⁴ (сравните с сократовским: «Знание – добро, незнание – зло»). Из его работ можно понять, что первостепенную роль в формировании «добрых» мыслей играют истинное знание, примеры хорошего поведения и воспитание в духе христианской морали.

¹ Цит. по: *Дмитриева О.В.* Елизавета. М., 2004. С. 264–266.

² Цит. по: *Субботин А.Л.* Фрэнсис Бэкон и принципы его философии // *Бэкон Ф.* Сочинения. Т. 1. М., 1977. С. 9–10.

³ *Бэкон Ф.* Афоризмы об истолковании природы и царстве человека // *Бэкон Ф.* Сочинения. Т. 2. М., 1978. С.19.

⁴ *Бэкон Ф.* О достоинстве и приумножении наук. Книга шестая // *Бэкон Ф.* Сочинения. Т. 1. М., 1977. С. 367.

Раскрыв источник «зла», Бэкон начинает перечислять причины возникновения человеческих заблуждений. Говоря о заблуждениях, причиной которых является ненадлежащее качество загружаемых в человеческий разум идей, Бэкон вплотную подходит к ответу на вопрос об источниках общественного согласия. Казалось бы, ответ лежит на поверхности: источником общественного согласия служит унификация источников познания. Для того чтобы люди понимали и поддерживали друг друга, понимали и принимали как должное действия чиновников различных социальных институтов, согласованно действовали, государству нужно всего лишь обеспечить, чтобы в обществе существовало единое мировоззрение, был принят к употреблению один, унифицированный для всех комплекс идей. Этот вопрос обсуждается и в наши дни¹.

Однако есть одно «но». Само по себе единое мировоззрение и, как следствие, общественное согласие в обществе не является гарантией того, что в основу мировоззрения будет положена «истинная идея». Людей могут связывать между собой как истина, так и заблуждение². XX в. дал нам достаточно наглядных примеров, подтверждающих мысль Бэкона. К этому можно только добавить, что, если в основу унифицированного комплекса идей будет заложено заблуждение, оно со временем неизбежно вступит в противоречие с реальной действительностью, как следствие, с наукой и с задачами развития. В итоге неминуемо разрушение и общественного согласия, и самого общества.

То есть само по себе достижение общественного согласия на неверной основе решает проблему только на время и делает неизбежным печальный финал. Следовательно, проблема достижения общественного согласия в своем решении распадается на две самостоятельные задачи: задачу создания научного знания, отражающего достаточно близкое приближение к реальной действительности, к действительному порядку вещей; и задачу создания единой системы обучения и пропаганды для внедрения этого знания в сознание людей.

Отметим, что у Бэкона обе задачи внутренней политики государства в своем решении сливаются воедино. Ввиду отсутствия внутренних противоречий конфликт между задачей развития общества и задачей достижения общественного согласия снимается, т.к. появляются четкие критерии оценки деятельности всех органов власти и управления.

¹ *Шириняц А.* Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России // Вестник Российской нации. 2015. № 4. С. 175–187; *Шириняц А.А.* Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 166–183.

² *Бэкон Ф.* Афоризмы об истолковании природы и царстве человека // *Бэкон Ф.* Сочинения. Т. 2. М., 1978. С.16.

ГАНА: ОТ ЭЙФОРИИ НЕЗАВИСИМОСТИ К ПЕРВОМУ КРИЗИСУ ВЛАСТИ

Цветков Эдуард Георгиев
(Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова)

Кваме Нкрума¹ свергли 24 февраля 1966 г. Первое независимое государство Африки, провозгласив курс на строительство справедливого общества, не продержалось и десяти лет из-за противоречий развития. Режим К. Нкрума эволюционировал от демократического до авторитарного.² В 1961 г. К. Нкрума стал пожизненным председателем НПК³, завершилась чистка органов власти от иностранцев, в 1964 г. запретили оппозицию, а К. Нкрума стал пожизненным президентом⁴.

До 1964 г. оппозицию Ганы представляла Объединенная партия. Выборы депутатов в Национальное собрание в г. Кумаси в 1959 г. показали, что НПК далеко до безоговорочной поддержки. Еще в демократические времена отношения власти и оппозиции не отличались теплотой – раскрывались заговоры, аресты и ссылки были обычным делом. Параллельно шли репрессии против традиционной знати⁵.

Политическая оппозиция участвовала в президентских выборах 1960 г. Программа кандидата в президенты от Объединенной партии Дж.Б. Данква предвосхищает негативные стороны развития режима К. Нкрумы. В качестве проблем отмечены стремление К. Нкрумы к авторитаризму, необходимость усиления политических институтов, сохранение нормальных отношений с Англией, восстановление прав на владение землей племен и вождей, уход государства из экономики. От-

¹ Кваме Нкрума (1909–1972) – интеллектуал, философ, автор теории «коншиенсизма», лидер национально-освободительного движения колонии Золотой Берег, глава Народной Партии Конвента, первый премьер-министр 1957–1960 гг. и президент 1960–1966 гг. независимой Ганы.

² *Ali Mazrui. Nkrumah: The Leninist Czar // Transition. 1966. № 26. P. 8–17.*

³ Народная партия конвента – социалистическая партия Ганы, основана К. Нкрума 12 июня 1949 г.

⁴ *Arnold Beichman. Western Socialists and Ghana // Transition. 1967. № 30. P. 28–29.*

⁵ Записка О.Л. Орестова, корреспондента «Правды», «О политическом положении в Гане» от 22 апреля 1959 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 573. Оп. 3. П. 2. Д. 5. Л. 2–41.

дельно Дж.Б. Данква обвиняет К. Нкруму в деспотизме и стремлении к диктатуре, а так же в использовании «грязных» политических технологий. В укор К. Нкрума призывает голосовать за проект конституции, напечатанный только на английском языке всего в 10 тыс. экземплярах для 2 млн правоспособного населения. Кроме того, копии проекта конституции не распространялись бесплатно, а продавались по шиллингу за штуку¹. О том, что в стране были силы, недовольные К. Нкрумой, свидетельствуют покушения 1 августа и 9 сентября 1962 г. и 8 января 1963 г., произошедшие после начала курса на усиление единоличной власти².

К. Нкрума говорил: «Африка не является дополнением к Европе и нельзя допустить, чтобы Африка стала ареной Холодной войны. Не должна она быть и ареной создания конфликтов между Западом и Востоком»³. Но в реальности Гана, как и многие другие страны Африки, оказалась втянутой в противостояние, а политика «позитивного нейтрализма» основанная на «принципах Бандунга», осталась только в политических декларациях.

План первой пятилетки 1959–1964 гг. был странным, как такового планирования фактически не было. Из необходимых 342 млн. фунтов для реализации плана⁴ правительство гарантировало только 10 млн, остальные средства, а вместе с ними и технологии должны были предоставить *частные* инвесторы⁵. Для этого в 1958 г. принят закон о гарантиях капиталовложений, в 1960 г. ликвидирован финансовый госконтроль за иностранными инвестициями и разморожены французские активы⁶. Гана рассчитывала на соглашение с США от 3 июня 1957 г., в котором говорилось о содействии в развитии сельского хозяйства, дорожной сети, образования, геологоразведки и проекту на р. Вольта⁷.

¹ Программа лидера Объединенной партии Дж.Б. Данква в борьбе за пост президента Ганы, цит. по: «Гана Ньюз Эдженси» 28 марта 1960 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 141–144.

² Обзор экономики Ганы за 1962 год. Справки и информации об оказании технического содействия Гане // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 365. Оп. 2. Д. 2843. Л. 16.

³ Из выступлений премьер-министра Ганы на конференции позитивных действий и безопасности в Африке 7 апреля 1960 г. в Аккре // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 172.

⁴ По плану предполагалось создание не менее 600 промышленных предприятий.

⁵ Записка О.Л. Орестова... // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 2. Д. 5. Л. 30–31.

⁶ Цит. по: «Гана Таймс» 4 апреля 1960 г., статья «Финансы» // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 191; Цит. по: «Дейли График» 12 апреля 1960 г., статья «Бум инвестиций в Западной Африке» // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 193–194; Цит. по: «Гана Таймс» 22 апреля 1960 г., статья «Французские активы разморожены» // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 203.

⁷ Цит. по: «Гана Таймс» 6 февраля 1960 г., статья «Американская техническая помощь Гане «разнообразит» экономику» // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 73.

Год от года Гана страдала от дефицита бюджета из-за неразвитости экономики, низких цен на какао, необходимости оплачивать множество дорогостоящих проектов и непредусмотренных трат. Нерациональное использование средств очевидно¹, когда речь заходит о строительстве Института ядерной физики за 400 тыс. фунтов или трата 300 тыс. фунтов на прием в ноябре 1961 г. в Аккре Елизаветы II². Финансирование дорогостоящих проектов объяснимо стремлением совершить качественный скачок в развитии. Понятна и двойственность политики К. Нкрумы в отношении Британии и расходы на прием королевы. Англия – главный внешнеторговый партнер Ганы и основной источник доходов. Но на фоне дефицита, антиколониальной и антикапиталистической риторики и сближения с СССР такие затраты на прием королевы выглядят необоснованно.

Принято считать, что после сближения с СССР в 1960 г. Гана развивалась за счет советской помощи³. Дипотношения установлены лишь 14 января 1958 г., а посольство СССР открылось только в 1959 г.⁴ До 1960 г. участие СССР в экономике Ганы можно считать нулевым. Полноценное взаимодействие началось только после подписания ряда соглашений, обеспечивших ее основу⁵. В 1962 г. состоялся визит А.И. Микояна⁶, проведена Советская торгово-промышленная выставка, подписаны контракты⁷. Как отражение политических изменений с 1961 г. в Гане начинает расти государственный сектор. За 1962–1963 гг. появилось более 100 госхозов, но они давали только 5% экспорта зерна, бананов и овощей и никак не касались главного источника доходов – какао-бобов. Как и госхозы, промышленные госпредприятия были убыточны. Спичечная фабрика за 1962 г. с учетом роста выпуска продукции на 44% «чистыми» заработала 9 тыс. фунтов!⁸ Только госконтроль 75% внешней торговли позволял держаться К. Нкруме у власти⁹.

¹ Записка О.Л. Орестова... // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 2. Д. 5. Л. 6.

² Обзор экономики Ганы за 1962 год. Справки и информации об оказании технического содействия Гане // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2843. Л. 43–45.

³ Экономика независимых стран Африки. М. 1972; *Ульяновский Р.А.* Социализм и освободившиеся страны. М., 1972; *Солодовников В.Г.* Современный этап некапиталистического развития в Азии и Африке М., 1972; *Ульяновский Р.А.* Социализм и освободившиеся страны. М., 1972.

⁴ О Гане (справочная информация по стране общего характера). URL: <http://www.ghana.mid.ru/ghana.html> (дата обращения: 29.11.2017).

⁵ «Торговое Соглашение между СССР и республикой Ганой» 4 августа 1960 г.; «Соглашение о техническом и экономическом сотрудничестве» и «Соглашение о культурных связях» 1961 г.

⁶ В 1962 г. А.И. Микоян занимал пост заместителя председателя Совета Министров СССР.

⁷ Обзор экономики Ганы за 1962 год. Справки и информации об оказании технического содействия Гане // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2843. Л. 10–11.

⁸ Там же. Л. 1–60.

⁹ *Carl K. Eicher* Facing Up to Africa's Food Crisis // *Foreign Affairs*. 1982. Vol. 61. № 1.

Неэффективность нкрумаистской политики стала причиной переворота 24 февраля 1966 г. во главе с генералом Дж. Анкрой. После объявления о захвате власти в Гане военными, НПК оказалась вне закона, а сам К. Нкрума нашел убежище в Гвинее-Конакри. Гана стала первой страной, сошедшей с пути строительства социализма в Африке.

Уже через 3 месяца после переворота «Национальный Совет Освобождения» обратился с просьбой вернуть 327 советских моряков¹, а в октябре 1966 г. поступили более масштабные предложения² о расширении торговли, продолжении реализации проектов, отсрочке по платежам по кредиту 1961 г. и пересмотре его условий, возвращении специалистов³. Просьбы были направлены послу СССР в Гвинее-Конакри И.Л. Вороницу, т.к. посольство СССР в Аккре было ликвидировано после переворота⁴.

До 1960 г. Гана не пользовалась кредитами. Капиталистические страны⁵ за 1961–1962 гг. дали займов 225 млн. фунтов⁶. Израиль и США еще обещали оборудовать по 3 госхоза!⁷ СССР в 1960 г. выделил кредит в 160 млн руб.⁸ на проекты развития⁹. Но насколько существенным был такой кредит для Ганы? Фунт Ганы в 1960 г. равнялся британскому фунту¹⁰. Курс рубля в 1960 г. к британскому фунту был 11,2 руб. за 1 фунт¹¹. После денежной реформы 1961 г. размер кредита должен был измениться. К со-

¹ Справка об эксплуатации рыболовных судов, поставленных из СССР в Республику Гана от 8 июня 1966 г. // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 584. Л. 135–136.

² Меморандум МИД Ганы советской стороне от 6 октября 1966 г. // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 584. Л. 138–142.

³ Просьба МИД Ганы о возвращении советских специалистов на объекты совместного строительства, для завершения проектов и их эксплуатации от 19 сентября 1966 г. // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 584. Л. 143.

⁴ *Мазов С.В.* Кваме Нкрума // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Вып. 3 (19). URL: <http://history.jes.su/s207987840000467-2-1> (дата обращения: 12.02.2018).

⁵ Наибольшее значение для экономического развития Ганы имели: США, Великобритания, ФРГ, Канада, Франция, Италия, Голландия, Израиль и Япония.

⁶ По замечанию составителя справки, сведения приводятся на основании анализа периодической печати Ганы, ввиду того, что из официальных источников такие сведения получить невозможно.

⁷ Обзор экономики Ганы за 1962 год. Справки и информации об оказании технического содействия Гане // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2843. Л. 1–60.

⁸ Протокол к соглашению об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Ганой от 4 августа 1960 г. от 23 декабря 1960 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 23. Л. 20.

⁹ Приложение к Протоколу от 23 декабря 1960 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 23. Л. 22–25. Приложение к Протоколу от 23 декабря 1960 г.

¹⁰ Торговое соглашение с Ганой от 4 августа 1960 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 23. Л. 13.

¹¹ Курс рубля к британскому фунту стерлингов с 1791 года по сегодняшний день // Русский портал. URL: <http://www.opoccuu.com/kurspound.htm> (дата обращения: 12.02.2018).

жалению, в распоряжении автора нет документа, отражающего изменение этой суммы для Ганы. Однако имеются данные о кредите Гвинее в 140 млн. рублей¹, выданном СССР в августе 1959 г. и «Протокол о пересчете суммы кредита...». Кредит для Гвинеи пересчитывался *«в соответствии с изменениями и устанавливается в размере 50 миллионов 850 тыс. рублей»*².

В рублях 1961 г. сумма кредита номинально снижалась в 2,75 раза. По той же логике пересчета кредит в отношении Ганы в рублях 1961 г. составил 58 млн 115 тыс. руб. Сумма в 160 млн руб. в 1960 г. по курсу равна 14,3 млн фунтов, что сопоставимо с кредитами от Франции, Италии и Канады (от 10 до 12 млн)³. Реформа 1961 г. увеличила кредит в фунтах до 23 млн, что превышало объем английских займов (15,5 млн), но почти в 3 раза уступало кредитам из ФРГ (68 млн) и в 4 раза из США (100 млн)⁴. В реальном выражении кредит от СССР составлял лишь 10% от совокупности кредитов капиталистических стран.

Деколонизация не означала мгновенного благополучия, и влияние Запада никуда не исчезло⁵, но теперь ответственность за успехи и просчеты полностью ложилась на национальное руководство. К. Нкрума не смог конвертировать поддержку мирового сообщества⁶ в создание эффективной (капиталистической или некапиталистической) модели экономического развития. Поэтому период нахождения у власти К. Нкрумы необходимо понимать скорее как политическое намерение развиваться по некапиталистическому пути, где самому К. Нкрума импонировала модель безграничной политической власти. Еще в 1959 г. корреспондент «Правды» О.Л. Орестов отметил, что НПК существует лишь за счет личной харизмы К. Нкрумы, который, впрочем, охотно поддерживал собственный культ.

«Все митинги партии... начинаются с молитвы, а потом восхваления Нкрума:

- Кто наш вождь? Кваме Нкрума!
- Кто ведет нас к победе? Кваме Нкрума!
- Кто отец народа? Кваме Нкрума».
- «Нкрума – мой муж» – кричат женщины»⁷.

¹ Советско-гвинейское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве от 24 августа 1959 г. // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 819. Л. 3.

² Письмо Д.С. Солода на имя В.А. Брыкина от 14 марта 1961 г. / Протокол о пересчете суммы кредита и операций по нему, в соответствии с изменением золотого содержания рубля // АВП РФ. Ф. 575. Оп. 4. П. 5. Д. 20. Л. 44–46.

³ Обзор экономики Ганы за 1962 год. Справки и информации об оказании технического содействия Гане // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2843. Л. 9–10.

⁴ Там же. Л. 1–60.

⁵ Записка О.Л. Орестова... // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 2. Д. 5. Л. 2–41.

⁶ Международные организации МВФ, ООН и др., Европа, Израиль, США, СССР, Китай и др.

⁷ Записка О.Л. Орестова... // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 2. Д. 5. Л. 10–12.

МИТРОПОЛИТ ХРИСАНФ: АРХИВ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ПЕРИОД 1916–1917 гг.), ЛИЧНОСТЬ¹

Цыпкина Анна Георгиевна
(Архив РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова)

Митрополит Трапезундский (1913–1925), афинский архиепископ Хрисанф (1938–1941), в миру Харилаос Филиппидис, – греческий церковный и общественный деятель, ученый, автор фундаментальной «Истории Трапезундской церкви». С 1904 г. как представитель митрополита трапезундского вилайета молодой Хрисанф начинает регулярно выступать арбитром в межнациональных и межрелигиозных отношениях христиан и мусульман Понта. Дипломатический талант, такт, природный ум и многие другие обстоятельства сделали его влиятельной фигурой. Как защитник и проводник интересов греческого населения он играл ведущую роль в Трапезунде и в 1916–1917 гг., когда город был захвачен русскими войсками, и позже. Митрополит поддерживал непосредственные отношения с русской администрацией города и с учеными, прибывшими исследовать памятники средневековья. Скорее всего, именно тогда зародился его интерес к истории края, которую он, получивший философское образование, впоследствии осветил в фундаментальном труде «История Трапезундской церкви». В 1928–1949 гг. Хрисанф стоит во главе Общества понтийских исследований, становится одним из основателей известного научного журнала «Древний Понт» («Archeion Pontou»), который по сей день издаётся и является одним из авторитетных журналов в данной исторической области.

Жизнь и исследования митрополита Хрисанфа довольно подробно описаны им самим в книгах «Воспоминания» и «Трапезундская церковь» соответственно, а также в трудах его личного биографа, историка Георгия Тасудиса, издавшего собрание некоторых проповедей и статей митрополита. В настоящем докладе будет рассказано о деятельности митрополита Хрисанфа в Трапезунде в 1916–17 гг. на основе его личного архива, ныне хранящегося в Афинах, воспоминаний самого митрополита, писателя и чиновника особых поручений в русской администрации Трапезунда С.Р. Минцлова, академика Ф.И. Успенского и других.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14–28–00213).

За предоставленную возможность работать в афинских архивах и библиотеках благодарю также Французский институт в Афинах (Ecole française d'Athènes).

Архив митрополита может дать нам некоторое количество сведений о Трапезунде того времени, визуальных в том числе. Хотя большое количество фотографий г. Трапезунда и его памятников было использовано самим митрополитом Хрисанфом для иллюстрации своего фундаментального труда, однако большая часть оказалось неопубликованной, поэтому в докладе будет представлен обзор материалов, относящихся к указанному периоду. Биограф Хрисанфа, Тасудис, не иллюстрировал свои исследования вовсе. Материал будет интересен как исследователям новой истории Греции, понтийского геноцида, так и людям, занимающимся исследованиями трапезундских памятников. Большая часть фотографий из архива митрополита датируется периодом начала XX в. и середины 30-х гг. того же столетия.

С.Р. Минцлов, автор «Трапезундской эпопеи», писал о митрополите Хрисанфе, что при всей своей образованности, митрополит не знал русского языка и владел только английским, французским и немецким, что для греческого представителя духовенства являлось нетипичным даже в те времена (переписка с русской администрацией велась им на французском языке). Многие обращали внимание на прозападническую ориентацию Хрисанфа. Может быть, именно по этой причине в архиве Хрисанфа не оказалось вообще никакой документации¹ об экспедиции Ф.И. Успенского в Трапезунд, ни даже писем Ф.И. Успенского митрополиту, несмотря на то, что указания на таковые имеются в архиве академика и его записных книжках. Что касается русского присутствия в Трапезунде, оно в основном отражено в фотоархиве митрополита и воспоминаниях – и в особенности приезд великого князя Николая Николаевича в Трапезунд. Захвату Трапезунда русскими войсками посвящена также памятная страница на сайте Понтийского общества – <http://www.epm.gr/epm.htm> – и, скорее всего, фотографический материал поступил туда в том числе из архива митрополита.

Период 1916–1917 гг. деятельности Хрисанфа греческими биографами и архивистами обозначается в первую очередь как время работы над газетой «Комнины»². Это периодическое издание выпускалось в Трапезунде, главным редактором был Хрисанф. События излагались через призму интересов греческой общины города в первую очередь, основным защитником интересов которой был митрополит. Там публиковались, основные события городской жизни того времени, материалы исторического характера. На основе архивных источников из фонда Хрисанфа (хотя и в некотором отношении довольно скудных), свидетельств и воспоминаний очевидцев с греческой и русской сторон будет освещена научная,

¹ Имеются в виду подраздел «Разные письма» (1910–1920) и «Входящие» (Διάφορα ἔγγραφα (1910–1920) и Εἰσέρχόμενα) конверты 1.3, 7.5, 8 // Греческий литературный и исторический архив (ELIA), личный архив митрополита Хрисанфа.

² Здесь имеются в виду Великие Комнины – династия, правившая Трапезундской империей в 1204–1461 гг.

культурная и социальная жизнь города, в которой активно участвовал герой нашего повествования, в указанные временные рамки.

Фотографии предоставлены Национальным историческим музеем в Афинах и Обществом понтийских исследований.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ АКЦИИ В ПОМОЩЬ ДЕТЯМ В 1920-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ КАРЕЛИИ)

*Чебаковская Александра Вячеславовна
(Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН)*

Буквально с первых дней советской власти вопросы охраны детства ставятся под государственный контроль. Была создана система защиты детей, включавшая в себя государственные и общественные организации, разного рода объединения и институты, участвующие в заботе о здоровье детей, в организации их быта и жизни. Советское государство стремилось реализовать в области охраны детства принцип, при котором приоритет отдавался общественному воспитанию над частным. Забота о детях провозглашалась обязанностью государства, но привлечение общественности было заметно на протяжении всего рассматриваемого периода.

Цель данного исследования – выявить роль общественности в оказании помощи детям в 1920-х гг. (на материалах Карелии).

Советское законодательство менялось в соответствии с новыми подходами к воспитанию детей. В середине 1920-х гг. были предприняты меры к развитию институтов опеки и патронирования в форме массовых кампаний государства, был восстановлен институт усыновления.

Государственные организации участвовали в привлечении советской общественности к проблемам охраны детства. Например, Комиссия по улучшению жизни детей в Карелии (Деткомиссия при КарЦИК) оказывала помощь детям, в том числе и через поиск дополнительных денежных средств. Для этого привлекалось местное население, которое распространяло марки, значки, литературу, карточки «Друзья детей», устраивало вечера, концерты, лотереи, кампании и др. Состав Комиссии был из представителей различных организаций, которые совмещали эту работу со своей основной, не получая денежного вознаграждения. Лишь личная инициатива работников определяла успешность в данном деле. В детской социальной инспекции работали также по совместительству представители детских домов и добровольцы от женотделов и комсомола. Социальные инспекторы организовывали облавы на беспризорников, обследовали условия содержания детей в учреждениях, в семьях, дежурили в местах скопления «подопечного контингента»¹.

¹ *Кривоносов А.Н.* Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 95.

25 июля 1924 г. ЦИК СССР принял постановление «Об общесоюзном и местных фондах им. В.И. Ленина для организации помощи беспризорным детям». В феврале 1925 г. фонд был учрежден в Карелии. Началась активная работа по привлечению средств, например, часто проводились лотереи в пользу фонда им. В.И. Ленина¹.

Благодаря агитационной кампании с марта 1926 г. в Карелии стали создаваться ячейки общества «Друг детей», инициированные Деткомиссией при КарЦИК. В 1926 г. в Петрозаводске существовало 40 ячеек общества с количеством 1569 человек. Местные общества «Друг детей» существовали по всей стране, они собирали средства для создания детских учреждений, организовывали митинги, лекции, выставки по проблемам охраны детства, занимались вопросами устройства детей в детские учреждения или на работу и др. Постоянно происходила вербовка новых членов в общество «Друг детей». Членские взносы частично расходовались на оказание помощи беспризорным детям, на организацию летних детских площадок и отправку детей в колонии. 2 января 1929 г. в Карелии была проведена конференция общества, на которой были подведены итоги работы организации². Неоднократно в местной газете публиковались призывы вступать в общество «Друг детей». Для проведения мероприятий требовалось много усилий инициативных членов данного общества.

В 1920-х гг. была поставлена задача борьбы с беспризорностью, для решения которой привлекались рабочие, красноармейские части, кооперативы и др. Рабочие предприятий, профсоюзы и отряды милиции оказывали поддержку детским учреждениям. В частности, в Карелии в пользу детей денежные средства жертвовались служащими Керетской лесозаготовительной дистанции «Северлеса», предприятия «Хлебопродукт»³ и др. Например, рабочие станции Петрозаводск в 1924 г. решили открыть на своей территории ясли для беспризорных детей⁴. Коллективы разных организаций проводили вечера, спектакли, кружечные сборы в пользу беспризорных. Местное население в деревнях Карелии не оставалось в стороне в вопросах организации ясель и детских площадок на летнее время.

Важное место занимало коллективное шефство над детскими учреждениями. Пропагандистскую работу в этом направлении проводили женотделы и работники отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава и Наркомпроса РСФСР. В начале рассматриваемого периода шефство получило широкое распространение, но в середине 1920-х гг. оно стало осуществляться больше всего в виде формального отчисления средств в пользу учреждения.

Активность в деле охраны детства проявляли сотрудники местных газет, которые размещали агитационную информацию для привлечения

¹ Лотерея в пользу детей // Красная Карелия. 1925. № 26. С. 1.

² Конференция общества «Друг детей» // Красная Карелия. 1929. № 6. С. 4.

³ А они помогли детям // Красная Карелия. 1924. № 124. С. 3.

⁴ На помощь беспризорным детям! // Красная Карелия. 1924. № 124. С. 2.

общественности к проблемам нуждающихся детей. Ежегодно публиковались заметки о необходимости помочь беспризорным детям, детским учреждениям или сведения о мероприятиях, например, проведении «Недели беспризорного ребенка», «Трехдневника по охране материнства и младенчества». Весной 1923 г. по стране была объявлена «Неделя беспризорного и больного ребенка», в ходе которой отчислялись денежные средства в пользу детей для открытия детских учреждений. В Карелии данное мероприятие также проводилось и освещалось в газете, которая призывала принять активное участие в проводимой кампании путем добровольных пожертвований, отчислений от заработка и распространения билетов и марок. Агитационно-пропагандистская работа была связана с докладами инспекторов Народного комиссариата просвещения АКССР (Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика с 1923 г., в 1920–1923 гг. – Карельская трудовая коммуна) на конференциях с широким освещением положения детей, в том числе беспризорных.

Подводя итоги, отметим, что взаимодействие государства и общественности было в стадии поиска оптимальных форм сотрудничества. Привлекая население к проведению различных кампаний в пользу детей, государство поощряло не все частные инициативы. Такие формы общественной помощи сиротам и беспризорным, как патронирование или коллективное шефство развивались, главным образом, под давлением государства либо благодаря усилиям отдельных энтузиастов из числа педагогов и воспитателей детских учреждений, а также работников местных Деткомиссий и их добровольных помощников. Распространение билетов, значков, проведение концертов, спектаклей, кампаний, инициируемые государственными структурами, стали формой сотрудничества общества и государства в социальной сфере. Местные газеты активно участвовали в агитационно-пропагандистской деятельности в сфере защиты детей. Таким образом, в деле охраны детства в 1920-е гг. традиционные формы помощи общественности дополнялись новыми, среди которых наиболее значимыми являлись обязательные отчисления работающих в пользу детей, шефство предприятий, а также создание общества «Друг детей».

ЭВОЛЮЦИЯ РАСОВОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В США В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

*Чекалова Мария Андреевна
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

XIX в. в мировой истории стал веком широкомасштабной колониальной экспансии и одновременно обострения расовой проблемы. Белые европейцы оправдывали установление влияния на территории Азии и Африки представлениями о превосходстве и высоком уровне цивилизованности белой расы. При этом содержание расового дискурса определялось через включение представителей одних рас и исключение других из сферы политического. Это стало возможным благодаря появлению расовых теорий, биологизирующих социально-политические отношения (Ж.А. Гобино, Г. Лебона и др.)

В США расовая проблема была связана, в первую очередь, с институтом рабства, официально существовавшим до 1863 г. Одной из особенностей американского рабства стало разнообразие его форм на Севере и на Юге. Если на Севере рабы рассматривались в основном как прислуга и выполняли чисто хозяйственные функции, то на плантационном Юге, где основной целью являлась максимизация прибыли, рабы были не чем иным, как собственностью. Этим объясняется жестокость по отношению к негритянскому народу. Рабство было несовместимо с наличием каких-либо прав (тем более при отсутствии гражданства США).

Рабовладельческая элита, чтобы укрепить собственные позиции, стала развивать расистские взгляды в отношении негров, стремясь настроить белые «низы» против чернокожих и найти источник оправдания своей захватнической и эксплуататорской политики. Рабовладельческая система зиждилась на идее о превосходстве белой расы над черной. Этому способствовало появление в 50-х гг. XIX в. расовых теорий американских ученых, которые идеологически обосновывали переход от дихотомии раб/рабовладелец к расовому противостоянию как основе социальных отношений.

Основоположником расовой антропологии в США стал американский врач Сэмюэл Мортон (1799–1851). Известным стало его утверждение о том, что «размер головного мозга может стать ключом к пониманию различий умственных способностей представителей всех рас»¹. Ученый

¹ *Morton Geo.S. Crania americana or a comparative view of the skulls of various aboriginal nations of North and South America. Philadelphia; London, 1839. P. 274.*

писал, что уровень интеллекта различных народов напрямую связан с возможностью достижения ими определенного уровня политической независимости. Негритянский народ, по его мнению, обречен находиться в подчинении, поскольку у него отсутствует дух воинственности¹.

Идеология расизма не только оправдывала угнетение рабов, но и стала инструментом для преодоления классового конфликта в американском обществе. Фактически, она смогла привести к общей цели (сохранению рабства) бедных фермеров и представителей рабовладельческой элиты, утверждая, что даже белые бедняки находятся в более выгодном положении и обладают большими правами, чем чернокожие рабы. Цвет кожи стал показателем социального и политического равенства американских граждан.

Положение бывших рабов после Гражданской войны изменилось только с юридической точки зрения. По факту чернокожие все еще считались людьми «второго сорта», обладая при этом всеми атрибутами маргинальной жизни, а именно отсутствием собственности, полной экономической зависимостью, низким уровнем грамотности и политической культуры, ограниченным набором гражданских прав. Неудивительно, что основными требованиями негритянского народа были собственность (земля) и избирательное право.

Позиции тех, кто стремился вернуть систему эксплуатации и господства плантаторов, на Юге были сильны. В первую очередь речь идет о президенте США Эндрю Джонсоне (1808–1875), чьи действия отражали его лояльность по отношению к бывшим рабовладельцам. В целях пресечения попыток упрочить правовой статус освобожденных афроамериканцев американский президент наложил вето на «Закон о гражданских правах» 1866 г. В марте следующего года Джонсон отклонил первый Реконструкционный акт республиканцев, гарантировавший избирательное право для негров, посчитав этот политический шаг противозаконным.

Попыткой возродить рабовладельческую систему являлось принятие южными штатами законодательных актов, т.н. «черных кодексов». Они были призваны ограничить свободу бывших рабов в сфере трудового, избирательного, уголовного права. Например, в Южной Каролине вводилась система раздельных судов для чернокожих и белых; только для негров была предусмотрена смертная казнь как высшая мера наказания и т.д.²

Нельзя не упомянуть и о деятельности расистской группировки Ку-клукс-клан, созданной в 1865 г. и призванной осуществлять акты массового террора против афроамериканцев во имя принципа превосходства белой расы. Основными задачами организации клановцы считали содей-

¹ Ibid. P. 282–283.

² South Carolina's 'Black Code 1865. URL: http://ldhi.library.cofc.edu/exhibits/show/after_slavery_educator/unit_three_documents/document_eight (дата обращения: 28.02.2018).

стве сохранению уникальности американских институтов, традиций и идеалов; а также недопущение политического равенства чернокожих¹.

Несмотря на столь явное противостояние свободам афроамериканцев, в период «Реконструкции Юга» все же были сделаны попытки узаконить их статус равноправных граждан США. В связи с этим стоит упомянуть принятие «Закона о гражданских правах» 1866 г. в обход президентского вето, что является заслугой радикальных республиканцев во главе с Тадеушем Стивенсом (1792–1868) и Чарльзом Самнером (1811–1874). Закон гарантировал равенство всех перед законом, независимо от цвета кожи², предвосхитив принятие четырнадцатой поправки к Конституции США, окончательно решившей вопрос о гражданстве для афроамериканцев³.

Начиная с 1890-х гг. южные штаты стремились ограничить избирательное право негров. Поправки в избирательное право были приняты в следующем порядке: Миссисипи – 1890 г.; Южная Каролина – 1895 г.; Луизиана – 1898 г.; Северная Каролина – 1900 г.; Алабама – 1901 г. и др. Суть этих поправок заключалась в том, что будущий избиратель должен был заплатить все налоги, а затем, чтобы зарегистрироваться, должен был преодолеть имущественный и образовательный ценз⁴. Для негров, которые так и не получили землю после освобождения и подвергались дискриминации в школах, это означало только одно – отстранение от участия в политической жизни государства, невозможность заявить о своей гражданской позиции.

Система джим-кроизма скрывала главную причину введения расистских законов, действовавших на всей территории США. Как и в период рабовладения, так и после отмены рабства в основе расовой сегрегации лежал экономический фактор. С конца 1880-х гг. переход к монополистическому капитализму сопровождался ориентацией на максимизацию прибыли, которую можно было извлечь лишь при использовании дешевого неквалифицированного труда. Более того, как считают некоторые исследователи, политика дискриминации была направлена на ослабление совместной борьбы белых и чернокожих трудящихся за свои права⁵.

К началу 1920-х г. в США наметилась тенденция на значительный рост негритянского пролетариата и отток населения на Север. Это, в свою очередь, спровоцировало негодование плантаторов, боявшихся потерять

¹ West J.L. The Reconstruction Ku Klux Klan in York County, South Carolina, 1865–1877. McFarland & Co., 2010. P. 119–122.

² Civil Rights Act // The American Nation: Primary Sources. Indianapolis, 2008. P. 172–175.

³ Конституция США: Поправка XIV. URL: <http://amerikos.com/usa/pr-14-st/> (дата обращения: 28.02.2018).

⁴ Negro suffrage from 1890–1915 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 535. Оп. 2. Д. 141. Л. 77.

⁵ Краснопольский А.С., Пашерстник А.Е. Бесправное положение негров в США. М., 1954.

рабочую силу. Массовая миграция негров на Север, конкуренция за рабочие места, перенаселенность городских гетто привели к социальному взрыву. На Севере наиболее кровавые расовые беспорядки разразились в Чикаго. Так, в июле 1919 г. на пляже был убит чернокожий подросток, и полиция отказалась арестовать белых преступников. После этого начался конфликт. Более 30 расовых бунтов прокатились летом 1919 г. в крупных городах разных штатов. Это являлось свидетельством радикализации расовой проблемы в США.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ НОВОЧЕРКАССКА: ДОНСКОЙ ПАРЛАМЕНТ В 1917–1918 гг.

Черемухин Вячеслав Владиславович
(Московский педагогический государственный университет)

Русская революция 1917 г. породила много новых явлений в общественной и политической жизни страны, которые до периода революции были практически невозможны при устоявшейся системе управления. Так, новые явления происходят в жизни российского казачества и, в частности, казачества Вольного Дона. Попытки восстановить систему представительства казачества на территории войска для руководства делами местного самоуправления выдвигались на протяжении 1908–1913 гг. казачьей группой Государственной Думы, но не были доведены до конца¹.

Система управления донским казачеством до февраля 1917 г. основывалась на системе назначения наказного атамана войска лично императором. Последним наказным атаманом войска стал граф М.Н. Граббе, назначенный на этот пост в мае 1916 г. После революции атаман был снят с должности и начался процесс восстановления традиционных институтов казачьей власти.

12 марта состоялось собрание донских казаков, на котором было принято решение о создании Союза казаков². Союз донских казаков лишь позднее признал Временное Правительство и обещал оказывать ему поддержку³. 16 апреля в Новочеркасске собирается общеказачий съезд донцев, на котором принимается в том числе и резолюции по земельным вопросам, об избирательном праве, а так же ряду других вопросов⁴. В съезде приняло участие около 700 казаков. Именно на этом съезде принимается историческое решение о восстановлении деятельности Войскового Круга⁵. Именно его и стоит называть донской парламент. Председателем парламента стал М.П. Богаевский, председатель Комиссии по выработке положения о выборах и созыве Войскового Круга. Интересно, что он являлся младшим братом будущего атамана А.П. Богаевского.

¹ *Сватиков С.* Донской Войсковой круг (1549–1919) // Донская летопись. 1923. № 1. С. 248–256.

² Русский инвалид. № 64. 15 марта 1917 г.

³ Русский инвалид. № 74. 29 марта 1917 г.

⁴ Русский инвалид. № 100. 30 апреля 1917 г.

⁵ *Савельев Е.П.* Войсковой круг на Дону, как народоправление. Исторический очерк. Новочеркасск, 1917. С. 15–16.

Восстановленный орган власти был создан 26 мая того же года. К нему перешла вся законодательная власть на территории войска. Исполнительную должен был возглавить один человек, должность для которого должна была быть восстановлена в ближайшее с этим время. Параллельно с событиями в Новочеркасске Общероссийский Казачий Круг (Союз казаков) работал в июне 1917 г. в Петрограде и выносил постановления об отношении к войне, организационным и правовым вопросам отношений казачества и государственной власти. «Сегодня исторический, большой важности день», говорили о 17 июне 1917 г.

Среди кандидатур на пост атамана были представлены несколько фигур: генерал А.М. Каледин, М.П. Богаевский, полковник Я.П. Араканцев, генерал-майор И.П. Астахов¹. Победу фактически под давлением со стороны казачьей общественности одержал А.М. Каледин. «...Снова, как встарь насеку, получил Атаман пернач – знак власти от самого Донского Войска, и его приветствовали свидетели славной истории Дона», – писали об этом моменте историки². Вместе с атаманом было создано Войсковое Правительство, которое фактически стало правительством автономной территории донских казаков, а округами управляли старшины правительства³.

Члены Войскового Казачьего Круга преподнесли от имени Круга адрес на имя войскового атамана. В нем было сказано: «Подтверждая сею грамотою нашу волю, вручаем тебе знаки атаманской власти и поручаем управление великим войском Донским в полном единении с членами войскового правительства, избранного так же вольными голосами войскового круга». В дальнейшем казаки просили осуществлять управление должны осуществляться за счет постановлений, «утвержденных войсковым кругом»⁴.

Следующая сессия Войскового Круга состоялась в 3–14 сентября 1917 г. в Новочеркасске. На ней было принято решение назначить новых старейшин Войскового Правительства. Это требовалось в силу того, что избранные на предыдущей сессии старейшины в условиях большой работы не могли справиться с возложенными обязанностями в полной мере⁵.

Дальнейшее политическое существование независимого Дона в полной мере зависело от того, какие слои населения будут готовы поддержать атамана и Войсковой Круг в борьбе с большевиками. Таганрог и Ростов выступили резкими противниками конфронтации с большевиками, когда те пришли к власти в Петрограде⁶. Фактически с 10 декабря Войсковой круг становится парламентом почти полностью независимого государ-

¹ Русский инвалид. № 142. 20 июня 1917 г.

² Очерк Политической Истории Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. С. 63.

³ Савельев Е.П. Указ. соч. С. 16.

⁴ Севский В. Казакий Иван Царевич // Донская волна. 1918. № 2. С. 9.

⁵ Савельев Е.П. Указ. соч. С. 16.

⁶ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 1. М., 2011. С. 376.

Президиум 1-го Войскового Круга. Новочеркасск. 18 июня 1917 года

ства. Но его конфронтация с атаманской властью, делает его бессильным перед наступлением большевиков, которые стремятся создать Донскую Социалистическую Республику.

Делается попытка и созывается третья сессия Войскового Круга 2 декабря, совпавшая с восстановлением казачьей власти в революционном Ростове¹. На ней выступают походный атаман А.П. Богаевский, обвиняя Круг в безынициативности². 12 декабря 1917 г. Круг принимает постановление о переходе всей полноты власти на территории войска к его правительству и подтверждает полномочия атамана, переизбирая его 562 голосами³.

После самоубийства А.М. Каледина в конце января 1918 г. круг фактически теряет рычаги власти. «Малый круг», в который были приглашены и неказачье население войска, так же не смог принять адекватных решений. Фактически первые сессии круга не приносят для казачьей демократии никаких ощутимых плюсов.

Этап после первого изгнания большевиков с Дона, начавшийся весной 1918 г., привел к созданию экстренного парламента – «Круга спасения Дона» (29 апреля – 5 мая). Избранный на этом круге донским атаманом П.Н. Краснов позже написал: «Круг не имел политической физиономии, и потому в нем не было и не могло быть политической борьбы. Этот *серый* Круг имел одну цель – спасти Дон от большевиков, спасти во что бы то ни стало и какую бы то ни было ценой»⁴. Общая численность этого круга была невысокой – 130 делегатов. Их основными решениями

¹ Добрынин В.В. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 – март 1920. Прага, 1921. С. 41.

² Головин Н.Н. Указ. соч. С. 377.

³ Добрынин В.В. Указ. соч. С. 42.

⁴ Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 190.

стали: избрание атамана, назначение даты созыва Большого Войскового Круга и принятие «Основных законов Всевеликого Войска Донского».

Первая редакция передавала большую часть полномочий атаману, который и предложил текст законов. Сам П.Н. Краснов вспоминал: «Этими законами вся власть из рук коллектива, каковым являлся Большой или Малый Круг, переходила в руки одного лица – атамана»¹.

15 сентября 1918 г. была принята вторая редакция «Основных законов». Отныне в республике было осуществлено четкое разделение властей: законодательная и верховная власть принадлежала Войсковому Кругу, исполнительная и военная власть принадлежала Атаману Всевеликого Войска Донского, судебная власть принадлежала Судебным Установлениям. Именно атаман отныне имел право созывать Войсковой круг на две сессии (время сессии избирается самим кругом) в году и в зависимости от ситуации на чрезвычайную сессию (пункты 6, 7, 8). Члены Войскового круга избирались на 3 года по «четырёххвостке»². Таковы были сессии донского парламента в 1917–1918 гг.

¹ Там же. С. 197.

² Основные Законы Всевеликого Войска Донского // Донская летопись. 1923. № 1. С. 301–302.

АБОРИГЕННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО СИБИРСКОГО ХАНСТВА В КОНЦЕ XVI – XVII в.: ИСТОКИ, ПРИЗНАКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

*Чернышов Сергей Андреевич
(Новосибирский государственный университет)*

Присоединение Западной Сибири к Русскому государству, начавшееся в 1580-х гг., имело противоречивые последствия для политического развития аборигенных социально-политических объединений. С одной стороны, русская администрация получила хорошую основу для включения Сибирского ханства в Московское царство: имея схожие с аборигенами представления об экономических, политических и социальных отношениях¹, русские в первые десятилетия властвования в Западной Сибири фактически занимались интеграцией уже существующих податных единиц – ясачных волостей Сибирского ханства².

С другой стороны, несмотря на то что еще в XVIII в. в Москве упоминается жизнь потомка хана Кучума³, реальную власть над Западной Сибирью сибирский царский род теряет после того, как в 1598 г. в битве на Ирмени погибает большая часть татарской элиты. Как когда-то в Казани⁴, места в «первом эшелоне» власти фактически становятся вакантными, что порождает противостояние между аборигенными правителями, которое можно интерпретировать как гражданскую войну. На первом этапе речь идет о легализации собственной власти через отношение к московскому царю. Так, уже в 1600–1603 гг. «формируются тюркские волости в составе Русского государства: Салжиутская, Кипчакская, Табынская, Айская, Киньрская, Бачкурская, Терсякская, Катайская, Сырнянская... Сам факт формирования этих волостей в указанные годы показывает стремление... к получению вотчинных кочевий уже из рук русского царя»⁵.

¹ *Шерстова Л.И.* Евразийский контекст аборигенной политики Московского царства в Сибири в XVII в. // Взаимодействие природы и общества в кочевой цивилизации Центральной Азии. Сб. научных трудов. Алматы, 2015. С. 96.

² *Бахрушин С.В.* Ясак в Сибири // *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1952–1959. Т. 3. Ч. 2. С. 53.

³ *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVII века. Иркутск, 1968. С. 42.

⁴ *Вернадский Г.В.* Московское царство. М., 1997. С. 56.

⁵ *Маслюженко Д.Н.* Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в южном Зауралье в 1600-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 5.

Царское правительство активно участвует в этом процессе, поддерживая отдельных лояльных правителей, которые получают право самостоятельного сбора ясака. Так, сыновьям князя Коды Алачи Игичею и Онже было разрешено самостоятельно собирать дань с двух остяцких волостей, не платя в казну никаких даней и пошлин¹. А княжество Бардака де-факто и де-юре было независимым вплоть до 1619 г., что выражалось в выплате поминок – формально добровольных платежей².

На следующем этапе интеграции местные правители-князья остаются на все том же уровне обособленности, однако русская администрация начинает открыто поддерживать среди местных элит тех, кто выгоден ей с определенными целями. Яркий пример – смена власти табаринскими татарами в Пелыме, где в результате формально «внутренних» интриг в 1598 г. к власти пришел Воча-мурза, поддержанный русскими. Он тут же отплатил своим покровителям, «ударив государю челом 40 соболями единожды», притом что годовая норма сбора ясака с этого образования составляла 68 соболей³. А в Пиковской волости селькупов в 1629 г. еще отмечается правление местного князя Сонгура, а уже через 10 лет – некоего Судзи Иванки, «выдвинувшегося за большие услуги перед новой властью»⁴. Иными словами, в местные элиты вбивается клин: князья начинают делиться по принципу формального источника власти – обязан или нет своим правлением московскому царю.

Другая тенденция противостояния элит: использование русских служивых людей в борьбе отдельных региональных правителей за власть. Так, после гибели Вони в 1602 г. в Пегой Орде начинает править васюганский князь Кичей, чья военная мощь была очень тесно связана с поддержкой русских служивых людей. Вначале Кичей еще пытался формально обосновать свое правление как опекунство сына, женившегося ранее на дочери Вони⁵, но затем и здесь источником власти становится пожалование московского государя. Аналогичен и хрестоматийный эпизод с основанием Томска по прошению князя эуштинцев Тояна, который одновременно заручился помощью русских в покорении киргизов, чатских татар и теленгутов⁶.

Противостояние местных элит, часть из которых поддерживается русскими, приводит к негативным последствиям для аборигенной политической жизни. Уже к XVIII в., т.е. всего за 100 лет нахождения в составе Московского государства, «древние местные княжеские династии факти-

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 285.

² Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 142.

³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 18.

⁴ Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. С. 170.

⁵ Пелих Г.И. Указ. соч. С. 152.

⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 313.

чески прерываются»¹. В результате «князь» в Западной Сибири становится уже не государственным аборигенным титулом, а должностью². Этому способствует также позиционирование московского царя как единственного законного преемника сибирских ханов. Так, уже в 1586 г. в наказе приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову содержится буквально следующее указание: «А нечто спросит про Сибирь: каким обычаем Сибирское царство казаки взяли и как ныне устроена. И Елизарью и Григорью говорить: Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших»³. А в 1599 г. московские цари перенимают «шапку» сибирских ханов и формально, добавляя в свой титул слова «царь Сибирский»⁴.

Проявлению негативных факторов аборигенного политического развития в процессе локального противостояния способствует также и существенное упрощение локальных хозяйственных отношений. Это происходит в связи с резко возросшим товарным значением пушного промысла в местной экономике. В ситуации, когда в Приобье закупочная цена за соболя составляла 1 рубль (стоимость небольшого дома и хозяйства)⁵, это естественным образом приводило к тому, что «доходность охотничье-промыслового труда селькупов в XVI–XVII вв. соответствовала уровню развития производства первобытно-общинного строя»⁶.

Последние местные князья упоминаются в летописях в конце XVIII в. – в Сосьве и Казыме⁷, однако местные роды к этому времени сменяются на ставленников русской администрации, а аборигенные правители получают «взамен» пожалованные вотчины в средней полосе России. Например, после уничтожения самостоятельности Кодского княжества к 1643 г. последнего князя Димитрия Алачева пожаловали званием московского дворянина с прилагающейся к званию вотчиной на Вычегде⁸.

Таким образом, противостояние аборигенных элит в Западной Сибири, которое можно интерпретировать как гражданскую войну за политическое наследство Сибирского ханства, приводит к негативным последствиям для локальной социально-политической жизни. Единственной легальной властью на этой территории в результате упрощения региональной экономики, активной идеологической работе русской администрации и ее поддержке аборигенного противостояния, становится власть московского царя.

¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 150.

² Зуев А.С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI – начала XX века. Новосибирск, 2011. С. 85.

³ Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. С. 183.

⁴ Пчелов Е.В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. 2010. № 1. С. 5.

⁵ Пелих Г.И. Указ. соч. С. 83.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества ... С. 139.

⁸ Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. С. 55.

ФРОНТ И ТЫЛ В ИЗДАНИЯХ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Чернышова Дарья Сергеевна
(Историко-архивный институт РГГУ)

Великая Отечественная война и по прошествии 70 с лишним лет после окончания является во многом «terra incognita» для ученых и специалистов¹. Одна из главных причин этого – достаточная закрытость архивных материалов, наиболее информативные из которых стали доступны относительно недавно: документы Государственного комитета по обороне (РГАСПИ, Ф. 644 (1025 ед. хр.) с 1941 по 1945 г., рассекречены лишь с 1998 г.), Центрального Штаба партизанского движения (Ф. 69 (19 122 ед. хр.); с 1941 по 1944 гг.). Огромной ценностью обладают, безусловно, источники Центрального Архива Министерства обороны, он содержит 10 951 948 архивных дел периода Великой Отечественной войны. С 1941 по 1945 г. сотрудники архива проделали огромную работу по приему на хранение архивных документов от войск действующей армии, во время войны они неоднократно выезжали на фронты и осуществляли плановый прием архивных документов от войск².

Материалы по истории войны начали концентрироваться по инициативе секретаря Московского комитета ВКП(б) А.С. Щербакова уже с декабря 1941 г. во вновь созданной Комиссии по истории обороны Москвы. Ее главной задачей являлся сбор материалов по составлению хроники обороны Москвы. Этот пример подтолкнул к формированию в январе 1942 г. Центральной Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Отделении истории АН СССР. Ее возглавили начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) профессор Г.Ф. Александров (1908–1961) и будущий академик И.И. Минц (1896–1991). В состав вошел ряд историков, не уехавших в эвакуацию: Г.А. Богуславский,

¹ На сегодняшний день наиболее значительными историографическими трудами являются 6-томная «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (1960–1965 гг.) и 12-томная «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.» (1973–1982 гг.). До середины 1960-х гг. в свет вышло более 10 тыс. книг и статей по истории войны, и эта цифра продолжает расти и по сей день (см. Очерки по истории исторической науки в СССР. Т. 5. М., 1985. С. 551). Это говорит о том, что интерес исследователей к этой теме только растет.

² Центральный архив Министерства обороны РФ. URL: https://archive.mil.ru/archival_service/central/history/history.htm (дата обращения: 21.02.2018).

Н.С. Волков, Э.Б. Генкина, Р.И. Голубева, И.М. Разгон и др.¹ Центральная Комиссия координировала работу местных, формировавшихся в областях и республиках и подчиненных одновременно местным отделам пропаганды и агитации ЦК партии. Важнейшим направлением деятельности как центральной, так и местных комиссий была публикация собранных материалов – по горячим следам событий. Так начала формироваться историографическая традиция Великой Отечественной². Одной из наиболее активных местных комиссий была, например, Воронежская, которая издала несколько брошюр по борьбе с фашизмом³. К этой работе подключились и Ленинградская⁴, Смоленская комиссия⁵.

Всего за годы работы (до декабря 1945 г., когда Президиум АН СССР постановил ликвидировать Комиссию) было собрано 14 789 ед. хр. После упразднения Комиссии ее материалы передали в Институт истории АН СССР (фонд № 2), где возник специальный Сектор по изучению истории Великой Отечественной войны⁶. Фонд пополнялся до 1967 г., когда были записаны последние воспоминания участников войны. В настоящее время в фонде Комиссии хранится 17 422 дела, сгруппированные по 13 тематическим разделам так, как они сложились в процессе собирания. Это документы по истории воинских частей и подразделений, партизанскому движению, по обороне городов, тылу, военной экономике, по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков, документы национальных республик в годы ВОВ, материалы о Героях Советского Союза, по культуре и быту в годы войны, по истории обороны Москвы, различные сборники статей и воспоминаний, подготовленных комиссией, письма и воспоминания участников войны, материалы эвакуации населения, народного ополчения Монгольской народной республики, фотодокументы, трофейные документы, газетные вырезки, листовки, бюллетени по истории Великой Отечественной войны (плакаты, брошюры, листовки, бюллетени, газеты воинских частей, книги, информбюллетени, газеты).

Однако до сих пор, несмотря на истекшую четверть века относительной открытости фондов, археографическое освоение собранных материа-

¹ Очерки по истории исторической науки в СССР. Т. 5. М., 1985. С. 521.

² *Архангородская Н.С., Курносоев А.А.* О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Арчеографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 219.

³ Проклятье убийцам! Записи воспоминаний пострадавших и очевидцев зверств немецко-фашистских оккупантов в Воронежской области. Воронеж, 1943, и Народное творчество в дни Великой Отечественной войны: Записи фольклора. Воронеж, 1945.

⁴ Балтиец, отомсти! Сборник писем и документов о чудовищных злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ленинградской области. Л., 1943.

⁵ Восстановим Смоленщину! Документы о восстановлении народного хозяйства Смоленской области. Смоленск, 1944.

⁶ *Левшин Б.В.* Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны. 1941–1945 // История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М., 1976. С. 317.

лов оставляет желать лучшего – хотя по подсчетам специалистов вплоть до 2005 г. в стране вышло около 190 сборников документов, посвященных войне.

Важнейшим направлением публикаторской работы периода войны стали ретроспективные документальные издания военных документов. Они были посвящены событиям предыдущих войн – Первой мировой, Гражданской, финской и даже Крымской: «Горлицкая операция: Сборник документов» – 1941 г., «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году», «Материалы и документы по изучению истории Великой пролетарской революции и гражданской войны в СССР» – 1942 г., «Танкисты на финском фронте: Воспоминания участников боев» – 1941 г. и др. Издание публикаций объясняется возросшим интересом к изучению военного прошлого нашей страны. Составители также стремились поднять боевой дух советских солдат, вдохновляя их подвигами предков.

Среди всех публикаций по истории Великой Отечественной войны заметным явлением можно считать оперативные издания¹. Почти 120 небольших книжек и брошюр² – радиосводки и выдержки из периодики, письма и воспоминания, написанные по следам событий, – нередко более красноречивы, чем целые тома исследований. Содержание изданий было достаточно однотипным³, но здесь можно наметить несколько векторов.

Прежде всего – это описание отдельных героических действий солдат и офицеров и ежедневного военного подвига – для поднятия боевого духа. Среди подобных изданий «В боях за Родину: Воспоминания участников Великой Отечественной войны», «Земляки-ивановцы на фронте: Сборник воспоминаний членов делегации трудящихся Ивановской области, ездивших с подарками на фронт», «Герой Советского Союза гвардии рядовой А. Матросов: Сборник документов и материалов», «Разгром немцев под Москвой: Выдержки из приказов, писем и дневников». Эти публикации носят оперативный характер, их цель – воодушевить советский народ на еще более ожесточенную борьбу с врагом, призвание следовать примерам своих соотечественников, героически сражающихся на полях войны. Сюда же, по моему мнению, можно отнести и записи фронтового юмора, которые служат поднятию боевого духа. Здесь можно назвать: «И в хвост и в гриву: Сборник записей фронтового юмора», «Фронт смеется: Сборник записей фронтового юмора».

Другой важной темой стало разоблачение расистской теории и показ агрессивных устремлений нацистов для организации сопротивления.

¹ Эта деятельность осуществлялась, как и в предыдущие восемьдесят лет, когда российские историки создавали специальные комиссии по собиранию материалов русско-турецкой, русско-японской, а затем и Первой мировой войн.

² Открытый архив – 2. Справочник документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917–2000 гг. М., 2005.

³ История советской археографии. Вып. 4. Археография в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1966. С. 3.

Здесь выделяются: «Зверства немецко-фашистских захватчиков в районах Сталинградской области: Документы», «Не забудем, не простим! Сборник документов и материалов о зверствах немецко-фашистских захватчиков в районах Калининской области», «Документы обвиняют: Сборник документов о зверствах германских властей на временно захваченных советских территориях», «Письма из немецкой неволи: Сборник писем советских граждан, угнанных в фашистскую Германию» и др. Оперативные издания показывают, какое горе и какие страдания и разрушения несет в себе гитлеровский режим. Брошюры обычно разделены на главы, в каждой главе отражены воспоминания очевидцев, пострадавших от немецкой оккупации.

Жизнь тыла также являлась темой для некоторых сборников. Здесь необходимо упомянуть, в частности, такие издания, как «На фронте и в тылу (факты и документы)», «Письма с фронта». Несмотря на то что они имели публицистический, оперативный характер, эти сборники затрагивали важные моменты организации советского тыла в годы войны, перебазирование производства на военный лад, неразрывную связь между тылом и фронтом. Сюда же можно отнести публикации о действиях партизан в тылу врага. «Листовки партизанской войны в Ленинградской области (1941–1944 гг.)», «Партизанская война советского народа против немецких оккупантов: Сборник документов». Именно из этих небольших брошюрок мы узнаем о народном, многонациональном характере борьбы в тылу врага, о формах этой борьбы и о доблестных подвигах партизан.

Таким образом, оперативные издания имели немалое влияние на формирование последующей концепции Великой Отечественной войны. И хотя впоследствии, в «воспитательных целях», историки избегали освещения ряда острых проблем войны (Ржевская битва, количество потерь советских солдат, коллаборационизм и т.д.), эти самые «современные» брошюрки и были той «правдой войны», которую стремились впоследствии затушевать.

«КОММУНИСТЫ АРЕСТОВЫВАЮТ ДРУГ ДРУГА». БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В г. ЯРОСЛАВЛЕ НАКАНУНЕ ИЮЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1918 г.

*Шанина Ольга Николаевна, к.и.н.
(Центр документации новейшей истории Государственного
архива Ярославской области)*

Ярославское восстание 6–21 июля было одним из крупнейших выступлений против советской власти в 1918 г., в результате подавления которого вся центральная часть города была превращена в руины. Выбору Ярославля в качестве центра выступления оппозиционных политических сил способствовал целый ряд объективных факторов. К таковым можно отнести удачное стратегическое положение (в случае удачи восстания под угрозой оказывалась советская власть в столице), наличие здесь огромного количества военного снаряжения, оружия и присутствие 11 тыс. представителей бывшего офицерства после расформирования воинских частей царской армии. Помимо этого существовал ряд субъективных факторов, также создававших благоприятную обстановку для восстания. Так, события июля 1918 г. происходили на фоне сложной экономической ситуации и глубокого политического кризиса власти в городе и губернии. По воспоминаниям губернского комиссара финансов Г.И. Петровичева, уже к концу июня чувствовалось, хотя и не так отчетливо, что атмосфера накаляется. В городе ежедневно были слышны выстрелы, так что в первый день восстания многие сочли перестрелку обычным явлением¹.

Политический конфликт в городе и губернии развивался весной-летом 1918 г. на двух уровнях: между Ярославским горисполкомом и Ярославским губисполкомом и между фракциями эсеров и большевиков внутри губисполкома. Первый возник на почве разграничения административных функций между двумя исполкомами, которые не могли договориться о работе трех основных отделов – продовольственного, жилищного и военного. Дело в том, что Ярославский горисполком до февраля 1918 г. фактически выполнял функции губисполкома, т.к. последний был избран только на первом губернском Съезде Советов, проходившем 20–23 февраля 1918 г.

Пик кризиса пришелся на март 1918 г., что было связано с принятием 2 марта Народным комиссариатом по военным делам Республики по-

¹ Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 4773. Оп. 6. Д. 82. Л. 9, 16.

становления о продолжении демобилизации старой армии. Опираясь на данное постановление, Военно-революционный комитет губисполкома издал и распространил приказ № 3 о немедленной демобилизации всех гарнизонов под страхом ответственности по законам военного времени. За скорейшее исполнение приказа выступили фракция левых эсеров и часть фракции коммунистов ярославского губисполкома. В ответ Ярославский горисполком на экстренном заседании 8 марта 1918 г. принял решение приказа не выполнять, объявив, что «приказания сверху Совету с угрозой слушаться под строжайшей ответственностью по законам военного времени считает преступными и недопустимыми» и потребовал переизбрания губисполкома.¹ Ярославский горисполком настаивал на проведении постепенной демобилизации по годам с конфискацией оружия, объясняя это тем, что массовая и немедленная демобилизация может привести к расхищению имущества и перегрузке железнодорожного транспорта. Политический конфликт очень быстро перерос в межличностный с взаимными обвинениями и даже арестами. Так председатель губисполкома Н.Ф. Доброхотов был обвинен в пьянстве и разгуле², член Ярославского городского бюро РСДРП(б) и исполнительного комитета Ярославского городского Совета рабочих и солдатских депутатов П.А. Будкин – в краже и взяточничестве, председатель партийного бюро Корольков – в разоружении Красной гвардии³. А военный комиссар города Ярославля Д.И. Гарновский при активном участии Н.Ф. Доброхотова был обвинен в контрреволюции и арестован по постановлению губисполкома⁴. Чтобы помешать аресту Гарновского, члены исполкома Ярославского городского совета объявили себя арестованными вместе с ним, в ответ на что были отстранены силой вызванной к месту конфликта Красной гвардии. В результате инцидента горисполком на экстренном заседании объявил себя обиженным «как избранный коллектив, с которым не хотят считаться»⁵. Конфликт удалось ликвидировать только после вмешательства центральных партийных органов. Была создана «согласительная» комиссия из представителей обоих исполкомов, которая договорилась о разграничении сфер деятельности. Гарновский был выпущен на свободу по требованию солдат гарнизона. Началась постепенная демобилизация.

Пик кризиса между большевиками и левыми эсерами внутри губисполкома пришелся на июнь 1918 г., когда проходил третий губернский съезд Советов. Весной 1918 г. левые эсеры представляли из себя сравнительно крупную и политически активную организацию, насчитывающую в пределах губернии до 700 человек.

Левые эсеры имели до 20–30% мест в горисполкоме и губисполкоме, занимали высокие должности в городе и губернии. Левые эсеры, не-

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 88. Л. 60–61 об.

² Там же. Ф. 1. Оп. 27. Д. 68. Л. 41–42.

³ Там же. Д. 69. Л. 50.

⁴ Там же. Д. 68. Л. 42.

⁵ Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 88. Л. 63.

довольные политической линией, проводимой коммунистами, от лица губисполкома заявили о созыве своего сепаратного съезда Советов на 20 июня, обвинив коммунистов в развале управления губернии и нежелании решения продовольственного вопроса. В ответ на что фракция коммунистов заявила, что считает подобные действия со стороны левых с.-р. актом непризнания губисполкома и считает всех членов губисполкома, участвовавших в этом деле исключившимися из состава Губернского Исполнительного Комитета. На вопрос об исключении фракция левых с.-р. ответила, что ее члены выполняют волю народа и только губернский съезд Советов может отозвать их от работы в исполкоме¹.

В итоге левые с.-р. все-таки потерпели неудачу, т.к. в результате проведенной большевиками пропагандистской работы на сепаратный съезд прибыло совсем незначительное число делегатов с мест. После этого левые эсеры объявили о готовности участвовать в работе третьего Съезда Советов, открывшегося 2 июля. Но, будучи в меньшинстве, они потребовали себе половину мест в президиуме и пост председателя. Получив отказ, левые с.-р. покинули съезд и избрали свой губисполком, чем еще более усугубили политический раскол.

Центральные власти были в курсе сложившейся в Ярославле конфликтной ситуации. Так, 19 июня фракция коммунистов Ярославского губисполкома получила телеграмму председателя ВЦИК Я.М. Свердлова о необходимости проведения губернского съезда Советов с непременным участием всех фракций и обещанием принять меры для ликвидации конфликта². Несмотря на то что похожие трения между партийными фракциями были характерны на тот момент и для многих других городов и губерний страны, верховные власти республики посчитали, что личностные конфликты стали одной из немаловажных причин ярославского политического кризиса 1918 г. Впрочем, так считали и сами члены Ярославского горисполкома, которые на своем заседании подчеркивали, что дело состоит не во взаимоотношениях с губисполкомом в целом, а в отсутствии взаимопонимания с определенной группой лиц³. С целью урегулирования конфликта в июне 1918 г. Н.Ф. Доброхотов был освобожден от должности председателя губисполкома. Новым председателем на третьем съезде Советов был избран С.М. Нахимсон. Однако избранный на съезде Советов новый губисполком так и не успел приступить к исполнению своих обязанностей в связи с начавшимся восстанием, а С.М. Нахимсон был убит восставшими 6 июля 1918 г.

Таким образом, нежелание в совместной работе со стороны губисполкома и горисполкома, а также конфликт с левыми с.-р. (как впоследствии отмечали и сами коммунисты) создали исключительно благоприятную обстановку для июльского восстания 1918 г.

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 27. Д. 57. Л. 6–6об., 11–12.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 88. Л. 63–64.

ТОПЛИВНЫЙ КРИЗИС В РОССИИ И УЧАСТИЕ ТЕПЛОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ЕГО ПРЕОДОЛЕНИИ. 1918–1925 гг.

Шаронин Дмитрий Анатольевич
(Российский государственный архив в г. Самаре)

Идея создания научно-исследовательского института для комплексного изучения вопросов теплотехники принадлежала профессорам Императорского московского технического училища (ИМТУ) В.И. Гриневецкому (1871–1919) и К.В. Киршу (1877–1919) и была обусловлена, с одной стороны, разрушительными последствиями гражданской войны, а с другой – всем ходом развития отечественной технической мысли.

Большой урон промышленности был нанесен топливным и транспортным кризисом, вызванным прекращением поставок бакинской нефти и разрушением Донецкого угольного бассейна, являвшегося важнейшим источником угля. В докладе IX Всероссийскому съезду государственных органов по топливу от 25 января 1918 г. К.В. Кирш констатировал: «Перенос военных действий в пределы бассейна разогнал рабочих, разрушил часть оборудования... В результате разрушения части железнодорожной сети в бассейне, прекращения правильного передвижения по оставшимся линиям вследствие занятия их воинским движением, прекращения погрузки за отсутствием рабочих... понизился вывоз [угля] до небывалых размеров... Разрушение Донецкого бассейна... подвигается быстро вперед, а вместе с тем приближается день остановки значительной части железнодорожного транспорта и промышленности»¹.

В итоге массовое распространение в стране приобрело низкосортное топливо, включая местные угли и дрова. В эпиграфе к изданной в 1919 г. книге, посвященной проектированию дровяных топок и использованию дровяного топлива, он писал: «Берегите дрова, они сейчас – единственное массовое топливо России»². Топливный кризис затронул не только Петроград и Москву, но и другие регионы. Так, в Самаре в ходе борьбы с топливным дефицитом по распоряжению местных властей были разобраны городские хлебные амбары и воздвигнутые в честь революции

¹ Доклад главноуполномоченного по топливу К.В. Кирша IX Всероссийскому съезду государственных органов по топливу от 25 января 1918 г. С. 5 // Ведомственный архив Всероссийского теплотехнического института.

² *Кирш К.В.* Дрова как топливо. М., 1919.

триумфальные арки, а местные жители использовали на дрова бесхозные деревянные дома, заборы и мебель¹.

В книге «Послевоенные перспективы русской промышленности» В.И. Гриневецкий отмечал, что в будущем значительную роль в восстановлении промышленности должны будут сыграть низкосортные угли, торф и другие виды местных топлив². Однако для эффективного их использования необходимо было создать специальный институт, способный решить целый ряд связанных с этим технических и технологических задач.

Первоначально средства на создание Теплотехнического института собирались К.В. Киршом по подписке, но образован он был по инициативе В.И. Ленина уже после установления советской власти постановлением Совета труда и обороны от 13 июля 1921 г.³ На момент создания в практическом плане институт находился в ведении Главного управления по топливу (ГУТ), а в научно-техническом отношении – Научно-технического отдела ВСНХ. В уставе института значилось, что он имеет целью «планомерное научное изучение и разработку выдвигаемых жизнью практических вопросов теплотехники и связанных с ними технико-экономических задач»⁴, в которые входило распространение знаний в области теплотехники и оказание технической помощи предприятиям и организациям по всем вопросам рационализации топливного дела. В знак памяти об идейных основателях институту были присвоены имена В.И. Гриневецкого и К.В. Кирша.

В первые три года институт находился в стадии оснащения необходимым оборудованием. Административное помещение и издательство располагались отдельно от основных лабораторий в разных частях Москвы. В 1922 г. институт получил в Симоновой слободе здание, предназначавшееся для второй московской трамвайной электростанции. Для оборудования института из Петрограда было решено перевести приборы и аппараты химико-механической лаборатории бывшего Нефтяного товарищества братьев Нобель⁵. Значительная часть приборов и крупное оборудование для института закупалось за границей. После изменения планировки здания трамвайной электростанции в нем было размещено 10 котлов различной модификации, 2 теплофикационные турбины и другое теплоэнергетическое оборудование.

¹ Громов В.И. Самарские энергетические истории. Самара, 2010. С. 40–41.

² Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков, 1919. С. 93–94.

³ Постановление Совета труда и обороны от 13 июля 1921 г. (копия) // Российский государственный архив (РГА) в г. Самаре. Ф. Р-277. Оп. 1–6. Д. 13. Л. 16.

⁴ Устав Теплотехнического института имени профессоров В.И. Гриневецкого и К.В. Кирша, утвержденный президиумом ВСНХ СССР от 19 сентября 1923 г. // Мой институт – моя судьба: Историческая хроника. М., 2011. С. 16.

⁵ Выписка из протокола СТО № 324 от 14 июня 1922 г. (заверенная копия) // РГА в г. Самаре. Ф. Р-277. Оп. 1–6. Д. 13. Л. 17.

Для решения поставленных задач в институте были образованы котельная, машинная, химическая, нефтяная, сушильная и другие лаборатории. В задачи котельной лаборатории входило изучение, выработка и стандартизация методов рационального сжигания различных видов топлива и разработка новых топочных конструкций. Машинная лаборатория должна была заниматься вопросами конструкции паровых турбин, паровых машин и двигателей внутреннего сгорания. Химическая лаборатория – проводить анализ химического состава топлив и котельной воды. Нефтяная лаборатория – разрабатывать методы переработки нефти. Сушильная лаборатория – проводить изучение и разрабатывать методы искусственной сушки топлива и т.д.¹

В первые же годы после создания Теплотехнический институт включился в работу по разрешению топливного кризиса и восстановлению промышленности. С ноября 1923 г. начала работу химическая лаборатория института. За первую половину 1920 г. сохранилась переписка института с организациями, промышленными предприятиями и электростанциями как Москвы, так и других регионов страны. В сентябре 1924 г. в письме в Правление жилтоварищества по улице Арбатской «в возмещение расходов по производству анализа» угля институт просил внести в кассу 15, а в письме Государственной кондитерской фабрике имени П.А. Бабаева за проведенную экспертизу 2 проб антрацита – 70 руб.² За 1924 г. сохранились протоколы экспертиз и письма института в правление первого Московского трикотажного объединения «МОСТРИКОБ», в правление Тамбовского суконного треста, в Кудринскую Суконную фабрику, в правление Серпуховских хлопчатобумажных фабрик³.

Заказчиками института были Московуголь, Кузбастрест, Донуголь Каширская ГРЭС и т.д. В зависимости от характера и объема работ стоимость экспертиз колебалась от 15 до 320 руб. На 1 января 1924 г. лабораторией было выполнено: 65 анализов проб угля, 24 анализа проб торфа, 18 анализов проб золы, 8 анализов проб дров, 7 анализов проб нефтепродуктов и 3 анализа прочих видов топлива⁴. В 1924–1925 гг. институт приступил к обследованию теплосилового хозяйства Донбасса⁵ и располагавшихся на его территории коксовых печей и коксобензольных заводов⁶.

¹ РГА в г. Самаре. Ф. Р-277. Оп. 1–6. Д. 13. Л. 4.

² Там же. Оп. 4–6. Д. 14. Л. 52, 54.

³ Там же.

⁴ Там же. Оп. 1–6. Д. 13. Л. 91.

⁵ Письмо Теплотехнического института в топливную секцию Госплана от 18 июля 1924 г. // РГА в г. Самаре. Ф. Р-277. Оп. 4–6. Д. 18. Л. 17.

⁶ Отчеты Теплотехнического института по обследованию коксовых печей и коксобензольных заводов Донбасса за 1925 г. // РГА в г. Самаре. Ф. Р-277. Оп. 1–1. Д. 6–8.

С течением времени значительный объем в институте приобрели работы по сжиганию на электростанциях доставлявших немало хлопот местных топлив: подмосковного угля, торфа и т.д.

Таким образом, деятельность Теплотехнического института, охватывая топочные и котельные вопросы многих отраслей промышленности, во многом способствовала преодолению охватившего страну после гражданской войны топливного кризиса.

«СЧАСТЬЕ В ТРУДЕ»: ЦЕРКОВЬ И РАБОЧИЙ ВОПРОС В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

*Шеянова Мария Евгеньевна, к.и.н.
(Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет)*

Изучение деятельности Церкви в условиях секуляризации и религиозной дестабилизации имеет существенное значение для исторической реконструкции социокультурного пространства дореволюционной России. История пролетариата была одной из самых популярных и исследованных тем в российской историографии, однако вопрос участия Русской Православной Церкви в жизни рабочего сообщества в XIX – начале XX вв. относится к недостаточно изученным¹.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать позицию РПЦ в отношении рабочего вопроса в конце XIX – начале XX вв.

В докладе будут рассмотрены отношение к рабочему вопросу в двух плоскостях, а именно: общецерковная позиция (на основании данных отчетов обер-прокурора Святейшего Синода, материалов РГИА и периодической печати), а также ситуация непосредственно на приходах, которую сложно назвать позицией, скорее практическими реалиями. Местные церковные инициативы в промышленных районах проанализированы на материалах, относящихся к Московской губернии (данные ЦХД до 1917 г., ГА РФ, периодических изданий).

До 1905 г. рабочие по существу не выделялись Русской Православной Церковью в отдельную социальную категорию, требующую специального церковного попечения. Глава Святейшего Синода обер-прокурор К.П. Победоносцев, участвуя в межведомственных комиссиях по «рабочему вопросу», не только отрицал необходимость специальных государственных мер в деле решения рабочего вопроса, но и вообще отказывал этой проблеме в праве на существование в Российской империи².

¹ См.: *Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984; *Фирсов С.Л.* Рабочие и Православная Церковь в России в начале XX века // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 327–340; *Rosenthal B.G.* The Search for a Russian Orthodox Work Ethic // Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. New Jersey, 1991. P. 57–75.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 87. 1898. Д. 282. Л. 4. По вопросу о разграничении предметов ведомства различных

События 9 января 1905 г. и последующее развитие революционной ситуации продемонстрировали всю несостоятельность идеи К.П. Победоносцева об отсутствии в России рабочего класса и рабочего вопроса в общеевропейском значении.

Начиная с февраля, Святейшей Синод издает несколько определений об активизации священнического служения, а также публикует воззвания с трактовкой мятежных событий.

Тогда же, в 1905 г., на страницах официального «Церковного вестника» появляется признание: «Духовенство проспало рабочее движение... Прислушавшись духовенство к настроению рабочего люда, к его насущным, волнующим вопросам и нуждам, почаще и повнимательней заглядывая в его бытовую обстановку жизни... – и не пролилась бы на родной земле невинная, братская кровь»¹.

Период после 1905 г. характеризуется констатацией необходимости особого подхода к деятельности Церкви в рабочей среде, активизацией внутренней миссии, что проявляется на территории империи в создании специальных комиссий, братств, увеличении обществ трезвости, а также расширении программы внебогослужебных собеседований с рабочими. С 1909 г. в семинариях вводится преподавание обличения основ социализма, поскольку очевидна была некоторая беспомощность церковнослужителей в вопросах современности.

Для приходского духовенства «особенность» рабочих как прихожан стала очевидна еще в начале 1880-х гг. При крупных промышленных комплексах появляются собственные храмы. Проблемой фабричных приходов становится многочисленность паствы, а также очевидная недостаточность традиционных форм проповеди и их привычного содержания.

Можно утверждать, что духовенство на местах активно действовало в рамках возможных форм участия в жизни рабочих: приходские попечительства оказывали адресную материальную помощь семьям нуждающимся работникам предприятий, священнослужители нередко брали на себя ответственность по переговорам с фабрикантами о предоставлении полноценного воскресного отдыха рабочим. На предприятиях и при храмах в промышленных районах проводились регулярные лекционные курсы.

Стоит отметить стоящие особняком мнения по рабочему вопросу митрополита Московского Владимира (Богоявленского), а также протоиерея Иоанна (Восторгова), которые активно занимались просветительской и проповеднической деятельностью в рабочей среде Московской губернии. Утверждая, что «счастье в труде», о. Иоанн Восторгов, также как и митрополит Владимир, озвучил в своих сочинениях, по сути, социальную программу, тесно перекликающуюся с документом католической церкви – энцикликой папы Льва XIII «Рерум Новарум». Рассмотрев в

установлений по делам фабрично-заводской промышленности; *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Л., 1924. Т. 3. С. 300.

¹ Церковный вестник. 1905. № 9. С. 263.

российском рабочем движении все признаки общеевропейского, оба проповедника предлагали ввести систему страхования, надзор за детским и женским трудом. В своих трудах они также уделяли внимание созданию христианских профсоюзов для рабочих, а также практике участия духовенства в трудовых конфликтах в качестве примиряющей силы¹.

Подводя итог, можно говорить о запоздалом реагировании Церкви на быстро разрастающуюся социальную проблему. Отсутствие целостности и системности в планировании церковной политики в отношении рабочего вопроса до событий 1905 г. можно связать с именем обер-прокурора К.П. Победносцева, убежденного в патриархальности трудовых отношений и особом пути российского фабричного дела.

После 1905 г. Православная Церковь широко развернула просветительскую деятельность в рамках социальной программы, дозволенной и поддержанной светской властью. Церковь вынесла проблему рабочих на всероссийское и общецерковное обсуждение Миссионерских съездов, занялась публикацией противосоциалистических трудов, активизировала проповедническую работу в промышленных районах.

Позиция Митрополита Владимира (Богоявленского) и прот. Иоанна (Восторгова), знакомых с реалиями промышленных районов, в отношении рабочего вопроса шла дальше критикуемого современниками «ответа» Церкви на актуальные запросы современности, выразившегося в формулировке «терпи и уповай»². Однако именно общества трезвости, попечительства, церковные школы, народные чтения вошли в социально-просветительскую программу Русского Православия начала XX в., став, по сути, единственно возможным церковным ответом на рабочий вопрос.

¹ *Восторгов И.И., прот.* Христианский социализм // Восторгов И.И., прот. Полное собрание сочинений. СПб., 1995. Т. 5.; *Владимир (Богоявленский), митр.* Вечные истины христианства. Собеседования между крестьянином, фабричным рабочим и священником. М., 1999.

² Церковный вестник. 1905. № 11. С. 330.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Шилова Роксана Радиковна

(Уфимский федеральный исследовательский центр РАН)

В годы Первой мировой войны в качестве организатора и активного участника благотворительного движения в России выступила Русская православная церковь. Накануне войны она представляла собой мощную организацию из 67 епархий, включала в себя 48 тыс. храмов, в которых служили более 50 тыс. священников, а также около 1 тыс. монастырей¹. С началом войны все эти учреждения под контролем Святейшего Синода развернули свою активную деятельность по оказанию посильной помощи фронту, а также всем нуждающимся в тылу.

После объявления всеобщей мобилизации в стране Святейший Синод принял ряд мер, которыми определил основные направления в оказании помощи раненым и больным воинам, а также поддержке семей призванных на войну. 30 июля 1914 г. на экстренном заседании был принят ряд распоряжений, касающихся обнародования во всех церквях страны высочайшего манифеста о начале войны, также устанавливались ежедневные богослужения в церквях «за государя, о победе над врагом, за сражающееся воинство и раненых воинов», после которых обязательно должны были производиться кружечные сборы средств на военные нужды, устанавливались кружки для пожертвований в пользу Российского общества Красного Креста (РОКК). Кроме того, по распоряжениям Синода по всей стране при монастырях, общинах, духовных учебных заведениях и др. началась подготовка свободных помещений под лазареты для эвакуированных с фронта раненых и больных, а также заготовка «предметов лазаретного инвентаря»².

Во всех православных приходах страны по указанию Синода создавались особые попечительные советы и церковно-приходские попечительства для организации помощи семьям фронтовиков. Они должны были «вести списки семей, члены которых находились в армии, выяснять имущественное положение каждой семьи, оказывать помощь нуждающимся, изыскивать средства на это путем сбора пожертвований, пособий

¹ *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 35.

² Призрение и благотворительность в России. 1914. Август–сентябрь. С. 20.

из церковных сумм»¹. Таким образом, в годы войны происходило повсеместное учреждение попечительных советов и церковно-приходских попечительств, основная работа которых была направлена на оказание посильной помощи участникам войны, солдатским семьям, сиротам, а также беженцам.

После издания распоряжений Синода по всей стране в православных епархиях, в их числе и в Уфимской, активизировалась работа духовенства и церковных учреждений по оказанию посильной помощи пострадавшим от войны нижним чинам, а также семьям мобилизованных. Уже 7 августа 1914 г. Уфимская духовная консистория под руководством епископа Андрея издала определение № 12 559, обращенное к духовенству епархии, в котором призвала создавать попечительства и советы при церквях и организовать сборы пожертвований на военные нужды². В нем предписывалось также содействовать земским учреждениям в организации в приходах помощи солдатским семьям в сельско-хозяйственных работах, организации госпиталей при монастырях и духовных учебных заведениях Уфы, а также устройства сборов средств на их оборудование и содержание и др.

В начале августа 1914 г. в Уфе появились первые санитарные поезда с ранеными и больными воинами. Не имея возможности организовать на собственные средства лазареты, духовенство Уфимской епархии оказывало всяческое содействие губернской власти, земским учреждениям и местным благотворительным обществам для их устройства. Так, для размещения и лечения первых партий раненых под лазареты были выделены свободные помещения при Уфимском духовном училище, Уфимском Благовещенском женском монастыре, а для их оборудования организован сбор добровольных пожертвований с прихожан³. Таким образом, совместная работа духовенства и местных властей заключалась, в первую очередь, в открытии и оборудовании лазаретов при церковных учреждениях, заготовке белья, перевязочных материалов, медикаментов, продовольствия, а также подготовке сестер милосердия и сиделок.

Определение от 7 августа 1914 г. предписывало также духовенству Уфимской епархии предпринять ряд срочных мер по организации в приходах всесторонней помощи всем нуждающимся в условиях войны. Так, каждый приходской священник должен был разъяснять прихожанам значение начавшейся войны и призвать их к оказанию помощи и поддержки нуждающимся семьям мобилизованных, организовать для этого попечительные советы на началах указанных в определении Святейшего Синода.

Первые советы и попечительства были открыты при церквях Уфы уже в начале августа 1914 г. Основная их работа заключалась в сборе де-

¹ Справочник состоящего под высочайшим его императорского величества покровительством общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Петроград, 1915. С. 11.

² Уфимские епархиальные ведомости. 1914. 1 сентября. С. 212–213.

³ Там же. С. 290.

нежных пожертвований и продовольствия на военные нужды, а также в выдаче пособий солдатским семьям. Открытые в сельской местности попечительства организовывали сборы пожертвований зерном, оказывали помощь в обработке полей и выдавали солдатам денежные средства для найма рабочих. Во время уборочной страды они устраивали временные приюты и ясли для детей, опираясь при этом на опыт работы уже имеющихся в губернии приютов Ведомства учреждений императрицы Марии и местные благотворительные общества¹. Такая помощь в губернии со стороны православного духовенства и монастырей оказывалась повсеместно всем нуждавшимся семьям призванных без различия вероисповедания.

Свой посильный вклад в оказание помощи раненым солдатам внесло духовенство монастырей Уфимской епархии. Так, женские монастыри направляли сестер и послушниц в лазареты для ухода за ранеными, выполняли заказы местного управления Российского общества Красного Креста по пошиву одежды и белья для солдат. Кроме того, в первые месяцы войны, с разрешения местных властей, в стенах монастырей открывались лазареты и осуществлялся уход за ранеными воинами. Так, в августе 1914 г. лазареты были открыты в Мензелинском Пророко-Ильинском, Уфимском Успенском мужском и Воскресенском единоверческом монастырях². Монастыри также оказывали разнообразную посильную помощь солдатским семьям в сельскохозяйственных работах, выдавали продовольствие и топливо крайне бедным из них, присматривали за детьми во время страды, открывали приюты для детей-сирот и многое другое.

Летом 1915 г. в стране остро встал вопрос оказания помощи беженцам, когда значительное их число хлынуло во внутренние регионы, в том числе в Уфимскую губернию. В августе–сентябре 1915 г. Синодом были изданы распоряжения, согласно которым для осуществления помощи беженцам в каждой епархии учреждать особые епархиальные комитеты. Кроме того, Синод призвал для временного размещения беженцев освобождать здания церковных учреждений: епархиальные дома, монастырские помещения, свободные здания духовных учебных заведений. Так, образованный в Уфе в 1915 г. епархиальный комитет помощи беженцам свою работу начал с организации постоянного дежурства на станции Уфа, выдачи продовольствия прибывающим в губернию беженцам. Кроме того, комитет выдавал денежные и продовольственные пособия, устраивал приюты, занимался заготовкой белья и теплой одежды для беженского населения и проч.

Многие виды помощи православным духовенством осуществлялись за счет средств от сборов пожертвований. Уже в первые месяцы войны во всех церквях губернии после окончания службы и проповеди среди прихожан были организованы добровольные сборы деньгами, хлебом и одеждой. Кроме того, все местные церкви епархии участвовали во всероссийских кружечных и тарелочных сборах.

¹ Там же. С. 214.

² Уфимские епархиальные ведомости. 1916. 1 ноября. С. 437.

Таким образом, в годы Первой мировой войны основным направлением в благотворительной деятельности духовенства православных приходов Уфимской епархии была поддержка фронта, оказание помощи тылу. С этой целью проводились сборы пожертвований, организовывалась всевозможная помощь солдатским семьям, предоставлялись помещения под лазареты для раненых, велась заготовка белья, продовольствия для фронта, открывались приюты для детей сирот, оказывали помощь беженцам и многое другое.

ВОЗДУХОПЛАВАНИЕ В 1930-е гг. В СССР (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАСЕДАНИЙ ПОЛИТБЮРО)

Шувалова Анастасия Николаевна
(Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена)

В 1930-е гг. ученые СССР обратились к развитию воздухоплавания. В этот период истории страна нуждалась в полетах, в разработке новых технических возможностей страны. Вся советская наука была направлена на развитие военной базы, что определялось политикой И.В. Сталина. Но СССР стал намного позже других стран изучать эту область.

В 1929 г. немецкий воздухоплаватель Х. Эккнер собирался совершить кругосветное путешествие на дирижабле. 13 июня 1929 г. на заседании Политбюро обсуждался вопрос о его полете над территорией Советского Союза¹. 25 апреля 1931 г. был снова поднят вопрос об экспедиции Х. Эккнера в Арктику². Комиссия разрешила международному обществу «Аэроарктик» научную арктическую экспедицию на дирижабле с остановками на территории СССР по маршруту Германия – Советский сектор Арктики. Помимо этого, в этой экспедиции мог участвовать профессор Р.Л. Самойлович, а также другие советские представители. Но валютные расходы экспедиции не должны превышать 17 тысяч долларов, выделенных из резервного фонда СНК СССР. Вся ответственность за организацию указанного полета была возложена на А.З. Гольцмана, С.С. Каменева.

В этот же период истории воздухоплататели стали изучать такую неизведанную оболочку атмосферы, как стратосфера. Овладение стратосферой открывало нашей стране большие возможности по использованию новых дирижаблей и стратостатов. Заседание Политбюро докладывало о полете в стратосферу 15 августа 1933 г.³ Комиссия позволила 4 августа 1933 г. произвести полет на аэростате следующим лицам: Г.А. Прокофьеву, пилоту Э.К. Бирнбауму, инженеру К.Д. Годунову. Первый полет планировался 7 августа. Кроме того, были предупреждены соседние страны о возможности посадки аэростата на их территории. Однако успешный полет на стратостате «СССР–1» состоялся 30 сентября 1933 г. в составе Г.А. Прокофьева, К.Д. Годунова и Э.К. Бирнбаума (достигли 19 000 м).

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 744. Л. 5.

² Там же. Д. 822. Л. 10.

³ Там же. Д. 928. Л. 9.

После этого события развитие воздухоплавания приобрело ускоренный путь. Но вскоре произошла катастрофа другого стратостата «Осоавиахим-1». 30 января 1934 г. три славных героя П.Ф. Федосеенко, А.Б. Васенко и И.Д. Усыскин погибли смертью храбрых¹. Несмотря на ожидаемую гибель, воздухоплаватели достигли большей высоты – 22 000 м.

Вместе со строительством стратостатов, началось и активное дирижаблестроение². 5 октября 1930 г. заседание Политбюро обсуждало «Декаду Оборона» в связи с 10-й годовщиной ликвидации основных фронтов гражданской войны и империалистической интервенции. Задачами «Декады Оборона» были: широкая пропаганда решений XVI съезда ВКП(б) по вопросам обороны страны; освещение перед молодежью героического прошлого гражданской войны; укрепление связи рабочих с частями РККА; привлечение внимания трудящихся к вопросам строительства гражданской авиации и дирижаблестроения, механизации и моторизации РККА; укрепление организаций Осоавиахима (кадры, материальная база). Провести подобное мероприятие следовало между 15 (день окончательного разгрома Врангеля) и 25 ноября. Проведением мероприятия занималась комиссия при Осоавиахиме СССР вместе с представителями иных структур (ЦК ВЛКСМ)³.

На другом заседании Политбюро, 25 ноября 1930 г., было решено, что 5 декабря А.З. Гольцман представит свой доклад по развитию отрасли дирижаблестроения в Советском Союзе. Кроме того, ВСНХ следовало принять меры к организации производства гелия⁴. Также к этому сроку комиссия в составе М.М. Кагановича, А.З. Гольцмана, К.Е. Ворошилова, Н.П. Павлуновского должна была представить проект по решению вопроса о строительстве новых дирижаблей в стране. Об этом упоминается и на заседании Политбюро 7 января 1931 г., но вопрос не был решен и отложен до 10 января⁵.

Кроме того, 7 января 1931 г. Н.В. Куйбышев предложил включить в комиссию по дирижаблестроению Сыромолотова, Механошина, а А.З. Гольцман – Н. Антипова⁶. 15 января 1931 г. снова обсуждался указанный вопрос⁷. 15 февраля 1931 г. М.М. Каганович, А.З. Гольцман и К.Е. Ворошилов решили, что из ассигнования (15 млн руб.), выделенного на дирижаблестроение в 1931 г., будет расходоваться часть денег на постановку добычи гелия. Более того, не следовало строить эллингов до рассмотрения вопроса по дирижаблестроению в Политбюро.

¹ Дорощева В.Б., Дорощев В.В. 439 минут «Сириуса». Документальная повесть. М., 1977. С. 231.

² Жуков Ю.Н. Сталин: Арктический щит. М., 2008. С. 45.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 799. Л. 19–20.

⁴ Там же. Д. 805. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 809. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 14, 17.

⁷ Там же. Д. 810. Л. 6.

Разработкой вопроса занималась комиссия в составе А.З. Гольцмана, М.М. Кагановича, Г.А. Прокофьева. Кроме того, в комиссию был включен и В.А. Зарзар¹. 25 марта снова отложили эту проблему². Только 25 апреля 1931 г. заседание Политбюро приняло решение о дирижаблестроении³. Проект А.З. Гольцмана был одобрен и должен был использоваться в 1931 г., как этап выявления гелиевых запасов, а также овладения проектнорочными и эксплуатационными процессами управляемого воздухоплавания. В 1932 г. намечалось развертывание советского дирижаблестроения на базе опытных достижений 1931 г. Уже к 1932 г. планировалось приступить к строительству, связанному с намеченной программой.

Любопытны и протоколы заседаний Политбюро, связанные с дирижаблем «Граф Цеппелин». 5 июня 1931 г. обсуждалась поездка Р.Л. Самойловича в Германию сроком на 14 дней для изучения вопроса перелета дирижабля⁴. Уже 5 июля 1931 г. в протоколе Политбюро № 41 говорилось о договоре ВОГВФ с фирмой «Цеппелин» о технической помощи по дирижаблестроению СССР⁵.

В случае отсутствия разногласий следовало утвердить договор. Однако 10 июля того же года снова был поднят вопрос об этом договоре⁶. Комиссия приняла решение о дальнейшем ведении переговоров с фирмой «Цеппелин» на базе предварительного договора, подписанного А.З. Гольцманом и Х. Эккенором. Кроме того, А.З. Гольцман и инженер А.Н. Флаксерман должны были выехать в Германию для продолжения переговоров по директивам: сумму платежей Советского Союза фирме «Цеппелин» снизить с 5 000 000 марок до 4000000 марок; валютные платежи 1931 г. ограничить 150 000 марок; срок остальных платежей построить по согласованию с А.П. Розенгольцем, чтобы большая часть (более 50%) была выплачена СССР после выполнения фирмой своих обязательств и постройки в СССР первого большого дирижабля.

25 июля 1931 г. было разрешено специалистам по воздухоплаванию (Г.В. Тарапкин, Д.И. Матюнин) отправиться в Германию на дирижабле «Граф Цеппелин» сроком на 15 дней при возвращении из Арктики⁷. Однако 20 сентября, 30 сентября и 10 октября 1931 г. вопрос о перелете дирижабля «Цеппелин» был отложен до нового рассмотрения⁸.

На заседании Политбюро 5 июля 1931 г. был поднят вопрос об У. Нобиле⁹. Комиссия разрешила У. Нобелю въезд в СССР для поездки на «Малыгине» и консультации по дирижаблестроению с оплатой его работы в

¹ Там же. Д. 813. Л. 17.

² Там же. Д. 816. Л. 6.

³ Там же. Д. 822. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 828. Л. 14.

⁵ Там же. Д. 834. Л. 10.

⁶ Там же. Д. 835. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 838. Л. 9.

⁸ Там же. Д. 849. Л. 4; Д. 853. Л. 5; Д. 851–2. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 834. Л. 10.

советской валюте. Уже с 1932 г. У. Нобиле будет работать в Советском Союзе и руководить «Дирижаблестроем»¹.

15 октября 1931 г. на заседании Политбюро решался вопрос о дирижабле «Красная Звезда», который разбился 3 сентября². Основной причиной аварии была плохая погода, в частности, сильный ветер. Однако на заседании Политбюро говорилось об иных причинах катастрофы: небрежность и плохая подготовка дирижабля к полету. Учебно-тренировочный полет дирижабля не был проработан в должной мере, т.к. летный состав не был проинструктирован.

Кроме того, сам полет дирижабля «Красная звезда» совершался без метеорологических сводок. Организация «Дирижаблестрой» не организовала технически грамотной эксплуатационной службы в Московском порту дирижаблей³. В результате катастрофы этого дирижабля были привлечены к уголовной ответственности некоторые лица (бывший начальник порта Куприянов, командир корабля И.И. Мейснер). К.Е. Ворошилов расследовал дело крушения дирижабля и докладывал в ЦК.

Таким образом, по материалам заседаний Политбюро виден активный интерес к изучению воздухоплавания в 1930-е гг. не только ученых СССР, но и государственных деятелей. Вопросы по развитию дирижаблестроения и проектирование новых стратостатов долгое время интересовали руководящий орган Советского Союза.

¹ Карпова Л.И., Шаров А.М. Советское дирижаблестроение в 1935–1937 гг. // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 5.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 932. Л. 5.

³ Шаров А.М. Конец дирижаблестроения в СССР (1938–1940 гг.) // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 24.

ПРОВЕРКА ЛИЦ ПОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ КОМИССИЯХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ (1918–1920 гг.)

*Яковенко Владислав Алексеевич
(НИУ «Высшая школа экономики»)*

События октября 1917 г. вызвали неприятие существенной части российского населения. Вскоре кристаллизовалось антибольшевистское сопротивление в разных его вариантах – от Белого движения и эсеровских правительств до зеленых повстанцев. Другим результатом революции стало образование так называемых государств-лимитрофов. Одним из таких государств стала Польша. В этой связи перед всеми российскими правительствами, в первую очередь – перед красными и белыми, стоял вопрос установления политического взаимодействия с этой страной. Среди белых он был, пожалуй, наиболее актуален для Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), соседствовавших с Польшей. Отношение лидеров ВСЮР к получению польской независимости можно назвать умеренно-доброжелательным. Так, генерал-лейтенант А.И. Деникин не выступал против польской государственности и надеялся на стратегический союз с польскими войсками против большевиков¹.

Но параллельно с официальной благожелательной позицией деникинского правительства разворачивалась реальная картина сложных отношений двух государств². Одной из граней их взаимодействия была жизнь поляков на территории Белого движения. Нередко сложные жизненные обстоятельства толкали этих людей на службу сначала большевикам, затем белым, а потом вынуждали отправиться на польские земли. Поляки, успевшие поработать на красных, наряду с остальными оказывались на проверке у судебно-следственных комиссий. Эти органы создавались генералом Деникиным начиная с августа 1918 г. для проверки и фильтра-

¹ Вполне вероятно, что в этом также играла роль биография генерала: он был сыном от брака выслужившегося в офицеры русского крестьянина и обедневшей польской дворянки. См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 3. М., 2013. С. 573; *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 2014.

² См., например: *Nowak A.* Polska i Trzy Rosje. Studium Polityki Wschodniej Jozefa Pilsudskiego (do kwetnia 1920 roku). Krakow, 2017; *White Spots – Black Spots: Difficult Matters in Polish-Russian Relations, 1918–2008.* University of Pittsburgh Press, 2015. P. 21–22.

ции граждан, служивших у враждебных белым правительств – в первую очередь у большевиков. Они могли оправдать подследственного, осудить лично, а в особо тяжких случаях передавали дело в суд.

В данном исследовании выполнены два case-study материалов следственных дел лиц польского происхождения, успевших послужить большевикам и попавших затем под следствие у белых. Первым из них был 28-летний Вацлав Николаевич Гроцкий. В конце 1919 – начале 1920 гг. его задержали на улице по подозрению в службе большевикам. В процессе следствия оказалось, что Гроцкий действительно служил у красных. Причем в отличие от многих работал не на канцелярской должности, а в советской милиции города Орел. Однако по его собственному признанию служить милиционером его вынудила объявленная мобилизация. Сыграла свою роль и характерная для тех лет всеобщая нужда¹. При оставлении Орла Красной армией Гроцкий предпочел остаться в городе и прятался в подвале мыловаренного завода до прихода белых². После стремительного отступления ВСЮР он оказался в Курске. Позднее он отправился в Харьков, где находилось в то время польское консульство, и получил паспорт для выезда на родину³. Следователи не нашли в действиях Вацлава Гроцкого состава преступления и оправдали его⁴.

Второй герой нашего исследования – полковник генерального штаба Юлиан Иосифович Кобылецкий. Он происходил из польских дворян Виленской губернии. За чуть менее чем два года Гражданской войны Юлиан Кобылецкий успел послужить в четырех вооруженных силах: польских, двух украинских (гетмана П.П. Скоропадского и С.В. Петлюры) и в Красной Армии. Последним населенным пунктом на его пути перед попаданием под следствие стал Киев. Он, как и Гроцкий, не стал эвакуироваться из города с большевиками. В ходе работы судебно-следственной комиссии осенью 1919 г. Кобылецкий заявлял, что служил у большевиков по принуждению, а также из-за нехватки средств к существованию. Еще одним его аргументом в собственное оправдание было следующее: написав письмо на Дон с просьбой принять на службу, Кобылецкий не получил ответа⁵. Следователи пришли к выводу, что он ответственно исполнял обязанности во всех армиях и не занимал высоких должностей лишь случайно. Впрочем, они также отметили, что вреда белым он не принес, как и пользы большевикам. По этой причине он был оправдан⁶.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 1166. Л. 1–2.

² Там же. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 14–15, 17.

⁴ Там же. Л. 1–2.

⁵ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3989. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2; Л. 8–9.

⁶ Там же. Л. 1–2.

Принято считать, что офицеры воспринимались в качестве основы в южнорусском Белом движении¹. И это вполне логично, поскольку оно выросло из офицерской «Алексеевской организации». Тут свою роль играла и корпоративная солидарность, особенно актуальная для генштабистов, к которым принадлежал Ю.И. Кобылецкий². Действительно, гораздо больше доверия на проверке у следователей должен был вызывать кадровый офицер, имевший определенные заслуги и знакомства, рекомендации. Однако материалы дела говорят об обратном. Похоже, что Кобылецкого оправдали лишь ввиду того, что вреда ВСЮР он нанести не успел. При этом его польское происхождение не играло какой-то роли. В решении по делу значилось: «Сделал все, чтобы не попасть на службу в Добровольческую Армию»³.

В противовес этому материалы следственного дела никому не известного В.Н. Гроцкого говорят о нейтральном отношении к подследственному. Служивший в советской милиции обычный человек был оправдан, как и офицер-генштабист, однако без каких-либо укоризненных пометок в деле. Судя по всему, польский паспорт, указанный в деле, тут сыграл свою роль – лишние осложнения в отношениях с Польшей белым были не нужны.

Итак, из анализа данных источников можно сделать несколько выводов. Польское происхождение и документы от польского консульства, видимо, были для проверяющих весомым аргументом в пользу более мягкого отношения к подследственному. Однако само по себе польское происхождение не гарантировало положительного отношения, не могло быть «индულгенцией». В случае, когда подследственным был офицер, в судебно-следственных комиссиях его идентифицировали в первую очередь именно в этом качестве. Причем, похоже, что принадлежность к этой социальной группе в логике белых давала не только преференции. Она также несла за собой повышенную ответственность. Служба в четырех вооруженных силах и переход в пятые воспринимались как оппортунизм и ненадежность.

Таким образом, можно констатировать, что исследование документов судебно-следственных комиссий сквозь призму национального вопроса является перспективным направлением для исследователей Белого движения. Однако необходимо обращать внимание и на общий контекст ситуации в каждом отдельном случае. Национальная принадлежность подследственного может служить ключом к некоторым делам, но не способна дать ответы на все вопросы историка.

¹ *Газкуев Р.Г.* Белое Движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 379–380.

² *Ганин А.В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2017. С. 182.

³ ГАРО. Ф. Р-3989. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ
КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ЗА 1919–1927 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

*Яковлева Инна Алексеевна
(Государственный архив Новгородской области)*

Революционные события 1917 г. и, как следствие, социально-экономический кризис привели к глубокому упадку нравственности и беззаконию среди несовершеннолетних граждан бывшей Российской империи. Для предупреждения и расследования преступлений, совершенных детьми и подростками, требовалось создание нового исполнительного органа.

В дореволюционной России вопросами защиты прав несовершеннолетних занимались ювенальные суды. В первые годы советской власти они не получили поддержки и были ликвидированы. Общая политика новой власти в отношении детей была направлена на гуманизацию и социальную защиту. Поэтому Декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 г.⁴ были образованы Комиссии по делам несовершеннолетних (далее – Комонес), как новый орган, реализующий защиту прав несовершеннолетних граждан, а также профилактику и предупреждение преступлений.

Новгородская губернская комиссия по делам несовершеннолетних была создана 10 сентября 1919 г. Постановлением СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях»⁵ были внесены изменения в работу Комонеса. Согласно постановлению, Новгородская комиссия перешла в ведение отдела народного образования Новгородского губернского исполнительного комитета. Также при невозможности рассмотрения дела комиссией о несовершеннолетних в возрасте от 14–18 лет оно теперь передавалось в Народный Суд.

Важно отметить, что ввиду финансовых и кадровых трудностей деятельность губернской комиссии сосредотачивалась на работе по г. Новгороду и Новгородскому уезду, как ближайшими к месту расположения

⁴ См.: Декрет СНК РСФСР от 14.01.1918 «О комиссиях для несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

⁵ См.: Декрет СНК РСФСР от 04.03.1920 «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» // СУ РСФСР. 1920. № 13. Ст. 83.

комиссии, поэтому мы не можем представить полную картину состояния детской и подростковой преступности в губернии.

Комиссия являлась органом медико-педагогического воздействия на несовершеннолетних, как пишет в докладе о деятельности Новгородской комиссии по делам несовершеннолетних за 1924 г. председатель комиссии Г.Е. Кочин. «Само определение Комиссии показывает, что ее дело не наказывать несовершеннолетних, а на основании изучения личности обвиняемого найти наиболее правильные средства для его перевоспитания»¹.

В состав комиссии входили педагоги, врачи-психиатры и представители Народных судов. В докладе Г.Е. Кочин в соответствии с инструкцией о Комонесе выделял следующие виды действий в отношении несовершеннолетних: беседа, замечание, внушение, оставление на свободе под присмотром родителей (обследователей), определение на работу, помещение в школу (детский дом, учреждения для умственно-отсталых и трудных), отправление на родину. «И только тогда, когда Комиссия находит, что она бессильна бороться всеми этими мерами с испорченностью обвиняемого, она передает дело о нем в Народный суд»².

При комиссии существовала канцелярия, функции которой заключались в ведении делопроизводства, знакомство с делами и характеристиками обвиняемых, а также в истребовании недостающих материалов для дела³. Комиссией также учреждался приемник, где располагались обвиняемые несовершеннолетние до разбора дел. В задачи приемника входил надзор за порядком, а также сбор данных о ребенке и его родителях для доклада комиссии. После рассмотрения дела из приемника несовершеннолетние направлялись либо под наблюдение родителей, либо в дома дефективистов⁴.

В ежегодных докладах о работе Новгородского губернского Комонеса руководители выделяют несколько существенных недостатков в работе комиссии. Во-первых, это неразвитая сеть специальных учреждений для предупреждений и разбора дел о несовершеннолетних. Согласно статистическим данным, больше половины несовершеннолетних преступников являлись жителями деревень (89,5% по данным 1926 г.⁵). В отношении жителей города Новгорода, а также иногородних несовершеннолетних была разработана четкая процедура проверки и контроля со стороны воспитателей для сбора информации об обвиняемом.

¹ Доклад о деятельности Новгородской комиссии по делам о несовершеннолетних за 1924 г. // Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 286. Л. 4.

² Там же. Л. 4 об.

³ Протокол заседания Новгородской комиссии о несовершеннолетних № 2 от 3 июня 1920 г. // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 245. Л. 2.

⁴ Сведения о деятельности Маловишерской комиссии о несовершеннолетних за 1920 г. // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 253. Л. 9.

⁵ Акт обследования Новгородской губернской комиссии по делам несовершеннолетних за 1926 г. // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 319. Л. 164.

Но сбор информации о правонарушителях из сельской местности, а также контроль над ними затруднен отсутствием достаточного количества воспитателей для командирования их в волости, нехваткой денежных средств на организацию перевозки обвиняемого и сопровождающих в город и т.д. «Иногда бывали и такие случаи, когда мы просто не получаем никаких ответов, несмотря на то, что наши повестки вручаются обвиняемым через волисполкомы по несколько раз. В таких случаях мы вынуждены решать дела заочно, что не имеет абсолютно никакого смысла»¹.

Во-вторых, в Новгородской губернии остро стояла проблема недостатка специальных учреждений для перевоспитания несовершеннолетних преступников. Первая Новгородская колония для морально-дефективных детей на 30 человек была открыта в конце 1921 г.² В июле 1923 г. был открыт Дом беспризорного ребенка, однако уже к 1924 г. оба они были полностью заполнены. В области надзора за несовершеннолетними негативно сказывалось и отсутствие в губернии школы для умственно-отсталых детей.

В отношении таких несовершеннолетних Комонес мог предпринимать две меры: оставление в прежних условиях или размещение их в учреждение для морально-дефективных. В первом случае ребенок продолжал представлять опасность для общества, т.к. такие дети, в основном, не отдают себе отчета о совершенном правонарушении, в другом случае умственно-отсталые несовершеннолетние тормозят работу с другими детьми³.

В-третьих, в работе Комонеса ощущалось отсутствие в губернии реформаториума. Ввиду этого часть детей направлялась по решениям Народного суда в Исправительные дома, а другая часть Комонесом помещалась в учреждения для трудных детей. Это приводило к тому, что несовершеннолетние правонарушители продолжали совершать преступления и становились опасными для общества и для других воспитанников. Новгородский реформаториум был открыт в августе 1926 г. на территории бывшего Крестецкого исправительного трудового дома, однако уже 8 июля 1927 г. решением Президиума Новгородского губисполкома он был ликвидирован⁴.

¹ Доклад о деятельности Новгородской комиссии по делам о несовершеннолетних за 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 286. Л. 4 об.

² Доклад о работе Новгородской комиссии по делам несовершеннолетних за 1923 г. // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 271. Л. 4.

³ Доклад о деятельности Новгородской комиссии по делам о несовершеннолетних за 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 286. Л. 5.

⁴ *Дубоносова А.Э.* Правовая защита несовершеннолетних и профилактика детской и подростковой преступности в первые десятилетия становления советской власти // Записки Филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Вып. 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 3. Великий Новгород, 2010. С. 32.

Если характеризовать несовершеннолетних по половому и возрастному признаку, то больший процент преступлений был совершен лицами мужского пола (95%) в возрасте от 12 до 16 лет (77% по состоянию на 1926 г.¹).

По характеру правонарушений, совершенных несовершеннолетними, основную часть разбирательств занимают дела имущественного характера (кражи, грабежи), далее – хулиганство и нарушение общественного порядка. Так, анализируя статистические сведения, в среднем ежегодно комиссией принимались решения по 128 несовершеннолетним, совершавшим преступления имущественного характера, из них 64 человека обвинялись в хулиганстве. Также стоит отметить, что в отчетных документах Новгородского губернского Комонеса выделяют такие виды правонарушений, как безбилетный проезд и незаконная рубка леса, которые также имеют большой процент совершения. Прежде всего это связано с возрастающим уровнем беспризорности и невозможностью обеспечить своё существование в сложившихся в стране и губернии социально-экономических условиях.

Если говорить о мерах медико-педагогического воздействия, которые чаще всего применял Новгородский губернский Комонес в отношении обвиняемых, то здесь ведущую роль играли внушение, передача под присмотр родителей или определение в детский дом. Однако стоит обратить внимание и на то, что с 1920 г. ежегодно дела 25% обвиняемых несовершеннолетних передавались в Народные суды для дальнейших разбирательств. Это было связано, прежде всего, со снижением возраста обвиняемых, дела которых вправе рассматривать Комонес с 18 до 14 лет, а во-вторых, в случаях проявления рецидива.

Подводя итог обзору деятельности Новгородской губернской комиссии по делам несовершеннолетних за 1919–1927 гг. как руководящего органа, стоит признать, что работа была слабой и нуждалась в корректировке. За период 1919–1926 гг. Новгородским Комонесом было рассмотрено 1325 дел о 1920 несовершеннолетних.

¹ Акт обследования Новгородской губернской комиссии по делам несовершеннолетних за 1926 г. // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 319. Л. 163 об.

THE NEAPOLITAN CIVIL WAR (1860–1870) A HISTORICAL INTERPRETATION

Carmine Pinto
(*University of Salerno, Italy*)

The campaign of 1860–1861, with the consequent crisis of brigandage, was the last war in the Italian *Mezzogiorno*. Unitary Italian and Bourbon Neapolitan nationalists brought to an end a civil conflict that had lasted almost sixty years. After the war ended in 1870, the South of Italy became part of the unitary state, but it was noted that there was a substantial distance between the different parts of the country. The end of the civil conflict coincided with the beginning of the Southern question. Writers, politicians and intellectuals gave life to one of the most long-lived Italian political-cultural traditions whose consequences have lasted until today. The battle for Naples is a crucial theme in the history of contemporary Italy, as is testified to by its importance in Italian historiography¹. Moreover, the civil conflict of brigandage was, as early as the 1860s and 1870s, the subject of the first interpretations of an Italian war, which has survived in many ways to the present day².

It is precisely the renewed interest in these issues that has given strength to the renewal of interpretations and definitions developed in the war itself, producing a mixture of patriotism and nostalgia for the social bandit. Instead, in the historiographical comparison, this long tradition of studies has been renewed, expanding the analysis of brigandage to the history of the Southern civil conflict³, the counter-revolutionary currents in the kingdom⁴ (and the

¹ *Romeo R.* Il Risorgimento in Sicilia. Roma-Bari: Laterza, 1970; *Riall L.* La Sicilia e l'unificazione italiana. Politica liberale e potere locale (1815–1866). Torino: Einaudi, 2004; *Galasso G.* Storia del Regno di Napoli, V, Il Mezzogiorno borbonico e napoleonico, (1734–1815). Torino: UTET, 2007.

² *Pedio T.* Brigantaggio meridionale: (1806–1863). Lecce: Capone, 1967; *Martucci R.* Emergenza e tutela dell'ordine pubblico nell'Italia liberale. Bologna: Il Mulino, 1980; *Scirocco A.* Il Mezzogiorno nell'Italia unita (1861–1865). Napoli: Società editrice napoletana, 1979; *Albonico A.* La mobilitazione legittimista contro il regno d'Italia: la Spagna e il brigantaggio meridionale postunitario. Milano: Giuffrè, 1979; *Leoni F.* Il governo borbonico in esilio, 1861–1866. Napoli: Guida, 1984.

³ *Lupo S.* L'unificazione italiana. Mezzogiorno, rivoluzione, guerra civile. Roma: Donzelli, 2011; *Pinto C.* 1857. Conflitto civile e guerra nazionale nel Mezzogiorno. «Meridiana», 2011, 69. P. 171–200; *Macry P.* Unità a Mezzogiorno. Come l'Italia ha messo insieme i pezzi. Bologna: il Mulino, 2012; *Riall L.* La rivolta. Bronte 1860. Roma-Bari: Laterza, 2012; *De Lorenzo R.* Borbonia felix. Il Regno Delle Due Sicilie alla vigilia del crollo. Roma: Salerno, 2013.

⁴ *Sarlin S.* Fighting the Risorgimento // Journal of Modern Italian Studies. 2009, 14. P. 476–490; *Facineroso A.* Il ritorno del giglio. L'esilio dei Borbone tra diplomazia e

Bourbon world¹), and the war itself². In the interpretation, which is proposed here, some traditional interpretations are not represented, placed exclusively in terms of class conflict or criminal repression. The war of brigandage is considered the re-emergence of an atavistic social pathology, widespread in most of the rural societies, which in the South of Italy assumed enormous relevance when revolts or wars led to socio-economic crises or institutional fractures³. At the same time, it was the last stage of a long-lasting civil conflict, starting in the age of revolutions and ending with the formation and consolidation of the Italian national state, commonly judged to be the final period of the main lines of fracture (political, ideological, social, economic) that had fragmented the Kingdom of the Two Sicilies.

In the most recent historiographical comparison, the reconstruction of the war was enriched by investigations on the forms of politicization of the conflict, on the profile of violence, on the nature of ideological projects, on the experience of civilians and battles. In the campaign of 1860–1861 the conflict confirmed the identifying features of civil war, contrasting individuals of the same state (both Italian and, previously, Neapolitan), who identified themselves in opposing national projects (Neapolitan legitimist and Italian unitary). At the same time, the war evolved rapidly, because after the surrender of Gaeta (February 1860) the Bourbons never succeeded in achieving the goal of a multiple sovereignty and were opposed to that established by Italian nationalists. The crisis turned into a rural civil conflict, involving the populations in a considerable, if not predominant, form.

The civil conflict in Southern Italy (first the Kingdom of Naples and then, after 1816, Kingdom of the Two Sicilies) was the result of a period of intense mobilization of society and the spread of political violence. The kingdom was involved in all respects by the wars of the Revolution and the Empire (1794–1815), was a land of conflict within the crisis of the Bourbon-Euro-Atlantic world (1817–1823) and was finally inserted as a protagonist in the European revolution (1847–1849). In the South, at least four international wars were fought in about sixty years. The kingdom suffered four foreign invasions and underwent four revolutions: a republican radical (1799), a constitutional liberal (1820), a liberal Italian (1848), an Italian nationalist (1860). The intense politicization of society was a consequence of the confrontation between

guerra civile. Roma: Carocci, 2017; *Pinto C.* Gli ultimi borbonici. Narrazioni e miti della nazione perduta duo-siciliana (1867–1911). «Meridiana». Vol. 88. 2017. P. 61–82.

¹ Crolli borbonici / C. Pinto eds. «Meridiana», 81. Roma: Viella, 2014; Rien appris, Rien oiblié. Les Restaurations dans l'Europe potnapoléonienne (1814–183) / Jean-Claude Caron e Jean Philippe Luis eds. Rennes: Presse Universitaires, 2015; El desafío de la revolución. Reaccionarios, antiliberales y contrarrevolucionarios. Siglos XVIII y XIX / Rujula Lopez e J. Ramon Solans eds. Granada: Comares, 2017.

² *Pinto C.* La campagna per la popolazione. Vittime civili e mobilitazione politica nella guerra al brigantaggio (1863–1868) // *Rivista Storica Italiana*. 3, 2015. P. 808–852.

³ *Galasso G.* Unificazione italiana e tradizione meridionale // *Archivio Storico per le province napoletane*, anno XXI CI nuove serie. 1983. P. 1–15.

different national projects and ideological visions. Civil conflict became the engine of the renewal of the state and the carrier of the mobilization of society. The opposition between political communities multiplied everywhere, secret societies, clandestine conspiracies, paramilitary organizations. In the moments of the greatest intensity of internal conflict, rural guerrilla actions emerged, a growing strengthening of the police apparatus, not to mention local feuds, social movements, political processes and public executions.

The strength of the internal conflict in determining the development of alternative national projects can be ascertained in the radical nature of its institutional changes. In the Kingdom of the Two Sicilies four revolutionary regimes were affirmed (Republican in 1799, Pan-European imperial in 1806, Constitutional Liberal in 1820 and 1848), with four constitutions, 1812 (Sicily), 1820, 1848, 1860 (Naples), a unique case in all the ancient Italian states. Yet, it was also the only country, amongst all the heirs of the Bourbon crown, both in the Spanish royalist version and in the Latin American national version, to record the success of four absolutist restorations (Sanfedist in 1799, moderated in 1815, anti-liberal in 1821, reactionary centralist in 1849). In the civil conflict in the south the various state projects changed according to the political context, but the opposing political communities maintained considerable continuity. In Republican and constitutional opposition until the forties and unitarian and liberal nationalists in the following twenty years, they very often shared political, family, and territorial traditions. At the same time, counter-revolutionaries, absolutists and then independent Bourbon patriots shared lines of loyalty to the Neapolitan monarchy and homeland that continued for generations.

The comparison between these political communities shaped individual leadership, collective ambitions, family goals, local competitions, using the symbolic, ideological and emotional resources available. In the first phase these became part of the global confrontation between revolution and counter-revolution, and then, after 1848, in the confrontation between the variegated currents of nationalist romanticism and neo-absolutism, with its Catholic and regional variations. This long conflict did not have much to do with the reorganization of productive structures or some fanciful ethnic-social explanation but was closely connected to the politicization of social groups. It was the clash between different national projects, in the final crisis, which absorbed and transformed those social tensions that fragmented the Southern countryside and the urban classes. The war of 1860 offered a new face to the civil conflict. If there was still a dialectic between liberal constitutionalism (now largely integrated into the Italian unitary movement) and absolutism, reinforced by solidarity with the Catholic Church of Pius IX, the political communities had developed stronger patriotic-nationalist memberships.

The war of 1860–1870 transformed the civil conflict between political and institutional models in the South of Italy in a clash between opposing patriotic identities. The Neapolitan and Sicilian liberals became a fundamental component of the unitary movement. If the roots of their community were in the constitutional freedom of its history and the martyrs, the peninsular

political-ideological family with the Italian nationalist project was now its point of arrival. Neapolitan Bourbon patriotism, which always identified itself with the historical frontiers of the ancient monarchy, with its traditions of cultural and religious homogeneity, made fundamental values of independence and dynastic loyalty, seeking its national legitimization and identification with the Catholic Church and the Southern institutions.

In the war of 1860–1870 the combination of revolution, war and brigandage was therefore the solution to a long civil conflict between different forms of imagining the state and interpreting the fractures of society. The civil war lasted nine months, between May 1860 and February 1861. The war saw the formation of opposing governments and armies, which multiplied the intense politicization of society by involving aristocrats and peasants, bourgeois and religious participants in the conflict. After the Sicilian campaign (July), the Southern units, used the indecision of the king and the moral fragility of his apparatus to seize the peripheral institutions of the South. The constitutional Neapolitan autonomists, hoping to seize it, had crumbled and committed suicide. The army had split up. The summits were paralyzed, the navy passed *en bloc* to the Unitarians, the cadres and the troops were stragglers. While the king sought support and protection (impossible) in Europe, Cavour and Garibaldi played the final game.

The head of the Piedmont government obtained the neutrality of Napoleon III and decided to invade the states of the Pope and the Bourbon. Garibaldi arrived in Naples. Only then did King Francis II retire to Gaeta. This time he reacted, he launched an appeal to the people and the army to drive out the invaders and enemies of the Church. The Unitarian *Garibaldini* and the Neapolitan revolutionaries became, the most determined and ruthless enemies of the insurgent Bourbon strands. They were the first to face the legitimist insurgency. Southern society split into two. The Garibaldi government of Naples opposed the Bourbon government of Gaeta. It was the Southerners who brought the legacy of the Southern civil conflict into the war between the Piedmont people and the Neapolitans, and the conflict between the *Garibaldini* and the Bourbons. Everyone used the conflict to seek their own affirmation, occupy or defend spaces of power, settle old scores¹. Thus the more brutal characters of the internal conflict multiplied, the demonization adversaries, the social tensions. The legitimist brigands made enemy civilians their main objectives, adding to these political actions a growing criminal activity. Unitary Italians, by contrast, refused any political recognition to the enemy, leading to a progressive refinement of decisive and ruthless repressive techniques.

The Italians, after the dangerous crisis of the unitary compromise (Aspromonte, 1862) began a counter-offensive which reached a turning point in the second half of 1863. This mobilization, prepared by the Commission of Inquiry and legitimized by the Pica law, was part of a strategy that intertwined

¹ *Huntington S. Patterns of Violence in World Politics // Changing Patterns of Military Politics / a cura di. London: Chatto and Windus, 1962.*

political and military problems. The Italian nationalists fielded a powerful offensive with the aim of convincing the European opinion, the notorious of the Neapolitan provinces, the southern civilians, that the unitary choice was as valid as it was irreversible. The campaign allowed the fluidity of the forces and the substantial placement of the great part of the southern political classes in the unitary field, revealing the role of war in shaping field choices and conveniences, but also the force of attraction of the units. The result was a definitive change of memberships and conveniences, in their favour, minimizing the chances of survival of the Bourbons and brigands¹.

At the end of the Sixties the war ended with the triumph of the Italian nationalists, determining the definitive replacement of the Neapolitan homeland with the Italian one. At the same time, it brought to a conclusion the normalization of the Southern campaigns, eliminating a centuries-old phenomenon (political brigandage), re-establishing the control of violence by the state authority. Finally, the ancient Southern civil conflict was ended forever, because from that moment on, until the present day, a political and ideological movement never seriously developed in the old provinces, though ever capable of questioning the result of unification.

¹ *Pinto C.* La dottrina Pallavicini. Contro insurrezione e repressione nella guerra del Brigantaggio (1863–1874) // ASPN. Vol. CXXXII. 2014. P. 69–98.

СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ «КЛИО-2018»

Архив Российской академии наук
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия (Республика Беларусь)
Белорусский государственный архив научно-технической документации (Республика Беларусь)
Белорусский государственный университет (Республика Беларусь)
Библиотека Российской академии наук
Воронежский государственный университет
Всероссийский Государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова
Государственный академический университет гуманитарных наук
Государственный архив Новгородской области
Государственный архив Российской Федерации
Государственный архив новейшей истории Ульяновской области
Государственный архив Томской области
Дальневосточная пожарно-спасательная академия
Дальневосточный юридический институт МВД России
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
Институт Латинской Америки Российской академии наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
Институт российской истории Российской академии наук
Институт славяноведения Российской академии наук
Институт стратегии развития образования Российской академии образования
Институт философии Российской академии наук
Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Республика Казахстан)
Карельский научный центр Российской академии наук
Киевский национальный университет имени Т.Г. Шевченко (Украина)
Кировский государственный медицинский университет
Кокандский государственный педагогический институт (Республика Узбекистан)
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Краснодарский государственный институт культуры
Кубанский медицинский институт
Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (Республика Кыргызстан)
Минский городской педагогический колледж (Республика Беларусь)
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Московский педагогический государственный университет
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 4» (г. Ярославль)
Научно-образовательный центр устной истории Воронежского института высоких технологий
Научно-практический центр по внедрению новых социальных технологий
Нахчыванский государственный университет (Республика Азербайджан)
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»
Национальный университет гражданской защиты Украины (Украина)
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Оренбургский государственный педагогический университет
Петербургский институт иудаики
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Российский государственный архив в г. Самаре
Российский государственный архив новейшей истории
Российский государственный архив социально-политической истории
Российский государственный гуманитарный университет
Российский педагогический университет имени А.И. Герцена
Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России
Самарский государственный социально-педагогический университет
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Северо-Кавказский федеральный университет
Социологический институт Российской академии наук
Тверской государственный университет
Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
Университет имени Адама Мицкевича в Познани (Польша)
Университет Салерно (Италия)
Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина
Уфимский государственный нефтяной технический университет
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Центр документации новейшей истории Ярославской области
Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России
Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Арзу – старший преподаватель Нахчыванского государственного университета, Азербайджан, *a.ordubadi@yahoo.com*

Авакян Дарья Айрапетовна – советник Российского центра обучения избирательным технологиям при ЦИК России, к.полит.н., *avakyan88@mail.ru*

Азимов Адхам – преподаватель кафедры «Методика обучения истории» Кокандского государственного педагогического института, Республика Узбекистан, *rakhimova.80@bk.r*

Акимченков Виктор Владимирович – аспирант Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, *viktor_akimchenkov@mail.ru*

Алексашина Мария Геннадьевна – главный специалист РГАСПИ, аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *saschina.m@yandex.ru*

Алмазов Михаил Григорьевич – аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *znm128@mail.ru*

Апальков Дмитрий Игоревич – ассистент кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, к.и.н., *apal_d@mail.ru*

Аристов Станислав Васильевич – доцент НИУ «МЭИ», к.и.н., *aristov_stanislav@hotmail.com*

Артамонова Жанна Владимировна – главный специалист РГАСПИ, к.и.н., *xoreks@yandex.ru*

Баженова Рената Сергеевна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *itsrenebazzh@gmail.com*

Баканов Алексей Иванович – главный специалист РГАСПИ, к.и.н., *aleksej-bakanov@yandex.ru*

Барabanова Ксения Сергеевна – старший преподаватель Петербургского института иудаики, к.и.н., *Varabanova13@gmail.com*

Бахарев Анатолий Александрович – студент МГУ имени М.В. Ломоносова, *baharev-anatoliy@mail.ru*

Блохин Виктор Николаевич – старший преподаватель кафедры истории и педагогики Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, магистр исторических наук (Республика Беларусь), *vik-1987@bk.ru*

Болт Валентина Сергеевна – аспирантка ИРИ РАН, *javany@mail.ru*

Бондаренко Владимир Игоревич – доцент кафедры общественных наук и организации здравоохранения Кубанского медицинского института, к.и.н., *bondarenko89@list.ru*

Быша Лидия Сергеевна – аспирантка Тверского государственного университета, *lidiya_bysha@mail.ru*

Веселов Александр Александрович – доцент кафедры истории и культурологии НИУ «Московский энергетический институт», к.и.н., *ostash@yandex.ru*

Вильданов Руслан Раисович – доцент кафедры зарубежного регионоведения и истории Уфимского государственного нефтяного технического университета, к.полит.н., *POLIT-UFA@yandex.ru*

Виноградов Павел Валентинович – доцент кафедры естественно–научных и специальных дисциплин Дальневосточной пожарно–спасательной академии, к.и.н., *supwin26@mail.ru*

Винюкова Надежда Валерьевна – редактор программы «Кто мы?» на телеканале «Культура», аспирантка МГУ имени М.В. Ломоносова, магистр истории, *nadinvin1@yandex.ru*

Ворошилова Анна Сергеевна – главный архивист Государственного архива Томской области, *Annet1010552@mail.ru*

Вуколов Александр Алексеевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *sandrovukolov@gmail.com*

Выборнова Мария Александровна – заместитель директора Российского государственного архива в г. Самаре, к.и.н., *vybornova-rga@mail.ru*

Голованова Елена Александровна – соискатель кафедры киноведения Всероссийского государственного института кинематографии имени С.А. Герасимова, *eromaar@yandex.ru*

Горшенин Александр Владимирович – старший преподаватель кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально–педагогического университета, *aleksandr_gorshenin@rambler.ru*

Григорьев Евгений Михайлович – главный специалист Российского государственного архива социально–политической истории, *hammet1980@mail.ru*

Давыдова Татьяна Николаевна – аспирантка Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина, *Tania.davydova@gmail.com*

Дикий Ярослав Витальевич – аспирант института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, *yaroslavidikii@gmail.com*

Долгова Анжела Валерьевна – преподаватель кафедры истории России новейшего времени историко–архивного института РГГУ, к.и.н., *angela_dol@mail.ru*

Дюпина Евгения Александровна – студентка Российского государственного гуманитарного университета, *peajen@yandex.ru*

Еремин Владислав Витальевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *erclad98@mail.ru*

Ерицян Григор Артурович – студент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, *eri.nune2010@yandex.ru*

Ефимов Андрей Александрович – научный сотрудник Санкт–Петербургского института истории РАН, к.и.н., *aaefimov5@gmail.com*

Жукова Мария Михайловна – старший преподаватель кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно–технических архивов факультета документоведения и технотронных архивов Историко–архивного института РГГУ, *m.m.zhukova@mail.ru*

Заяц Николай Алексеевич – аспирант Воронежского государственного университета, *nikza91@yandex.ru*

Зиновьева Надежда Андреевна – ассоциированный научный сотрудник Социологического институт РАН, к.с.н., *n.zinoveva@socinst.ru*

Златоустова Марина Игоревна – аспирантка, ассистент кафедры зарубежного регионоведения УрФУ, *marina3060@list.ru*

Зотова Екатерина Николаевна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, *malevich1721@gmail.com*

Иванов Вячеслав Александрович – Киевский национальный университет имени Т.Г. Шевченко (Украина), к.и.н., *slavik1855@gmail.com*

Ильязова Рената Витальевна – ведущий архивист Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, аспирантка Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, *rena.ilyazova@mail.ru*

Илюшин Никита Александрович – студент Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, *nikitailushin96@gmail.com*

Ипатов Вячеслав Сергеевич – магистрант Московского педагогического государственного университета, *nevskiy-rus@yandex.ru*

Казак Олег Геннадьевич – преподаватель Минского городского педагогического колледжа, Республика Беларусь, к.и.н., *olegkazak90@tut.by*

Калдузова Виолетта Александровна – ассистент Оренбургского государственного педагогического университета, *ka-violett@mail.ru*

Карасева Альфия Ренатовна – лаборант, магистрант Государственного академического университета гуманитарных наук, *alpha.bexaliyeva@yandex.ru*

Кириллов Виктор Леонидович – магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, *kirillov-msu@bk.ru*

Кирсанов Роман Геннадиевич – старший научный сотрудник Института российской истории РАН, к.и.н., *romankirsanov@yandex.ru*

Кирсанова Екатерина Геннадьевна – ассистент МГУ имени М.В. Ломоносова, к.полит.н., *e-kirsanova@mail.ru*

Князев Павел Юрьевич – аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова, *pravkneazev@yandex.ru*

Ковалевская Олеся Владимировна – студентка Казахского национального университета имени аль-Фараби, Республика Казахстан, *olesyakova@bk.ru*

Козлова Наталья Алексеевна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *natulka09@gmail.com*

Козлова Светлана Юрьевна – аспирантка кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, *libushe19@yandex.ru*

Комочев Никита Алексеевич – научный сотрудник Института славяноведения РАН, доцент кафедры археографии Историко-архивного института РГГУ, к.и.н., *komni@list.ru*

Кононенко Олег Сергеевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *okey_ok_ey@hotmail.com*

Кононова Ольга Алексеевна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *olgakononova@yandex.ru*

Концевой Илья Анатольевич – специалист 1-й категории ГА РФ, аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *ilkontsevov@gmail.com*

Косован Елена Анатольевна – доцент кафедры стран постсоветского зарубежья, Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, к.и.н., *ekcade@gmail.com*

Кравцев Евгений Владимирович – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *j_e_k_a26@mail.ru*

Красильникова Анастасия Вячеславовна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *makekrasnotwar@gmail.com*

Круглов Владимир Николаевич – научный сотрудник Института российской истории РАН, к.и.н., *vladimirkruglov2007@yandex.ru*

Крякин Евгений Николаевич – ассистент кафедры истории МГТУ имени Н.Э. Баумана, *evgeniyasket@gmail.com*

Кудратуллаев Нодирбек – студент Национального университета имени Аль-Фараби, Республика Казахстан, *russianguroup777@mail.ru*

Кулинок Святослав Валентинович – заведующий отделом информации и использования документов Белорусского государственного архива научно-технической документации (Республика Беларусь), к.и.н., *svkulinok@tut.by*

Курицын Артем Игоревич – соискатель кафедры истории России Белорусского государственного университета, Республика Беларусь, *dorward@mail.ru*

Лаптева Татьяна Николаевна – научный сотрудник Архива РАН, *laptistv@yandex.ru*

Лещева Венера Рафаэловна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *venera.valieva@gmail.com*

Лиманова Светлана Андреевна – научный сотрудник Архива РАН, к.и.н., *serovasvetlana@mail.ru*

Магдеев Сабир Игоревич – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *sabir-93@yandex.ru*

Малабаев Саламат Касымбекович – старший преподаватель факультета истории и регионоведения Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Республика Кыргызстан, к.и.н., *salamat.malabaev@gmail.com*

Малютин Георгий Александрович – главный специалист РГАСПИ, к.и.н., *malyutingeorgii@mail.ru*

Мануйлов Алексей Николаевич – студент Государственного академического университета гуманитарных наук, *Alexey4242@mail.ru*

Манухин Алексей Анатольевич – старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, к.и.н., *warcraftdouble@yandex.ru*

Маргушева Алина Зауровна – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *maralina2@mail.ru*

Милованов Константин Юрьевич – старший научный сотрудник лаборатории истории педагогики и образования Института стратегии развития образования Российской академии образования, к.и.н., *milkonst82@mail.ru*

Милославская Софья Павловна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, *smiloslavskaya@gmail.com*

Миронова Ольга Юрьевна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, *lilironova@gmail.com*

Миرونюк Сергей Алексеевич – аспирант факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, *privetsergey95@mail.ru*

Михайлова Лилия Дмитриевна – студентка НИУ «МЭИ», *lilyam97@mail.ru*

Мишина Анастасия Александровна – магистрант МГУ имени М.В. Ломоносова, *nastya-mishina@mail.ru*

Мишурин Александр Николаевич – младший научный сотрудник Института философии Российской академии наук, к.полит.н., *a.n.mishurin@iph.ras.ru*

Молдагазиева Сымбат Амирхановна – студентка Казахского национального университета имени аль-Фараби, Республика Казахстан, *symbat2309@gmail.com*

Новикова Мария Олеговна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, *mariya.novikova1@mail.ru*

Образцова Екатерина Васильевна – сотрудница Научно-образовательного центра устной истории Воронежского института высоких технологий, к.и.н., *eryazhskih@mail.ru*

Осина Ольга Владимировна – ведущий специалист РГАНИ, аспирантка МГОУ, *olgavolshenk@rambler.ru*

Панькина Мария Андреевна – аспирантка исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *maria pankina92@yandex.ru*

Парфирьев Дмитрий Станиславович – магистрант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *parfiryeff@yandex.ru*

Пермякова Алена Николаевна – аспирантка Санкт-Петербургского института истории РАН, *apermiakova@eu.spb.ru*

Петренко Андрей Анатольевич – аспирант Университета имени Адама Мицкевича в Познани, Польша, *hmara1921@gmail.com*

Петрова Юлия Владимировна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, *julieespe@gmail.com*

Пищук Матвей Дмитриевич – сотрудник ГА РФ, магистрант ИАИ РГГУ, *pishuk.mat@yandex.ru*

Плех Олеся Анатольевна – научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, к.и.н., *plekh@mail.ru*

Позднякова Анастасия Сергеевна – преподаватель Кировского государственного медицинского университета, к.и.н., *pozdneyakova.med@gmail.com*

Прокофьева Мария Ильинична – магистрант Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, *maria prokofieva@mail.ru*

Прокудин Борис Александрович – доцент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к.полит.н., *probor@bk.ru*

Пучков Владимир Михайлович – студент МГУ имени М.В. Ломоносова, *v1puchkov@yandex.ru*

Равкина Анна Дмитриевна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, *ravkina_anna@mail.ru*

Рахимова Гулчехра Собиржановна – преподаватель кафедры «Методика обучения истории» Кокандаского государственного педагогического института, Республика Узбекистан, *rakhimova.80@bk.ru*

Рахматуллаева Саодат Инамовна – преподаватель кафедры «Методика обучения истории» Кокандаского государственного педагогического института, Республика Узбекистан, *rakhimova.80@bk.ru*

Рыбин Андрей Александрович – аспирант Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, *rybin-andreyka@bk.ru*

Садов Владислав Владимирович – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *v-sadof2013@yandex.ru*

Садов Константин Сергеевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *konstantin-sadov@mail.ru*

Садовских Наталья Павловна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *l.141198@gmail.com*

Сальцева Алина Дмитриевна – аспирантка исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *alina_saltseva@mail.ru*

Самарчук Надежда Сергеевна – магистрант Краснодарского государственного института культуры, *samarchuk-nadya@mail.ru*

Семененко Анна Вадимовна – аспирантка Санкт-Петербургского института российской истории РАН, *aletia@mail.ru*

Сергушкин Сергей Сергеевич – аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *sergs934@mail.ru*

Соболев Владимир Андреевич – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *sovlad1992@yandex.ru*

Стасенко Никита Андреевич – магистрант НИУ «Московский энергетический институт», *kutuzoff94@yandex.ru*

Столярова Изабелла Феликсовна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *iubiriya@gmail.com*

Страхов Александр Борисович – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *falconian@yandex.ru*

Сулоев Иван Николаевич – старший научный сотрудник отдела хранения Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, к.и.н., *iwdoroga@mail.ru*

Султангузина Гульфия Юнировна – научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, к.и.н., *sultanguzhina@rambler.ru*

Танцева Анастасия Владимировна – доцент Северо-Кавказского федерального университета, к.и.н., *tantsevova@mail.ru*

Тарасов Станислав Витальевич – аспирант Тверского государственного университета, *ctas_tarasov@mail.ru*

Тарасютина Евгения Валерьевна – аспирантка Государственного академического университета гуманитарных наук, *limonza@mail.ru*

Тумаков Денис Васильевич – старший преподаватель кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета Минздрава России, к.и.н., *denistumakov@yandex.ru*

Тюшняков Святослав Михайлович – соискатель Института истории и археологии УрО РАН, *slava.tyshnyakov@gmail.com*

Усов Алексей Вячеславович – старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России, к.и.н., *101-mvd@mail.ru*

Фирсанов Данил Юрьевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *danilfirsanov1998@gmail.com*

Фролов Андрей Алексеевич – студент МГУ имени М.В. Ломоносова, *andrej_fr@mail.ru*

Харламов Михаил Иванович – доцент Национального университета гражданской защиты Украины (г. Харьков, Украина), к.и.н., *mike_kharlamov@mail.ru*

Холматов Темурмалик Комидджонович – магистрант НИУ ВШЭ, *xolmatov94@mail.ru*

Царегородцев Сергей Станиславович – директор Научно-практического центра по внедрению новых социальных технологий, соискатель факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *stsar@phoibos.ru*

Цветков Эдуард Георгиев – учитель истории средней школы № 4 г. Ярославля, соискатель ЯрГУ имени П.Г. Демидова, *egeo84@gmail.com*

Цыпкина Анна Георгиевна – младший научный сотрудник Архива РАН, соискатель исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *anna021090@yandex.ru*

Чебаковская Александра Вячеславовна – аспирантка Карельского научного центра РАН, *chebakovskaja@yandex.ru*

Чекалова Мария Андреевна – специалист 1-й категории РГАСПИ, магистрант МГУ имени М.В. Ломоносова, *mariya.chekalova.94@mail.ru*

Черемухин Вячеслав Владиславович – магистрант Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, *cheremuchin_v_v@mail.ru*

Чернышов Сергей Андреевич – ассистент Новосибирского национального исследовательского государственного университета, к.и.н., *1502911@mail.ru*

Чернышова Дарья Сергеевна – студентка РГГУ, *darya.chernyshova@inbox.ru*

Шанина Ольга Николаевна – заведующий отделом информационного обеспечения и публикации документов Центра документации новейшей истории Ярославской области, *o-shanina@mail.ru*

Шаронин Дмитрий Анатольевич – главный специалист Российского государственного архива в г. Самаре, *sharonin-rga@mail.ru*

Шеянова Мария Евгеньевна – старший преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, к.и.н., *mariyamir1@yandex.ru*

Шилова Роксана Радиковна – аспирант Уфимского федерального исследовательского центра РАН, *Roksila89@mail.ru*

Шувалова Анастасия Николаевна – магистрант Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, библиотекарь Библиотеки Российской академии наук, *nastia_220295@mail.ru*

Яковенко Владислав Алексеевич – магистрант НИУ ВШЭ, *v0395@yandex.ru*

Яковлева Инна Алексеевна – заместитель заведующего отдела использования документов Государственного архива Новгородской области, магистрант Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, *ta_samaya_inna@mail.ru*

Пинто Кармине – преподаватель Университета Салерно (Италия), *cpinto@unisa.it*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдуллаев А.</i> Кварталы города Нахчывана в XIX в.	5
<i>Авакян Д.А.</i> Опыт регулирования социальных конфликтов в Англии и Франции в период промышленной революции	7
<i>Азимов А.</i> Наступательные операции Красной армии на Ферганском фронте в 1919 г.	10
<i>Акимченков В.В.</i> Система образования Севастополя в условиях революционных потрясений и Гражданской войны: по воспоминаниям В.П. Бабенчикова	14
<i>Алексашина М.Г.</i> Аграрные программы спенсианцев и чартистов: сравнительный анализ. . .	18
<i>Алмазов М.Г.</i> Генерал-губернатор Ф.В. Дубасов и население Москвы в период декабрьского восстания: попытки диалога.	22
<i>Апальков Д.И.</i> К вопросу о позиции Г.К. Орджоникидзе во внутривластной борьбе в 1928 — начале 1929 г.	25
<i>Аристов С.В.</i> Система нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза	28
<i>Артамонова Ж.В.</i> Контркампания под руководством Л.Д. Троцкого по разоблачению Московских открытых процессов 1936–1938 гг.	32
<i>Баженова Р.С.</i> Марианна — вечный символ свободы?	39
<i>Баканов А.И.</i> Повурское восстание 1932 г. на основании документов РГАСПИ.	42
<i>Барабанова К.С.</i> Московская медицинская элита в борьбе с холерой в 1830 г.	45
<i>Бахарев А.А., Петрова Ю.В.</i> Джон Стюарт Милль о роли всеобщего избирательного права в либеральной демократии.	48
<i>Блохин В.Н.</i> Теоретические аспекты изучения гражданских конфликтов.	51
<i>Болт В.С.</i> Методы предотвращения конфликтов между солдатами русского оккупаци- онного корпуса и французским населением в 1815–1818 гг.	54

<i>Бондаренко В.И.</i> Спитакское землетрясение в судьбе Армении и СССР (К 30-летней годовщине катастрофы)	57
<i>Быша Л.С.</i> «ГУЛАГ в мемуаре» К. Крюгер как источник по истории женской повседневности	60
<i>Вильданов Р.Р.</i> Роль Учредительного собрания в революции и Гражданской войне в России	62
<i>Виноградов П.В.</i> Дальний Восток России в военно-техническом сотрудничестве с союзниками в годы Первой мировой войны.	65
<i>Винокова Н.В.</i> И.И. Фудель: на ниве христианского просвещения	69
<i>Ворошилова А.С.</i> Создание компьютерной исторической карты «Томская епархия в 1914 г.» с помощью онлайн-сервиса Google Maps.	72
<i>Вуколов А.А.</i> Художник в политике: З.Н. Гиппиус в журнале «Современные записки»	76
<i>Выборнова М.А.</i> Кожевенная промышленность России 1914–1917 гг. в исследовании Г.Х. Бамдаса	80
<i>Голованова Е.А.</i> Влияние визуального ряда кинематографических произведений периода Гражданской войны на зрителя.	83
<i>Горшенин А.В.</i> Вагоновожатая трамвая Ф.Л. Апраксина в период господства КОМУЧа в Самаре (июнь–октябрь 1918 г.)	87
<i>Григорьев Е.М.</i> «Антисемитизм на почве земельных историй»: проект еврейского землеустройства в Крыму в зеркале настроений советского общества (2-я пол. 1920-х гг.)	91
<i>Давыдова Т.Н.</i> Первая Азербайджанская Демократическая Республика: опыт признания независимости и отношения с Западом.	96
<i>Дикий Я.В.</i> Повседневная жизнь Верхнеудинска в годы Гражданской войны (по материалам рекламы и объявлений в периодической печати)	100
<i>Долгова А.В.</i> Пермская губерния под властью Верховного правителя.	104
<i>Дюпина Е.А.</i> Политика как художественный проект: участие деятелей культуры в НБП в 1990-е гг.	108

<i>Епишин Н.А.</i>	
Влияние идей Джона Нокса на революции в Шотландии и Англии XVI–XVII вв.	111
<i>Еремин В.В.</i>	
Сравнительный анализ мирового порядка после завершения Первой и Второй мировых войн	115
<i>Ершян Г.А.</i>	
Образ дороги в общественном сознании России первой половины XIX в.	119
<i>Ефимов А.А.</i>	
Проекты Гатчинского дворцового управления по расширению сети электроосвещения города при Николае II	122
<i>Жукова М.М.</i>	
Отражение феномена гражданских войн в визуальных образах фотографии и кинохроники.	126
<i>Заяц Н.А.</i>	
«Химические снаряды всегда полезны...»: химическое оружие против вооруженных восстаний в Гражданской войне в России.	130
<i>Зиновьева Н.А.</i>	
Образ Родины в визуальной пропаганде эпохи Гражданской войны в России	133
<i>Златоустова М.И.</i>	
Энозис против таксима: гражданский конфликт национальных общин Кипра в 50-е гг. XX в.	137
<i>Зотова Е.Н.</i>	
Влияние платонизма на социально-политическую мысль Владимира Соловьева.	140
<i>Иванов В.А.</i>	
Проблема военнопленных и интернированных лиц периода советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в освещении современной украинской историографии	143
<i>Ильязова Р.В.</i>	
К вопросу об искажении описания событий Гражданской войны на территории Симбирской губернии в воспоминаниях очевидцев из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области.	147
<i>Илюшин Н.А.</i>	
Сообщество российских писателей в период конституционного кризиса	151
<i>Ипатов В.С.</i>	
Позиция Советского Союза в отношении Индонезии в период массовых репрессий против КПИ.	154
<i>Казак О.Г.</i>	
Функционирование Минского Польского педагогического техникума в контексте национально-культурной политики в Советской Беларуси.	157
<i>Калдузова В.А.</i>	
Питание рабочего населения провинциального советского города (на примере Оренбурга): опыт моделирования продовольственной корзины	161

<i>Карасева А.Р.</i> Образ Английской гражданской войны в живописи викторианской эпохи	164
<i>Кириллов В.Л.</i> Материалы фондов Государственного музея политической истории России как источник по истории русского революционного движения	168
<i>Кирсанов Р.Г.</i> Экономическая реформа 1979 г.: в поисках системности в планировании и управлении народным хозяйством	171
<i>Кирсанова Е.Г.</i> Проблемы планирования в советской экономике	175
<i>Князев П.Ю.</i> Обоснование прав Вильгельма III Оранского на английский престол в сочинениях Эдмунда Бохана	179
<i>Ковалевская О.В.</i> Образ гражданских конфликтов и гражданских войн в литературе, искусстве, национальной памяти	182
<i>Козлова Н.А.</i> Антибольшевистское движение в годы Гражданской войны в современной российской историографии	185
<i>Козлова С.Ю.</i> Выставка «16 дней, которые потрясли Ярославль»: локальный контекст Гражданской войны	188
<i>Козлова С.Ю.</i> «Союз итальянских женщин» в годы холодной войны (1947–1956 гг.)	192
<i>Комочев Н.А.</i> О лингвистических и дипломатических принципах передачи текста в современной актовой археографии	195
<i>Кононенко О.С.</i> Забывтая книга «для народного чтения»	198
<i>Кононова О.А.</i> «Программный документ» русского полицейского социализма.	203
<i>Концевой И.А.</i> Двухпартийность на региональном уровне: взаимодействие большевиков и левых эсеров в органах власти Московской области (март–июнь 1918 г.)	209
<i>Косован Е.А.</i> Гражданская война в пространстве исторической памяти современной Украины: на примере Второго зимнего похода армии УНР (октябрь–ноябрь 1921 г.)	213
<i>Кравцев Е.В.</i> Песни Великой Французской революции и их влияние на общественные настроения	216

<i>Красильникова А.В.</i>	
Утопический проект семьи А.М. Коллонтай	219
<i>Круглов В.Н.</i>	
Проблема территориальной реорганизации России в политике большевиков: идейные представления и практика (1917–1923 гг.)	222
<i>Крякин Е.Н.</i>	
Интересы этноса и логика государства в Гражданской войне в России (на примере еврейской общины Москвы в 1918–1930-е гг.)	226
<i>Кудратуллаев Н.Н.</i>	
PR в архивах Республики Казахстан	230
<i>Кулинок С.В.</i>	
Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и вражеской агентуры на территории СССР в 1941–1944 гг. в историографии периода Великой Отечественной войны	234
<i>Курицын А.И.</i>	
Глобализация в представлении черносотенцев	237
<i>Лаптева Т.Н.</i>	
Проблема отражения содержания документов в заголовках дел фондов личного происхождения: материалы переписки	241
<i>Лещева В.Р.</i>	
«Записки из подполья» Ф.М. Достоевского: политико-текстологический анализ	245
<i>Лиманова С.А.</i>	
«Декрет о памятниках Республики» в риторике Гражданской войны	248
<i>Магдеев С.И.</i>	
Концепция национального государства в творчестве Ортеги-и-Гассета	252
<i>Малабаев С.К.</i>	
Социальные изменения в Кыргызстане в годы Гражданской войны	255
<i>Малютин Г.А.</i>	
Участие польских социал-демократов в революционных событиях в России в 1917 г.	257
<i>Мануйлов А.Н.</i>	
Антикварный экспорт из Советского Союза в 1927–1933 гг.	262
<i>Манухин А.А.</i>	
Гражданский конфликт в Никарагуа и его роль в переходе США к политике «добраго соседа» (1927–1933 гг.)	266
<i>Маргушева А.З.</i>	
Исторические и социально-политические предпосылки создания контрпропаганды в Российской империи	269
<i>Милованов К.Ю.</i>	
Альтернативные стратегии развития ранней советской школы в годы Гражданской войны	272
<i>Милославская С.П.</i>	
Пауперизм как источник социальных конфликтов	276

<i>Миронова О.Ю.</i> Критика бюрократизма в рассказах Андрея Платонова «Государственный житель» и «Усомнившийся Макар»	278
<i>Миролюк С.А.</i> Интервенция стран Антанты и их союзников в Россию как фактор Гражданской войны (март–ноябрь 1918 г.) (К столетию начала интервенции)	282
<i>Михайлова Л.Д.</i> Революция глазами Александра Блока (по материалам дневников 1917–1918 гг.)	286
<i>Мишина А.А.</i> Идея индийского самоуправления в творчестве Б.Г. Тилака, А. Гхоша и М.К. Ганди	290
<i>Мишурич А.Н.</i> Гомогенизация как средство недопущения гражданских войн. К. Шмитт и его «Понятие политического»	293
<i>Молдагазиева С.А.</i> Источники о жизнедеятельности Ж. Шаяхметова	295
<i>Новикова М.О., Пучков В.М.</i> Восприятие революции и Гражданской войны через призму романа Бориса Пильняка «Голый год»	297
<i>Образцова Е.В.</i> Зарубежная историография проблемы ресоциализации немецких военнопленных после их возвращения из плена в СССР	300
<i>Осина О.В.</i> Политика гласности в Советском Союзе 1985–1990 гг. (по материалам Российского государственного архива новейшей истории)	303
<i>Панькина М.А.</i> Сергей Дегаев: попытка «реабилитации»	307
<i>Парфирьев Д.С.</i> К вопросу о характере гражданского противостояния в Восточной Галиции в августе–сентябре 1914 г.	311
<i>Пермякова А.Н.</i> «Многие люди прошениями Нас весьма утруждают»: челобитные помилованных дворян о возвращении им конфискованного имущества	314
<i>Петренко А.А.</i> «Где можно с ружьем в руках, где нельзя — тайно, хитростью и лукавством»: боевые инструкции бойцам Народного Союза Защиты Родины и Свободы Б.В. Савинкова	317
<i>Пищук М.Д.</i> Государственное регулирование национальной политики России в первой половине 1990-х гг. на примере деятельности Миннаца России	321
<i>Плех О.А.</i> Понятие «чиновник» в документальных источниках первой половины XIX в.	325

<i>Позднякова А.С.</i>	
«Открытые письма» времен Гражданской войны (по материалам дела Чрезвычайной комиссии на чехословацком фронте в отношении Анны Ми- хайловны Шаталовой).....	329
<i>Прокофьева М.И.</i>	
Перестройка деятельности медицинских учреждений в городах и уездах Новгородской губернии в начале Первой мировой войны.....	332
<i>Прокудин Б.А.</i>	
Утопия и историческая реальность в романе Захара Прилепина «Обитель» (2014).....	336
<i>Равкина А.Д.</i>	
Незавершенная революция Томаса Скидмора.....	339
<i>Рахимова Г.С., Рахматуллаева С.И., Аманов Я.А.</i>	
Промышленное развитие города Коканда в годы Великой Отечественной войны.....	342
<i>Рыбин А.А.</i>	
Хронологические рамки целинной кампании: отечественная историография.....	346
<i>Садов В.В.</i>	
Христианская эсхатология в образе Гражданской войны в романе А. Платонова «Чевенгур».....	350
<i>Садов К.С.</i>	
Великая разьединенность или решение гражданского противоречия в этике русского космизма.....	353
<i>Садовских Н.П.</i>	
Гражданские конфликты в «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли.....	355
<i>Сальцева А.Д.</i>	
Реконструкция социального портрета арестованных в ходе красного террора (по материалам общества помощи политическим заключенным «Московский Политический Красный Крест»).....	358
<i>Самарчук Н.С.</i>	
Актуальность технологии архивного аутсорсинга в современных условиях.....	361
<i>Семенов А.В.</i>	
Монастырская реформа в Царстве Польском 1864–1865 гг.: проекты и реализация.....	365
<i>Сергушкин С.С.</i>	
Деятельность Н.А. Шилова на Западном фронте русской армии в годы Первой мировой войны.....	369
<i>Соболев В.А.</i>	
Деятельность и творчество Ф.М. Бурлацкого в период перестройки в СССР.....	372
<i>Стасенко Н.А., Веселов А.А.</i>	
Газета «Энергетик» Московского энергетического института как исторический источник: 1930–1960-е гг.....	375

<i>Столярова И.Ф.</i> «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева	380
<i>Страхов А.Б.</i> Связь Романовых и Рюриковичей: отражение в исторической политике XVII в.	383
<i>Сулов И.Н.</i> Революционные потрясения 1917 г. в Костроме в воспоминаниях участников (на материалах фонда «Документы» Костромского музея- заповедника)	386
<i>Султангузина Г.Ю.</i> Охрана материнства и детства в Башкирии в условиях Гражданской войны	389
<i>Танцевова А.В.</i> «Где вы теперь?..»: образ белогвардейцев в советских еженедельниках конца 1920 — начала 1930-х гг.	392
<i>Тарасов С.В.</i> Особенности японской этнопсихологии и их влияние на повседневность военнослужащих Квантунской армии в период советско-японской войны 1945 г.	395
<i>Тарасютина Е.В.</i> Функционирование и виды нотариата в 1917–1922 гг. на территориях бывшей Российской империи	399
<i>Тумаков Д.В.</i> Уголовная преступность периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: два полюса (по материалам Ярославской области)	403
<i>Тюшняков С.М.</i> «...Не дайте погибнуть человеку, способному еще работать на пользу Отечества». О быте молодых рабочих на Уральском артиллерийском предприятии в начале Великой Отечественной войны	407
<i>Усов А.В.</i> Опыт эксплуатации специализированной техники Аварийно- спасательной службой Тихоокеанского флота в 1941–1945 гг.	410
<i>Фирсанов Д.Ю.</i> Анализ социально-политических причин революции в Никарагуа через концепции западных политологов.	414
<i>Фролов А.А.</i> Образ Поющей революции в книге Анатоля Ливена «The Baltic revolution»	417
<i>Харламов М.И.</i> Борьба украинского крестьянства против белогвардейской армии на территории Слобожанщины во времена Гражданской войны (1919–1920 гг.)	420
<i>Холматов Т.К.</i> Повседневная жизнь отечественных историков в годы Гражданской войны (1917–1923 гг.)	423
<i>Царегородцев С.С.</i> Ф. Бэкон в поисках общественного согласия	426

<i>Цветков Э.Г.</i>	
Гана: от эйфории независимости к первому кризису власти	429
<i>Цыпкина А.Г.</i>	
Митрополит Хрисанф: архив, деятельность (период 1916–1917 гг.), личность	434
<i>Чебаковская А.В.</i>	
Общественные акции в помощь детям в 1920-х гг. (на материалах Карелии)	437
<i>Чекалова М.А.</i>	
Эволюция расовой проблематики в США в XIX — начале XX в.	440
<i>Черемухин В.В.</i>	
Политическая демократия Новочеркасска: донской парламент в 1917–1918 гг.	444
<i>Чернышов С.А.</i>	
Аборигенная гражданская война за политическое наследство Сибирского ханства в конце XVI – XVII в.: истоки, признаки и результаты	448
<i>Чернышова Д.С.</i>	
Фронт и тыл в изданиях периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	451
<i>Шанина О.Н.</i>	
«Коммунисты арестовывают друг друга». Борьба за власть в г. Ярославле накануне июльского восстания 1918 г.	455
<i>Шаронин Д.А.</i>	
Топливный кризис в России и участие Теплотехнического института в его преодолении. 1918–1925 гг.	458
<i>Шеянова М.Е.</i>	
«Счастье в труде»: Церковь и рабочий вопрос в конце XIX — начале XX в.	462
<i>Шилова Р.Р.</i>	
Благотворительность Русской православной церкви в годы Первой мировой войны: региональный аспект	465
<i>Шувалова А.Н.</i>	
Воздухоплавание в 1930-е гг. в СССР (по материалам заседаний Политбюро)	469
<i>Яковенко В.А.</i>	
Проверка лиц польского происхождения в судебно-следственных комиссиях Вооруженных сил Юга России (1918–1920 гг.)	473
<i>Яковлева И.А.</i>	
Деятельность Новгородской губернской комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей за 1919–1927 гг. (по материалам Государственного архива Новгородской области)	476
<i>C. Pinto</i>	
The Neapolitan Civil War (1860–1870). A historical interpretation	480
Список организаций	485
Сведение об авторах	487

Научное издание

Гражданские конфликты и гражданские войны в истории

**Исторические документы и актуальные проблемы археографии,
источниковедения, российской и всеобщей истории нового
и новейшего времени**

Сборник материалов
Восьмой международной конференции
молодых ученых и специалистов
«*Clio-2018*»

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 22.03.2018
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,5.
Тираж 160 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)